

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

802-11
280

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

ИЗДАВАННОЕ ПЕРВОМЪ

Журналъ *Журналъ* *наша*

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

СЫНЪ ОТЯВЕСТА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ СЪВРЕМЕННОСТИ И НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го мая 1850 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

Цензоръ Н. Елагинъ.

Редакторъ К. Масальскій.

Издатель К. Жериковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ КНИГИ.

	Стр.
Май	12—18

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. К. Ма- сальскаго.	1—8
---	-----

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія.	1—31
Извѣстія съ Кавказа.	32—35
Иностранныя извѣстія.	36—114

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Легкомысліе и раскаяніе. Повѣсть Р. З.	1—78
--	------

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Маркиза Соммервиль. Романъ Жюль-Сандо. Часть I.	1—64
---	------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Лафатеръ и его учене. *А. Б—скаго*. . . . . 1—17
 Биографическіе очерки знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. III. Томасъ Бланшаръ, изобрѣтатель вальтельной машины. Соч. *В. Карелина*. . . . . 18—24

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

47. Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка. Соч. *А. Бобровникова, Бакалавра*. — 48. Исторія черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ, изд. *В. Шестака*. — 49. Греческія стихотворенія. *П. Щербинь*. — 50. Историческій очеркъ общихъ гражданскихъ учреждений Новороссійскаго-Края. *Комарницкаго*. — 51. Русская Фауна или описаніе и изображеніе животныхъ. Сост. *Ю. Симашко*. — 52. Двѣ жизни или казаться и быть. Соч. *Миссъ Макинтошъ*, пер. съ англійскаго. *А. Нишмовой*. — 53. Творенія Тертуліана. Перев. *Е. В. Кариньева*. — 54. Краткая Исторія Церкви *В. Нордова*. — 55. Поѣздка на Синай. *А. Уманца*. — Библиографическое извѣстіе. . . . . 1—40

С М Ъ С Ъ.

Адамсово открытіе планеты Нептуна. (Извлечено изъ недавно вышедшаго англійскаго сочиненія Джемса Джервуда). Пер. съ англійскаго *П. Карелина*. — Примѣчаніе Редакціи. — Ирландскія фермы. — Лондонскій почтамтъ. — Походная жизнь въ Африкѣ. (Записки французскаго офицера). — Старья бабущи Абу-Кассема. Арабская сказка. — Двойникъ. Истинное происшествіе. — Двѣ страшныя тайны. Разсказъ Поль-де-Кока. *Новости ученаго міра*. Опредѣленіе скорости движенія свѣта неастрономическимъ путемъ. — Соединеніе Парижа съ Лондономъ помощью электрическаго телеграфа. — Нѣсколько словъ о чернидѣ. — Золотоносная розсыпь на Борнео. — Сухое молоко. — Потребленіе свѣтлѣнаго газа въ Великобританіи. — При-

вилегированная машина для печенія хлѣба. — Золоченый и серебряный шолкъ. — Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ. — Меньелевъ нажимъ. — Добываніе поташа безъ сожиганія дерева. — Литой мраморъ у древнихъ. — Искусственный горючій матеріалъ. — Новый способъ травленія стали и мѣди. — Грибъ-*Sputaria alba*. — Некристаллизованный алмазь. — Химическія измѣненія яйца во время развитія зародыша. — Платина въ Альпійскихъ горахъ.

Городская почта. Похожденія провинціала въ столицѣ. — Приѣзжіи. — Колокольчики. — Иванъ Ивановичъ. — Дядюшка и племянникъ. — В. В. и Н. В. Самойловы. — Бѣги. — Вызовъ. — Утренній Костюмъ. — Портные. — Увеселенія въ посту. — Излерь. — Пассажъ. — Вѣстанъ. — Человѣкъ бывалый. — Саргісіо «Камаринская» М. И. Глинки. — Рубинштейнъ. — Францъ Францовичъ Космополитскій. — Вишневка и лавить. — Кавось и Бавери. — Сеймуръ Шифъ. — Михайловъ и Артемовскій. — Кашевскій. — Концертъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ. — *Аллегро* графа М. Ю. Вельгорскаго. — М. В. Шиловская. — А. А. Тришатная. — А. О. Львовъ. — Глѣбовъ. — Концертъ въ пользу семейства Варламова. — З. П. Башинская. — Живыя картины. — Лотереи. — Базаръ въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія. — Русская изба. — Продавцы. — Концертъ съ живыми картинами въ домѣ Галлера. — Карты. — Стихи еше новаго поэта. — Книгопродавцы. — Исаковы. — Поляковъ. — Какія бываютъ странныя книги. *Русская почта*. О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ. — Время дубленія. — Закалъ. — Сравнительная таблица. — Сбытъ за границей. — Польза для казны. — Обороты. — Золотыя розсыпи. — Куринская долина. — Льняная машина. — Выгоды. — Цѣнность. — Воздѣльваніе чалтыка (Сарачинскаго шшена). — Лучшая почва. — Приготовленіе земли и посѣвъ. — Созрѣніе, уборка и урожай. — Обмолачиваніе и очищеніе.

Иностранная почта. Парижъ. — Лоншанское гульбище. — Весна. — Экипажъ. — Изъ Калифорніи. — Кто былъ, кто не былъ. — Калифорнія вездѣ. — Лоттерея. — Нико или Бадуляръ? — Во снѣ! — Старая басня. — Последняя недѣля поста. — Селамъ. — Вярдо. — Лаблашъ. — Точность и усердіе. — Директоръ и актриса. — Пора ѣхать! — Штрафъ. — Неумолимый соучастникъ. — Брюссель. — Картина Рубенса. — Странная переторжка. — Испанія. — Меахарасъ. — Лунная почъ. — Пляски. — Португалки и Испанки. — Потѣшные огни. — Окорокъ. — *Sola soletta.* — На полу.

Мысль и улыбка. Свѣтскія отношенія. — Беранже и пирожникъ. — Ненужныя письма. — Журналь и газета. — Находчивый портной. — Анекдотъ. — Хвастунъ. — Что такое душа? — Семьдесятъ лѣтъ. — Невымышленное письмо. — Длиннѣйшее имя. — Совѣтъ отца. — Иностранное и Русское слово. — Французскія поясненія для русскихъ. — Тетрадь Наполеона. — Майскія замѣтки: Далія, георгина, гортензія.

✓ Петербургскія моды.

Русскія книги. . . . . 1—162

Къ этой кнѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

М А Й.

Май, по церковному *Maij*, по славянски *травний, травень*, по воложски и словацки *Mej*, по вивдски *Майникъ, Weliki Trauen, Petnik, Shentipachnik*, по кроатски *Косилкъ, Розокруцъ szuiban*, (это названіе май носятъ у многихъ Славянъ). Настоящее свое названіе мѣсяца этотъ получилъ отъ Ромула, который, перемѣнивъ численіе года, начинавшагося послѣ лѣтняго равноденствія, и давъ первому мѣсяцу именованіе марта (*mars*) въ честь бога Войны желалъ, чтобы третій мѣсяць происходилъ отъ названія *majores* (старшинъ), изъ которыхъ состоялъ сенатъ. Въ этомъ мѣсяцѣ, посвященномъ старчеству, запрещено было жениться.

Нѣкоторые производятъ еще названіе мая отъ *Main*, дочери Атласа и Плеіоны и матери Меркурія. Римляне праздновали первый день мая жертвоприношеніями своимъ богамъ или домашнимъ богамъ.

У Евреевъ май считается десятымъ мѣсяцемъ, и называется *пеш*. У Грековъ, которыхъ годъ заключалъ въ себѣ одиннадцать мѣсяцевъ и начинался послѣ лѣтняго равноденствія, май назывался *таргеліонъ* и состоялъ изъ трехъ словъ: *Теро—генъ—элю* (грѣю землю солнцемъ). Май почитается самымъ лучшимъ мѣсяцемъ года, въ который все оживаетъ, все цвѣтеть, и потому, почти у всѣхъ народовъ, были въ честь его разныя празднества. У древнихъ Славянъ праздни-

вались богъ *Ярило* и богиня *Жива*. У нынѣшнихъ Грековъ, въ первый день мая, косятъ траву и посыпаютъ ею пороги домовъ, а также увѣшиваютъ стѣны и окна гирляндами. Простонародная Англія, которой климатъ такъ дорого продаетъ цвѣты, также празднуетъ май и возить по улицамъ украшенное лентами и свѣжими растѣніями дерево, окруженное наряженными *sweeper-boys* (трубочистами). Въ Испаніи одѣваютъ молодую дѣвушку въ бѣлое платье, увѣнчиваютъ зеленью и цвѣтами и сажаютъ на возвышенное мѣсто. Дѣвушка эта представляетъ собою Маію, плеяду юга, которая родилась недалеко отъ этой прекрасной и богатой страны.

Въ наше время, у насъ остались еще нѣкоторыя древнія обыкновенія праздновать май. Это завиваніе вѣнковъ въ Троицкѣвъ день и Семякъ.

Вотъ чтó говоритъ поэтъ Авзоній о маѣ:

«Май даритъ насъ льномъ, цвѣтами и наполняетъ улья наши медомъ.» Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что вообще въ маѣ зацвѣтаютъ конопель, чечевицу, фасоль, полбу, воздѣлываютъ масляничныя растенія и стригутъ овецъ и ягнятъ. У Поляковъ существуетъ слѣдующая примѣта о плодородіи мая:

Suchy Marzec, mokry Kwiecień, chłodny Maj będzie żyto jako gay.

То есть:

Сухой мартъ, мокрый апрѣль и прохладный май наполняютъ житницы.

У всѣхъ принято называть май мѣсяцемъ розъ. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать этого. У насъ бываютъ не майскія, но іюньскія розы, а праздники розъ еще поздне, въ сентябрѣ, и то на одной Королевой дачѣ.

Въ маѣ мѣсяцъ солнце все выше и выше поднимается на нашемъ сѣверномъ небѣ, и 9 мая вступаетъ въ знакъ Близнецовъ, находящійся въ наше время въ созвѣздіи Тельца. Въ Санктпетербургѣ солнце:

	восходить	заходить
1 Мая въ 3 ч. 31 м.		8 ч. 23 м.
10 » » 3 ч. 11 м.		8 ч. 43 м.
30 » » 2 ч. 42 м.		9 ч. 17 м.

День прибудеть съ 1 по 31 числа на 1 ч. 44 м. — Такъ какъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ солнце опускается подъ петербургской горизонтъ менѣе чѣмъ на 18°, то у насъ собственно ночей не бываетъ, а отъ заката до восхода солнечнаго, продолжаются сумерки.

Первая четверть луны 6 мая;

Полнолуніе 14 числа;

Послѣдняя четверть 22 числа;

Новолуніе 29 мая.

Мая 7 случилось вечеромъ весьма любопытное небесное явленіе. Луна приблизилась къ планетѣ Юпитеру, и вдругъ это блестящее свѣтило, не доходя до освѣщеннаго луннаго края, на половину луннаго поперечника, исчезло среди небеснаго пространства. Это произошло отъ того, что Луна прошла между Землею и Юпитеромъ такъ, что всѣ эти три небесныя тѣла находились на одной прямой линіи; а такъ какъ Луна, по причинѣ своей относительной къ намъ близости, кажется намъ кружкомъ, въ 2000 разъ, большимъ чѣмъ Юпитеръ, то, естественнымъ образомъ, послѣдній скрылся за Луну. Но въ это время Луна была въ первой четверти, такъ что только правая половина ея круга была освѣщена; къ Юпитеру же она приблизилась лѣвою, темною половиною, которою и закрыла его: вотъ почему блестящая планета внезапно исчезла на ночномъ небѣ, не коснувшись еще освѣщеннаго края Луны.

Меркурій есть одна изъ тѣхъ планетъ, которыя весьма трудно отыскиваются безъ помощи трубъ. Великій Коперникъ, открывшій истинный порядокъ мірозданія, умирая въ преклонныхъ лѣтахъ, еще на смертномъ одрѣ своемъ, сожалѣлъ, что ему никогда не удалось видѣть Меркурія. И въ самомъ дѣлѣ,

эта планета такъ близка къ солнцу, что почти всегда теряется въ его огнистыхъ лучахъ; по этому видимость Меркурія простыми глазами принадлежитъ къ рѣдкимъ случаямъ, когда Меркурій находится въ наибольшемъ своемъ, восточномъ или западномъ, удаленіи отъ солнца. Мая 4 случилось одно изъ такихъ удаленій, и Меркурія можно было найтти скорѣ послѣ солнечнаго заката, на сѣверо-западномъ небѣ, гдѣ онъ, не смотря на свѣтлыя вечернія сумерки, являлся блестящею звѣздочкою (между рогами созв. Тельца). Въ пынѣшнемъ году эту планету можно надѣяться вновь увидѣть около 12 октября, во время утреннихъ сумерекъ.

Венера является, въ маѣ, свѣтлою звѣздочкою, блестящею близко на сѣверо-западномъ горизонтѣ, вслѣдъ за закатомъ солнца, и постоянно дѣлается все лучше и лучше видимою.

Юпитеръ красуется блестящею вечернею звѣздою, по вечерамъ, на западѣ. Онъ является раньше всѣхъ прочихъ звѣздъ на небѣ.

Что касается до созерцанія ночнаго неба, то въ нашихъ сѣверныхъ странахъ короткія майскія ночи слишкомъ свѣтлы для того, чтобы въ подробности разсматривать звѣздное небо. Одиѣ только свѣтлыя звѣзды первыхъ трехъ величинъ могутъ быть предметомъ созерцанія любителя не вооруженнаго зрительною трубою.

Часовъ въ одиннадцать, когда вечернія сумерки потемнѣютъ, на самомъ западѣ, видна закатывающаяся свѣтлая звѣзда 1 величины, называемая *Прокіонъ* и находящаяся въ созвѣздіи *Малаго Пса*. Правѣе и повыше, на сѣверо-западѣ, видны двѣ близкія, одна къ другой, яркія звѣзды, въ косвенномъ положеніи къ горизонту: это *Касторъ* и *Поллуксъ* или такъ называемыя *Близнецы*. Вправо отъ нихъ, на сѣверѣ, горитъ яркая *Капелла*, звѣзда 1 вел. въ созвѣздіи *Возничаго*.

Надъ блестящимъ Юпитеромъ является созвѣздіе *Льва*, замѣчательное по многимъ большимъ звѣздамъ и о которомъ мы поговоримъ съ нашими читателями въ-послѣдствіи, потому-что

въ этомъ созвѣздіи есть много интересныхъ свѣтилъ. Въ-во отъ Юпитера видна звѣзда 1 вел., *Спика* или *Колосъ Льва*.

Высоко на небѣ, почти надъ нашею головою, горитъ красный *Арктуръ*, въ созвѣздіи *Ботеса*; а лѣвѣе его, на восточномъ небѣ, красуется свѣтлая, бѣлая звѣзда, называемая *Альфою Лирь*. Эта послѣдняя звѣзда, одна изъ ярчайшихъ звѣздъ сѣвернаго неба, замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ что мы знаемъ довольно точно, какое именно разстояніе отдѣляетъ ее отъ насъ. По изысканіямъ Директора пулковской Обсерваторіи, Академика Струве, *Альфа Лирь* удалена отъ насъ на разстояніе слишкомъ

100000,000,000,000 верстъ!!!

Чтобы понять это ужасное разстояніе, всю огромность этого числа, должно вспомнить, что отъ Петербурга до Тифлиса, несмотря на всѣ изгибы и повороты дорогъ, можно уложить плотно въ рядъ только

3,000,000,000

песчинокъ, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть не болѣе одной десятой части линіи въ поперечникѣ. Даже на разстояніи 13 тысячъ верстъ, отдѣляющихъ Петербургъ отъ Петропавловскаго порта, на восточномъ берегу Камчатки, нельзя уложить въ рядъ болѣе

20,000,000,000

такихъ мелкихъ песчинокъ. А это послѣднее число въ 5000 разъ менѣе числа верстъ, отдѣляющихъ насъ отъ звѣзды *Альфы Лирь*. Но всего удивительнѣе то, что эта звѣзда есть одна изъ самыхъ близкихъ къ землѣ, и, за весьма немногими исключеніями, всѣ остальные звѣзды находятся еще несравненно далѣе!

Подъ яркою *Лирою*, немного вправо, пять яркихъ звѣздъ созвѣздія *Лебедя*, имѣютъ видъ продолговатаго креста. Ниже *Лирь*, поправѣе ея, видна свѣтлая звѣзда *Атаиръ*, въ созвѣздіи *Орла*.

Надъ нашею головою, на сѣверо-западѣ, видно созвѣздіи *большой Медвѣдницы*, столь характерное положеніемъ семи

яркихъ звѣздъ. На стѣверѣ видны созвѣздія *Персея* и *Кассіопеи*.

Въ началѣ мая, пока еще видѣнъ яркіи Прокіонъ, замѣчается на западномъ небѣ треугольникъ, котораго южный уголъ составляетъ звѣзда 2 величины—*Альфардъ* или *Сердце Гидры*, западный уголъ звѣзда *Прокіонъ*, а восточный звѣзда 1 вел. *Регуль*, въ созвѣздіи *Лова*.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи.

Послѣ договора 30 января 1667 года, заключеннаго на съѣздѣ, въ деревнѣ Андрусовѣ, полномочными послами, о перемиріи между Россією и Польшею, Царь Алексѣй Михайловичъ, заботясь о защитѣ Россіи противъ турецкаго султана, къ которому гетманъ Дорошенко, еще до заключенія означеннаго перемирія, обратился съ просьбою о принятіи Малороссіи въ покровительство Порты,—рѣшился отправить къ королямъ испанскому и французскому посольство съ извѣстіемъ о заключенномъ съ Польшею перемиріи, и съ предложеніемъ войти съ Россією въ дружественный союзъ, чтобы соединеніемъ всѣхъ государей христіанскихъ

держатъ въ страхѣ Турцію и крымскаго хана, и достигнуть освобожденія единовѣрныхъ намъ Грековъ и всѣхъ Христіанъ изъ-подъ власти Турокъ, поклонниковъ Магомета. Такова была главная дѣль посольства.

Посланными были назначены стольникъ Петръ Ивановичъ Потемкинъ и дьякъ Семень Румянцовъ. Въ свѣтъ посольства находились семеро дворянъ, переводчиковъ, торговыхъ иноземцевъ Иванъ Госенць, и трое подъячихъ.

Въ то время правилъ Посольскимъ Приказомъ извѣстный въ исторіи бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Онъ далъ посламъ тайный наказъ о дѣйствіяхъ ихъ и переговорахъ въ Испаніи, и предписалъ имъ руководствоваться тѣмъ же наказомъ и во Франціи, куда они изъ Испаніи должны были отправиться, для переговоровъ съ королемъ Людовикомъ XIV и съ его министрами.

Этотъ любопытный, во многихъ отношеніяхъ, наказъ нигдѣ доньше не былъ напечатанъ. Онъ сохранился въ старинномъ, современномъ посольству спискѣ, который въ числѣ многихъ другихъ старинныхъ рукописей достался автору настоящей статьи отъ его прадѣда. Въ этой же рукописи помѣщены вслѣдъ за наказомъ: 1) Записки посланниковъ Потемкина и Румянцова, которыя они вели въ Испаніи и во Франціи, и которыя они представили боярину Ордину-Нащокину по возвращеніи своемъ въ Россію; 2) Царскія грамоты, отправленныя съ посланниками къ королю испанскому, Филиппу IV, и королю французскому, Людовику XIV; 3) переводы съ отвѣтныхъ грамотъ, присланныхъ къ Царю Алексію Михайловичу королями испанскимъ и французскимъ; и 4) подробное исчисленіе расходовъ, употребленныхъ посланниками для исполненія возложеннаго на нихъ порученія.

Надѣемся угодить читателямъ Сына Отечества, напечатать всю эту любопытную рукопись въ нашемъ журналѣ, съ подстрочными, въ нужныхъ случаяхъ, примѣчаніями. Изъ нея читатели увидятъ обряды и правила, какія соблюдались предками нашими при посольствахъ; увидятъ государственный умъ боярина Ордина-Нащокина, который въ рукописи титуруется: *«Намѣстникъ Шатскій, Царскій большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ*

дѣль оберегатель»; увидятъ наконецъ оригинальный, но вмѣстѣ вѣрный взглядъ на все, что наши посланники, согласно тайному наказу, замѣтили въ Испаніи и во Франціи. Взглядъ этотъ, при обширхъ, преувеличенныхъ понятіяхъ о необразованности нашихъ предковъ, часто возбуждаетъ удивленіе. Старинный слогъ рукописи еще болѣе возвышается, во многихъ отношеніяхъ, ея занимательность, и своимъ простодушіемъ, своею наивною нерѣдко заставляетъ улыбаться. Спросимъ въ заключеніе: для кого, изъ образованныхъ читателей, не будетъ любопытно разсмотрѣть вѣрную, неподдѣльную, подлинную картину русской дипломатіи семнадцатаго столѣтія? На этотъ вопросъ, отвѣтъ, кажется, не нуженъ.

К. МАСАЛЬСКІЙ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ СТОЛЬНИКУ ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ И ДЬЯКУ СЕМЕНУ РУМЯНЦОВУ.

Лѣта 1667 іюня въ 4 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, велѣлъ Стольнику и Намѣстнику Боровскому Петру Ивановичу Потемкину, да Дьяку Семену Румянцову, ѣхать для своего Государева дѣла къ Испанскому Олиппу, да ко Французскому Лодвику Королемъ въ посланникахъ.

А напередъ быти имъ у Испанскаго Олиппа Короля.

А съ нимъ Петромъ во дворянехъ 7 человекъ, а кто имяны и пвемамъ ихъ списокъ данъ имъ особо.

Да для перевода и толмачества торговой иноземецъ Иванъ Госенць, да подъячихъ 3 человекъ.

А съ Москвы итти имъ въ Ерославль, да на Вологду, а съ Вологды къ Архангельскому городу, а отъ Архангель-

скаго города моремъ на икрыномъ кораблѣ въ испанскую землю куда ближе и податнѣе.

А по городамъ къ воеводамъ объ отпускѣ ихъ Великаго Государя грамоты посланы.

А отъ Архангельскаго города на чьемъ имъ кораблѣ итти и о томъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамота къ Архангельскому городу и Думному Дворянину и Воеводѣ къ Ивану Ивановичу Чедаеву да къ Дьяку послана.

И Стольнику Петру Ивановичу и Дьяку Семену ѣхать съ Москвы не мѣшка нигдѣ, а приѣхавъ на Вологду взяти ему у Стольника и Воеводы у Стенана Зубова, да у Дьяка у Микноора Бакунина суды какъ имъ мочно поднятца и кормщиковъ и гребцовъ, и ѣхать къ Архангельскому городу потомужъ не мѣшкая, а котораго числа на Вологду приѣдутъ и съ Вологды поѣдутъ и о томъ для вѣдома отписать къ Великому Государю къ Москвѣ.

А какъ они приѣдутъ къ Архангельскому городу и имъ говорить Думному Дворянину и Воеводѣ Ивану Ивановичу и Дьяку, чтобъ по указу Великаго Государя отпустили ихъ въ испанскую землю на кораблѣ безъ мотчанія.

Да какъ Думной Дворянинъ и Воевода и Дьякъ корабль имъ, на которомъ ѣхать, приготовить велѣтъ и отъ Архангельскаго города отпустить, и имъ на томъ кораблѣ и ѣхать.

А въ которомъ числѣ къ Архангельскому городу приѣдутъ и отъ Архангельскаго города за моря пойдуть, и на чьемъ кораблѣ и что отъ того корабля дано будетъ найму и до которыхъ мѣсть и что провѣдаютъ у иноземцевъ, которые будутъ у Архангельскаго города всякихъ вѣстей, и имъ о томъ о всемъ отписать къ Великому Государю подлинно.

Да какъ они Петръ и Дьякъ Семень отъ Архангельскаго города въ испанскую землю пойдуть моремъ, и имъ выспрашивать на которыя мѣста ближе и податнѣе и безъ

* Купеческій корабль, отвозившій ежегодно изъ Архангельска въ Италию грузъ астраханской икры.

страшнѣе ийти и которые бѣ Государи черезъ свои земли пропустили и задержанья имъ не учинили.

А будетъ имъ ѣдучи до испанскаго государства случится ѣхать котораго Государя землею или курфирстровъ и удѣльныхъ князей владѣнными и вольными городами, и буде которые Государи или князи и вольныхъ городовъ бурмистры и ратманы и полатники велѣтъ имъ быть у себя или учнутъ ихъ спрашивать откуда они и къ которому Великому Государю ѣдутъ и для какихъ дѣлъ или будетъ учнутъ ихъ звать къ себѣ гости.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену велѣти имъ говорить: посланы они отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, отъ Его Царскаго Величества къ брату его къ Великому Государю къ Филиппу Королю Испанскому о ихъ государскихъ общихъ дѣлахъ, которыя настоятъ къ ихъ государственой братской дружбѣ и любви; а къ великимъ государемъ королемъ и курфирстромъ и арцыкняземъ и вольныхъ городовъ къ бурмистромъ и ратманомъ о пропускѣ ихъ послана съ ними отъ Царскаго Величества проѣзжая грамота, какъ ведется у всѣхъ великихъ государей, и они государи королѣи и курфирстры или какіе владѣтели для Царскаго Величества любви велѣли ихъ пропускати къ великому государю Королю Испанскому, къ его королевскому величеству, безъ задержанія, со всякимъ поможательствомъ, и кормъ и подводы и провожатыхъ давать имъ велѣли; а которыми ихъ буде людямъ случится ѣхать черезъ российскія государства, и Великій Государь нашъ Его Царское Величество ихъ людей потомужъ велѣтъ пропускать и задержанія нигдѣ имъ никакого не будетъ; да проситися къ Испанскому королю, чтобъ ихъ къ его королевскому величеству велѣли пропускать не задерживая, а ни къ кому къ нимъ не ходить.

А какъ ажъ дастъ Богъ придуть они испанскія земли въ которой порубежный городъ и буде пришлютъ къ нимъ того города державецъ или иной какой приказной человекъ

и учнуть у них спрашивать изъ котораго они государства и къ кому ѣдутъ и для какихъ дѣлъ, и имъ того города къ державцу или кому будетъ приказано послать говорить, что посланы они Петръ и Дьякъ Семень отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя отъ Его Царскаго Величества, изъ великаго россійскаго царствія къ великому государю ихъ, къ Филиппу Королю Ишпанскому къ его королевскому величеству въ посланникахъ о ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ, которые настоять къ ихъ государской братской дружбѣ и любви наскоро, и онъ бы державецъ объ ихъ пріѣздѣ къ великому государю своему къ его королевскому величеству отписалъ и давъ имъ кормъ и подводы и пристава, отпустилъ ихъ не задержавъ и провожать ихъ велѣлъ до того города, гдѣ нынѣ великій государь ихъ его королевское величество.

Да какъ они Петръ и Дьякъ Семень будутъ въ томъ городѣ, гдѣ будетъ король, и буде пришло къ нимъ кого отъ короля на встрѣчу и учнуть встрѣчники ихъ спрашивать отъ кого они и для чего присланы.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену говорити встрѣчникомъ таковажъ рѣчь, какъ велѣно говорить въ первомъ порубежномъ городѣ.

Да какъ ихъ Петра и Дьяка Семена поставятъ въ томъ городѣ на дворѣ и пристава дадутъ и посланникомъ Стольнику Петру и Дьяку Семену приказывать съ приставомъ королевскаго величества къ думнымъ людямъ, чтобъ великій государь ихъ его королевское величество, царскаго величества съ грамотою велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ. И буде королевскіе думные люди къ королю пустить ихъ вскорѣ не похотятъ, а учнуть говорить, чтобъ имъ напередъ быть царскаго величества съ грамотою или безъ грамоты, у котораго думнаго человѣка и объявить дѣло о чѣмъ они отъ царскаго величества къ государю ихъ къ его королевскому величеству присланы.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену къ королевскимъ ду

нымъ людямъ приказать: присланы они отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, отъ Его Царскаго Величества къ брату его къ великому Государю ихъ къ его королевскому величеству, а не къ нимъ думнымъ людямъ, и имъ царскаго величества посланникамъ не бывъ у великаго Государя ихъ у его королевскаго величества, къ нимъ думнымъ людямъ ходить не пригоже, да и ни въ которыхъ христіанскихъ государствахъ того не бываетъ, что не бывъ у того Государя, къ которому кто посланъ, напередъ ходить и дѣла объявлять думнымъ людямъ и тѣмъ государскія чести не понижаютъ и надъ кѣмъ того не вымогаютъ, и чтобъ королевское величество велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ и царскаго величества грамоту принять и посольства ихъ выслушать самъ, какъ имѣется у всѣхъ великихъ Государей, къ ихъ высокой чести и славі.

И буде королевскіе думные люди учнуть къ нимъ приказывать, что Государь ихъ его королевское величество въ молодыхъ невырослыхъ лѣтахъ, а всякія посольскія дѣла вѣдаютъ и пословъ и посланниковъ принимаютъ и отпускаютъ они думные люди или правители, и для того имъ Царскаго Величества посланникамъ быть они у себя и велять.

И посланникомъ Стольнику Петру и Дьяку Семену къ королевскимъ думнымъ людямъ или къ правителямъ не ходить, а приказывать: хотя великій Государь ихъ его королевское величество въ невырослыхъ лѣтахъ, однакожъ имъ не бывъ у его королевскаго величества и не видя его очей, къ нимъ думнымъ людямъ ходить и дѣла объявлять не наказано потому, что они присланы отъ Великаго Государя, отъ его Царскаго Величества къ брату его, къ великому Государю ихъ къ его королевскому величеству, и наказано имъ про его Царскаго Величества здоровье его королевскому величеству сказать, а его королевскаго величества здоровье видѣти и къ любительной дружбѣ подвижность объявить, и они къ королевскаго величества думные люди до Государя своего, до его королевскаго величества донесли, чтобъ имъ велѣлъ свои королевскаго величества очи видѣти вскорѣ и царскаго величества грамоту у нихъ принять и посольства ихъ изво-

лилъ выслушать самъ, чтобъ между ихъ великихъ Государей ихъ государская братская дружба и любовь множилась и прибавлялась. Да одиночно въ томъ стояти накрѣпко и о томъ у думныхъ людей отговаривать.

Да какъ имъ у короля быть велятъ и имъ приказати съ приставомъ къ королевскимъ думнымъ людямъ, что они у королевскаго величества на посольствѣ быть готовы, только бѣ то время, какъ они на посольствѣ будутъ у великаго государя ихъ, у его королевскаго величества, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

Да какъ имъ скажутъ, что у короля въ то время, какъ имъ быть, иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не будетъ, и Стольнику Петру и Дьяку Семену къ королю на посольство ѣхать и Великаго Государя грамоту къ королю на дворъ везти подъячому, а при королѣ въ палатѣ, какъ время доидеть, взять грамоту Дьяку Семену и поднести стольнику Петру, а Стольнику Петру поднести королю въ камбѣ.

И Стольнику Петру, пришедъ въ палату, правити королю отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца поклонъ, а мольбу:

Бога въ троицѣ славимаго милостию Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Исковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ государствъ, и Великій Князь Новагорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея сѣверныя страны повелитель и Государь Иверскія земли, Карталиинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наследникъ и Государь и обладатель, вамъ братъ своему пресвѣтлѣйшему и велеможному великому Государю Донъ Филиппу, Божіею милостию королю Касти-

лійскому, Леонскому, Аррагонскому, обоехъ Сыцыли ¹, Ерусалимскому, Португальскому, Наварскому, Гранацкому ², Толецкому ³, Валенскому, Галиццыйскому, Маллорцкому ⁴, Савиллійскому ⁵, Сарденскому, Кордовскому, Корсегатцкому ⁶, Мурційатцкому ⁷, Халскому ⁸, Алгарвскому, Алгетцкому ⁹, Гибралтарскому, и острововъ Канарскихъ и Индѣй восточной и западной и острова Тарафирма ¹⁰ и окіяна моря, Арцъбарцуху ¹¹ Аустриискому, Арцуху Бургунскому, Брабанскому и Миланскому ¹², Графу Апенсурскому ¹³, Фландерскому, Тиролскому и Варселонскому, Государю Виццанскому ¹⁴ и Малинскому ¹⁵, Вашему Королевскому Величеству велѣлъ поклонитися и свое государское здоровье вамъ брату своему сказати, а ваше брата своего здоровье видѣти.

И поклонитися по обычаю рядовымъ поклономъ, и буде король спроситъ про Государево здоровье, и Петру мольбу: какъ мы побѣхали отъ брата вашего, Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ царствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наследника и Государя и обладателя, отъ Его Царскаго Величества, и братъ вашъ, Великій Государь нашъ, Его Царское Величество на своихъ великихъ и пре-

¹ Обѣихъ Сицилій.

² Гренадскому.

³ Толецкому.

⁴ Мальоркскому (de Mallorca).

⁵ Севильскому.

⁶ Корсегскому (de Corsica).

⁷ Мурейскому (de Murcia).

⁸ Хаенскому (de Jaen).

⁹ Алхесирасскому (de Algeciras).

¹⁰ Терра-Фирмы.

¹¹ Эрцгерцогу.

¹² Миланскому.

¹³ Габсбургскому.

¹⁴ Бискайскому.

¹⁵ Молинскому (de Molina).

славныхъ государствъ Россійскаго царствія, далъ Богъ, въ добромъ здоровьѣ.

А буде Король противъ Великаго Государя ияни не встанеть и о здоровьи не спроситъ или и спроситъ сидя, а шляпы не снявъ, и Петру мольте канцлеру, который объявляетъ, которые послы и посланники и гонцы хаживали отъ великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, отъ предковъ Великаго Государя нашего, такожъ и отъ отца Его Царскаго Величества блаженныя памяти отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Осодоровича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и отъ его Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества къ братьямъ ихъ ко окрестнымъ великимъ Государямъ цесарямъ Римскимъ и къ нынѣшнему великому Государю Леопольду, Цесарю Римскому, къ его Цесарскому Величеству и къ инымъ христіанскимъ и мусульманскимъ Государямъ, и какъ они отъ Царскаго Величества поклонъ и посольства правили, и великіе государи всѣ въ то время Царскаго Величества про здоровье спрашивали, стоя и шляпу снявъ, а Ваше Королевское Величество Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, къ именованію не всталъ или о здоровьи не спросилъ или и спросилъ о здоровьи, а сидя и шляпы не снявъ, или велѣлъ спроситъ ближнему человѣку, а какъ учнется дѣлать, такъ и мольте, и то въ Великомъ Государѣ къ брату своему, къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству окажется не любовью.

И буде королевскіе думные люди учнутъ говорить, что Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, еще не въ рослыхъ лѣтахъ, про здоровье Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, спросити и стояти не сможетъ, и они бѣ въ томъ на Его Королевское Величество не подивили, что то учинено не съ хитрости, и Петру и Дьяку Семену ближнимъ людямъ говорити: хотя Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, и не взрослыхъ лѣтахъ и Царскаго Величества про здоровье спросити и стояти не сможетъ, и на то время мочно имъ ближнимъ людямъ Его Королевское Величество и на рукахъ поддержать и шляпу снять впрядь на памяство и выговора о томъ, учинити смо-

тра по тамошнему дѣлу, какъ бы Великаго Государя имени было къ чести и къ повышенію и къ поиску впрядь дружбы, и не къ разорванію.

Да буде Король про Государево здоровье спроситъ, вставъ и шляпу снявъ.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену сказавъ про Государево здоровье, какъ писано выше сего, подати Королю Великаго Государя грамоту.

А мольте:

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наследникъ и Государь и обладатель, прислалъ къ вамъ, брату своему, къ Великому Государю, къ Вашему Королевскому Величеству, свою Царскаго Величества любительную грамоту.

И грамоту поднести королю въ камкѣ.

И какъ король грамоту приметъ или велитъ принять и поднести къ себѣ канцлеру, и Стольнику Петру и Дьяку Семену грамота подати пришедъ близко Короля.

И какъ ихъ Король позоветъ къ рукѣ, и имъ къ рукѣ идти.

А послѣ того явити Королю отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, поминки *.

А мольте:

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наследникъ и Государь и Обладатель къ вамъ, брату своему, пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему Великому Государю Филиппу, Божию милостією Королю Кастильскому и иныхъ, къ Вашему Королевскому Величеству, прислалъ любительныя поминки.

Да подати поминки по росписи, безъ дѣвы, отнявъ ярлыки.

* Подарки на память.

А послѣ того говорити рѣчь о дѣлахъ, росписавъ на двое.

А польоть:

Божією милостию Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество, вамъ, пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему Великому Государю брату Своему, Вашему Королевскому Величеству, велѣлъ говорити: вѣдомо вамъ, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, что отъ древнихъ, нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія были Великіе Государи прародители наши, отъ рода Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною, отъ сродичей нашихъ, отъ Великаго Князя Рюрика, отъ Великаго Князя Владиміра Святославича, и отъ Великаго Государя и Великаго Князя Владиміра жъ Всеволодовича Мономаха, отъ Грекъ высокодостойнѣйшемъ украшеніемъ главы честь восприемнаго, даже и до Великаго Государя повсюду хваламъ превысокаго блаженныя памяти прадѣда нашего, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Юанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, и сына его Великаго Государя дѣда нашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всея Россіи Самодержца и до отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя праведнаго въ милости и истиннѣ изрядно возсіяшаго и великостольнѣйшаго и неизсечетнымъ къ хваламъ достойнаго греческою вознесенною славою и честью въ наслѣдіе отъ рода въ роды Богомъ вѣнчаннаго Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея великія Россіи Самодержца и многихъ государствъ Государя и обладателя, и Великихъ Государей высочайшихъ родителей нашихъ во всѣхъ великихъ государствахъ нмя славится и великая Россія отъ года въ годъ, съ подлежащими великими государствами во благихъ преумножается, и многіе окрестныя великіе Государя любительную и спомощную ссылку съ нами, Великимъ Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ имѣють,

а съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, любительныя ссылки даже до сего времени, за отдаченіемъ странъ или по волѣ всеильнаго Бога, во ожиданіи лучшаго времени, удержаны были. А нынѣ, по премногому всемогущаго Бога христіанскому роду милосердію, мы, Великій Государь, наше Царское Величество, съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, къ братской дружбѣ и любви и къ любительной и спомощной ссылкѣ подвижны есмы. А что отъ продолжительныя войны желаемый покой между нами Великимъ Государемъ нашимъ Царскимъ Величествомъ и братомъ нашимъ наисвѣтлѣйшимъ Великимъ Государемъ Яномъ Казиміромъ, Королемъ Польскимъ, его Королевскимъ Величествомъ, и между нашихъ обоихъ великихъ государствъ и многочисленными христіанскими народами учиненъ есть, въ общихъ посольскихъ сѣздахъ, на перемирье на тринадцать лѣтъ, на шесть мѣсяцовъ, и оное Богомъ спомощное христіанское дѣло у обоихъ нашихъ великихъ и полномочныхъ пословъ и комисаровъ въ надежду вѣчнаго и неразорваннаго покоя и впредь непорушимаго и некончаемаго перемирья, изъ чего быти имѣеть и совершеніе вѣчнаго мира договорено и утверждено, прежде объявивъ вамъ, Великимъ Государямъ братѣи нашей и черезъ самихъ насъ, Великихъ Государей, нашими государскими особами передъ Святымъ Евангеліемъ во всемъ вѣроу утвердить бы въ уставленные сроки впредь черезъ пословъ нашихъ, для крѣпчайшаго совершенія призвати Государей христіанскихъ посредниковъ на умиреніе, изъ которыхъ мы, Великій Государь, наше Царское Величество, ближайше и усерднѣе имѣемъ Леопольдуса, Цесаря Римскаго, брата нашего, его Цесарскаго Величества, въ миротворителяхъ неотложно желаемъ быть, а надѣемся мы, Великій Государь, наше Царское Величество, что вы, братъ нашъ, Великій Государь, ваше Королевское Величество, сіе наше любительное объявленіе въ пріятство почтете, и не сумнѣваемся, что ваше Королевское Величество, яко Государь христіанскій, за общую христіанскую утѣху принявъ, и не меньше оныхъ о вѣчной дружбѣ съ нами, Великимъ

Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ, вѣдая дражайшаго и любезнѣйшаго Великаго Государя Леопольдуса, Цесаря Римскаго, брата нашего, Его Царскаго Величества, непремѣнную и некончаемую братственную спомочную дружбу и любовь, похочешь имѣти и доброхотственнымъ соседомъ и другомъ быти.

И нынѣ мы, Великій Государь, наше Царское Величество, послали къ вамъ, брату своему, къ Великому Государю, къ вашему Королевскому Величеству, съ нашею Царскаго Величества любительною грамотою посланниковъ нашихъ, Стольника и Намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина да Дьяка Семена Румянцова, и наказали имъ про наше Великаго Государя, нашего Царскаго Величества здоровье вамъ, брату нашему, Великому Государю, вашему Королевскому Величеству, сказать, а ваше Великаго Государя здоровье видѣти, и нашу Царскаго Величества подвижность вашему Королевскому Величеству къ любительной дружбѣ объявити и о иныхъ надлежащихъ дѣлахъ къ той же обонхъ насъ, Великихъ Государей, дружбѣ и любви предложить.

И вамъ бы, брату нашему, Великому Государю, вашему Королевскому Величеству, отъ нынѣшняго времени съ нами, Великимъ Государемъ, съ нашимъ Царскимъ Величествомъ, въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ быти, яко настоять къ лучшему; а мы, Великій Государь, наше Царское Величество, съ вами, братомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ, хочемъ быти въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, какъ и съ иными окрестными Великими Государя христіанскими.

А буде послѣ посольства королевскіе ближніе или думные люди учнутъ къ нимъ приказывать, которую они Царскаго Величества грамоту будучи на посольствѣ Королевскому Величеству подали, и тѣбъ Царскаго Величества грамоты перевести у нихъ некому, и учнутъ спрашивать: есть ли у нихъ съ той Царскаго Величества грамоты списокъ по латынѣ или по нѣмецки, и буде есть, и они бѣ тотъ списокъ дали. И посланникамъ Стольнику Петру и Дьяку Семену списокъ имъ дать, каковъ съ ними посланъ по латынѣ.

А буде Королевскаго Величества ближніе или думные лю-

ди послѣ того учнутъ имъ посланникомъ говорить, что Великаго Государя Его Царскаго Величества въ грамотѣ, которая прислана къ Великому Государю и къ Его Королевскому Величеству съ ними посланники королевское именованіе и титуло писано не противу того, какъ самъ себя описуетъ.

И Петру и Дьяку Семену говорити: вѣдомо имъ самимъ, что у Великихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества съ Великимъ Государемъ и съ его Королевскимъ Величествомъ ссылокъ по сіе время не бывало и Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству подлинно про то не вѣдомо, какъ Великій Государь и Его Королевское Величество въ своихъ грамотахъ описуется, а какъ ажъ дастъ Господь, Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству ихъ посланниковъ отпустить и свою Королевскаго Величества съ ними пошлетъ и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество брата своего, Великаго Государя Вашего Королевскаго Величества, именованіе и титуло въ своихъ Царскаго Величества грамотахъ впредь писати учнетъ во всѣхъ потому, какъ Великій Государь самъ себя въ своихъ грамотахъ описуетъ, да и въ любительной нынѣшней грамотѣ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству писано.

А какъ они будутъ у Короля на посольствѣ, а въ той же палатѣ въ то время будетъ Королевскаго Величества ихъ Королевна.

И посланникамъ Стольнику Петру и Дьяку Семену отъ Великаго Государя Королевѣ поклонъ правити жѣ.

А мольба:

Божіею милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, вамъ Великой Государыни, имя рекъ, Божіею милостию Королевѣ, Вашему Королевскому Величеству, велѣтъ поклонитися и свое Царскаго Величества здоровье

сказать, а ваше Королевина Величества здоровье видѣть и васъ Великую Государыню поздравить.

А отъ Великой Государыни Царицы и Великой Княгини Маріи Пльиничны Королевъ поклонъ правитя жъ.

А молитъ:

Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества супруга, Великая Государыня наша Царица и Великая Княгиня Марія Пльинична вамъ Великой Государынѣ, Вашему Королевскому Величеству велича поклонитися и свое Государское здоровье сказать, а ваше Королевина Величества здоровье видѣть и васъ Великую Государыню поздравить.

А буде Королева позоветъ ихъ къ рукѣ, и имъ къ рукѣ ити.

А буде Король пришлетъ къ нимъ со столомъ, и имъ на королевскомъ жалованьи бити челомъ.

А буде Король позоветъ ихъ къ себѣ ѣсть.

И посланникомъ Стольнику Петру и Дьяку Семену приказать къ королевскимъ думнымъ людямъ, что они у Королевскаго Величества у стола быть готовы, только бѣ въ то время, какъ имъ у стола быть, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было, а буде въ то время будутъ Королевскаго Величества иныхъ государей послы и посланники и гонцы, и имъ у Королевскаго Величества у стола быть немочно.

А какъ имъ приставы скажутъ, что въ то время у Короля, какъ имъ быть у стола, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не будетъ.

И имъ за столъ ѣхать.

А каковъ ихъ къ Королю на дворъ будетъ проѣздъ и съ кѣмъ именованъ пришлетъ по нимъ Король лошадей или кареты и кто будетъ отъ Короля во встрѣчѣ и изъ какого чину и какова у стола будетъ и имъ честь и кто станетъ ихъ подчивать и что съ ними Король или изъ ближнихъ людей поговорять, и имъ то все записать подлинно, а противъ королевскихъ и ближнихъ людей словъ держать отъ

вѣтъ остерегательно, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ повышенью.

А за столомъ сидѣть имъ отъ Короля вѣжливо и остерегательно.

А буде Король сидя въ столѣ учнетъ пить чашни про здоровье Царскаго Величества.

И про Государей Царей здоровье.

И Петру и Дьяку Семену въ то время столѣ и про Государское здоровье чашни у Короля принимать и пить, вышедъ изъ за стола и вышивъ чашу поклонитися рядовымъ поклономъ.

А буде Король учнетъ чашни присылать съ чашинки, имъ чашни принимать, а пить про Государское и про Королевское здоровье вышедъ же изъ-за стола и челомъ удари Королю, быти за столомъ по прежнему.

А буде Король пришлетъ послѣ стола къ нимъ кого подчивать съ питьемъ.

И имъ питье принимать и пить у того, кто съ тѣмъ питьемъ будетъ присланъ подчивать и подарить чѣмъ пригожо.

А буде Королевскаго Величества душные люди послѣ посольства ихъ, велитъ имъ быть на королевскомъ дворѣ или кто изъ нихъ къ нимъ на дворъ приѣдутъ и учнутъ ихъ посланниковъ спрашивать оиречь тѣхъ дѣлъ, что они на посольствѣ Великому Государю ихъ, Его Королевскому Величеству объявили иные дѣла, съ ними какіе наказаны и какъ Великій Государь, Его Царское Величество съ Государемъ и съ Его Королевскимъ Величествомъ хочетъ быть въ братской дружбѣ и любви и въ ссынкѣ и на какове мѣрѣ и чтобъ они посланники про то имъ объявили.

И посланникомъ стольнику Петру и дьяку Семену къ королевскимъ думнымъ людямъ приказати, что они у нихъ въ отвѣтъ быть готовы, только бѣ имъ напередъ надобно быть у Королевскаго Величества на дворѣ и видѣть Его Королевскаго Величества очи и челомъ ударить на Его Королевскаго Величества жалованье за столѣ, а быть у Королевскаго Величества и къ нимъ думнымъ людямъ въ отвѣтъ пойдутъ.

Да какъ имъ Король велитъ быть у себя на дворѣ и у думныхъ людей въ отвѣтъ и посланникамъ къ Королю на дворъ ѣхать, а напередъ съ пристава приказать по прежнему, чтобъ въ тотъ день и въ то время, какъ имъ быть у Королевскаго Величества иныхъ Государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было.

И пришедъ къ Королю бити челомъ на Его Королевскомъ жалованьи, что они были у его королевскаго стола или буде Король присылалъ къ нимъ со столомъ.

А послѣ того идти въ отвѣтъ къ думнымъ людямъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Господню Министру Финансовъ.

Согласно съ представленіемъ вашимъ, разрѣшаю васъ, на основаніи Указа, даннаго Правительствующему Сенату 10-го августа 1849 г., приступить къ выпуску въ обращеніе XXIV разряда билетовъ Государственнаго Казначейства, на три миліона рублей серебромъ, съ назначеніемъ теченія процентовъ по онымъ съ 1-го апрѣля сего 1850 г.; о чемъ вышете вы учинить надлежащее распоряженіе и донести Правительствующему Сенату.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою на-
писано:

«НИКОЛАЙ.»

Въ С.-Петербургѣ, марта 24-го дня 1850 года.

— Въ-слѣдствіе ходатайства Начальника Новгородской губерніи о распространеніи на г. Кириловъ права представлять каменные зданія въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношенію съ г. Министромъ Финансовъ, вошелъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ. Имѣя выпискою изъ журнала Комитета, 14 и 28 минувшаго февраля, сообщено ему, что Государь Императоръ, по положенію Комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ: распространить и на г. Кириловъ право представлять каменные зданія въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы преимущество это, дарованное тѣмъ городамъ, по 1347 ст. Св. Зак. Гражд. т. X, ограничено было мѣстными надобностями Новгородской губерніи.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всенеподлиннѣйшій докладъ Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената о порядкѣ производства торговли, *мильиель положили*: докладъ сей утвердить, и въ-слѣдствіе того: I. Для отклоненія недоразумѣній и въ видахъ пользы казны, при производствѣ торговъ на подряды, поставки и прощ., въ поясненіе и дополненіе 1575 и 1580-й статей Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X), постановить слѣдующее: 1) Если къ назначенному отъ казны, на подрядъ или поставку, торгу никто не явится, или явится одно только лицо, а въ день переторжки будетъ нѣсколько желающихъ торговаться, въ такомъ случаѣ переторжку обращать въ торгъ, назначая за тѣмъ новую переторжку чрезъ три дня, и 2) Если въ опредѣленные для торга и переторжки дни никто не явится, или явится одно только лицо, то производившее вызовы мѣсто представляетъ о семъ своему Начальству, отъ разрѣшенія коего зависѣть уже будетъ или сдѣлать новые вызовы, или принять другія мѣры, или же, наконецъ, оставить дѣло и за однимъ, бывшимъ на торгѣ и переторжкѣ лицомъ, когда предложеніе его оно признаетъ для казны выгоднымъ. II. Правила сіи не распространяются на Министерствѣ Военное, которое въ совершеніи казенныхъ заготовленій, посредствомъ подрядовъ съ торговъ, руководствуется узаконеніями, палоченными въ Сводѣ военныхъ постановленій части, IV, кн. I., въ раздѣлѣ III-мъ (Высочайше утверждено 20 февраля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всенеподлиннѣйшій докладъ

Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената по дѣлу о сборѣ, въ пользу городскихъ доходовъ, съ контрактовъ и условій, въ которыхъ не означается договорной суммы, *мильиель положили*: докладъ сей утвердить, и, въ-слѣдствіе того, въ дополненіе подлеченныхъ статей Свода Законовъ, постановить правиломъ, чтобы при запискѣ у городскихъ мажеровъ договоровъ о наймѣ мальчиновъ въ заводные сидѣльи и объ отдахъ ихъ въ обученіе торговлѣ и ремесламъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ контрактовъ, которые по закону могутъ быть заключаемы безъ означенія договорной суммы, и кои, по силѣ ст. 140 Устава о Помѣщикахъ (Св. Зак. т. V), должны быть писаны на крѣпостной гербовой бумагѣ въ 90 коп. сер. лнсть, взимаемо было, въ пользу городскихъ доходовъ, по процентамъ съ высшей суммы, въ какой установлено писать акты на бумагѣ помѣнутаго достоинства, и именно съ 300 руб. сереб. (Высочайше утверждено въ 20 день февраля).

— По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ г. Министра Государственныхъ Имуществъ, что по всенеподлиннѣйшему докладу его о томъ, что въ губерніяхъ Екатеринбургской и Харьковской нѣкоторыми Государственными крестьянами въ прежнее время разведенъ были собственными трудами лѣсъ, который они просить предоставить имъ однимъ въ пользованіе, Его Императорскаго Величества, въ 6-й день марта, Высочайше повелѣть соизволилъ: «въ видахъ поощренія къ лѣсоразведенію во всѣхъ вообще малоземельныхъ губерніяхъ, предоставить Государственнымъ крестьянамъ право разводить на свободныхъ и неудобныхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ мѣстахъ, съ согласія общества, лѣсъ, съ оставленіемъ сихъ мѣстъ въ пользованіи тѣхъ крестьянъ потомственно, доколѣ плантаціи сіи будутъ ими поддерживаться; въ случаѣ же истребленія отобрать разведенный лѣсъ въ пользу сельскихъ обществъ».

Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 1-й день марта, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По случаю оказавшейся необходимости ввести на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ разныя новѣйшія усовершенствованія въ выдѣлкѣ монеты, составлены были въ Министерствѣ Финансовъ проекты новаго Положенія и Штата сего Двора, которые въ 1845 г. представлено было Министру Финансовъ привести въ дѣйствіе съ 1846 г., въ видѣ опыта,

на четыре года. Нынѣ, по разсмотрѣнн въ Государственномъ Совѣтѣ представленныхъ вновь Министромъ Финансовъ Положенія и Штата означеннаго Двора, въ исправленномъ, по указаніямъ четырехлѣтняго опыта, видѣ, Мы утвердили оныя, и препровожда въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ привести въ надлежащее исполненіе».

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что онъ имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе, не пзмѣняя ни учебнаго плана Философскаго Факультета Дерптскаго Университета, ни таблицъ испытанія, самый Факультетъ раздѣлить на два особые Факультета, въ слѣдующемъ видѣ:

Историко-Филологическій Факультетъ:

Теоретическая и практическая философія.

Краснорѣчіе, древне-классическая филологія, эстетика и исторія художествъ.

Исторія литературы, древне-классическая филологія и педагогика.

Русскій языкъ и словесность.

Статистическія и географическія науки.

Историческія науки.

Науки камеральныя, финансовыя и торговлн.

Физико-Математическій Факультетъ:

Чистая математика.

Прикладная математика.

Астрономическія науки.

Теоретическая и опытная физика.

Теоретическая и опытная химія.

Ботаника.

Минералогія.

Зоологія и сравнительная анатомія.

Экономія и технологія.

При такомъ раздѣленн, попрежнему, избирать двухъ Декановъ: одного для Историко-Филологическаго, а другаго для Физико-Математическаго Факультетовъ.

Его Императорское Величество, на всеподданнѣйшей докладной запискѣ о семъ, въ 13 день марта, Собственноручно написать изволивъ: «Исполнить».

— Государь Императоръ, въ 13 день мннувшаго марта, Высочайше повелѣть соизволивъ: учрежденный въ 14 день мая 1826 года Комитетъ устройства учебныхъ заведеній закрыть.

— Г. Министръ Народнаго просвѣщенія сообщилъ г. Министру Юстиціи, что съ Высочайшаго соизволенія, онъ имѣлъ счастье докладывать Его Императорскому Величеству соображенія свои по предмету прнѣсенія къ Дерптскому Университету Именнаго Высочайшаго указа 11 октября прошлаго года, касательно порядка опредѣленія въ прочіе Университеты Ректоровъ и Декановъ, и испрашивалъ соизволенія Его Величества: силу и дѣйствіе Именнаго Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 11-й день октября прошлаго года, распространить и на Ректора Дерптскаго Университета, на слѣдующемъ основаніи:

1) Ректора въ этотъ Университетъ избирать Министру Народнаго Просвѣщенія изъ лицъ, имѣющихъ ученья степени, на неопредѣленное время, и представлять на Высочайшее утвержденіе.

2) Службу сего Чиновника, состоящаго по росписанію должностей въ пятомъ классѣ, отнести къ учебной, съ присвоеніемъ ему всѣхъ преимуществъ, которыми пользуются профессоры.

3) Освободивъ за тѣмъ Ректора отъ обязанности преподаванія по званію профессора, несовѣстной съ непосредственнымъ начальствомъ надъ Университетомъ, производить ему жалованья 1,600, столовыхъ 400 и квартирныхъ 200, а всего двѣ тысячи двѣсти рублей въ годъ, со включеніемъ въ то число 285 руб. 92 коп., составляющихъ нынѣ прибавочный ректорскій окладъ, и съ обращеніемъ недостающихъ тысячь девяти сотъ четырнадцати руб. восьми коп. на счетъ Государственнаго Казначейства.

Его Императорское Величество, на всеподданнѣйшей докладной запискѣ о семъ Князя Ширинскаго-Шахматова, въ 13 день марта, Собственноручно написать изволивъ: «Исполнить».

— Въ слѣдствіе представленія Начальника Сибирской губерніи, объ оказаніи нѣкоторыхъ льготъ и пособій жителямъ сказанной губерніи по случаю неурожая, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Министромъ Финансовъ и Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ, входилъ съ представленіемъ по этому предмету въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положе-

нню коего, Государь Императоръ, въ 13 день марта, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Вносъ слѣдующихъ платежей отъ помѣщиковъ Симбирской губерніи во займамъ ихъ изъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Государственнаго Заемнаго Банка и мѣстнаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, отсрочить до 15 декабря 1850 года, съ причисленіемъ всей суммы, какая накопится за это время, къ капитальнымъ долгамъ, для уплаты равными частями въ остальные сроки займовъ, но съ тѣмъ при томъ, чтобы помѣщики, которые будутъ имѣть дѣйствительную необходимость въ таковой отсрочкѣ, предварительно представляли о семъ свидетельства Уездныхъ Предводителей Дворянства, Начальникомъ губерніи утвержденныхъ.

2) По мнѣніямъ же, замеченнымъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, допустить на вышеизложенномъ основаніи, отсрочку платежей до 15 декабря 1850 г., присоединить, послѣ истечения этого срока, къ капитальнымъ долгамъ только тѣ недоимки, кои причитаются за 1847 и 1848 годы.

и 3) Изъясненную во 2-мъ пунктѣ разсрочку долговъ распространить и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ Симбирской губерніи и состоящихъ въ залогѣ тамошняго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: губернскіе пограничные столбы на шоссе и на большихъ почтовыхъ трактахъ, строить впредь по Высочайше-утвержденному, 19 января сего года, нормальному чертежу и изложенному на немъ описанію.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ переданное, по Высочайшему повелѣнію, изъ Комитета Министровъ, представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, относительно отсрочки по займамъ изъ Херсонскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, подъ залогъ незаселенныхъ земель, произведеннымъ до изданія новаго по сему предмету закона, и не встрѣвая, и съ своей стороны, затрудненій постановленную для означеннаго Приказа мѣру увеличенія сроковъ займовъ распространить и на прежнихъ заемщиковъ подъ незаселенныя земли, признавъ однако, что по тѣмъ же уваженіямъ, по которымъ, при расписаніи сроковъ, нормальная цѣна таковымъ землямъ уменьшена вполнину противу первоначальной, подлежитъ допускать и предполагаемыя отсрочки на томъ же основаніи; ибо иначе заемщики тѣ воспользовались бы преимуществомъ предъ по-

выми, а капиталы Приказа не имѣли бы благонадежнаго обезпеченія. Въ-слѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положи*лъ: допустить Херсонскому Приказу Общественнаго Призрѣнія по произведеннымъ изъ онаго, до состоянія мнѣнія Государственнаго Совѣта, 14 февраля 1849 года, трехлѣтнимъ ссудамъ допускать, по просьбамъ заемщиковъ, отсрочки на 5-ть и на 9-ть лѣтъ, съ тѣмъ: * во 1-хъ, чтобы въ первомъ случаѣ, т. е. при отсрочкѣ на 5-ть лѣтъ—заемщики вносили ежегодно по равной $\frac{1}{4}$ части капитала съ процентами на остальную сумму долга, а въ послѣднемъ, при отсрочкѣ на 9-ть лѣтъ—въ первый годъ только одни проценты за годъ впередъ, а въ прочіе 8-мъ лѣтъ по равной $\frac{1}{4}$ части капитала, съ процентами же на остальной долгъ, и во-2-хъ, чтобы сумма, къ отсрочкѣ допускаемая, опредѣляема была по расчету установленной поманутымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта нормальной цѣны незаселеннымъ землямъ, т. е. по 1 руб. 50 коп. за десятина. Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 6 марта.

— Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, въ 27 день февраля, Высочайше соизволилъ утвердить Уставъ учреждаемаго въ Тифлисѣ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства *.

— Въ-слѣдствіе ходатайства Г. Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, о продолженіи еще на 5 лѣтъ права производить безпошлинно въ Камчаткѣ иностранную торговлю, Г. Министръ Финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положенію коего, Государь Императоръ, въ 21 день минушаго февраля, Высочайше повелѣть соизволилъ оканчивающійся 6-го августа 1850 года срокъ дозволенію производить въ Камчаткѣ безпошлинно иностранную торговлю на правахъ, постановленныхъ въ Высочайше-утвержденномъ 6-го августа 1828 года положеніи Государственнаго Совѣта, продолжить еще на пять лѣтъ, то-есть по 6 августа 1855 года, на прежнемъ основаніи.

— Г. Управляющій дѣлами Кавказскаго Комитета сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что учрежденная по особому Именному Высочайшему Его Императорскаго Величества Указу, данному Правительствующему Сенату 21 декабря 1849 года, Экспедиція Государственныхъ Имуществъ при Главномъ Управленіи Закавказскаго края, 1 марта 1850 г. открыта и воспріяла свои дѣйствія.

* Означенный Уставъ напечатанъ въ № 31 Сиб. Сенат. Вѣдомостей.

— Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права учредить въ г. Козловѣ пятидневную ярмарку, съ 5-го по 10-е сентября ежегодно.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: дворянству Оренбургской губерніи, за сдѣланное онымъ пожертвованіе 29,916 руб. 30 коп. сер., на содержаніе пѣз процентовъ отъ сего капитала въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ пѣсколькихъ бѣдныхъ сиротъ пѣз дворянъ, — объявить Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

— По взаимному соглашенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Почтоваго Управленія, вмѣсто существовавшихъ въ Курской губерніи, по тракту между городами Бѣлгородомъ, Корочеемъ и Старымъ-Осколомъ станцій: Шляховской, Скороденской и Рождественской, учреждены пять новыхъ станцій: *первая* въ Игуменкѣ, въ 15 верстахъ отъ Бѣлгорода, *вторая* въ Ломовѣ, въ 15 верст. отъ Игуменки и 22 верст. отъ Корочи, *третья* въ Толстой, въ 22 верст. отъ Корочи, *четвертая* въ Шерстовѣ, въ 23 верст. отъ Толстой и *пятая* близъ деревни Этовки, въ 21 верстѣ отъ Старо-Оскола и 20 верстахъ отъ Шерстовки.

— Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ донесъ Государю Императору, что нѣкоторые жители московской столицы изъявили желаніе участвовать въ издержкахъ открытія Измайловской Военной Богадѣльни слѣдующими пожертвованіями:

1) Почетный Гражданинъ, московскій временный 1-й гильдіи купецъ Мазуринъ представилъ 10 тыс. руб. сер., на первоначальное обзаведеніе Богадѣльни мебелью и другими вещами.

2) Московскій 3-й гильдіи купецъ Волковъ принялъ на свой счетъ полную постройку одежды, бѣлья и обуви, по Высочайше-утвержденной 14 декабря 1849 года табели, какъ для призрѣваемыхъ въ Богадѣльнѣ 10 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, такъ равно для прислуги и учреждаемаго при Богадѣльнѣ лазарета, всего по табели на 3,217 руб. 84 коп. сер.

3) Почетный Гражданинъ, Елатомскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Сорокинъ принялъ на себя безвозмездно все продовольствіе призрѣваемыхъ 110 человекъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, со-дня открытія Богадѣльни въ теченіе года, на сумму по табели 2,190 руб. сер.

4) Московскій 3-й гильдіи купецъ Сапелькинъ обязался доставлять безвозмездно потребное для освѣщенія Богадѣльни количество ламповаго масла, со-дня открытія опой по 1-е января 1851 года. Кромѣ того представилъ билетъ Сохранной казны Московскаго Опекунскаго Совѣта, на внесенные имъ на вѣчное время, въ пользу Измайловской Богадѣльни 500 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы проценты съ сей суммы употребляемы были на содержаніе въ Богадѣльнѣ одного пивалюда, служившаго въ одномъ изъ полковъ имени Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича.

Его Императорское Величество, изъявивъ Высочайшее согласіе на принятіе означенныхъ пожертвованій, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: Почетному Гражданину *Мазурину*, *золотую медаль*, для пошенія на шею, на *Александровской лентѣ*, купцу *Волкову*, *золотую медаль*, для пошенія на шею, на *Аннинской лентѣ* и купцамъ: *Сорокину* и *Сапелькину*, Высочайшіе подарки.

— По представленію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и согласно положенію Комитета гг. Министровъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: Почетному Члену Санктпетербургскаго Совѣта Дѣтскихъ Приютовъ и Члену Соревнователю Русскаго Географическаго Общества, Коллежскому Совѣтнику *Голубкову*, объявить Монаршее Его Величества благоволеніе, за постоянное стремленіе его на пользу отечественнаго просвѣщенія и за разныя оказанныя имъ по сей части заслуги.

— Въ Субботу, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, 25 марта, происходила въ Святотроицкомъ Соборѣ Александровской-Лавры Хиротонія Ректора Санктпетербургской Духовной Семинаріи, Архимандрита Христофора, въ санъ Епископа Ревельскаго, Викарія Санктпетербургской Митрополіи. Посвященіе сіе совершено Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ Никаноромъ, съ Преосвященными: Неофитомъ, Митрополитомъ Иліопольскимъ, Іаковомъ, Архіепископомъ Нижегородскимъ, Наопаоломъ, Епископомъ Старорусскимъ, и Евсеіемъ, Епископомъ Винницкимъ.

— Въ Воскресенье, 2-го апрѣля, происходила въ Казанскомъ Соборѣ, хиротонія Ректора Псковской Духовной Семинаріи, Архимандрита Антонія, въ санъ Епископа Волгскаго, Викарія Саратовской Епархіи. Посвященіе сіе совершено Высокопре-

освященнѣйшимъ Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ Никаноромъ съ Преосвященнымъ: Неоптомъ, Митрополитомъ Иліопольскимъ, Яковомъ, Архіепископомъ Нижегородскимъ, Леонидомъ, Епископомъ Костромскимъ, Наонапомъ, Епископомъ Старорусскимъ, Христоворомъ, Епископомъ Ревельскимъ, и Евсеіемъ, Епископомъ Винницкимъ.

— 30-го марта, въ девять часовъ утра, скончалась въ Москвѣ Царца Грузинская, Марія, супруга послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII, родившаяся въ Тифлисѣ 26-го октября 1769 года.

— Санктпетербургскому 3-й гильдіи купцу Дмитрію Гаврилову *Теллеву*, въ свѣдѣствіе представленнаго имъ похвального листа, даннаго отъ лица купеческаго общества 31 июля 1842 года, о похвальной службѣ его по выбору въ 1-мъ Департаментѣ здѣшняго Магистрата Бургомистромъ, г-мъ Санктпетербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 12 апрѣля 1846 года, по собраніи о службѣ г-на Теллева надлежащихъ свѣдѣній, предоставлено званіе *Степеннаго Гражданина*. Поному Санктпетбургское Губернское Правленіе, выдавъ г-ну Теллеву надлежащее свидѣтельство о дозволеніи именоваться тѣмъ званіемъ, публикуемо о семъ повсемѣстно въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

— Съ 1846 года, неизвѣстный благотворитель равновременно сталъ вносить въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совета значительныя суммы, на имя Коломенской и Дмитровской Городскихъ Думъ (Московской губерніи), и препровождалъ въ сказанныя Думы билеты на внесенныя имъ деньги, одну часть ихъ предназначалъ на облегченіе участи бѣдныхъ жителей вышепоименованныхъ городовъ, а другую на вспоможеніе недостаточнымъ дѣвцамъ мѣщанскаго сословія, при выходѣ въ замужество.

Такимъ образомъ, съ октября 1846 года по октябрь 1848 г., Коломенская и Дмитровская Городскія Думы получили отъ неизвѣстнаго благотворителя, каждая по девяносту тысячъ рублей серебромъ (по 75,000 для бѣдныхъ жителей, и по 15,000 для дѣвицъ, выходящихъ въ замужество).

Вышеозначенныя пожертвованія неизвѣстнаго благотворителя и предначертанныя имъ правила объ употребленіи оныхъ приняты были съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и по доведеніи о томъ до свѣдѣнія Государа Императора, Высочайше повелѣно было, въ разное время напечатать о благо-

творительныхъ дѣйствіяхъ неизвѣстнаго лица въ губернскихъ и другихъ вѣдомостяхъ.

Въ 1849 году оказалось, что неизвѣстный благотворитель былъ почетный гражданинъ Михаилъ Ивановичъ *Крашенинниковъ*. При жизни скрывалъ онъ имя свое, и ввезъ въ Московскую Сохранную Казну, сверхъ вышезачисленныхъ суммъ, еще по 30,000 рублей серебромъ, для городовъ Коломны и Дмитрова на вспоможеніе бѣднымъ дѣвцамъ, выходящимъ замужъ, не успѣвъ отпрavitить туда билетовъ, когда послѣдовала его кончина. Билеты найдены были по смерти его душеприкащиками, и переданы по принадлежности. Затѣмъ покойный *Крашенинниковъ* завѣщаніемъ предоставилъ душеприкащикамъ своимъ, сдѣлать изъ оставшагося послѣ него капитала подобныя прежнимъ пожертвованія въ пользу разныхъ городовъ. На семъ основаніи получили города Московской губерніи: Рузы, Волоколамскъ, Звенигородъ, Подольскъ и Воскресенскъ, каждый по 30,000 руб. сер., именно: по 15,000 для вспоможенія бѣднымъ жителямъ, и по 15,000 для выдачи пособій выходящимъ замужъ дѣвцамъ.

Вообще пожертвованы покойнымъ Михаиломъ *Крашенинниковымъ* въ пользу городовъ Московской губерніи, съ 1846 г. по настоящее время, слѣдующія суммы:

для городовъ:	для выдачи		итого:
	для бѣдныхъ жителей:	приданнаго дѣвцамъ:	
	Руб.	Руб.	Руб.
Коломны	75,000	45,000	120,000
Дмитрова	75,000	45,000	120,000
Рузы	15,000	15,000	30,000
Волоколамска	15,000	15,000	30,000
Звенигорода	15,000	15,000	30,000
Подольска	15,000	15,000	30,000
Воскресенска	15,000	15,000	30,000
	225,000	165,000	390,000

По доведеніи о томъ, чрезъ Комитетъ гг. Министровъ, до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорское Величество, по предложенію Комитета, находя, что *Крашенинниковъ* при жизни дѣлалъ разныя пожертвованія даже не отъ своего имени, но отъ лица неизвѣстнаго, и что подобныя примѣры и полезныя дѣйствія заслуживаютъ быть доведенными до всеобщаго

свѣдѣнія, Высочайше повелѣтъ соизволить: о всѣхъ вообще пожертвованіяхъ Крашенинникова напечатать въ газетахъ особою статьею.

— Императорское Археологическое Общество, по предложенію Дѣйствительнаго Члена П. П. Сахарова, предприняло издать *Собраніе надписей съ русскихъ древнихъ памятниковъ до конца XVII вѣка*. Надписи, послѣ лѣтописей и актовъ, составляютъ самый важный источникъ нашей исторіи. Полное собраніе ихъ будетъ главнымъ основаніемъ къ объясненію русскихъ древностей. Онѣ дополняютъ наши родословныя книги, объясняютъ время основанія церквей и монастырей, открываютъ имена художниковъ, занимавшихся въ Россіи искусствами. Надписи объясняютъ частную жизнь русскаго народа, которой не найдемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ. Памятники съ надписями пестреляются непрерывно, а съ потерю ихъ исторія лишается нужныхъ пособій.

Общество, обращаясь нынѣ къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ, занимающимся изученіемъ русскихъ древностей въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, проситъ о сообщеніи извѣстныхъ имъ надписей:

- 1) съ надгробныхъ камней,
- 2) съ колоколовъ,
- 3) съ иконъ и крестовъ,
- 4) съ разныхъ древнихъ здавій,
- 5) съ одеждъ и разныхъ церковныхъ утварей.
- 6) съ пушекъ, пищалей и другихъ ратныхъ доспѣховъ,
- 7) съ металлическихъ издѣлій — кубковъ, блюдь, чашей, братскихъ и проч.,
- 8) съ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Общество желаетъ, чтобы надписи съ русскихъ памятниковъ были списаны съ буквальною точностію, съ монограммами и сокращеніями, и подстрочными знаками.

Желающіе доставлять надписи благоволятъ высылать ихъ въ Санктпетербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

— Въ Земледѣльческой Газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе отъ Министра Государственныхъ Имуществъ: «Въ числѣ вѣрнѣ, принимаемыхъ Правительствомъ къ развитію и усовершенствованію разныхъ отраслей промышленности, одну изъ главныхъ составляютъ публичныя выставки, которыя сначала были открываемы въ Россіи только въ столицахъ, преимущественно для мануфактурной промышленности, но съ 1843

года учрежденіе это, по волѣ Государя Императора, распространено и на сельское хозяйство. Польза открываемыхъ ежегодно, въ разныхъ частяхъ Россіи, выставокъ сельскихъ произведеній очевидна: служа къ опредѣленію степени развитія той или другой отрасли народнаго труда, и указывая на вѣрныя, необходимыя для дальнѣйшихъ успѣховъ, онѣ въ то же время сближаютъ хозяевъ между собою и съ потребителями, знакомятъ сихъ послѣднихъ съ произведеніями, часто дотолѣ или неизвѣстными, и потому не имѣвшими надлежащаго сбыта, даютъ извѣстность труду и изобрѣтательности, и тѣмъ возбуждаютъ соревнованіе—главный двигатель всякаго усовершенствованія.

Нынѣ, для нашихъ хозяевъ, открывается новое средство предстать съ своими произведеніями на судъ всего промышленнаго міра, и въ то же время, не только сблизиться съ главными заграничными потребителями нашихъ сырыхъ произведеній, но и найти новыхъ между жителями тѣхъ странъ, которыя доселѣ еще не были въ постоянныхъ съ нами торговыхъ сношеніяхъ.

18-го апрѣля (1-го мая н. ст.) будущаго 1851 года, откроется въ Лондонѣ всемірная выставка произведеній сельскаго хозяйства и промышленности, которая будетъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ: 1) сырыхъ произведеній; 2) машины всякаго рода; 3) издѣлія мануфактурныя; 4) извальной, модели и вообще произведенія пластическаго искусства.

Учрежденная, по повелѣнію Королевы Великобританской, для управленія этимъ дѣломъ, особая въ Лондонѣ Коммиссія просила наше Правительство о содѣйствіи къ доставленію русскихъ произведеній на всемірную выставку.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество, изъявивъ согласіе на удовлетвореніе желанія англійскаго Правительства, въ то же время Высочайше повелѣтъ соизволить: 1) для сношенія съ англійскою Коммиссіею, и для содѣйствія всѣмъ желающимъ изъ отечественныхъ хозяевъ и мануфактуристовъ въ отправкѣ образцевъ нашего хозяйства и промышленности на всемірную выставку, учредить въ С. Петербургѣ особую коммиссію, по примѣру тѣхъ, которымъ поручалось завѣдываніе бывшими у насъ съ столицъ мануфактурными выставками. 2) Въ отвращеніе трудностей и расходовъ, сопряженныхъ съ перевозкою произведеній Новороссійскаго Края въ С. Петербургъ, предоставить Южному Обществу Сельскаго Хозяйства учредить въ Одессѣ, изъ свѣ-

душихъ лицъ, особую комиссію, на которую возложить всѣ распоряженія по приему и разбору лучшихъ произведеній, и по отправкѣ оныхъ изъ одесскаго порта прямо въ Лондонъ. Южная Комиссія должна дѣйствовать въ видѣ отдѣленія С. Петербургской Центральной Комиссіи, и состоять съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ. 3) Принять на счетъ казны издержки по доставленію въ Лондонъ предметовъ, которые будутъ назначены Центральною Комиссіею въ С. Петербургѣ, и Южною въ Одессѣ. 4) С. Петербургскую Центральную Комиссію составить изъ двухъ отдѣленій: сельско-хозяйственнаго и мануфактурнаго.

Предсѣдателемъ Комиссіи Высочайше назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Тенгоборскій.

Такъ какъ въ числѣ предметовъ, могущихъ быть посланными изъ Россіи на всемірную выставку, одно изъ главныхъ мѣстъ займутъ произведенія нашего земледѣлія и скотоводства, то Министръ Государственныхъ Имуществъ, по лежащей на немъ обязанности пойти о развитіи и поощреніи сельскаго хозяйства въ Россіи, считаетъ нужнымъ о вышеназложенномъ извѣстить нынѣ же хозяевъ, имѣя въ виду, чтобы тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ принять участіе въ лондонской выставкѣ, могли съ наступленіемъ весны, заняться приготовленіемъ лучшихъ изъ своихъ произведеній, и даже сдѣлать, съ этою цѣлью, нарочные нѣкоторыхъ хлѣбовъ посѣвы.

Участіе наше во всемірной выставкѣ должно имѣть главную цѣлью не состязаніе съ однородными произведеніями другихъ странъ, гдѣ и мануфактуры и самое земледѣліе получили уже большее развитіе, но ближайшее и подробнѣе ознакомленіе иностранцевъ съ нашими сельско-хозяйственными произведеніями, изъ которыхъ для многихъ, быть-можетъ, этимъ путемъ откроется новый сбытъ, или усилятся прежній, а другіе будутъ сдѣлана вѣрнѣе оцѣнка ихъ достоинствъ, какъ напримѣръ, нѣкоторымъ хлѣбамъ нашимъ, въ особенности разводимымъ на дѣтвенныхъ почвахъ, исключительно принадлежащихъ въ Европѣ одной Россіи; шерстямъ нашихъ обширныхъ овчаренъ, а въ особенности тѣхъ породъ овецъ, которыя свойственны только Россіи; нѣкоторымъ торговымъ и мануфактурнымъ растениямъ, и пр.

Изъ объявленія, сдѣланнаго Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, уже извѣстно, что въ сентябрѣ настоящаго 1850 года, оно также откроетъ выставку сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ. Предметы, которые за-

служать особое вниманіе на этой выставкѣ, могутъ быть, по желанію представителей, отправлены и на выставку въ Лондонъ. Такимъ образомъ, для хозяевъ открывается возможность ознакомиться съ ихъ произведеніями и отечественную публику, и иностранцевъ. Это представляетъ и то удобство, что срокъ С. Петербургской выставки совпадаетъ съ временемъ, въ которое образцы нашихъ произведеній должны быть отправлены въ Лондонъ, именно, осенью 1850 года, до закрытія судоходства въ С. Петербургѣ.

Лица, которыя пожелаютъ участвовать только въ лондонской выставкѣ, должны будутъ распорядиться такъ, чтобы ихъ произведенія были получены въ С. Петербургѣ не позже августа нынѣшняго года *.

Вслѣдъ за симъ, С. Петербургская Комиссія, по полученіи надлежащихъ объясненій отъ Лондонской, объявитъ во всеобщее свѣдѣніе о качествахъ, въ которыхъ должны быть присылаемы образцы, о способѣ ихъ укладки, о мѣстѣ и времени приема, и вообще обо всѣхъ подробностяхъ, касающихся до этого дѣла.

Независимо отъ сего, сельскіе хозяева обо всемъ, что они сочтутъ нужнымъ предварительно знать въ отношеніи къ доставкѣ ихъ произведеній на лондонскую выставку,—могутъ относиться прямо въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства.

УКАЗАНІЕ ВАЖНѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА, КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ ПОСЛАНЫ НА ВЫСТАВКУ ВЪ ЛОНДОНЪ.

Хлѣбныя и кормовыя произведенія: Рожь (обыкновенная озимая и яровая, ваза, ярница, асприйская, кустовая). Пшеница (озимая обыкновенная, арнаутка простая, желтоколосная, болгарская съ синюю остью, болгарская черноколосная, сендомирка, яровая красная, нарбонская, гирка, бѣлотурка и пр.). Полба (обыкновенная и желтаго цвѣта). Ячмень (озимый, голый, шестирядный). Овесъ (обыкновенный, литовскій, англійскій крупный, камчатскій, картофельный, кустовой, односторонній, черный и др.). Просо (обыкновенное, уральское, египетское и проч.). Боръ. Грѣчиха (обыкновенная, татарская). Горохъ (обыкновенный, крупный, спій и проч.) Чечевица, вика, маша, кукуруза разныхъ сортовъ. Сѣмена разныхъ кормовыхъ травъ, и пр.

* О срокѣ доставленія изъ южныхъ губерній произведеній въ Одессу будетъ объявлено отъ Южной Комиссіи.

Масличные съмена: льняное и конопляное; рапсъ: озимый и яровой; суръпица, макъ, подсолнечникъ, кунжутъ, горчица, клещевина, и пр.

Растенія торговля, мануфактурныя и лекарственныя: шафранъ, сафлоръ, тминъ, анисъ, стручковый перецъ, солодовый корень; хмѣль; табакъ (разнаго рода); красть или марена, вайда, желтеникъ, сары-агачъ, бюрюкозъ, спигъ-агачъ, кермекъ, желтянка, красильная грѣчиха, и пр.

Съѣстные припасы: крупа зеленая ржаная; крупа полбенная, манная, ячная, грѣчневая разныхъ сортовъ; пшено; крахмалъ, патѳка и другія произведенія изъ картофеля. Мясо разныхъ животныхъ, приготовленное разными способами въ прокъ; сыры, бульоны; икра, рыбій жиръ, клей рыбій, вязига; рыба, приготовленная разными способами въ прокъ; орѣхи разнаго рода; горошекъ, ягоды, каперсы, грибы и разныя другія растительныя произведенія, варенныя, сушенныя и инымъ способомъ приготовленныя для сохраненія; медъ въ сотахъ и другияхъ видахъ, и пр.

Произведенія растительнаго и животнаго царствъ, служащія для одежды и другаго употребленія: Ленъ, пенька; коконы и размотанные шелки. Руна (мериносовыхъ овецъ, обыкновенныхъ, цыгайскихъ, донскихъ и др.) Овчины (обыкновенныя, романовскія, карачаровскія, калмыцкія); смушки: плескія, рѣшетловскія, крымскія, сѣрыя и черныя; выпоротки; дубленныя овчины, конскій волосъ, ергакъ, оленья выдѣланныя шкуры; козій пухъ, верблюжья шерсть, шетина разныхъ сортовъ; сало; воскъ; разныхъ родовъ растительныя масла; перья и пухъ птицій, бобровая струя, животный уголь; червьекъ, шпанскія мухи и проч.

Строительныя матеріалы: разнаго рода мраморы и камни, употребляющіеся для построекъ и архитектурныхъ украшеній; цементъ; разнаго рода глины; гидравлическая известь; кирпичъ, черепица; и пр.

Произведенія льстежническія: разнаго рода смолы, скипидаръ, поташъ, деготь, и пр.

Разнаго рода усовершенствованныя земледѣльческія орудія и хозяйственныя машины, приспособленныя къ почвамъ и потребностямъ Россіи.

Пришпаніе. Независимо отъ предметовъ, указанныхъ здѣсь только въ общихъ чертахъ, могутъ быть представляемы и другія сельско-хозяйственныя произведенія, по усмотрѣнію самихъ хозяевъ.

— Высочайше-утвержденное Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, слѣдуя своему назначенію, съ самаго учрежденія своего постоянно изыскиваетъ способы, сколько къ облегченію положенія бѣдныхъ, предоставляемыхъ его участію, столько-же къ устраненію самыхъ причинъ, въ-слѣдствіе которыхъ возникаетъ и развивается бѣдность.

При изслѣдованіи причинъ бѣдности, какъ оказавшихся на самой практикѣ, въ теченіе четырехъ-лѣтняго существованія Общества, оно не могло не убѣдиться, что къ числу важнѣйшихъ изъ сихъ причинъ принадлежитъ болѣзнь, легкая въ началѣ, а потомъ запущенная и обращающаяся въ неизлечимую. Многие люди, имѣя занятія, доставляющія имъ честный и достаточный способъ содержанія, часто переходятъ въ нищенское состояніе, единственно потому, что долговременный недугъ заставляеть ихъ прервать, а наконецъ и прекратить вовсе свои доходныя занятія. Опаснаго такого послѣдствія, они, при небольшомъ разстройствѣ здоровья, не имѣя средствъ пригласить опытнаго врача, для правильнаго пользованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, совѣстясь прибѣгать къ бесплатному врачеванію, или перемогаятъ себя или лечатъ сами, на удачу, единственно по той причинѣ, что родъ занятій, отъ которыхъ зависитъ существованіе сихъ лицъ, не позволяетъ имъ поступать въ какую-либо изъ больницъ.

Между-тѣмъ, есть много болѣзней, въ которыхъ успѣхъ леченія зависитъ единственно отъ скорого и правильнаго пособія, а напротивъ, оставляемыя въ первое время безъ вниманія, или поручаемыя людямъ незнающимъ, болѣзни эти часто припимаютъ такое развитіе, что требуютъ уже постояннаго, систематическаго, и, слѣдствіемъ, весьма-продолжительнаго врачеванія. Не рѣдко также случается, что и это врачеваніе становится безуспѣшнымъ, и тогда больной, потерявъ возможность продолжать обычныя свои занятія, доставлявшія ему способы къ жизни, по необходимости впадаетъ въ полную нищету.

Изъ сихъ изслѣдованій явно истекаетъ необходимость такого заведенія, которое бы устраняло вышеизложенныя неудобства: которое-бы совершенно бѣдному доставляло бесплатное пользованіе, людямъ средняго достатка, — возможность лечиться, хоть несомѣль даромъ, по дешево, — для всѣхъ вообще доступъ къ своевременному, правильному леченію, не препятствующему, въ болѣе части случаевъ, обыкновеннымъ занятіямъ пациента.

Основываясь на сихъ соображеніяхъ и имѣя въ виду пользу, какую можетъ принести въ многолюдной столицѣ подобное заведеніе, Общество посѣщенія бѣдныхъ, при помощи нѣкоторыхъ благотворительныхъ лицъ, предположило учредить *Лечебницу для приходящихъ*. Проектъ сего заведенія, по одобреніи оного Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, былъ представленъ Совѣтомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на Высочайшее благоусмотрѣніе, и Его Императорское Величество, въ 25-й день декабря 1849 года, соизволилъ изъявить Высочайшее согласіе на открытіе здѣсь упоминаемой Лечебницы.

Общество посѣщенія бѣдныхъ, въ чувствахъ благоговѣйной благодарности ко Всемилостивѣйшему Монарху, удостоивающему Своимъ Высокимъ вниманіемъ всякое полезное предпріятіе, посвѣтило принять мѣры къ навозможно-скорѣйшему открытію Лечебницы.

Ближайшее управленіе симъ заведеніемъ возложено на медика Ф. Ф. Фау-лер-Флааса, который дѣятельно способствовалъ Обществу, какъ въ предварительныхъ мѣрахъ для подобнаго предпріятія необходимыхъ, такъ равно и въ самомъ устройствѣ Лечебницы, которое нынѣ приводится къ окончанію.

Квартира для оной напята въ центрѣ города, для удобства приходящихъ, на углу Вознесенскаго-проспекта и Глухаго-переулка, въ домѣ наследниковъ Сольскихъ и Лихонинныхъ.

Основанія сего учрежденія суть слѣдующія:

- 1) Оно предназначается для больныхъ всякими болѣзнями, всѣхъ состояній и возрастовъ, обою пола.
- 2) Въ Лечебницу допускаются больные во всякое время дня и ночи; для чего въ ней безотлучно находится—или самъ управляющій оной врачъ, или помощникъ его, которые обязаны оказывать больнымъ всѣ возможные медицинскія пособія.
- 3) Сверхъ-того, Лечебница имѣетъ консультантовъ изъ извѣстныхъ въ столицѣ врачей, которыхъ благотворительная дѣятельность распределяется соотвѣтственно съ главнѣйшими родами болѣзней, а именно:
  - а) Консультанты по части терапевтической.
  - в) Консультанты по части хирургической.
  - с) Консультанты по части акушерской и женскихъ болѣзней.
  - д) Консультанты по части окулистки, и наконецъ,
  - г) Зубные врачи.

Совѣты Гг. консультантовъ будутъ подаваемы въ особо назначенные часы, о коихъ будетъ ежедневно публиковаться во всеобщее свѣдѣніе.

4) Для экстренныхъ случаевъ, каковы ударъ, ушибъ, вывихъ какой-либо части, переломъ и проч., и вообще для подавія перваго необходимаго медицинскаго пособія, лечебница будетъ имѣть нѣкоторое число кроватей, смотря по надобности, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

За пребываніе больныхъ на сихъ кроватяхъ, платы не полагается никакой.

5) Для обследованія и пособія въ особенныхъ болѣзняхъ женщинъ, Лечебница для приходящихъ будетъ имѣть опытную повивальную бабку, которая постоянно будетъ руководима г. консультантомъ по части акушерской.

6) Для кровопусканія, пристравленія банокъ и проч., Лечебница будетъ имѣть опытныхъ фельдшеровъ.

7) Больные, обращаемыя въ Лечебницу для приходящихъ отъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, будутъ получать вышеобъясненныя медицинскія пособія, какъ равно и самыя лекарства, безденежно.

8) Для поддержанія средствъ Лечебницы, люди состоятельныя платятъ за право полученія всѣхъ возможныхъ медицинскіхъ пособій каждый разъ 30 к. сер.

Всякій благомыслящій человѣкъ убѣдится, что съ открытіемъ этой Лечебницы не надобно уже будетъ, ко вреду себѣ, откладывать медицинское пособіе до другаго дня. Чувствуете себя дурно, идите въ Лечебницу. Вы бѣдны, вамъ окажутъ пособіе даромъ; если въ состояніи, положите ничтожную плату,—и для васъ равно сдѣлаютъ все, что найдутъ полезнымъ, и уходя изъ заведенія вы вынесете въ душѣ то теплое отрадное чувство, что, помогая себѣ—вы сдѣлали доброе дѣло, ибо ваша плата пойдетъ на лекарства бѣднѣйшимъ.

Въ Россіи, гдѣ ни одна добрая мысль не остается втупѣ, Лечебница для приходящихъ наша уже самое живое соучастіе въ общественномъ мнѣніи. Между-тѣмъ какъ извѣстнѣйшіе врачи столицы: Лейбъ-Медики: Н. О. Арендъ, М. А. Маркусъ, В. Б. Шольцъ, Профессоры: Н. И. Пироговъ, А. А. Катеръ, Лейбъ-Окулистъ И. П. Кабатъ, и другіе, изъявили желаніе содѣйствовать успѣхамъ Лечебницы, въ знаніи консультантовъ, лица благотворительныя сдѣлали пожертвованія деньгами и вещами, на первоначальное устройство оной. Но для со-

вершенного обезпеченія издержек столь многосложнаго заведенія, помощь добрыхъ людей еще необходима.

Общество посѣщенія бѣдныхъ имѣетъ постояннымъ правиломъ не докучать никому лично просьбами о содѣйствіи. Оно считаетъ свое дѣло общимъ для всей благотворительной публики, и потому, нуждаясь въ пособіи оной, ограничивается единственно объявленіемъ о своихъ дѣйствіяхъ во всеобщее свѣдѣніе; дѣло должно говорить само за себя, — пусть благотворители рѣшаютъ сами, достойно ли оно ихъ участія. Общество считаетъ долгомъ лишь повторить то, что неоднократно было имъ сказано, а именно: что Общество посѣщенія бѣдныхъ не имѣетъ никакихъ другихъ фондовъ, кромѣ благотворительныхъ приношеній; единственный капиталъ Общества — довѣренность публики; если донынѣ Общество, несмотря на всѣ трудности, съ родомъ его занятій сопряженныя, успѣло списать сію довѣренность, то нѣтъ сомнѣній, что и въ настоящемъ случаѣ оно найдеть въ благотворительныхъ людяхъ ту-же готовность пособить усиліямъ Общества посѣщенія бѣдныхъ.

Приношенія могутъ быть доставляемы въ контору Общества посѣщенія бѣдныхъ, находящуюся въ Ново-Исакиевской улицѣ, противъ Конногвардейскаго манежа, въ домѣ Бремеля въ контору Лечебницы, находящуюся на углу Вознесенскаго-проспекта и Глухаго-переулкa, въ домѣ наследн. Сельскихъ и Лихонныхъ, откуда будутъ тотчасъ выдаваемы въ полу-ченіи денегъ форменныя квитанціи, заведеннымъ порядкомъ.

Имена благотворителей будутъ обнародованы въ газетахъ. Имена оказавшихъ значительныя пожертвованія, по призыву Обществомъ обыкновенно, будутъ выставлены въ пріемномъ залѣ самой Лечебницы.

— 8 апрѣля происходило годовое Собраніе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Въ началѣ засѣданія г. Непремѣнный Секретарь Дѣйств. Стат. Совѣт. Джунковскій прочиталъ составленный имъ отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ 1849 году. Изъ отчета видно Собраніе убѣдилось, что кругъ полезной дѣятельности Общества годъ отъ году расширяется и что Общество привело въ исполненіе многія изъ своихъ предположеній на пользу отечественнаго земледѣлія. Собраніе, выслушавъ со вниманіемъ означенный отчетъ, благодарило г. Непремѣннаго Секретаря.

Читаны и утверждены два списка лицъ, кои, по заслугамъ своимъ по распространенію предохранительнаго оспрививанія въ 1849 году, признаны достойными награды. Первый

списокъ содержитъ имена 26 оспрививателей, изъ коихъ 4 назначены золотыя, а 20 серебряныя медали, для ношенія на груди, на зеленой лентѣ; по второму-же списку 3 лицамъ назначены золотыя медали безъ лентъ, въ видѣ подарковъ. Положено просить Его Императорское Высочество Президентъ объ псходатайствованія Высочайшаго соизволенія на награды по первому списку; объ изготовленіи-же медалей и грамотъ со-общить, кому слѣдуетъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ и согласно представленію Совѣта и Отдѣленій оного, Собраніе утвердило назначеніе медалей въ награду слѣдующимъ лицамъ: 1) Ученому Лѣсничему, Поручику Линдеману, за тщательное составленіе гербарія курляндской флоры, изъ 1000 видовъ растеній, и за принесеніе сего гербарія въ даръ Обществу, — золотой медаль въ 15 черв.; 2) Подольскому мастеру, въ имѣніи г. Члена Общества, Тайнаго Совѣтника А. Е. Жадовскаго, крестьянину Костромской губерніи Галичскаго уѣзда, Маріону Аппкѣву, за тщательное приготовленіе и бѣленіе по бельгійскому способу льняной пряжи и полотенъ самыхъ высокихъ и тонкихъ нумеровъ и за обученіе сосѣднихъ крестьянъ бѣленію по сему способу, большой серебряной медалью; 3) Помѣщичьему крестьянину Московской губерніи, Михаилу Гвоздкову, за старательное приготовленіе въ своей мастерской землѣдѣльческихъ орудій и машинъ и за изобрѣтеніе машинъ для чиненія прудовъ и выемки пней, большой серебряной медалью, и 4) Государственному крестьянину Глаголеву, за изготовленіе весьма хорошей крапки (вытяжки изъ сафлора), — малой серебряной медалью. Положено: по изготовленіи медалей разослать оныя при грамотахъ.

По произведеніи надлежащей балотировки, посредствомъ закрытыхъ билетовъ, большинствомъ голосовъ избраны Членами въ Комиссію для обревизованія денежныхъ отчетовъ, книгъ и документовъ Общества за 1849 годъ, Гг. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ А. Ф. Долголовъ, Статскій Совѣтникъ П. П. Брыковъ и Надворный Совѣтникъ А. К. Меіеръ.

За сѣмъ, на основаніи § 4 гл. IV и § 5 гл. X. Устава Общества, гдѣ сказано, что Предсѣдатели Отдѣленій Совѣта Общества избираются въ годовомъ собраніи балотированіемъ, по предложенію Президента, прочитано было предложеніе Его Императорскаго Высочества Президента о избраніи Предсѣдателя. По произведеніи надлежащей балотировки, всѣ предло-

женныя Его Высочествомъ лица избраны Предсѣдателями Отдѣленій, именно: I-го, *Хозяйственнаго* — Тайный Совѣтникъ А. Я. Голохвастовъ; II-го, *Ученикаго* — Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ Н. А. Жеребцовъ; III-го, *По сельскому доловому и опытному земледѣлю* — Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ А. Н. Муравьевъ; IV-го, *По части рукодѣльной* — Генералъ-Маіоръ М. П. Сакеръ; V-го, *По части лѣсного о сохраненіи здоровья людей и домашнихъ животныхъ* — Тайный Совѣтникъ А. Д. Боровковъ, и VI. *Для поощренія лѣснаго хозяйства* — Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. Я. Фонъ-Фокъ.

Доложено Собранію, что Его Свѣтлость Князь Намѣстникъ Царства Польскаго препроводилъ въ даръ для библіотеки Общества 107 томовъ сельскохозяйственныхъ сочиненій на польскомъ языкѣ, и что Совѣтомъ приняты мѣры, какъ о разборѣ означенныхъ книгъ и о выборѣ изъ нихъ замѣчательнѣйшихъ статей, для перевода на русскій языкъ, такъ и о помѣщеніи сей библіотеки въ отдѣльномъ шкафѣ, съ надписью, что она принесена въ даръ Обществу г. Членомъ онаго, Княземъ Варшавскимъ. Собраніе единогласно постановило: послать г. Намѣстнику отъ имени всего Общества благодарственный адресъ за такое приношеніе.

Чтано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о томъ что согласно съ ходатайствомъ Комитета учреждаемой Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ С.-Петербургской выставки сельскихъ произведеній (имѣющей быть въ сентябрѣ сего года), открыты во-всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ вспомогательные Комитеты, подъ предсѣдательствомъ Гг. Начальниковъ губерній, изъ Гг. Предводителей Дворянства, Управляющихъ Палатами Государственныхъ Имуществъ и Удѣльными Конторами, изъ которыхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, проживающихъ въ губерніяхъ, и такихъ помѣщиковъ, которымъ состояніе мѣстнаго сельскаго хозяйства вполнѣ извѣстно. Назначеніе сихъ губернскихъ Комитетовъ — быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главнымъ Комитетомъ, и содѣйствовать оному, какъ сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній, такъ и указаніемъ производителямъ и хозяевамъ на тѣ предметы, кои желательно видѣть на выставкѣ, а также способствовать и самому отправленію изъ губерній предметовъ на выставку.

Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, препровождая изданное отъ имени Его Сіятельства объявленіе, сообщаетъ по Высочайшему повелѣнію, что великобританское правительство, увѣдомивъ объ открытіи въ Лондонѣ 18-го апрѣля (1-го мая)

1851 года года всемірной выставки для сельскихъ и мануфактурныхъ произведеній, просить, чтобы и русскіе сельскіе хозяева приняли участіе въ этой выставкѣ. Посему для представленія промышленникамъ и хозяевамъ большаго удобства къ отправленію на выставку въ Англію ихъ произведеній, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ соизволить-учредить въ С.-Петербургѣ и Одессѣ особыя Комиссіи для содѣйствія хозяевамъ и фабрикантамъ къ отправкѣ на всемірную выставку образцовъ нашего хозяйства и промышленности; расходы же по доставленію въ Лондонъ сихъ предметовъ принять на счетъ казны. А какъ срокъ, учреждаемой В. Э. Обществомъ въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ сего года выставки сельскихъ произведеній совпадаетъ со временемъ, въ которое русскія произведенія должны быть отправлены на лондонскую выставку, то предметы, которые заслужатъ особаго вниманія на нашей выставкѣ, могутъ быть, по желанію владѣльцевъ, отправлены на счетъ казны и на выставку въ Англію. Въ изданномъ отъ Г. Министра объявленіи помѣнованы важнѣйшіе предметы сельскаго хозяйства, которые могутъ быть посланы на выставку въ Лондонъ.

Собраніе, выслушавъ съ благоговѣнною признательностію извѣстіе о семь новомъ знакѣ Монаршаго поощренія о благѣ русской промышленности, положило передать означенное отношеніе въ Комитетъ выставки, для надлежащихъ распоряженій.

Собраніе разсматривало представленныя г. Флоріаномъ новаго устройства столовые часы, которые заводятся одинъ разъ въ годъ. Часы сіи, изготовленные по заказу г. Вице-Президента Общества, Князя Долгорукова, были испытываемы на Пулковской Обсерваторіи, и по письменному удостовѣренію г. Директора, астронома Струве, оказались весьма вѣрными, ибо въ 24 часа разность составляла только 4 секунды времени. Внутреннее устройство сихъ часовъ отличается между прочимъ отъ обыкновенныхъ часовыхъ механизмовъ тѣмъ, что, вмѣсто колеса, дѣйствуютъ въ немъ два рычага.

Д. Членъ Стат. Совѣт. П. П. Брыковъ представилъ въ даръ для Музеума стальную машину для прививки деревъ, а г. Членъ, садовникъ Императорскаго Таврическаго Дворца Грей, изъявилъ готовность испытать сію машину.

За симъ, по подлежащей балотировкѣ, избраны въ Члены Общества, съ обязанностию вносить установленную плату — Генералъ-Адъютанъ Графъ А. А. Ржевускій, Полковникъ Н.

П. Волковъ, Коллежскій Секретарь В. В. Кочубей, и Прапорщикъ С. В. Марковъ; безъ обязанности вносить плату: Адыккъ Профессоръ Ботаники въ Горьгоръцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ Э. Ф. Рего, и въ Корреспонденты: Ротмистръ Баронъ М. Е. Гейкинъ и помощникъ садовника Императорскаго Таврическо-Ботаническаго сада, Е. Л. Львовъ.

Въ заключеніе розданы присутствовавшимъ разныя полезныя книги.

— По приказанію Его Сіятельства г. Намѣстника Кавказскаго, Комитетъ тифлиской выставки произведеній Закавказскаго Края объявляетъ къ общему свѣдѣнію, что назначена премія въ 100 руб. сер. тому, кто представитъ къ 1-му ноябрю 1850 года машину самаго простаго устройства для очищенія хлопчатой бумаги отъ сѣмянъ, доступную для простаго класса производителей оной.

Машина эта должна быть представлена, со всѣми необходимыми объясненіями, какъ относительно ея устройства, такъ равно и употребленія и цѣнности ея, въ канцелярію Намѣстника Кавказскаго.

— Осетинскій Окружный Начальникъ донесъ, по начальству, что съ 6 на 7 числа марта мѣсяца скатилась съ горы огромная снѣговая лавина, которая погребла подъ собою селеніе Ганатъ, со всѣми жителями и скотомъ, за исключеніемъ одного дома, отстоявшаго отъ селенія на четверть версты. Шестьдесятъ восемь душъ обою пола погибло, тринадцать домовъ разрушено. Двадцать шесть мертвыхъ тѣлъ уже открыто; остальные еще находятся подъ массою снѣга.

Каждая почти зима поглощаетъ подъ лавнами снѣга по нѣскольку семействъ въ горахъ Осетинъ. Почти каждое селеніе подвергается опасности испытать участь Ганата; климатъ суровый, почва скудная, едва дающая средства къ удовлетворенію главныхъ нуждъ жизни, — но ни одинъ Осетинъ не промѣняетъ самаго бесплоднаго клочка своей родины на роскошнѣйшую долину Карталини. Такова общая привязанность Горцевъ, всѣхъ почти племенъ Кавказа, къ мѣстамъ, гдѣ они выросли и гдѣ современемъ должны быть похорены, рядомъ съ могилами праотцевъ. Если случается, что особенныя какія-нибудь обстоятельства побуждаютъ Горцевъ, или жителей долины, въ особенности магометанъ, переселяться на другія мѣста цѣлыми селеніями, или отдѣльными семействами, то умершіе и даже убитые въ сраженіяхъ отвозятся на древнее родное кладбище. Эта самая привязанность къ праху отцевъ, дѣ-

лаетъ весьма рѣдкимъ добровольное переселеніе съ мѣстъ прежней осѣлости.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано: Заграничная торговля при Одесскомъ портѣ оживляется въ нынѣшнемъ году весьма медленно: по слабости требованій на хлѣбъ изъ за границы, по незначительности запасовъ его здѣсь на мѣстѣ и наконецъ по недостатку въ судахъ, въ числѣ которыхъ съ начала года почти вовсе нѣтъ греческихъ, обыкновенно приходившихъ во множествѣ въ это время года, — обороты здѣшней торговли далеко не соответствуютъ еще, въ настоящемъ году, важности, приобрѣтенной Одессою въ числѣ большихъ европейскихъ рынковъ. Въ мѣсяцѣ мартѣ мѣсяцъ цѣнность отпуска изъ Одессы за границу составляла 1,059,212 руб. сер.; пшеницы вывезено 92,125 $\frac{1}{2}$ четв., льнянаго сѣмени 4,625 четв., шерсти 11,140 пуд. и сала 15,398 $\frac{1}{2}$ пуд. Въ цѣнахъ на хлѣбъ не было ощутительной перемѣны. Запасы хлѣба въ зернѣ проставились къ 1-му апрѣля не болѣе какъ до 120 тыс. чет. пшеницы и до 20 или 25 тыс. четв. другихъ сортовъ хлѣба въ зернѣ, и подвозы изъ внутреннихъ губерній до-сихъ-поръ весьма слабы, по трудности сообщеній, — слѣдствію слишкомъ продолжительной зимы. Цѣнность привоза изъ-за границы къ Одесскому порту составляла въ мартѣ: въ товарахъ 470,154 р. и въ монетѣ 64,178 р., всего 534,332 руб. сер.; вывезено иностранныхъ товаровъ изъ Одессы внутрь Имперіи на 228,290 руб. сер. — Судовъ прибыло въ мартѣ 30, а отшло 45; всего-же, по 1-е апрѣля въ приходѣ было 65, а въ отходѣ 68.

— По географическому положенію и мѣстнымъ средствамъ, городъ Александровскъ, въ Екатеринославской губерніи, имѣетъ всѣ удобства, всѣ условія, которые требуются для торговыхъ оборотовъ. Онъ расположенъ въ одной верстѣ отъ Дибра, и въ 12-ти верстахъ отъ окончанія Дибровскихъ пороговъ, слѣдственно, имѣетъ средства къ покупкѣ многихъ товаровъ, отправляемыхъ по этой рѣкѣ; не слишкомъ дальнее разстояніе его отъ г. Харькова способствуетъ къ приобрѣтенію товаровъ другаго рода, доставка которыхъ обошлась бы очень не дорого. Приходя въ соображеніе близость помѣщиковъ и дворянъ цѣлаго уѣзда и большой почтовый трактъ, лежащій чрезъ этотъ городъ, можно бы, кажется, ожидать довольно значительнаго сбыта произведеній разнаго рода, — и при всемъ томъ, городъ Александровскъ такъ скуденъ товарами (не говоря уже о торговлѣ), что помѣщики, живущіе въ

самомъ близкомъ разстояніи, находятъ себя въ необходимости посылать для покупокъ разныхъ хозяйственныхъ потребностей въ городъ Екатеринославль, за сто верстъ и болѣе, потому, что существующая въ городѣ Александровскъ одна лавка краснаго и одна лавка бакалейнаго товара—если только горсть товаровъ можно назвать лавкою, — ни по качеству, ни по количеству не могутъ удовлетворить потребностямъ дѣлако уѣзда. Не менѣе неудобства встрѣчаютъ они въ сбытъ своихъ продуктовъ, которые, по немѣнѣю въ своемъ уѣздномъ городѣ покупателей, вынуждены перевозить для продажи въ города Мариуполь или Бердянскъ, за 200 и болѣе верстъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы узнали теперь, что Одесскій 1-й гильдіи купецъ Городецкій, содержащій питейный откупъ въ Александровскомъ уѣздѣ, оцѣнивъ выгоды, которыя торговля можетъ здѣсь доставить, предпринялъ основать въ городѣ Александровскѣ торговую контору, выстроить каменный домъ, лавки, магазины (рѣдкость, въ городѣ, немѣнѣюемъ ни одного каменнаго зданія), и кромѣ другихъ коммерческихъ дѣлъ, завести оптовый и раздробительный отпускъ товаровъ всякаго рода. Осуществленіе этого намѣренія купцомъ Городецкимъ, удостоившимся неоднократно благоволенія начальства за разные человеколюбивые и торговые подвиги, содержащимъ питейные откупа до 35 лѣтъ сряду и много почтовыхъ станцій и имѣющимъ въ оборотѣ большіе подряды и другія коммерческія дѣла, обѣщаетъ оживить бѣдный, но удобный городъ Александровскъ, и направить и мѣстное купечество его на широкій путь промышленности. Искренно желаемъ, чтобы благое предпріятіе купца Городецкого исполнилось въ возможной скорости; тогда отстранятся, можетъ-быть, для окрестныхъ жителей, помѣщиковъ и дворянъ тѣ затрудненія, которымъ они подвержены теперь, по недостатку торговли въ своемъ уѣздномъ городѣ.

— Въ 1849 г. отпускъ товаровъ изъ Бердянска въ иностранные порты простирается на 1,128,589 руб., противъ 1848 г. на 382,565 р. менѣе, по случаю уменьшенія вывоза пшеницы и льнянаго сѣмена, важнѣйшихъ статей отпуска въ здѣшнемъ портѣ. Въ послѣдніе два года вывезено изъ Бердянска:

	Въ 1848 г.	1849 г.
Пшеницы . . .	199,191	120,342 четв.

Ржан	1,500	—
Сѣмена льнянаго .	23,445	13,069
» сурьпнаго . . .	24,150	4,042
Кожъ невыдѣланныхъ	—	15,131 пуд.
Шерсти овечьей . .	281	13,136

Привозныхъ товаровъ въ Бердянской таможнѣ оплачено пошлиною на 65,138 руб., противъ 1848 г. на 57,621 руб. болѣе.

— Въ «Закавказскомъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее о заграничной торговлѣ Закавказскаго края въ 1849 году.

Общая сложность торговли Закавказскаго края въ 1849 году составляется изъ слѣдующихъ оборотовъ:

	Серебромъ	
	Р.	К.
Привезено товаровъ на	4,488,263	71
Вывезено — —	700,164	98
Привезено монеты —	41,308	90
Вывезено — —	3,477,681	30
<hr/>		
Всего —	8,710,418	89

Обороты сіи въ предшествовавшихъ четырехъ годахъ составили:

Въ 1848 году	8,652,000 р.
— 1847 —	7,601,000 —
— 1846 —	7,365,000 —
— 1845 —	7,887,000 —

Ниже будетъ объяснено, что превышеніе въ 1849 году произошло отъ довольно-значительнаго усиленія привоза товаровъ.

Обороты 1849 года могутъ быть также подраздѣляемы слѣдующимъ образомъ:

По торговлѣ съ Персією, которая производится сухопутно и Каспійскимъ-моремъ.

Привезено товаровъ на	3,380,068	17
Вывезено — —	378,168	28
Привезено монеты —	4,931	—
Вывезено — —	3,412,897	75
<hr/>		
Итого	6,874,994	20

По сухопутной торговлѣ съ Турціею:

Привезено товаровъ на	595,188	90
Вывезено — —	155,688	70
Привезено монеты — —	39,377	90
Вывезено — —	348,654	55

Итого 1,138,910 5

По торговлѣ Чернымъ-моремъ съ некоторыми европейскими и турецкими портами:

Привезено товаровъ на	513,006	64
Вывезено — —	167,308	—
Вывезено монеты — —	16,200	—

Итого 695,514 64

Всего — — 8,710,418 89

Изъ сего слѣдуетъ, что въ отношеніи ко всему обороту торговыхъ сношеній за Кавказомъ, персидская торговля составляетъ 79 на 100; сухопутная турецкая 13 на 100, а черноморская, въ которой заключаются все торговля сношенія края съ европейскими государствами, только 8 на 100. Въ 1848 году обороты состояли въ слѣдующей пропорціи: торговля персидская 77 на 100, турецкая сухопутная 15 на 100, и черноморская, такъ-же какъ и въ 1849 году, 8 на 100. Результаты эти доказываютъ постоянно торговыхъ за Кавказомъ предпріятій, которыя, хотя и усиливаются каждый годъ, по мѣрѣ размноженія народонаселенія и постепеннаго водворенія европейскихъ правъ и обычаевъ, по не менѣе того, остаются до-сихъ-поръ въ одной и той-же соразмѣрности между собою.

— Въ Земледѣльческой Газетѣ помѣщена слѣдующая любопытная таблица цѣнъ на хлѣбъ по губерскимъ и другимъ городамъ около половинны марта 1850 года.

Мука ржаная за пудъ въ 9 пудъ.

Рожь.

Пшеница.

Олеѣ.

Ячмень.

Крупа гречневая.

Пшено.

Горохъ.

Сѣно.

За четверть въ 8 четвериковъ. пуд.

	Р. К.										
Архангельскъ	4	—	—	—	1 90	—	9 60	18	—	—	8
Вятка	2 40	2 5	—	—	1 10	—	—	—	—	—	10
Екатеринославъ	3 30	3 —	4 50	2 30	2 90	—	—	5 60	—	—	11
Казань	2 90	2 35	—	—	1 30	—	4 40	—	—	—	8
Кишиневъ *	3 —	2 30	—	—	2 95	2 80	9 75	8 55	—	—	15
Ковно *	3 65	3 15	7 50	2 —	2 80	5 60	—	—	—	—	20
Кострома	2 80	2 50	5 50	1 10	—	4 70	—	—	—	—	7
Курскъ	1 80	1 60	5 70	1 3	—	3 —	—	—	—	—	—
Митава	—	3 54	6 39	2 4	2 85	—	—	—	—	—	27
Могилевъ	4 85	3 80	5 40	2 10	4 20	5 75	—	—	—	—	23
Москва	2 75	2 30	5 45	2 —	2 60	4 —	6 —	—	—	—	25
Ниж.-Новгородъ	3 60	—	—	—	1 23	—	4 24	—	—	—	9½
Новгородъ	4 28	3 80	—	—	1 80	—	—	—	—	—	—
Петрозаводскъ	4 —	—	—	—	2 70	—	8 —	12 —	—	—	15
Ревель	4 63	4 33	7 —	1 87	2 86	—	—	—	—	—	15
Самбирскъ	2 25	2 10	3 70	—	90	—	3 —	4 50	—	—	4
Смоленскъ	3 10	2 50	5 —	1 40	2 30	4 25	—	—	—	—	12
Гжатскъ	2 80	2 60	—	1 40	2 —	4 10	—	—	—	—	9
Тверь	3 50	3 —	8 14	1 60	2 60	5 70	9 —	—	—	—	—
Черниговъ	2 70	2 40	—	1 25	—	4 —	—	—	—	—	—
Ярославъ	3 15	2 80	—	1 40	—	4 80	7 —	5 —	—	—	10

Цѣны показаны на серебро.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору.

Апрѣля 3. — Гдовскій Уѣздный Предводитель Дворянства въ званіи Камер-Юнкера, Статскій Советникъ Графъ Алексѣй Коповицкій и Старшій Секретарь Сп.-бургскаго Губернскаго Правленія Графъ Александръ Бобринскій Всемилостивѣе пожалованы — первый въ званіи Камергера, а послѣдній въ званіи Камер-Юнкера Императорскаго Двора.

* Кукуруза 3 руб. 30 коп. сер. за четверть.

** Картофель 1 руб. 75 коп. сер. четверть.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Марта 12. Министру Народнаго Просвѣщенія, Сенатору, Тайному Совѣтнику Князю *Ширинскому-Шиматову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Совѣта Женскихъ Учебныхъ Заведеній, съ оставленіемъ и при настоящихъ должностяхъ. Марта 18 Директору Главнаго Педагогическаго Института, Дѣйст. Статс. Совѣтнику *Давыдову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Правленія Училищъ, съ оставленіемъ его и въ настоящей должности. Сенатору, Тайному Совѣтнику *Митусову* Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Главнаго Правленія Цензуры, съ оставленіемъ его и въ настоящей должности. — Марта 22 Члену Общаго Присутствія Морскаго Штандартства, Конгр-Адмиралу *Болю*, Всемилостивѣйше повелѣно быть Исправляющимъ должности: Главнаго Командира Архангельскаго Порта и Архангельскаго Военнаго Губернатора, управляя и гражданскою частію въ Архангельской губерніи. — Апрѣля 6-го Члену Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Тайному Совѣтнику *Сенявину*, Всемилостивѣйше повелѣно быть Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Пожалованы орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира, 2-й степени.

Марта 16. Начальникъ 17 пѣхотной Дивизіи, Генерал-Лейтенантъ *Шербатцкій*.

Св. Анны 1-й Степени, съ Императорскою короною.

Марта 11-го. Измайльскій Комендантъ, Генерал-Маіоръ *Карновичъ*.

Св. Анны 1-й Степени, безъ короны.

Марта 16. Начальникъ Штаба 1 Пѣхотнаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Желтухинъ*. — Сенаторъ, Генерал-Лейтенантъ *Карильевъ*. — Командиръ 2-й Бригады 1-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генерал-Маіоръ *Гладковъ*. — Военный Генерал-Полицеймейстеръ Дѣйствующей Арміи Генерал-Маіоръ *Шенелевъ*. — Командиръ 2-й Бригады 3-й Пѣхотной Дивизіи Генерал-Маіоръ *Самаринъ*.

Пожалованы медалями.

Золотыми, съ надписью: за усердіе, для пошенія на шеѣ: на Александровской лентѣ: Ростовскій (Екатери. Губ.) Градской Глава, 2-й гильдіи купецъ Андрей *Яценковъ*. — На Аннинской лентѣ: Казанскій 3-й гильдіи купецъ *Ложкинъ*. — Бирскіе (Оренб. Губ.) купцы: 1-й гильдіи Данила *Баласвъ* и 3-й гильдіи Пивита *Серебряковъ*.

Серебряною, съ надписью: за усердіе, для пошенія на шеѣ, на аннинской лентѣ: Архангельскій 3-й гильдіи купецъ Егоръ *Плотниковъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Предположенныя пынѣшнюю зимою военныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ нынѣ окончены, съ честью для нашего оружія, съ успѣхомъ превзошедшимъ ожиданія, и для всего края отъ Военно-Грузинской дороги до Кумыкской плоскости.

Послѣ дѣла 6-го февраля, отрядъ, собранный на р. Аргунѣ, дѣятельно продолжалъ вырубку просѣки къ Шалпинской полянѣ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней непріятель, устрашенный попесенными имъ большими потерями, не оказывалъ сильнаго сопротивленія; но 11-го числа, усиленный новыми толпами, прибывшими изъ Дагестана, онъ занялъ снова своими многочисленными сборищами лѣсъ и оврагъ, до вырубленнаго мѣста, и устроилъ завалы и батареи изъ пяти орудій, для встрѣчи колонны, высланной въ этотъ день на рубку подъ командою Полковника Серебрякова. Хотя завалы эти были мгновенно заняты нашими войсками, и Чеченцы отбѣснены въ самую чащу лѣса, однакожь когда колонна заняла позицію и начала работы, непріятельскія толпы опять выдвинулись впередъ и открыли по рабочимъ сильный ружейный и пушечный огонь. Неоднократно пытались они бросаться въ шашки на дѣлп, прикрывавшія рабочихъ, то на правомъ, то на лѣвомъ флангахъ нашего расположенія; но отражаемые и смѣло атакованные, въ свою очередь, въ штыки храбрыми егерями Князя Воронцова полка, они должны были отступить и ограничиться дѣйствіемъ своихъ батарей.

Этотъ жаркій и упорный бой продолжался около 7-ми часовъ; войска наши подъ безпрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ бодро производили работу и по окончаніи оной, возвратились въ лагерь, не бывъ преслѣдуемы утомленными и упавшими духомъ Чеченцами, которые ограничили нѣсколькими пушечными выстрѣлами по аррьергарду.

Въ этотъ день была совершенно окончена Шалпинская просѣка, а 14-го и 15-го числа дѣйствующій отрядъ оставилъ лагерь на правомъ берегу Аргуна и возвратился въ кр. Воздвиженскую. Такимъ образомъ послѣ тяжкихъ, но бодро и неутомимо, въ продолженіе мѣсяца, производимыхъ работъ, почти постоянно подъ непріятельскимъ огнемъ, проложено удобное сообщеніе въ самый центръ Большой Чечни (на разстояніи 12-ти вѣрстъ), и прорублена просѣка шириною въ 700

саженъ. Мы приобрѣли теперь возможность во всякое время года и малыми отрядами дѣлать внезапные набѣги на Шалпинскую поляну, гдѣ не только Чеченцы, но и Дагестанцы добывали прежде главные свои продовольственные запасы и пасли свои стада. Непріятель упоритѣ нежелалъ когда-либо сопротивлялся нашимъ дѣйствіямъ, но это упорство повело его только къ весьма большому урону. По свидѣтельству всѣхъ лазутчиковъ, потеря его, убитыми и ранеными, чрезвычайная, въ особенности въ сборищѣ Талгика и Тавлинцевъ погибли отважнѣйшіе наѣздики и предводители хищническихъ партій.

Положивъ основаніе нашему утвержденію за Аргуномъ, намъ оставалась кончить дѣло въ Малой Чечнѣ. Здѣсь жители, тѣснимые въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оружіемъ нашимъ и постепенною вырубкою просѣкъ, были частью истреблены, другіе же выселились въ горы или въ покорные намъ аулы. На протяженіи между Сунжею и передовою Чеченскою линіею оставались только небольшие хутора и кутаны въ лѣсахъ и болотахъ, которые они считали для насъ неприступными. Эти остатки непріязненнаго населенія на Гойтѣ и на низовьяхъ Валерика были намъ весьма вредны, производя нападенія на команды, посылаемыя за дровами, служа сборными пунктами для хищническихъ партій, которыя пытаются тревожить наши линіи и мирные аулы, и доставляя всѣ продовольственные припасы и сѣно этимъ партіямъ и непокорнымъ Чеченцамъ, которые удалились въ Черныя горы и не находятъ тамъ достаточныхъ средствъ къ существованію.

Чтобы вытѣснить окончательно это непріятельское населеніе изъ его послѣднихъ убѣжищъ, предписано было Г. Главнокомандующимъ по окончаніи дѣйствій за Аргуномъ произвести въ Малую-Чечню набѣги съ трехъ сторонъ, что и было исполнено 17-го февраля одновременно и съ отличнымъ успѣхомъ. Генерал-Маіоръ Баронъ Меллеръ-Закомельскій съ одною колонною атаковалъ внезапно хутора Курманай, на средней Гойтѣ, разогналъ жителей, которые успѣли спастись отъ штыковъ солдатъ, и уничтожилъ ихъ запасы. Двѣ другія колонны, подъ командою Генерал-Маіора барона Вревскаго и Полковника Слѣпцова, направились въ тотъ же день отъ р. Сунжи и отъ укр. Урус-Мартанскаго внизъ и вверхъ по р. Валеріку, и поставивъ разсѣянные тамъ кутаны между двухъ огней, разрушили эти хутора, истребили всѣ запасы и взяли до 70 чело-вѣкъ въ плѣнъ. Непріятель потерпѣлъ и при этомъ вновь весьма значительный уронъ; а устрашенные жители искали един-

ственного средства спасенія въ покорности и до 700 душъ уже переселились въ мирные аулы, такъ что въ Малой Чечнѣ сѣвернѣ Русской-дороги, не осталось уже въ настоящее время ни одного непокорнаго аула.

Одновременно съ этими дѣйствіями, произведены были отрядомъ Полковника Бакланова, со стороны Кумыкской плоскости, два удачныя набѣга, 7-го и въ особенности 10-го февраля на аулы Тамбулак-Юртъ (на Гумсѣ) и въ долину Мичина. Въ послѣднемъ, при обратномъ слѣдованіи, храбрые казаки Донскаго № 20 полка, устроивъ скрытно засаду, внезапно атаковали значительную неприятельскую толпу и уничтожили ее. Кромѣ тѣхъ, оставленныхъ на мѣстѣ, казаки привезли въ Куринское укрѣпленіе 17 тѣхъ убитыхъ Чеченцевъ и 3-хъ плѣнныхъ, взято также на мѣстѣ боя 40 винтовокъ, 30 пистолетовъ и 50 кинжаловъ и шашекъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 23-февраля, столь же удачный и смѣлый поискъ произведенъ былъ отрядомъ Полковника Майделя, отъ укр. Хасав-Юрта къ Ауховцамъ въ ущелье р. Яман-су. Аулы Исмаиль и Берц-Отарь истреблены войсками, равно какъ и все имущество жителей. При обратномъ слѣдованіи, неприятель въ значительномъ числѣ падалъ неоднократно на нашу колонну, но и здѣсь казаки № 20 полка, поддерживаемые пѣхотою, обратили его въ бѣгство, и нанесли ему сильный уронъ. Въ нашихъ рукахъ осталось 39 тѣхъ чеченскихъ, множество оружія и 13 лошадей съ сѣдлами.

Не смотря на упорное сопротивленіе неприятеля и трудную, болотистую мѣстность, въ дѣлѣ 11-го числа и во всѣхъ упомянутыхъ поискахъ, потеря наша была менѣе значительна, нежели должно было ожидать: она заключается: въ 8 раненыхъ и 7 контуженныхъ Штабъ и Обер-Офицерахъ; 32 убитыхъ, 142 раненыхъ и 39 контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

— Вотъ подробности объ упомянутомъ выше удачномъ набѣгѣ отряда Полковника Майделя:

Въ теченіе прошлаго февраля исполненъ войсками, на передовой Кумыкской линіи расположенными, новый, смѣлый и удачный набѣгъ на непокорные Ауховскіе аулы, въ ущельи р. Ямансу.

Въ ночь на 23 число, Полковникъ Майдель выступилъ изъ укр. Хасав-Юрта съ пятью баталіонами, командою стрѣлковъ и 6 сотнями Донскихъ казаковъ, при 8 орудіяхъ, и быстро направился въ сел. *Марцик-Юртъ*, *Мустафа-Отаръ* и *Ситій-Юртъ*, поселившіеся въ дремучемъ лѣсу, гдѣ они считали се-

бя вполне обезопасенными отъ всякаго нападенія, будучи прикрыты со стороны нашей линіи нѣсколькими нарочно вырытыми канавами и, такъ называемыми, *Гойтемировскими воротами*, т. е. защитою, возведенною Ауховцами на единственной тропинкѣ, ведущей здѣсь въ ущелье Ямансу. Отстраняя всѣ эти препятствія, авангардъ колонны овладѣлъ мгновенно этими воротами, разрушилъ оныя, и такимъ образомъ очистилъ проходъ для казаковъ, которые на рысяхъ бросились къ ауламъ и, поддерживаемые, бѣжавшею за ними командою стрѣлковъ Егерскаго Князя Чернышева полка, ворвались въ эти селенія, укрѣпленные также сильно оградою; вскорѣ прибыли и остальные войска и предали аулы пламени, истребивъ все имущество жителей.

Когда это было исполнено, отрядъ началъ обратное слѣдованіе, сильно преслѣдуемый ожесточеннымъ неприятелемъ, который собрался въ значительныхъ силахъ; но всѣ его нападенія были отражены нашими войсками, слѣдовавшими въ примѣрномъ порядкѣ, и горцамъ не удалось ни разу разстроить или замедлить движеніе нашихъ цѣпей. Между-тѣмъ, за Гойтемировскими воротами и въ другихъ трудныхъ мѣстахъ, Полковникомъ Майделемъ устроены были засады, и Ауховцы, наткнувшись на нихъ, потерпѣли сильное пораженіе, въ особенности за послѣднюю канавою, гдѣ вся кавалерія и часть пѣхоты, расположенныя здѣсь скрытно, въ кустарникѣ, дали неприятелю подойти на самое близкое разстояніе и произвели общую атаку, которая привела Чеченцевъ въ такое разстройство, что они не смѣли болѣе показываться. Этимъ прекращено было упорное и блзастательное для войскъ нашихъ дѣло, продолжавшееся около шести часовъ. Къ 12 часамъ дня отрядъ возвратился благополучно въ Хасав-Юртъ, привнесъ съ собою множество оружія и 39 неприятельскихъ тѣхъ. Вообще уронъ неприятеля весьма великъ; съ нашей же стороны убито нижнихъ чиновъ 6, ранено и контужено 2 Обер-Офицера и 25 нижнихъ чиновъ.

Устрашенные Ауховцы убѣдились, что крѣпкая мѣстность не спасетъ и впредь ихъ отъ дѣйствія нашего оружія, и рѣшились переселиться далѣе въ горы, что будетъ имѣть весьма выгодное вліяніе на спокойствіе Кумыкскаго владѣнія.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГРЕЦІЯ.

Въ *Journal des Débats* пишутъ:

«Если разсмотрѣть въ подробности всѣ важнѣйшія проявленія англійской политики, всегда оказывается, что тайною ихъ причиною бываетъ желаніе сохранить владычество въ торговомъ мірѣ. Доказательства этому, со временъ копенгагенскаго дѣла до китайской войны, такъ многочисленны, что не знаемъ даже, которое изъ нихъ выбрать. Греческое дѣло новое доказательство. Англія, сильная на Ионическомъ морѣ своими владѣніями на островахъ, расположенныхъ по Албанскому берегу и вдоль западной Греціи, постоянно взираетъ съ чувствомъ, если не алчности, то зависти, на развивавшійся, по ту сторону пространнаго Греческаго Архипелага торговый, флотъ цикладскихъ острововъ и другихъ гаваней, принадлежащихъ греческому правительству. Недавно говорили, по случаю удержанія англійскимъ флотомъ греческихъ кораблей, что взяты лишь нѣсколько барокъ. Это выраженіе можно себѣ легко объяснить, если посредствомъ его хотятъ сильнѣе выставить превосходство Англіи на морѣ, и такимъ образомъ точнѣе опредѣлить насильственные поступки послѣдней державы. Но безъ преувеличенія данныхъ, не справедливо было бы уменьшать такимъ образомъ купеческій флотъ, производящій большую часть торговли Леванта, и даже западной части Средиземнаго-моря. Въ Марсели онъ извѣстенъ своею дѣятельностью, искусствомъ, дешевымъ фрахтомъ и превосходною постройкою судовъ. Потому мы полагаемъ, что нижеслѣдующія подробности будутъ прочтены съ удовольствіемъ:

«Извѣстно, что Греки почитались съ давнихъ временъ искусными мореплавателями; можно даже сказать, что въ древности, они одни были посвящены въ тайновою науки мореплаванія. Подъ мусульманскимъ владычествомъ, въ ихъ рукахъ находилась вся нравственная сила Турецкой Имперіи; война за независимость, не только не ослабила ихъ, но, напротивъ, болѣе укрепила, а миръ, продолжавшійся съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, дозволилъ имъ развить на моряхъ свой духъ предпримчивости. Надобно прибавить, что успѣхами своими они обязаны *круговой порукой* (*solidarité*), которая, какъ въ Греціи, такъ и вездѣ, гдѣ находится греческія купеческія конторы, соединяетъ другъ съ другомъ всѣхъ торговцевъ греческаго племени; всюду они поддерживаютъ одинъ другаго и помогаютъ другъ другу, и, благодаря этой благоразумной поддержкѣ, множество Грековъ, вытѣсненныхъ, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, съ своихъ острововъ съ одною способностью къ торговлѣ, основали въ различныхъ европейскихъ и азіатскихъ портахъ богатые торговые дома, выдержавшіе, по болѣе части, всѣ сильнѣйшіе переломы.

— «За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, въ 1838 году, греческій флотъ состоялъ изъ 3,269 судовъ, вмѣстимостью въ 88,502 тонны *. Одинадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1849, число купеческихъ кораблей возросло до 5,052, а число тоннъ до 234,443. Это составляетъ почти треть противъ французскаго купеческаго флота, состоящаго изъ 14,353 кораблей, вмѣстимостью въ 683,298 тоннъ. Для второстепенной державы, какова Греція, это отношеніе, какъ видно, довольно замѣчательно.

«Этотъ греческій флотъ раздѣляется на четыре отдѣла: главные мѣста его суть Идра, Сира, Скіатосъ и Миссолонги. Въ Идріотскомъ отдѣлѣ считалось въ 1849 году 2976 судовъ, въ Сирскомъ 1049; остальное число было распределено между Скіатосомъ и Миссолонги. Въ это число не включено большое число греческихъ судовъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, которыя со времени войны за независимость его не покидаютъ. Благоразумное употребленіе Греками своихъ купеческихъ кораблей, и особенныя условія устройства этого флота, основанныя на томъ правилѣ,

* Всѣ эти данныя заимствованы, по болѣе части, изъ официальныхъ источниковъ, обнаруженныхъ французскимъ министерствомъ коммерціи.

что каждый матросъ имѣетъ свою часть въ выгодахъ, получаемыхъ всеми кораблями, дозволяютъ имъ понижать свой фрахтъ, и такимъ образомъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, поддерживать свое преимущество предъ другими соперничающими купеческими флотами. Печислено, что греческій купеческій флотъ получаетъ ежегодно за перевозку товаровъ отъ 14 до 15 милл. рублей сер.

«Постройка кораблей производится во всѣхъ главныхъ портахъ и почти на всѣхъ греческихъ островахъ; корабельныя верфи находятся въ Идрѣ, Специи, Паросѣ, Галаксидѣ, Эгинѣ, Миконѣ, Андросѣ, Санторинѣ, Пиреѣ, но дѣйствительныя постройки собственно производятся только въ Пиреѣ и на Сирѣ. Особенно последнее место замѣчательно своею дѣятельностью. Здѣсь бывають заняты этимъ дѣломъ иногда около двухъ тысячъ работниковъ, и здѣсь же находится огромное складочное мѣсто строеваго и мачтоваго лѣса, якорей, корабельныхъ цѣпей, такелажа, парусовъ и проч., изъ котораго, въ случаѣ нужды, доставляются необходимые матеріалы, не только въ большую часть Греціи, но и на материкъ и на турецкіе острова. Въ 1846, 1847 и 1848 годахъ на Сирской верфи построено было 212 судовъ, болѣе чѣмъ на два милліона р. сер. Корабли, строимые въ Марсели и обшиваемые мѣдью, вообще прочіе сооружаемыхъ въ Сирѣ, но послѣдніе обходятся гораздо дешевле, и совершенно удовлетворяютъ условіямъ каботажнаго и караваннаго судоходства, которыми преимущественно занимаются греческіе корабли. Дешевизна ихъ вооруженія и умеренность матросовъ доставляютъ греческому флоту главную часть грузовъ въ Архипелагъ и въ Левантъ, почему этотъ флотъ представляется опасно возрастающимъ соперникомъ для всѣхъ иностранныхъ флотовъ, особенно же для англійскаго—Ионическаго. 1-го января 1850 года число матросовъ на греческомъ купеческомъ флотѣ доходило до 23,000 чел.; полагають, что въ случаѣ нужды береговые и островскіе жители могутъ выставить отъ 40,000 до 45,000 матросовъ.

«Теперь ясно, что государство, которое въ состояніи выставитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Ионическихъ острововъ и Мальты подобное число матросовъ, должно, по необходимости, сильно безпоконтъ Англійю, государство, желающее, какъ извѣстно, сохранить за собою исключительное владычество на моряхъ.»

Афины.—20 марта. — Въ Times напечатано слѣдующее письмо изъ *Афины*:

— «Французскій пароходъ прибылъ сюда вчера утромъ. Дешепи, полученные г. *Уэйзомъ* и *барономъ Гро*, не заключаютъ ничего особенно важнаго. *Лордъ Пальмерстонъ* снова одобряетъ дѣйствія г. *Уэйза*.

«*Баронъ Гро* уже болѣе двухъ недѣль живетъ въ Греціи, но до-сихъ-поръ ничего не могъ сдѣлать для устраненія несогласій между повѣренными Англійи и министрами *Короля Оттона*. Впрочемъ онъ усердно занимался разсмотрѣніемъ различныхъ требованій, и чрезъ деш или два, будетъ имѣть возможность предложить нѣкоторые мѣры къ устраненію затрудненій.

«*Баронъ Гро* хочетъ сперва переговорить съ гг. *Уэйзомъ* и *Лондосомъ* неофициально, объяснить имъ, какъ онъ думаетъ устроить дѣло, и если они согласятся съ нимъ, то онъ изложитъ свой планъ форменнымъ порядкомъ, и прикажетъ составить протоколъ, который окончательно устроитъ это дѣло. Король сказалъ недавно одному изъ иностранныхъ дипломатовъ, что онъ охотно далъ бы, изъ своей собственной шкатулки, 1,000,000 драхмъ (около 220,000 р. сер.), чтобъ только скорѣе все кончить. Но къ несчастію, это предложеніе не можетъ теперь произвести того дѣйствія, какое оно произвело бы прежде. Главное затрудненіе состоитъ, не въ уплатѣ суммъ, означенной въ требованіяхъ Англійи, а въ правѣ, на которомъ требованія основаны. Г. *Уэйзъ*, дѣйствуя по даннымъ ему инструкціямъ, не соглашается разсматривать спорный вопросъ, какъ обыкновенное дѣло кредитора съ должникомъ. Онъ требуетъ удовлетворенія за оскорбленіе англійской чести.

«Греческое правительство предлагало вчера *барону Гро*, представить ручательство въ уплатѣ всѣхъ суммъ, требуемыхъ гг. *Пачифико* и *Филлемъ*, но съ условіемъ, чтобы Англичане освободили всѣ задержанные ими корабли. Повѣренный Франціи до того увѣренъ въ безполезности этого предложенія, что отказывается передать его представителю Англійи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Греція готова на всякія уступки, но врядъ ли повѣренный Англійи согласится измѣнить свои требованія. *Баронъ Гро* порицаетъ греческое правительство за его поведеніе съ Англійей, и думаетъ, что Греція обязана дать Англійи удовлетвореніе; но въ тоже время, онъ не допускаетъ со стороны Англійи такихъ требова-

ній, которыя могли бы нарушить независимость греческой нации.»

— Въ газетѣ Times напечатано слѣдующее письмо изъ Афинъ, отъ 28 марта:

«*Баронъ Гро* имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ *Г. Уэйзомъ*, на французскомъ пароходѣ «la Vedette», стоищемъ въ Пиреѣ на якорѣ. Они положили первыя основанія соглашенія Англіи съ Греціей. *Г. Уэйзъ* и *Гро* считаютъ дѣйствительно важными однѣ только требованія гг. *Филлея* и *Пачифико*. Говорятъ, однако-же, что *баронъ Гро* энергически возставалъ противъ огромности суммы, требуемой бывшимъ португальскимъ консуломъ *Пачифико*, въ вознагражденіе за посуду, драгоценныя вещи и мебель, расхищенныя и испорченныя во-время разграбленія его дома. *Баронъ Гро* открылъ, что часть посуды находится, въ настоящее время, въ афинскомъ банкѣ, въ видѣ залога за занятія и еще неплаченныя г-мъ *Пачифико* суммы. Кромѣ того, *баронъ Гро* досталъ списки пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу *Пачифико*, который былъ въ крайней бѣдности гораздо прежде разграбленія его дома. Говорятъ, что *г. Уэйзъ* согласился съ мнѣніемъ *барона Гро*, на счетъ преувеличенія требованій *Пачифико*.

«Я видѣлъ, говоритъ далѣе корреспондентъ газеты Times, домъ *Пачифико*; это дрянная лачужка, выстроенная изъ лѣсу и глины, въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ афинскихъ кварталовъ. Греческое министерство только нѣсколько дней тому назадъ издумало обратиться къ португальскому правительству съ просьбою о сообщеніи свѣдѣній касательно основательности требованій *Пачифико*. Разумѣется, что отвѣтъ придетъ слишкомъ поздно, но мы нашли въ парламентскихъ отчетахъ свѣдѣніе, что англійскій посланникъ въ Лиссабонъ писалъ къ *Пачифико*, извѣщая его, что онъ получилъ отъ португальскаго посольства въ Лондонѣ 197 фун. стер., для покрытія всѣхъ требованій, означенныхъ въ предъявленномъ имъ счетѣ. Впрочемъ г. *Пачифико* отказался тогда принять эту сумму, объявивъ ее недостаточною.

«*Баронъ Гро* сообщалъ гг. *Филлею* и *Пачифико* свое мнѣніе объ ихъ требованіяхъ. Завтра онъ будетъ имѣть вторичное свиданіе съ *г. Уэйзомъ*, и они покончатъ, вѣроятно, это непріятное дѣло. Потомъ *баронъ Гро* будетъ имѣть свиданіе съ *г. Лондосомъ*, съ которымъ *г. Уэйзъ* рѣшительно не хочетъ входить въ прямыя сношенія.

«Правительство взявило уже готовность удовлетворить *г. Филлея*, а для удовлетворенія *г. Пачифико*, *баронъ Гро* предложитъ такую сумму, на которую согласятся, вѣроятно, оба правительства, греческое и англійское. Если *барону Гро* не удастся привести это дѣло къ удовлетворительному окончанію, то онъ долженъ будетъ, вслѣдствіе данныхъ ему инструкцій, возвратиться во Францію; въ такомъ случаѣ положеніе Греціи можетъ сдѣлаться очень критическимъ, потому что *адмиралъ Паркеръ* будетъ принужденъ, на основаніи послѣднихъ инструкцій, полученныхъ имъ отъ *Лорда Пальмерстона*, немедленно усилить блокаду всѣхъ греческихъ береговъ».

— Афины, 28-го марта. Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами извѣстіямъ изъ Греціи, мы можемъ присовокупить еще слѣдующее: *баронъ Гро* имѣлъ съ *г. Уэйзомъ* свиданіе, вслѣдствіе котораго гг. *Филлей* и *Пачифико* были призваны на адмиральскій корабль, гдѣ имъ объявили, что какъ скоро они получатъ присужденныя имъ, въ видѣ вознагражденія, суммы, то должны немедленно выѣхать изъ Греции.—

16-го апрѣля.—Вотъ что говоритъ United Service Gazette объ англійскомъ флотѣ Средиземнаго-моря: «Судя по полученнымъ нами извѣстіямъ, должно заключить, что греческія дѣла, если не совершенно кончены, то, по-крайней-мѣрѣ, приняли очень мирный оборотъ, позволяющій надѣяться на скорое возвращеніе флота *Сэра В. Перкера* къ острову Мальтѣ. Правительство съ такою увѣренностію ждетъ скорого окончанія несогласій съ Греціей, что отдало приказаніе о немедленномъ уменьшеніи флота. 120-ти-пушечный корабль «Howe»—капитанъ *Сэръ Джемсъ Стирлингъ* и 84-хъ пушечный «Venzeance»—капитанъ *Блеквудъ*, получили уже приказаніе возвратиться, и имъ будетъ выдано жалованье. Ихъ смѣнитъ 80-ти пушечный линейный корабль «Superb»; а фрегатъ—пароходъ «Terrible», находящійся теперь въ Лиссабонѣ, смѣнитъ фрегатъ-пароходъ «Odin».

— Изъ Афинъ, отъ 9 апрѣля: 6 с. м. празднована здѣсь годовщина войны за независимость. Всѣ иностранныя корабли были обвѣшаны флагами и выкинули греческій флагъ. Замѣчательно, что англійскіе корабли, стоящіе при Саламинѣ, равновѣрно выкинули этотъ флагъ; сверхъ-того, каждый изъ нихъ салатовалъ праздникъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

— Островки Сёрви и Сапиэнца, которые *Лордъ Пальмерстонъ* почитаетъ принадлежащими къ Ионической-республикѣ, сами по себѣ не стоютъ ничего, но весьма важны по своему положенію. Сапиэнца лежитъ всего въ одной английской милѣ отъ Метона и господствуетъ надъ южнымъ входомъ въ гавань. Сёрви, отдѣленный отъ материка каналомъ, имѣющимъ 1,200 футовъ ширины, занимаетъ съ западной стороны Ватикаскую губу, лежащую недалеко отъ мыса С.-Анжело. Значитъ, кто владѣть этими островками, тотъ господствуетъ надъ двумя изъ важнѣйшихъ гаваней юго-западной и юго-восточной оконечностей Мореи. О справедливости притязаній английскаго правительства здѣшніе журналы до-сихъ-поръ спорятъ: газета «the Times» утверждаетъ, что Сёрви и Сапиэнца принадлежатъ Греціи; а газета «the Globe», напротивъ, причисляетъ ихъ къ Ионическимъ островамъ.

29 апрѣля. — Въ газетѣ Times напечатано слѣдующее касательно рѣшеній *Лорда Пальмерстона* о греческомъ вопросѣ. Когда получены были послѣднія извѣстія изъ Афинъ, и послѣ того, какъ *баронъ Гро* утратилъ цѣлый мѣсяць на благонамѣренныя, но не имѣющія цѣли предложенія, которыя инструкціи г. *Уэйза* не дозволяли ему принять, сдѣлалось ясно, что вопросъ этотъ не можетъ быть улаженъ одними стараніями этого посланника. Наконецъ *Лордъ Пальмерстонъ* такъ увѣрился въ этой трудности, что онъ самъ пригласилъ г. *Друэна де Люи* завѣсть съ нимъ вмѣстѣ опредѣленіемъ такихъ началъ, вслѣдствіе которыхъ можно бы было удовлетворить требованіямъ и скорѣе разрешить этотъ вопросъ. Это соглашеніе послѣдовало на прошедшей недѣль, о чемъ и дано знать въ Афинѣ. Извѣстіе доидеть, вѣроятно, туда на первыхъ недѣляхъ будущаго мѣсяца. Мы полагаемъ, что хотя начало для удовлетворенія требованій и сдѣлано, но количество суммы все-таки должно было быть опредѣлено въ Греціи. Особенно подаетъ причину къ опасеніямъ то, что мы еще не знаемъ, что случилось въ Греціи съ 8 апрѣля, когда послѣдній курьеръ выѣхалъ изъ Афинъ, до того дня, когда тамъ получать новыя инструкціи. Мы надѣемся во всякомъ случаѣ, что дальнѣйшія дѣйствія флота будутъ прекращены и что *Король Оттонъ* приметъ условія, которыя предложитъ ему Франція вслѣдствіе этихъ дальнѣйшихъ преній. До послѣднихъ извѣстій изъ Афинъ, требованія г. *Уэйза* не имѣли такой формы,

на которую бы г. *Гро* могъ согласиться, и потому было бесполезно навязывать Греціи, силою, требованія, которыя французскій агентъ считалъ преувеличенными.

А н г л і я .

— Въ Лондонѣ собирався митингъ, цѣлю котораго было открытіе подписки, для пріобрѣтенія покупкою модели, Ватерлооскаго сраженія, сдѣланной *капитаномъ Сиборномъ*. Эта модель построена по масштабу 9-ти футовъ на одну милію, и заключаетъ въ себѣ 440 квадратныхъ футовъ пространства. Все поле сраженія, всѣ движенія британской, французской и прусской армій представлены съ чрезвычайною вѣрностію въ самую интересную минуту битвы, посредствомъ 120,000 металлическихъ фигуръ. Всякая деревня, всякій домъ, всякая ферма, даже группы деревъ и различныя принадлежности военной службы, изображены въ ней съ такою точностію, что, по отзыву всѣхъ знатоковъ, эта модель лучше всякаго описанія и всякой картины передастъ историческій фактъ потомству. Премія, присужденная *капитану Сиборну*, за его произведеніе, состояла изъ 4,000 ф. стерл., но творецъ модели уже умеръ, и лицо, которое владѣть ею въ настоящее время, проситъ за нее только 802 ф. стерл.

8-го апрѣля. Лондонъ. — Английскіе протекціонисты употребляютъ всевозможныя средства для возстановленія законовъ, стѣсняющихъ внѣшнюю торговлю. Они приписываютъ уничтоженію запрещеній на ввозъ хлѣба чрезвычайное пониженіе цѣны на этотъ продуктъ. Французскій журналъ la Patrie очень основательно замѣчаетъ, что если даже допустить, что это пониженіе есть зло, то должно, по крайней-мѣрѣ, согласиться, что оно существуетъ въ настоящее время не въ одной только Англіи, и происходитъ, не столько отъ мѣръ, принятыхъ *сэрломъ Робертомъ Пилемъ*, сколько отъ урожая въ двухъ послѣднихъ годахъ. Какъ бы то ни было, а протекціонисты собираютъ митингъ за митингомъ, для пораженія, торжествующихъ нынѣ, приверженцевъ, свободной торговли. Изъ средствъ, употребляемыхъ протекціонистами для достиженія этой цѣли, особен-

но оригинально ихъ взаимное условіе, не носить бумажныхъ тканей, а только шерстяныя. Подобный способъ уже былъ употребленъ въ Англіи приверженцами уничтоженія колониальнаго невольничества, чтобы принудить колониство освободить Негровъ; абсоционисты условились не употреблять сахару, воздѣлываемаго невольниками, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, триста тысячъ Англичанъ имѣли твердость пить чай и кофе безъ сахару.

Такая же лига, но уже не съ такою благородною цѣлю, составлена нынѣ въ Англіи, въ пользу шерстяныхъ матерій, противъ бумажныхъ. Предложеніе составить эту лигу было сдѣлано закоренѣлымъ протекціонистомъ, г. Феррандомъ, на митингъ, бывшемъ недавно въ Понтефаркѣ.

«Составимъ силу говорилъ г. Феррандъ, противъ американской хлопчатой бумаги, для поддержанія нашей старой Англіи. Насъ двести тысячъ землевладѣльцевъ, семь-сотъ фермеровъ, три милліона работниковъ: покаянемся не употреблять хлопчатой бумаги. Да и развѣ она намъ нужна? Наши дѣды не употребляли ея: они носили одежды, сдѣланныя изъ доброй англійской шерсти и добраго англійскаго льна. Едва шестьдесятъ лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы узнали эту проклятую матерію, а теперь она все поглотила: мы носимъ ее сверху, снизу, вездѣ; она господствуетъ, но мы ее уничтожимъ. Да и можетъ ли это намъ не угодиться? Развѣ герцогъ Бетфордъ не уничтожилъ налогъ на парики введеніемъ въ моду новой прически? Откажемся отъ бумажныхъ матерій и черезъ два года, мы заставимъ фабрикантовъ ланкастерскаго графства просить у насъ пощады».

Эти оригинальныя выходки г. Ферранда имѣли величайшій успѣхъ на понтефаркскомъ митингъ. Всѣ присутствующіе фермеры обязались не употреблять бумажныхъ матерій, говоря, что предпочтутъ «сморкаться въ воловые пузыри, чѣмъ въ бумажные платки». Лига, основанная такимъ страннѣмъ рѣшеніемъ, начинается уже организоваться.

8-го апрѣля.—Ниж. Пал. Первое засѣданіе послѣ прадниковъ Пасхи. Капитанъ Болдеро объявилъ, что Палата слѣдуетъ рассмотреть, прежде нежели она образуется въ

финансовыя комитеты, его предложеніе объ увеличеніи содержанія подлекарей на королевскихъ военныхъ корабляхъ. Хотя Адмиралъ Дундасъ отъ имени правительствѣ и противился предложенію, не смотря на то, (48 голосовъ противъ 40) предложеніе было принято.

9-го.—Лордъ Сеймуръ, недавно избранный комиссаромъ казенныхъ лѣсовъ и государственныхъ имуществъ, присягнулъ какъ представитель Тотнера и, занявъ въ Палатѣ свое мѣсто. Г. д'Израэли объявилъ, что въ случаѣ, если Лордъ Россель потребуетъ, чтобы Палата 12 числа образовалась въ комитеты, онъ сдѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

«Палатѣ извѣстно все, что нужно для того, чтобы принятыя за разсмотрѣніе и учрежденіе порядка въ содержаніи должностныхъ лицъ; парламентскіе слѣдственные комитеты въ подобныхъ случаяхъ ни къ чему не служатъ; они только замедляютъ дѣло, тогда какъ правительство обязано, для предупрежденія собственной отвѣтственности, начать съ такихъ мѣръ, которыя оно считаетъ необходимыми для того, чтобы въ государственныхъ учрежденіяхъ наблюдалась была экономія, сообразная съ потребностями».

Г. Горсманъ объявилъ, съ своей стороны, что онъ предложитъ уменьшить не только жалованье свѣтскихъ, но и жалованье духовныхъ лицъ. На вопросъ г. Юма, можно ли надѣяться, что греческій споръ вскорѣ окончится, Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что ни одинъ изъ членовъ Палаты не можетъ болѣе его принимать участія въ истинныхъ интересахъ греческой націи. Онъ говорилъ, что онъ участвовалъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми упрочена независимость Греціи, и увѣрялъ Палату, что, во всякомъ отношеніи, ему было очень горько, быть причиною страданій греческой націи. Не нація, а греческое правительство виновато въ томъ, что Англія была принуждена прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ. Что касается до переговоровъ, то они не привели еще ни къ какому результату; но баронъ Тро еще такъ недавно находится въ Афинахъ, что иначе и не могло быть. Затѣмъ Палата образовалась въ комитеты, для разсмотрѣнія бюджета военнаго вѣдомства. Полковникъ Ансонъ объявилъ, что комиссія назначена для этого бюджета сумму въ 2,434,417 ф. стер.; сумма эта меньше суммы выданной въ прошломъ году 198,184 ф. ст., и 557,726 ф. стер., меньше суммы 1848 года. Затѣмъ утверждены различныя назначенія.

9-го. *Нижн. Пал.* — Подано было множество прошений объ уничтоженіи штемпельной пошлины на периодическія изданія. *Лордъ Дунканъ* говорилъ объ уничтоженіи пошлины на окна, но предложеніе его было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ (80 противъ 77 голосовъ). *Лорду Дункану* возражалъ канцлеръ казначейства; онъ сказалъ, между прочимъ, что онъ никакъ не согласится на уничтоженіе пошлины, которая приноситъ казны 1.800,000 фунтовъ стерлинговъ дохода. Канцлеръ опровергалъ также мнѣніе, что налогъ на окна тягостенъ преимущественно для бѣдныхъ сословій; во всемъ соединеніи королевствъ считается 3.500,000 домовъ, а пошлину платятъ изъ нихъ 500,000, которые, по всей вѣроятности, почти исключительно заняты зажиточными сословіями.

11-го. — Въ субботу прѣехали на некоторое время въ Брайтонъ, бывший Король *Людвигъ-Филиппъ* съ супругою и *Герцогъ и Герцогиня Немурскіе* съ семействомъ.

12-го. *Верх. Пал.* — Третье чтеніе билля о тюрьмахъ. Билль этотъ былъ принятъ. Потомъ передъ Палатою долженъ былъ явиться г. *Навь*, секретарь компаніи одной изъ желѣзныхъ дорогъ; ему былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ не исполнялъ повелѣній Палаты, представить какія-то показанія. Въ *Ниж. Пал.* первый министръ, *лордъ Джонъ Россель* объявилъ о снаряженіи особой комиссіи, для изслѣдованія, какое жалованье и доходы получаютъ вообще чиновники, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, въ 1789, 1818, 1828, 1830 годахъ, когда тоже хотѣли сдѣлать возможныя уменьшенія. Г. *д'Израэли* предложилъ Палатѣ, немедленно принять необходимыя для того мѣры, подѣ собственною ответственностію, потому-что Палата, говорящей, должна лучше всѣхъ знать, что слѣдуетъ ей дѣлать, если только она находитъ возможнымъ уменьшить жалованье должностныхъ лицъ; а впрочемъ ничто не можетъ быть столь противно кореннымъ узаконеніямъ, какъ подобная попытка со стороны правительства сложить съ себя ответственность на парламентъ. Г. *Брайтъ* объявилъ, что онъ не можетъ согласиться съ г. *д'Израэли*, потому уже, что онъ никогда не находилъ его имени въ спискѣ тѣхъ лицъ, которые подавали голоса въ пользу практической экономіи. Наконецъ министерское предложеніе было принято (250 голосовъ противъ 159). Г. *Горсманъ* требовалъ, чтобы содержаніе духовныхъ лицъ было также подвергну-

то изслѣдованію. Министръ внутреннихъ дѣлъ *сэръ Джоржъ Грей* говорилъ даже, что парламентъ имѣетъ право изслѣдовать доходы епископовъ, хотя эти доходы совсемъ не то, что содержаніе, которое получаютъ судьи, дипломаты, и другія должностныя лица; но некоторые члены возставали противъ такого смѣшенія духовныхъ и свѣтскихъ должностей, и предложеніе г. *Горсмана* было отвергнуто (208 голосовъ противъ 95).

15-го. *Ниж. Пал.* — Помощникъ статсъ-секретаря колоній, г. *Гевсъ* объявилъ, что въ слѣдствіе протеста гибралтарскаго епископа противъ некоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ советомъ острова Мальты, въ тамошнихъ уголовныхъ законахъ, онъ писалъ къ губернатору Мальты, уведомляя его, что правительство не можетъ утвердить упомянутыхъ измѣненій, потому-что они представляютъ католическую церковь господствующею, англійскую же церковь не болѣе, какъ терпимою церковью. *Лордъ Джонъ Россель* объявилъ, что онъ представитъ, 6-го мая, свое предложеніе объ уничтоженіи въ Ирландіи намѣстническаго достоинства и объ учрежденіи четвертаго статсъ-секретарства, въ видѣ министерства для ирландскихъ дѣлъ. За тѣмъ Палата образовалась въ комитетъ, для разсмотрѣнія билля о штемпельной пошлинѣ; послѣ довольно продолжительныхъ преній, дѣльнѣе разсмотрѣніе билля было отложено. Палата отложила также до другаго засѣданія билль о вспоможеніи для Ирландіи, и разрѣшила министру внутреннихъ дѣлъ представить билль о погребеніяхъ.

— Въ *Morning Herald* напечатано письмо *Джона О'Коннелла* къ ирландскимъ реперирамъ, въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ, что рѣшился возвратиться къ частнымъ занятіямъ, потому-что общественное мнѣніе не поддерживаетъ его. Такимъ образомъ положенъ конецъ еженедѣльнымъ собраніямъ дублинскихъ реперировъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ собраній явился, кромѣ *Джона О'Коннелла*, еще одинъ только репериръ; недѣльный же доходъ общества реперировъ не превышалъ на этотъ разъ 4 фунтовъ стерлинговъ; въ слѣдствіе чего г. *О'Коннелль* и рѣшился уланиться изъ общества.

— Въ Ирландіи былъ недавно обвиненъ одинъ человекъ въ покражу на полѣ рьпы. Единственнымъ свидѣтелемъ этого воровства былъ полевой сторожъ, представившій,

вместо удика, ухо обвиненнаго, оторваннаго на мѣстѣ преступленія.

16-го. *Верх. Пал.* — Послѣдовало третье чтеніе билля о пошлинѣ на кирпичь, и билля о билетахъ государственнаго казначейства. Оба они были приняты.

— Съ 1840 по 1848 годъ англійскіе крейсера захватили 625 кораблей, подозрѣваемыхъ въ торговлѣ Неграми. Изъ этого числа, 578 кораблей дѣйствительно оказались невольничьями. На нихъ найдено 38,033 невольника.

18-го. *Верх. Пал.* — При второмъ чтеніи билля объ измѣненіи существующаго закона о призахъ за взятіе пиратовъ, въ Палатѣ разсуждали о пиратствѣ близъ острова Борнео. Дѣло идетъ теперь о томъ, что впредь правительство будетъ раздавать награжденія, смотря по заслугамъ тѣхъ, которые отличились въ преслѣдованіи морскихъ разбойниковъ. Пользуясь этимъ случаемъ, *лордъ Элленборо* говорилъ противъ того, какъ недавно были изрублены цѣлыя шайки пиратовъ на берегу. Послѣ него сталъ говорить *графъ Элмесмеръ*. Онъ защищалъ *сэра Брука*, правителя Лабуанскаго, и утверждалъ, что онъ своими дѣйствіями упрочилъ спокойствіе тамошней страны. *Лордъ Элленборо* сказалъ, что какъ ему извѣстно, тамъ называютъ пиратствомъ просто войну между различными племенами. Впрочемъ онъ не признавалъ пользы Лабуанской колоніи. *Лордъ Грей* доказывалъ, выписками изъ оффиціальныхъ донесеній, что эти племена были въ самомъ дѣлѣ разбойники, которые навели ужасъ на весь торговый суда въ Индѣйскомъ архипелагѣ. Лабуанъ есть мѣсто, которое должно бы быть очень полезно для торговли Англии, а оно драгоценно для нея только какъ мѣсто стоянки для военныхъ париходовъ. Послѣ возраженія *лорда Элленборо*, это дѣло было оставлено.

Ниж. Пал. — Палата образовалась въ комитеты, для разсмотрѣнія билля касательно введенія сокращеннаго судопроизводства за незначительное воровство. *Сэръ Джоржъ Стриклендъ* опровергалъ этотъ билль, потому-что черезъ принятіе его уничтожится въ Англии судъ присяжныхъ за разныя преступленія, а судъ Англичанина есть самое драгоценное право. *Г. Лоу* предлагалъ выпустить ту часть билля, вслѣдствіе котораго взрослые должны тоже подвергаться сокращенному судопроизводству, если покража ихъ не превышаетъ шиллинга, и представить этотъ билль Палатѣ,

въ формѣ особаго билля; это предложеніе было принято; другая часть билля, по которой подвергались сокращенному судопроизводству люди моложе 16 лѣтъ, была также принята, но съ прибавленіемъ сэра *Джоржа Стрикленда*, которымъ запрещается такихъ преступниковъ подвергать наказанію розгами.

19-го. — *Вер. Пал.* — *Маркизь Вестмисъ* говорилъ о томъ, какъ въ Ирландіи худо исполняются законы о бѣдныхъ, и предложилъ составить частный комитетъ, который бы подтвердилъ его показанія. *Маркизь Лансдоунъ* полагалъ, что такое слѣдствіе не приведетъ къ цѣли. *Лордъ Сталлей* былъ того мнѣнія, что даже необходимо составить комиссію, которой можно было бы жаловаться на извѣстныхъ лицъ.

Ниж. Пал. — Палата образовалась въ комитетъ, и продолжала совѣщаться о биллѣ, касательно организаціи правительства Австралійской колоніи. По случаю разсмотрѣнія 6-й главы билля, Парламентъ употребилъ большую часть своего засѣданія на пренія о томъ, долженъ ли Парламентъ состоять изъ одной или двухъ Палатъ, и о томъ, какимъ образомъ должны быть избираемы члены законодательнаго сословія. Въ биллѣ предлагается образовать въ землѣ Вандиненовой и Южной Австраліи Парламентъ изъ одной Палаты, и предоставляется избирать треть членовъ этой Палаты (Законодательный Совѣтъ), которыхъ не должно быть болѣе 24, правительству, а двѣ трети народу. *Сэръ В. Мелесфордъ* сдѣлалъ другое предложеніе — составить въ этихъ двухъ колоніяхъ, кромѣ Законодательнаго Совѣта, еще другую Палату, члены которой, такъ же какъ и члены Законодательнаго Совѣта, должны быть избраны народомъ. *Лордъ Россель* опровергалъ послѣднее предложеніе, и объявлялъ, какой вредъ причинитъ этимъ колоніямъ вторая Палата. Наконецъ послѣ долгихъ преній, предложеніе было отвергнуто, (218 голосовъ противъ 150).

— Сегодня, молодые принцы съ Сандвичевыхъ острововъ, *Камеама* и *Лихою*, были на аудіенціи у принца *Альберта*.

— На банкетѣ, данномъ недавно *Лордомъ Меромъ*, по старинному обычаю, присутствовали все политическія знаменитости Лондона и многіе иностранные дипломаты, въ числѣ которыхъ находился французскій посланникъ. *Лордъ Джоржъ Россель*, отвѣчалъ на тостъ за здоровье министровъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Примите увѣреніе, что мы и впредь будемъ стараться вести государственныя дѣла въ томъ же духѣ, т. е. что мы никогда не будемъ считать учрежденія нашего отечества до того совершенными, какъ будто бы къ намъ уже примѣнены все усовершенствованія, въ которыхъ они отъ времени до времени нуждаются; что мы никогда не отбросимъ въ сторону полезное, только потому, что оно устарѣло, что мы не отбросимъ въ сторону и такого, что кажется намъ страннымъ потому только, что ново. (Одобреніе). Только соединеніемъ и тѣснымъ союзомъ этого почтенія къ старому, постояннымъ поддержаніемъ уваженія къ началамъ, на которыхъ наши почтенныя предки основали свои учрежденія и примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, только соединеніемъ уваженія къ старому съ уваженіемъ къ новѣйшимъ улучшеніямъ, можетъ быть утверждена независимость и счастье нашего отечества. (Одобреніе). Мнѣ пріятно, что я снова вижу близъ себя посланника Франціи, потому что его присутствіе между нами, служить признакомъ тѣснаго союза между обоими государствами. Да продлится этотъ союзъ долго! Я думаю, что тѣсный союзъ двухъ такихъ государствъ можетъ послужить къ поддержанію мира и благополучія всего человѣчества.» (Грокия рукописанія).

29-го. — Королева Бельгійцевъ, прибывшая въ Англію, посетила третьяго дня Королеву Викторію въ Букингамскомъ дворцѣ. Когда она прибыла изъ Клермонта, Принцъ Альбертъ встрѣтилъ ее на дворѣ желѣзной дороги, и проводилъ во Дворецъ. Герцогиня Орлеанская, равновѣрно прибывшая съ своимъ семействомъ въ Лондонъ, остановилась въ домѣ леди Нозъ Байронъ. 25-го апрѣля былъ день рожденія Принцессы Алисы, по какому случаю данъ при дворѣ дѣтскій балъ. Того же числа былъ день рожденія и Герцогини Глостерской. Королева Бельгійцевъ и Герцогиня Орлеанская съ Графомъ Парижскимъ и Герцогомъ Шартрекимъ, прибыли въ Клермонтъ 25-го апрѣля. Сюда прибылъ также съ материка Князь Лейнингенъ.

30-го. — Ниж. Пал. — 269 голосовъ противъ 173, то есть большинствомъ 93 голосовъ, отвергнуто предложеніе г. Генли, изслѣдовать постановленія о жалованьи должностнымъ лицамъ, и если можно, уничтожить нѣсколько публичныхъ должностей; предложеніе это было отвергнуто, потому что въ этомъ отношеніи, все возможное уже сдѣлано и что такое предложеніе можетъ быть принято за недовѣріе.

И т а л і я.

Римъ. — Получено извѣстіе, что Папа выѣдетъ изъ Неаполя 4-го апрѣля. Онъ поѣдетъ сухимъ путемъ, а не моремъ, какъ говорили прежде. Пій IX поручилъ Кардиналу Антонелли благодарить Францію, за предложенный ею, для проѣзда въ Чивита-Веккію, пароходъ. Такъ какъ жители Римской области прислали множество прошеній, въ которыхъ они просятъ Папу, чтобы онъ благословилъ ихъ, то Папа рѣшился склониться на ихъ просьбу, и объѣхать часть своихъ владѣній. Онъ пробудетъ по одному дню, въ Террачинѣ, Фрозеноне, Веллетри, а изъ послѣдняго города отправится въ столицу свою.

— Другія же газеты говорятъ, что возвращеніе Папы въ Римъ подвержено еще сомнѣнію. Въ Террачинѣ дѣлаются приготовленія, заставляющія предполагать, что онъ долго проживетъ тамъ. Говорятъ даже, что и Король Неаполитанскій пріѣдетъ на некоторое время въ Террачину. Съ другой стороны извѣщаютъ, что въ Портиччъ готовятся къ отъѣзду....

— При возстановленіи въ Римѣ австрійскаго герба не присутствовали ни одинъ изъ французскихъ офицеровъ, что возбудило разные толки въ здѣшней публикѣ. Носится слухъ, что при возвращеніи Папы будетъ обнародована общая амнистія, изъ которой исключается только 30 чело-вѣкъ. Кардиналъ Ламбрускини, какъ утверждаютъ, пріѣдетъ нѣсколькими днями раньше Папы, и привезетъ съ собою декретъ объ амнистіи.

— На дняхъ случилось въ Римѣ слѣдующее курьезное происшествіе. Собирались разстрѣлять чело-вѣка, за то, что онъ грозился заколоть кинжаломъ одного французскаго солдата. Извѣстно, что въ Римѣ запрещено, въ настоящее время, носить при себѣ оружіе. Преступникъ былъ уже приведенъ на мѣсто казни, и солдаты готовились исполнить печальный долгъ свой, когда явился на площадь какой-то господинъ, съ длинной бородой, одѣтый въ черное платье. Онъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему:

— Этотъ чело-вѣкъ невиненъ, отпустите его; а такъ какъ

вашему генералу непременно нужна жертва, то разстреляйте меня.

Эти слова возбудили рукоплесканія зрителей, но офицеръ не потерялся и отвѣчалъ:

— Мнѣ право очень жаль, милостивый государь, что не могу сдѣлать вамъ пріятное; я исполняю приговоръ суда! Еслибъ вы были Французъ, то знали бы, что мы имѣемъ обыкновеніе повиноваться законамъ. Впрочемъ, такъ какъ вамъ, по-видимому, очень хочется быть разстрѣляннымъ, то я научу васъ средству достигъ этой цѣли. Ступайте домой, возьмите книжаль, положите его въ карманъ и приходите ко мнѣ. Тогда я безъ отговорокъ исполню ваше желаніе.

Черный господинъ, разсчитывавшій на участіе народа, былъ принужденъ отказаться отъ задуманной имъ хитрости, и удалиться, провожаемый расмѣшками!

— 25 марта, Папа принималъ въ замкѣ Портичи адмирала и всѣхъ офицеровъ французской эскадры, и также французскаго посланника г. Реневаль. Въ этомъ замкѣ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, исключая мѣстоположенія; мемблированъ онъ очень скромно, обои въ немъ полинялые и залы пусты. Прежде нежели офицеры вошли въ тронную залу, они, сообразуясь съ установленнымъ церемоналомъ должны были снять перчатки. Пій IX былъ весь въ бѣлой одеждѣ; онъ средняго роста, но довольно тученъ, волосы у него сѣдые, но довольно густые. Адмиралъ поблагодарилъ за аудіенцію, и увѣрялъ, что онъ гордится тѣмъ, что командуетъ эскадрою, которая будетъ сопровождать его. Папа отвѣчалъ по италіянски, что онъ никогда не забудетъ, что Франція сдѣлала для него, для церкви и для его духовнаго права.

«Я желалъ бы, сказалъ онъ, благословить Францію такъ какъ васъ благословляю».

При этихъ словахъ всѣ офицеры встали на колѣни и приняли благословіе. Адмиралъ и г. Реневаль поцаловали кольцо Папы, и всѣ удалились.

— Портичи, 4-го апрѣля, l' Evènement. Сегодня, въ полдень, Папа оставилъ Портичи и отправился обратно въ свои владѣнія. Его Святѣйшество переночуетъ сегодня въ Казертѣ. Кромѣ кардинала Антонелли, прелатовъ и придворныхъ чиновъ, Папу сопровождаютъ кардиналъ Дюпошъ и г. Микара. Король Неаполитанскій проводитъ Его Святѣйшество до границы.

— Римъ, 2-го апрѣля.—Со вчерашняго дня на замкѣ Св. Ангела въ Римѣ снова развивается папскій флагъ. Во внутреннихъ Ватикана встрѣчаются уже не французскіе, а папскіе солдаты. Въ дневномъ приказѣ къ французской арміи, солдатамъ велѣно между прочимъ, отдавать кардиналамъ военныя почести и извѣстить о прибытіи Папы 101 выстрѣломъ. Болонская газета, которой хорошо извѣстны эти дѣла, предполагаетъ, что Папа прибудетъ 8 числа, потому-что 6 числа онъ будетъ, навѣрное, въ Террачину.

5-го.—Монсеньоръ Савелли, министръ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, министръ земледѣлія, искусства и публичныхъ работъ Якоби, и министръ финансовъ Галли, отправились въ Террачину, чтобы поздравить Папу съ прибытіемъ въ его владѣнія.

Папу приняли въ Террачину съ восторгомъ; въ Римѣ также неспиритворно радуются скорому прибытію его.

— Папу принимали съ величайшимъ восторгомъ вездѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ. 10 числа въ Чивита-Веккїи служили благодарственный молебень по случаю счастливаго возвращенія Его Святѣйшества.

— Временная Муниципальная Коммиссія издала слѣдующее воззваніе къ Римлянамъ:

«Наконецъ приблизился многожеланный день, когда папскій престоль и нашъ Римъ возвратится къ прежнему своему блеску! Въ пятницу, 12-го апрѣля, въ 4 часа, Папа будетъ въ Римѣ, приметъ въ Латранской церкви поздравленія общиннаго начальства, и помолясь Всемогушему Подателю всѣхъ благъ, отправится по Via S. Giovanni къ Foro Trojano, оттуда по Via Papele въ соборъ св. Петра, а изъ собора св. Петра поедетъ въ Ватиканъ. Празднуйте, сограждане, это счастливое событіе! Превзойдите рвеніемъ вашимъ прочіе города, потому-что возвращеніе верховнаго главы церкви удовлетворитъ ваши желанія, и будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, ручательствомъ за ваше истинное благосостояніе. Капитолій, 9-го апрѣля. (Под.) Президентъ Клизъ Одескальки, Кав. А. Алибранди. Б. Периколли. Маркизъ Б. Капрашка. Кав. Дж. Палацци. Д-ръ А. Тавани. Б. Белли. Кав. Бенедетти. Адв. Пуліеро.»

— Утромъ, 12 апрѣля, Папа выѣхалъ изъ Веллетри, въ сопровожденіи кардиналовъ Аскани, Дюпона и Антонелли; онъ останавливался на некоторое время въ городѣ Гвезано, былъ въ тамошней церкви, благословляя народъ и неапо-

литанских солдатъ, которые провожали его. Неаполитанцевъ замѣнили Французы. Въ Альбаио Папа былъ угощаемъ тамошнимъ Епископомъ, Кардиналомъ Патрици. Въ 4 часа по полудни онъ вступилъ въ предѣлы вѣчнаго города. На Латранской-площади его встрѣтила многочисленная толпа радостнаго народа. Стоявшія тамъ французскія и римскія войска отдали ему обычную честь. Пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ отдаленныхъ кварталовъ о счастливомъ событіи. На панерти базилики св. Іоанна Латранскаго Папу встрѣтило духовенство этой церкви; тутъ же были поднесены ему городскимъ начальствомъ ключи Рима. Когда Папа выходилъ изъ экипажа, его встрѣтило все римское духовенство и дипломатическій корпусъ. На дорогѣ къ Ватикану, онъ встрѣчалъ многочисленныя толпы народа, радовавшася его возвращенію. Въ церкви Ватикана встрѣтилъ его кардиналъ Маттеи, онъ пріобшился тутъ Святыхъ Тайнъ, выслушалъ благодарственный молебенъ и потомъ удалился во внутренніе покои Ватикана, гдѣ снова принималъ поздравленія кардиналовъ и дипломатическаго корпуса. Вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно иллюминированъ.

— Вѣнская газета получила по телеграфу извѣстіе, что по прибытіи Папы въ Римъ, за дворцомъ князя Дикси произошла петарда, что произвело нѣкоторое волненіе. Нѣсколько чиновниковъ отставлено отъ должности по этому случаю.

— Генераль Бараге д'Илье возвращается, съ позволенія правительства, во Францію, потому-что если онъ находился бы въ отсутствіи болѣе полугода, то лишился бы званія представителя. На время команда поручается старшему послѣ него, генералу г. Гевиллье.

— Въездъ Папы въ Римъ воспослѣдоваль 12 числа, въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди шли папскіе драгуны и величы, потомъ французскіе егеря, драгуны и жандармы, а за ними бригадный командиръ и римскій комендантъ со своимъ штатомъ и отрядъ дворанской гвардіи. За ними слѣдовала карета Папы, въ которой сидѣли также кардиналы Медици, д'Отталлио и Барромео. По правой сторонѣ кареты ѣхалъ дивизионный генераль Бараге д'Илье, а съ лѣвой, начальникъ дворанской гвардіи князь Альтеери. За каретою ѣхалъ французскій генеральскій штабъ, дворанская гвардія и французскіе драгуны, потомъ кардиналы: Патрици, Делла Джениа, Серматтеи, Ванчелли-Касони, Алтеери,

Аскани, Дюпонъ и Антонелли, временная муниципальная коммисія и дипломатическій корпусъ, именно: Г. Мартинецъ де-ла-Роза (испанскій посланникъ), Графъ Лидекерне Бофортъ (нидерландскій), графъ Дюполль (неаполитанскій), графъ Спауръ (баварскій), баронъ да Вендо де-Крунь (португальскій), Муттино де-Лампа Альваресъ-Сильва (бразильскій), Бутеневъ (русскій), Прраразабаль (чилійскій), графъ Эстергази (австрійскій). Секретари французскаго посольства: Гг. Ла-Туръ, д'Овернь, и Беркастель-Брукеръ (бельгійскій), Кестнеръ (ганноверскій), Беральи (тоscanскій), Маркизъ Лоренцано (экваторіальной республики), графъ Симонетти (моденскій), Монмоа (мексиканскій), Альфредъ де-Рѣмонтъ (пруссскій), маркизъ Спинола (сардинскій), фонъ-Кольдъ (виртембергскій), Касъ (сѣверо-американскій).

— Въ Bulletin de Paris, отъ 22 числа, напечатано: «Мы узнали сегодня, чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ, что извѣстія, напечатанныя въ Аугсбургской газетѣ и перепечатанныя парижскими журналами, оказываются, къ несчастію, справедливыми. Передъ дворцомъ Chizi были положены петарды, былъ и взрывъ. генераль Бараге д'Илье подтвердилъ эти извѣстія въ депешѣ къ Генералу Аамтту, полученной сегодня утромъ. Въ Римъ замышляютъ много интригъ, чтобы ослабить благотвельное вліяніе возвращенія Папы...»

— Кардиналъ Викарій объявлялъ Римлянамъ, что Папа, обращая особенное вниманіе на положеніе бѣдныхъ, и желая показать имъ, сколько онъ тронутъ перенесенными ими несчастіями, приказалъ раздать имъ, изъ собственной казны, 25,000 экио. Примеру Папы послѣдовало городское начальство, приказавшее также раздать бѣднымъ значительную сумму, и многіе богатые люди.

20-го апрѣля. — Папа былъ въ Боргезской часовнѣ, и потомъ, при восклицаніяхъ народа, объѣхалъ большую часть города. Поздравительная депутація города Анконы была принята имъ очень ласково.

Неаполь.—Король, проводивъ Папу до границъ его владѣній, отправился въ Гаэту. Тамъ собрано довольно много войска, и портъ укрѣпляютъ; это дѣлается, говорятъ, вслѣдствіе ноты Лорда Пальмерстона.

Тоскана.—31 марта скончался во Флоренціи извѣстный поэтъ Джузеппе Джусти.

— Австрийское военное начальство распорядилось, чтобы церкви въ Лиорно были запираемы въ 7 часовъ вечера, и отпираемы только на слѣдующее утро.

— Договоръ между Австріей и Тосканой почти заключенъ, на условіяхъ, довольно выгодныхъ для Тосканы. Въ этомъ договорѣ сказано, что австрийскія войска останутся въ Тосканѣ, въ качествѣ вспомогательнаго корпуса. Тосканское правительство будетъ пользоваться ими сообразно съ своими надобностями; но дисциплина и военное управленіе будутъ вполне зависеть отъ Австріи.

4-го апрѣля. — Въ письмѣ изъ Флоренціи рассказываютъ о великолѣпномъ маскарадѣ, данномъ французскимъ посланникомъ при тосканскомъ дворѣ, г. *Валевскимъ*. Особенное вниманіе обратили на себя, богатствомъ своихъ костюмовъ, г. *Демидовъ*, *Зичи* и *лордъ Вернонъ*; первый былъ въ костюмѣ Карла I, осыпанномъ брилліантами, второй въ венгерскомъ костюмѣ, а третій въ шотландскомъ.

10-го. — Сегодня торжествовали во Флоренціи бракосочетаніе *Принцессы Тосканской, Изабеллы*, съ *графомъ Трапани*.

Сардинія. — 3 апрѣля. — Вотъ исторія переговоровъ съ *Папою* объ уничтоженіи духовныхъ преимуществъ: Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, *графъ Аветт* отправилъ въ Римъ записку объ этомъ дѣлѣ; за тѣмъ послѣдовала, въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года, другая записка, и обѣ онѣ были основаны на статутѣ. Составленная по этому дѣлу папская коммиссія потребовала отъ посланника *Парето* подробный проектъ. *Кардиналъ Антониелли* отвѣчалъ на это другимъ проектомъ, рѣшительно невозможнымъ. Такъ какъ Римъ упорно настаивалъ, то туда послали *Аббата Росмини*, чтобы навѣрное узнать, склонны ли тамъ къ переговорамъ. *Росмини* хотѣлъ наконецъ вести переговоры на основаніи папскаго проекта, но правительство не могло на это рѣшиться. По этому г. *Росмини* отказался отъ даннаго ему порученія. Наконецъ министр *Маргерита* послалъ въ Римъ г. *Сиккарди*, чтобы сдѣлать новую попытку, и эта попытка осталась тщетною. Тогда предложенъ былъ известный законъ.

— Въ газетѣ *Concordia* рассказываютъ, что австрийское правительство прислало ноту, въ которой оно требуетъ удаленія ломбардскихъ бѣглецовъ.

— Работы на желѣзныхъ дорогахъ въ сардинскихъ владѣніяхъ, продолжавшіяся даже во-время войны съ Австріей, быстро идутъ впередъ. Сквозь цѣпь Апеннинскихъ-горъ, отдѣляющую Геную отъ равнины рѣки По, уже прорытъ тоннель, и можно надѣяться, что скоро между этимъ важнымъ портомъ и большою Италійскою рѣкою установится быстрое сообщеніе. Дѣятельно трудятся также на линіи, которая поведетъ отъ Александріи къ озеру Маджоре, потомъ къ швейцарской границѣ, и соединится съ большими германскими линіями, ведущими къ Сѣверному Морю. Другая линія должна идти отъ Турина, чрезъ гору Сени, (Мон-Сени) на Шамбері и Женеву, и соединиться съ французскими желѣзными дорогами, когда на этой сторонѣ онѣ будутъ готовы.

16-го. — Въ Александріи собирается новый корпусъ войскъ.

26-го. — Весна распространяетъ свое чарующее вліяніе на засѣданія Палаты Депутатовъ. Скамьи, залы и галереи для постороннихъ слушателей пустыютъ. Бываютъ только постоянные посѣтители, *habitués*; всякій ѣдетъ въ деревню, если есть хоть малѣйшая къ тому возможность. Вчерашнія пренія касались вопроса о учрежденіи университета на островѣ Сардиніи, и не представляютъ интереса.

Франція.

1-го апрѣля. — Дѣлаютъ приготовленія къ весьма-важному опыту. На привязанномъ воздушномъ шарѣ, поднятномъ на высоту 300 метровъ, устроенъ будетъ сильный электрическій маякъ по указаніямъ новѣйшихъ открытій. При безвѣтріи, надѣются этимъ приборомъ освѣтить четвертую часть кварталовъ праваго берега Сены.

Зак. Соб. — Продолжались пренія о бюджетѣ. *Г. Видаль* объявилъ, во-время засѣданія, что онъ принимаетъ выборъ Нижне-Рейнскаго Департамента. Парижу приходится выбирать новаго представителя, а демократическая партія имѣетъ уже кандидата, г. *Эмилъ де-Жирардѣна*, который объявилъ уже въ своемъ журналѣ *la Presse*, что принимаетъ эту кандидатуру.

— Выписываемъ изъ брошюрки, вышедшей недавно поды

названиемъ: «Mystères de l'Hôtel de ville», довольно любопытный анекдотъ о томъ, какимъ образомъ раздавались мѣста во времена временнаго правительства. Вотъ этотъ анекдотъ:

«Въ маленькихъ комнатахъ, которыя находятся подле входа въ кабинетъ, гдѣ засѣдало временное правительство, было такъ тѣсно, что никто не могъ болѣе войти туда, а тѣ, которые уже добрались на такое близкое разстояніе отъ восходящаго солнца, никакъ не хотѣли выйти оттуда; они во что бы то ни стало хотѣли приблизиться къ этому трону въ новомъ родѣ, и ни за какія деньги въ мірѣ не отступили бы на шагъ назадъ.

«Придверникъ, который несъ блюдо съ котлетами, хлѣбъ и бутылку подъ рукою, старался, по тщетно, проложить себѣ дорогу; напрасно онъ показывалъ цѣпочку, которая свидѣтельствовала о его должности, всѣ были глухи и слѣпы».

— Граждане, говорилъ онъ: вы забываете, что я несу эту скудную пищу господамъ членамъ временнаго правительства!»

«Но и тутъ никто не шевелился. Наконецъ, какой-то толстый и веселый господинъ, лѣтъ около 35 или 40, въ черномъ фракѣ, въ длинныхъ и гладко-зачесанныхъ волосахъ, составилъ новый планъ для своего похода, вследствие котораго онъ долженъ былъ самъ понасть туда, куда тщетно старался войти придверникъ: онъ сталъ передъ человекомъ съ серебряною цѣпочкою, и началъ силой расталкивать толпу направо и налево, восклицая громкимъ голосомъ:

— Пропустите! Завтракъ г. *Гарнье Пажеса*, который умираетъ съ голоду. Посторонитесь, чтобы этотъ достойный гражданинъ подкрѣпился и сталъ снова работать для утвержденія республики, которая одна только и можетъ составить счастье насъ всѣхъ!»

«Повинуясь голосу, а особенно геркулесовскимъ жестамъ этого покровителя придверника, толпа очистила маленькій проходъ, и оба они дошли до кабинета, гдѣ происходили совѣщанія. Черезъ четверть часа послѣ того, гражданинъ-покровитель вышелъ оттуда съ веселымъ лицомъ, держа въ рукахъ повелѣніе дать ему почтовыхъ лошадей и проч. Онъ отправлялся съ какимъ-то порученіемъ въ провинцію».

— *Прудонъ* будетъ представленъ на-дняхъ въ Ассизный Судъ; онъ выбралъ себѣ въ адвокаты г. *Кремё*.

2-го. — *Зак. Соб.* Собраніе приняло мѣстный проектъ закона. Затѣмъ слѣдовало продолженіе преній о бюджетѣ. При рассмотрѣніи 2 главы, а особенно о содержаніи приходскаго духовенства, многіе члены лѣвой стороны требовали, чтобы эта сумма была уменьшена въ 1,200,000 фр. *Г. Фавръ* говорилъ о нештатныхъ священникахъ. Онъ утверждалъ, что они невольники, которыхъ участь зависитъ отъ расположенія духа Епископовъ, и что званіе ихъ должно быть пожизненнымъ, какъ званіе штатныхъ священниковъ. Поэтому-то и должно измѣнить ихъ положеніе. *Министръ Парьё* объявлялъ, что онъ не ожидалъ, чтобы членъ лѣвой стороны сталъ защищать религію и духовенство. Это предложеніе было совершенно неожиданно. Никто и не намѣревался серьезно разсматривать его, и г. *Жюль-Фавръ*, сдѣлавъ это предложеніе, хотѣлъ, вѣроятно, только возбудить низшее духовенство противъ правительства. Церковь, для пользы религіи, нуждается въ строгой дисциплинѣ. Въ заключеніе своей рѣчи, г. *Парьё* просилъ собраніе отвергнуть предложеніе. *Г. Жюль Фавръ* требовалъ, чтобы ему просто и тотчасъ же отвѣчали на вопросъ:

«Намѣрено-ли Собраніе продолжать пренія о положеніи низшаго духовенства?»

Г. Беррье потребовалъ слова (*Вниманіе*). Ораторъ, при живомъ одобреніи правой стороны, развивалъ разницу между добровольнымъ покореніемъ и между мнимымъ гражданскимъ неравенствомъ низшаго духовенства; онъ говорилъ также о томъ, что правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ дисциплину церкви; о необходимости строгаго испытанія духовныхъ лицъ, прежде утвержденія ихъ въ санъ священника на всю жизнь, и въ заключеніе своей рѣчи старался доказать нелѣпость мысли, высказанной лѣвою стороною, предоставить гражданамъ избирать общинныхъ священниковъ, въ такое время, когда большая часть избирателей или атеисты, или совершенно равнодушны, или заражены политическими страстями. Затѣмъ собраніе (434 голосовъ противъ 142) отвергло предложеніе г. *Жюль Фавра*.

3-го. — *Зак. Соб.* — Собраніе снова принялось за пренія о бюджетѣ. *Г. Жюль Фавръ* требовалъ уменьшенія 32000 фран. суммы, назначенной на секретныя издержки полиціи.

Правительство пользуется этими фондами для преследования некоторых мнѣній. Одно лицо, не участвующее въ Собрании, имѣетъ рѣшительное вліяніе на правительство, а именно префектъ полиціи, г. Карлье. (Очень хорошо!) Министерство придаетъ охранительнымъ журналамъ слищкомъ сильное вліяніе. Въ префекты полиціи всегда избирали людей достойныхъ и замѣчательныхъ.

Голосъ. А Коссидьеръ?

Г. Фаеръ. Это не согласно съ французскими правами, нападать на отсутствующаго, на осужденнаго (Шумъ). Теперь это мѣсто поручили простому полицейскому агенту, который только и извѣстенъ доносами на социалистовъ. Социализму объявили войну, и это объявленіе будетъ началомъ междоусобной войны.

Съ льва. Очень хорошо! (Шумъ).

Г. Фаеръ. Такъ и начинается междоусобная война. Стараются уничтожить партію, которую называютъ красною.

Съ права. Вы сами избрали членовъ этой партіи въ представители!

Съ льва. Уважайте оратора!

Г. Мортимеръ Терло. Такъ пусть же онъ уважаетъ Собраніе. (Снова шумъ).

Г. Дюидъ, членъ лѣвой стороны напалъ на г. Гюона члена правой стороны. Между ними завязался споръ. Послышалось слово: «трусъ». (Страшное волненіе). Волненіе дошло до крайности.

Г. Данжуа. Здѣсь обругали товарища. Надо принять мѣры!

Наконецъ спокойствіе снова возобновилось.

Г. Фаеръ. Я не подаю повода къ этому непріятному случаю.

За тѣмъ онъ продолжалъ говорить. Онъ утверждалъ, что одного человека лишили мѣста, а одной бѣдной вдовѣ перестали давать пособіе, за то только, что они принадлежали къ социалистической партіи. Въ заключеніе онъ говорилъ о циркулярѣ г. д'Олу жандармамъ, и о циркулярѣ префекта объ осадномъ положеніи Ренскаго департамента, утверждалъ, будто бы въ библиотекъ отыскиваютъ вредныя книги и готовятъ списки изгнанниковъ (Шумъ).

Между-тѣмъ г. Фульдъ объявлялъ, что онъ желалъ бы представить бюджетъ на 1851 годъ, но теперь не рѣшается потребовать слова.

Г. Данжуа сказалъ, что во-время всеобщаго волненія г. Дюидъ угрожалъ правой стороной сжатымъ кулакомъ, требуя, чтобы уважали трибуну. Г. Селюръ д'Аессо отвѣчалъ на это: уважайте насъ самихъ. Г. Дюидъ обидѣлъ г. Гюона, сдѣлавъ угрожающій жестъ. Г. Дюидъ долженъ быть наказанъ по положенію статьи 119 регламента. Къ такому поведенію тѣмъ менѣе можно быть равнодушнымъ, что трезвато для самаго Президента Республики жестоко обидѣли. (Страшное волненіе).

Президентъ. Я слышалъ слово: доносчикъ, и напоминаю о порядкѣ тому, кто произнесъ его.

Г. Мю требовалъ слова, для объясненія по личному дѣлу (Ропотъ).

— Когда я услышалъ, что г. Данжуа требовалъ, чтобы нашъ товарищъ Дюидъ былъ подвергнутъ наказанію, мною овладѣло негодованіе, и я невольно назвалъ его доносчикомъ! (Страшный шумъ).

Комитетъ предложилъ сдѣлать г. Мю замѣчаніе со внесеніемъ въ протоколъ. Предложеніе это было принято.

Г. Данжуа, въ своей рѣчи сказалъ, что Президентъ не дружелюбно былъ принятъ въ предмѣстьи Сент-Антуанъ. Генералъ д'Олу утверждалъ, что это несправедливо, что Президентъ не потерялъ никакихъ оскорбленій и что все слухи объ этомъ не основательны. Г. Гюонъ объявлялъ, что угрожающій жестъ (сжатый кулакъ) не относится къ нему. Г. Дюидъ прошелъ мимо скамейки г. Гюона, когда онъ воскликнулъ: «уважайте самихъ себя». Тутъ онъ обратился съ сжатымъ кулакомъ ко всемъ, которые тамъ сидѣли, а не лично къ нему, и спросилъ: кто это сказалъ? г. Гюонъ возразилъ: «Я». Тутъ въ дѣло вмѣшались нѣсколько представителей. Вотъ какъ это было, но это считаетъ себя лично обиженнымъ. Самъ г. Дюидъ объявлялъ, что это было дѣйствительно такъ и что онъ не имѣлъ намѣренія кого-нибудь обидѣть. Г. Шасселу-Лоба замѣтилъ, что не г. Данжуа, а одинъ президентъ можетъ предлагать наказанія.

Затѣмъ Собраніе перешло къ очереднымъ занятіямъ. Г. Баронъ опровергалъ предложеніе г. Жюль Фаера. Въ заключеніе это предложеніе, сдѣланное съ цѣлью порицанія министерской политики, было отвергнуто (410 голосовъ противъ 175).

— 29-го ноября 1849 года, Кабѣ былъ приговоренъ заочно судомъ исправительной полиціи, за употребленіе во

зло доверія и за обманъ, къ заключенію на 2 года въ тюрьму, къ уплатѣ 50 фр. денежнаго штрафа и къ лишенію гражданскихъ правъ на 5 лѣтъ. Кабѣ протестовалъ противъ этого приговора, обьявляя лично явиться въ судъ. Ему назначили для этого срокъ, который явился третьяго-дня. Защитникъ Кабѣ, *Генри Селеб* требовалъ вторично трехмѣсячной отсрочки, но Судъ отринувъ это требованіе и подтвердилъ приговоръ 29-го ноября.

— По извѣстію, сообщаемому въ газ. «la Patrie», изъ Парижа выслано вчера 1.500 человекъ.

5-го — *Зак. Соб.* Въ 2¼ часа было окончено собраніе голосовъ для выбора двухъ послѣднихъ вице-президентовъ.

— Мистриссъ *Гильдъ (Дола-Монтесс)* поселилась въ отель Божонъ, въ Елисейскихъ поляхъ, который мужъ ея нанялъ для нея. Супруги живутъ опять мирно.

— Почти все парижскіе журналы толкуютъ о происшествіи, случившемся съ *Президентомъ Республики* въ Сент-Антуанскомъ предмѣстии, но во всѣхъ этихъ толкахъ много разногласія. Дѣло въ томъ, что *Президентъ* вздвигъ 2 апрѣля въ Венсенъ, для смотра стоящихъ тамъ артиллеристовъ; артиллеристы приняли его съ большимъ восторгомъ; онъ роздалъ солдатамъ нѣсколько крестовъ и медалей, и поблагодаривъ ихъ за отличную выpravку, отправился въ обратный путь. *Президента* сопровождалъ *генералъ д'Опу*, сидѣвшій въ одномъ съ нимъ экипажѣ, и конвой изъ 30 драгунъ. Пока *Президентъ* смотрѣлъ артиллеристовъ, демократы успѣли собрать множество народа и разставили его на довольно длинномъ разстояніи; когда *Президентъ* вѣхалъ назадъ, весь этотъ народъ кричалъ:

— Да здравствуетъ демократическая республика!

Нѣкоторые журналы утверждаютъ, что за *Президентомъ* ѣхала пустая коляска, ему же принадлежащая, и что кучеру и лакею этой коляски было сдѣлано нѣсколько довольно грубыхъ оскорбленій.

— Изъ Берля (въ Энскомъ департаментѣ), отъ 29-го марта пишутъ, что савойскіе карбинеры захватили въ Геннѣ восьмерыхъ молодыхъ людей въ блузахъ, скрывавшихъ подъ этою одеждою высшее состояніе. Говорятъ, что они прибыли во Францію съ революціонными замыслами. Слухи эти подтверждаются тѣмъ, что въ эту же ночь двадцать другихъ лицъ переправились чрезъ Рону въ Шо, и вступили во Францію. Когда французская таможенная стража хо-

тела ихъ остановить, они угрожали ей оружіемъ. Будучи слишкомъ слаба, чтобъ бороться съ ними, она ихъ пропустила. Этотъ случай привелъ въ волненіе всѣхъ окрестныхъ жителей. Все таможенны по этой линіи получили приказаніе задержать бывшаго редактора газеты *Le Peuple Souverain*, *Фореса*, бѣжавшаго изъ рукъ жандармовъ.

6-го. — *Зак. Соб.* — *Президентъ* объявлялъ, что имѣетъ быть произведенъ выборъ двухъ вице-президентовъ посредствомъ баллотировки между гг. *Фоме*, *Ватименилемъ*, *Бенуа д'Ази* и *Жюлемъ де Ластері*. Въ 2 часа перечисленіе голосовъ было окончено, и Собраніе занялось снова выборами въ департаментъ Верхняго Рейна. Министръ внутреннихъ дѣлъ не сомнѣвался, что выборы будутъ утверждены, и хотѣлъ защитить чиновниковъ. Онъ увѣрялъ, что префектъ дѣйствовалъ безпристрастно, а что касается до циркуляра, то о немъ производится слѣдствіе. Соціалисты не должны настаивать, что они могутъ поколебать дисциплину въ арміи. Правительство будетъ оберегать отъ этого армію, а въ случаѣ нужды приметъ строгія мѣры противъ виновныхъ.

Г. Пеанъ. Вы проповѣдуете мнѣніе.

Барошъ. Это они дѣлаютъ и въ письмѣ и на словахъ. Они поощряютъ солдатъ къ неуваженію начальства, они злословятъ правительство. (*Ободреніе съ права*).

Г. Валентинъ (бывшій лейтенантъ егерскаго Венсенскаго полка) вошелъ на трибуну въ мундирѣ. Онъ говорилъ, что онъ сумѣетъ оправдать армію, и что онъ проситъ только снисхожденія, потому-что никогда публично не говорилъ (*шумъ*). Ораторъ принялся читать свою рукопись, но его заглушили. Требовали окончанія преній. Не смотря на протестъ г. *Шофура*, предложеніе было принято. Затѣмъ *президентъ* объявлялъ результатъ выборовъ вице-президентовъ. Въ вице-президенты избраны гг. *Леонъ Фоме* и *Жюль де Ластері*. Затѣмъ Собраніе перешло къ собранію голосовъ о выборахъ въ департаментъ Верхняго Рейна. Результатъ вышелъ слѣдующій: подающихъ голоса было 629; въ пользу выборовъ подано 420, противъ нихъ 209 голосовъ. Такимъ образомъ выборы были утверждены. Въ заключеніе Собраніе назначило министру публичныхъ работъ на издержки желѣзной дороги изъ Парижа въ Ссо 40,000 франковъ. Собраніе безъ преній назначило выдать прибавочные кредиты для покрытія недоимокъ за 1846 и 1847 годъ.

— Въ *Gazette des Tribunaux* напечатано: г. *Эмиль Жиранд* намреть вычеканить медаль въ память последней рвчи г. *Виктора Гюго*.

— Газета *l'Ordre* уверяетъ, что число первоначальныхъ учителей, оставленныхъ отъ должности вслѣдствіе закона 10 января, простирается не больше, какъ до 300.

8-го. — *Зак. Соб.* По причинѣ отреченія г. *Жюль Ластери* отъ должности четвертаго вице-президента Собранія, была открыта новая балатировка и *Жюль Ластери* былъ вторично выбранъ 325 голосами противъ 22, поданныхъ въ пользу г. *Ватименля*. Г. *де Лабордъ* представилъ Собранію просьбу, подписанную многими жителями нѣкоторыхъ общинъ Воклюзскаго департамента, которою требуется исполненіе предложенія г. *Арошжаклена (Смъхъ)*. На очереди были вторичныя пренія о желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Авиньонъ. По требованію г. *Амартина*, пренія отложены до слѣдующаго засѣданія.

— Президентъ Республики произнесъ, при открытіи генеральнаго совѣта земледѣлія и торговли, слѣдующую рѣчь: «Милостивые государи! Никогда содѣйствіе ваше не было столь необходимо, какъ въ настоящее время. При нашемъ послѣднемъ собраніи, бывшемъ за четыре года, вы пользовались совершенной безопасностью, и могли спокойно заниматься изысканіемъ средствъ къ усовершенствованію промышленности. Въ настоящее время, исполненіе этой обязанности труднѣе. Непредвидимый переворотъ, поколебавшій общество, породилъ множество вопросовъ. Съ одной стороны, должно утвердить то, что поколеблено, съ другой, принять рѣшительныя мѣры къ вспомоствованію страждущимъ интересамъ. Лучшее средство къ обезсиленію того, что опасно и ложно, есть принятіе того, что дѣйствительно хорошо и полезно. (*Рукоплесканія*).

«Затруднительное положеніе земледѣлія должно прежде всего обратить на себя ваше просвѣщенное вниманіе. Правительство уже оказало земледѣлію первыя пособія, избавленіемъ поземельной собственности отъ налога въ 27 миліоновъ франковъ, и предложеніемъ измѣнить, въ пользу земледѣльцевъ, законы о залогахъ.

«Кромѣ того, для облегченія займовъ, правительство уменьшило пошлины, взимаемыя при составленіи заемныхъ писемъ; наконецъ, оно намрено предложить скорѣ на выше разсмотрѣніе проектъ закона, которымъ, я надѣюсь, у-

твердится поземельный кредитъ, представляющей существенныя выгоды землевладельцамъ, не подвергая казны никакимъ опасностямъ.

«Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего мнѣнія объ уменьшеніи налога на сахаръ. Мы бы хотѣли, чтобъ цѣны на этотъ важный предметъ потребленія понизились, безъ вреда, какъ туземной, такъ и колоніальной промышленности.

«Многія мануфактуры находятъ въ упадкѣ и, подобно земледѣлію и торговлѣ, не могутъ возстановиться иначе, какъ возстановленіемъ общественаго кредита. Кредитъ есть нравственная сторона матеріальныхъ интересовъ; это духъ, живящій всѣмъ родомъ промышленности. Онъ удерживаетъ цѣнность произведеній, а недовѣріе уничтожаетъ ее. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время, Франція не имѣетъ избытка въ хлѣбѣ, но недостатокъ довѣрія препятствуетъ торговымъ сдѣлкамъ, поддерживаетъ слишкомъ низкія цѣны на хлѣбъ, и причиняетъ тѣмъ земледѣлію вредъ, не отравимый тѣми способами, какіе до-сихъ-поръ предлагались.

«Итакъ, вмѣсто того, чтобы вѣдаться въ мечтательныя теоріи, здравомыслящіе люди должны содѣйствовать нашимъ усиліямъ къ возстановленію кредита, а эта цель можетъ быть достигнута не иначе, какъ при усиленіи правильства, для поддержанія порядка и повиновенія законамъ. (*Рукоплесканія*).

«Принимая общія мѣры, долженствующія содѣйствовать благосостоянію всего государства, правительство заботится также объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи, оно обратитъ ваше вниманіе на сберегательныя и пенсійныя кассы, на кассы взаимнаго вспоможенія и на улучшеніе квартиръ, занимаемыхъ рабочими.

«Мнѣ пріятно надѣяться, что ваше собраніе, составленное изъ людей способныхъ и специально образованныхъ, будетъ обильно благотворными результатами. Вы чужды того духа партій, который въ наше время приводитъ къ бездѣйствію самыя лучшія намрѣнія; вы оживлены однимъ желаніемъ, — желаніемъ общественаго блага.

«Итакъ, изслѣдуйте же, съ свойственною вамъ добросовѣстностью, вопросы наиболее практическіе, вопросы непосредственнаго приложенія. Съ своей стороны, я сдѣлаю, съ содѣйствіемъ собранія, все, что будетъ возможно. Но еще разъ повторю: неспѣшимъ, время дорого; да не опередитъ

насть движеніе зловердныхъ страстей.» (*Продолжительнымъ рукоплексаніемъ*).

9-го. — *Зак. Соб. Г. Ламартина* потребовалъ слова во время преній о Парижско-Авиньонской желѣзной дорогѣ.

— Въ случаѣ волненія политическихъ страстей, сказалъ онъ, надо оказывать единодушіе относительно одного вопроса: вопроса о работѣ и о поддержаніи національнаго благосостоянія. Если предложеніе правительства и будетъ отвергнуто, то я подамъ голосъ въ пользу предложенія г. *Гриви*, лишь бы только доставить работу народу. Сперва я возставалъ противъ предоставленія постройки обществу постройки большихъ желѣзныхъ дорогъ и отдачу такимъ образомъ пространныхъ частей земли во владеніе частныхъ лицъ; но теперь законъ 1842 года устранилъ отчасти это зло. Ораторъ повторилъ доводы г. *Леона Фюше*, и объявилъ, что совершенно согласенъ съ ними. Теперь государство находится не въ состояніи строить само большія дороги, и оно должно считать себя счастливымъ, если большія компаніи хотять дать на то свои капиталы. Онъ (ораторъ) посвятилъ 25 лѣтъ своей жизни изученію политической экономіи (*ропотъ*). Этимъ я не хочу сказать, что я обогатилъ науку, но, вѣроятно, все повернуть, что я довольно умень, чтобы быть въ состояніи изучать ее. Многие возстаютъ противъ торга акціями. Но въѣтъ торгъ этотъ есть спекуляція, которая оплодотворяетъ промышленность. Тотъ, кто хочетъ дожда, долженъ хотеть, чтобы были и облака.

Съ льва. Да, но не градъ!

Ламартинъ. Въ пользу этого предложенія говорятъ также и политическія причины. Теперь снова появились безумныя ученія. Я не говорю о коммунизмѣ, противъ него мы все возстаемъ, а о социализмѣ, который имѣетъ приверженцевъ и здѣсь, въ Палатѣ. Лучшее средство противъ этихъ химеръ, этихъ злобныхъ страстей, этихъ утопій — работа. Рѣшеніе этого дѣла должно вести къ уменьшенію нищества и вредныхъ страстей. (*Долгое молчаніе*).

Г. *Кремье*: До той минуты, когда г. *Ламартинъ* не посоветовалъ принять законъ, не оказывая никакого уваженія къ прежнимъ своимъ мнѣніямъ и системѣ, дѣйствительно это говорилъ г. *Ламартинъ*. Я вспомнилъ при этомъ о знаменитой рѣчи, произнесенной въ прежней Палатѣ Депутатовъ, въ которой г. *Ламартинъ* такъ краснорѣчиво защищалъ противное тому, что теперь защищаетъ. Какъ че-

ловекъ съ здравымъ смысломъ, я не постигаю этой перемены мнѣній, и буду опровергать проектъ, глядя на него съ точки зрѣнія г. *Ламартина*. Ораторъ доказывалъ, что проектъ этотъ не можетъ соотвѣтствовать понятіямъ г. *Ламартина* о вспоможеніи работникамъ, и что удовлетворить этимъ понятіямъ можно только въ такомъ случаѣ, когда государство приметъ на себя эти постройки. Г. *Ламартинъ* опровергалъ проектъ не г. *Гриви*, а другой, который онъ самъ составилъ. Государство не въ состояніи братья за такія предпріятія, говорилъ онъ. Но когда хотять расточать деньги, тогда говорятъ только о хорошемъ положеніи финансовъ. Такъ возставалъ противъ пагубнаго вліянія событій 1848 года на финансы, и наконецъ въ бюджетѣ оказалъ недочетъ 3 милліоновъ. Этотъ недочетъ напоминаетъ о постыдныхъ спекуляціяхъ во времена июльской монархіи. Г. *Ламартинъ* говорилъ о химерахъ, и самъ же указываетъ на нихъ, какъ на причину, по которой слѣдуетъ подать голоса въ пользу закона. Это несогласно съ логикою. Ту же причину приводили и въ пользу закона о мерахъ. Коммиссія отвергла эти причины, и хорошо сдѣлала. (*Волненіе*). Требуяютъ также закона о клубахъ, но лучшей отвѣтъ на это требованіе есть: «Подите и посмотрите сами».

Ораторъ объявилъ себя противъ закона. Докладчикъ г. *Вите* полагалъ, что компаніи могли бы доставить работникамъ доходъ, а государство не можетъ сдѣлать этого. Онъ старался представить ничтожными и преимуществами, которыя предоставляются компаніямъ. Наконецъ онъ сообщилъ исторію проекта. Сперва президентъ хотѣлъ приступить къ собранію голосовъ о томъ, слѣдуетъ ли государству самому строить эту желѣзную дорогу, или нѣтъ. Но собраніе сильно противилось намѣренію президента. Наконецъ предложеніе г. *Гриви* было отвергнуто (443 голосовъ противъ 205).

10-го. — *Зак. Соб.* — На очереди состояло второе разсмотрѣніе проекта закона о Парижъ-Авиньонской желѣзной дорогѣ. Предложеніе г. *Дарблѣ* состоитъ въ слѣдующемъ: въ ожиданіи лучшаго времени, Парижъ-Авиньонская желѣзная дорога имѣетъ быть окончена на казенный счетъ до Шалона. Посреди возрастающаго шума и громкихъ разгоровъ, министръ старался убѣдить собраніе отвергнуть предложеніе г. *Дарблѣ*. Въ Собраніи шумѣли все болѣе и болѣе. Рѣчи оратора уже не было слышно, и все требовали соби-

ранія голосовъ. Собраніе приступило къ собранію голосовъ и предложеніе г. *Дарблэ* было отвергнуто (358 голосовъ противъ 314).

— Г. *Эмиль де-Жирарденъ* напечаталъ, въ своей газетѣ *La Presse*, статью, въ которой онъ перечисляетъ все заслуги свои передъ французскимъ народомъ, все пожертвованія, которыми онъ добровольно палгалъ на себя, послѣ 24 февраля, для пользы демократіи. Въ заключеніе статьи своей, Г. *Эмиль де-Жирарденъ* объявляетъ, что отказывается отъ своей кандидатуры, и безъ всякаго сожаленія уступаетъ мѣсто свое восьмидесяти трехъ-лѣтнему *Дюпону*.

— Графъ *Сиравузскій*, братъ *Короля Неаполитанскаго*, прибылъ изъ Парижа въ Марсель, съѣзъ тамъ на корабль и отправился въ Неаполь. Онъ путешествуетъ подъ строжайшимъ инкогнито, подъ именемъ *сеньора Валенте*.

12-го.—*Зак. Соб.*—Велѣдствіе предложенія министра публичныхъ работъ, Собраніе отложило продолженіе преній о желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Анжюанъ, равно какъ и пренія о бюджетѣ и о пенсіонныхъ кассахъ. Затѣмъ Собраніе рѣшило принять къ разсмотрѣнію предложеніе г. *Наддэ*, объ отменѣ 1781 статьи гражданскаго кодекса. Въ концѣ засѣданія были довольно шумныя пренія, по случаю назначенія дѣлъ, которыя должно было воставить на очередь, для разсмотрѣнія въ завтрашнемъ засѣданіи.

— Во всѣхъ приготовительныхъ избирательныхъ собраніяхъ демократической партіи рѣшено противиться кандидатурѣ г. *Жирардена*, который, впрочемъ, какъ мы уже говорили, отказался отъ нея, въ пользу г. *Дюпона*. Въ этихъ избирательныхъ собраніяхъ обращаютъ вниманіе только на тѣхъ кандидатовъ, которые объявляютъ, что они ставятъ республику выше большинства.

— Газета *Assemblée Nationale* требуетъ сегодня, чтобы г. *Фоа* также отказался отъ своей кандидатуры.

— *Парижскій Архіепископъ* разрѣшилъ, съ согласія *Папы*, построить въ Парижѣ церковь для исповѣдующихъ православную греческую вѣру. Эта церковь будетъ построена на концѣ предмѣстья Сент-Оноре.

— *Прудонъ* и *Лангранъ* были представлены вчера въ Ассизный Судъ, первый за статью подъ заглавіемъ «Да здравствуетъ Императоръ», а послѣдній, какъ праплетъ дѣлъ газеты «*la Voix du Peuple*». *Кремье* и *Мадье де-Монжу* защищали обвиненныхъ.

13-го.—*Зак. Соб.* Приняты безъ преній два мѣстныхъ проекта закона. На очереди состояло разсмотрѣніе предложенія г. *Мелена*, касательно нездоровыхъ квартиръ. Затѣмъ на очереди состояло разсмотрѣніе предложенія, касательно пошлины на собакъ.

Ст. 1-я: «Съ 1 января 1851 года въ пользу общинъ налагается пошлина на всѣхъ собакъ, исключая принадлежащихъ слѣпымъ нищимъ, и щенковъ, которые еще не отстали отъ матери».

Во 2-й *ст.* пошлина опредѣляется въ 1 до 10 франк. Эти статьи были приняты.

Г. *Бонъ* потребовалъ позволенія сдѣлать вопросъ касательно запрещенія избирательныхъ собраній. Министръ объявилъ, что онъ готовъ отвѣчать ему.

Г. *Бонъ*. Граждане весьма благоразумно пользовались правомъ составлять собранія для разсужденій о выборахъ. Правительству вздумалось вдругъ закрыть эти собранія, и такимъ образомъ оно возстаетъ противъ себя гражданъ.

Г. *Баронъ* замѣтилъ, что парижскіе избиратели имѣютъ не болѣе вліянія, чѣмъ департаментскіе избиратели. Парижскіе выборы вовсе не стѣсняють правительство. Но тутъ дѣло идетъ о публичной безопасности. Въ избирательныхъ собраніяхъ развивали правду, недопускаемая ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Одинъ изъ кандидатовъ этихъ избирательныхъ собраній хвастался тѣмъ, что онъ неиритатель жандармовъ и что однажды у него было въ рукахъ красное знамя. Въ одномъ изъ собраній многие носили красныя галстуки, а въ другомъ и красныя повязки на рукахъ. Въ избирательномъ собраніи въ Монмартрѣ произносили рѣчи, противныя религіи. Наконецъ, какъ мы уже говорили, Палата огромнымъ большинствомъ рѣшила перейти къ очереднымъ дѣламъ. Засѣданіе было закрыто въ седьмомъ часу.

— Въ *Indépendance Belge* пишутъ: Ультра-демократы произнесли наконецъ свое рѣшеніе. Послѣ двенадцати-часоваго засѣданія, которое было, говорятъ, очень оживлено, они окончательно отвергли кандидатуры Гг. *Эмиль Жирардена* и *Дюпона* (изъ Эрскаго Департамента), равно какъ и всѣхъ прочихъ искателей, и объявили, большинствомъ 143 голосовъ изъ 227, кандидатомъ ультра-демократической партіи Г. *Евгенія Сю!*...

— *Г. Ламартинь* уезжаетъ изъ Франціи; онъ отправляется на востокъ, черезъ Вену, по Дунаю. Онъ ѣдетъ въ іюнь мѣсяцъ. Поэтъ намѣревается благодарить *Султана*, за уступленные ему въ окрестностяхъ Смирны земли, и просить, чтобы онъ продолжилъ двадцатипятилѣтній срокъ владѣнія ими. Еще неизвѣстно, когда *Г. Ламартинь* думаетъ возвратиться.

— Волеиіе, возникшее по поводу приближенія выборовъ 28 апрѣля, усилилось до такой степени что *префектъ полиціи* счелъ себя въ правѣ приказать, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, воспретятствовать, сегодня вечеромъ, открытію избирательныхъ клубовъ.

— Бывшій представитель, сержантъ *Буашо*, съѣзъ въ Генуѣ на корабль, вмѣстѣ съ двумя бывшими членами римскаго Учредительнаго Собранія. Они отправляются въ Африку, къ извѣстному *Гарibaldi*.

— Каидидатъ охранительной партіи, *г. Фернандъ Фoa* замѣняетъ *г. Деклеркомъ*. Главнѣйш достовѣрства *г. Деклерка* состоятъ въ томъ, что онъ человекъ не политическій, онъ просто торгоуантъ, и потому не можетъ имѣть политическихъ враговъ ни въ одночь изъ отгвѣиковъ умѣренной партіи.

15-го.—*Зак. Соб.*—По прочтеніи протокола послѣдняго засѣданія, *г. Матье* (изъ Дромскаго Департамента) замѣтилъ, что многіе члены требовали слова, для возраженія министру, по *президентъ* счелъ полезнымъ перейти, тотчасъ послѣ второй рѣчи министра, къ собиранію голосовъ: это значитъ стѣснятъ право представителей высказывать свое мнѣніе, и потому онъ протестуетъ противъ этого отъ имени оппозиціи.—*Президентъ* отвѣчалъ, что онъ приказалъ приступить къ собиранію голосовъ по требованію правой стороны, и что онъ допустилъ *г. Жюля Фавра* возражать *Министру*, а это довазываетъ, что пренія не были стѣснены. На очереди состоялось разсмотрѣніе бюджета расходовъ за 1850 годъ. Ректоры академій раздѣлены на три класса: одни получаютъ 6,000 жалованья, другіе 5,000, а третьи 4,500. Сумма, назначенная на жалованье инспекторовъ, которые получали съ 1840 года по 3,000 франк., уменьшена на 162,000 ф. *Г. Родо* предложилъ отстрочить это рѣшеніе до завтрашняго засѣданія, и предложеніе его было принято. Собраніе дозволило выдать 10,000 ф., на издержки богослуженія въ Алжиріи. *Министру внутреннихъ дѣлъ* было дозволено употребить

25,000 ф. для вознагражденія разныхъ должностныхъ лицъ. За тѣмъ слѣдовала глава о суммахъ на секретныя издержки, для сохраненія общественной безопасности. *Г. Моррелъ* требовалъ, чтобы эта статья была исключена, потому-что большая часть неизвѣстныхъ агентовъ полиціи ведетъ себя безираственно и постыдно. Но Собраніе приняло эту статью.

Въ *ст. 8-й* говорится о выдѣчъ 112,000 ф. для національной гвардіи. *Г. Сотеира* требовалъ, чтобы двойное жалованье, получаемое *генералами Шагарнѣ* и *Перро* и составляющее 30,000 ф. было исключено, какъ совершенно незаконное. *Г. Берриѣ* утверждалъ, что это ошибка, и Собраніе отвергло предложеніе *Г. Сотеира*. Затѣмъ 6 главъ были приняты безъ преній. При разсмотрѣніи главы 15, по художественной части, *Г. Ларабі* требовалъ сооруженія статуи *г. Карид*, по декрету Учредительнаго Собранія. *Министръ* обѣщавъ представить проектъ касательно этого дѣла. Въ *статье 20* говорится о выдѣчъ денежнаго вспоможенія театрамъ. *Г. Родо* требовалъ, чтобы вспоможеніе было уменьшено 274,000 фр. *Г. Берриѣ* противился этому, и предложеніе было отвергнуто (390 голосовъ противъ 228.) *Г. Руэ* требовалъ, чтобы разсмотрѣніе закона о сѣлькѣ было назначено. *Г. Маллевиъ* обратилъ вниманіе Собранія на жалкое положеніе Итальянской-оперы, которую содержать теперь только одинъ иностраннѣй певецъ. Онъ требовалъ, чтобы Итальянскому-театру назначили денежное вспоможеніе въ 60,000, или предоставили зданіе театра безденежно въ его распоряженіе. *Г. Кердрель* требовалъ, чтобы и театру Одеону было назначено вспоможеніе въ 56,000 фр. *Г. Барошъ* объявлялъ себя въ пользу перваго, но противъ послѣдняго предложенія. Оба эти предложенія были переданы въ комиссію. *Военный министръ Г. д'Ону* представилъ проектъ закона касательно жандармовъ. *Г. Моренъ* предложилъ уменьшить сумму, назначенную на вспоможеніе политическимъ лицамъ, осужденнымъ за преступленіе при прежнихъ правленіяхъ, съ 500,000 до 200,000 фр. Большинство одобрило его предложеніе, равно какъ и предложеніе о сокращеніи въ 50,000 фр. капиталала, назначеннаго для вспоможенія лицамъ, сражавшимся въ іюль и въ февраль.

16-го.—*Зак. Соб.*—На очереди состоялось предложеніе разсмотрѣнія бюджета расходовъ. Въ *ст. 20* говорится о пособіяхъ театрамъ. Комиссіа поддерживала предложеніе

Г. Маллевиля о назначеніи 60,000 фр. на вспоможеніе Италіанской-оперы. Г. Родо опровергалъ это предложеніе, говоря, что этотъ театръ существуетъ для однихъ аристократовъ. Г. Ламартинъ защищалъ театры, говоря, что они доставляютъ занятіе 100,000 работникамъ, и что процвѣтаніе искусствъ въ Парижѣ необходимо и для благосостоянія провинцій. 10,000 художниковъ и артистовъ, живущихъ въ Парижѣ, терпѣли въ два минувшіе года жестокія лишенія. Предложеніе Г. Маллевиля принято, (362 гол. противъ 222). Г. Шеллеръ предлагалъ соединить статьи 29 и 30, въ которыхъ говорится о политическихъ приговоренныхъ преступникахъ, участвовавшихъ въ февральской и июльской революціяхъ (шумъ). Справа требовали, чтобы собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Г. Викторъ Леранъ возставалъ противъ этого требованія (волненіе). Г. Дамьеръ замѣтилъ, что это дѣло рѣшено. Г. Шаррасъ требовалъ, чтобы голоса были собираемы публично, для того, чтобы Франція узнала противниковъ обихъ революцій (шумъ справа). Г. Дюфоръ говорилъ противъ соединенія лицъ, участвовавшихъ въ битвахъ, происходившихъ въ июль 1830 и въ февраль 1848, съ людьми, которые осуждены за политическія преступленія. Г. Лео-де-Лабордъ сказалъ, что революціи 1830 и 1848 года были произведены безъ согласія Франціи. Президентъ сдѣлалъ ему за это замѣчаніе. Г. Барошъ требовалъ, чтобы пренія были заключены, и Собраніе (406 гол. противъ 205) положило отвергнуть это предложеніе безъ разсмотрѣнія.

— Газета *Moniteur du soir* рассказываетъ, что новый кандидатъ, г. Леклеркъ, есть бумажный торговецъ, который, благодаря своему героизму, заслужилъ любовь національной гвардіи. Г. Леклеркъ, лишившись въ июньскіе дни своего старшаго сына, который палъ прострѣленный 17 пулями, поставилъ вмѣсто его младшаго своего сына, 18 лѣтняго юношу; описаніе этого происшествія, напечатанное крупными литерами, было приклеено на всѣхъ углахъ. Газета *la Patrie* говоритъ что назначеніе этого кандидата будетъ одобрено всеми, и замѣчаетъ, что это кандидатство служить лучшимъ отвѣтомъ на выборъ г. Флота, который командовалъ со стороны инсургентовъ.

— Обвинительная Палата парижскаго Апелляціоннаго Суда призвала г. Либри, члена Академіи Наукъ и бывшаго инспектора публичныхъ библиотекъ, въ ассизный судъ Сен-

скаго Департамента. Г. Либри обвиненъ въ похищеніи изъ библиотекъ множества книгъ и рукописей.

17-го. — *Зак. Соб. Президентъ* открылъ засѣданіе чтеніемъ просьбы стразбургскаго государственнаго прокурора о позволеніи преслѣдовать судебнымъ порядкомъ представителя г. Лабудѣ. Представитель этотъ былъ школьнымъ учителемъ, и отставленъ отъ должности за его политическія мнѣнія, и потомъ открылъ безъ позволенія другую школу. Просьба была передана въ бюро. На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета. Въ главѣ 28, министерство внутреннихъ дѣлъ требуетъ 1,600,000 ф., на пособіе политическимъ выходцамъ. Комиссія полагала на это только 1,200,000 ф. Г. Жюль противился этому уменьшенію, и воспользовался случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ съ ними обходились. Ихъ выгоняютъ изъ Франціи безъ всякой причины. 50 Венгерцамъ предложили, при ихъ пріѣздѣ во Францію, воротиться назадъ или вѣхать въ Алжирію; они приняли, говорятъ, послѣднее предложеніе, и теперь погибаютъ тамъ отъ лишеній. *Министръ внутреннихъ дѣлъ* перешелъ отъ обвиненія г. Жюль къ упрекамъ, которые дѣлаютъ правительству. Сегодня былъ подвергнутъ суду отвѣтственный редакторъ газеты *National* за то, что въ ней приписывали правительству намѣреніе произвести государственный переворотъ. Такъ будутъ поступать со всеми, кто будетъ приписывать правительству дурныя намѣренія. (*Шумъ*) *Военный министръ* вошелъ на трибуну и объявилъ, что онъ хочетъ сообщить Собранію прискорбное происшествіе. Вчера въ Анжерѣ оборвались цѣпи висячаго моста, въ ту минуту, какъ по мосту проходилъ 1 баталіонъ 11 полка. Полагаютъ, что при этомъ несчастіи погибло до 200 или 300 человекъ. Онъ прибавилъ, что правительство представить проектъ закона о вспоможеніи несчастнымъ семействамъ погибшихъ въ этотъ день. За тѣмъ Собраніе снова перешло къ разсмотрѣнію бюджета. Г. Ней говорилъ противъ уменьшенія, но не смотря на то, собраніе (402 голосовъ противъ 207) рѣшило сократить эту сумму, согласно съ предложеніемъ комиссіи. Г. Барошъ требовалъ назначенія 18,000 ф., для того, чтобы можно было доставлять газету *Монитѣръ* всемъ поддирефентамъ.

— 18-го.—*Зак. Соб.* На очереди состояло второе разсмотрѣніе закона о ссылкѣ. Г. Жюль Фавръ сдѣлалъ пред-

ложение, которое совершенно изменяет проект правительства.

Ст. 1-я. «Политический преступник, подвергающийся на уголовнымъ законамъ смертной казни, ссылается на всю жизнь или на известный срокъ».

Ст. 2-я. «Настоящій законъ применяется также къ политическимъ преступникамъ, приговореннымъ съ 4 мая 1848 года».

Г. Фауръ соглашался съ тѣмъ, что его предложеніе совсемъ изменить законъ. Но онъ хотѣлъ, говорилъ онъ, замѣнить нравственнымъ варварское наказаніе, отъ котораго содрогается повышенная образованность. Требуя, чтобы ссыльных подвергали еще заключенію, — наказанію, по словамъ всѣхъ преступниковъ, ужаснѣйшему изъ всѣхъ наказаній. Тѣ, которые предложили такой законъ, вступаютъ на дурной путь. Неужели Собраніе послѣдуетъ за ними? Однакожъ министерство надеется, что этотъ Драконовъ законъ будетъ принятъ. Не надо забывать, какъ часто во Франціи мѣняются роли побѣдителей и побѣжденныхъ. Министръ истинно думаетъ устранить только ссылку людей, мнѣнія которыхъ рѣшительно противны его мнѣніямъ. *Г. Жюль Фауръ* предлагаетъ для этого простое изгнаніе. *Г. Матье* (изъ Дромскаго департамента) говорилъ въ пользу предложенія, которое было однако отвергнуто огромнымъ большинствомъ. *Генераль Кавсильякъ* подавъ тоже голосъ противъ него.

— Ужасное приключеніе, случившееся съ 1 баталіономъ 11 полка, когда онъ переходилъ по всякому мосту въ Анжеръ и провалился въ воду, произвело сильное впечатленіе. *Президентъ Республики*, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, послалъ въ Анжеръ своего адъютанта *г. Флери*, съ порученіемъ оказать пособіе раненымъ и разузнать причины этого несчастія. Самъ *Президентъ* ужасалъ сегодня утромъ, съ военнымъ министромъ и министромъ публичныхъ работъ, для того, чтобы присутствовать при погребеніи анжерскихъ жертвъ. Вотъ подробности объ этомъ несчастномъ случаѣ. Обрушившійся всякій мостъ былъ построенъ 12 лѣтъ тому назадъ и поправленъ въ прошломъ году, на что общинное правленіе издержало 46,000 ф. Мостъ длиною только въ 100 метровъ. Проволочный канатъ лопнулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ привязывался къ колонны.

Чуть это мостъ опустился на бокъ, солдаты, по инстинкту, все бросились на противоположную сторону, такъ что отъ сильной тяжести лопнулъ канатъ и съ другой стороны. Голова баталіона, а также и послѣдніе взводы 4 роты, спаслись, прыгнувъ съ моста на берегъ, но многіе изъ нихъ сильно ранены. Остальная часть 4 роты и 3, 2 и 1 роты пострадали болѣе всего. Въ ту минуту, когда случилось это происшествіе, вся рѣка была покрыта сплошной массою несчастныхъ, которые напрасно боролись съ яростными волнами. При тихой погодѣ легче было бы подать имъ пособіе, но, къ совершенно несчастію, въ тотъ день была страшная буря; къ тому же еще на рѣкѣ не было судовъ, а брошенные доски и бревна не могли замѣнить ихъ. Работники и матросы боролись съ быстротою теченія и многіе спасали. Но и спасенные тяжело ранены или своими оружіями или развалинами моста. Одинъ офицеръ спасъ 10 человекъ; плотникъ 7, и одинъ матросъ спасъ 12 человекъ. Солдатъ, который несъ знамя и котораго вытаскали уже мертвымъ, держалъ свое знамя въ правой рукѣ, судорожно сжатой. Одинъ солдатъ былъ проколотъ штыкомъ. Когда въ 10 часовъ вечера стали дѣлать перекладку, то въ баталіонѣ недоставало 5 офицеровъ и 219 солдатъ. До отправки послѣднихъ извѣстій въ госпиталь было 123 труна. Сегодня въ газетѣ le Siècle объявлено, что газета открываетъ національную подписку для семействъ тѣхъ солдатъ, которые изувѣчены, или погибли въ этотъ день. Сама газета жертвуетъ 500 фр. Такія подписки открыты и во всѣхъ легіонахъ національной гвардіи.

20-го. — *Зак. Соб.* — На очередь состояло разсмотрѣніе закона о ссылкѣ. *Г. Кретонъ* полагалъ, что замѣненіе смертной казни ссылкой на всю жизнь логически ведетъ къ замѣненію ссылки временнымъ арестомъ. Онъ объявлялъ, что представлялъ бы сообразное съ этимъ предложеніе, если бы не зналъ навѣрное, что оно будетъ отвергнуто. Въ главѣ 4 содержится слѣдующее: «Ссылка влечетъ за собою не гражданскую смерть, а только временное лишеніе правъ». Пока не послѣдуетъ новаго постановленія о гражданскихъ правахъ, до-тѣхъ-поръ ссыльные будутъ лишены этихъ правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ пользоваться этими правами въ ссылкѣ. Правительство можетъ позволить ссыльнымъ располагать своимъ имѣніемъ или частью его. Кроме того, ссыльные не могутъ располагать ни тѣмъ, что имели

въ день приговора, ни тѣмъ, что позже получили въ на-
сладство. *Г. Валетт и Пьеръ* опровергли эту главу. *Г. Родо*, какъ докладчикъ, допускалъ слѣдующее измѣненіе. Ни въ какомъ случаѣ гражданская смерть не должна быть слѣдствіемъ ссылки. Глава эта, измѣненная такимъ обра-
зомъ, была принята.

Гл. 5. Мѣстомъ изгнанія назначается одинъ изъ Маркиз-
скихъ острововъ, именно островъ Нукагива.

Гл. 6. Правительство будетъ назначать, какия рабочія по-
собія нужны для работы ссыльныхъ, и эти пособія будутъ
имъ оказываться по требованію правительства. Оно же бу-
детъ заботиться о содержаніи самыхъ бѣдныхъ ссыль-
ныхъ.

Эта глава была также принята.

Гл. 7. Въ случаѣ, если мѣсто изгнанія будетъ переме-
нено, то ссыльные будутъ отправлены на новое назначен-
ное мѣсто. Также принята.

Собраніе рѣшило, что законъ будетъ имѣть обратное
дѣйствіе. *Г. Фавр* возставалъ противъ этого рѣшенія, а *г. Везенъ*
утверждалъ, что Собраніе имѣетъ право сдѣлать это. *Г. Саватѣ*
предлагалъ принять ст. 6 проекта правительства, въ
которой сказано, что законъ не долженъ имѣть обрат-
наго дѣйствія. Онъ опровергалъ обратное дѣйствіе закона,
потому-что, въ такомъ случаѣ, присяжные и судьи конечно
произнесли бы другой приговоръ. *Морской министръ* опи-
сывалъ пріятный климатъ острова Нукагивы, и объявлялъ
себя въ пользу предложенія коммисіи.

Г. Ватименнъ полагалъ, что это долженъ рѣшить Вер-
ховный Судъ. (*Шуль*). Не слѣдуетъ забывать, что законъ
касается только до предводителей мятежниковъ, которые
не могутъ быть оставляемы въ стѣнахъ образованнаго го-
рода. (*Шуль*). Теперь не время быть великодушными.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, *г. Барошъ*, прямо объявлялъ,
что правительство, во всякомъ случаѣ, подлѣ собственной от-
вѣтственности, примѣнитъ законъ къ тѣмъ, которые уже
теперь приговорены къ ссылкѣ. Объ обратномъ дѣйстви
закона должно быть рѣшено особою балотировкою. Что
касается до него, то онъ лично расположенъ въ пользу об-
ратнаго дѣйствія закона.

На трибуну вошелъ *г. Одилоъ Барро. (Воленіе)*. Онъ
сказалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ согласиться съ
министромъ. Кто имѣетъ въ рукахъ власть, тотъ обязанъ у-

важать право. Онъ исторически доказалъ, что прежде ссыл-
ка дѣйствительно не существовала, потому-что не были
назначены мѣста для ссылки. Наказаніе состоитъ не въ
самомъ постановленіи, а въ мѣстѣ изгнанія. Если законъ не
имѣетъ обратнаго дѣйствія, то онъ связываетъ, не только
подсудимаго, но и судью.

— Получены письма изъ Анжера, въ которыхъ содер-
жатся подробности погребальной церемоніи, происходив-
шей въ тамошнемъ соборѣ, по случаю похоронъ недавно по-
гибшихъ солдатъ. При этой церемоніи присутствовали *Пре-
зидентъ Республики* и всѣ должностныя лица. Три чет-
верти жителей города, которымъ въ церкви не было мѣ-
ста, стояли на площади передъ церковью, и преклоняли
колѣна, во время отпѣванія. По оффиціальнымъ извѣстіямъ,
число людей, погибшихъ въ Анжерѣ, простирается до 219.
Изъ нихъ 181 человекъ были похоронены въ одной моги-
лѣ. Имъ хотятъ воздвигнуть монументъ. Газета *le National*
увѣряетъ, что въ Анжерѣ *Президента Республики* встрѣ-
тили съ криками:

«Да здравствуетъ демократическая республика!»

Недавно было положено запрещеніе на три департамент-
скіе журнала, которые требовали, чтобы было произведено
ислѣдованіе о несчастіи, случившемся въ Анжерѣ. Вчера
правительство велѣло также закрыть нѣсколько избиратель-
ныхъ собраній, потому-что въ нихъ говорили объ анжер-
скомъ происшествіи. Нѣкоторые представители предложили
употребить сумму въ 200,000 ф., назначенную для праздни-
канія 4 мая, на вспоможеніе семействамъ погибшихъ въ
Анжерѣ.

— Сегодня *Президенту Республики* минуло 43 года.

— *Президентъ Республики* рѣшительно высказалъ, что
онъ ободритъ выборъ *г. Леклерка*. Легитимистскій избира-
тельный комитетъ также рѣшился, въ своемъ вчерашнемъ
засѣданіи, поддерживать кандидатура *г. Леклерка*, не смо-
тря на его іюльскій орденъ. Газета *la Patrie* увѣряетъ, что
соціалистская партія, видя, съ какимъ общимъ одобреніемъ
принято назначеніе *г. Леклерка* въ кандидаты, просила *г. Дю-
пона Сю* отступить отъ кандидатура въ пользу *г. Дю-
пона* изъ Эрскаго департамента, однакожъ онъ не согласил-
ся на это. Въ газетѣ *la Voix du Peuple* напечатана статья,
подъ рубрикою: «простой вопросъ», въ которой увѣряютъ,
что все, что рассказываютъ о героическомъ подвигѣ *г. Лек-*

лерка, ложно. Газета уверяетъ, что старшій сынъ *г. Леклерка* былъ только раненъ одною пулею; отецъ взялъ его на руку и понесъ съ поля сраженія, но другая пуля убила сына на рукахъ отца; что *г. Леклеркъ* не возвращался болѣе на поле битвы, а напротивъ того постоянно оставался съ женою у трупъ сына, пока его не зарыли въ землю; что младшій сынъ *г. Леклерка* совсѣмъ не дрался въ это время, и что за часъ передъ сраженіемъ нотаріусъ *Фремийъ*, у котораго онъ служилъ писаремъ, послалъ его въ Домъ-шпалеровъ, а такъ какъ неожиданно вспыхнувшее сраженіе прекратило сообщеніе съ нѣкоторыми частями города, то онъ и былъ тамъ задержанъ до окончанія битвы; третій сынъ также не былъ на полѣ сраженія. Эти показанія газета противуставитъ разсказамъ о 17 пуляхъ и проч., которые были наклеены на всѣхъ углахъ улицъ. Она требуетъ, чтобы *г. Леклеркъ* далъ категорическій отвѣтъ на эти показанія, потому что ей не вѣрится, чтобы отецъ захотѣлъ сдѣлать изъ окровавленнаго трупа своего сына подножие для партій. Въ заключеніе, газета спрашиваетъ, не племянникъ ли *г-ну Карльё* тотъ самый *г. Леонъ Трипонесъ*, который былъ нѣкогда первымъ прикащикомъ *г. Леклерка*? Газета объявляетъ также, что она готова представить доказательства этого. Въ комитетъ умѣренной партіи нашелся капитанъ національной гвардіи, который объявилъ, что случай въ жизни *г. Леклерка*, который иные считаютъ за выдумку, случился въ его глазахъ и подъ его командою; онъ привелъ даже слова, которыя *г. Леклеркъ* произнесъ, передавая ружье старшаго сына младшему, тутъ же у баррикады.

— Продавецъ журналовъ призываетъ сегодня въ префектуру полиціи, для того, чтобъ дать новыя свидѣтельства о дозволеніи продавать газеты отдѣльными нумерами. Многимъ дано было только дозволеніе продавать журналы умѣренной партіи. Соціалистскія газеты очень протестуютъ противъ этой мѣры, принятой префектомъ полиціи *г. Карльё*, оттого, что черезъ нее многіе лишились своихъ доходовъ.

— Въ «*Gazette des Tribunaux*», пишутъ. «Рѣчь шла объ очищеніи Парижа отъ опасной части его народонаселенія, состоящей изъ бывшихъ колодниковъ, бродягъ, нищихъ, пришеенцевъ и проч. Въ-самомъ-дѣлѣ, относящейся сюда законъ уже былъ составленъ, какъ вдругъ правительство перемѣнило свое намѣреніе. Государство погибаетъ не отъ не-

достатка въ законахъ, а отъ нерѣшительности въ ихъ исполненіи. Не законы ослабляютъ власть, а власть ослабляетъ законы, если она не умѣетъ или не отваживается приводить ихъ въ дѣйствіе.

— Газета «*le Contsitutionnel*», какъ известно, обнародовала въ своемъ фельетонѣ самыя увѣсистыя произведенія *Евгенія Сю*, «Парижскія Тайны», «Матильду», «Мартину-Найденюша», и проч. Теперь, она оспариваетъ его кандидатуру именно за тѣ сочиненія, которыя сама распространяла.

— Въ газетѣ *Napoleon*, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Большинство и правительство» сказано: «Мы хотимъ однажды навсегда сдѣлать возраженіе на страннныя обвиненія. Увѣряютъ, что мы нападаемъ на Законодательное Собраніе, и что большинство сдѣлалось предметомъ нашей систематической ненависти. Отвѣтъ нашъ на это будетъ рѣшительный и откровенный. Мы никогда не имѣли намѣренія нападать на большинство. Большинство есть власть, отъ которой правительство не можетъ отрѣшиться. Главнѣйшія выгоды правительства состоятъ въ томъ, чтобы большинство поддерживало его, и насъ не могутъ обвинять въ томъ, что мы этого не умѣемъ цѣнить, и измѣняемъ этимъ выгодамъ. Когда мы говоримъ, это вовсе не значитъ, какъ мы уже сказали, что то же самое говорить и правительство. Но нашъ долгъ есть защищать благія начала, которыя представляетъ избранникъ Франціи. Чего же мы можемъ желать болѣе, какъ видѣть большинство, которое дѣйствуетъ согласно съ правительствомъ? По-крайней-мѣрѣ, мы имѣли право ожидать такого большинства. Когда Франція избрала свое Законодательное Собраніе, она поручила защиту общественнаго порядка не представителямъ одной или другой партіи, но твердому большинству, которое умѣло бы пользоваться всеми средствами, которыя представляетъ наше положеніе. Страна, по инстинкту, ожидала полнаго преобразованія всѣхъ старыхъ элементовъ, благоразумнаго и патриотическаго забвенія всѣхъ соръ и разбѣденій. Она надѣялась, что Законодательное Собраніе не пойдетъ по слѣдамъ Учредительнаго Собранія, которое употребило последнее время своего существованія на то, чтобы своею злобною оппозиціею обезсилить правительство *Президента*. Всякій разъ, когда мы видѣли, что правительство нерѣшительно принимаетъ проекты, которые по своей пользѣ и популярности требовали

свободнаго согласія, мы жаловались. Это было намъ въ тягость; даже критика наша доказываесть, какую важность мы приписываемъ дѣйствіямъ Собранія. Конечно, никто не усомнится въ томъ, что мы охотнѣе похвалили бы поведеніе болѣе рѣшительное и болѣе дружественное къ правительству. Не надо забывать, что въ странѣ тѣмъ менѣе будетъ согласія, чѣмъ болѣе въ Собраніи будетъ людей способныхъ, талантливыхъ, которые бы могли заботиться о всеобщемъ благѣ, но не дѣлають этого. Если прежде потеряли время, то теперь можно вознаградить эту потерю посредствомъ дѣятельности и доброй воли. Должно упрочить настоящее и обезпечить будущее, изгнать всякую ненависть и успокоить страну, посредствомъ постоянства и умѣренности.

— Г. *Ларошжакленъ* назначилъ вчера вечеромъ собраніе въ своей квартирѣ, въ *Chaussée d'Antin*, но полиція запретила это собраніе, подъ предлогомъ общественной безопасности. Собраніе должно было состоять изъ однихъ представителей.

— Вчера въ 10 часовъ вечера, г. *Жирарденъ* вышелъ на бульваръ, ходилъ отъ одного продавца журналовъ къ другому, и требовалъ газеты *Evènement*, которую *Префектъ полиціи* запретилъ продавать отдѣльно. Такъ какъ всѣ давали ему отрицательный отвѣтъ, то онъ воскликнулъ:

— Стыдъ и срамъ! и разсердившись такимъ образомъ, продолжалъ ходить по бульвару, протестуя противъ запрещенія полиціи, такъ что около него столпились проходящіе. У кофейной Тортона его узнали, разорвали на немъ платье, и преслѣдовали его, пока полиція не приняла его подъ свое покровительство. Онъ требовалъ, чтобы сержанты, которые защитили его, повели его въ префектуру, но они не послушались его.

— Сегодня въ газетѣ *La Voix du Peuple* подтверждается извѣстіе, что г. *Прудонъ*, который былъ заключенъ въ тюрьму за нарушеніе закона о печатаніи, переведенъ изъ Консьержери въ Дуланскую крѣпость. Г. *Прудонъ* передъ своимъ отъѣздомъ послалъ газетѣ *Voix du Peuple* протестъ, который газета обнародовала.

— Г. *Либри* отдавъ подъ судъ. Обвинительная Палата нашла, что его письменная защита не оправдываетъ его. Послѣ новѣйшихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, общественное мнѣніе сдѣлалось благоприятнѣе, и многіе не вѣрятъ обви-

ненію г. *Либри* въ томъ, что онъ крадь книги и манускрипты изъ библиотекъ и потомъ продавалъ ихъ. На судьбу г. *Либри* сильное вліяніе имѣла записка президента тосканскихъ адвокатовъ, г. *Ламирреки*, профессора пизанскаго юридическаго факультета, а также и президентъ тосканской палаты депутатовъ ручается за невинность г. *Либри*.

— Третьяго дня скончался, 73 лѣтъ отъ роду, *Баронъ Менсваль*, бывший секретарь Императора Наполеона и частый секретарь Императрицы Маріи-Луизы, во-время ея регентства.

22-го. — *Зак. Соб.* — На очереди состояли вторичныя пренія о законѣ касательно ссыльныхъ. Г. *Пьеръ Леру* предложилъ слѣдующую дополнительную статью:

«Жены и дѣти ссылаемыхъ въ мѣста, находящіяся вне Франціи, имѣють право слѣдовать за мужьями и отцами своими».

Докладчикъ, г. *Роддъ*, говорилъ противъ предложенія г. *Пьера Леру*, ссылаясь на то, что Государственный Советъ предоставлялъ рѣшеніе этого пункта Собранію, потому-что разрѣшеніе родственникамъ ссыльныхъ слѣдовать за ними, можетъ быть милостью, но не должно быть правомъ. Г. *Роддъ* говорилъ среди ужаснаго шума, и президентъ *Дюпенъ* принужденъ былъ пригласить къ порядку правую сторону.

— Берите примѣръ съ лѣвой стороны, сказалъ онъ ей, и возбудилъ этой выходкой всеобщій смѣхъ. «А вы, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ лѣвой сторонѣ, старайтесь, чтобы я долго могъ ставить васъ въ примѣръ.» Эти слова возбудили новый смѣхъ.

За тѣмъ г. *Пьеръ Леру* старался доказать, что отъ принятія предложенной имъ статьи зависитъ сохраненіе святости семейныхъ отношеній, и что если Собраніе отвергнетъ ее, то отвергнетъ тѣмъ самымъ начало семейныхъ отношеній, за которое Собраніе такъ твердо до-сихъ-поръ стояло. Собраніе требовало, чтобы приступили къ собиранію голосовъ, но на трибуну вошелъ г. *Гертъе*, и предложилъ еще слѣдующую добавочную статью:

«Жены и дѣти приговоренныхъ къ ссылкѣ будутъ имѣть возможность отправляться на мѣсто ссылки, а въ случаѣ бѣдности, будутъ перевозимы туда на счетъ государства. Тѣмъ не менѣе однакоже, ихъ поселеніе въ самомъ мѣстѣ

жительствъ ссыльныхъ (l'enceinte fortifiée) будетъ зависть отъ начальства.»

За тѣмъ говорилъ министръ юстиціи, г. Руэ, объявившій, что правительство отвергаетъ объ добавочныя статьи, предложенныя гг. *Пьеромъ Леру* и *Гертье*. Послѣ министра юстиціи вошелъ на трибуну г. *Ламартинъ*.

— Господа, сказалъ онъ, я вошелъ на эту трибуну для того, чтобъ отвѣчать на одно выраженіе г. министра юстиціи, произшедшее на васъ впечатлѣніе. Г. министръ сказалъ, что опасно вводить въ уголовное законодательство такое распоряженіе, которое можетъ создать или возбудить неблаго-разумное самоотверженіе, и заставить Собраніе раскаляться. Только на эти слова хочу я отвѣчать, и вотъ мой отвѣтъ: всякое законодательство, которое, особенно въ подобныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о семейныхъ отношеніяхъ, считаетъ себя разумнѣе природы, подвергается опасности сдѣлаться противуестественнымъ. (*Громкія одобренія на лѣвой сторонѣ*). Г. *Ламартинъ* требовалъ принятія добавочныхъ статей, говоря, что безъ нихъ законъ возобновитъ самыя грустныя эпохи французской исторіи. Неужели успѣли уже забыть о Лафайетѣ, Полиньякѣ и Людовикѣ Бонапартѣ? спросилъ онъ. Неужели вы не знаете, что по англійскимъ законамъ, даже семьямъ самыхъ простыхъ преступниковъ позволяютъ ссыловать за ними въ Ботаникей?

Министръ юстиціи возразилъ, что онъ согласенъ давать подобныя разрѣшенія отдѣльнымъ лицамъ, но не согласенъ, чтобы это было общимъ правомъ. Одно только правительство можетъ рѣшить этотъ вопросъ. Г. *де Моріе* изъявлялъ согласіе на то, чтобы позволеніе слѣдовать за родственниками въ ссылку получило характеръ права, но требовалъ, чтобъ его ограничили строгимъ правиломъ, для избѣжанія злоупотребленій. «Г. *Ламартинъ* не долженъ воображать, сказалъ г. *Моріе*, что ему принадлежитъ монополія челоуколюбія. Когда кто-нибудь взволнуетъ, подобно ему, общество....»

Эти слова были прерваны шумомъ. Затѣмъ г. *Моріе* продолжалъ въ томъ же тонѣ, но его безпрестанно прерывали, такъ что онъ былъ принужденъ, наконецъ, уступить свое мѣсто г. *Ламартину*, который отвѣчалъ г. *Моріе* съ большимъ достоинствомъ. Тѣмъ не менше, предложеніе г. *Гертье* было отвергнуто (361 гол. противъ 302); послѣ чего Собраніе рѣшило допустить законъ о ссылкѣ къ третьему раз-

смотряю. Военный министръ, г. *д'Ону*, представилъ проектъ закона объ открытіи кредита въ 150,000 франковъ. для вспоможенія семействамъ солдатъ, погибшихъ въ Анжерѣ. Г. *Паскаль Дюпрэ* просилъ разрѣшенія потребовать отъ министерства объясненіе, касательно запрещенія продавать на улицахъ демократическіе журналы, но Собраніе назначило быть этимъ объясненіямъ чрезъ мѣсяць.

— *Архіепископъ Парижскій* разослалъ всемъ священникамъ своей епархіи циркуляръ, въ которомъ приглашаетъ ихъ отслужить, по случаю возвращенія Папы въ Римъ, благодарственный молебенъ.

— Полемика журналовъ представляла чрезвычайно грустное зрѣлище; объ партіи, умѣренная и ультра-демократическая, не ограничились одними похвалами своимъ кандидатамъ, гг. *Леклерку* и *Евгенію Сю*, а старались наперерывъ другъ передъ другомъ, очернить кандидата враждебной партіи; не стыдись прибѣгать, при этомъ, даже въ клеветѣ. Гг. *Леклеркъ* и *Евгеній Сю* не были до-сихъ-поръ, какъ известно, людьми политическими, не вмѣшивались въ общественныя и государственныя дѣла, у нихъ, стало-быть, нѣтъ политическаго прошедшаго; все, что они дѣлали до-сихъ-поръ, относится преимущественно къ жизни частной, семейной; журналы не постыдились заглянуть и въ эту частную жизнь, не постыдились нескромно выставить ее на показъ цѣлому свѣту. Но выборы начались наконецъ, и надо надѣяться, что эта грустная полемика кончится. Надѣются, что будетъ выбранъ г. *Леклеркъ*, хотя кандидатству его представлялось много препятствій и опасностей. Болѣе всего вредилъ г. *Леклерку* префектъ полиціи г. *Карль*, тѣмъ, что преслѣдовалъ нѣкоторые изъ вечернихъ оппозиционныхъ журналовъ, запрещая продавать ихъ на улицахъ, въ розницу. Даже умѣренные журналы возставали противъ этой мѣры, называя ее несвоевременной и говоря, что она можетъ возстановить избирателей противъ умѣренной партіи и доставить побѣду демократическому кандидату *Евгенію Сю*. Г. *Карль* не обращалъ на это вниманія, и продолжалъ преслѣдованіе. Другая опасность грозила г. *Леклерку* со стороны партіи бывшаго Избирательнаго Союза и г. *Фернана Фoa*, бывшаго кандидата умѣренныхъ. Г. *Фoa* не хотѣлъ сначала отказываться отъ своего кандидатства, потомъ намѣревался напечатать въ газетахъ отказъ, но съ намекомъ, что онъ не признаетъ кандидатства г. *Леклерка* и не будетъ

подавать за него голоса. Наконец друзья г. *Фол* успели склонить его къ благоразумію, и онъ согласился напечатать въ газетахъ отказъ отъ кандидатства, съ присовокупленіемъ, что онъ рѣшился на него охотно, признаетъ кандидатство г. *Леклерка*, и подаетъ за него свой голосъ.

— Вечерніе журналы извѣщаютъ, что хотя выборы уже начались, но день прошелъ очень спокойно. Избиратели показываютъ большое рвеніе, и спѣшатъ подавать голоса. Повѣрка голосовъ покажетъ, справедливо ли это. Результатъ выборовъ слишкомъ близокъ, и потому мы не станемъ повторять здѣсь всѣхъ слуховъ о вѣроятной побѣдѣ того или другаго кандидата; ограничимся извѣщеніемъ, что большинство слуховъ клонится въ пользу г. *Лекрера*, что демократическіе журналы приуныли и говорятъ съ меньшою самоувѣренностію, нежели передъ выборами 10 марта. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ случаѣ возмущенія, армія явится, попрежнему, защитницею порядка.

24-го—*Зак. Соб.*—Засѣданіе не представляетъ ровно ничего интереснаго; оно прошло въ разсмотрѣніи бюджета, безъ великихъ заслуживающихъ особеннаго вниманія обстоятельствъ.

25-го—*Зак. Соб.* Продолжались пренія о бюджетѣ земледѣльческомъ. Въ промежутокъ между преніями, Собраніе разрѣшило кредитъ въ 150,000 фр., для вспоможенія семействамъ погибшихъ въ Анжеръ. Г. *Ларошжаклен* воспользовался этимъ случаемъ, для протеста противъ слуховъ, о томъ, что представители, предлагавшіе выдать семействамъ погибшихъ въ Анжеръ 200,000 фр., назначенные на устройство народнаго праздника, (4 мая) сдѣлали это съ непризнаннымъ для республики намѣреніемъ.

26-го—*Зак. Соб.*—Собраніе кончило разсмотрѣніе бюджета земледѣлія и торговли. Оно отвергло измѣненіе, имѣвшее цѣлю уничтожить кредитъ, назначенный для поддержанія конскихъ скачекъ.

27-го.—*Зак. Соб.*—Собраніе начало пренія о военномъ бюджетѣ. Пренія были довольно живы. *Генераль Граммонъ* выразилъ мнѣніе, что мѣстопробываніе правительства должно быть перенесено изъ Парижа въ другой городъ. Военный Министръ, г. *д'Ону*, энергически возражалъ на это мнѣніе. За тѣмъ г. *Шаррасъ* упрекалъ *Президента Республики* за то, что онъ носитъ, при церемоніяхъ, генеральскій мундиръ. Наконецъ Собраніе занималось важнымъ во-

просомъ, а именно, вопросомъ объ увеличеніи корпуса подвижныхъ жандармовъ. Не смотря на оппозицію *генераловъ Ламорисьера* и *Кавеньяка*, Собраніе утвердило, (424 гол. противъ 199), набрать новый баталіонъ въ 1,200 человекъ.

29-го.—*Зак. Соб.*—На очереди состоялъ законъ о сберегательныхъ кассахъ. Собраніе рѣшило признать этотъ законъ нетерпящимъ отлагательства. За тѣмъ слѣдовало продолженіе разсмотрѣнія бюджета. Гл. 5, о корпусѣ жандармовъ. Г. *Ламорисьеръ* замѣтилъ, что нуженъ особенный законъ для составленія новыхъ кадровъ. Онъ предложилъ слѣдующее постановленіе: *Военному министру* поручается сформировать второй подвижной баталіонъ жандармовъ. Г. *Беррье* опровергалъ предложеніе, потому что кредитъ былъ уже назначенъ, и нѣтъ необходимости въ новомъ законѣ. Г. *Ламорисьеръ* защищалъ свое предложеніе. *Военный министръ* говорилъ противъ него. Собраніе рѣшило возвратиться къ очереднымъ занятіямъ. Гл. 5, 6 и 7 были приняты. Въ гл. 8 полагается на расходы по судопроизводству 368,000 ф. г. *Шаррасъ* предлагалъ прибавить къ этой суммѣ еще 10,000 ф., которыя Комиссія сбавила съ военныхъ судовъ. Г. *Беррье* опровергалъ предложеніе; гл. 8 была принята. Въ гл. 9 полагается на жалованье пѣхоты 73 миліона. Г. *Саватье Ларошъ* предлагалъ уменьшить 100 мил. военный бюджетъ 1850 г., простирающійся до 319,304,348: то-есть уменьшить число наличныхъ войскъ. Налоги, говорилъ онъ, достигли высшей степени. Въ 1851 г. придется измѣнить пошлину съ вина и поземельный налогъ, хотя бы страна и изнемогала. Министерство само видитъ необходимость въ экономіи, а дѣйствительно значительную экономію можно соблюсти только уменьшивъ армію; *Генералы Кавеньякъ* и *Ламорисьеръ* возставали противъ предложенія г. *Саватье Лароша*, которое и было отвергнуто. Г. *Буве* предлагалъ сдѣлать уменьшеніе въ 24 мил., увеличивъ 1 мая, отъ службы людей набора 1843 г. Г. *Шаррасъ*, не одобряя вполне этого предложенія, жаловался на то, что 400,000 чел. употребляются на угнетеніе страны. Можно бы было безъ всякой опасности увольнять людей, придавленныхъ къ набору 1843 г., чтобы сберечь 14 мил. Оба прибавленія были отвергнуты. Г. *Ламорисьеръ* упрекалъ Комиссію въ томъ, что она финансовыми мѣрами разстроиваетъ въ 9 гл. кадры. Онъ опровергалъ съ военной, политической и эконо-

мической точки зрѣнія, отъѣзду раздачи войску провіанта натурою, ссылаясь на то, что въ июль 1830 г. гвардія должна была отступить по недостатку въ хлѣбъ. Генералъ *Удино* замѣтилъ, что тогда заняли у инсургентовъ магазинъ провіантовъ. (*Шумъ*). Г. *д'Ону* сказалъ, что этому были свидѣтели. Гвардія сложила весь хлѣбъ въ одинъ магазинъ. Во все время слово: «инсургенты» возбуждало шумъ. Опасеніе г. *Ламорисьера* неосновательно, сказалъ г. *д'Ону*. Первый снова сдѣлалъ ему возраженіе. Собраніе отвергло предложеніе г. *Кавеньяка*. (*Волненіе*). Предложеніе г. *Граммона*, сохранить колоновожатыхъ, возбудило продолжительныя пренія. Г. *Ламорисьеръ* предложилъ сдѣлать уменьшеніе въ 4 эскадрона, и оставить одинъ эскадронъ. Предложеніе это было отвергнуто тайнымъ собраніемъ голосовъ.

— Сегодня въ 4 часа по-полудни, было окончено собраніе голосовъ о выборѣ. Волненіе продолжалось до послѣдней минуты. Въ этотъ разъ умѣренная партія высказала большое рвеніе; каждому избирателю, который входилъ въ залу, гдѣ происходили выборы, давали, кромѣ избирательной карточки съ именемъ г. *Леклерка*, еще письмо г. *Фоа*, въ которомъ онъ объясняетъ, что онъ подаетъ голосъ въ пользу г. *Леклерка* и отказывается отъ своего кандидатура. Вчера и сегодня на улицахъ были приклеены объявленія разныхъ родовъ и между прочимъ слѣдующее:

«Демократы! воздержимся отъ подаванія голосовъ: г. *Евгеній Сю* писалъ о нищетѣ и живеть въ изобиліи. Онъ получаетъ отъ насъ доходы и не служитъ намъ. Г. *Лекеркъ* храбрый солдатъ, но не законодатель. Полно намъ служить къ возвышенію другихъ!»

Это объявленіе было приклеено возлѣ письма г. *Фоа*, съ означеніемъ типографіи, въ которой печатаются все объявленія Избирательнаго Союза. Недавно были вывѣшены еще разныя объявленія противъ г. *Евгенія Сю*. Сынъ *Герошима Бонапарте*, г. *Наполеонъ Бонапарте*, который служитъ теперь полковникомъ въ одномъ изъ легіоновъ окруженной національной гвардіи, роздалъ въ своемъ легіонѣ 50,000 избирательныхъ карточекъ въ пользу г. *Фоа*. Съ тѣхъ-поръ, какъ стали подавать голоса, демократы строго стерегутъ избирательныя урны, и вообще залы, гдѣ производятся выборы. Этотъ присмотръ не прекращался и ночью. Сегодня, когда открылось засѣданіе Национальнаго Собранія, тамъ собирались толпы членовъ большинства, которые, казалось,

были очень озабочены. Полагали, что голоса умѣренной партіи раздѣлятся между гг. *Фоа* и *Леклеркомъ*, между тѣмъ какъ все демократы подадутъ голоса въ пользу *Евгенія Сю*. Въ 4 часа во всѣхъ домахъ меровъ начали считать подаваемые голоса. Инаמידы подали 1,200 гол. въ пользу г. *Леклерка* и 600 въ пользу г. *Сю*. Выборы въ Лоаръ-и-Сонскомъ департаментѣ клонятся на сторону демократовъ. Надежда умѣренной партіи на выборѣ г. *Леклерка* очень ослабѣла. Въ 8 часовъ вечера уверяли, что до-тѣхъ-поръ у г. *Евгенія Сю* было больше голосовъ, нежели у г. *Леклерка*. По распоряженіямъ Префекта Сенскаго Департамента, голоса отдѣленій будутъ перечислены въ четвергъ, 2 мая, въ ратушѣ. Говорятъ, что правительство серьезно занимается составленіемъ проекта закона о лучшемъ устройствѣ подаванія голосовъ. Оно смотритъ на избирательный законъ, какъ на органическій законъ только по его началу, и потому хочетъ измѣнить его въ подробностяхъ.

— Съ 29 апрѣля во всѣхъ винныхъ погребахъ и нижнихъ магазинахъ лавокъ имѣютъ право продавать только журналы умѣренной партіи. Г. *Карль* запретилъ продавать по нумерамъ слѣдующіе журналы: *Charivari, Crédit, Démocratie pacifique, Estafette, Evénement, National, Nouveau Monde, Presse, République, Siècle, Voix du Peuple*. Послѣдній проигралъ процессъ противъ префекта полиціи, объявленіе котораго въ журналъ не хотѣли печатать прежде, нежели онъ внесетъ за него плату. Республиканскія газеты подали аппелляцію.

— Все догадки и предположенія разрушились, парижскіе выборы еще разъ обманули общія ожиданія. Мало того, что г. *Леклеркъ* побѣжденъ, — но г. *Евгеній Сю* выбранъ такимъ большинствомъ голосовъ, что оно сравнительно значительнѣе большинства, выбравшаго демократическихъ кандидатовъ на выборахъ 10 марта. Официальный результатъ выборовъ будетъ объявленъ 2 мая, на площади, передъ Ратушей, (*Hôtel de Ville*), но въ Парижѣ его знали еще вечеромъ 30 апрѣля, и незначительныя измѣненія, которымъ подвергнется этотъ результатъ при официальном перечетѣ голосовъ, нисколько не измѣнятъ значенія и важности этого неожиданнаго выбора.

— Г. *Евгеній Сю* получилъ 128,121 голосъ.

— Правительство спокойно, и рѣшилось не прибѣгать къ

крайним мѣрамъ, а, если возможно, употребить настоящій случай въ свою пользу, безъ шума.

30-го. — *Зак. Соб.* Г. *Лео де Лабодъ* представлялъ просьбу, подобную предложенію *Ларошжакалена*. По предложенію докладчика, г. *Беррье*, утверждено нѣсколько остальныхъ главъ земледѣльческаго бюджета, предъ преніями о бюджетѣ военнаго министерства. Продолженіе преній о военномъ бюджетѣ. Гл. 9, ст. 2, о жалованіи кавалеріи. Г. *Удино* предложилъ употребить 37,000 фр. на поддержаніе 3 эскадроновъ колонновожатыхъ. Принято Собраніемъ, въ противоположность со вчерашнимъ рѣшеніемъ. Ст. 3, о жалованьи артиллеріи. К. *Эме* требовалъ возстановленія отъѣмленныхъ комиссіею 201,847, фр. для содержанія парковыхъ лошадей и прислуги. Ему возражалъ г. *Беррье*.

Г. *Ламорисьеръ* замѣтилъ, что нападенія его на министерство ни къ чему ни ведутъ. Онъ жалѣлъ, что устройство войска хотягъ измѣнить не законами, а финансовыми постановленіями. Когда дѣло лойдетъ до защиты закона, армія исполнитъ свою обязанность безъ малѣйшей нерѣшимости. Нельзя слушать всего, что говорятъ, потому что, по увѣренію нѣкоторыхъ журналовъ, намъ грозятъ странныя и неожиданныя обстоятельства. Объ этомъ не требовали же объясненій у министровъ, и совершенно справедливо, потому что они не знали бы, что отвѣчать.

Военный министръ сказалъ, что при преніяхъ о вопросѣ финансовомъ, онъ не думалъ услышать критику на правительство. Онъ говорилъ, что знаетъ армію, и требуетъ уменьшенія числа лошадей. Что касается журнальныхъ статей, то министерство признаетъ официально только одинъ журналъ — *Мониторъ*. Предложеніе г. *Эме* было отвергнуто, и гл. 2 принята. Г. *Монте* представилъ докладъ комиссіи о пенсіяхъ вдовѣ генерала *Реню* и офицерамъ подвижной гвардіи. Гл. 9, вторая половина военнаго бюджета, содержаніе и отопленіе. Г. *Эме* говорилъ противъ предложенія, замѣнить раздачу пищи натурою — денежною выдачею. Мѣру эту защищалъ г. *Беррье*. *Военный министръ* сказалъ, что такимъ образомъ можно уменьшить расходъ. 2 часть 9 ст. принята. Гл. 10, о госпиталяхъ. Г. *Дюку* сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о медицинскій части въ арміи. Онъ жаловался, что до-сихъ-поръ не приведено въ исполненіе постановленіе Учредительнаго Собранія объ этомъ предметѣ. *Военный министръ* замѣтилъ, что въ этомъ нужно вышть

дурной духъ лекарскихъ учениковъ. Впрочемъ студенты медицинскихъ факультетовъ соответствуютъ потребностямъ военной службы. *Генералъ Граммонъ* представилъ прошеніе одного совѣтника гренобльскаго суда о перемѣщеніи столицы изъ Парижа.

— Вчера въ 10 часовъ явилось второе изданіе вечернихъ журналовъ, въ которыхъ обнародованъ результатъ выборовъ. Они подтвердили побѣду г. *Евгенія Сю*. По сегодняшнимъ извѣстіямъ, г. *Сю* получилъ 128,121, а г. *Леклеркъ* 117,177 гол. Въ республиканской гвардіи г. *Сю* получилъ 62, г. *Леклеркъ* 1240 гол. Демократическая партія не была увѣрена въ такомъ усѣбѣхъ; вчера еще замѣтна была въ ней эта неувѣренность, особенно потому, что много работниковъ было выслано изъ Парижа или вычеркнуто изъ списковъ. Безпокойство, произведенное побѣдой демократическаго кандидата, значительно. Дѣла на нѣсколько дней, вѣроятно, совершенно остановятся. Биржа съ трудомъ вынимается отъ этого удара. Многие избиратели въ настоящемъ случаѣ не подавали голосовъ. Демократическія газеты увѣщаваютъ сегодня народъ не собираться 2 мая на площадь предъ *Hotel de ville*, гдѣ будетъ провозглашенъ результатъ выборовъ, чтобъ избѣжать всякаго повода къ нарушенію порядка. Избирательные округа подавали въ этотъ разъ голоса отчасти въ другомъ духѣ, чѣмъ 10 марта.

— Вчера, въ часъ ночи, всѣ полицейскіе комиссары въ Парижѣ были призваны къ г. *Карлье* на долгое совѣщаніе. Неизвѣстна цель этого сбора. До глубокой ночи стоялъ вечеръ эскадронъ колонновожатыхъ на Вандемской площади. Изъ нихъ время отъ времени отдѣлялся ординарецъ, сообщавшій въ *Элизе* результатъ выборовъ. 10 марта въ Парижѣ состоялось по спискамъ 353,509 избирателей; изъ нихъ 260,198 подавали голоса. Теперь многие избиратели были вычеркнуты и число ихъ простиралось до 307,000. Кроме того, очень многие воздержались отъ выборовъ, и всего голосовъ собрано 242,529. Нельзя сказать утвердительно, къ какой партіи принадлежатъ неучаствовавшіе въ выборѣ избиратели. Сегодня очень рано собрались важнѣйшія биржевыя лица на бульваръ и въ пассажъ de l'Oréga. Результатъ выборовъ былъ повodomъ къ жаркимъ спорамъ. Въ часъ, галерея биржи была совершенно полна. Представители пришли въ Собраніе ранѣе обыкновеннаго, и между ними шумъ былъ тоже очень силенъ. Газета *La Patrie* увѣряетъ, что прави-

тельство хочет представить Собранию новый законъ о выборахъ, и увѣщаетъ большинство поступить энергически.

— Г. Фаллу явился сегодня снова въ первый разъ въ Законодательное Собрание.

ГЕРМАНИЯ.

Эрфуртъ — 1-го апрѣля. — При вечернемъ засѣданіи Конституціонной Комиссіи опять присутствовалъ г. фонъ *Радовицъ*, возвратившійся изъ Берлина только утромъ. Комиссія занималась обсужденіемъ политической части проекта уложения.

2-го. — Засѣданіе Палаты Представителей открыто президентомъ *Симсономъ* въ 11 ч. утра. По прочтеніи и принятіи протокола, президентъ объявилъ, что къ Палатѣ присоединилось 26 новыхъ членовъ. Потомъ сообщилъ, что Конституціонная Комиссія окончила въ десять засѣданій разсмотрѣніе проекта уложения, и что ей только остается разсмотрѣть, въ сегодняшнемъ вечернемъ засѣданіи, законъ о выборахъ, дополнительный актъ и посланіе Правительственнаго Совета. Въ половинѣ 12-го часа, засѣданіе Палаты уже закрылось.

3-го. — Въ засѣданіи, продолжавшемся до часа по-полудни, Учредительная Комиссія Палаты Представителей окончила свои засѣданія. Въ присутствіи комиссара фонъ-*Радовица*, 21 членъ Комиссіи участвовали въ совѣщаніи. Докладчикъ *Кампгаузенъ* предложилъ слѣдующее:

- 1) Палата Представителей принимать уложение.
- 2) Она принимаетъ также дополнительный актъ.
- 3) Палата Представителей признаетъ измѣненія, произведенныя Комиссіею въ уложеніи, обязательными, но предоставляетъ правительствамъ право отменить тѣ изъ нихъ, на которыя они не согласятся.

Послѣ продолжительнаго пренія, въ пользу предложенія г. *Кампгаузена* подано только 10 гол. и оно не получило необходимаго большинства. Другія предложенія, сдѣланныя Гг. фонъ-*Бодельшвингомъ*, *Тристомъ*, фонъ-*Зенденомъ* и *Гассельбахомъ*, имѣли ту же участь. Такимъ-образомъ, члены Конст. Ком. Пал. Предст., такъ скоро и легко согласив-

шіеся между собою насчетъ измѣненій въ уложеніи, не могли согласиться въ главномъ вопросѣ о томъ, какъ пустить въ ходъ эти измѣненія. Докладъ будетъ представленъ Палатѣ въ понедѣльникъ, 8-го апрѣля.

6-го. — Конст. Ком. Пал. Штатовъ приняла (19 гол. противъ 5) предложеніе депутата фонъ-*Патова*, сходное съ предложеніемъ *Кампгаузена*. Это предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Пал. Штатовъ вполне и безусловно принимаетъ проектъ уложения и проектъ закона о выборахъ депутатовъ для Пал. Представителей:

2) Пал. Штатовъ вполне безусловно принимаетъ дополнительный актъ къ этому уложенію.

3) Пал. Штатовъ даетъ правительству союза требуемое полномочіе на приведеніе въ порядокъ торговыхъ отношеній ганзеатическихъ городовъ.

4) Пал. Штатовъ предлагаетъ Правительственному Совету измѣнить въ уложеніи, въ законѣ о выборахъ въ дополнительный актъ, слѣдующіе параграфы (слѣдуетъ исчисленіе этихъ параграфовъ).

Докладчикомъ объ этомъ предложеніи назначенъ г. фонъ *Патовъ*.

8-го. — Сегодня утромъ, прусскіе государственные министры графъ *Бранденбургъ*, баронъ фонъ-*Мантейфель* и фонъ-*Гейдтъ* прибыли сюда. По слухамъ, продолжительныя конференціи, которыя они имѣли, въ теченіе дня, съ президентами обѣихъ Палатъ, какъ равно съ многими депутатами, повели къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ, и снова усилили надежду на успѣхъ эрфуртскаго дѣла.

12-го. — Въ Палатѣ Представителей началось преніе о докладѣ Учредительной Комиссіи. На публичныхъ хорахъ присутствовали, между прочими слушателями, *Видтгельмъ Герцогъ Саксен-Готскій*, наслѣдный *Герцогъ Саксен-Веймарскій*, *Прицъ Саксонскій Эдуардъ* и многіе члены Палаты Штатовъ. Прусскій министръ фонъ-*Мантейфель* говорилъ въ пользу немедленной ревизіи уложения, и сильно возставалъ противъ мюнхенскаго проекта. Кроме г. *Мантейфеля*, говорили депутаты фонъ-*Беккератъ*, *Гассельбахъ*, *Гарпортъ*, *Келлеръ*, *де-Суаронъ*, *Шталь*, фонъ-*Вилке* и *Ульрихъ*, одни въ пользу, другіе противъ ревизіи.

13-го. — Преніе продолжалось, и приведено къ концу. Послѣ рѣчей, произнесенныхъ депутатами фонъ-*Притвицомъ*,

Фалькомъ, фон-Бодельшвингомъ, Рейхенипергеромъ, г. фон-Гагерномъ (докладчикомъ) Собрание приступило къ болотировкѣ. По отринутіи разныхъ предложеній, принято, наконецъ предложеніе г. *фонъ-Бодельшвинга* съ товарищами, клонившееся къ тому, чтобы принять уложеніе и дополнительный актъ, безъ предварительной ревизіи, и уполномочить правительство союза на сдѣлку съ Ганзеатическими городами.

14-го. — Напечатанный докладъ Конст. Ком. Пал. Шт. розданъ депутатамъ. Въ этомъ докладѣ, Комиссія рекомендуетъ принять предложеніе *фон-Падова*.

15-го. — Въ Пал. Пред. присутствовали сегодня комиссары: *фон-Радовицъ, фон-Карловичъ* и *фон-Фольпрахтъ*. Предметомъ пренія были слова «Имперія» и «Союзъ», изъ которыхъ первое удержано въ уложеніи, а послѣднее принято только для дополнительнаго акта. Напрасно гг. *фон-Герлахъ* и *фон-Бисмаркъ* старались доказать, какъ неумѣстно слово «Имперія». Потомъ принято предложенное Комиссіею измѣненіе 2 и 99 параграфовъ, по которому глава Имперіи долженъ пользоваться правомъ независимаго чета даже въ коллегіи владѣтелей. Въ предложеніи правой стороны, и между-прочимъ, предложеніе г. *фон-Бисмарка*, о замѣненіи коллегіи владѣтелей простымъ совѣтомъ (*Vereinsrath*) и уничтоженіи Пал. Шт., отринуты или отстранены. Кажется, партія *Бодельшвинга* (лѣвая сторона) должна одержать побѣду, потому-что передъ засѣданіемъ 13 апрѣля, 112 депутатовъ письменно обязались подать голосъ въ пользу немедленнаго принятія уложенія. На правой сторонѣ болѣе всѣхъ горячится г. *фон-Бисмаркъ*; на лѣвой, послѣ г. *фон-Винке*, г. *фон-Беккератъ* и графъ *Шверинъ* выказываютъ наиболее энергіи въ своей оппозиціи и наименѣе щадятъ своихъ противниковъ.

— Вотъ статистика партій въ эрфуртской Палатѣ Представителей: По отреченіи Ганновера и Саксоніи отъ союза, въ Палатѣ, осталось 225 членовъ; значитъ, необходимое большинство состоитъ изъ 113 гол. Они распределены такъ:

1) Депутаты, подписавшіе программу *Бодельшвинга* (принятіе уложенія прежде ревизіи), въ числѣ 112;

2) Депутаты, подписавшіе программу центра (принятіе уложенія на нѣкоторыхъ условіяхъ, клонящихся рѣшительно къ ревизіи и оставляющихъ правительствамъ свободу соизмѣненія), въ числѣ 37;

3) Партія *Штала* (сперва ревизія, а потомъ уже принятіе уложенія).

4) Ультра-монтаны, изъявившіе готовность присоединиться къ партіи *Штала*, если она согласится предложить парламенту, вмѣстѣ съ прусскими проектами, и мюнхенскую конвенцію; этихъ депутатовъ 17;

5) Тридцать пять депутатовъ или находятся въ отсутствіи или еще не присоединились ни къ какой партіи.

— Важный вопросъ волнуетъ теперь Германію, вопросъ о томъ, какъ замѣнить центральное правительство, имѣющее пребываніе свое во Франкфуртѣ на Майнѣ? Известно, что власть этого правительства должна кончиться 1 числа будущаго мѣсяца. Самые противорѣчащіе слухи ходятъ объ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые журналы говорятъ, что власть теперешняго правительства будетъ продолжена, и что Пруссія согласна на это. Аугсбургская же всеобщая газета извѣщаетъ, что Пруссія согласилась на предложеніе вѣснаго кабинета, замѣнить теперешнее центральное правительство конгрессомъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ. Кѣльнская газета объявляетъ, что извѣстіе Аугсбургской газеты не имѣетъ основанія. Въ этомъ, какъ во всѣхъ прочихъ германскихъ дѣлахъ, все та же прежня нерѣшительность, а между-тѣмъ время идетъ впередъ, и до 1 мая остается только нѣсколько дней.

16-го. — Пал. Предст. занималась сегодня, между прочимъ, измѣненіями, предложенными г. *Шталемъ* и его товарищами для параграфовъ, относящихся къ Имперскому Суду. Палата, отстранивъ всѣ эти предложенія, перешла къ основному правамъ. Два предложенія г. *Штала* и *фон-Герлаха*, изъ которыхъ первый требовалъ, чтобы эти права были обсуждены въ слѣдующемъ Парламентѣ, а послѣдній желалъ упрощенія ихъ и уменьшенія числа относящихся къ нимъ статей до пяти, отринуты сильнымъ большинствомъ голосовъ. Г. *фон-Массовъ* поддерживалъ ихъ. По поводу 135 параграфа, о равенствѣ всѣхъ сословій, принятаго съ небольшимъ измѣненіемъ, предложеннымъ г. *Фибиолемъ*, г. *фон-Герлахъ* замѣтилъ, что Палатѣ, при всѣхъ стараніяхъ ея, не удастся истребить существующихъ отличій, точно такъ-же, какъ ей было бы невозможно уничтожить различіе между двумя полами. Предложеніе г. *Триста*, члена правой стороны, направленное противъ 137 параграфа, отмѣняющаго позорный столбъ и тѣлесное наказаніе, было ра-

вномерно отринуту. Предложеніе князя Рейскаго, относительно свободы книгопечатанія, отмѣненія цензуры и предоставленія всякаго ограниченія этой свободы законодательству, принято вмѣстѣ съ предложеніемъ комиссіи, требовавшей, чтобы всѣ проступки противъ закона о книгопечатаніи, на которые онъ именно не указываетъ, были судимы судомъ присяжныхъ.

17-го.—Въ сегодняшнемъ засѣданіи Пал. Шт. было на очереди преніе о докладѣ Конст. Ком. Докладчикъ *Патовъ* представлялъ принятіе предложенія Комиссіи тѣмъ болѣе необходимымъ, что предложеніе это уже принято Палатою Представителей. Комиссаръ *фон-Карловицъ* предложилъ родъ сдѣлки, требуя предварительной ревизіи, но съ условіемъ, что если правительства не согласятся на измѣненія, предложенныя Палатою, то она можетъ потомъ принять уложеніе въ его настоящемъ видѣ. Послѣ того, депутатъ *Бролеманъ* говорилъ противъ немедленнаго принятія уложенія, и настаивалъ на союзѣ съ Австріею. Въ томъ же смыслѣ выразился и г. *фон-Клейстъ-Рецовъ*, объявившій, что для прочнаго основанія Германскаго-Союза, надобно возвратиться къ прежнему германскому уложенію, потрясенному событіями 1848 г. и особенно, остаться въ тѣсной связи съ Австріею. Князь *Сольмъ-Лихскій*, графъ *Ритбергъ* и г. *Зибель* говорили въ пользу, а г. *Эйхгорнъ* и *Цепфитъ* противъ мнѣнія комиссіи. Наконецъ, Палата приступила къ балотировкѣ и приняла первую часть предложенія Комиссіи (62 гол. противъ 29.) а вторую менѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ.

— Въ письмѣ изъ Эрфурта въ редакцію газеты «*Deutsche Reform*», говорятъ, что принятіе Палатою Штатовъ предложенія Комиссіи, тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что большая часть депутатовъ дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по убѣжденію, а единственно изъ упорства въ принятомъ однажды мнѣніи, какъ равно изъ желанія дѣйствовать согласно съ Палатою Представителей.

18-го.—Пал. Предст. окончила ревизію уложенія. Вопросъ о правѣ мира и войны подалъ поводъ къ продолжительнымъ и жаркимъ преніямъ. Гг. *Калингаузенъ* и *Гауссеръ* (профессоръ гейдельбергскаго университета), краснорѣчиво доказывали, что это право принадлежитъ Исполнительной Власти Союза. Крайняя правая сторона хотѣла, чтобы право это было вполнѣ предоставлено Центральной Власти Боль-

шаго, Союза (т. е. всего Германскаго Союза, а не того Союза который основанъ 26 мая и въ пользу котораго говорили Гг. *Калингаузенъ* и *Гауссеръ*). Измѣненіе, предложенное ею въ этомъ смыслѣ, было поддержано лишь весьма немногими членами. При отбораніи голосовъ оно отринуту почти единогласно. Потомъ собраніе приняло (191 гол. противъ 9) измѣненіе, предложенное правымъ центромъ и одобренное г. *Калингаузеномъ* и Правительственнымъ-Советомъ. Это измѣненіе предоставляетъ право мира и войны Исполнительной Власти Союза 26 мая, но съ условіемъ, что она не можетъ объявлять войны германскимъ владѣніямъ, не вошедшимъ въ составъ этого Союза. Комиссія Пал. Шт. предлагаетъ то же самое.—Прежде этого пренія, Палата рѣшила вопросъ о душеприказчикахъ (*fidei-commis*): статья уложенія, уничтожавшая ихъ вычеркнута. Это почитаютъ шагомъ назадъ; но его требовалъ духъ примиренія. Наконецъ Пал. Предст. приняла дополнительный актъ. Такимъ образомъ дѣло ревизіи для нея окончилось.

— Пал. Шт. равномерно занималась ревизіею и приняла важное рѣшеніе: она отринула, (47 гол. противъ 42) постановленіе, которымъ Пал. Предст. опредѣлила, что она одна въ правѣ заниматься бюджетомъ. Надобно, однакожъ, надѣяться, что этотъ споръ между двумя Палатами кончится такою же полюбовною сдѣлкою, какими оканчивались прежнія, болѣе важныя, споры.—Пал. Шт. окончательно избрала себя президента и вице-президентовъ, которые до-сихъ-поръ были у нея лишь временные. Въ Президенты избраны, на все время продолженія засѣданій Сейма, г. *фон-Ауэрсвальдъ*, (58 гол. противъ 23 подданныхъ въ пользу графа *фон-Армина*). Гг. *фон-Ландорфъ* и *фон-Сольмъ-Лаубахъ* назначены вице-президентами.

29-го.—Пишутъ о закрытіи Парламента. Члены не окончательно распущены и могутъ быть созваны, какъ скоро германскія правительства согласятся между собой на счетъ окончательнаго принятія уложенія.

— Большая часть депутатовъ уже оставила Эрфуртъ. Г. *фон-Гагернъ* отправился сегодня утромъ.

— Засѣданія обѣихъ Палатъ отсрочены на неопредѣленное время. Будутъ ли эти Палаты созваны снова? Никто не знаетъ этого; но многіе думаютъ, что Эрфуртскій-Парламентъ отжилъ свой вѣкъ.

Франкфуртъ на Майнъ.—Въ газетѣ Главнаго Почтамта, напечатано слѣдующее:

«Вчера здѣсь получена австрійская нота, въ которой приглашаютъ всѣ нѣмецкія правительства собраться во Франкфуртъ, для того, чтобы немедленно начать разсмотрѣніе германскаго вопроса; первое засѣданіе назначается 10 мая. Задачею этого перваго засѣданія будетъ рѣшеніе вопроса: «объ учрежденіи новой временной центральной власти»; оно тѣмъ легче можетъ-быть окончено въ двѣ недѣли, что австрійское правительство хочетъ облегчить столь желательное соглашеніе возможными, соответствующими предложеніями». После исполненія, такимъ образомъ, главнаго, существеннаго условия, отъ котораго зависитъ достиженіе цѣли Союза, надобно будетъ обратить вниманіе собранія уполномоченныхъ, на пересмотръ Уложенія Союза, что всѣми признано необходимымъ, а потомъ рѣшить, какимъ образомъ привести уложеніе въ исполненіе. До-сихъ-поръ всѣ старанія были тщетны, потому-что не было согласія въ мнѣніяхъ касательно основаній уложенія, и того, какимъ образомъ можно согласить эти мнѣнія. Эти недоразумѣнія будутъ рѣшены въ собраніи, созванномъ австрійскимъ дворомъ, потому-что онъ имѣетъ на это право по четвертому параграфу вѣнскаго заключительнаго акта; собраніе будетъ записывать изъ этихъ же постановленій, основныя начала Уложенія Союза, если сохранится этотъ Союзъ, признанный неразрушимымъ по договорамъ 1815 г. Впрочемъ австрійское правительство, вѣрно нѣсколько разъ данному общанію, не возвращаясь къ прошедшему, не соответствующему потребностямъ времени, но стараясь развить, сообразно даннымъ отношеніямъ, рѣшенія, основанныя на правѣ и договорѣ и полезныя для будущности, будетъ содѣйствовать тому, чтобы Уложеніе было составлено на такихъ основаніяхъ, которыя бы могли удовлетворить справедливымъ и умереннымъ требованіямъ. Австрійское правительство надѣется, что всѣ участвующіе въ Союзѣ, будутъ отвѣчать на это воззваніе, и эга надежда оправдывается увѣренностью, что путь, по которому слѣдуетъ теперь Союзѣ, не только сообразенъ съ законами Союза, но даже есть единственный путь, который можетъ привести къ желанной цѣли. Правительство полагаетъ также, что предлагаемая имъ мѣра сообразна съ цѣлью Союза. Оттого ни одинъ изъ членовъ Союза

не можетъ отказать въ своемъ участіи, если хочетъ остаться членомъ Союза.

Ганау.—8-го апрѣля.—Сегодня, въ 9 часовъ утра, начался судъ надъ убійцами г. фон-Ауэрсвальда и Дихмовскаго. Подсудимые явились въ числѣ пяти человекъ.

Саксонія.—22 марта.—Въ Дрезденѣ много толкуютъ о взятіи подъ стражу знатнаго французскаго семейства, проживавшаго въ Дрезденѣ уже нѣсколько лѣтъ. Прежде всего былъ сдѣланъ домовой осмотръ, и вотъ что рассказываютъ по этому предмету. Около пяти лѣтъ тому назадъ, украдено было въ этомъ городѣ значительное количество брилліантовъ, и до-сихъ-поръ не могли найти виновнаго, хотя общано было 20 000 талеровъ тому, кто его откроетъ. Увѣряютъ, что онъ найденъ, наконецъ, въ Яссахъ, за нѣсколько миль тому, и въ-слѣдствіе сообщеній, присланныхъ оттуда молдавскими судебными начальствами, взято было подъ стражу означенное семейство.

— 18-го апрѣля. (Дрезден. газ.) Сегодня, въ 12 часовъ по-полудни, сардинскій комиссаръ, генераль-майоръ *делла-Рокка-Мораччо*, торжественно просилъ у Короля и Принца Іоанна руки *Принцессы Елисаветы* для *Принца Сардинскаго Фердинанда, Герцога Генуэзскаго*. Потомъ, Король и Королева и Принцъ Іоаннъ, супруга его и Принцесса Елисавета принимали поздравленія отъ чиновъ двора, отъ государственныхъ министровъ и отъ дипломатическаго корпуса. Въ 4 часа, въ парадной залѣ королевскаго замка былъ большой столъ.

19-го.—*Лейпцигъ.*—Герцогъ Генуэзскій *Фердинандъ* прибылъ сюда сегодня со свитою, и остановился въ *Hôtel de Pologne*.

22-го. Сегодня, въ 2 часа по-полудни, *Епископъ Дидрихъ* совершилъ въ католической придворной церкви бракосочетаніе Герцога Генуэзскаго (родивш. въ 1822 году) съ *Принцессою Елисаветою* (род. въ 1830 году).

Баденъ.—22 марта.—Требованія Пруссіи о вознагражденіи за военныя издержки представлены были во Вторую баденскую Палату. Сумма ихъ простирается до трехъ съ половиною милліоновъ гульденовъ, или двухъ милліоновъ талеровъ. Изъ Карлсруэ пишутъ, что это требованіе произвело въ Палатѣ большое уныніе.

Баварія.—Извѣстно, что Баварскій Пфальцъ, со времени послѣднихъ безпокойствъ, происходившихъ въ этой об-

ласти, находится въ осадномъ положеніи. Баварская Палата Депутатовъ, въ засѣданіи 21-го апрѣля, разсматривала предложеніе, по которому слѣдовало пресѣчь это исключительное положеніе Пфальца. Министръ-президентъ, г. фон-Пффордтенъ, возсталъ противъ этого, объявивъ, что опасность еще не миновала, и Палата согласилась съ нимъ.

Саксенъ-Веймаръ.—13-го апрѣля. Сегодня Герцогиня Орлеанская со своей свитой повхала изъ Эйзенаха въ Кобургъ, чтобы отсюда отправиться въ Англию.

Гогенцоллернъ-Гехингенъ.—8-го апрѣля.—Сегодня воспо слѣдовала передача княжества Гогенцоллернъ-Гехингена Прусской коронѣ. Президентъ правительства баронъ Шнигельъ принялъ страну по владѣніе Короля Прусскаго. Празднества, которыми сопровождалась сдача, были проще нежели въ Зигмарингенъ, потому-что бывший князь Фридрихъ Константиновичъ былъ въ своихъ шлезвигскихъ помѣстьяхъ.

Дармштатъ.—23-го марта.—Результатъ изысканій, полученный судомъ присяжныхъ по дѣлу Штауфа, еще нерѣшительнъ, но уже не оставляетъ сомнѣній, что графиня Гёрлицъ погибла насильственной смертью. Въ нынѣшнемъ вечернемъ засѣданіи суда президентъ изложилъ, по произведенному слѣдствию, весь ходъ дѣла.

— Министерство издало слѣдующее предписаніе о продажѣ хлороформа:

«Такъ какъ изъ опытовъ видно, что употребленіе хлороформа для эфиризаціи при операціяхъ, было часто причиною смертныхъ случаевъ, то министерство внутреннихъ дѣлъ, доводя объ этомъ до свѣдѣнія публики, считаетъ нужнымъ предписать слѣдующее: продажа хлороформа должна впредь производиться на основаніи предписанія отъ 30 сентября 1823, о продажѣ ядовитыхъ веществъ, т. е., что производители и торговцы аптекарскими товарами могутъ продавать его только аптекарямъ: аптекаря же могутъ отпускать хлороформъ не иначе, какъ съ разрѣшенія имѣющаго законный дипломъ медика, по рецепту его, безъ докторскаго же рецепта хлороформа не продавать».

П р у с с і я .

Берлинъ. — 14-го апрѣля. — Въ сегодняшнемъ номерѣ «Еженедѣльной Военной Газеты» напечатанъ договоръ меж-

ду Е. В. Герцогомъ Ангальт-Дессаускимъ, о присоединеніи военныхъ контингентовъ Ангальт-Дессаускаго и Ангальт-Кётенскаго Герцовствъ къ прусской арміи. Подобный договоръ заключенъ Е. В. и съ Герцогомъ Ангальт-Бернбургскимъ, о присоединеніи къ Прусской арміи контингента войскъ Ангальт-Бернбургскаго Герцогства.

19-го. — Въ сегодняшнемъ номерѣ «Прусскаго Государственнаго Указателя» напечатанъ королевскій приказъ, которымъ генералъ-майоръ фон-Бопинъ, назначенный берлинскимъ комендантомъ, отзывается съ поста главнокомандующаго Шлезвиг-Гольштейномъ, предписывается немедленно возвратиться въ свои полки или гарнизоны. Приказъ подписанъ въ Шарлоттенбургѣ, 11 с. м.

22-го.—Письмо изъ Берлина, напечатанное въ Кельнской Газетѣ, извѣщаетъ, что Пруссія не согласилась на предложеніе Австріи, замѣнить теперешнюю центральную власть въ Германіи конгрессомъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ. Пруссія предлагаетъ продолжить срокъ теперешней временной центральной власти.

1-го мая.—Въ полдень, у Е. В. Короля собирався въ замкѣ Бельвю совѣтъ министровъ, въ совѣщаніяхъ котораго участвовалъ и генерал-лейтенантъ фон-Радовицъ. Въ 7 часовъ, Е. В. отправился, по желѣзной дорогѣ, въ Потсдамъ.

2.—Въ 10 часовъ утра, Е. В. изволилъ сдѣлать смотръ 1-му полку пѣшей гвардіи, а въ 12 часовъ по-полудни возвратился, по желѣзной же дорогѣ, въ Берлинъ и Шарлоттенбургъ. Въ четвертомъ часу вечера прибыли сюда изъ Дрездена И. К. В. Герцогъ и Герцогиня Генуэзскіе, которые потомъ немедленно отправились въ Шарлоттенбургъ.

А в с т р і я .

— Изъ Милана сообщаютъ о благородномъ поступкѣ графа Шварценберга, командующаго австрійскимъ корпусомъ въ Ломбардіи. Графъ Арена, политическій изгнанныкъ, проживающій въ Швейцаріи, обратился къ нему съ просьбою о позволеніи пріѣхать въ Миланъ, повидаться съ отцомъ, лежавшемъ на смертномъ одрѣ. Онъ обязывался пробывать только три дня, не посѣщать никого, и подвергнуться даже

военному присмотру. *Князь Шварценберг* не только согласился на его просьбу, но и дозволяет ему пробывать в Миланѣ цѣлые два мѣсяца на полной свободѣ.

— Не только в Венгріи, но и в Ломбардіи, происходят безпрестанные разбои и убійства. Въ послѣдней области составились большія шайки.

— Въ «Конституціонной Богемской Газетѣ» пишутъ:

«Наконецъ, можемъ надѣяться, что холера, по десяти-мѣсячному пребываніи въ стѣнахъ нашего города, оставила насъ, потому-что съ 24 по 31 марта занемогъ ею только одинъ человекъ, а умершихъ совсемъ не было. Съ начала іюня 1849 по конецъ марта 1850, занемогло холерою всего-на-все 999 человекъ, изъ которыхъ умерло 528.

— Въ Парижской газетѣ *Patrie* сообщаютъ частныя письма изъ Вѣны отъ 28-го марта, въ которыхъ находятся слѣдующія замѣчательныя мѣста:

«Въ газетахъ много говорило о цѣли поѣздки *графа Гюлля* въ Италію. Могу сообщить вамъ вѣрныя объ этомъ свѣдѣнія. Графъ ѣдетъ сперва въ Триестъ. Онъ осмотритъ укрѣпленія и успѣхи работъ, набоищихъ цѣлью сдѣлать изъ этой гавани важный военный портъ. Потомъ отправится въ Венецію, гдѣ осмотритъ арсеналъ. Онъ убѣдится въ усиліяхъ, предпринимаемыхъ въ этомъ городѣ для развитія морскихъ силъ Австріи. Известно, что матросовъ у насъ много, потому-что моряки Адриатическихъ береговъ очень способны къ дѣйствительной службѣ; притомъ же вербуютъ ихъ много въ Бременѣ и Гамбургѣ. Потомъ *графъ Гюлля* отправится въ Тоскану, и говоритъ, что *графъ Радецкий* будетъ сопровождать его. Во Флоренціи, какъ и въ другихъ Италіанскихъ областяхъ, чрезъ которыя графъ поѣдетъ, будутъ онъ вести переговоры о пребываніи Австрійцевъ въ Италиі. Число австрійскихъ войскъ простирается тамъ теперь до 150,000 чел. Австрійскій кабинетъ хочетъ, чтобы армія эта содержалась на счетъ Италиі. Если достигнуть такой цѣли, это будетъ важнымъ облегченіемъ для бюджета. Тогда можно будетъ содержать на военной ногѣ арміи въ Богеміи, Галиціи, Венгріи и въ Германскихъ областяхъ. Правительство не хочетъ войны, и не вѣритъ въ возможность ея, но принимаетъ мѣры, чтобъ немедленно выступить въ походъ, если будетъ нужно. Никогда съ большею дѣятельностью не приводили въ исполненіе старой поговорки: *si vis pacem, para bellum* (если хочешь мира, готовься

къ войнѣ). Оружейныя фабрики работаютъ день и ночь. Въ Леопольдштадтскихъ трактирахъ взяты были подъ стражу нѣсколько иностранцевъ. Они были снабжены надлежащими паспортами, но Правительство узнало, что присутствіе ихъ имѣетъ политическую цѣль, и ихъ захватили. Кажется, что въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ известныхъ коноводовъ тайнаго общества, но этотъ успѣлъ скрыться».

— *Банъ-Иеллашичъ* вступая въ бракъ съ богатою *графинею Штокау*.

— 8-го апрѣля. Въ Венгерской официальной газетѣ напечатаны вновь 44 приговора военнаго суда. Въ числѣ приговоренныхъ находятся два известныя лица—*Германъ Гергей* и *Антонъ Перцель*; изъ нихъ первый, осужденный на разстрѣліаніе, получилъ прошеніе, и приговоръ его смягченъ на шестнадцатилѣтнее заключеніе въ крѣпости, а второй былъ приговоренъ къ двѣнадцатилѣтнему тюремному заключенію, и оно замѣнено десятилѣтнимъ.

— По словамъ «Богемской Конституціонной газеты», австрійская армія въ Италиі распределена теперь такъ:

Пятымъ корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *графа Страссоля* въ Миланѣ, съ бригадами генерал-майора *Перена* въ Лоди и Е. П. В. *Эрц-Герцога Сигизмунда* въ Миланѣ; 2) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *графа Галлера* въ Миланѣ, съ бригадами генерал-майора *графа Фестетиче* въ Миланѣ, *графа Вратислава* въ Миланѣ и *Драсковича* въ Пиаченцѣ.

Шестой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *барона Роши* въ Кремонѣ, съ бригадами генерал-майора *графа Тёрка* въ Кремонѣ и генерал-майора *Вейса* въ Мантуѣ; 2) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *графа Кулоца* въ Веронѣ, съ бригадами генерал-майора *графа Салиса* въ Веронѣ, генерал-майора *Руеса* въ Виненцѣ.

Седьмой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *графа Арнольди*, въ Комо, съ бригадами генерал-майора *Зингера* въ Вирезѣ и Е. П. В. *Эрц-Герцога Эрста* въ Комо; 2) дивизія Е. П. В. фельдмаршал-лейтенанта *Эрц-Герцога Карла-Фердинанда* въ Бергамо, съ бригадами генерал-майора *барона Шнигелльберга* въ Бергамо, генерал-майора *графа Кавриана* въ Брешии и генерал-майора *графа Пеячевича* въ Триентѣ.

Восьмой корпусъ: 1) дивизія фельдмаршал-лейтенанта *князя Фридриха Лихтенштейна* во Флоренціи, съ бригадами ге-

нерал-маіоровъ графа Стадіона и графа Коловрата, которыя обѣ стоятъ во Флоренціи; 2) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта Іецера въ Болоньи, съ бригадами генерал-маіора графа Марціани въ Болоньи и генерал-маіора Пфанцельтера въ Анконѣ.

Десятый корпусъ: 1) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта Вимпфена въ Венеціи, съ бригадами генерал-маіора Ландвера въ Удинѣ, генерал-маіора Граверта въ Венеціи и генерал-маіора Даркеса въ Венеціи; 2) дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта барона Бордона въ Герцѣ, съ бригадами генерал-маіора графа Дейма въ Клагенфуртѣ и генерал-маіора Гориццутти въ Триестѣ. Общее число этихъ боевыхъ силъ полагають въ 130—150,000 человекъ.

9-го.—Герцогиня Ангелемская возвратилась изъ своего путешествія въ Венецію. Посѣтивъ Императорскую фамилію, она поѣдетъ въ Фросдорфъ. Герцогъ Бордосскій остался съ супругою своею въ Венеціи.

Прага.—Въ «Народныхъ Новинахъ» напечатано объявленіе кроато-сербскихъ литераторовъ, въ которомъ они изъявляютъ намѣреніе соединиться вмѣстѣ, для избранія одного общаго литературнаго языка. Они хотятъ прежде всего истребить существующее нынѣ обыкновеніе набирать литературныя выраженія изъ всѣхъ нарѣчій, которыми говорить народъ. Цѣль союза этихъ литераторовъ будетъ состоять въ введеніи южно-славянскаго нарѣчія, потому-что на немъ говоритъ большая часть націи, потому-что оно ближе другихъ къ древне-славянскому языку, употребляется во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, и слѣдовательно, знакомо всѣмъ отраслямъ славянскаго племени; наконецъ, потому-что на этомъ нарѣчій писали Рагузскіе классики и пишеть часть духовенства восточной Церкви.

— За нѣсколько передъ симъ дней, совѣтники Венгерскаго Отдѣленія Верховнаго суда представляли Е. В. По словамъ «Конституціонной Богемской газеты», живущіе въ Вѣнѣ Венгерцы очень довольны тѣмъ, что, при такихъ представленіяхъ, они являютъ предъ лицо Монарха въ своемъ національномъ костюмѣ и говорятъ съ Е. В. только на венгерскомъ языкѣ.

10-го. Верона.—На основаніи Уложенія Австрійской Имперіи, вечеромъ 18-го марта 1848 года объявлено было повелѣніе объ изгнаніи іезуитовъ изъ ихъ коллегій и послушническаго дома, не дѣлая имъ никакой личной обиды. Здѣш-

ніе добросердечные граждане приняли ихъ тогда гостеприимно и ухаживали за ними, пока они не разсѣялись по свѣту. Теперь Фельдмаршалъ графъ Радецкій далъ имъ позволеніе снова возвратиться въ свои дома, здѣсь и въ Вѣнѣ. Зданіе, гдѣ у нихъ были коллегии, и въ которомъ помѣщается теперь баталіонъ гренадеровъ, а также и церковь въ Сен-Себастіано, которая служить хлѣбнымъ магазиномъ, будутъ немедленно очищены; только послушническій домъ будетъ занятъ солдатами, пока для нихъ не приищутъ другаго помѣщенія.

— На-дняхъ найдено въ Пресбургѣ нѣсколько ящиковъ съ бумагами революціоннаго правительства. Увѣряютъ, что это открытіе компрометируетъ многихъ, кого до-сихъ-поръ и не подозрѣвали въ измѣнѣ. Въ Венгріи произведено множество арестовъ.

18-го.—«Лойдъ» извѣщаетъ, что торжественное коронаваніе Императора будетъ совершено въ день его рожденія, т. е. 18-го августа.

— Въ газетѣ Лойда напечатано:

«Торжественное возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Австрійской Имперіей и Оттоманской Портою произошло 6 числа текущаго мѣсяца. Пока происходилъ взаимный обмѣнъ инструкцій и полномочій, австрійскому флагу салютовали пушечными выстрѣлами, потомъ салютовали равнымъ числомъ выстрѣловъ и турецкому флагу. У графа Штурмера былъ вечеромъ большой балъ, на которомъ присутствовала большая часть находящихся въ Константинополѣ дипломатовъ.

22-го.—Нынче въ Австріи издаются 179 журналовъ: изъ нихъ 92 нѣмецкихъ, 56 италіянскихъ, 28 славянскихъ, 6 венгерскихъ и 2 руманскихъ.

20-го.—«Вѣнская газета» официально объявляетъ сего-дня о возведеніи супруги Е. И. В. Эрцъ-Герцога Іоанна, баронессы (Freiin) Анны фон-Брандгофенъ, дипломомъ Е. В. Императора, въ графское достоинство Австрійской Имперіи, съ титуломъ графини фон-Меранъ, баронессы фон-Брандгофенъ.

— Въ редакцію «Журнала Австрійскаго Лойда» пишутъ изъ Темешвара, что работы въ тамошнихъ крѣпостныхъ верхахъ продолжаютъ съ большимъ рвеніемъ. Предмѣстія должны быть окружены крѣпкими башнями, подобными

тѣмъ, какія воздвигнуты при Линцѣ. Башни эти будутъ защищать внутренній городъ отъ дѣйствія бомбъ. Говорятъ также о предложенномъ построеніи желѣзной дороги, которая должна вести отъ Сегедина къ Темешвару.

— Газета Opinion, извѣщаетъ, что Фельдмаршалъ Радецкій издалъ 16 апрѣля, прокламацію, въ которой приглашаетъ жителей Ломбардо-Венеціанскаго Королевства добровольно согласиться на заемъ въ 120 милліоновъ ливровъ (25,000,000 руб. сереб.) Правительство предлагаетъ этотъ заемъ на выгодныхъ условіяхъ, но если къ 3 мая онъ не будетъ покрытъ, то оно прибѣгнетъ къ принудительному займу, и будетъ въ правѣ отнять прежнія выгодныя условія. Газета Concordia говоритъ, съ своей стороны, что этотъ заемъ уже отмененъ и что скоро будетъ объявлена обширная амнистія.

— Е. В. Императоръ Австрійскій отправился въ Триестъ, гдѣ ждетъ его Фельдмаршалъ Радецкій, а оттуда отправится, можетъ-быть, въ Венецію и даже въ Миланъ.

— 30-го. Императоръ повелѣлъ строить новыя укрѣпленія у Коморна и фортъ на Сандбергѣ. Укрѣпленія, которыя строятся въ Офенѣ, должны быть окончены къ исходу октября. Прежде всего будетъ окончена часть построекъ у Вѣнскихъ воротъ и у бастиона противъ Швабенберга; теперь уже выстроена большая часть стѣны бастиона. Боле всего поправокъ требуетъ совершенно разрушенный Штульвейсенбургъ, Вѣнскія-ворота и укрѣпленія передъ Императорскимъ замкомъ, гдѣ опустошеніе было значительнѣе всего. Ворота замка повреждены незначительно, и будутъ въ скоромъ времени поправлены.

2-го Мая.—Въ Вѣнской газетѣ напечатано: «По неоднократной просьбѣ константинопольскаго интервунція Графа Штормера и по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ и палаты, онъ уволенъ отъ должности, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 29 апрѣля.

ШВЕЦІЯ.

— Стокгольмъ, 9-го апрѣля, (Гамбургск. Кор.) Вчера утромъ, Его Королевское Высочество Наслѣдннй Принцъ отправился отсюда въ Копенгагенъ. Изъ Копенгагена Принцъ поѣдетъ, черезъ Любекъ и Ганноверъ, въ Гагу.

ДАНІЯ.

Шлезвигъ-Голштейнъ. Киль.—10-го апрѣля.—Дворянство и благородные помѣшники (Ritterschaft und edle Gutsbesitzer), вслѣдствіе рѣшенія, принятаго ими въ полномъ засѣданіи 6 апрѣля, адресовали на имя намѣстничества слѣдующую записку:

«Прелаты и помѣшники обоихъ герцогствъ собирались для разсужденія о средствахъ къ заключенію мира. Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было рѣшеніе: объявить намѣстничеству, что при теперешнихъ обстоятельствахъ прямыя переговоры съ владѣтелемъ страны—самое удобное средство къ доставленію ей скораго мира. Собраніе шлезвигъ-голштейнскихъ прелатовъ и помѣшниковъ, сообщая намѣстничеству это рѣшеніе, основанное на искреннемъ его убѣжденіи, присовокупляетъ, что оно рѣшилось поддерживать намѣстничество всеми своими силами на этомъ пути къ достиженію мира».

— Изъ Гамбурга пишутъ, отъ 16 апрѣля, что депутация, посланная въ Копенгагенъ отъ дворянства и помѣшниковъ Шлезвигъ-Голштейна, вѣроятно, уже прибыла къ мѣсту своего назначенія. Извѣстно, что эта депутация послана для прямыхъ переговоровъ о мирѣ съ самимъ Королемъ Датскимъ и что Пруссія одобрила это посольство; тѣмъ не менее сомнѣваются въ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на нее порученія, потому-что Король Датскій объявилъ, что онъ только въ такомъ случаѣ вступитъ въ непосредственныя переговоры, если оба Герцогства предварительно обезоружатъ и распустятъ по домамъ свое войско.

НИДЕРЛАНДЫ.

— Гага, 30 апрѣля. Сегодня, послѣ обѣда, во дворцѣ Принца Фридриха и въ присутствіи королевской фамиліи, происходило обрученіе Принцессы Нидерландской Луизы съ наслѣдникомъ Шведскаго престола.

Испания.

Въ газетѣ *Heraldo* напечатано: «Мы недавно говорили, что въ Леонской провинціи открыты золотыя россыпи. Сегодня мы получили отъ нашего корреспондента въ Гренадѣ письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что такое же открытіе сдѣлано и въ этой провинціи, гдѣ, какъ кажется, очень много золота. Если жители Леона и Гренады не обманутся въ своихъ надеждахъ, у насъ, въ Испаніи, будетъ новая Калифорнія. Вотъ копія съ письма нашего корреспондента въ Гренадѣ.

«Здѣсь является новая Калифорнія. То же безумство, тѣ же надежды скорого обогащенія; нѣтъ только калифорнскихъ преступленій. Древнее преданіе говоритъ, что въ Дурро есть золотыя пески, и его поэтическое имя, «*Dauro*» служить этому доказательствомъ, но теперь открыто, что драгоцѣнный и рѣдкій металлъ находится не въ Дурро, а въ окрестностяхъ Гренады. Гражданскому губернатору представлено уже болѣе ста образчиковъ золотосодержащихъ песковъ. Жители Гуэрты, Веги, Молахия, Диларо и Суби, находятся какъ-будто въ какомъ-то возстаніи, потому-что этотъ песокъ найденъ у нихъ, и никто ничѣмъ не занимается, кромѣ промыванія песку и добыванія изъ него золота. Вчера я посѣтилъ часть провинціи, называемую Дона-Хуана, гдѣ нашли болѣе всего золотоснаго песку, и видѣлъ тамъ болѣе 300 человекъ, которые отыскивали золото. Устроивъ необходимыя машины, можно будетъ добыть значительныя суммы денегъ. Открытіе это сдѣлано очень кстати для этой несчастной провинціи.

— 31-го марта. На мѣсто сэра *Бульвера* назначенъ англійскимъ посланникомъ при испанскомъ дворѣ *лордъ Годенъ*.

— *Графъ Мирасоль* уже отправился въ Кубу.

— Сегодня начались здѣсь бои быковъ, которые будутъ въ нынѣшнемъ году очень блистательны.

2-го апрѣля. — Принцъ и Принцесса *Жуанвильскіе* отправившись изъ Кадикса въ Англію.

7-го. — Говорятъ, что для крещенія *Принца Астурійскаго* пошлютъ за водой на *Иорданъ*; многіе добиваются чести ѣхать за этой водой.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ ждуть въ Мадридъ *Герцогъ Монпасе* и *Жуанвильскаго*, съ супругами.

— Многіе журналы объявляютъ, что Король отправляется въ Аранжуэсъ, и по этому поводу, дѣлаютъ разныя предположенія. Вчера Король дѣйствительно уѣхалъ; но онъ должеиъ возвратиться сегодня же. Единственною причиною его удавленія было, кажется, то, что онъ не хотѣлъ имѣть у себя оффиціальнаго приѣма въ день рожденія своего отца, *Инфанта дона Франциска де-Паулы*.

15-го. — Говорятъ, что *графъ Монтемолинъ* снова протестуетъ противъ правъ ожидаемаго наслѣдника престола.

Швейцарія.

Бернъ, — 2 апрѣля. Положеніе нѣмецкихъ рабочихъ обществъ въ Швейцаріи изслѣдовано, и докладъ о немъ представляеть Совѣту Союза. Изъ этого доклада видно, что съ 1848, нѣмецкія рабочія общества занимались только-демократическою политикою, что они распространены по всей Швейцаріи, нѣмлютъ между собою тѣсную связь и состоятъ въ такой же связи съ подобными обществами во Франціи и Германіи. Совѣтъ Союза принялъ слѣдующее рѣшеніе:

«Члены нѣмецкихъ рабочихъ обществъ въ Женевѣ, Лозаннѣ, Вевѣ, Ла-Шо-де-Фонтѣ, Локлѣ, Флерѣ, Поррантрию, Сентъ-Имьѣ, Бургдорфѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Тулѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, Винтертурѣ и Шафгаузенѣ высылаются изъ Швейцаріи. Рабочія общества въ Арау, Лудернѣ, Гларусѣ, Хурѣ и Геризау поручаются надзору полиціи».

Число высылаемыхъ членовъ нѣмецкихъ рабочихъ обществъ, по слухамъ, простирается слишкомъ до 400 человекъ.

— Въ Швейцаріи, въ ожиданіи общихъ выборовъ для большаго Совѣта, партіи испытали свои силы въ Бернскомъ Кантонѣ, при выборѣ, въ Эменталѣ и Оберландѣ, двухъ депутатовъ для Союзнаго Собранія. Къ сожалѣнію, попытка эта не предвѣщаетъ ничего хорошаго консерваторамъ. Въ Эменталѣ избранъ кандидатъ радикальной партіи, г. *Леманъ*, а въ Оберландѣ другой радикальный кандидатъ, г. *Керленъ*, получилъ въ свою пользу 5,569 гол., тогда-какъ въ пользу

кандидата консервативной партіи, г. *Кнехтенгофера*, подаю 5,322 гол. Какъ Оберландъ есть одна изъ частей бернскаго Кантона, гдѣ консерваторы всего многочисленнѣе, то этотъ результатъ во всякомъ случаѣ долженъ быть почитенъ дурнымъ предзнаменованіемъ для выборовъ 5 мая.

— Швейцарскій національный Совѣтъ, въ засѣданіи 25 апрѣля, принялъ (64 гол. противъ 36) десятичную монетную систему, въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она во Франціи и Бельгіи.

Турція.

— Въ Сераскириатѣ (военномъ министерствѣ) трудятся надъ проектомъ сформированія христіанскихъ баталіоновъ, которые должны быть составлены изъ волонтеровъ и присоединены къ мусульманскимъ полкамъ.

— *Скутари*. На дняхъ появились у нашихъ береговъ, два военные парохода подъ англійскимъ флагомъ; они пробыли два дня недалеко отъ Антивари, занимаясь тщательнымъ изслѣдованіемъ глубины моря, и потомъ удалились. Неожиданное появленіе этихъ судовъ произвело на жителей глубокое впечатлѣніе, потому-что они не привыкли къ такимъ посѣщеніямъ. Здѣшній паша послышалъ собрать свѣдѣнія объ этихъ неожиданныхъ гостяхъ.

— *Константинополь*, 4-го апрѣля (23-го марта ст. ст.) На прошедшей недѣлѣ, Султанъ присутствовалъ въ Софійской мечети при испытаніи воспитанниковъ въ правахъ и богословіи: эти воспитанники окончили курсъ наукъ, и получили дипломы на званіе докторовъ правъ и богословія.

— Русскій скрипачъ г. *Дмитріевъ-Сельчинъ*, приобрѣтшій блистательную репутацію, прибылъ сюда изъ Одессы нѣсколько дней тому назадъ. Въ прошлую субботу онъ имѣлъ честь исполнить нѣсколько пьесъ въ султанскомъ дворцѣ, въ присутствіи Е. В. Султана и Султанши-матери. Е. В. въ знакъ своего удовольствія, приказалъ вручить ему подарокъ, въ 12,000 піастровъ. Другой подарокъ былъ врученъ артисту итальянскаго театра г. *Маріани*, который принималъ участіе въ концертѣ и пропѣлъ нѣсколько арій изъ итальянскихъ оперъ.

— Казенный пароходъ, на которомъ отправлены были въ Александрію, въ Сирію, венгерскіе выходцы, назначенные для поселенія въ Алепъ, возвратился въ Константинополь.

Скутари, 15-го апрѣля, Англійскіе пароходы, которые показались у береговъ между Антивари и устьемъ Бояны, чтобы вымѣрить тамъ глубину моря, возвратились изъ Ионическаго моря и прибыли 24 числа къ берегамъ Албаніи. Жители Дульцины (приморскаго города въ Албаніи) и Свят. Николая (деревни, лежащей у устья рѣки Бояны) были очевидцами маневровъ этихъ судовъ. Самый большой изъ англійскихъ пароходовъ стоялъ недалеко отъ албанскаго берега и тщательно занимался помѣркою глубины, а маленькій пароходъ ходилъ въ задъ и впередъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Не подлежить никакому сомнѣнію, что суда эти были англійскія, потому-что жители могли разглядѣть великобританскій флагъ, особенно тотъ, который былъ на большомъ пароходѣ. Отъ этого парохода часто отходили лодки съ людьми, которые ревностно занимались измѣреніемъ глубины устья рѣки Бояны. Извѣстно, что рѣка ведетъ къ большой равнинѣ въ Скутари. Пароходы эти измѣрили съ 24 до 25 числа вечера, не разспрашивая ни одного жителя Албаніи, не только глубину рѣки, но и глубину у всѣхъ береговъ до Антивари; 28 числа, рано утромъ, большой пароходъ пошелъ въ направленіи къ Ионическому морю, а маленькій скоро послѣдовалъ за нимъ. Это изслѣдованіе произвело сильное впечатлѣніе на жителей Скутари, потому, что они до-сихъ-поръ не привыкли видѣть на своихъ берегахъ незваныхъ и нежданныхъ гостей, которые, не объявивъ о себѣ, удалились, послѣ таинственной и долгой работы.

— По извѣстіямъ изъ Смирны, тамошніе жители были чрезвычайно уstraшены нѣсколькими землетрясеніями, въ короткое время послѣдовавшими одно за другимъ. Первый ударъ землетресенія случился 22-го марта ст. ст. (3-го апрѣля). Въ 3 час. 10 мин. утра, земля сначала легко сотряслась; потомъ вдругъ послышался глухой подземный гулъ, быстро смѣшавшійся съ трескомъ кровель и стѣвъ, и земля сильно задрожала; чрезъ 10 минутъ этотъ ударъ повторился, и чрезъ 5 минутъ позже почувствованъ былъ и въ третій разъ, по-слабѣе. Море, которое въ полночь еще было совершенно спокойно, внезапно взволновалось и отомло отъ береговъ, такъ-что привязанные у берега калки

на минуту остались на суше, и несколько судов ударились о дно. Землетрясение это было сильное, нежели в 1846 году, и повредило все почти дома в Смирне, но незначительно, и къ счастью, при этомъ никто не погибъ. 26-го марта ст. ст. (7-го апрѣля), въ 3 час. по-полудни послѣдовалъ въ Смирнѣ новый ударъ землетрясенія, а 31-го марта (12-го апрѣля) въ 7 часовъ утра, повторился въ третій разъ. Жители, испуганные этими частыми потрясеніями и распространившимися, сверхъ-того, въ городѣ предсказаніями о предстоящемъ разрушеніи Смирны, толпами собираются въ церквахъ, и особенно у Св. Пана близъ Буджи, и многие переселяются за городъ или на стояшія на рейдѣ суда. По дошедшимъ свѣдѣніямъ, это землетрясеніе, особенно при первомъ ударѣ, 22 марта, распространилось по всей Анатолиі; говорятъ, что въ Скала-Новѣ разрушилась часть крѣпости, и что одна деревня близъ Нильфіо была почти завалена обрушившимися на нее скалами, при чемъ, какъ слышно, погибло много жителей. Въ Айвали и въ Митленѣ сотрясеніе земли ощущено было въ ту же минуту, какъ и въ Смирнѣ.

— По письмамъ изъ Багдада, въ этомъ городѣ, въ Сюлейманѣ и въ тамошней области произошли значительные беспорядки; багдадскій губернаторъ *Абду-Паша* и главнокомандующій иранскою арміею *Паликъ-Паша* немедленно приняли мѣры къ восстановленію порядка.

— На прошлой недѣлѣ русскій виртуозъ г. *Дмитріевъ-Свѣчиль* далъ на здѣшнемъ театрѣ свой первый концертъ, увѣнчавшійся блестятельнымъ успѣхомъ. Въ пятницу на этой недѣлѣ онъ предполагаетъ дать второй концертъ.

А М Е Р И К А.

Лондонскія газеты перепечатали изъ *British Packet* текстъ договора, заключеннаго 24 ноября 1849 года, между англійскимъ правительствомъ и Аргентинскою республикой. Главныя условія этого договора, слѣдующія:

- 1) Англійское правительство обязывается очистить аргентинскіе корабли, находящіеся въ его власти, и салютовать флагу Аргентинскаго Союза 21 выстрѣломъ.
- 2) Все купеческіе корабли, задержанные во-время блокады, должны быть возвращены обѣими сторонами владѣльцамъ.
- 3) Вспомогательныя аргентинскія войска, находящіеся въ восточной Республикѣ, должны возвратиться чрезъ Урагвай,

какъ скоро французское правительство обезоружитъ иностраннѣй легіонъ и всѣхъ иностранцевъ, составляющихъ гарнизонъ Монтевидео, очистить земли обѣихъ республикъ, откажется отъ своего враждебнаго положенія, и заключитъ мирный договоръ. Англія обязуется, въ случаѣ надобности, принять роль посредницы, и уговорить Францію къ исполненію упомянутыхъ условій.

4) Англія признаетъ судоходство по рѣкѣ Паралѣ судоходствомъ внутреннимъ, которое должно быть подчинено однимъ аргентинскимъ законамъ. Устройство судоходства по Паралѣ должно зависѣть отъ обѣихъ республикъ, Западной и Восточной, въ равной степени.

5) Аргентинская Республика удерживаетъ за собой право осуждать свои права какъ государства независимаго, а именно въ отношеніи къ веденію войны.

5) Аргентинская Республика объявила, что для принятія договора, она считаетъ необходимымъ условіемъ согласіе парагвайскаго Президента, *Дона Манюэля Орибе*; затѣмъ она приняла пужныя для того мѣры, и получила упомянутое согласіе. Договоръ подписали: *Генрихъ Сутеръ* и *Феликс Арана*.

Позднѣйшія письма изъ Буэнос-Айреса, отъ 15-го января, извѣщаютъ, что *Генераль Розасъ* не взялъ еще назадъ своей просьбы объ увольненіи его отъ званія Президента Аргентинскаго Союза, хотя Палата представителей настоятельно просила его о томъ. При открытіи засѣданій своихъ, Палата издала предписаніе о закрытіи всѣхъ торговыхъ заведеній, вовсе время, которое употребитъ *Генераль Розасъ* на отчетъ о дѣлахъ своего правленія. Дѣловые люди послушались предписанія, и все магазины были закрыты. Такъ какъ, однакоже, это торжество продолжилось долѣе назначеннаго срока, то англійскій генеральный консулъ *Сутеръ* сдѣлалъ о томъ представленіе, на которое получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ, послужившій поводомъ къ нѣкоторой холодности между нимъ и *Розасомъ*.

— *Сьерро-Американскіе Штаты*. — Въ газетѣ *Times* пишутъ изъ Нью-Йорка отъ 5 марта:

«Торговля и переселенія изъ этой страны въ Калифорнію не только не уменьшаются, но напротивъ того усиливаются съ безпримѣрною живостію. Въ февралѣ мѣсяцѣ, 3 парохода и 57 парусныхъ судовъ отправились изъ Нью-Йорка въ Сан-Франциско и 34 другихъ корабли готовились къ отплытію.

Бостонскій журналъ увѣряетъ, что въ теченіи прошлой недѣли, изъ Нью-Йорка пошли въ Сан-Франциско 11 кораблей, не считая 49 судовъ, которыя уже нагружаются, и приготовленій, дѣлаемыхъ для зафрахтованія еще нѣсколькихъ кораблей.

«Итогъ всѣхъ судовъ, отправившихся до 1 числа сего мѣсяца изъ портовъ Атлантическаго океана въ Калифорнію, составляетъ 960. Разсчитываютъ, что они свезли около 60,000 пассажировъ, да сверхъ того 25,000 поѣхали сухимъ путемъ; по послѣднимъ извѣстіямъ туда прибыло много эмигрантовъ изъ Австріи. Между прочимъ грузомъ, назначеннымъ въ Калифорнію, въ послѣдніе четыре мѣсяца отправлено изъ Бостона болѣе десяти милліоновъ квадратныхъ футовъ мебели и 2,280 деревянныхъ домовъ и другихъ строеній, которыя можно составить тотчасъ по выгрузкѣ».

— Въ другомъ письмѣ, изъ Сан-Франциско въ Калифорнію, отъ 1-го января, находятся слѣдующія подробности:

«Городъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, и тамъ, гдѣ полгода назадъ стояло нѣсколько лачужекъ, возвышаются теперь 5,000 прекрасныхъ домовъ и столько же палатокъ. Теперь началось дождливое время, и дождь этотъ будетъ продолжаться четыре мѣсяца, но за-то остальную часть года дождь не пойдетъ ни разу. Въ эту минуту городъ представляетъ море грязи. Можно считать себя счастливымъ, если грязь вамъ только по колѣна. За дневные рыбачьи сапоги платятъ до 500 франк. Теперь въ Калифорнію до 100,000 человекъ. Здѣсь ихъ 35,000, и только 120 женщинъ; что касается до послѣднихъ, то въ продолженіе двухъ недѣль, я не выдалъ ни одной женщины. За маленькій деревянный домикъ съ меня просятъ 1,800 фунт. стерл. (41,700 р. сер.) въ годъ, а за маленькую комнатку въ 10 квадр. футовъ, безъ мебели, 50 фунт. стерл., (325 р. сер.) въ мѣсяць. Столяры и все люди, занимающіеся рукодѣльными искусствами, зарабатываютъ безъ труда 3 фунта стерлинговъ и 10 шиллинговъ въ день. Врачей здѣсь такъ много, какъ мухъ, но несмотря на то, едва ли вамъ удастся найти квартиру и больнаго. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, то имъ нѣтъ цѣны. На розсыпяхъ, которыя находятся въ 300 или 600 миляхъ отсюда, еще хуже. Чтобы попасть туда, надобно имѣть большое состояніе. Погошники лошаковъ не берутъ меньше доллара за фунтъ поклажи, такъ что провизія тамъ втрое дороже, чѣмъ здѣсь».

— *Ріо-Жанейро (Бразилія) 17 января.*— Императоръ *Дон-Педро* открылъ 1 января засѣданія Палаты. Онъ произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой благодарилъ національную гвардію, армію и флотъ, за оказанное ими содѣйствіе въ усмиреніи фернамбукскихъ мятежниковъ; далѣе, онъ говорилъ о необходимости принять строгія мѣры, для того, чтобы положить копейку сопротивленію, оказываемому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства правительству. Императоръ *Дон-Педро* говорилъ также о необходимости улучшить монетную систему и принять мѣры для ободренія переселенцевъ.

— 9 января скончался, въ *Ріо-Жанейро*, послѣ кратковременной болѣзни, послѣдникъ престола—Принцъ *Дон-Педро-Алфонсо*.

— *Соединенные Штаты.*— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Нью-Йорка отъ 20 марта, полученнымъ въ Саутгемптонѣ съ почтовымъ пароходомъ *Кашапа*, Сенаторъ *г. Калигоузъ* находился при смерти. Одинъ пароходъ на Алабамѣ, сдѣлался жертвою пожара, при чемъ погибли 80 пассажировъ. Американская экспедиція для отысканія *Сэра Джона Франклина* будетъ состоять изъ трехъ шкутъ, подъ командою лейтенанта *Дергвелла*, и вступить подъ паруса 1-го мая. Въ Калифорніи было легкое землетрясеніе.

А Ф Р И К А.

— Частныя письма изъ Туниса, отъ 19 марта, извѣщаютъ, что холера тамъ опять усиливается. Давно ожидаемый въ Тунисѣ англійскій консулъ наконецъ прибылъ; онъ былъ прежде въ Санктпетербургѣ.

— Въ журналѣ «*The Examiner*» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ арміи негритянскаго короля въ Дагомеѣ, на западномъ берегу Африки.

«Этотъ король, союзникъ Англій, имѣетъ у себя 8,000 ратниковъ, изъ которыхъ половина женщины. Король питаетъ къ послѣднимъ неограниченное довѣріе и сформировалъ изъ нихъ свою лейб-гвардію. Онъ лучшія войска его, и онъ бережетъ ихъ для рѣшительнаго мгновенія, употребляя ихъ для штурмованія непріятельскихъ крѣпостей, что онъ исполняютъ съ равными мужествомъ и искусствомъ. Для пользы службы, этимъ женщинамъ запрещено вступать въ бракъ. Въ лейб-гвардію выбираются женщины красивыя и высокаго роста. Недавно, какъ слышно, король просилъ Англійское правительство прислать ему, для его амазонокъ, ящикъ пистолтовъ».

А з 1 л.

Бомбей.—По пзвѣстіямъ отъ 22-го февраля, на британскихъ саперовъ, работавшихъ при построеніи дороги около Когатскихъ-Горъ, сдѣлано было 2-го числа нападеніе тамошнимъ племенемъ. Англичане были большею частью перебиты, а убійцы удаллись, овладѣвъ ихъ инструментами. Для наказанія ихъ послана была 9-го числа, экспедиція. Полковникъ 16 егерскаго полка *Брадишу* начальствовалъ войсками, а *Сэръ Чарльзъ Непиръ* и бригадиръ *Кембелъ* сопровождали экспедицію. 10 числа достигла она до мѣста назначенія, и напала на убійць, которые вступили въ битву, продолжавшуюся съ большимъ мужествомъ, съ обѣихъ сторонъ, въ продолженіе всего дня 11-го числа. Экспедиція окончилась благополучно. У непріятели разорено шесть деревень. Въ британскомъ войскѣ прапорщикъ *Ситвелъ* изрубленъ на части, а поручикъ *Галиаудъ* и три или четыре европейскіе солдата тяжело ранены. У бунтовщиковъ не было взято ни одного плѣннаго, но большое число убито и ранено. По окончаніи дѣла, войско возвратилось, 14-го числа, къ петауэрскому гарнизону; только небольшой отрядъ остался при мутганійской тѣснинѣ. *Раджа Сикма*, противу котораго также снаряжалась экспедиція, ушелъ въ горы по полученіи пзвѣстія о происшедшемъ; послѣ того британскія войска заняли часть его владѣній на большей рунджитской рѣкѣ. Область эта даетъ ежегоднаго дохода 1,600 ф. ст., и сверхъ того английскому правительству не нужно уже платить, по условію, 600 фунтовъ годоваго содержанія бѣжавшему раджѣ. Пенджабское войско пользовалось совершеннымъ здоровьемемъ. Нѣкоторые изъ бенгалскихъ уроженцевъ были осуждены военнымъ судомъ, частью къ исключенію изъ службы, частью къ дорожной работѣ.

Кантонъ, 25-го марта. — Вдовствующая *Императрица Китайская* скончалась. Известно, что Китайцы посятъ бѣлый трауръ, и потому всѣ гражданскіе и военныя чиновники принуждены были одѣться въ бѣлыя одежды. Ожидали, что и *Императоръ* скончается, но онъ выздоравливаетъ.

— *Лайердъ* ревностно продолжаетъ отрывать при *Имрудѣ* ассирійскія древности. Въ послѣднее время онъ опять открылъ много любопытнаго, и между-прочимъ нашелъ цѣлый кухонный приборъ одного ассирійскаго царя, въ томъ числѣ огромный мѣдный котелъ и болѣе ста мѣдныхъ блюдей. Золота не находятъ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ И РАСБЯНІЕ.

Новѣсть двухъ столѣтій.

ГЛАВА I.

ДВА БРАТА.

Иванъ Ивановичъ былъ славный старикъ. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ прожилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, строго исполняя законы совѣсти и чести. Съ молодости онъ, правда, немножко кутилъ, но кто жъ этого на своемъ вѣку и не дѣлалъ! Мы всегда почти въ молодости живемъ какъ будто никогда не должны умирать, а на старости многие за то умираютъ, какъ будто никогда не жили. *Иванъ Ивановичъ* бывалъ и всыльчивъ, но эта минутная вспышка крови не заставляла его никогда дѣлать безразсудностей, или жестокостей. Да какъ бывало и неспылить? Вездѣ въ людяхъ каверзы, злость, неблагодарность, хитрость, а ну-це всего этотъ страшный эгоизмъ, который кромѣ свое-

го драгоценнаго «Я» ничего на свѣтѣ знать не хочетъ. Между всѣми этими людскими пороками вспыльчивость конечно простительнѣе всѣхъ, хотя людской эгоизмъ и эту слабость уже слишкомъ оправдываетъ. Иной просто золь и бѣшенъ, а окружающіе ласкатели говорятъ, что онъ немножко крутеекъ, но за-то дескать незаблудимъ: оборветъ, обругаетъ, надѣлаетъ тысячу неприятностей, обидѣ и оскорбленій, но за-то такъ великодушенъ, что не помнитъ этого. Такъ извиняютъ всѣ наши недостатки, и отъ этого дѣлаютъ насъ хуже. Еслибъ насъ съ малолѣтства приучали къ горькой истинѣ, то она бы не была намъ такъ противна въ зрѣломъ возрастѣ. Еслибъ родители, няньки, наставники, и всѣ окружающіе говорили намъ правду съ молодыхъ лѣтъ, то подъ старость мы бы не видѣли враговъ въ тѣхъ людяхъ которые говорятъ намъ правду. Или уже это безусловное баловство и похвальба дѣтей: кто ни придетъ, кто ни взглянетъ на ребенка, кричить уже: ахъ какъ милъ! какая прелесть! какой милашка! хотя бы онъ весь былъ выначканъ въ грязи; кто ни послушаетъ ничтожнаго его лепета, восклицаетъ: какой умъ! какая удивительная понятливость! Начнетъ ли онъ шалить, кричать, ему даютъ все, чтобъ успокоить его; его за все хвалятъ, глядятъ по головкѣ, такъ что каждый ребенокъ съ младенчества бываетъ эгоистомъ — и разумѣется будетъ послѣ, не только удивляться, если кто въ немъ найдетъ ошибки и недостатки, но и серьезно сердиться за это.

И такъ, Иванъ Ивановичъ былъ съ молоду вспыльчивъ, — и, вѣроятно, этимъ качествомъ былъ обязанъ баловству своей маменьки и услужливости челядницевъ, которымъ свое счастье было дороже счастья дитяти.

Странное однако же дѣло и даже любопытный физиологическій вопросъ! Съ Ванею (впоследствии сдѣлавшимся Иваномъ Ивановичемъ) росъ и воспитывался меньшей его братъ Гриша, — и способъ воспитанія ихъ былъ, разумѣется, одинаковъ во всемъ. Отецъ и мать одинаково и любили ихъ и баловали. Видимаго предпочтенія никому изъ двоихъ не было. Только челядинцы, всегда съ такою охотою подсматривающіе слабости своихъ господъ, увѣряли, что отецъ больше любитъ старшаго сына Ваню, а мать — младшаго — Гришу. Былъ ли этотъ отгѣнокъ дѣйствительный

фактъ, или челядинцамъ такъ казалось, — по сами родители никогда не сознавались въ этомъ. Они увѣрены были, что въ сердцахъ ихъ не было ни малѣйшей разницы въ чувствахъ къ которому-либо ихъ двоихъ. Замѣтно только было, что во всѣхъ дѣтскихъ капризахъ, Ваня обращался съ требованиями къ отцу, а Гриша къ матери. Съ обѣихъ сторонъ капризы были выполняемы, — и слѣдственно, ни какой видимой причины не было, чтобъ у мальчиковъ сдѣлались разные характеры. Однако же это случилось. — Ваня сдѣлался гордъ, вспыльчивъ, повелителевъ, рѣшителевъ, самоувѣренъ. Гриша же ласковъ, вкрадчикъ, боязливъ, смирнавъ и лгушъ. Какъ послѣ этого не подумать, что на каждомъ ребенкѣ отразились, вмѣстѣ съ родительскою любовью, отдѣльныя качества каждаго изъ нихъ, — и качества, разумѣется, самыя дурныя, которыя въ обществѣ вовсе были не замѣтны ни у отца, ни у матери. А между-тѣмъ лѣтъ умѣли уже принять, перенять и освоить ихъ себя, тогда какъ изъ добродѣтелей родительскихъ невидимо было ни одной. Неужели же по системѣ френологовъ въ человѣкѣ пороки врождены, а добродѣтелями обязанъ онъ воспитанію, примѣрамъ, собственному уму и опытамъ — уже въ извѣстныхъ лѣтахъ? Кажется, что такъ.

Ваня и Гриша получили совершенно домашнее воспитаніе. Въ то время... да! вѣдь мы еще не сказали, что они жили въ XVIII вѣкѣ. Со времени Петра I прошло еще только полстолѣтія, — и Россія не была еще вполне убѣждена въ пользѣ всѣхъ высокихъ намереній преобразователя ея. Слово *учиться* казалось какъ-то дико и для ушей дворянина и помѣщика. Чему учиться и къ чему ему учиться? Подъячимъ ему не быть, а для волна, какимъ почиталъ себя каждый Русскій съ колыбели, нужна только шпага и храбрость. Конечно, изъ приличія, знать грамотѣ, надобно умѣть читать приказанія начальства, и подписывать свое имя; надобно иногда и вести денежные счеты, чтобъ не слишкомъ быть обманутымъ своими управителями и дворецкими.... Но больше что еще?... Всѣ остальныя человѣческія премудрости казались тогда болѣею частію ничтожными, излишними, едва-ли даже не вредными. Надобно было имѣть опытность цѣлаго столѣ-

тя, чтобъ почувствовать пользу просвѣщенія и необходимость ученія. Надобно было, чтобъ въ это столѣтїе половина его была занята славными царствованиями Екатерины II-й и Александра I-го, которые, возведя Россію на небывалую дотолѣ степень политическаго могущества, исполненскими усиліями вводили въ нее и свѣтъ ученія, и теперь, слава Богу,—всякой чувствуетъ, что не давши дѣтямъ своимъ всего современнаго образованія, зависящаго отъ его средствъ, онъ доказываетъ имъ свою нелюбовь, дѣлаетъ имъ неисправимое зло, и осуждаетъ ихъ на получеловѣчское состояніе. Но тогда думали иначе.

Ваня и Гриша воспитывались просто дома, то есть въ деревнѣ. — Мы вовсе не противники домашняго воспитанія. Напротивъ, находимъ въ немъ много полезнаго, особливо для взрослыхъ юношей и дѣвицъ. Въ домашнемъ кругу заранѣе приучаются они къ условіямъ свѣта, къ необходимости, учтивости, развязности и утонченности. Но для *учебнаго* образованія человѣка публичное воспитаніе лучшее, а безъ учебныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній—нѣтъ истиннаго образованія.

Впрочемъ, во времена Вани и Гриши не разсуждали о преимуществѣ того или другаго воспитанія, а полагали, что посылать дѣтей изъ родительскаго дома—противно патриархальнымъ правамъ предковъ. А потому оба брата и прожили дома, въ своей деревнѣ, до-тѣхъ-поръ, пока отецъ рѣшилъ, что ихъ пора отдать на службу. Мать поспорила, поплакала, просила, чтобъ хотя одного оставить ей (Гришу), но отецъ настоялъ на своемъ: *надо!*—и отправился съ дѣтьми въ Питеръ. Тутъ посредствомъ небольшихъ протекцій записали ихъ въ гвардію рядовыми, поручили ихъ подъ крылышко дальняго родственника, приставили къ нимъ вѣрнаго дядку, оставили ему порядочную кيسу денегъ, отслужили молебень, обнялись и развѣхались; отецъ возвратился въ свою деревню, а Ваня съ Гришею начали служить!

Сначала Гриша вѣкъ товарищамъ и начальникамъ поправлялся гораздо больше, нежели Ваня, потому—что былъ услужливъ, веселъ, гибокъ и любезенъ, тогда какъ старшій братъ былъ угрюмъ, крутъ, непослушенъ и несооб-

чителенъ. Но мало-по-малу это расположеніе перемѣнилось. Нашли, что Гриша дѣшивъ по службѣ, лжетъ во всѣхъ обѣщаніяхъ, любезничаетъ для какихъ-нибудь выгодъ и старается надуть всякаго и во всякомъ случаѣ. Ваня же былъ всегда исправенъ, отмалчивался, когда былъ виноватъ, бралъ на себя иногда ошибки другихъ и услуживалъ гдѣ могъ — не словомъ, а дѣломъ.

Въ одно время они произведены были въ офицеры, и пустились въ свѣтъ. Быть офицеромъ гвардіи какъ и доселѣ, всегда значило очень много,—и первую обязанностію новопожалованнаго было отпроситься въ отпускъ къ родителямъ, чтобъ порадовать ихъ отеческое сердце. Ваня и Гриша исполнили этотъ долгъ, отправились и явились въ деревню.

Можно вообразить себѣ, что это былъ за праздникъ во всей окрестности! Два офицера гвардіи въ провинціи произвели на вѣскольکو недѣль всеобщій переворотъ въ образѣ жизни всѣхъ сосѣдей. Изъ гостей въ гости, съ праздника на праздникъ! — А какъ прекрасно ѣзжали тогда въ гости другъ къ другу! Вся семья, съ дѣтьми, няньками, учителями, лакеями, кучерами, — отправляется къ сосѣду, верстъ за двадцать, и прѣхавши, располагается не на день, не на два, а на недѣлю, на двѣ недѣли. Всѣмъ свои комнаты, прислуга, всѣхъ кормить, поить, и людей, и лошадей, и въ такомъ порядкѣ ѣздятъ круглый годъ одинъ къ другому. Вотъ истинное русское гостепрїимство! Теперь его уже мало осталось!—Впрочемъ всѣ народы въ первобытныя времена своего существованія славились гостепрїимствомъ, а по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи эта народная черта терялась.

Во-время всѣхъ этихъ праздниковъ, данныхъ по случаю прибытія новопожалованныхъ офицеровъ, заботливая маменька уже успѣла принесть имъ и невѣсть. Гриша тотчасъ же и согласился на предложеніе матери, потому—что у невѣсты его было шестьсотъ дунѣй и она была собою не дурна. Но Ваня рѣшительно отказался, хотя и его невѣста была точно такихъ же достоинствъ. Мать обратилась къ отцу, чтобъ тотъ уговорилъ его, но Ваня отказался, говоря, что намѣренъ найтти себѣ жену по-сердцу, а

не по карману; что хочеть узнать сперва жену свою и полюбить, а не расчитывать на приданое.

Совебъмъ иначе думалъ Гриша. Отецъ и его спросилъ: точно ли онъ согласенъ на выборъ матери?

— Совершенно согласенъ, — и отъ всей души, — отвѣчалъ онъ.

— Но ты вѣдь ее еще хорошенько не знаешь, Гриша.

— На что и знать! Если сперва разузнавать и то и другое, то этакъ пожалуй никогда не рѣшишься жениться. Удалось—хорошо, неудалось—какъ быть! А чѣмъ болѣе откладывать, да раздумывать, тѣмъ хуже. — Я лучше хочу взять съ перваго шага жену, у которой есть какія-нибудь средства жить, нежели потомъ, пожалуй, навяжутъ какую-нибудь бездомную и полунищую.

Отецъ предоставилъ все волѣ судьбы.

Дѣйствительно, Гриша вскорѣ былъ сговоренъ и женился, — а Ваня воротился въ Петербургъ холостой, и по-прежнему продолжалъ жить и служить.

Братъ же его занялъ домомъ и началъ блистать въ обществѣ. У него родился сынъ, которому тоже дали имя Григорья, — и молодой Григорій Григорьевичъ началъ уже воспитываться по столичному, — то есть, тоже дома, но съ прибавленіемъ французскаго языка и танцевъ.

Ивану Ивановичу вздумалось идти въ походъ. Начались тогда турецкія войны. Вся Европа боялась до-тѣхъ-поръ Турковъ, и Россіи первой пришлось доказать, что дисциплина всегда побѣждаетъ дикую храбрость. По разрядамъ тогдашнихъ гвардейскихъ чиновъ Ивану Ивановичу дали тысячный полкъ, переименовавъ его въ подполковника. Онъ очень доволенъ былъ новою сферою своихъ дѣйствій, и вскорѣ пріобрѣлъ любовь и уваженіе подчиненныхъ и начальниковъ. Пороки молодыхъ лѣтъ, порожденные баловствомъ и угодливостію, исчезли отъ сопркосновенія съ долгомъ и честью. Врожденный умъ и опытность научили его, что исполненіе одного и сохраненіе другой — первыя качества гражданина. Стараясь о томъ, чтобы его награждали по заслугамъ, онъ привыкъ дѣлать то же и съ подчиненными. Увидя, хотя уже и поздно, — что тогдашнія мысли о воспитаніи очень плохи и что невѣжество

очень дурная рекомендація въ службѣ и въ жизни, — онъ принялся читать все, что тогда было на русскомъ языкѣ. Этого было конечно немного, но для него очень достаточно, чтобы расширить сферу его понятій, — и по мѣрѣ этого расширенія, онъ чувствовалъ всю пользу просвѣщенія. Прежнія его вепльчивость умѣрилась теперь здравымъ понятіемъ о долгѣ начальника и подчиненнаго. Это сдѣлало характеръ Ивана Ивановича гораздо спокойнѣе. Лѣта привели къ опытности, а опытность къ разсудительности.

Мы не будемъ говорить о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Кто не знаетъ подвиговъ Русскихъ въ эти знаменитыя компаніи? Мы обязаны только рассказать одинъ эпизодъ, который имѣлъ большое вліяніе на всю жизнь Ивана Ивановича.

Это было въ самомъ разгарѣ жестокой войны. Полкъ его находился тогда въ одномъ отдѣльномъ отрядѣ, назначенномъ для особенной экспедиціи. Надобно было овладѣть нечаянно какимъ-то городомъ, въ которомъ собраны были неприятелю огромные магазины припасовъ. А какъ этотъ городъ лежалъ внѣ операціоннаго пути русской арміи, то на него и не ожидали никакого нападенія, и оставили подъ защитою довольно слабаго гарнизона. Надобно было только употребить быстроту и скрытность. Надобно было выступить поутру рано, пройти съ нѣсколькими привалами пѣхоты сутки, и на развѣтъ другаго дня явиться подъ стѣнами города. Разстояніе было около семидесяти верстъ. Переходъ былъ трудный, но все полковые командиры отъичали за своихъ людей, — и отрядъ двинулся.

Какимъ-то образомъ случилось, что паша, командовавший въ этомъ городѣ, вздумалъ въ это же самое время сдѣлать поспѣхъ въ окрестностяхъ, и выступи изъ города съ частью гарнизона, расположилась почевать верстахъ въ десяти. Тутъ узналъ онъ отъ бѣжавшихъ поселянъ, что идетъ русскій отрядъ, который и остановился верстахъ въ десяти отъ этой деревни. Все полагали, что Рускіе тутъ ночуютъ и на другое утро пойдутъ дальше, ни какъ не воображая, что это только былъ привалъ, а что ночью походъ возобновится. Пашѣ вздумалось застать Русскихъ въ распихлохъ, во время сна. Тотчасъ же взявъ съ собою кавале-

рию, онъ поскакалъ впередъ окольными путями, чтобъ напасть съ тыла,—а въ городъ послалъ гонцевъ, чтобъ весь гарнизонъ свѣшилъ къ нему на помощь, надѣясь такимъ образомъ, взявъ Русскихъ между двухъ огней. Одна часть этого предположенія исполнялась.

Въ той деревнѣ, гдѣ паша полагалъ застать въ располхъ весь корпусъ Русскихъ, напелъ онъ только арьергардъ, остановившійся на полчаса. Весь остальной отрядъ уже выступилъ въ ночной переходъ. А какъ паша со своею конницею не встрѣтилъ его, чувствившись окольнымъ дорогою, то никто и не зналъ о взаимныхъ движеніяхъ. Вдругъ Турки съ дикимъ крикомъ устремились на деревню, и слабый арьергардъ, вовсе не ожидая нападенія, не въ состояніи былъ долго сопротивляться. Для Турковъ побѣдить, значитъ вырѣзать всѣхъ, и несчастный арьергардъ почти весь подвергся этой участи. Только передовые конные шкеты успѣли ускользнуть, и догнавъ свой отрядъ, извѣстили его о случившемся несчастіи. Начальникъ тотчасъ же остановилъ всю колонну, сдѣлалъ немедленные распоряженія и со всею кавалеріею быстро понесся на помощь арьергарду. Турки, въ свою очередь, дрогнули не ожидая нападенія свѣжихъ войскъ, и паша, не зная въ темнотѣ великъ ли русскій отрядъ, велѣлъ отступать по тѣмъ же окольнымъ дорогамъ, надѣясь встрѣтить тутъ свою пѣхоту и навести на нее преслѣдованіе Русскихъ. — Точно такъ и случилось.

Около разсвѣта русская кавалерія догнала бѣгущихъ въ той самой деревнѣ гдѣ паша съ своею кавалеріею собрался почевать. Тутъ Турки остановились, чтобъ отразить догоняющихъ и повторить ту же рѣзню, какую произвели съ арьергардомъ. Для этого паша велѣлъ кавалеріи продолжать отступление за деревню, а пѣхотѣ приказалъ скрыться въ домахъ, и въ ту минуту, какъ Русскіе займутъ всю ея длину, начать по нимъ самый жестокой огонь.

Дѣйствительно, голова русской конницы доскакала до входа въ деревню, и уже хотѣла было продолжать погоню, но начальникъ отряда, боясь засады, велѣлъ свѣшиться нѣсколькимъ всадникамъ, и осмотрѣть дома. Тотчасъ же открылась военная хитрость Турковъ, — и Русскіе, чтобъ сберечь своихъ солдатъ, пустили кавалерію въ сбродъ де-

ревни, а подходящей пѣхотѣ велѣно было закигать деревню съ края, не вступая въ перестрѣлку съ засѣвшими Турками. Приказаніе было исполнено,—а въ это время и пѣхота русская обошла деревню, и отгѣня еще болѣе пашу съ конницею, отрѣзала совершенно оставшихся въ деревнѣ Турковъ. Паша распространилось быстро по этимъ полу-соломеннымъ лачужкамъ—и несчастные Турки выбѣжали оттуда, чтобъ погибать подъ выстрѣлами. Паша велѣлъ неминуемую ихъ погибель и не могъ имъ помочь. Наконецъ оставшіе, полуобгорѣлые, сдались въ плѣтъ, и весь отрядъ, съ живостию, бросился теперь преслѣдовать пашу. Къ нему безпрестанно подходили отряды гарнизона, но это еще болѣе увеличивало безпорядокъ преслѣдованія, потому что эти подходившія войска всякой разъ пыгались останавливать Русскихъ, которые всейкой разъ опрокидывали ихъ. И однакоже, съ обѣихъ сторонъ, усиливалось ожесточеніе. Русскіе помнили вырѣзанный арьергардъ, Турки созаженную свою пѣхоту. Безпрестанно какой нибудь дели-башъ, выскакавъ изъ рядовъ и приметивъ къ лошади, съ быстротою стрѣлы пронеслся мимо флаговъ пѣхотной колонны, и презирая пули, которыми его обсыпали, некуснымъ ударомъ сабли сводилъ голову какому-нибудь отсталому солдату и подхватя ее на острее сабли, съ дикимъ крикомъ торжества, несся къ своимъ сотоварищамъ, чтобъ повергнуть къ ногамъ пашы своей кровавой трофеей; — то промахнувшись въ своемъ наѣздничествѣ и свалившись съ раненой лошади, въ тотъ же мигъ, былъ подхватываемъ на штыки мимоидущихъ солдатъ, которые, съ свойственными имъ островами, отбрасывали трупъ наѣздника и продолжали путь, неразрывая рядовъ; то, залегши за какой-нибудь кустъ, или въ оврагъ, десятковъ лычаровъ дѣлали мѣлкій залпъ по мимоидущей колоннѣ, цѣля преимущественно въ офицеровъ, — и потомъ вскочивъ изъ-засады, пускались бѣжать; но неусыпные казаки тотчасъ же летѣли за ними вслѣдъ, и поражали пиками. Къ лычарамъ подсекаивали новыя толпы снаговъ, и эта отдѣльная рѣзня на каждомъ шагу возобновлялась, и всегда къ невыгодѣ Турковъ. Русскихъ только одна дисциплина удерживала въ своихъ рядахъ, а Турки уже шли нестройною, безобразною толпою,

жаждущею крови и мщенія, но безсилною въ своей ярости. Паша видѣлъ уже, что отрядъ Русскихъ гораздо сильнѣе его гарнизона, и послалъ гонцевъ въ городъ, чтобъ призвать всѣхъ жителей къ защитѣ. Большая часть народоселенія, конечно, не слѣдила на этотъ зовъ и заперлась въ своихъ домахъ. Это были Молдаване, которые вовсе не думали содѣйствовать Туркамъ. Но мусульманскіе жители тотчасъ же сбѣжались съ кинжалами, ружьями, пистолетами, и бросились къ городскимъ воротамъ.

Между-тѣмъ русская колонна шла все впередъ, стройною, неотразимою массою, все болѣе и болѣе тѣснящею безпорядочныя толпы бѣгущихъ. Такъ дошли до городскихъ стѣнъ, на которыхъ стояло нѣсколько пушекъ безъ лафетовъ и артиллеристовъ. Ихъ на-скоро зарядили, выстрѣлили по Русскимъ, и попали въ своихъ. Суматоха еще болѣе увеличилась. Чтобъ принудить всѣхъ къ отчаянной оборонѣ, Паша велѣлъ заперѣть ворота, остановилъ, устроилъ все свое войско, и съ крикомъ *Аллахъ!* устремилъ его на русскій отрядъ. Но тотъ самъ уже остановился, построился, вывезъ нѣсколько орудій, далъ по неприятелю залпъ изъ картечей—и съ крикомъ *ура!* пошелъ на штыки. Минута была ужасная!... На нѣсколько мгновеній обѣ массы смѣшались,—но твердая стѣна русской колонны проломилась однимъ ударомъ неприятельскую толпу,—надобно было сдаваться или умирать.

Нѣсколько времени Паша командовалъ на стѣнѣ, но видя, что весь его гарнизонъ гибнетъ, рѣшился отворить ворота, чтобъ спасти хоть сколько-нибудь своихъ храбрѣйшихъ спавовъ. Приготовивъ въ городѣ еще фанатическую толпу жителей, онъ выслалъ ихъ на встрѣчу русскимъ штыкамъ, чтобъ задержать ихъ на нѣкоторое время, а самъ, созвавъ горсть своей свиты, бросился въ галопъ къ противоположнымъ воротамъ, и пустился по дорогѣ къ Варѣ.

Еще нѣсколько минутъ, и Русскіе ворвались вмѣстѣ съ бѣгущими въ городъ.... Картина была ужасная.... Это было уже не простое, правильное сраженіе, которымъ руководствуетъ искусство полководца и дисциплина воиновъ. Тутъ ослѣпленные фанатизмомъ жители убивали солдатъ изъ оконъ, у дверей, изъ-за угла,—и ожесточеніе войска,

ворвавшаяся въ городъ, было неукротимо. Оно мстило за своихъ товарищей.

Набросимъ завѣсу на эти печальныя сцены, такъ часто прежде встрѣчавшіяся въ войнѣ,—и съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ взглянемъ на Ивана Ивановича. Полкъ его былъ одинъ изъ первыхъ ворвавшихся въ городъ—и солдаты его разбѣжались по домамъ. И онъ, какъ солдатъ, чувствовалъ ожесточеніе,—но какъ христіанинъ, бросался спасать кого могъ. Собратья вокругъ себя толпу людей, которыхъ голосъ его заставлялъ повиноваться, онъ побѣждалъ по домамъ и удерживалъ бесполезное кровопролитіе.

Въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ домовъ, на площади, раздались сильные крики;—и Иванъ Ивановичъ бросился туда. Старикъ защищалъ тамъ дочь свою, а дочь защищала старика. Появленіе полковника (Иванъ Ивановичъ уже былъ полковникомъ) спасло ихъ обоихъ. Онъ былъ любимъ всѣмъ полкомъ,—и въ самую минуту ожесточенія—солдаты охотно повиновались ему. Спасенный старикъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ,—а дочь на колѣняхъ благодарила избавителя отца своего.

Вскорѣ порядокъ водворился въ завоеванномъ городѣ. Ни одно войско въ свѣтѣ не повинуетъ такъ скоро дисциплинѣ какъ русское,—и вотъ въ чемъ тайна его силы и побѣдъ. Бой барабана собралъ весь отрядъ на площадь. Распредѣлили квартиры: Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ временнымъ командиромъ города,—и помѣстился въ домѣ спасеннаго имъ молдавскаго боярина. Остальной отрядъ выступилъ по назначенію, а Иванъ Ивановичъ занялся дѣятельствомъ въ главную армію припасовъ изъ завоеванныхъ магазиновъ.

Развязка эпизода очень ясна:—Иванъ Ивановичъ влюбился въ Зою, дочь боярина,—а та полюбила его, какъ героя, и спасителя. Бояринъ радъ былъ отдать свою Зою такому великодушному и храброму человѣку,—и бракъ назначенъ былъ при заключеніи мира.

Скоро былъ заключенъ и знаменитый Кучукъ—Кайнарджискій миръ. Иванъ Ивановичъ былъ произведенъ въ генералы, и съ молодою своею женою поѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ показать ей сѣверную столицу и блистательный Дворъ

Екатерины. Когда онъ представлялся Императрицѣ, — то узнавъ уже о романическомъ бракѣ его, она пожелала видѣть Зою, — и та была въ несказанномъ восторгѣ отъ милостиваго пріема Монархини.

Мы не описывали читателямъ красоты Зои по пунктамъ, — все эти описанія страхъ какъ надоѣли. Красота Молдаванокъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оригинальное. Это какай-то смѣсь азіатскаго съ европейскимъ. Онѣ воспитываются почти въ затворничествѣ, — и оттого въ нихъ рано обнаруживается дородность тѣла, которую не совсемъ любятъ мечтательные Европейцы, но которая за то, почитается первымъ совершенствомъ у чувственныхъ Азіятцевъ. Между Молдаванками очень мало дѣвушекъ высокаго роста: все онѣ нѣсколько миниатюрны. Безпечность ума и дѣлность движеній составляютъ странную противоположность съ живою глазою. Правильныя черты древней Греціи смѣшаны съ округлостію формъ востока. Однимъ-словомъ, это отдѣльный типъ красоты, который много говоритъ воображенію.

Послѣ милостиваго пріема Императрицы, Зоя сдѣлалась модною петербургскою красавицею. Все наперерывъ искали ея знакомства, дѣлали для нее праздники, носили ее на рукахъ. Зоя векорѣ образовалась въ нашихъ обществахъ, — и что сперва дѣлалось изъ любовитства и моды, векорѣ превратилось въ пріятную привычку.

Но возвращеніи Ивана Ивановича въ Петербургъ, двѣ грустныя новости поразили его. Во-первыхъ добрый его отецъ и мать скончались, — а во-вторыхъ, братъ его Григорій Ивановичъ совершенно разорился и, разумѣется, уже ни съ кѣмъ почти не былъ знакомъ. Во-время предсмертной болѣзни отца, онъ ѣздилъ къ нему въ деревню, и уже успѣлъ прибрать къ рукамъ все, что старикъ накопилъ. Черезъ двѣ недѣли послѣдовала въ гробъ и бѣдная мать, — и Григорій Ивановичъ, похороня ее, распорядился тотчасъ всемъ имуществомъ, которое падало на его долю. Не надолго стало и этого имущества. Онъ былъ весь въ долгахъ — и одни безсовѣстные проенты поглощали послѣдніе его доходы. Когда прибылъ изъ похода Иванъ Ивановичъ, онъ обратился къ нему съ просьбами, — и тотъ далъ ему значительную сумму для поправки. Каково же

было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль, братъ опять объявилъ ему, что у него нѣтъ ни гроша. Онъ прочелъ ему сильную потасію, и опять далъ все, что у него было наличныхъ, — а самъ въ то время уѣхалъ въ деревню, чтобы привести и тамъ свои дѣла въ порядокъ.

Еще не успѣлъ онъ окончить этихъ дѣлъ, какъ братъ пріѣхалъ къ нему въ деревню, — и объявилъ, что жена его умерла, а кредиторы принудили бѣжать изъ Петербурга: что ему нечѣмъ жить и нечѣмъ воспитать своего Грину. Разумѣется, онъ остался у брата, и продолжалъ жить на его счетъ.

Въ это самое время Зоя родила сына, котораго въ честь отцу назвали Иваномъ, — и соседственные праздники возобновились по случаю крестинъ.

Григорій Ивановичъ, вспомя о пріобрѣтеніи имъ въ этомъ окологдѣ невѣсты, началъ стараться о пріисканіи другой, да если можно побогаче. Но на этотъ разъ все невѣсты избѣгали его. Все уже знали, что онъ прогулялъ все свое и женино имѣніе и что теперь надобно кормить вдовна съ сыномъ. Никто даже не приглашалъ его къ себѣ, — и только тѣ, которые пріѣзжали къ брату, видѣли его.

Новое и самое чувствительное огорченіе ожидало Ивана Ивановича со стороны брата. Однажды нужно ему было съѣздить въ ближайшій городъ по дѣламъ.... вдругъ Зоя объявила ему, что и она съ нимъ поѣдетъ.

— Зачѣмъ, другъ мой? — спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ни зачѣмъ, — отвѣчала она, — только пожалуста возьми меня съ собою.

— Что ты тамъ будешь дѣлать? Я дни два буду ходить по судамъ, — а ты?...

— Я ничего не буду дѣлать: только не хочу оставаться дома безъ тебя.

— Помилуй, — что это значитъ? Сколько разъ ты оставалась?...

— И очень дурно дѣлала.... Повторю тебѣ, что мнѣ непремѣнно надобно ѣхать съ тобою....

— Я, разумѣется, не откажу тебѣ въ такихъ пустякахъ, другъ мой, — но увѣренъ, что и ты не изъ пустаго каприза

требуешь этого. А какъ между нами не можетъ существовать никакихъ секретовъ, — то прошу тебя, объясни мнѣ: что это значитъ?

— Мнѣ бы лучше хотѣлось не объяснять тебѣ.... Позволь ли ты мнѣ это?

— Опять-таки, другъ мой,—я и въ этомъ не хочу ни принуждать тебя, ни убѣждать. Пустаго любопытства во мнѣ ты никогда не найдешь.... Но я понимаю, что въ твоей просьбѣ скрывается важная причина.... Можетъ-быть отъ нея зависить твое и мое спокойствіе; можетъ-быть есть средство обезпечить его.... Лучше скажи мнѣ.... и тогда мы увидимъ, что надо дѣлать....

— Ты очень добръ и уменъ, милый другъ,—отвѣчала жена: но ты немножко вспылчивъ,—и я боюсь....

— Милая Зоя! Я вспылчивъ въ бездѣлицахъ,—и тамъ, гдѣ въ виду надобности скрывать минутный порывъ моихъ чувствъ. Когда же дѣло серьезное, то какъ бы оно ни было огорчительно, во мнѣ достанетъ довольно ума и твердости, чтобъ хорошенько обдумать все дѣло, прежде, нежели на что нибудь рѣшиться. Говори же что это такое? Я даю тебѣ слово, что безъ твоего согласія ничего не предприму.

Зоя на минуту задумалась.

— Я воспитывалась въ глуши, — сказала она: и худо знаю ваши нравы и обычаи. Я и въ Петербургѣ уже часто краснѣла, слыша, что мужчины говорятъ женщинамъ самыя странныя рѣчи о любви, красотѣ, страсти и взаимности. Я сперва думала, что мое происхождение даетъ право говорить со мною такъ неприлично, — но потомъ слышала, что и другимъ женщинамъ говорятъ точно тоже, называя это любезностію и complimentами. Надобно было покориться вашимъ обычаямъ,—и я на всѣ эти рѣчи отвѣчала однимъ молчаніемъ. Но здѣсь, въ провинціи я нашла больше скромности, нежели въ столицѣ.... Здѣсь только *одинъ* человекъ преслѣдовалъ меня подобными рѣчами,—и я до-сихъ-поръ отмачивалась, — полагая, что на него еще слишкомъ дѣйствуетъ воздухъ столицы. Но наконецъ вижу, что его любезничанью конца нѣтъ, и что оно болѣе и болѣе становится несноснымъ....

— Кто же этотъ любезникъ? — съ живостію вскричалъ Иванъ Ивановичъ,—и глаза его засверкали.

— Вотъ видишь ли, другъ мой, что ты уже вспыхнулъ....

— Я думаю, что и есть отъ чего!.... Кто же это, говори....

— Вспомни, что ты мнѣ далъ слово ни на что не рѣшаться безъ моего совѣта....

— Помню, — и исполню. Говори только скорѣе.... Кто это?

— Твой братъ!

— Григорій?... Быть не можетъ!...

Зоя посмотрѣла на мужа съ нѣкоторымъ упрекомъ. Тотъ почувствовалъ всю неумѣтность послѣдняго восклицанія,—и съ нѣжностію поцаловалъ ея руку.

— Виновать, милая Зоя—продолжалъ онъ:—я самъ не знаю, что хотѣлъ сказать. Но твоя новость такова, что по неволѣ сведеть съ ума.... Боже мой! Могъ ли я этого ожидать отъ Григорія?...

Иванъ Ивановичъ опустилъ печально голову на грудь. Тысяча мыслей боролась въ умѣ его, какъ волны въ часъ бури,—и онъ не могъ остановиться ни на одной. Та ему казалось слишкомъ слабою а та—черезъ чуръ жестокою.... Вдругъ онъ вспомнилъ, что далъ слово не рѣшаться ни на что не посоветовавшись съ женою, и чтобъ окончить тягостное свое недоумѣніе, обратился къ ней:

— Послушай однакоже, милая Зоя,—сказалъ онъ: — ты взяла съ меня слово,—и я разумѣется сдержу его.... Но въ подобныхъ случаяхъ женщины всегда умнѣ насъ. Чѣмъ мнѣ придумывать, что дѣлать, скажи мнѣ лучше свое мнѣніе.... Какъ, ты думаешь, долженъ я поступить въ подобномъ случаѣ?

Въ свою очередь Зоя задумалась.... Хотя она много думала объ этомъ прежде, нежели рѣшилась говорить мужу, хотя ей казалось, что она все возможное придумала, — но теперь, въ рѣшительную минуту, она какъ будто все забыла, все.... Ей какъ будто самой страшно стало за ту отвѣтственность, которую она на себя принимала, объявляя рѣшеніе въ подобномъ дѣлѣ....

Нечаянный случай вывелъ обоихъ изъ затрудненія. Въ эту самую минуту вошелъ въ комнату лакей и подалъ Ивану Ивановичу письмо, присланное изъ столицы съ нарочнымъ. Онъ уже хотѣлъ бросить письмо на столъ, не читая его, потому что теперь занимала его мысль слишкомъ важная.... однакоже, перевернувъ его печально и увидя казенную печать, невольно распечаталъ и прочелъ.

Это было предписаніе отъ Военной Коллегіи — немедленно отправиться въ армію. Началась вторая турецкая война,—и Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ бригаднымъ командиромъ въ одной изъ дѣйствующихъ армій.

Казалось, что подобное повелѣніе, полученное въ такую критическую минуту, должно было чрезвычайно затруднить его,—и однакоже сердце его забилось какою-то радостію, для самаго его непостижимую. Исполненіе долга, который такъ святъ каждому русскому воину объяло его душу,—и мысль разстаться съ Зоею, и въ такое мгновеніе вовсе не поразило его горестію.

— Это очень кстати,—сказалъ онъ вздохнувъ, — и подалъ пакетъ Зоѣ.

— Чтѣ такое, другъ мой? — вскричала жена, устремивъ взоръ на бумагу.

— То, что насъ соединило, то велитъ намъ и разстаться,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—Война!

Зоя закрыла лицо руками и заплакала. Эти слезы произвели и въ сердцѣ мужа переломъ. Грудь его стѣснилась. Онъ почувствовалъ, какъ тяжело ему будетъ разстаться съ Зоею—и слезы навернулись на глазахъ его.

— Милый другъ, — сказала онъ ей: ты жена солдата, и должна быть тверда. Грустно и мнѣ покинуть тебя, но долгъ къ отечеству и Царицѣ—выше всего. Богъ намъ защита; онъ не оставитъ насъ.... Но, Боже мой.... Въ какую минуту все это случилось.... Мы сейчасъ говорили....

— О! теперь ты долженъ забыть объ этомъ....

— Какъ забыть! вскричалъ съ живостію Иванъ Ивановичъ. Напротивъ! теперь еще больше долженъ я принять сильныя мѣры, чтобъ въ мое отсутствіе ни чей дерзкій взглядъ, ни слово....

— Возьми меня съ собою,—и все будетъ кончено.

— Нѣтъ, другъ мой, не все. Во-первыхъ, со мною можешь ты ѣхать только до границы, а тамъ должна остаться жить въ какомъ нибудь городишкѣ. Во-вторыхъ, уѣхать, не сказавъ ничего брату, значитъ поступить слабо и неоткровенно. Я все-таки долженъ высказать ему мое мнѣніе, и принять мѣры, чтобъ онъ не смѣлъ... О! чувствую, что кровь моя слишкомъ волнуется.... Не тебя, а его мнѣ бы надобно было увезти отсюда!

Мгновенная, свѣтлая мысль блеснула въ умѣ его. Онъ ударилъ себя по лбу, позвонилъ въ колокольчикъ, и спросилъ вошедшаго лакея: дома ли братъ Григорій?

— Сейчасъ хочешь ѣхать на охоту,—отвѣчалъ слуга.

— Скажи ему, что мнѣ нужно съ нимъ видѣться, и что я его жду въ моемъ кабинетѣ.

— Чтѣ ты хочешь дѣлать, другъ мой? — съ безпокойствомъ спросила Зоя.

— Будь спокойна.... отвѣчалъ мужъ:—мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль... ты будешь ею довольна.... я тебѣ все послѣ расскажу....

Съ этимъ словомъ онъ съ нѣжностію поцаловалъ ее и вышелъ. Зоя, видя его спокойствіе, не настаивала, чтобъ узнать, какое средство онъ придумалъ.

Вскорѣ въ кабинетъ Ивана Ивановича явился Григорій, веселъ и безпеченъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ты присылалъ за мною? сказалъ онъ.

— Да, Григорій.... Я сей часъ получилъ предписаніе отправиться въ армію.... Вотъ оно,—прочти.

— Опять война съ Турками! и ты уѣзжаешь? Какъ жаль.

— Чего тебѣ жаль?

— Разумѣется, скучно будетъ съ тобою разстаться....

— Очень вѣрю, — но я придумалъ средство не разставаться....

— Съ кѣмъ? Со мною? Какое же?

— Ты долженъ со мною ѣхать....

— Я? чтѣ за мысль!

— Кажется самая благородная и достойная русскаго дворянина. Ты до-сихъ-поръ не можешь похвастать, что

принесъ отечеству какую нибудь пользу. Есть случай, надобно имъ воспользоваться и загладить прежній образъ жизни...

— Я, братецъ, уже служилъ въ военной службѣ.

— Подумай, Григорій, о своемъ отвѣтѣ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, становясь болѣе и болѣе серьезнымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты послушался голоса чести, а не другаго какого-либо убѣжденія....

— Какого? Что это значитъ?

— Повторяю тебѣ еще разъ свое предложеніе,—пойдемъ со мною въ армию.

— Ты меня удивляешь, Иванъ,—сказалъ Григорій, съ удивленіемъ глядя на него. Что тебѣ за мысль пришла?.... Неужели я тебѣ такъ надоѣлъ?

— На это я тебѣ буду отвѣчать, когда ты рѣшишься на что нибудь.

— Право, я тебя не понимаю... У тебя что нибудь другое въ виду,—а не то, что ты говоришь,—признайся....

— И на это я буду тебѣ отвѣчать, когда ты рѣшишься на что нибудь.

— Очень странно... И что бы пезначило твое предложеніе, но если ты хочешь, чтобъ я отвѣчалъ на него откровенно и по убѣжденію, то искренно скажу тебѣ, что вовсе не намѣренъ промѣнять здѣшней спокойной жизни на походную, бивачную... развѣ ты меня выгонишь отсюда.

— И то можетъ быть....

— Какъ?... — Тутъ Григорій посмотрѣлъ на брата съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и возрастающимъ изумленіемъ. Веселость его исчезла, что-то непонятное стѣснило сердце его, онъ не имѣлъ силы продолжать разговора—и ждалъ, чтобъ братъ Иванъ окончилъ зловѣщее объясненіе. Но тотъ угрюмо молчалъ, опустилъ голову.

Нѣсколько минутъ продолжалось тягостное молчаніе—и Григорій чувствовалъ, что ему же надобно прервать его, чтобы выйти изъ этой неизвѣстности.

— Братъ Иванъ!—сказалъ онъ ему наконецъ:—ты сказалъ очень жестокое слово, но я слишкомъ хорошо знаю твое сердце, чтобъ предполагать какой-нибудь капризъ, недостойный тебя. Я очень хорошо знаю, что я безпутный че-

ловѣкъ, который самымъ глупымъ образомъ прокутилъ все свое имѣніе, уморилъ жену, сдѣлалъ сына безъ хлѣба—а теперь живу только твоими милостями,—но увѣренъ, что ты никогда не откажешься отъ меня и дашь мнѣ у себя какой-нибудь уголокъ, чтобы окончить ничтожную свою жизнь. Что-же значить твое внезапное предложеніе, а еще болѣе твое жестокое, убійственное слово, что ты, можетъ-быть, меня и выгонишь? Скажи, ради Бога....

— Подумай хорошенько, Григорій,—отвѣчала Иванъ Ивановичъ; хочешь ли ты, чтобъ я тебѣ сказалъ причину этихъ жестокихъ словъ? Подумай: къ чему поведетъ подобное объясненіе? Загляни лучше самъ въ свое сердце и спроси его: не знаетъ ли оно о причинѣ моего внезапнаго предложенія и жестокихъ словъ?.... А если знаетъ и понимаетъ, то спроси у него: не лучше ли тебѣ просто согласиться на это предложеніе, нежели заставлять меня говорить гораздо больше того, что я сказалъ?....

Григорій понялъ въ чемъ дѣло; лицо его вспыхнуло, голова опустилась, языкъ овѣмѣлъ. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ письменному столу, сѣлъ за него и написалъ что-то на листѣ, подавъ брату. Тотъ прочелъ, дружески пожалъ ему руку,—и сказалъ:

— Хорошо! теперь, между нами остается все по прежнему. Просьбу твою я сегодня отправлю съ курьеромъ при моемъ представленіи,—а послѣ завтра мы ѣдемъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ кабинета и воротился къ Зоѣ, которая съ величайшимъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ кончится объясненіе.

— Что, другъ мой?—вскричала она, увидя мужа.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, подавъ ей бумагу, написанную Григорьемъ. Зоя прочла ее и радостно вскричала:

— Какъ? онъ ѣдетъ въ армию?

— Да, другъ мой! послѣ завтра, вмѣстѣ со мною....

Послѣднее слово заставило вновь Зою заплакать.... Но Иванъ Ивановичъ утѣшилъ ее какъ могъ, и тотчасъ же началъ дѣлать всѣ приготовления къ отъѣзду.

Черезъ два дни оба брата отправились въ армию.

Увы! При штурмѣ Измаила бѣдный Григорій былъ убитъ, и умирая просилъ брата, чтобы онъ прирѣлъ его сына Гри-

шу.... Тотъ не отвѣчалъ ничего и пожалъ ему руку. Этого было довольно для умирающаго Григорья.

Съ новыми знаками отличія, съ чиномъ генерал-поручика и съ прибавкою нѣсколькихъ ранъ возвратился Иванъ Ивановичъ послѣ мира въ столицу, куда прѣехала и Зоя, жившая до-тѣхъ-поръ въ деревнѣ и занимавшаяся воспитаніемъ сына своего Вани и племянника Гриши.

ГЛАВА II.

Генералъ Вистовъ и Надинька.

Вскорѣ вышелъ въ отставку и Иванъ Ивановичъ и поселился въ деревнѣ, чтобъ въ спокойной жизни доживать свою старость. Тамъ умерла у него добрая его Зоя, которая столько лѣтъ составляла домашнее его счастье. Какъ прелестный цвѣтокъ юга, перенесенный въ угрюмый нашъ сѣверъ, она долго противилась вліянію климата, согрѣваемая любовью мужа и ласками сына, но мало по малу силы ея истощались, и она увяла, поруча своего Ваню попеченіямъ мужа.

Глубока, невыразима была скорбь Ивана Ивановича,—но онъ былъ христіанинъ—и перенесъ ее, *возверзивъ свою печаль на Господа.*

Усердно занялся онъ воспитаніемъ дѣтей своихъ—потому-что никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго различія между сыномъ и племянникомъ, — и чувствуя, что самъ былъ очень дурно воспитанъ, рѣшился дать имъ наилучшее современное образованіе. Для этого надобно было перѣхать въ столицу. Тяжка была эта жертва для него, но онъ принесъ ее,—и поселился опять въ Петербургѣ.

Тогда не знали почти другаго рода воспитанія кромѣ военнаго. Основаніемъ всей европейской политики была война. Не было года, когда бы тѣ или другіе народы не вели войны

между собою въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы. Только теперь мудрость правителей народовъ основываетъ свою славу и силу на всеобщемъ мирѣ и благоденствіи подданныхъ. Теперь стараются соединить всѣ народы узами общихъ выгодъ. Теперь гордятся побѣдами надъ неумѣжествомъ; хвалятся завоеваніями ума въ области природы, празднуютъ милость и отеческія попеченія государей, водворяющіе законы, порядокъ и всеобщее благосостояніе. О! нашъ періодъ есть великолѣпная эра исторіи человѣчества, за которую, какъ за благодѣтельное начало, будутъ насъ благодарить наши потомки, — точно такъ же какъ мы теперь начинаемъ радоваться распространяющемуся просвѣщенію и благодарить за него распространителей....

И Гришу и Ваню опредѣлили Иванъ Ивановичъ въ Корпусъ, — и остался въ Петербургѣ, чтобъ наблюдать за ними.

Странное дѣло! Когда отецъ Гриши умеръ, то ребенокъ былъ слишкомъ малъ, чтобы помнить характеръ его, — и однако же онъ уже съ малолѣтства обнаруживалъ тѣ же слабости, какія имѣлъ отецъ. Такъ точно и Ваня, вовсе не могшій видѣть, какъ отецъ его жилъ съ своимъ братомъ, съ первыхъ дней дѣтства, взялся за управленіе своего двоюроднаго брата, какъ бывало Иванъ Ивановичъ управлялъ своимъ. Физиологическій феноменъ повторился и въ классахъ, и въ юношескихъ бесѣдахъ; Ваня былъ протекторомъ и наставникомъ Гриши, который повиновался этому вліянію, какъ бы оно было назначено отъ природы.

Ваня сдѣлался хорошимъ математикомъ — и дурнымъ танцоромъ, отличнымъ латинщикомъ — и не могъ свободно объясниться на французскомъ. Фортификація, артиллерія, исторія, географія — видѣли въ немъ лучшаго ученика своего, — а въ поэзіи онъ былъ изъ послѣднихъ. Гриша напротивъ превосходно зналъ все, чѣмъ не занимался Ваня, и худо учился тѣмъ предметамъ, которые нравились ему. Однимъ-словомъ, еслибъ этихъ двухъ людей слить въ одного, то изъ нихъ вышелъ бы типъ прекраснаго общественнаго челоѣка, столь же пріятнаго въ бесѣдахъ, какъ и полезнаго въ ученыхъ предметахъ. Но каждый

порознь имѣть недостатки, которые были очень ощутительны. Серьезные и дѣловые люди предпочли бы Ваню, а свѣтскіе лучше бы полюбили Гришу.

Окончивъ курсъ, выпущены они были оба въ гвардію, и вошли въ лучшіе петербургскіе дома,—и тутъ то первыя неизбежныя условія общества показали Гришѣ, что свѣтъ неодинаково цѣнить его съ Ванею,—и вовсе не по учебнымъ, или моральнымъ качествамъ,—а потому-что всѣ знали, что Ваня единственный наслѣдникъ двухъ тысячъ душъ, а что у него ровно ничего не было. Это показало очень ему грустно—и онъ впервые задумался,—но не надолго. Задумчивость была не въ его характерѣ. Онъ сказалъ только, что общество очень несправедливо, цѣня людей по богатству. Самъ же не чувствовалъ, что онъ не имѣетъ еще никакихъ другихъ достоинствъ, ни заслугъ, по которымъ можно бы было его цѣнить иначе, какъ по деньгамъ. Онъ не зналъ, что если общество дѣлаетъ исключенія изъ этого правила, то надобно на это много причинъ, оправдывающихъ этотъ феноменъ. Покуда онъ находился въ кругу своихъ сотоварищей, онъ былъ ровенъ всѣмъ имъ, потому-что молодежь не заботится о числѣ помѣстій своихъ ежедневныхъ пріятелей, любить только веселыхъ и остроумныхъ; но какъ скоро онъ являлся въ кругъ дамъ и людей, имѣвшихъ болѣе опыта, то разница между пріемами была тотчасъ же ощутительна. Напрасно Ваня, можетъ-быть, безотчетно понимавшій все это, вводилъ его вездѣ, куда его приглашали, и почти рѣшительно объявлялъ всѣмъ, что онъ безъ Гриши нигдѣ не можетъ быть, Гришѣ отъ этого было не легче. Звали и его конечно,—но въ этомъ самомъ зовѣ видна уже была разница.

Иванъ Ивановичъ, не дѣлая до-сихъ-поръ никакого различія между молодыми людьми, ассигновалъ имъ совершенно одинаковое содержаніе,—но какъ бывало съ братомъ его Григорьемъ, такъ и съ сыномъ его теперь—одна исторія. Въ первыхъ же числахъ каждаго мѣсяца карманныя деньги, выдаваемые поровну обоимъ братьямъ, исчезали тотчасъ у Гриши,—и остальное время Ваня кое-какъ долженъ былъ снабжать ими своего брата. Чувство

всегдашняго недостатка и зависимости, давало характеру Гриши совершенно другое направленіе. Онъ сдѣлался скрытенъ, лицемеренъ, завистливъ и искателенъ.

Нѣкоторые философы и физиологи увѣрили, что у каждаго человѣка есть свой врожденный характеръ, свои врожденные качества и пороки, свои склонности! По ихъ мнѣнію одинъ человѣкъ родится уже гениемъ, а другой глупцомъ, или злодѣемъ. Какая жестокая ошибка! Какъ можно такъ клеветать на природу? Что у нея за протекція, что за пристрастіе, чтобъ одного надѣлять всѣми своими дарами, а другаго обижать? Нѣтъ! вся разница между людьми, которая на каждомъ шагу встрѣчается между ними—происходитъ отъ самихъ же людей. Одинъ родится болѣзненный, другой здоровый,—и вотъ, разумеется, на всю жизнь между ними разница и моральная и физическая;—но отъ чего она произошла? Мать, или отецъ были больны, изнурены, слабы,—и произвели на свѣтъ шедушное дитя, передавъ ему свои недуги, свои слабыя нервы, свою непороченую кровь. Или кормилица дурнымъ своимъ молокомъ и беззаботнымъ присмотромъ сдѣлала ребенка больнымъ, полуувѣчнымъ,—и онъ на всю жизнь будетъ слабымъ, хилѣющимъ созданіемъ, которое будетъ прозябать, лечиться, дряхлѣть съ самой молодости,—и жаловаться на природу и судьбу. А чѣмъ они виноваты? Говорятъ вообще, что наше поколѣніе стало слабѣе, недолговѣчнѣе,—и опять обвиняютъ природу,—тогда какъ виноваты одни люди. Когда древнія Гречанки и Римлянки одѣвались сообразно своему климату, и оставляли на свободѣ, какъ всѣ движенія членовъ, такъ и обращеніе крови, тогда онѣ служили образцами ваятелямъ, которые потому и производили прекраснѣйшія статуи, что вездѣ имѣли подъ руками пластическія, изящныя формы. Эти женщины рождали на свѣтъ здоровыхъ мальчиковъ, которые превращались потомъ въ воиновъ, удивлявшихъ свѣтъ своею силою, ловкостію, крѣпостію. Теперь для женщины неестественное составляетъ красоту, и мужчины дѣлаютъ съ своей стороны тоже. Женщины вообразили, что надобно съ малолѣтства стягивать свой станъ сильною шнуровкою, и отъ этого молодая кость растетъ несправильно и производятъ кривобокихъ; чтобъ корсеты давили лег-

кѣи и грудь, — и это располагаетъ поколѣніе къ чахоткѣ; чтобъ шея и плечи всегда красовались наружѣ, не смотря на сѣверные наши морозы и губительные сквозные вѣтры, и это производитъ вѣчные ревматизмы, головныя боли и разстройство нервъ; чтобъ, раздѣливъ человеческое тѣло на двѣ половины, предавать верхнюю, содержащую самые благородные органы, всѣмъ влияніямъ враждебнаго климата, а нижнюю укутывать въ двѣнадцать рядовъ разнокалиберной ткани, безъ малѣйшей цѣли для здоровья и красоты; чтобъ проводить ночи въ душныхъ залахъ въ прыганьи и круженіи, будучи стянута до обморока, — и вставая потомъ въ полдень, превращать дни въ ночи и обратно... И послѣ этого, дѣлаясь вдругъ матерями семействъ, могутъ ли эти существа производить на свѣтъ здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей! Можетъ ли поколѣніе корсето-носящихъ и такъ одѣвающихся женщинъ — не быть слабо и болѣзненно? И въ чемъ же опять тутъ природа виновата?...

А потомъ, когда начнется воспитаніе, мы обыкновенно оставляемъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ на попеченіе наемницъ. Намъ некогда заниматься первымъ и священнѣйшимъ долгомъ природы: раннимъ образованіемъ ребенка. Мы думаемъ, что еще успѣемъ внушить ему все, что нужно, когда онъ будетъ способенъ разсуждать. Горькая ошибка! Какъ слабое здоровье и недуги отъ неестественной одежды и привычекъ передаются дѣтямъ при самомъ ихъ рожденіи отъ родителей или кормилицъ, такъ и самыя нравственныя качества всасываются, такъ-сказать, съ молокомъ. Воспримчивость понятій во младенчествѣ — удивительна: когда мы думаемъ, что дитя совершенно инстинктивно живетъ и ничего не понимаетъ, оно караулитъ каждое наше слово, каждое движеніе, идею. Оно живѣтъ переимчивостію, и все, что видитъ, слышитъ, — осваиваетъ себѣ. Вспомните теперь, сколько дурныхъ примѣровъ, словъ и наставленій оно получаетъ въ это время отъ окружающихъ. Его пугаютъ буюю, темною комнатою и подобными вздорами — дѣлаютъ суевѣрнымъ, кромѣ уже тѣхъ невѣжественныхъ идей, которыя сообщаютъ ему кормилица и нянька. Его заставляютъ ласкаться, чтобъ получить лакомство, — и онъ

получаетъ наставленіе въ лицемѣрствѣ. Когда онъ заплачетъ, ему все даютъ, какъ бы глупо и вредно ни было исполненіе его просьбъ, и вотъ онъ пріучается къ капризамъ и самовластію, вотъ онъ съ малолѣтства начинаетъ думать, что ничто не можетъ противиться его волѣ... О папеньки и маменьки, баловники и баловницы! вы воображаете, что доказываете дѣтямъ любовь свою, когда исполняете ихъ капризы; — итъ! вы ихъ губите, вы приготавливаете имъ самую несчастную будущность. Характеры ихъ навсегда испорчены этою угодливіостію, которую вы имъ оказываете, — а если несчастье и заставитъ ихъ современемъ одуматься, то какъ трудно имъ переломить свои привычки и идеи! И послѣ этого говорятъ, что такой-то одаренъ отъ природы умомъ и прекрасными качествами, а такого-то природа во всемъ обидѣла! Въ чемъ тутъ виновата природа? Младенцу дали дурное направленіе, дурныя впечатлѣнія, дурныхъ окружающихъ, — однимъ-словомъ не заботятся о немъ, или избаловали его, притупили развитіе умственныхъ способностей страхомъ, побоями, или излишнимъ ласкательствомъ, — и послѣ говорятъ, что такъ сдѣлала природа!

Въ самой общественной жизни, когда онъ уже вступить въ нее, сколько тутъ дѣлаютъ обстоятельства и окружающія лица. Возьмите двухъ совершенно одинаково воспитанныхъ людей и поровну надѣленныхъ хорошими качествами: помѣстите одного въ кругъ образованныхъ, честныхъ и добрыхъ людей, — повѣрьте, что и онъ будетъ прекраснымъ человѣкомъ. Другаго же окружите людьми дурными, невѣжественными, съ перочными склонностями, — и вы увидите, что послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы съ ними — онъ упадетъ въ уровень съ ними.

Скажемъ же еще разъ, что по большей части виноватъ самъ человѣкъ, — и теперь, продолжая разсказъ нашъ о Гришѣ и Ванѣ, не будемъ винить природу, что она такъ различно надѣлила ихъ обоихъ. Итъ! она обоимъ дала поровну и членовъ, и мускуловъ, и нервъ, и крови, и мозга. Но впечатлѣнія дѣтства дали ихъ вкусамъ и характерамъ совершенно разное направленіе. А теперь самъ свѣтъ далъ имъ горькое наставленіе, что и при одинаковыхъ хорошихъ

качествахъ, не всё могутъ быть приняты одинаково. Нужно ли винить въ этомъ и свѣтъ. Едва ли!

Нужно ли говорить, что первымъ предметомъ исканій въ свѣтѣ — и Вани и Гриши — была любовь. Вотъ склонность, въ которой мы можемъ сослаться на природу, — тѣмъ болѣе, что разсудокъ тутъ рѣдко участвуетъ! Счастливы, кто это внушеніе природы можетъ согласить съ разсудкомъ, — и изъ порыва молодости составить себѣ связь, освященную законами и вѣрою! Къ сожалѣнію, прекрасная связь супружества часто бываетъ спекуляціею. Многие не ищутъ себѣ жены, а одного приданого, думая только: чѣмъ я буду жить съ женою и съ дѣтьми? чѣмъ я буду воспитывать послѣднихъ? чѣмъ обезпечу ихъ существованіе, когда меня вдругъ не будетъ?

Иванъ Ивановичъ привезъ однажды сына своего (а съ Ваней былъ и Гриша) къ генералу Вистову, прежнему товарищу его военной жизни, пріѣхавшему на нѣкоторое время по дѣламъ въ Петербургъ. У этого генерала была дочь Надинька, прелестное, доброе и милое созданіе, не много мечтательное, нѣсколько избалованное любовію отца (мать давно уже умерла), — но все-таки прекраснѣйшая дѣвушка, которая при первомъ появленіи заставила прокричать о себѣ весь Петербургъ, и не мудрено! Кромѣ томныхъ и голубыхъ глазокъ, лилейной шейки, розово-пушистыхъ щечекъ, атласныхъ бѣлокурыхъ волосъ, завитыхъ змѣйками, тоненькой талии, пухленькихъ ручекъ и крошечной ножки, — кромѣ всѣхъ этихъ качествъ, у неѣ были другія самыя увлекательныя, а именно двѣ тысячи душъ. Какъ послѣ этого было не восхищаться ею всѣмъ женихамъ! Мудрено ли, что и самъ Иванъ Ивановичъ, не смотря на все благородство характера, привезъ своего сына съ тою мыслию, что если-де молодые люди поправились бы другъ другу, то очень хорошо къ цифрѣ 2000 еще присоединить 2000?

Вистовъ тоже былъ престарѣлый генералъ временъ Екатерины II, — и обожалъ свою эпоху. Разговоры его съ Иваномъ Ивановичемъ были неистощимы о славныхъ кампаніяхъ, въ которыхъ они участвовали, о знаменитыхъ людяхъ, которыхъ на своемъ вѣку видѣли. Они бы могли еще похва-

стать превосходными генералами, которыхъ образовали для будущаго поколѣнія, но тогда только одинъ Суворовъ-Рымникской побѣдою приобрѣлъ европейскую извѣстность. Прочіе стояли еще на второмъ планѣ. Кутузовъ, Милорадовичъ, Багратионъ, Каменской, Вонновъ обѣщали еще много въ будущемъ. Было, слѣдственно, о чемъ и о комъ поговорить двумъ старикамъ, — покуда нѣсколько паръ молодежи танцовали подъ фортепіано. Въ этихъ разговорахъ Иванъ Ивановичъ часто упоминалъ, что знаменитый Суворовъ служилъ нѣкогда подъ его начальствомъ, — но что вскорѣ вышедши въ отставку, онъ совершенно потерялъ было его изъ вида, какъ вдругъ Кинбургъ, Рымникъ и Прага прогремѣли это имя во всеуслышаніе всей Европы.

Почти всякій день сходились старики одинъ у другаго, и дѣти ихъ тоже. Ваня очень полюбилъ Надиньку, — а та?... Разумѣется и та, хотя начитавшаяся довольно французскихъ романовъ, мечтала иногда совсѣмъ о другомъ обожателѣ, нежели степенный и серьезный Иванъ Ивановичъ, — но когда романтическая эта кутерма проходила въ головѣ ея, когда она со всѣхъ сторонъ слышала величайшія похвалы ему, когда онъ съ нѣжностію смотрѣлъ ей въ глаза и спокойно говорилъ ей о своихъ чувствахъ, — она невольно задумывалась — и должна была сознаваться, что неравнодушна къ нему и что онъ больше всѣхъ заслуживаетъ ея любовь, — даже больше нежели.... Тутъ голова ея склонялась къ груди; — она вздыхала, — и отъ самой себя утаивала свои мысли.

А Ваня? точно ли онъ любилъ Надиньку? То есть та ли это была страсть, которую писатели романовъ подвели подъ правила? Та ли это была болѣзнь молодости, которую можно теперь по книгамъ узнать каждому, такъ хорошо описаны въ ея примѣты и кризисы? Романисты описали не всю классификацію любви; у нихъ она вездѣ почти одинакова: пылкая, бѣшеная, подозрительная, мучительная. Да! тамъ гдѣ мало разсудка, гдѣ нервы слабы и гдѣ много въ жилахъ крови, — любовь дѣйствительно получаетъ эти свойства. Но чѣмъ она, повидимому, сильнѣе и раздражительнѣе, тѣмъ непрочноѣе, непродолжительнѣе. У людей съ свѣтлымъ, холоднымъ разсудкомъ,

здоровыми нервами и небыстро волнуемою кровью часто бываетъ любовь, которая гораздо больше заслуживаетъ это названіе, нежели сумасбродные порывы романтической страсти, потому-что върѣше, продолжительнѣе, прочнѣе послѣдней. Эта любовь не годится въ романы,—и потому ее рѣдко описываютъ. А жалъ! Она гораздо болѣе заслуживаетъ изслѣдованій, нежели та, которая до-сихъ-поръ составляла основаніе каждой повѣсти. Иногда влюбленный холоденъ, спокоенъ, равнодушенъ, вовсе не льститъ обожаемому предмету, не ловитъ его взглядовъ, не трепещетъ при его появленіи, не говоритъ сладостей и метафоръ, напротивъ очень весело и спокойно радуется при свиданіи, неслишкомъ мучается при отсутствіи, окружаетъ любимую особу всѣми возможными попеченіями безъ афектаціи, даетъ дружескіе и полезныя совѣты, даже часто бранитъ за ошибки, еслиже встрѣчается обманъ, измѣну со стороны любимого предмета, то не приходитъ въ отчаяніе, не думаетъ о самоубійствѣ,—а печально удаляется отъ него, грустя объ ошибкахъ своего сердца, полюбившаго недостойный предметъ, и словомъ, это скорѣе чувство дружбы, которое мы привыкли видѣть въ этой формѣ. Эта любовь принадлежитъ немногимъ, избраннымъ характерамъ,—но не менѣе того ее должно причислить къ разрядамъ настоящей, и едва ли не самой доброкачественной, любви.

Такова-то была и любовь Ваши,—но отъ этого-то именно Надинька, начитавшаяся романовъ и привыкшая къ мечтательности, сомнѣвалась въ ней, и почитала, что ежедневныя посѣщенія его и кроткія, дружескія рѣчи о чувствахъ привязанности, ощущаемой къ ней, не что иное, какъ обыкновенное, всѣдневное искательство невѣсты. И потому-то, любя его какъ благороднаго, умнаго и прекраснаго человека, она не видѣла въ немъ идеала своихъ мечтаній. Былъ другой, который больше волновалъ ея сердце,—но который видимо не хотѣлъ, или не могъ искать руки ея.

Это былъ Гриша.—Съ перваго взгляда на Надиньку почувствовалъ онъ самую романтическую страсть. Но уже довольно оглядѣвшись въ свѣтъ, онъ тотчасъ понялъ, что цифра нуль противъ 2000—очень плохая рекомендація для искательства руки ея,—и потому онъ затанлъ это чувство глу-

боку въ груди своей.—Но этимъ-то самымъ онъ и обнаружилъ ее. Нѣмая страсть всего опаснѣе для дѣвушки. Отъ болтливой можно отговориться,—и въ этомъ дѣвушки всегда сильны. Но противъ безмолвной что дѣлать? чѣмъ защититься? Тутъ глаза гораздо хуже языка. Разговоръ глазъ гораздо больше говоритъ, нежели всякія пышныя фразы, и Григорій, осудя себя на всегдашнее молчаніе, полагалъ однако, что имѣлъ полное право смотрѣть. Взоръ его всегда и повсюду преслѣдовалъ Надиньку, и та очень хорошо поняла, чего имъ надобно,—дѣвушки всегда очень догадливы на это,—и даже черезъ чуръ. Иной привыкъ смотрѣть на каждую хорошую картину и любоваться ею,—а дѣвушка уже воображаетъ, что въ нее влюблены.

На этотъ разъ конечно нельзя было ошибиться, и молчаливость Григорья, увеличивая въ глазахъ Надиньки его страсть, усиливала въ ней самой мечтательность и тайную къ нему склонность. Но она была слишкомъ хорошо воспитана, чтобъ обнаружить это чувство,—и въ этомъ дѣвушки имѣютъ огромное преимущество предъ мужчинами. Первые всегда и тотчасъ же знаютъ, что онѣ правятся,—а послѣдніе никогда не увѣрены, точно ли ихъ любятъ. Притомъ же, какъ порядочная дѣвушка, она знала, что ей не должно хлопотать о женихахъ. Этого ожидала она отъ отца.

Дѣйствительно, покуда Ваня придумывалъ, какъ бы открыть свое супружеское намѣреніе двумъ отцамъ и невѣстѣ, Иванъ Ивановичъ уже давно объяснился съ Вистовымъ — и они ударили поручкамъ между собою, а вслѣдъ затѣмъ старикъ, чувствуя, что ему очень мало осталось времени для выжиданія объясненій сына, позвалъ его однажды ввечеру къ себѣ, и сказалъ:

— Послушай, братъ, Иванъ,—мнѣ уже подъ семьдесятъ, и пора костямъ на покой. Какъ ни грустно мнѣ будетъ разставаться съ тобою,—но эта разлука необходима. Хотѣлось бы мнѣ только дожить до одной радости. Желалъ бы видѣть тебя женатымъ,—а тамъ, кто знаетъ, можетъ-быть дотянулъ бы и до дѣдушекъ.....

Ваня вепыхнулъ. Ему казалось, что все уже извѣстно, и что рѣчи отца только шутка.

— Виновать, милый батюшка,—отвѣчалъ онъ, цалуя его руку. Виновать, если давно не открылся вамъ....

— Въ чемъ, другъ мой?—спросилъ удивленный отецъ.

— Вижу, что вы все знаете,—продолжалъ Ваня.... Но видѣть всеневно Надиньку и не полюбить ее—было невозможно....

— Какъ! — радостно вскричалъ старикъ: такъ ты въ Надину влюбленъ. Прекрасно, другъ мой! Ты угадалъ мои намѣренія. Обними меня.... Поздравляю тебя женихомъ....

— Я знаю, батюшка, всю вашу доброту,—сказалъ Ваня,—и вы съ своей стороны, вѣрно, не отказали бы мнѣ.... Но на это надобно во-первыхъ согласіе самой Надиньки, а наконецъ отца ея.

— Ну, съ отцомъ ея мы уже давно поладили,—потому—то я тебя и поздравляю,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, а о самой Надинькѣ могу только то сказать, что она добрая и милая дѣвушка, которая слишкомъ хорошо воспитана, чтобъ противиться волѣ отца.

— Батюшка! мы не въ такомъ уже вѣкѣ живемъ, чтобъ дѣвушкамъ *приказывать*, за кого именно выходить замужъ. Вы чувствуете, что мнѣ безъ согласія Надиньки нельзя на ней жениться....

— Да! по вашему, конечно такъ,—и мы, разумѣется, будемъ хлопотать теперь около нея, хотя повѣрь, что и наши старинные обычаи не такъ дурны, какъ вы думаете. Отецъ, выбирая жениха своей дочери, вѣрно желаетъ ей счастья и добра. Онъ гораздо лучше молодой, неопытной дѣвушки знаетъ и семейныя и общественныя качества всякаго молодого человѣка. Теперь же дѣвушкамъ понравится гладенькое личико, красное платье, хорошій танцоръ, милый болтушъ,—и онъ отъ него безъ памяти. А есть ли въ немъ душа, есть ли честныя правила, есть ли истинная склонность къ ней?... объ этомъ рѣдка думаетъ, да ни одна и узнать не можетъ, потому—что видитъ человѣка только по баламъ и вечеринкамъ.

— Я, батюшка, не смѣю спорить съ вами,—отвѣчалъ Ваня,—потому—что все, что вы теперь изволили сказать, совершенная правда; но въ защиту нашего времени осмѣлюсь только спросить у васъ: случалось ли въ ваше время, чтобъ

какой—нибудь отецъ насильно принуждалъ свою дочь къ немилому замужеству—изъ одной корысти?

— Разумѣется, дурные люди всегда бывали и будутъ, но это исключеніе изъ правила....

— Позвольте же вамъ доложить, что для огражденія отъ этихъ исключеній и существуютъ теперешніе обычаи. Добрымъ отцамъ дѣти и теперь во всемъ повинуются, зная, что они живутъ только для счастья своихъ дѣтей....

— Охъ ужъ вы, философы!—весело сказалъ старикъ. На все у васъ отвѣтъ готовъ. Ну, да ужъ Богъ съ вами! Будемъ говорить о дѣлѣ. Завтра поутру мы поѣдемъ къ Вистову съ формальнымъ предложеніемъ.—Будь готовъ....

— Какъ, уже завтра?—вскричалъ Ваня.

— Вотъ мило! Ты никакъ уже струсилъ? Что за вздор! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Повторяю тебѣ, что мнѣ ждуть некогда.... да и тебѣ что за мысль откладывать?

— О нѣтъ, батюшка.... я очень радъ....

— Знаю, знаю.... у влюбленныхъ всегда такъ. Ну, Богъ съ тобою, обними меня—и ступай спать. Утро вечера мудренѣе.

Они обнялись и расстались. Можно вообразить себѣ, какую безпокойную ночь провелъ Ваня.

На другое утро они отправились къ Вистову,—и Иванъ Ивановичъ безъ предварительныхъ фразъ объявилъ ему о цѣли своего посѣщенія.

— Очень радъ, отвѣчалъ добродушный старикъ.—Я давно поджидалъ этого пріятнаго предложенія, но вѣдь молодые люди нынче все хотятъ жениться по романамъ. Хотя изъ всей нашей молодежи твой Иванъ Ивановичъ самый степенный и разсудительный малой, но и въ немъ есть много нынѣшняго духа.... Ну, да намъ старикамъ вѣрно не передѣлать уже людей,—и я душевно радъ, что лучшій изъ нихъ достается на долю моей Надиньки. Очень радъ такому зятю! Обнимите меня, Иванъ Ивановичъ....

Онъ обнялъ Ваню, который былъ въ такомъ смущеніи, что не нашелся, что и отвѣчать.

— Ну, какъ же намъ теперь поступить съ твоею дочерью?—сказалъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ Вистову.

Ты ли ее спросишь, или надобно самому сыну съ ней объясниться....

— Признаюсь, мой милый,—отвѣчалъ Вистовъ: что я страхъ какъ не люблю этихъ объясненій молодыхъ людей между собою. Не поправится какое-нибудь слово, какой-нибудь взглядъ не по правиламъ романовъ,—и они готовы отказаться отъ счастья цѣлой жизни. Нѣтъ, братецъ, дай лучше мнѣ самому переговорить съ нею.... А вы ступайте куда, посидите въ гостинной.... я позову ее,—и мы тотчасъ же окончимъ все.

Иванъ Ивановичъ ушелъ съ сыномъ въ гостинную, а Вистовъ послалъ за дочерью. Та тотчасъ же явилась, никакъ не ожидая, что рѣшеніе судьбы ее такъ близко.

— Вы присылали за мной, папа?—сказала она, войдя въ кабинетъ отца.

— Да, дружокъ! — отвѣчалъ отецъ: мнѣ надобно съ тобою поговорить кое-о чемъ. Сядь-ко поближе. Есть у насъ поговорка: сядемъ-ко рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ....

— Это можно сдѣлать и безъ старинной поговорки, сказала Надинька, улыбаясь....

— Да, да! Вѣдь вы не любите старины.... Вамъ всегда дай модные французскіе complimenty.

— Чтѣже вы прикажете, папа?... прервала его дочь, зная что когда начнется сравненіе старины съ новыми идеями, то скоро кончится.

— А какъ бы ты думала? Угадай? Какую новость дѣвушка всего пріятнѣе слышать?

— О какомъ нибудь балѣ, или обновахъ, отвѣчала Надинька....

— Да, да! почти угадала. Будутъ балы и обновки самыя щегольскія,—если ты только согласишься на мое предложеніе....

— Какъ послѣ этого не согласиться? Чтѣже такое? говорите скорѣе....

— Выйди за мужъ!

Надинька вспыхнула, и потупя голову замолчала.

— Чтѣ это, дружокъ?—вскричалъ отецъ.— Вѣдь насъ только двое,—и со мною тебѣ нечего церемониться и жеманиться. Какой дѣвушкѣ не правится замужество?

Надинька все еще молчала и не поднимала глазъ. Она поняла, о комъ идетъ рѣчь, и кого отецъ ей назначаетъ въ мужья. Еще за часъ передъ тѣмъ, она мысленно въ мечтахъ своихъ сознавалась въ достоинствахъ Вапи,—а теперь этотъ внезапный, прозаическій способъ сватовства вдругъ охолодилъ ее воображеніе и убавилъ всѣ добрыя качества жениха.

— Я не церемонюсь и не жеманюсь, папа, — отвѣчала она наконецъ.... Но меня поразила внезапность вашего предложенія, а еще болѣе удивило то, что женихъ мой,—кто бы онъ ни былъ, не потрудился сперва узнать отъ меня: каково я приму его сватовство. Это, право, было бы не лишнее.

— Да, да! по правиламъ романовъ надобно бы ему конечно было сперва упасть передъ тобою на колѣна и сказать: Владычица души моей! рѣши мой горькій жребій....

— Нѣтъ, папа! — прервала она его: уже вѣрно не такихъ фразъ я отъ него ожидала,—но все бы, мнѣ кажется, надобно было....

— Надобно было дѣлать ему то, что я приказалъ, отвѣчалъ старикъ. И онъ, и отецъ его спрашивали у меня: не лучше ли имъ обратиться сперва къ тебѣ для объясненій,—но я просилъ ихъ не разыгрывать у меня глупыхъ романовъ, а попросту предоставить мнѣ все дѣло. У васъ, я знаю, оно бы пошло визитовъ на пятнадцать.... сегодня слово, завтра два....

— А развѣ, папа, это дѣло такое поспѣшное?—съ улыбкою спросила Надинька.

— Для васъ, конечно, надобно, чтобъ романъ былъ въ нѣсколькихъ частяхъ и чтобъ тутъ были препятствія, слезы, жертвованія, вздохи, но для насъ стариковъ всякой день счастья потерянный дѣтьми нашими, слишкомъ дорогъ. Я старъ, моя милая. Сегодня живъ, а завтра....

— Полно, папа!—Къ чему заводить рѣчь объ этомъ? прервала его Надинька полуслезливымъ тономъ.

— О смерти надобно всегда думать, милый другъ мой. И для меня было бы величайшимъ утѣшеніемъ старости, еслибъ я могъ при жизни тебя пристроить.

— Кого же вы мнѣ назначаете женихомъ? — спросила

Надинька послѣ нѣкотораго молчанія, хотя и знала заранѣе кого ей назовутъ.

— Кого же, какъ не милаго нашего Ивана Ивановича? сказалъ отецъ.

— Его! — отвѣчала Надинька, не поднимая глазъ.

— Разумѣется: — А развѣ ты думала, что кого-нибудь другаго?...

— Я вѣдь не могу знать вашего выбора....

— А твой собственный развѣ былъ бы другой?—спросилъ отецъ.

Надинька молчала. Въ умѣ ея мелькнулъ Григорій съ своими томными, пламенными, задумчивыми взглядами, со своею глубокою страстію.

— Ты не отвѣчаешь, дружочикъ? Что это значитъ?

— Ничего, папа,—отвѣчала опомнись Надинька:—я, можетъ-быть, читаю очень много романовъ, но уже, вѣрно, не сочиняю ихъ. Моя мечтательность, въ которой вы меня упрекаете, не простирается до этого....

— А въ доказательство,—перевалъ ее отецъ,—ты согласна принять жениха, котораго я тебѣ предлагаю?

— Если это вамъ угодно, тихо и хладнокровно отвѣчала она.

— Миѣ ужъ очень угодно, другъ мой,—сказалъ старикъ. Но ты знаешь, какъ я тебя люблю,—и хотя увѣренъ, что ты будешь счастлива съ Иваномъ Ивановичемъ, но ни за что не захочу выдать тебя противъ воли. Скажи же миѣ откровенно: не нашла ли ты въ этомъ молодомъ человѣкѣ чего-нибудь такого, что тебѣ не нравится?....

— О нѣтъ, папа!—онъ самый добрый, благородный и умный человѣкъ,—но....

— Чтоже значитъ твоё *но*?... Вѣрно какой-нибудь недостатокъ по части романовъ?...

— Именно, папа!—Не смѣйтесь. Вы судите только о качествахъ общественныхъ и семейныхъ, а иногда о связяхъ и богатствѣ жениха,—а дѣвушка нужно немножко и любви....

— Да ты съ ума сошла, Надина!—Онъ безъ памяти въ тебя влюбленъ. Посмотрѣла бы ты на него, какъ онъ смущался, краснѣлъ и готовъ былъ плакать отъ радости,

когда я сказалъ ему, что согласенъ выдать тебя за него.

— Неужели! — сказала Надина, и удовлетворенное ея самолюбіе тотчасъ же украсило Ваню всеми качествами романческаго любовника.—А признаюсь откровенно,—хотя Иванъ Ивановичъ и прекраснѣйшихъ качествъ молодой человѣкъ, но я никакъ не полагаю, чтобъ онъ способенъ былъ къ романческой пѣжности, которая всегда такъ приятна для насъ....

— Ну, такъ на этотъ счетъ ты можешь быть спокойна, отвѣчалъ отецъ.—Онъ влюбленъ, какъ лучший герой вашихъ повѣстей,—но слишкомъ знаетъ свѣтъ и приличія, чтобъ обнаруживать это.... Ну чтоже, милый мой дружочекъ? Согласна ли ты?

— Да дайте миѣ, папа, хоть изъ приличія подумать нѣсколько дней,—сказала съ улыбкою Надинька.

— Къ чему это жеманство, другъ мой?—За что мучить человѣка безъ всякой причины? Зачѣмъ думать о томъ, что давно извѣстно?... Ты будешь счастлива,—въ этомъ ручаются тебѣ твой старій отецъ. Твоя красота и достоинства ругаются тебѣ, что женихъ тебя искренно любитъ. Чего же больше? Не лучше ли искренно подать миѣ руку—и сказать: я согласна!

— Извольте! я согласна! — сказала со вздохомъ Надинька.

Съ чувствомъ живѣйшей радости обнявъ ее отецъ, расцаловалъ, прослезился, и почти на рукахъ вынесъ въ гостинную, гдѣ Иванъ Ивановичъ съ сыномъ ожидали, чѣмъ окончатся роковой разговоръ.

— Вотъ она! — возьмите ее! вскричалъ Вистовъ, передавая ее на руки Ивану Ивановичу. Возьмите мое лучшее, единственное сокровище. До-сихъ-поръ была въ ней и жизнь моя и счастье. Но я отдаю ее такимъ людямъ, которые умѣютъ цѣнить ее....

— И которыхъ первымъ долгомъ будетъ ей счастье,—перевалъ его Иванъ Ивановичъ. Въ этомъ я даю честное слово и за себя и за сына,—и даже въ этомъ ты долженъ быть самъ увѣренъ, старій другъ и товарищъ мой.

— Безъ этой увѣренности я бы ее не отдалъ вамъ,—

отвѣчалъ Вистовъ. Но видя ее счастливою, — я буду вдвое счастливъ, и здѣсь, и за гробомъ....

Ваня, сперва совершенно растерявшійся отъ внезапнаго появленія Надиньки съ отцомъ, и отъ словъ его, — теперь опомнился, тихо подошелъ къ ней, склонилъ колѣно, взялъ ее за руку, съ нѣжностію поцаловалъ и съ торжественностію сказалъ:

— Позвольте и мнѣ, Надежда Васильевна, въ эту незабвенную минуту моей жизни, поклясться въ вѣчной и искренней къ вамъ любви, которую я не въ силахъ выразить словами, но которую докажу тѣмъ, что посвящу вамъ все мои попеченія, заботы, мысли и чувства, чтобъ заслужить мое счастье....

Надинька ничего не отвѣчала. Она лежала въ объятіяхъ Ивана Ивановича, съ нѣжностію смотрѣла на Ваню, не отнимая у него руки своей, которую тотъ съ восторгомъ продолжалъ цаловать—и воображала, что это одинъ сонъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, дѣти мои, какъ я васъ благословляю, — сказалъ Вистовъ, подойдя къ нимъ и обхватя обоихъ въ свои объятія.

Это нечаянное сближеніе заставило вздрогнуть обоихъ молодыхъ людей. Оба покраснѣли.... Но Вистовъ еще сильнѣе прижалъ ихъ.

— Поцалуйте, дѣти мои,—продолжалъ Вистовъ: въ залогъ того, что вы съ этой минуты женихъ и невѣста....

Ваня осмѣлился прикоснуться трепещущими губами своими къ пылающей щекѣ Наденьки, — и союзъ былъ заключенъ.

Въ свою очередь благословилъ ихъ и Иванъ Ивановичъ, но не заставлялъ уже ихъ цаловаться, а самъ обнялъ обоихъ.

— Ну, дѣло слагено, — сказалъ Вистовъ послѣ первыхъ минутъ нѣмой радости. Теперь я могу умереть спокойно.... Поговоримъ—ко теперь о формѣ этого дѣла, а именно о приданомъ. Покуда я живъ, — то даю Надинькѣ....

— Позвольте же мнѣ однако,—прервалъ его Ваня, уйти отъ подобнаго разговора, если онъ необходимъ. Рука Надежды Васильевны для меня выше всѣхъ богатствъ въ

мнѣ,—и, признаюсь, я бы желалъ, чтобъ у нея рѣшительно ничего не было....

— Знаю, знаю, Гг. романическіе герои! — весело вскричалъ Вистовъ. Сердце и хижина,—вамъ вѣдь больше ничего ненадобно. Ну, пожалуй, я не хочу оскорблять твоей щекотливости и увольняю тебя. Я останусь съ другомъ Иваномъ Ивановичемъ, и мы съ нимъ все это приведемъ въ ясность.

— Ну, братъ Василій, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — и мнѣ не очень правится подобная рѣчь. Мы съ тобою хоть люди положительные, — но я тоже хотѣлъ душевно этого союза вовсе не за тѣмъ, чтобъ ты далъ своей Надинькѣ большое приданое, а потому—что она сама по себѣ истинное сокровище. Такъ уволь же и меня отъ твоихъ расчетовъ. Чтò сдѣлаешь, то и будетъ прекрасно. И ужь, вѣрно, ни я, ни сынъ спорить и прекословить не будемъ.—Прощай, дружище. Намъ съ сыномъ надобно отдохнуть и опомниться отъ такого счастливаго происшествія. Вечеру мы, по обыкновенію увидимся....

— Ну, какъ хочешь, — отвѣчалъ Вистовъ. Я свое дѣло сдѣлаю—и вы, вѣрно, будете мною довольны. Прощай—и обнимите меня еще разъ. Ты правъ, и мнѣ надобно немного отдохнуть отъ этой передраги. Я какъ будто сдѣлалъ форсированный переходъ.

Они расстались, — и Вистовъ, оставшись одинъ съ своею дочерью, еще разъ ее обнялъ, прослезился, перекрестилъ ее и пошелъ въ свой кабинетъ.

А Надинька? Она едва сама себѣ вѣрила, что судьба ее такъ скоро была рѣшена, и безвозвратно. Все это случилось такъ быстро, что ей некогда было ни подумать, ни отклонить роковаго случая.

ГЛАВА III.

НЕОЖИДАННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Вечеру, по обыкновению, съѣхались гости у Вистова, и онъ объявилъ имъ о помолвкѣ дочери своей за Ивана Ивановича Смѣлова. Григорій былъ тутъ же, — и новость эта поразила его какъ громовымъ ударомъ. Онъ имѣлъ довольно силы, чтобъ не дать замѣтить своего мучительнаго состоянія, но когда всѣ мужчины подходили къ Ванѣ и поздравляли его, онъ отошелъ и пристально смотрѣлъ въ это время на Наденьку. Та нечаянно тоже посмотрѣла на него, и взглядъ Григорья выражалъ такъ много нѣжности и упрёка, что ей почти сдѣлалось дурно. Она вспыхнула, задрожала, отвернулась... но и не видя его, она чувствовала, что этотъ пламенный взглядъ проникаетъ въ ея сердце. И прежде этого взглядъ Григорья часто приводилъ въ смущеніе Надиньку, — но теперь онъ сдѣлался неумолимъ. Онъ преслѣдовалъ, жегъ ее своимъ пронизательнымъ, укоряющимъ выраженіемъ, — и та совсѣмъ растерялась.

Почти никогда не говорилъ онъ съ нею, — но теперь послѣ всѣхъ подошелъ и онъ, — и съ горькою улыбкою сказалъ:

— Позвольте и мнѣ присоединить мое усердное поздравленіе.... Позвольте отъ всей души пожелать вамъ счастья.

Надина не имѣла даже силы поблагодарить его. Она стояла передъ нимъ, какъ будто измѣнила ему въ вѣрности. Никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ этого. Да и кому было дѣло до Гриши! Начались танцы — и Григорій, всегда самый веселый и неутомимый танцоръ, сѣлъ теперь въ углу и ни разу не пошелъ танцовать. Товарищи спрашивали о причинѣ этой странности, и онъ объявилъ, что у него чрезвычайная головная боль. Иванъ Ивановичъ узналъ объ этомъ, и какъ бы сжался надъ нимъ, усладалъ его домой.

Какъ скоро онъ уѣхалъ, Надинькѣ стало легче; она уже

весело и непринужденно продолжала танцовать, и вскорѣ совсѣмъ забыла о странномъ чувствѣ, которое недавно ощущала. Танцы кончились очень весело, и гости разъѣхались. Только тогда, оставшись одна и прильнувъ къ дѣвическому своему изголовью, она начала раздумывать о своемъ положеніи, и спросила сама себя: любить ли она Ваню, или чувствуетъ влеченіе къ Григорью? На первый вопросъ она утвердительно могла отвѣчать, что любить его какъ добраго и благороднаго человѣка, какъ брата, но вовсе безъ романтической страсти. Второй же вопросъ остался покуда безъ отвѣта, нерѣшеннымъ, потому-что произвелъ въ ней такое волненіе и безпокойство, что она сама испугалась и рѣшилась не думать объ этомъ. Общій же результатъ обоихъ вопросовъ былъ тотъ, что дѣло это безвозвратно рѣшено, и что какъ скоро всѣмъ уже извѣстна ихъ помолвка, то не только перемены въ этомъ никакой не можетъ быть, но и думать о ней неприлично. Мысль долга возвратила ей спокойствіе, — и она уснула.

Вскорѣ весь городъ узналъ о помолвкѣ Ивана Ивановича, и всѣ посылали его поздравленіями. Старики хлопотали, какъ бы ускорить свадьбу, а Надина старалась отдалить роковой срокъ. Назначили обрученіе, къ которому весь городъ былъ приглашенъ. Этотъ день произвелъ роковой переломъ.

Въ продолженіе этого времени Григорій, разумеется, всякой день видѣлся съ Надинькою, и страсть обоихъ развивалась съ удивительною силою, хотя оба очень хорошо знали, что она ни къ чему не ведетъ. Притомъ же ни слова любви между ними не было сказано, — хотя тѣмъ не менше они очень хорошо понимали другъ друга.

Обрученіе назначено было поутру, въ присутствіи однихъ родственниковъ, а вечеромъ долженъ бы быть балъ. Прежде, чѣмъ гости съѣхались, явился Григорій, и на него, какъ на домашняго человѣка, никто не обратилъ вниманія. Онъ спросилъ мимоходомъ у одной горничной, гдѣ Надинька, — и та отвѣчала, что барышня еще не одѣвалась, а ходитъ одна по-саду. И онъ отправился туда.

Въ рукахъ его былъ букетъ, какъ бы въ подарокъ невѣстѣ, и букетъ этотъ состоялъ изъ одной розы, окруженной

кипарисовыми вѣточками. Это значило: *любовь и смерть*. Въ самой темной аллеѣ сада нашелъ онъ Надиньку, — и та вскрикнула, увидя его.

— Боже мой! — сказалъ онъ ей печально. Видъ мой даже паводитъ на васъ ужасъ, Надежда Васильевна.

Та молчала и трепетала, слегка только покачавъ головою вмѣсто отвѣта.

— Я принесъ вамъ подарокъ къ радостному дню вашего обрученію.

Она взяла букетъ, но едва посмотрѣла на него, — и все таки ничего не отвѣчала.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ я пришелъ съ вами проститься, — продолжалъ онъ.

Надинька молча взглянула на него, — и глаза ея были наполнены слезами.

— Минуты дороги, — сказалъ онъ. — Я долженъ отсюда на всегда выѣхать.

Надинькѣ сдѣлалось грустно; она съ трудомъ дошла до своей комнаты, и когда сказали ей, что пріѣхали женихъ и много гостей, начала нехотя одѣваться.

Печальна и задумчива вышла она въ залу собраніе. Всѣ полагали, что такъ быть должно. Не раздѣляя этого мнѣнія женихъ, ожидалъ встрѣтить Надиньку веселою.

Среди приготовленій къ совершенію обрученія, пріѣхалъ го-нецъ къ Ивану Ивановичу съ извѣстіемъ, что Григорій Григорьевичъ лишился чувствъ и не подаетъ признаковъ жизни. Ужасная вѣсть эта мгновенно распространилась между гостями.... Надинькѣ сдѣлалось дурно. Тотчасъ всѣ разѣхались.

Иванъ Ивановичъ поиялъ любовь Надиньки къ Григорію, который по возвращеніи Ивана Ивановича съ сыномъ пришелъ уже въ чувство.

— Что намъ теперь дѣлать, Ваня? — Сказалъ онъ ему, когда они остались одни.

— Если братъ выздоровѣетъ, — отвѣчалъ Иванъ, — то разумѣется онъ долженъ жениться на Надеждѣ Васильевнѣ...

— Но, милый другъ, — это не такъ легко сдѣлать. Во-первыхъ, ты, вѣрно, не меньше ее любишь.

— О! вѣрно больше! — съ глубокою горестію сказалъ Ваня. Но что за дѣло до меня! Сердце мое оболется кровью. Но у меня есть отецъ, вѣра и отечество. Пусть братъ будетъ счастливъ, — а я... — Онъ махнулъ рукою и глаза его наполнились слезами.

— Я знаю тебя, Иванъ, — сказалъ отецъ, — и съ нѣжностію обнялъ его. — Знаю, что ты съ мужествомъ перенесешь всякое несчастіе... Но неужели и Надинька?...

— Да! И она его любить! — печально сказалъ Ваня.

— Да! ты правъ. Послѣ этого брака твой съ нею будетъ бы неумѣстнымъ. Но если ты уступишь Григорію свою вѣсту, то старикъ Вистовъ едвали согласится на этотъ союзъ.

— Почему же, батюшка? — Онъ слишкомъ благороденъ, чтобъ отказать въ своемъ согласіи, потому только, что Григорій бѣденъ... При томъ же, вы, вѣрно, поможете брату...

— Да! конечно! Хотя все, что я ему дамъ, будетъ отнято у тебя; но я знаю твое доброе сердце... Дѣло не въ томъ... Если старикъ Вистовъ согласится отдать Надиню за Григорія, то у нихъ будетъ чѣмъ жить и безъ нашего пособія. Но главная трудность состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить старика. Ему никогда не нравился характеръ и образъ мыслей Григорія... Впрочемъ, мы попробуемъ, мы постараемся уговорить его.

Едва они кончили разговоръ, какъ пріѣхалъ Вистовъ. Произошла бурная и продолжительная сцена. Старикъ кричалъ, сердился, противился, — но настойчивость и убѣжденія Смѣловыхъ были такъ истинны и неотразимы, что онъ принужденъ былъ согласиться на все.

Черезъ два мѣсяца послѣ послѣдняго происшествія отпразднована была свадьба Надиньки и Григорія. Не было ни баловъ, ни визитовъ. Общество очень неблагосклонно приняло эту перемѣну жениховъ и поступокъ Григорія. Онъ даже принужденъ былъ оставить службу. Подъ предлогомъ болѣзни, отправился онъ на годъ въ чужіе края, на Теплицкія воды. Старикъ Вистовъ поѣхалъ съ молодыми, — и въ Петербургѣ поговорили, поговорили, да черезъ два мѣсяца и забыли обо всемъ. Да и было время поговорить о другомъ, важнѣйшемъ событіи. Началась зна-

менитая суворовская кампанія въ Италиі. Иванъ Ивановичъ выпросился о переводѣ его въ дѣйствующую армію,—и съ письмомъ отца своего къ Фельдмаршалу отправился въ свой полкъ.

ГЛАВА IV.

Суворовъ.

Кто не знаетъ этого дивнаго похода? Французская революція потрясла престолы Европы своими демагогическими правилами и новою своею тактикою. Военныя правила, которыми Фридрихъ II цѣлыя семь лѣтъ боролся съ сильнѣйшими державами Европы, вдругъ низпровергнуты были революціонными массами, которыя кровавый Конвентъ двинулъ на все окрестныя народы. Явилась цѣлая фаланга новыхъ полководцевъ, которые изумили старыхъ, побѣдившихъ воиновъ Европы своими планами и смѣлостію исполненія. Болѣе всехъ прославился тогда молодой генералъ Бонапарте, который съ горестію оборванныхъ солдатъ побѣдилъ одну за другою три многочисленныя арміи австрійскія, съ самыми опытными и дѣятельными полководцами,—и силою меча принудилъ Австрію къ миру. Но вскорѣ завистливая Директорія удалила этого опаснаго соперника съ европейской сцены битвъ, отправивъ его въ Египетъ,—а Англія и Австрія, рѣшась сдѣлать новую попытку, чтобъ уничтожить революцію, обратились на этотъ разъ къ Россіи, умоляя ее пристать къ коалиціи. Императоръ Павелъ, царствовавшій тогда, былъ по чувствамъ прямодушія и благородства — истинный рыцарь. Не имѣя для себя въ виду никакихъ выгодъ отъ этой войны, онъ однако же не колебался присоединить свое оружіе къ оружію союзниковъ,—единственно съ тою цѣлю,

чтобъ спасти Европу отъ нашествія демагогии, и возвратить законнымъ Государямъ отнятые у нихъ престолы. Коалиція просила у него полководца для предводительствованія союзными арміями,—и онъ имъ далъ Суворова. Это увѣряло коалицію въ побѣдѣ. Послѣдствія доказали, что изъ всехъ воюющихъ державъ Россія дѣйствовала всехъ безкорыстнѣе и великодушнѣе.

Иванъ Ивановичъ Смѣловъ, переименованный изъ гвардейскихъ поручиковъ въ капитаны, присоединился къ полку своему у границъ Моравіи, и слѣдовалъ съ нимъ въ Италію. Суворова еще не было. Хотя у него и было письмо къ Фельдмаршалу отъ отца, но онъ чувствовалъ, что только при какомъ-нибудь особенномъ случаѣ можетъ вручить его. Проситься же въ главную квартиру, для представленія одного письма, было очень странно,—а по характеру Суворова, очень нелюбившаго протекторство и фаворитизмъ на полѣ битвъ,—было бы и бесполезно. А потому, онъ оставилъ письмо при себѣ, въ ожиданіи какого-нибудь счастливаго случая, который бы представилъ ему возможность явиться къ главнокомандующему.

Вскорѣ вступили русскія войска въ Италію; прибылъ самъ Суворовъ; громкое ура! встрѣтило побѣдоноснаго вождя,—и сраженіе при Кассано было первымъ лавромъ, пожатымъ стоялъ съ своею ротою у прикрытія двухъ орудій, составлявшихъ *тет-де-понъ*, для воспрепятствованія непріятелю переправиться на этомъ пунктѣ. Хотя постъ этотъ и былъ на оконечности лѣваго крыла и не входилъ въ соображеніе плана битвы, а болѣе былъ наблюдательнымъ постомъ,—но судьба какъ бы нарочно хотѣла доставить случай Смѣлову отличиться. Во весь день все нападенія непріятеля обращены были на правый флангъ,—и почти все силы Русскихъ стянулись туда. Одинъ Суворовъ съ резервомъ не вѣрилъ этимъ яростнымъ атакамъ и не хотѣлъ двинуть туда своего резерва, не смотря на представленія австрійскихъ генераловъ.

Вдругъ сильная колонна, которой существованіе было до-тѣхъ-поръ скрыто глубокимъ оврагомъ, вышла изъ него и двинулась къ мосту, гдѣ стояла горсть Смѣлова. Два ору-

дѣя осыпали непріятелей картечью, — но Французы шли съ рѣшимостію впередъ, стѣсняя ряды свои. Суворовъ увидѣлъ это движеніе съ высоты, на которой стоялъ, и велѣлъ тотчасъ же резерву идти къ мосту, а адъютанту приказалъ скакать къ отряду Смѣлова, съ приказаніемъ защищать мостъ до-нѣльзя. Другихъ же послалъ къ ближайшимъ войскамъ, чтобъ они сѣдѣли на этотъ пунктъ.

— Доложите Фельдмаршалу, что я исполню свой долгъ — отвѣчалъ Смѣловъ, — и продолжалъ производить самый убійственный огонь. — Но силы были слишкомъ неравны. Французы съ веселыми криками: en avant! бросились въ ровъ мостоваго укрѣпленія, перебрались черезъ него и смѣло полезли на паранетъ. Смѣловъ чувствовалъ, что настала минута отступленія — и стацивъ орудія на мостъ, поставилъ ихъ на срединѣ, а самъ продолжалъ поражать непріятелей, толпами лезшихъ черезъ брустверь. Но сколько ни били ихъ штыками и прикладами, свѣжія толпы замѣняли пораженныхъ, — и вытѣсняли изъ укрѣпленія небольшую горсть Русскихъ. Построивъ ее въ густую колонну, она медленно стала отступать къ мосту и Французы съ криками торжества бросились на него. Вдругъ, скомандовавъ: стой, на штыки! она снова съ своею ротою ринулась на небольшое число Французовъ, успѣвшихъ взлѣзть на мостъ, опрокинулъ ихъ, переколотъ, вогналъ въ рѣку, и отбросилъ назадъ въ мостовое укрѣпленіе. Но тутъ число непріятелей было уже слишкомъ сильно, — и онъ опять медленно сталъ отступать къ срединѣ моста, гдѣ стояли орудія, — а Французы бросились опять за нимъ вслѣдъ. Пройдя орудія, онъ велѣлъ сдѣлать изъ нихъ еще залпъ картечью, которой губительное дѣйствіе остановило и смѣшило непріятелей. Еще разъ бросился Смѣловъ впередъ и отбросилъ ихъ въ укрѣпленіе, — но повал, сильная колонна Французовъ устремилась на мостъ, и раздавила оставшуюся горсть Смѣлова. Онъ продолжалъ тихо отступать, отвезъ орудія на противоположный берегъ — и видя, что сильная помощь летитъ уже къ нему на встрѣчу, далъ послѣдній залпъ въ непріятелей; въ послѣдній разъ бросился на нихъ съ крикомъ ура! — еще разъ отбѣснѣлъ ихъ, — но послѣ кратковременнаго боя былъ отброшенъ за мостъ.

Въ это самое мгновеніе первая русская колонна резерва ринулась на мостъ, и на штыкахъ начала отбѣснѣть Французовъ. Прискакали шесть орудій, которыя начали стрѣлять имъ во флангъ — и непріятели тихо начали отступать.

Самъ Суворовъ подлѣхалъ къ мосту — и спросилъ: живъ ли офицеръ, командовавшій постомъ? — Ему представили Смѣлова.

— Славно дрался, помилуй Богъ, — славно! сказалъ ему Суворовъ. Какъ тебя зовутъ, милый храбрецъ мой?

— Капитанъ Смѣловъ! — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Ты стоишь своей фамиліи! — сказалъ фельдмаршалъ. А какого Смѣлова? Ужъ не Ивана ли Ивановича?

— Его сынъ, ваше сіятельство... отвѣчалъ Смѣловъ — и тотчасъ же вынувъ изъ кармана письмо отца, которое всегда съ собою носилъ, подаль ему.

— Чтò это?

— Отецъ далъ мнѣ письмо къ вашему сіятельству, — но я не хотѣлъ явиться прежде, нежели не заслужу этой чести въ какомъ-нибудь сраженіи.

— Хорошо! молодецъ! хватъ! — Не правда ль, господа, — сказалъ онъ окружающимъ генераламъ, — что это самый новый способъ и новое мѣсто для отдачи писемъ. Ну, дружокъ, теперь читать некогда, а ввечеру приходи ко мнѣ, поговоримъ. Теперь иди отдохни, ты довольно поработалъ.

— Позвольте ваше сіятельство, примкнуть съ моею ротою къ этой колоннѣ, — сказалъ Смѣловъ.

— А много ли, братецъ, осталось въ твоей ротѣ?

Смѣловъ оглянулся. У него осталось только десять человѣкъ.

— Сто человѣкъ, ваше сіятельство! — отвѣчалъ Смѣловъ.

— Какъ сто? что у тебя за счетъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Каждый изъ моихъ солдатъ сражался за десятерыхъ, — такъ этихъ остальныхъ десять человѣкъ, я и считаю за сто.

— Умень! помилуй Богъ, умень. Ну, а сколько противъ тебя было непріятелей?

— Русской считаетъ ихъ только послѣ побѣды.

— Спасибо, спасибо. Побереги же однако своихъ де-

сять молодежь, — да подбери раненыхъ. За каждого изъ нихъ тебѣ особое спасибо. А теперь поздравляю майоромъ. — Радъ стараться—и умереть...

Но уже Суворовъ не слышалъ его отвѣта, и поспекалъ на возвышеніе, чтобъ видѣть дальнѣйшій ходъ дѣла.

Побѣда была одержана — и ввечеру Смѣловъ явился къ Суворову. Тотъ его обнялъ и сказалъ:

— А я ужъ читалъ письмо отца твоего... Знаешь ли ты, что онъ былъ моимъ начальникомъ?... Добрый былъ человекъ, очень добрый, нынче мало такихъ. Очень радъ, что познакомился съ тобою. Яблоко падаетъ не далеко отъ дерева. Ты пойдешь весь по отцу. Очень радъ, очень радъ... А все таки странно, что ты не хотѣлъ прежде доставить мнѣ этого письма.

— Можетъ быть вашему сятельству показалось бы, что я ищу протекцію и награду безъ заслугъ. А я хочу грудью получать то, что украшаетъ нашу грудь.

— Умень, помилуй Богъ, умень!—Служи и сражайся какъ сегодня, — и грудь твоя будетъ изукрашена всѣмъ, что намъ дорого и свято. Только, пожалуста, дружокъ, берегай солдатиковъ. Тебѣ дадутъ баталіонъ, тамъ послѣ полкъ, а тамъ пожалуй и цѣлый корпусъ; худо, милый, какъ будетъ оставаться у тебя всякой разъ, какъ сегодня, по десяти человекъ.

— Вы приказали защищать позицію до нельзя,—и я исполнилъ свой долгъ. Не осталось бы и тѣхъ, если бы вы сами не поспешили на выручку.

Обласканный Суворовымъ, Смѣловъ возвратился отъ него въ полкъ,—и явился къ своему полковнику, для донесенія ему объ этомъ свиданіи.

Полковникъ этотъ, Семенъ Михайловичъ Лебедевъ, былъ старикъ лѣтъ пятидесяти пяти. Необходительный и суровый, онъ вообще не любимъ былъ окружающими его, потому что кромѣ службы ничего знать не хотѣлъ. Въ лагерь ли, на бивакахъ ли, на кантоширквартирахъ, или въ завоеванномъ городѣ, онъ всегда стоялъ одинъ,—и иначе какъ съ рапортами по службѣ, никого къ себѣ не принималъ. Ни обѣдать, ни чай пить никого изъ офицеровъ не приглашалъ; самъ ни къ кому не ходилъ—и только во фронтѣ ви-

дѣть своихъ подчиненныхъ. Никому и ни въ чемъ не отзывалъ снисхожденія, или протекціи, и не любилъ, чтобъ ему ктонибудь рекомендовалъ какого-нибудь офицера. Однимъ словомъ это былъ человекъ который жилъ для одной службы, а не для общества. Впрочемъ, денщики и прислуга отзывались о немъ хорошо. Когда онъ былъ одинъ, то никогда не сердился, не кричалъ, даже бывалъ веселъ и доволенъ самъ собою. Но за то при посѣщеніяхъ всегда почти бывалъ суровъ—приговаривая ко всему: *удивительно-сѣ!*

Смѣлова не полюбилъ онъ съ перваго взгляда. Гвардіи поручикъ, переименованный въ капитана, казался ему—бальонемъ фаворитизма. Онъ его принялъ очень сухо и холодно, ожидая что у него множество рекомендательныхъ писемъ, и что Смѣловъ, какъ столичный житель, будетъ около него увиваться и ласкаться, звать на обѣды, на вечеринки, давать балы. Какъ же удивился онъ, когда увидѣлъ, что капитанъ былъ почтителемъ и холодецъ, также одинокъ всегда, какъ онъ самъ, не искателемъ, не любезенъ и не привезъ никакой протекціи! Онъ началъ обходиться съ нимъ строже и суровѣе прочихъ; былъ взыскательнѣе къ нему,—но тотъ все терпѣливо переносилъ, съ точностію исполнялъ свой долгъ,—и былъ по прежнему мраченъ, молчаливъ и одинокъ. Это поразило его, — и когда началась настоящая кампанія, — онъ уже сталъ къ нему гораздо снисходительнѣе.

Когда послѣ сраженія онъ явился къ нему и привелъ ему назадъ десять человекъ, донесъ ему обо всемъ случившемся, Семенъ Михайловичъ дождалъ до того, что сказалъ ему:

— Благодарю васъ, капитанъ. — Каждый Русскій долженъ такимъ образомъ исполнить свой долгъ. Еще разъ благодарю васъ, какъ начальникъ и какъ соотечественникъ. Вы приносите честь моему полку.

Сказавъ это, онъ повернулся и пошелъ. Такъ много и такъ ласково онъ никогда не говаривалъ. Когда же Смѣловъ остановилъ его, и сказалъ, что долженъ явиться въ главную квартиру, полковникъ кивнулъ ему головою въ

знакъ согласія, прибавя, чтобъ онъ оттуда явился къ нему въ какомъ бы то ни было часу, и донесъ объ этомъ свиданіи.

Онъ въ точности исполнилъ это приказаніе, — и Семень Михайловичъ, по окончаніи разсказа, спросилъ его:

— Почему же вы, капитанъ, не воспользовались милости-вымъ къ вамъ расположеніемъ Фельдмаршала и не попросили остаться при главной квартирѣ? Это бы вамъ было выгодно, чѣмъ служить въ моемъ полку.

— Служба вездѣ одинакова, г. полковникъ, — отвѣчалъ Смѣловъ: лишь бы ее исполнять съ честію. Выгодъ по службѣ я другихъ не ищу, какъ съ пользою пожертвовать Царю и отечеству моею жизнію. — Спокойная ночь, г. полковникъ. Больше никакихъ приказаній не будетъ?

Вмѣсто отвѣта, Семень Михайловичъ кивнулъ головою, что означало, что Смѣловъ можетъ идти... Вдругъ у самыхъ дверей онъ его воротилъ и сказалъ:

— Зайдите г. капитанъ, къ полковому адъютанту, и скажите ему отъ меня, чтобъ онъ въ завтрашнемъ приказѣ полку отдалъ, что вы назначаетесь впредь до распоряженія начальства отправлять должность младшаго штаб-офицера.

Съ этого дня Семень Михайловичъ сталъ гораздо ласковѣе къ Смѣлову, который однако же отъ этого ни мало не перемѣнился. Да и что ему было за дѣло до чьей либо дружбы, до чьего либо расположенія? Онъ пріѣхалъ въ армию для того, чтобъ умереть. Какъ хорошій христіанинъ, онъ не хотѣлъ ничѣмъ ускорить своей смерти, — но все же надѣялся, что какая-нибудь услужливая пуля прекратитъ его страданія. Онъ только переписывался съ отцемъ, — а о Григорѣ и молодой женѣ его и знать ничего не хотѣлъ. Онъ не питалъ къ нимъ ни малѣйшей ненависти, — но и рана сердца его была еще слишкомъ свѣжа, чтобъ касаться до нея. Онъ любилъ сильно, глубоко, — и думалъ быть любимымъ. Только наканунѣ почти напечатлѣлъ онъ на пылающей щекѣ Надиньки поцалуй жениха, — и та приняла его, какъ равно благословеніе отца своего, — а въ это самое время обманывала его: — любила другаго.

Черезъ нѣсколько времени произошло знаменитое трехдневное сраженіе при Требиі, — и современный военный писатель Жомини сказалъ о ней, что съ обѣихъ сторонъ числительная сила войскъ была равна, одушевленіе — равное, потребность побѣдить — одинаковая, взаимное ожесточеніе — въ совершенно-равной степени, однимъ словомъ, все было равно, кромѣ полководцевъ: Суворова и Макдональда. Борьба была ужасная, жестокая, упорная. Три дни продолжалась она. Рѣка Требія раздѣляла сражавшихся, — но по мелководію ея въ лѣтніе жары войска безпрестанно черезъ нее переходили. Наконецъ Русскіе побѣдили — и съ этой минуты моральный духъ республиканскихъ войскъ упалъ. До-тѣхъ-поръ Европа трепетала новой ихъ тактики, и почитала ихъ непобѣдимыми. Теперь нашлись имъ достойные соперники, которые могучею своею грудью не только отразили бѣшенныя порывы демагоговъ, но поразивъ ихъ, лишили даже нравственной самонадѣянности, руководившіи ими на поляхъ битвъ.

Въ эти кровавые три дни Смѣловъ съ полкомъ своимъ выдерживалъ самыя жестокіе напоры непріятелей. Суворовъ, объѣзжавшій безпрестанно поле сраженія, вездѣ лично одушевлялъ войско — и нѣсколько разъ подбѣждалъ къ полку Лебедева, разговаривалъ съ Смѣловымъ и хвалилъ за новые опыты мужества, оказанные въ эти дни. Наконецъ въ третій и рѣшительный день прибыла небольшая помощь къ Французамъ, и эта горсть свѣжаго войска начинала давать въ одномъ мѣстѣ нѣкоторый перевѣсъ непріятелю. На подкрѣпленіе этого пункта былъ посланъ ближайшій къ нему полкъ Семена Михайловича. Эта помощь только на самое короткое время возстановила равновѣсіе — и всѣ чудеса храбрости, оказанные этимъ полкомъ, послужили только ко взаимному истребленію людей. Полкъ совершенно перемѣшался съ непріателемъ. Это была гомеровская единоборственная битва. Наконецъ прибытіе еще одной свѣжей резервной роты къ непріятелю, дало ему перевѣсъ. Полкъ Лебедева былъ оттѣсненъ. Самъ Семень Михайловичъ былъ раненъ пулею въ плечо и двумя штыками въ грудь. Онъ упалъ — и кричалъ Смѣлову: Г. маіоръ (онъ дѣйствитель-

но произведенъ былъ въ это время, согласно общанію Суворова)—спасайте остальную часть полка и честь его!

— Ребята! вскричалъ Смѣловъ солдатамъ. Кто истинно Русской и христіанинъ,—спасай полковника!... Неужели мы его оставимъ въ рукахъ супостатовъ?

Твердою ногою сталъ онъ передъ раненымъ Лебедевымъ, и вскорѣ около него составила плотная стѣна остальныхъ воиновъ. Напрасно нападали на нихъ яростные Французы, напрасно предлагали Смѣлову пощаду: отвѣтомъ имъ были удары штыковъ и прикладовъ. Вынести полковника небыло ни какой возможности изъ этого побоища, потому что горсть Русскихъ была со всѣхъ сторонъ окружена и обрекла себя на смерть. Французы, видя съ какимъ отчаяннымъ ожесточеніемъ защищаютъ какого-то раненнаго и лежащаго начальника, вообразили себѣ, что это кто-либо изъ главнѣйшихъ генераловъ союзной арміи, а можетъ-быть и самъ Суворовъ. Они удвоили усилія, чтобъ отбить его, но Смѣловъ стоялъ передъ нимъ какъ стѣна; кровь струилась у него изъ нѣсколькихъ ранъ, — но онъ продолжалъ одушевлять своихъ солдатъ и защищать полковника.

Наконецъ въ ту самую минуту, какъ Смѣловъ, ослабѣвшій отъ потери крови, ощутилъ шпагу, и хотѣлъ унасть подлѣ своего полковника, чтобъ вмѣстѣ умереть, явился свѣжій, резервный русскій баталіонъ, — и въ одно мгновеніе непріятель былъ смятъ, опрокинутъ, разбитъ, истребленъ.

Побѣда была окончательно одержана. Суворовъ вслѣдъ объѣзжалъ, всѣхъ благодарилъ. Онъ подѣхалъ и къ полку Семена Михайловича, — но тутъ некого было и благодарить. Увидя Фельдмаршала, Смѣловъ приподнялся и закричалъ:

— Ура, ваше сіятельство! — Побѣда! — Мы исполнили своей долгъ!

Сказавъ это, онъ упалъ. Суворовъ велѣлъ тотчасъ же перенести Лебедева и Смѣлова въ ближайшую хижины, и послалъ имъ своего доктора. Раны полковника оказались опасными и требующими долговременнаго леченія; Смѣловъ же, хотя весь покрытъ былъ ранами, но всѣ онѣ были неопасны. Только потеря крови могла произвести опасную бо-

лезнь, и потому состояніе его требовало еще бдительнѣйшаго присмотра. — Когда Суворову донесли объ этомъ, онъ далъ имъ отпускъ до излеченія, и оставилъ при нихъ безсѣбно врача.

Черезъ недѣлю можно было уже перенести ихъ на санкахъ въ ближайшій городокъ. Тамъ они пролежали мѣсяць — и здоровье ихъ до того укрѣпилось, что докторъ велѣлъ ихъ перевезти въ Инсбрукъ, гдѣ они и пребыли всю зиму 1799 года.

Кампанія была уже кончена — и безъ нихъ. Русскія войска возвратились въ Россію.

Полковникъ Лебедевъ былъ произведенъ въ генерал-майоры, а Смѣловъ въ подполковники.

Настала весна, — и докторъ окончательно совѣтовалъ имъ провести хорошее время года гдѣ-нибудь на водахъ Германіи, а къ осени уже ѣхать обратно въ Россію. Оставалось рѣшить, куда именно отправиться.

Съ кроваваго дня сраженія при Треби эти два человѣка подружались самымъ необыкновеннымъ образомъ. Черта великодушія, съ какою Смѣловъ защищалъ тогда Лебедева тронула послѣдняго до глубины души. Ледяная кора, прикрывавшая его сердце, растаяла, и онъ такъ полюбилъ Смѣлова, что старался по взорамъ его угадывать малѣйшія его желанія, ходилъ за нимъ какъ за ребенкомъ, спрашивался во всемъ его мнѣніи. И теперь, когда надобно было, по совѣту врача, ѣхать на германскія воды, онъ обратился къ Смѣлову и спросилъ его:

— Куда же мы поѣдемъ, любезный Иванъ Ивановичъ?

— Куда хотите, — мнѣ все равно, — отвѣчалъ Смѣловъ всегданнимъ своимъ печальнымъ тономъ.

— Хорошо, если бы вамъ въ-самомъ-дѣлѣ все-равно было, — сказалъ Семенъ Михайловичъ. — Тогда бы я могъ везти васъ туда, гдѣ бы мнѣ хотѣлось быть.

— Что жъ мѣшаетъ? Мнѣ дѣйствительно совершенно все-равно.

— Дайте же руку, любезный Иванъ Ивановичъ. Вы меня этимъ обязали самымъ пріятнымъ образомъ. Это было истинно дружескій поступокъ...

— Да помилуйте! тутъ съ моей стороны нѣтъ ни малѣйшей жертвы. Я готовъ ѣхать хоть на полюсъ, если это вамъ угодно. Моя забота вся въ томъ, чтобъ какъ можно долѣе не возвращаться на родину.

— Что это значить? Вы ли это говорите?

— Не удивляйтесь, Семенъ Михайловичъ. Тѣлесныя мои раны зажили, но душевныя вылечить развѣ одна могила, — или время....

— Понимаю. Вы имѣли какія-нибудь несчастія.... Да! Вы всегда были такъ угрюмы, печальны, уединенны....

— Да! Мы съ вами представляли въ полку довольно странное зрѣлище, — сказалъ Смѣловъ съ легкою улыбкою. — Вѣдь и вы были такого же нрава.

— О! у меня совсѣмъ другое дѣло! У меня привычка! — Я нарочно не хотѣлъ никогда дружить съ подчиненными, чтобъ имѣть право всегда требовать по службѣ, — и знаю, что меня за это всѣ не любили. Только вы одни могли поступить такъ великодушно, защищая меня при Треби, съ такимъ удивительнымъ мужествомъ....

— Всякій офицеръ на моемъ мѣстѣ тоже бы сдѣлалъ.... Послѣ знамени, начальникъ всего дорожке и священнѣе для подчиненнаго.... При томъ же я долженъ вамъ сознаться, что въ моей храбрости и великодушіи не было ни малѣйшаго достоинства. Я просто искалъ смерти....

— Боже мой! — вскричалъ Лебедевъ. — Неужели вы, Иванъ Ивановичъ, потеряли такія ужасныя несчастія?... Послушайте! Ужъ вѣрно не пустое любопытство говорить во мнѣ, — нѣтъ, а самое искреннее и живое участіе. Какъ бы вы ни были расположены ко мнѣ, я во всю жизнь не буду имѣть никого, къ кому бы былъ такъ привязанъ, какъ къ вамъ. Расскажите же мнѣ свои несчастія. Говорятъ, что чувство это облегчается, какъ скоро оно передано другому.

— Не думаю, — а рассказать готовъ. Вы оказали мнѣ столько знаковъ дружбы и участія, что я не могъ бы прогнать и простому любопытству.

Тутъ онъ рассказалъ ему все свое прошедшее.

— Да! — сказалъ Семенъ Михайловичъ, по окончаніи разсказа. — Вы испытали очень непріятныя минуты въ жизнь. Но искренно скажу, что не вижу еще причины вознена-

видѣть за это жизнь и все человѣчество. Ошиблись въ одномъ существѣ, — и значить всѣ остальные на свѣтѣ не годятся. Это несправедливо. И я увѣренъ даже, что теперь, по прошествіи года, это чувство ослабѣло въ васъ....

— Да! сознаюсь и въ этомъ. Я воображалъ, что мнѣ надобно непременно умереть послѣ этого, — а теперь чувствую даже удовольствіе, вылечась отъ ранъ. Тоска такъ же тѣснитъ сердце, когда вспоминаю обо всемъ случившемся; но я уже начинаю думать, что эти люди больше слабы, нежели виновны. Мнѣ даже кажется, что я въ состояніи простить имъ....

— Видите ли, что я правъ, любезный Иванъ Ивановичъ. — О! время поправляетъ многое, — и всѣ наши земныя несчастія проходятъ съ нимъ.... Теперь надобно же и мнѣ рассказать вамъ, отчего я такъ радъ, что вамъ все-равно куда бы ни ѣхать на-воды. Я недавно получилъ письмо отъ своихъ.... Да! вѣдь вы не знаете и этого: у меня есть *свои*! У меня есть добрая сестра Ольга Михайловна, у меня есть прекрасная дочь Лиза, у меня была жена, лучшее и добрѣйшее созданіе, — но Богъ ее взялъ, — и я перенесъ это несчастіе какъ христіанинъ. Вотъ всѣ *мои*! Сестра у меня теперь вмѣсто матери для моей Лизы, — и дай Богъ, чтобъ она долго могла быть при ней. Но съ вѣкотораго времени бѣдная моя Ольга все хвораетъ, слабѣетъ и вотъ наконецъ, по совѣту врачей, поѣхала она на воды въ Германию. Съ нею вмѣстѣ и дочь моя. Мнѣ даже прислали портретъ Лизы.... хотите взглянуть?

Семенъ Михайловичъ вынулъ изъ бумажника миниатюрный портретъ и подаль его Смѣлову. Вѣроятно живописецъ украсилъ его противъ оригинала, потому-что на портретѣ была дѣвушка чудной красоты, съ голубыми, темными глазами, свѣтло-каштановыми волосами, роскошною шеєю и удивительно стройнымъ станомъ. Смѣловъ грустно вздохнулъ, вспомя о своей Надинкѣ, — и однако же долженъ былъ сознаться, что если Лиза Лебедева дѣйствительно похожа на свой портретъ, то красота ея превосходитъ даже и красоту Надиньки.

— Вы, вѣрно, думаете, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ генералъ, — что живописецъ подѣлалъ моей Лизѣ? Нѣтъ! увѣ-

рю васъ, что она гораздо лучше. На портретѣ нѣтъ того выраженія доброты, которая составляетъ главную черту ея характера.... Впрочемъ, — вѣдь это говоритъ отецъ.... Нельзя ему вѣрить.... Вотъ приѣдемъ въ Теплицъ, такъ сами увидите....

— Въ Теплицъ! — со страхомъ вскричалъ Смѣловъ.

— Да! что жъ васъ такъ пугаетъ?...

— О! вы не знаете.... Да! я вѣдь я вамъ рассказывалъ.... Братъ Григорій—и Наденька послѣ свадьбы своей поѣхали въ Теплицъ....

— Ну такъ что жъ? — Они не будутъ вѣдь тамъ жить весь свой вѣкъ. Они ужъ, вѣрно, давно опять въ Петербургъ. Подобнымъ людямъ дужна столица и развлеченія.... Повѣрьте мнѣ, что съ романтической ихъ страсти не останется теперь ничего, кромѣ угрызенія совѣсти,—да и въ этомъ я сомнѣваюсь. Повѣрьте, что они не будутъ долго жить на одномъ мѣстѣ.... А впрочемъ, любя васъ отъ всей души, я бы даже желалъ, чтобъ вы сошлись съ ними гдѣ-нибудь въ Германіи, а не въ кругу нашего столичнаго общества. Здѣсь бы вы увидѣли ихъ въ настоящемъ ихъ быту, а тамъ все дѣлается условно. Еще разъ увѣрю васъ; посмотрите на нихъ,—и вы перестанете грустить.

— Я уже сказалъ вамъ, что пойду куда вамъ угодно, — отвѣчалъ Смѣловъ.—Извините, что первая минута заставила меня вскрикнуть. Когда до незажившей раны дотронешься чѣмъ-нибудь, то всегда больно. Но вы правы. Гораздо лучше, если я даже и сойду съ ними. Поѣдемте.

Лебедевъ обнялъ его, — и черезъ нѣсколько дней они отправились въ Теплицъ.

ГЛАВА V.

Т Е П Л И Ц Ъ .

Кто не знаетъ прелестнаго мѣстоположенія Теплица? Сочиненіе путешественниковъ уже описали его, тысячи посѣтителей рассказали о немъ. Въ то время, какъ происходило дѣйствіе нашего разсказа, Теплицъ не имѣлъ еще нѣмнѣшняго комфортабельнаго состоянія, но за-то дикія, первобытныя красоты его были еще привлекательнѣе всѣхъ теперешнихъ удобствъ, порожденныхъ спекуляціею. Любители изящнаго говорятъ, что природу надобно всегда украшать искусствомъ. Можетъ-быть! Но, право, — тогда уже это не будетъ природа.

На восточной сторонѣ Теплица, почти уединенно отъ прочихъ, стоялъ домикъ самой красивой наружности. Въ немъ поселилась русская путешественница Ольга Михайловна Семеновская съ молодою своею племянницею Елизаветою Семеновною Лебедевой. Бѣдная женщина страдала грудною болѣзнію, — и ее отправили на теплыя воды, надѣясь болѣе на климатъ и природу, нежели на врачевныя свойства водъ.

На водахъ очень скоро знакомятся. Всѣ полюбили этихъ двухъ путешественницъ, и не составлялось ни одной общей прогулки, въ которую бы ихъ не приглашали. Разумѣется болѣею частию одна племянница участвовала въ нихъ, потому-что болѣзнь тетки не позволяла ей лазить по горамъ. И не смотря на всю свою материнскую попечительность, она безъ опасенія отпускала свою Лизу повсюду, потому-что во всемъ обществѣ съѣхавшихся на воды не видѣла ни одного лица, ни одного взгляда, которые бы навели на нее какое-нибудь безпокойство. Дѣйствительно, какъ ни прелестна была Лиза, какъ ни осыпали ее комплиментами, но не было ни одного мужчины, который бы простиралъ ви-

ды на пустое волокитство, оскорбляющее невинность и унижающее самого мужчину.

Так прошел мѣсяцъ, — и Ольга Михайловна съ Лизою сдѣлались душою и украшеніемъ теплицкаго общества. Она часто писала къ брату своему, генералу Лебедеву, — и тотъ наконецъ увѣдомилъ ее, что скоро къ нимъ будетъ вмѣстѣ съ лучшимъ своимъ другомъ и избавителемъ, подполковникомъ Иваномъ Ивановичемъ Смѣловымъ. Разумѣется еще въ прежнихъ письмахъ описывалъ онъ имъ этого добраго и великодушнаго человѣка. Обѣ женщины, не видѣвъ еще Смѣлова, безъ памяти его любили, тронутыя высокимъ его подвигомъ при Требѣн, спасшимъ жизнь ихъ брата и отца. Можно вообразить себѣ, съ какою радостію они получали извѣстіе о скоромъ ихъ прибытіи, — и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали ихъ! Но какъ они тихо бѣжали, то надобно было еще ждать недѣли двѣ.

Въ это время общество водъ вздумало однажды предпринять большую прогулку по горамъ, — и Лиза отправилась со всѣми. Мужчины были верхами, а дамы, въ коляскахъ и тележкахъ. Приѣхавъ въ горы, оставили экипажи у подошвы, и все общество пѣшкомъ пошло по этимъ цвѣтуцкимъ и живописнымъ крутизнамъ. У всякаго были въ узелкѣ какіе нибудь припасы, — и когда остановились на одной изъ вершинъ, то составилъ самый веселый и обильный обѣдъ.

Окончивъ его, всякому было уже легче идти безъ узелка, — и всѣ рѣшили, что поднявшись еще горы на двѣ, они спустятся отсюда по направленію къ той долинѣ, гдѣ стоятъ экипажи, и усѣвшись воротятся опять въ Теплицъ. При отправленіи этомъ, никто и не замѣтилъ, что на юго-западномъ горизонтѣ накаплиются тучи, медленно подвигающіяся къ горамъ.

Всѣ разбрелись. Лиза была въ сотовариществѣ двухъ почтенныхъ дамъ, сопровождаемыхъ однимъ кавалеромъ. Занятые всѣ самою веселою бесѣдою, они нечувствительно поднялись на вершину высокой горы, изрытой по склонамъ своимъ разными расѣлинами и пропастями. Тутъ отдохнули они немного подъ тѣнью нѣсколькихъ деревьевъ, и встрѣтятся съ другими товарищами отправились взглянуть на весь окрестный ландшафтъ съ безлѣсной оконечности горы.

Всѣ собрались туда, — и дѣйствительно, видъ былъ великолѣпный... Но въ тоже время другой видъ очень обезпокоилъ ихъ. Уже третья часть горизонта обхвачена была чернопепельною тучею, надвигающеюся на вершины горъ. Тамъ, гдѣ путники стояли, было тихо, и свѣтило еще солнце, но вдали видно было, что сильный вихрь крутитъ уже пыль и ломаетъ деревья. Раздался отдаленный раскатъ грома, — и всѣ со страхомъ взглянули между-собою. Мужчины стали успокоивать дамъ, хотя и сами не очень были спокойны. Рѣшили ускорить обратное шествіе съ горы, — но, какъ водится, всякой выхвалялъ свою дорогу и не хотѣлъ идти по другой, кромѣ той, по которой поднимался, потому-что она казалась ему знакомѣе. Медлить было опасно, — и всѣ разошлись въ разныя стороны, условясь только, чтобъ какая бы ни была погода, подождать другъ друга въ экипажахъ, для удостовѣренія, что всѣ безопасно сошли.

Лиза отправилась опять съ прежними своими двумя спутницами и однимъ кавалеромъ, — но едва успѣли они сойти около третьей части горы, какъ вдругъ разразился надъ ними ужаснѣйшій дождь и буря. На минуту остановились они подъ купою деревъ, въ надеждѣ, что эта мимолетная туча скоро пройдетъ, — но простоявъ съ часъ, они увидѣли, что надежды ихъ напрасны. Оставаться подъ деревьями нельзя было долѣе. Дождь, пробившись сквозь листья, еще обильнѣе орошалъ спрятавшихся подъ деревьями. Темнота увеличивалась, громъ усиливался, молніи раздробляли въ щепы столѣтніе дубы. Пустились внизъ на авось. Тропинки исчезли. Поминутно надобно было останавливаться, потому-что расѣлины и бездны встрѣчались на каждомъ шагу, — и каждый разъ мужчина долженъ былъ отправляться сперва одинъ для отысканія дороги, а потомъ уже воротиться и вести дамъ.

Такъ достигли они до половины. Вечеръ уже стемнѣлъ, и только блескъ молній освѣщалъ окружающіе предметы. Вдругъ она молнія освѣтила передъ ними обвалъ горы, на краю котораго они стояли. Всѣ вскрикнули. Мужчина опять отправился на обходъ. Обвалъ видимо долженъ былъ быть

большой. Условились подавать другъ другу голоса, чтобъ не заблудиться. Но черезъ пять минутъ голоса ушедшаго мужчины не было уже слышно. Оставшіяся женщины рѣшились тогда сами подвигаться вдаль окраины обвала, чтобъ не терять голоса мужчины, — но скорѣй голосъ этотъ все-таки замолокъ. Обѣ женщины растерялись и пришли въ отчаяніе. Лиза была бодрѣ ихъ всѣхъ и предложила идти впередъ одна, по направленію обвала, съ тѣмъ чтобъ и по-други ея подвигались по этому же пути.

Бодро и спокойна пошла она, всматриваясь въ тропинки и направленіе обвала; часто подавала голосъ и долго слышала отклики подругъ своихъ. Но наконецъ все замогло, потому-что вой бури и трескъ грома заглушалъ все. Нѣсколько времени шла она еще впередъ, но или оттого, что она непримѣтно подалась въ сторону, или окраина бездны сдѣлала вдругъ крутой поворотъ, — вдругъ, при блескѣ молніи она очутилась на самомъ краю обвала. Съ ужасомъ вскричала она и отступила. Въ это самое мгновеніе послѣдовалъ новый, ужасный ударъ грома, — и молнія, клубясь спустилась на вершину того самаго дерева, подъ которымъ Лиза стояла. Она испустила новый ужасный крикъ, голова ея закружилась; ей показалось, что молнія поразила ее; машинально сдѣлала она еще шагъ впередъ, нога ея скользнула на краю пропасти, раздался еще раздражающій крикъ, и она упала....

Гибель ея была неизбежна.... Но на самой окраинѣ обвала росли густые кустарники; она скатилась на нихъ, упала ногами въ крѣпкія вѣтви, которыя и остановили ея паденіе. Еще на мгновеніе она ономнилась, увидѣла ужасное свое положеніе, молнія освѣтила бездну, надъ которой она висѣла.... Надъ головою показалось въ эту минуту какое-то существо съ ружьемъ, простиравшее къ ней руки свои, — и она лишилась чувствъ.

Дѣйствительно, какой-то охотникъ, тоже настигнутый грозой въ дѣсу, но вовсе не беспокоившійся объ этомъ, потому-что хорошо зналъ всѣ дорожки по горамъ, услышавъ съ разныхъ сторонъ раздававшіеся оклики. Онъ наудачу пошелъ по направленію одного голоса, и очутился у Лизы въ то самое мгновеніе, какъ она погибала. Конечно, еслибъ

кустарникъ окраины не остановилъ ее, то помощь его ни къ чему не послужила бы, — но теперь ему легко было вытащить ее оттуда.

Тяжесть была не велика. Онъ легко приподнял ее, на минуту положилъ на траву, чтобъ привести въ чувство и при блескѣ молніи, всматривался въ прелестное ея лицо.

— Боже мой! какъ она хороша! — сказалъ онъ. Что же мнѣ теперь съ нею дѣлать? Тамъ у подошвы горы я видѣлъ экипажи. Вѣрно она принадлежитъ къ этой компаніи... Но во первыхъ, я не въ силахъ буду донести ее туда, — а во-вторыхъ мнѣ бы и не хотѣлось такъ скоро разстаться съ такимъ чудомъ красоты. Постой! здѣсь близко хижина дѣсовщика Готлиба, я у него и безъ того часто бываю... Туда я могу отнести эту прелесть....

Тутъ онъ подхватилъ Лизу къ себѣ на-руки, какъ ребенка, и понесъ ее по знакомой ему дорожкѣ, испытывая иногда пощалуями своими: не пришла ли она въ чувство.

Скоро она опомнилась, открыла глаза и нѣсколько секундъ не могла понять, чтѣ съ нею дѣлается.

— Гдѣ я? — спросила дѣвушка.

Охотникъ при этомъ вопросѣ испустилъ радостный крикъ. Вопросъ былъ сдѣланъ по-русски, — и охотникъ отвѣчалъ ей съ нѣжностію на томъ же языкѣ:

— Въ рукахъ друга и соотечественника, который сейчасъ принесетъ васъ въ теплое и безопасное убѣжище....

— Позвольте, позвольте... Благодарю васъ; только опустите меня.... я пойду....

И она сдѣлала быстрое усиліе, чтобъ освободиться изъ рукъ его. Попеволѣ выпустилъ онъ ее, но схватилъ за руку и повелъ.

— Напрасно вы не позволили мнѣ донести васъ, — сказалъ онъ. — Вы гораздо легче моего ружья. Мнѣ было вовсе не тяжело; напротивъ, я былъ счастливъ съ такою прелестною пошею....

Лиза ни слова не отвѣчала. Она еще впервые слышала подобный языкъ. Она вздрогнула, вспомнивъ, что этотъ человекъ несъ ее на рукахъ.

— Куда же мы идемъ? — спросила она его черезъ нѣсколько минутъ.

— Здѣсь есть по близости домикъ форстмейстера, — отвѣчалъ охотникъ. Вы отдохнете тамъ и осушитесь, — а потому я провожу васъ до Теплица, — потому-что вы, вѣрно, оттуда.

— Точно такъ. Насъ поѣхало большое общество на прогулку, — но буря застала насъ, и разлучила. Я вдругъ очутилась на краю бездны.... Ударилъ громъ, — и мнѣ показалось, что я полетѣла въ нее.... Но вѣрно это былъ обморокъ....

— Нѣтъ! я дѣйствительно нашелъ васъ въ самой безднѣ.... Но только какимъ-то чудомъ ваши ноги уперлись въ кустарникъ во-время паденія, и вы остановились. Я видѣлъ ваше паденіе, бросился туда, — и вытащилъ изъ пропасти. Только вы были все безъ чувствъ.... И не мудрено! Это должно быть очень неприятная минута, когда летишь въ черную пропасть. Я взялъ васъ на руки и понесъ, какъ ребенка.... Вы такъ легки, что я бы съ радостію снесъ васъ на край свѣта, и такъ прелестны, что обошелъ бы съ вами весь шаръ земной....

Тихо освободила Лиза руку свою изъ руки охотника. Какъ ни благодарна она ему была, за свое спасеніе, — но языкъ его оскорблялъ ея слухъ и нѣжность чувствъ. Охотникъ понялъ это и сдѣлался осторожнѣе. Онъ началъ съ нею самый обыкновенный разговоръ, — и они скоро пришли въ домикъ лѣсничаго.

Тотъ принялъ ихъ съ германскимъ своимъ простодушіемъ — и объявилъ, что тоже слышалъ много окликовъ по горамъ и уже отправилъ всѣхъ своихъ служителей съ фонарями, чтобъ отыскивать заблудшихся.

— Но ни одного сюда не привели еще, — сказалъ онъ. — Вѣрно всѣ просили проводить ихъ до экипажей, которые я видѣлъ у восточной подошвы.

— Да! если бъ я смѣла просить и меня туда же проводить, — сказала Лиза.

— Зачѣмъ же? отдохните, согрѣйтесь, обсушитесь, — отвѣчалъ охотникъ, — и завтра поутру я васъ отвезу въ Теплицъ.

— Очень благодарна вамъ, — только повторяю свою убѣдительнѣйшую просьбу отвести меня къ экипажамъ. Ме-

ня будутъ ждать, безпокоиться обо мнѣ.... Васъ я не смѣю безпокоить, — прибавила она, обращаясь къ охотнику. Вамъ я и такъ уже много благодарна, — и если вы сдѣлаете милость пожаловать къ намъ въ Теплицъ, — то тетинька моя будетъ рада познакомиться съ моимъ избавителемъ. Теперь же, г. форстмейстеръ, вѣрно, не откажетъ мнѣ въ этой услугѣ, чтобъ приказатъ проводить меня до экипажей.

— Съ величайшею охотою, — отвѣчалъ лѣсничій, — только предложу вамъ вотъ еще что. Переодѣньтесь въ сухое платье жены моей. Вы всѣ мокры, — и это можетъ разстроить ваше здоровье. Завтра же я пришлю къ вамъ въ Теплицъ ваше платье, — а вы возвратите мое....

Лиза согласилась, — и уйдя въ другую комнату, тотчасъ же переодѣлась съ помощью доброй жены лѣсничаго. Въ это время охотникъ уговорилъ Нѣмца, чтобъ онъ позволилъ ему проводить дѣвушку до экипажей и завтра отвезти ей платье.

Когда Лиза воротилась, ей объявили объ этомъ новомъ условіи, — и она принуждена была согласиться на него. Правда, ее нѣсколько пугалъ смѣлый языкъ русскаго ея провожатаго, — но успѣвъ уже разглядѣть его, она нашла, что это очень красивый, молодой мужчина, который, разумѣется, принадлежалъ къ образованному классу общества, — тѣмъ болѣе, что въ то время путешествіе за границу могли предпринимать только богатые люди.

Снабженные фонаремъ, отправились они, — и какъ охотникъ ни добивался теперь позволенія взять ее подъ руку, чтобъ вести, — но Лиза возразила, что чувствуетъ себя совершенно крѣпкою и здоровою. Дѣлать было нечего! Онъ понималъ, въ чемъ дѣло, — но не показывая вида, что огорчается ея застѣнчивостію и недовѣрчивостію, продолжалъ съ нею по прежнему разговоръ о ея теткѣ, ея болѣзни, способѣ леченія и обо всѣхъ прочихъ домашнихъ подробностяхъ. Однимъ словомъ, онъ все возможное у нея разспросилъ, а о себѣ самомъ ничего не сказалъ.

Черезъ полчаса ходьбы пришли къ экипажамъ. Всѣ уже собрались тамъ, хотя въ самомъ печальномъ видѣ. Люди лѣсничаго дѣйствительно всѣхъ собрали и провели

туда. Всѣ безпокоились объ участи Лизы и опять разослали лѣсовщиковъ, — и теперь очень обрадовались, что она нашлась. Охотникъ посадилъ ее въ экипажъ, — и обѣщавъ явиться къ тетенькѣ на другой день, откланился и поцаловалъ на прощаньи руку.

Приѣхавъ домой, рассказала она обо всемъ теткѣ, которая начинала уже очень безпокоиться объ этой поѣздкѣ, вида ужасную погоду. Рассказъ Лизы заставилъ ее тоже задуматься. Кто этотъ охотникъ? Хотя Лиза и не спросила его ни о чемъ, но тетка тотчасъ же поняла, что это кто нибудь изъ русскихъ путешественниковъ, поселившихся здѣсь давно и живущихъ въ окрестностяхъ Теплица. Но кто? и за чѣмъ поселился тутъ? Почему не бываетъ въ городѣ и ни съ кѣмъ незнакомъ тамъ? Все это казалась ей страннымъ, непонятнымъ и даже довольно опаснымъ, потому что по разсказу Лизы, она тоже замѣтила впечатлѣніе, которое этотъ незнакомецъ произвелъ на племянницу. Впрочемъ, какъ онъ долженъ быть приѣхать по утру, Ольга Михайловна и дала себѣ слово все вывѣдать у него.

Рано встала и тетка и племянница. Лизѣ цѣлую ночь снились самые фантастическіе сны. Молодой незнакомецъ опять спасалъ ее, опять несъ на рукахъ. Проснувшись она чувствовала волненіе крови. Она встала, одѣлась, — и тетка тотчасъ замѣтила, что въ нарядѣ ея есть изысканность.

Вскорѣ приѣхалъ и вчерашній незнакомецъ. Сегодня онъ былъ еще красивѣе. Нарядъ его былъ щегольской, богатый. Онъ приѣхалъ въ прекрасной одноколѣѣ, которою самъ правилъ. Сбруя на лошади была серебряная, самая же лошадь — дорогой цѣны. Онъ былъ высокъ ростомъ, статенъ, съ пламенными глазами, густыми бровями, длинными, вьющимися волосами и веселымъ, открытымъ лицомъ. Свободно явился онъ, — и не только не принялъ благодарности тетки и Лизы, но самъ началъ благодарить за доставленіе ему пріятнаго знакомства.

— Племянница моя не успѣла вчера спросить васъ, — сказала Ольга Михайловна, — кому она обязана своимъ спасеніемъ?

— Извините, — отвѣчалъ охотникъ. — Я еще вчера имѣлъ честь сказать ей, что я ея соотечественникъ и лучшій другъ.

Такъ, по-крайней-мѣрѣ, было вчера. Сегодня не знаю: позволите ли вы мнѣ льститься, что расположеніе ея и ваше дадутъ мнѣ право такъ называться?

— Спаситель Лизы можетъ во всю жизнь располагать нами, — сказала тетка. — Позвольте узнать вашу фамилію.

— Въ окрестностяхъ Теплица всѣ меня знаютъ подъ названіемъ русскаго охотника, — прибавляя иногда титуло *добраго весельчака*. Настоящее же мое имя Григорій Смѣловъ.

— Давно вы здѣсь поселились? — спросила опять тетка.

— Уже больше года.

— Конечно не лечитесь.

— Почему знать. Наружный здоровый видъ не доказываетъ еще внутренняго здоровья. И красивое яблоко точить иногда червь. Я сюда точно приѣхалъ лечиться, — но черезъ три мѣсяца уже выздоравливалъ, — и съ-тѣхъ-поръ все собираюсь обратно въ Россію, — но куда и здѣсь хорошо. Судьба всегда умнѣе насъ. Вотъ и я, оставшись здѣсь, съ избыткомъ вознагражденъ, успѣвъ спасти прелестнѣйшую изъ свѣтѣ дѣвицу и познакомиться съ ея тетушкою.

— Вы очень любезны, — отвѣчала тетка: — отъ этого знакомства, вѣрно, мы больше выиграемъ, потому что при самомъ началѣ обязаны уже вамъ спасеніемъ жизни. Вы здѣсь одни, или съ семействомъ живете?

— Одинъ одиношечекъ. Куда мнѣ съ семействомъ?...

— Извините! Прошлаго года, я пользовался здѣсь водами и былъ всеневнымъ посѣтителемъ заведенія. Но окончивъ курсъ и вздумавъ провести здѣсь зиму, нашелъ въ окрестностяхъ очень удобную и выгодную квартиру. Всего двѣ мили отъ города. Я тамъ спокоенъ. Никого не обязанъ принимать, никому дѣлать визиты. Здѣшняя оффиціальная жизнь ужасно какъ мнѣ наскучила. Я ушелъ изъ здѣсь. Очень вижу теперь, что дурно сдѣлалъ, потому что, вѣроятно, могъ бы раньше познакомиться съ вами....

— Очень благодарны вамъ за любезность.... А въ Россіи есть у васъ родственники, родители?

— Есть дяди и двоюродный братъ, — но я съ ними немножко въ разладѣ, и потому могу себя почесть совершенно одинокимъ и независимымъ.

— Я знаю одного Смѣлова,—Ивана Ивановича. Не родня ли вамъ?

— Какъ же, это мой двоюродный братъ. Очень хорошій малой, — и говорятъ, отличился въ послѣднюю италійскую компанію.... А какъ вы съ нимъ познакомились? Вѣрно онъ здѣсь не былъ, а вы еще меньше могли быть въ арміи?

— Онъ лучший другъ брата моего, генерала Лебедева. Оба они ранены были при Требии. Братъ мой обязанъ ему жизнью. Оба лечились въ Инсбрукъ,—и теперь ѣдутъ сюда...

— Сюда?—вскричалъ Григорій—и вскопчилъ со стула,—но вдругъ, опомнясь, прибавилъ:—Какъ я радъ! Какъ я его лавно не видалъ.... Да! я и забылъ, что мы въ ссорѣ.

— Что жъ это за ссора? —спросила небрежно тетка. Вѣрно раздѣлъ имѣнія?...

— Да! почти! Мнѣ удалось у него оттягать хорошенькую частицу его имущества.... но, признаюсь,—теперь я готовъ былъ бы возвратить ее—и даже съ процентами.

— Слѣдственно, и ссоры никакой не можетъ быть. Какъ благородный человѣкъ, вы отдадите — и все будетъ кончено.

— Какъ же?—Знаете вы моего брата? Онъ ни за что не возьметъ назадъ.... О! преупрямая голова.... Я, такъ-вотъ добрый малый — на все сейчасъ согласенъ.

— Онъ у насъ остановится, — и я употреблю все старанія, чтобъ помирить васъ....

— О нѣтъ! ради Бога! не говорите ему обо мнѣ, — а не то онъ и васъ возненавидитъ. Дайте мнѣ сперва съ нимъ встрѣтиться, сойтись, объясниться. Между нами есть секреты молодости, о которыхъ никто другой знать не долженъ, — иначе ему худо будетъ. Этого-то онъ и боится, — тогда какъ я вовсе неспособенъ на подобную измѣну.... Но что мы заговорили о какихъ-то судебныхъ и полицейскихъ дѣлахъ. Позвольте и мнѣ покороче узнать васъ....

Тутъ онъ началъ съ своей стороны самый веселый распросъ, обращаясь часто къ Лизѣ, которая наконецъ рѣшилась принять участіе въ разговорѣ. Наконецъ онъ всталъ и откланялся. Его разумѣется звали, чтобъ онъ чаще навѣщалъ,—онъ шутиво отвѣчалъ, что никакъ не можетъ чаще, какъ всякой день.

Онъ уѣхалъ, и тетка, караулившая все движенія племянницы, тотчасъ же замѣтила ее задумчивость по отъѣздѣ Григорья. Она понимала эти признаки рождающейся любви, — и не слишкомъ бы беспокоилась объ нихъ, если бы хорошенько знала того, кто внушилъ ее. Но въ Григорьѣ— все ей казалось сомнительнымъ. Этотъ уединенный родъ жизни, это отсутствіе изъ отечества, этотъ страхъ при имени Ивана, эта ссора съ нимъ и мнимое великодушіе, отдающее назадъ имѣніе,—все было подозрительно. Братъ ея, вѣрно, не ошибся въ своемъ новомъ другѣ, описывая его благороднѣйшимъ человѣкомъ, слѣдственно, Григорій долженъ былъ быть въ чемъ-нибудь виноватъ. Это заставило и ее задуматься. Впрочемъ, какая тетка, или мать не съ радостію хваталась за слово *женить* для дочери своей, или племянницы!

Съ тѣхъ-поръ Григорій всякій день сталъ ѣздить къ Сементовской, провожалъ ее въ заведеніе вольгъ, проводилъ съ ней цѣлый день, — и всякой разъ болѣе и болѣе покорялъ сердце Лизы. Всякой взглядъ его разливалъ по жилищамъ дѣвушки невѣдомый огонь, пожиравшій ее; всякое произношеніе его заставляло ее вздрагивать, всякое слово любви наполняло душу ее сладостнымъ чувствомъ. Но тетка не покидала ихъ на минуту. Это бѣсило Григорья, но онъ молчалъ и приготавлилъ свой планъ.

Однажды, просидѣвъ у нихъ довольно поздно, онъ началъ прощаться. Тетка и Лиза вышли провожать его,—на дворѣ было уже темно, — и онъ при прощаніи сунулъ непримѣтно въ руку Лизы записку, шепнувъ ей: величайшая тайна, и безотлагательная. Бѣдная дѣвушка вспыхнула, задрожала,—но не смѣла измѣнить ему. Въ первый разъ въ жизни скрыла она отъ тетки тайну сердца.

Воротясь домой, куда тетка вышла по разнымъ домашнимъ распоряженіемъ, она прочла роковую записку:

«Завтра поутру я приѣду къ вамъ. Мнѣ нужно съ вами видѣться и говорить наединѣ. Отъ этого зависитъ жизнь моя. Если вы скажете объ этомъ письмѣ тетускѣ, то никогда уже не увидите меня».

Безмолвно опустила она голову — и слезы покатились по щекамъ ея. Что ей было дѣлать? Посоветоваться съ теткою,

значило потерять его навсегда; несогласиться на свиданіе значило быть причиною его удаленія. Она рѣшилась поинноваться ему. Когда тетка вошла опять въ комнату и увидѣла слѣды слезъ, то съ заботливостію стала спрашивать о причинѣ. Лиза отвѣчала, что у нея голова болитъ, — и тетка спѣшила уложить ее въ постелью, напоивъ бузиною.

Поутру первымъ вопросомъ тетки было, что у Лизы голова, — и та отвѣчала, что болитъ. Послѣ нѣсколькихъ невиновыхъ домашнихъ лекарствъ, рѣшено было, чтобъ Лиза осталась дома, когда тетка пойдетъ на воды.

Едва Ольга Михайловна успѣла уйти, какъ явился Григорій. Лиза затрепетала и заплакала при появленіи его, — но онъ наговорилъ ей столько нѣжностей и клятвъ, что наконецъ успокоилъ.

Выразивъ ей самую пламенную страсть свою, умолялъ онъ ее — быть его женою. Лиза наивно созналась, что тоже любить его и что готова отдать ему свою руку и сердце, но что это зависитъ отъ отца, который впрочемъ, вѣрно, не откажетъ ему.

— Еслибъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ отцомъ, — сказалъ Григорій, — или съ тетусшкою, то, разумѣется, у нихъ не можетъ быть никакой причины отказать мнѣ въ сватовствѣ. И родъ мой, и богатство могутъ мнѣ доставить возможность соединенія съ первѣйшими домами. Но я полюбилъ васъ. Мнѣ никакого приданого не надобно. Вы одна будете составлять все мое счастье, все богатство, весь мой міръ. И какъ вы тронулись моею любовію, такъ, вѣрно, и отецъ вашъ тронется бы моими просьбами. Но сюда, вмѣстѣ съ нимъ, пріѣдетъ двоюродный братъ мой. По цырмамъ батюшки вашего вижу я, что онъ совершенно ему вѣрится, и всегда будетъ его мнѣнія, а мы съ братомъ въ сорѣ, то онъ тотчасъ и разстроитъ нашу свадьбу всеми возможными средствами и даже клеветами на меня....

— На васъ? Возможно ли это? — сказала Лиза.

— О! вы не знаете злости людей, — вскричалъ онъ, — а я ее испыталъ! Повторю вамъ, что какъ скоро пріѣдетъ братъ мой, то свадьба наша уже будетъ не возможна.

— Боже мой! Что вы говорите!...

— Вы не понимаете, не постигаете всей силы моей любви! Если хотите спасти меня, если рѣшаетесь быть моею женою, если чувствуете ко мнѣ хоть искру любви, то согласитесь тайно обвѣчаться.

Предлагаю вамъ быть женою челоуѣка, который будетъ любить васъ всю жизнь.

— Что жъ мнѣ надобно дѣлать?

— Надобно уѣхать ночью. Три часа ѣзды — и мы въ Дрезденъ. Тамъ у меня будетъ все приготовлено. Тамъ обвѣчаютъ насъ, — и мы въ тотъ же день воротимся сюда къ ногамъ тетушки и отца.

— Это невозможно! стыдъ! бѣгство!...

— Какъ хотите, Лизавета Семеновна. Но я слышала, что батюшка вашъ будетъ завтра. Сегодня вечеромъ, когда уйду отъ васъ, я буду ждать до полночи, у садовой калитки, выходящей въ поле.

Лиза рыдала и ломала себѣ руки съ отчаянія. Но она была слишкомъ слаба и неопытна, чтобъ противиться подобному нападенію. Рыдая сказала она, что явится на роковое свиданіе.

Григорій съ торжествомъ ушелъ.

Можно вообразить себѣ, съ какими мучительными чувствами провела она весь день! Какой-то огонь переливался по жиламъ ея; туманъ носился передъ глазами; она трепетала, слезы безпрестанно навертывались на глазахъ.... Наконецъ, не въ силахъ будучи перенести мучительнаго своего состоянія, она ушла въ свою спальню и почти съ изступленіемъ бросилась на колѣни предъ образомъ Спасителя, умоляла спасти ее и наставить....

День уже склонился къ вечеру.... Солнце закатывалось за горы Теплица.... а молитва ея все еще продолжалась. Вдругъ она услышала, что кто-то подѣхалъ къ ихъ дому; всѣ забили, засуетились.... Еще минута — и она услышала, что тетка ея вскрикнула, громко заговорила.... раздались еще чей-то знакомый голосъ.... Лиза испустила крикъ радости, вскочила, бросилась въ гостинную — и очутилась въ объятіяхъ отца!

Это былъ онъ. — Онъ ускорилъ свой пріѣздъ, чтобъ съ-

латъ пріятный сюрпризъ. Онъ не чувствовалъ, что этимъ можетъ-быть, спасъ дочь свою отъ гибели.

Въ эту минуту Лиза все забыла. Нужность отца замѣнила ей все.... Вдругъ взоръ ея упалъ на Ивана Ивановича Смѣлова, — и она выпыхнула. Тотъ незаметно вошелъ въ комнату и наслаждался картиною спокойнаго счастья. Семенъ Михайловичъ, разумеется, познакомилъ его тотчасъ же съ сестрою и дочерью, — и тѣ съ живѣйшимъ выраженіемъ чувствъ благодарили его, какъ избавителя отца и брата.

Вскорѣ разговоръ сдѣлался всеобщимъ, — и тетка тотчасъ же рассказала Семену Михайловичу о новомъ своемъ знакомствѣ съ Григорьемъ. Иванъ Ивановичъ взглянулъ со старикомъ. Оба поняли другъ друга.

Ольга Михайловна рассказала объ избавленіи Лизы, — о ежедневныхъ посещеніяхъ Григорья, о его любезностяхъ и о сознаніи его, что онъ въ ссорѣ съ Иваномъ Ивановичемъ. Лебедевъ заставилъ повторить рассказъ Григорья о мнѣмой этой ссорѣ, — и оба пожали плечами, слыша его глупую, двусмысленную выдумку на счетъ отнятаго будто имѣнья, которое онъ готовъ былъ возвратить.

— Онъ одинъ сюда ѣздитъ? — спросилъ Семенъ Михайловичъ.

— Съ кѣмъ же еще? — отвѣчала сестра. — Онъ совершенно одинокъ.

— А жену свою онъ не привозилъ сюда?...

При этомъ словѣ Лиза вкрикнула и упала безъ чувствъ. Всѣ бросились помогать ей, — и когда она пришла въ чувство, ее отвели въ спальню, и уложили. Не о чемъ было спрашивать: дѣло было ясно. Не о чемъ было и разговаривать: слова тутъ были бесполезны. Отецъ и тетка рѣшили оставить бѣдную дѣвушку въ покоѣ до завтра, и ушли отъ нея, чтобъ заняться разговорами.

Не замѣтно продолжались они до полночи, — но когда ударило двѣнадцать, тетка замѣтила, что пора бы путешественникамъ и отдохнуть. Поговора еще минутъ съ десять, Семенъ Михайловичъ пошелъ тихонько въ спальню, чтобъ посмотреть на Лизу....

Какъ изобразить его страхъ и изумленіе! Лизы не было въ комнатѣ.

Тетка, которая пошла вслѣдъ за отцемъ, тотчасъ же бросилась искать ее. Но служанка сказала, что Лизавета Семеновна пошла въ садъ. Всѣ бросились туда: одинъ Смѣловъ пошелъ тихонько около сада.

Вскорѣ онъ достигъ какихъ-то кустарниковъ, растущихъ въ полѣ, и продолжалъ идти вдоль близъ садовой стѣны. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, услышалъ онъ голоса, довольно громко разговаривавшіе. Это были Григорій и Лиза.

При ударѣ полночи Лиза вспомнила все и бросилась къ садовой калиткѣ. Тамъ она уже нашла Григорія, съ восторгомъ спѣшившаго къ ней на встрѣчу.

— Остановитесь, Григорій Григорьевичъ, — сказала она. — Я пришла сюда не съ тѣмъ, чтобъ быть жертвою вашего низкаго обмана, а чтобъ спасти васъ. Отецъ мой пріѣхалъ, братъ вашъ здѣсь, — и я знаю, что вы женаты....

Какъ пораженный громомъ, стоялъ несчастный передъ Лизою, и нѣсколько секундъ не зналъ, что отвѣчать и на что рѣшиться. Но наконецъ опомнился и сказалъ ей:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что какъ скоро братъ мой пріѣдетъ, то счастье наше будетъ разрушено.... Такъ точно — я женатъ, но эти люди не знаютъ, что на дняхъ я получу свидѣтельство о разводѣ съ нею. Мы бы обвычались безъ препятствій, и счастья нашего никто уже не смѣлъ бы нарушить... Прощайте!

— Я вѣрю вамъ, но ни зачѣмъ не рѣшусь оскорбить и огорчить отца постыднымъ бѣгствомъ. Придите завтра къ нему, расскажите ему все, — мы оба упадемъ къ ногамъ его, и онъ благословитъ насъ.

— А если откажетъ? Если уже въ это самое время враждебный духъ нашего счастья, мой двоюродный братъ, вооружилъ его противъ меня такъ, что онъ почитаетъ меня злодѣемъ, и чтобъ не сдѣлать дочь свою несчастною, откажетъ мнѣ отъ дома? Если я лишусь возможности даже васъ видѣть когда-нибудь? Что мнѣ тогда дѣлать? Для чего жить тогда? Неужели смерть моя будетъ вамъ пріятна?

Вмѣсто отвѣта, Лиза закрыла глаза и зарыдала. Сердце ея начинало колебаться, мысли мѣшались, она трепетала и едва могла стоять.

Вдруг из-за кустов вышел Иванъ Ивановичъ, остановилъ Григорья, и съ тихимъ упрекомъ сказалъ ему:

— Григорій! что ты дѣлаешь?

Съ невольнымъ чувствомъ страха, въ сильномъ смущеніи Григорій отступилъ нѣсколько шаговъ.

— Благодари Бога, Григорій, что я тебя спасаю отъ вѣчнаго раскаянія, — сказалъ Иванъ, — и повелъ Лизу къ садовой калиткѣ.... Но въ это самое мгновеніе вышелъ оттуда отецъ съ теткою и служитель съ фонаремъ.

При видѣ Лебедева и Ольги Михайловны, Григорій съ бѣшенствомъ бросился въ свою кабриолетку и быстро поспекалъ по тропинкѣ.

Молча передалъ Смѣловъ Лизу, которая лишилась чувствъ, на руки отца, — и всѣ возвратились домой, не сказавъ другъ другу ни слова.

ГЛАВА VI.

Неожиданная развязка.

Душа Григорья кипѣла бѣшенствомъ, когда онъ воротился домой.

— Что это значить, другъ мой? — спросила Надинька, радостно выбѣжавъ къ нему на встречу. Ты сказалъ, что дни три пробудешь въ отсутствіи.... Не случилось-ли съ тобою чего-нибудь?

— Разумьется, — отвѣчалъ Григорій. — Еслибъ неудача не ниспровергла всѣхъ моихъ плановъ, — я бы, вѣрно, не воротился сюда, чтобъ имѣть удовольствіе бесѣдовать съ вами.

Надинька печально опустила голову, замолчала и ото-

шла, — а Григорій засвисталъ какую-то пѣсенку, и пошелъ со скуки бесѣдовать со своими слугами.

Изъ этой короткой сцены и нѣсколькихъ словъ легко можно понять все, что случилось между этими двумя молодыми супругами. Дѣйствительно-ли Григорій любилъ Надиньку, или это было только безумство молодости, — или даже тайное желаніе поправить свое состояніе богатою жеманщицею? Кто разгадаетъ человѣка, для котораго нѣтъ ничего священнаго? Мы же — для чести человечества, не будемъ предполагать въ Григорьѣ — нечистыхъ намѣреній. Онъ былъ молодецъ, легкомысленъ, завидовалъ богатству — и красота Надиньки свела его съ ума. Но достигнувъ однажды до своей цѣли, и видя съ перваго шага, что порядочное общество еще болѣе отвергаетъ его за разстройство сватъбы брата, онъ почувствовалъ, что ровно ничего не выигралъ своимъ бракомъ, кроме хо-рошенькой жены. Принужденный ухватъ въ чужіе края и жить тамъ въ уединеніи, онъ не болѣе, какъ черезъ три мѣсяца, охладѣлъ къ своей пламенной любви. А какъ всякій взглядъ Надиньки казался ему упрекомъ, то онъ вскорѣ даже возненавидѣлъ ее, потому-что люди подобнаго характера терпѣть не могутъ, чтобъ имъ напоминали о неблагодарности и дурныхъ качествахъ сердца. И теперь домашняя жизнь казалась ему невыносима. Онъ проводилъ все время на охотѣ, или въ волокитствахъ. Но какъ ни скучно ему было, онъ все-таки не смѣлъ вѣхать обратно въ Петербургъ, зная, что тамъ всеобщее мнѣніе будетъ всякой день казнить его; особенно боялся онъ отца Надиньки.

Что же касается до Надиньки, то и ея любовь не могла продолжиться. Она первоначально увлеклась романтическими своими идеями — и Григорій ей нравился, потому-что она воображала пайти въ немъ самую пылкую страсть. Но какъ скоро увидѣла его перемѣну, его холодность и неблагодарность, то не могла уже ни любить, ни уважать его. Чувствуя обязанности супруги, она была всегда тиха, кротка, послушна, но эти-то спокойныя каче-

ства семейной жизни еще больше возбуждали негодование мужа. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе Надиньки выставить себя, какъ жертву его неблагодарности и дурнаго характера.

Можно вообразить себѣ, что подобная жизнь самымъ враждебнымъ образомъ дѣйствовала на силы и здоровье Надиньки. Печальное разочарованіе во всехъ мечтахъ юности губительно подсыхало жизненные ея силы, — и Григорій почти съ злою радостію видѣлъ это болѣзненное состояніе жены, сулившее ему свободу. Конечно, эта свобода не такъ была близка, какъ онъ увѣрилъ Лизу, — но, вѣроятно, еще бы годъ, два, такой жизни, — и она бы сошла въ могилу.

Григорій чувствовалъ, что пріездъ Лебедева и Ивана разстроивали все планы волокитства его. Но, по безприветности характера своего, онъ полагалъ, что если успеетъ склонить Лизу на бѣгство съ нимъ, то можетъ гдѣ-нибудь въ неизвестности прожить съ нею около года, — а потомъ когда эта новая черта его неблагодарности и злодѣйства убьетъ его жену, онъ можетъ жениться на похищенной дѣвущкѣ. Гнусный планъ его едва не удался. Только появленіе Ивана спасло Лизу.

Теперь онъ чувствовалъ, что отецъ Лизы потребуетъ строгаго отчета въ презрѣнномъ его поступкѣ, — и потому рѣшился немедленно уехать куда-нибудь. Вернувшись домой, онъ тотчасъ же сдѣлалъ все нужныя распоряженія къ побѣгу, — и не сказавъ, разумеется, Надинькѣ ни слова, уехалъ до разсвѣта.

На другое утро Лебедевъ, послѣ долговременныхъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей и властей, узналъ гдѣ живетъ Григорій, и въ сопровожденіи Ивана тотчасъ же отправился туда. — Онъ не нашелъ его, — но Надинька приняла гостей, — и встрѣча съ прежнимъ женихомъ своимъ была для нея жестокии ударомъ.

Щадя блдную женщину, посетители не сказали ей причины своего пріезда, — но Лебедевъ не могъ скрыть всего

своего негодованія противъ ея мужа, — и та могла понять, что цѣль посѣщенія ихъ была самая враждебная. Она умоляла ихъ сказать имъ все, — но ей только отвѣчали, что сожалѣютъ о ней.

Свиданіе Ивана Ивановича и Надиньки было непродолжительно. Оно слишкомъ тягостно было для обоихъ. Особливо Надинька могла теперь ясно видѣть, сколько она потеряла, повѣря страсти Григорья.

Семену Михайловичу нуженъ былъ предлогъ часто бывать теперь у Надиньки, чтобъ поймать ея мужа, а потому онъ выпросилъ у нея позволеніе познакомиться съ нею сестру свою Ольгу Михайловну. Та, разумеется, согласилась, сколько изъ учтивости, столько и изъ надежды, что отъ нея выведаетъ причину, по которой ищутъ мужа ея.

На другой же день Лебедевъ пріѣхалъ съ сестрою къ Надинькѣ, — Ольга Михайловна убдила ее пріѣхать къ ней въ Теплицъ. Но сколько Надинька ни добивалась узнать отъ тетки причину бѣгства своего мужа, та только что вздыхала, сокрушалась, но не открыла ей ничего. При прощаньи только тетка шепнула ей, что если мужъ ея и воротится, то чтобъ она убдила его не показываться ея брату, иначе произойдетъ большое несчастье.

Въ слѣдующее утро Надинька пріѣхала къ Ольгѣ Михайловнѣ, — и тутъ только, взглянувъ на Лизу, начала истинно понимать преступленіе своего мужа. Лиза съ неожиданнымъ мужествомъ перенесла все случившееся съ нею. Внезапное бѣгство Григорья при появленіи Ивана Ивановича обнаружило ей все. Женщина много прощаетъ любимому своему предмету, кромѣ трусости. Отецъ и тетка образумили ее нѣсколькими словами, доказавъ, что если бы она тотчасъ же сказала обо всемъ, то ничего бы не случилось. По временамъ мечтала иногда блдная дѣвущка, что Григорій явится и перель всеми оправдается, — но вскорѣ опять ясно видѣла, что ему не въ чемъ оправдаться. Вдругъ объявили ей, что пріѣхала къ нимъ Надежда Васильевна

Смѣлова, — и кроткое, добродушное, прекрасное лицо этой женщины вполне ее образумило.

Во все продолженіе визита Надиньки, Лиза была безмолвна, занявшись, повидимому, какою-то работою, — но она слышала, какъ тетка спросила Смѣлову, воротился-ли ея супругъ, — и какъ та отвѣчала, что уже третій день его нѣтъ.

Иванъ Ивановичъ явился только въ первую минуту визита — и ушелъ. Видъ Надиньки все еще былъ для него мучителенъ. Печально пошелъ онъ бродить по-саду, и свѣтъ въ отдаленную бесѣдку, погруженный въ глубокія размышленія....

Голосъ Семена Михайловича пробудилъ его.

— Скорѣе, скорѣе, Иванъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ увидя Смѣлова. Врагъ нашъ здѣсь.... Онъ близко.... Начали на его слѣды.... Поѣдемъ....

— Кто сказалъ вамъ?... Гдѣ онъ? — спросилъ Смѣловъ.

— Ты знаешь, что я послалъ въ окрестности лазутчиковъ.... Сейчасъ одинъ изъ нихъ воротился и донесъ, что Григорій скрывается въ ближайшемъ лѣсу, въ хижинѣ лѣсовщика Готлиба.... Поѣдемъ же, поѣдемъ....

— Куда вѣхать — и зачѣмъ? — сказалъ Смѣловъ. — Въ первую минуту вашего негодованія на этого человѣка, я обѣщала конечно содѣйствовать вамъ чтобы отыскать его и наказать. Но теперь, вѣроятно, этотъ порывъ мщенія прошелъ, — и вы конечно чувствуете, что унижите себя и обезславите дочь свою, если войдете въ объясненія съ Григорьемъ.

— Угодно ли вамъ со мною вѣхать? — сурово спросилъ генералъ: — а не то я одинъ поѣду.

— Въ такомъ случаѣ я, разумѣется, съ вами ѣду, — отвѣчалъ Смѣловъ. Но заранѣе говорю вамъ, что буду употреблять все возможное, чтобы не допустить васъ до объясненій съ

человѣкомъ, который не стоитъ этой чести, — и который — повѣрьте мнѣ, откажется отъ всякаго удовлетворенія....

— Это мы увидимъ. Теперь же поѣдемъ. Я уже велѣлъ осѣдлать лошадей. Онѣ, вѣрно, готовы.

Не сказавъ ни слова никому и не простясь съ гостями, они отправились. Съ ними былъ провожатый, который взялся привести ихъ къ хижинѣ лѣсовщика.

Черезъ полчаса они уже были тамъ, — но ни Григорья, ни Готлиба, ни жены его, не было дома. Послѣ всѣхъ разспросовъ, узнали они, что лѣсовщикъ еще поутру отправился въ Теплицъ, и сказалъ жень, что цѣлый день не будетъ дома. Григорій же приходилъ на самое короткое время къ Готлибу для принятія пищи, шатаясь по лѣсу дни и ночи въ угрызеніи совѣсти.

Дѣлать было нечего. Семень Михайловичъ не хотѣлъ дожидаться, — а рѣшился самъ идти по лѣсу наудачу, съ тѣмъ, чтобы потомъ воротиться въ хижину, гдѣ запретилъ говорить, что былъ человѣкъ, отыскивавшій хозяевъ.

Молча бродили они по лѣсу, поднялись на гору, и достигли до пропасти, изъ которой Григорій спасъ Лизу....

Вдругъ вблизи раздался крикъ. Какъ молнія бросился туда Смѣловъ; Лебедевъ послѣдовалъ за нимъ. Какое ужасное зрѣлище представилось имъ! На краю бездны лежалъ Григорій, плавающий въ крови своей.

Иванъ осмотрѣлъ рану Григорья, на-скоро платкомъ перевязалъ ее, чтобы унять кровь, поднялъ его на ноги и повелъ медленными шагами внизъ по горѣ, къ тому мѣсту, гдѣ они оставили лошадей.

Безотчетно пошелъ за ними вслѣдъ Семень Михайловичъ. Являсь туда, чтобы наказать Григорья, онъ чувствовалъ, что мщеніе его должно было замолкнуть. Заботливость Ивана Ивановича тронула его до глубины сердца, — и онъ самъ началъ помогать ему для облегченія страданій раненаго. — Какъ-какъ усадили его на лошадь и повезли въ Теплицъ.

— Въ это время объ женщины, которыя наконецъ узнали о внезапномъ отъздъ Семена Михайловича и Ивана Ивановича, были въ величайшемъ безпокойствѣ. Онѣ поняли цѣль этого отъзда,—и каждая изъ нихъ боллась за жизнь мужа, или брата. Наконецъ увидѣли онѣ печальную кавалькаду, приближающуюся къ нимъ.

Съ крикомъ и слезами бросилась Наденька къ мужу, и помогала снять его съ лошади и снести въ комнату. Послали тотчасъ же за докторомъ. Тотъ осматривалъ рану, и объявилъ, что она не смертельна, но требуетъ долговременнаго леченія и спокойствія. Семень Михайловичъ отвелъ ему у себя комнату, и просилъ врача постоянно слѣдить за пользованіемъ больнаго. Надя рѣшительно объявила, что она ни на минуту не оставитъ мужа, — и въ домъ ея посланъ былъ нарочный, чтобъ привести оттуда гардеробъ и горничную.

Такимъ образомъ въ одномъ домѣ неожиданно поселились люди, которые за часъ передъ тѣмъ кипѣли другъ къ другу враждою и мщеніемъ. Надя все простила мужу, видя его опасность и страданія. Григорій, видя ежеминутныя о немъ попеченія жены, несмотря на его дурное поведеніе, почувствовалъ къ ней нѣжную благодарность и дружбу. Этотъ взаимный, ежедневный обменъ чувствъ мало по-малу превратился въ искреннюю симпатію.

Два мѣсяца продолжалось леченіе Григорья, — и въ первый разъ, когда онъ всталъ и докторъ позволилъ ему выйти, онъ пошелъ въ комнату Семена Михайловича, чтобы примириться съ нимъ. Сначала тотъ принялъ его сухо, — но когда увидѣлъ, какъ тотъ искренно раскаивается и умоляетъ о прощеніи, — протянулъ къ нему руку — и сказалъ:

— Такъ и быть, Григорій Григорьевичь!—Вы во многомъ виноваты передъ всѣми нами, — и все произошло отъ того, что вы не хотѣли быть добрымъ мужемъ такой женщины, которая заслуживаетъ любовь и уваженіе всего свѣта. Но

теперь, когда вы вполне узнали ей цѣну, — то для нея охотно прошаю вамъ вашъ проступокъ. И повѣрьте, что покуда будете любить свою жену, то будете счастливы.

Послѣ этого Григорій просилъ позволенія увидѣться съ Лизою, чтобы на коленяхъ выпросить у нее прощеніе за нанесенное ей оскорбленіе.

Отецъ повелъ его къ ней. Она сидѣла вмѣстѣ съ теткою и Иваномъ Ивановичемъ, который имъ что-то читалъ.

Кротко, безъ смущенія, приняла Лиза Григорія и его извиненія. Онъ было упалъ къ его ногамъ, — но она подняла его, — и ласково отвѣчала:

— Вы дурно поступили, Григорій Григорьевичъ, — но я давно простила вамъ. Я была сама виновата. У меня была тетушка, — и я не открылась ей съ перваго шага. Ко мнѣ судьба послала въ роковой день добрейшаго изъ отцевъ, — и я скрыла отъ него все, воображая, что одна буду въ силахъ образумить васъ. Отъ этой самонадѣянности я чуть не погибла, — да и вы, вѣроятно, дорого бы заплатили за свое торжество. — Богъ съ вами! Вы уже довольно наказаны, — и вы великодушію брата своего, на котораго такъ жестоко клеветали, обязаны были еще разъ спасеніемъ своимъ. Теперь все кончено! — Я слышала, что вы примирились сами съ собою, потому-что полюбили опять добрую и прекрасную Надежду Васильевну. Все мы будемъ отъ этого счастливы. А чтобъ вы вполне были удостовѣрены въ моемъ прощеніи и будущемъ моемъ счастіи, — то позвольте вамъ представить вамъ моего жениха.

При этомъ она указала на Ивана Ивановича. — Съ радостнымъ крикомъ бросился Григорій въ объятія брата....

— И ты, Иванъ, — прощаешь меня? — вскричалъ онъ.

— Отъ всей души, Григорій — отвѣчалъ Иванъ. Ты обратился опять къ добру — и будешь счастливъ любовію сво-

ей жены. Я же... ты видишь — кто тебя ручается за мое счастье и прощенье.

Вскорь все они вместе отправились в Россію, — и, как исторія гласитъ, жили счастливо и спокойно.

Р. 3.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА СОММЕРВИЛЬ.

(Романъ Жюль Сандо)

ЧАСТЬ I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Сен-Леонаръ — бѣдный городокъ въ провинціи Ла-Маршъ. Если вамъ когда случится ѣхать по берегамъ Крезы, выберите тропинку, которая отдѣляется отъ большой дороги при въѣздѣ въ предмѣстье. Весной вы найдете, что она усыяна фиалками и окаймлена растеніями въ полномъ цвѣтѣ. Съ одной стороны предъ вами будетъ гора, покрытая золотистымъ дроккомъ, съ другой Креза, которая издала вамъ будетъ казаться широкой лентой, брошенной на равнину. Страна эта вамъ понравится; она бѣдна, но живописна; вы полюбите шумъ ея

потоковъ и тишину ея небольшихъ озеръ, теряющихся между верескомъ. Послѣ двухъ часовъ ходьбы, вы придете въ Анземъ: это бѣдная деревушка, лежащая подъ массою дубовъ и каштановыхъ деревьевъ, какъ птичье гнѣздо въ кустарникѣ. Ея сельскіе домики соединяются одинъ съ другимъ аллеями, посаженными боярышникомъ и бузиной. Эти улицы, состоящія изъ листьевъ и цвѣтовъ, окружаютъ всѣ части города. Гряды овощей, расположенныя симметрически, оставляютъ еще мѣсто для розъ, которыя блестятъ въ зелени. Кровельная солома домовъ сама собой превратилась въ цвѣтникъ, и питаетъ кусты желтыхъ левкоевъ, хмѣлевыхъ гилянды, плющевые коври. До самой дороги извиваются роскошные цвѣты. Если вы слѣдите за теченіемъ Крезы, при выходѣ изъ деревни, вы увидите противъ мельницы, красиво и гордо возвышающейся на противоположномъ берегу, съ своимъ новымъ фасадомъ, многочисленными этажами и аспидной крышей, садъ, въ глубинѣ котораго скромно и задумчиво прячется господскій замокъ.

Въ одинъ осенній вечеръ, двое молодыхъ людей сидѣли на террасѣ анземскаго замка. Вечеръ былъ прекрасенъ; звѣзды сіяли на небѣ; луна показывала свое бѣдное лицо сквозь тополи, растущіе по берегамъ Крезы. Все спало въ деревнѣ; ночная тишина была нарушаема только шумомъ волъ, плескавшихъ о камни, и лаемъ собакъ.

Молодые люди были скучны и разсѣяны.

— Странная судьба, сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ, вставая и взявъ за руку своего товарища; она соединяетъ насъ въ этихъ мѣстахъ, которыя мы обѣщались въ нашей коллегіи посѣтить вмѣстѣ. Судьбу эту я бы хотѣлъ назвать счастливой, но слишкомъ много дней прошло послѣ мечтаній нашей молодости. Зачѣмъ же спрашивать повѣсть моей жизни? Вы, чье существованіе было украшено смѣющимися и прекрасными минутами, вы придаете своимъ первымъ горестямъ какую-то особенную важность. Вы жалуетесь, что они только терзали то, что уже всѣ терпѣли прежде васъ, и вида шестнадцатилетнихъ несчастій, которымъ вы упоены, можно подумать, что душа ваша, страдающая, разстроила гармонию цѣлаго свѣта. Я, кому жизнь не дала ни ласкъ, ни улыбокъ, я рано понялъ настоящую цѣну души уединенной и разстроеной, и умѣю лучше васъ смиряться въ несчастіи. Въ эту ночь, я вѣрю безъ страха тайну моей бѣдственной молодости; но я сокрылъ бы ее въ своемъ сердцѣ, если бы эта исторія не дала вамъ урока въ самоотверженіи....

— Пойдемте, прибавилъ онъ, уведя своего товарища къ крыльцу замка.... Этотъ домъ необитаемъ; тѣ, которые жили въ немъ, не существуютъ болѣе; свѣтъ обладалъ ими, незная ихъ, а я, который зналъ ихъ, остаюсь на землѣ для того, чтобы ихъ оплакивать.

Оба они сѣли на одну ступеньку крыльца. Молодой человекъ долго былъ погруженъ въ горестныя воспоминанія; онъ долго осматривалъ уединенныя мѣста, окружавшія его, потомъ, вzwолнованнымъ голосомъ, началъ слѣдующій разсказъ.

I.

«Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда смерть отца моего сдѣлала меня обладателемъ порядочнаго богатства и неопредѣленнаго сокровища. Это сокровище была сестра моя, которой только что наступило пятнадцать лѣтъ. Мать наша умерла вскорѣ послѣ рожденія моей сестры. Передъ смертью, отецъ мой призывалъ насъ обоихъ къ себѣ; взялъ насъ за руки, и вѣривъ мнѣ счастье своей дочери, взялъ съ насъ клятву любить другъ друга и жить всегда вмѣстѣ. Сестра моя и я, мы бросились другъ къ другу въ объятія; отецъ благословилъ насъ и умеръ. Съ этой минуты началась моя жизнь; до этого я былъ не больше какъ дитя; возложивъ на меня обязанность, смерть отца сдѣлала меня человекомъ. Эту обязанность я принималъ на себя съ любовью, съ гордостью. Я оставилъ честолюбивыя помыслы, которые долгое время занимали меня; я не хотѣлъ оставить на произволъ будущности такого милого существа; я съ восторгомъ посвятилъ ей мечты моей молодости.

Вы, можетъ-быть, не знаете, какою лѣтностью и любовью небо надѣляло сердца двухъ бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ послѣ Бога не было никакой защиты и родни, кромѣ ихъ самихъ; быть-можетъ, вы не знаете, сколько было счастья въ этомъ братскомъ союзѣ. Не думаю, чтобы кто нибудь могъ владѣть отъ свѣта, въ уединеніи, избранномъ имъ самимъ, проводить время веселѣе меня съ моей молодою сестрой. Въ ея любви ко мнѣ было столько откровенности, свойственной ея возрасту, а въ моей

лѣжности къ ней чувство покровительства, которое придавало моему существованію большую торжественность. Съ-тѣхъ-поръ, я понимаю, что истинная поэзія жизни заключается въ исполненіи своихъ обязанностей.

Въ Сен-Леонарѣ мы бывали рѣдко: Нанси предпочитала наше маленькое помѣстье, которое я привелъ въ хорошее состояніе и котораго доходы достаточны были для нашихъ нуждъ. Мы жили тамъ уединенно съ кормилицею моею сестры. Даже зима, которая чрезвычайно жестока въ этихъ странахъ, никогда не заставляла насъ переѣзжать въ городъ, кромѣ случаевъ, когда меня призывали дѣла за процентами нашего скромнаго состоянія. Я почти не ѣздилъ туда никогда, кромѣ воскресенья, чтобы провожать Нанси къ обѣднѣ; впрочемъ мы предпочитали проводить и этотъ день въ анземской церкви, если погода была хороша и дорога позволяла намъ запречь нашу тележку. Мы выѣзжали въ часъ, какъ услышимъ первые удары колокола, доносимые вѣтромъ, и всегда вечеромъ возвращались домой. Отсюда вы могли бы видѣть бѣлый фасадъ и зеленыя ставни, если бы луна не бросала на нихъ тѣнь отъ большихъ дубовъ, которые окружаютъ это зданіе. Креза течетъ у подножія. Подъ навѣсомъ ивъ, тополей и лѣса на косогорѣ оно защищено отъ декабрьскихъ вѣтровъ и отъ лѣтнихъ жаровъ.

Тутъ мы прожили счастливые дни нашей жизни. Свѣтъ не возбуждалъ нашихъ сожалѣній. Наша жизнь протекала покойно, какъ воды нашей рѣки; никогда ни одно облако не помрачало ея ясности. Бѣдные въ городѣ, мы были богаты въ поляхъ и помогали бѣднымъ живущимъ въ нашей деревушкѣ. Они платили намъ за то благословеніями. Богъ внималъ ихъ молитвамъ и каждый день дарилъ сестру мою новою милостью, повою добродѣтелью. Она была гениемъ хранителемъ всего околodka; старушки этой страны называли ее своею дочерью, и цаловали ей руки; когда она проходила по деревнѣ, шопотъ простодушнаго удивленія несся вслѣдъ за ней. Ея присутствіе напоминало горести и удивило радость; умирающіе вѣрили въ жизнь, когда она садилась у ихъ постели.

Праздникъ не былъ весельемъ, если я не встрѣчалъ его вмѣстѣ съ нею въ скромныхъ жилищахъ или подъ тѣнью деревьевъ. Наше счастье напоминало намъ двухъ дѣтей Иль де Франса, которыхъ цѣломудренную любовь и трогательную участь мы знаемъ; но они были счастливѣе насъ; каждый изъ нихъ имѣлъ мать, а мы часто оплакивали нашу.

Я твердо увѣренъ, что между вещами, которыя болѣе всего

имѣли вліяніе на всю нашу жизнь, первое вліяніе производитъ на насъ книга, случайно попавшаяся; второе:—первая женщина, которую судьба намъ посылаетъ. Какъ бы то ни было, но чтеніе Павла и Виргиніи рѣшило нашу участь, и направленіе нашихъ идей подчинилось вліянію, произведенному на насъ этою книгою. Книга сдѣлалась нашимъ другомъ; мы забывались находя нѣжныя и таинственныя отношенія между героями этой книги и нами; исторія ихъ дѣтства была исторіею нашей молодости; только въ то время, когда одни, подъ каштанами, съ этой любимой книгой, мы доходили до той минуты, когда Виргинія оставляетъ своего молодого друга, чтобы искать счастья во Франціи, мы обѣщали другъ другу никогда неразлучаться. Мы не знали скуки неясныхъ стремленій, утомляющихъ душу, ни безполезныхъ мечтаній, которыя ослабляютъ ее, ни ложныхъ нуждъ, которыхъ она никогда не можетъ удовлетворить: каждый день приносилъ намъ свои заботы и каждое время года свои удовольствія; наша жизнь была и религіозна, и непорочна, и уединенна. Я говорю религіозна, потому-что она была полна мыслию о Богѣ: къ Нему наша душа возносила безпрестанно, Его она благословляла и восхваляла каждую минуту, въ созерцаніи нашего счастья. Это также была жизнь чистая. Въ свѣтѣ очень рѣдко или очень трудно провести хоть одинъ день безъ того, чтобы намъ не случилось оплакать какой-нибудь поступокъ, несогласный съ нашею совѣстью; иногда, противъ себя, можно сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ, живя между людьми; но въ жизни, о которой я говорю, мы были одни съ Богомъ; въ этой жизни мысли какъ-то улучшаются, сердце освѣщается; день проходитъ, а вечеромъ засыпаше въ мирѣ и невинности души.

Я долженъ вамъ сказать, что уединеніе наше имѣло свою пріятность: когда я былъ молодъ, я занимался литературою и искусствами; когда смерть отца призвала меня къ занятіямъ болѣе важнымъ, я все-таки продолжалъ мои прежнія занятія, и воспитывалъ сестру мою въ любви къ искусствамъ. Во-время долгихъ зимнихъ вечеровъ мнѣ было особенно пріятно заставлять ее раздѣлять мои убѣжденія, сдѣлать ее допустимою благороднымъ идеямъ. Мы любили старыя книги; мы любили романъ основательные; живое описаніе свѣта, которое мы въ нихъ видѣли, дѣлало нашу жизнь болѣе привлекательною; бурныя страсти ихъ героевъ заставляли насъ еще болѣе цѣнить спокойствіе нашего безмятежнаго союза. Счастье наше—подъ нашими родными дубами, говорили мы; оно обитаетъ въ

нашихъ долинахъ, на скатахъ нашихъ холмовъ и на берегахъ Крезы. Мы любили повторять стихи поэта, который воспѣвалъ чистоту воды въ стихахъ столь же плавныхъ, какъ и вода. Мы любили поэзію; ея языкъ такъ свойственъ счастливымъ душамъ, какъ запахъ цвѣтовъ и шумъ вѣтра въ лѣсу.

Я сказалъ вамъ, что насъ любили въ нашей деревнѣ; ничего не можетъ быть прекраснѣе, величественнѣе и мечтательнѣе зимы, проведенной въ деревнѣ. Есть тысяча тайнъ въ прозябаніи природы; когда горы, покрытыя снѣгами, блестятъ на солнцѣ, можно подумать, что онѣ оправлены въ серебро; лѣса имѣютъ видъ магической, хотя туманъ ихъ покрываетъ, хотя иней блестящими кистями виситъ на вѣтвяхъ. Синеватый дымъ мрачно поднимается съ крышъ сквозь бѣлые дубы; все такъ строго и молчаливо: вороны такъ тяжело летаютъ по долинѣ, малиновка прилетаетъ какъ гость и стучитъ клювомъ и крыльями въ окна. Ночь бываетъ еще торжественнѣе: вѣтеръ свиститъ у дверей, деревья трещатъ, волки воютъ вдалекѣ, снѣгъ хруститъ подъ ногами запоздалаго крестьянина. Но мои счастливые дни прошли: природа потеряла прелесть, украсившія ихъ, и пускай зима покрываетъ наши деревья своимъ снѣжнымъ покровомъ, пускай наши деревья расправляютъ свои листочки, при возвращеніи весны, пускай осень отбѣляетъ колоритъ нашихъ лѣсовъ и горъ,—отнынѣ эти мѣста будутъ для меня мрачны и пустыжны.

Уже болѣе года вели мы такую жизнь, какъ вдругъ Нанси стала грустить. Я видѣлъ ее въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ погруженною въ мрачную задумчивость и увлеченною шумною веселостью, переходящую отъ печали къ радости, въ одно и тоже время гордою и покорною, убагающею моихъ ласкъ и плачущею на моей груди. Это было въ то самое время, какъ случай печально сблизилъ меня съ Альбертомъ.

Можетъ-быть, возвращаясь изъ Сен-Леонара въ Анземъ, вы замѣтили между городомъ и деревнею уединенный домъ, выходящій на дорогу и прислоненный у горы. Тутъ жилъ Альбертъ, молодой человѣкъ, безъ семейства и имени, воспитанный попеченіями строгаго и важнаго человѣка, который не былъ его отцомъ. Этого человѣка звали Сент-Естева. Г. Сент-Естева былъ докторъ въ Сен-Леонарѣ; онъ удалился въ этотъ домъ еще въ молодости, съ новорожденнымъ ребенкомъ, котораго воспитывалъ вдали отъ города. Этотъ ребенокъ былъ Альбертъ. Кто былъ онъ и откуда явился? Долго объ

этомъ говорили въ деревнѣ, но потомъ и говорить перестали. Сент-Естева былъ непроницаемъ для всѣхъ, даже для самого Альберта. Когда онъ умеръ, оставивъ своему воспитаннику въ наследство этотъ домъ и 1200 франковъ дохода, все имущество его на землѣ, молодой человѣкъ не могъ найти ничего, что бы объяснило ему его рожденіе. Старикъ унесъ эту тайну съ собою въ могилу. Альбертъ помнилъ только, что въ одну темную ночь, когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ былъ приведенъ къ прекрасной молодой женщинѣ, которая осыпала его подалуями и обила слезами; это были всѣ семейныя воспоминанія.

Всѣ вообще думали и думаютъ и теперь еще въ деревнѣ, что онъ былъ побочный сынъ сестры С. Естева, которая удалилась изъ Сен-Леонара при появленіи Альберта, и которую уже тамъ болѣе не встрѣчали.

Альберту было семнадцать лѣтъ, когда я познакомился съ нимъ; г. С. Естева былъ еще живъ. Я узналъ Альберта и полюбилъ его, не оттого, что между нами была симпатія, но я любилъ жаръ его молодости, уже потухшій во мнѣ; онъ мнѣ явился какъ чудный сонъ моихъ поэтическихъ лѣтъ, и невольная сила привлекала меня къ нему. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ людей могъ счастливѣе соединить въ себѣ все обольщенія своего возраста; быстрый умъ и пламенное сердце, безпрестанно томимое любовью къ добруму, къ прекрасному, наивная веселость и тихая меланхолія, натура въ одно время дѣятельная и задумчивая, восторженная и боязливая, веселое упованіе на будущее, горячая откровенность души, восхитительныя мечты; словомъ, въ немъ были всѣ сокровища юности. По наружности онъ былъ вѣжливый и слабый ребенокъ, рѣшительный и скромный, замѣчательный по блеску своихъ глазъ, бѣлизнѣ лица и подвижности своей физиономіи, которая съ удивительною точностію выражала ощущенія его души. Сен-леонардскія женщины находили его безобразнымъ и вообще ненавидѣли его. Правда, что онъ былъ мальчикъ не очень вѣжливый съ этими дамами, и что одинъ взглядъ ихъ принуждалъ его бѣжать. Онъ прослылъ оригинальнымъ. Это названіе считается оскорбленіемъ, которымъ надѣляются жители нашихъ маленькихъ городковъ всѣхъ существъ, которыя не ходятъ на нихъ.

Мы скоро подружались. Альбертъ, любившій до-сихъ-поръ одного г. С. Естева, вскорѣ страстно полюбилъ меня. Я находилъ даже въ любви этого молодаго человѣка что-то женствен-

ное, что иногда смущало меня; я бы желалъ, чтобы привязанность эта была болѣе спокойна и строга. Я боялся даже, что онъ не повѣритъ моей дружбѣ къ нему, и найдя ее болѣе спокойною, почтетъ ее менѣе вѣрною и дѣйствительною. Въ семнадцатъ лѣтъ, дружба и любовь только пѣвнныя излінія души; опытъ и факты считаются ни во что, и тотъ, кто говоритъ болѣе или лучше, кажется, что болѣе любить.

Наканунѣ дня, въ который я узналъ Альберта, отвезъ я Нанси въ городъ, къ одной подругѣ нашей матери; я надѣялся, что она найдетъ развлеченіе пустымъ безпокойствамъ, въ которыя повергло ее одиночество, весна и молодость. Весь апрѣль она провела въ Сен-Леонарѣ, и въ ея то отсутствіе я сблизился съ моимъ молодымъ другомъ. Онъ приходилъ ко мнѣ всякое утро, идя на охоту; вечеромъ, чтобы провѣдать Нанси, я шелъ всегда по анземской дорогѣ, и оставлялъ Альберта у самого дома. Не смотря на сильное желаніе его видѣть мою сестру, напрасно старался я увлечь его съ собою въ городъ; я никакъ не могъ отвести его отъ первыхъ тополей аллеи, ведущей въ предмѣстье.

«Вы счастливы», сказалъ онъ мнѣ разъ вечеромъ, проводя до этой послѣдней границы: вы счастливы, Максимъ: у васъ есть сестра, и вы любите другъ друга. Подите, мой другъ, обнять ее. Я не завидую вашему счастью, и вѣрете, что сердце мое раздѣляетъ его. Но видъ вашего счастья дастъ мнѣ еще болѣе почувствовать тягость уединенія, въ которомъ я всегда жилъ. Такъ какъ вы великодушны, вы бы также почувствовали его, и присутствіе мое уменьшило бы восторгъ вашей пѣвности.»

Съ этими словами онъ удалился, пожавъ мнѣ руку, и съ тѣхъ-поръ я не смѣлъ болѣе говорить ему о моей сестрѣ.

Г. С. Естевъ заболѣлъ, и я нѣсколько дней не видалъ Альберта. Разъ утромъ онъ воспользовался сномъ своего названнаго отца, и пришелъ ко мнѣ. Это было въ первый день мая: наша деревня была наполнена благоуханіемъ цвѣтовъ; крестьяне посадили предъ нашею дверью дерево, увѣчанное цвѣтами, и птицы пѣли на вѣтвяхъ его. Въ сопровожденіи двухъ собакъ, съ ружьемъ на плечѣ, Альбертъ быстро вошелъ въ нашъ домикъ и бросился въ залу, надѣясь найти и обнять меня тамъ. Онъ не нашелъ меня, но въ глубинѣ залы, противъ двери, сидѣла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, и читала, нагнувшись надъ книгой. Ея длинныя бѣлокурыя волосы падали въ беспорядкѣ на шею и на лицо. Цвѣты, неуступавшіе

ей въ свѣжести, окружали ее своимъ благоуханіемъ, и ея большая бѣлая собака, съ ошейникомъ изъ голубыхъ бусъ, отдыхала у ногъ ея. При появленіи Альберта, Нанси встала, краснѣя, а онъ, краснѣе ея, краснѣе розъ Прованса, которыя выкапывали свои головки изъ-за забора нашего сада, остановился передъ нею нѣмой, неподвижный, какъ будто пораженный волшебнымъ жезломъ. Между-тѣмъ двѣ собаки Альберта производили ужасный шумъ; гончая собака, вставшая въ одно время съ своею госпожею, стояла между ею и молодымъ человѣкомъ, оцѣтенившись и вытянувъ лапы съ блистающими глазами, оскаливая свои бѣлые и острые зубы на двухъ противниковъ. Къ счастью, я вошелъ, чтобы окончить эту странную сцену; я игралъ роль судьбы древнихъ, которая никогда не опаздывала вступать въ посредничество въ самую запутанную минуту развязки.

Альбертъ забылъ, что онъ пришелъ только на одинъ часъ; весь день прошелъ въ искреннихъ разговорахъ. Мы обѣдали и ужинали на берегу рѣки, танцовали съ нашими крестьянами, подъ тѣнью деревьевъ. Въ сумерки, Нанси хотѣла показать Альберту рѣдкости деревни; мы вмѣстѣ посѣтили готическую церковь съ черепичнымъ навѣсомъ, покрытымъ мохомъ, деревянный крестъ, возвышавшійся на краю тропинки, фонтанъ, вода котораго исцѣляла больныхъ и предохраняла отъ лихорадки. Было одно преданіе объ этомъ чудесномъ источникѣ. Нанси рассказала преданіе, вѣря въ его истину; она перекрестилась предъ Мадонною. Потомъ, когда солнце спряталось за горами Крезы, мы пошли по дорогѣ въ Анземъ. Небо было чисто, тропинки наитаны благоуханіями; соловей пѣлъ въ кустахъ, крылатые насѣкомые журчали въ ночномъ воздухѣ. Наши собаки играли вокругъ насъ, а мы шли тихо, разговаривая о разныхъ вещахъ: нашъ разговоръ былъ то веселъ, дружественъ, то грустенъ, отрывистъ: мы любили, знали другъ друга уже десять лѣтъ, могли видѣться всякій день. Мы дошли такимъ образомъ до Анзема, и Альбертъ насильно увелъ насъ на террасу, которая разстилалась передъ нами; замокъ, какъ и теперь, былъ тогда необитаемъ.

— Восхищайтесь, сказалъ намъ Альбертъ, этими почернѣвшими и полуразрушенными башнями, покрытыми пучками гвоздикъ и филокъ; этимъ расколотымъ фасадомъ, на которомъ еще существуетъ феодальный гербъ; этимъ флюгеромъ, украшеннымъ цвѣтами, который скрипитъ на часовнѣ, посмотрите на эти разломанныя ставни, сквозь которыя дуетъ вѣтеръ, на эти рвы,

въ которыхъ растеть тернъ, на растрескавшіеся камни этого крыльда, между которыми растеть высокая трава. Здѣсь поэзія исчезаетъ, какъ и вса поэзія во Франціи; надо спѣшить насладиться всѣмъ этимъ, пока время и промышленность не уничтожили послѣднихъ слѣдовъ ея. Я люблю этотъ старый замокъ, прибавилъ онъ: это жилище, оставленное своими господами, мнѣ нравится; это то именно и привлекало меня всегда къ нему. Его молчаливый видъ имѣеть для меня всю прелесть мечтательности, которой я не могу выразить; я нахожу въ уединеніи этихъ развалинъ и въ уединеніи, въ которомъ я выросъ, какое то отношеніе, которое, кажется, возбуждаетъ между нами таинственную симпатію. Когда я васъ еще не зналъ, мой другъ, этотъ замокъ былъ обыкновенною цѣлью моихъ прогулокъ, даже и теперь я часто по вечерамъ прихожу сюда мечтать. Вы, сударыня, рассказываете преданія съ такою прелестью, сказали онъ моей сестрѣ, улыбаясь: не знаете ли вы какого-нибудь разсказа объ этомъ уединенномъ жилищѣ?

— Исторія этихъ мѣсть всѣмъ извѣстна, сказалъ я ему: и вы ее навѣрное знаете. Маркиза Аврелія Коммервилъ исчезла изъ Анжема за годъ до смерти своей матери. Причины, побудившія ее къ этому, остались тайною для этой страны, и розысканія, которыя были сдѣланы на счетъ ея отъѣзда, были такъ невѣроятны, такъ различны, что не стоить и говорить объ нихъ. Маркиза Коммервилъ была тогда 16-ти лѣтъ. Мать ея умерла угнетенная презрѣніемъ всѣхъ...

— Но несчастная и оставленная всѣми, успѣшила подхватить Нанси, послѣ своей смерти заслужила за свои грѣхи прощеніе на землѣ и на небесахъ.

— Съ-тѣхъ-поръ прошло много лѣтъ, возразилъ я: и дочь древнихъ владѣтелей не видала болѣе этого замка.

— Да спасетъ ее Богъ, вскричала Нанси: говорятъ, она была добра къ бѣднымъ.

— Бѣдные наняли ее опять въ другой разъ, сказалъ Альбертъ, смотря съ любовію на дѣвчушку.

Нанси потушила глаза.

Я пожалъ руку Альберта, и мы разстались.

Ночь была холодна, вѣтеръ становился свѣжѣе, и я чувствовалъ, какъ рука сестры моей дрожала въ моей рукѣ.

II.

Что должно было случиться, то исполнилось: двое этихъ молодыхъ людей увидѣли и полюбили другъ друга, а же ничего не предвидѣлъ. Я не понималъ, что двѣ души эти должны были соединиться, какъ блуждающіе огоньки, притягивающіе другъ друга и сливающіеся вмѣстѣ. Я видѣлъ какъ Нанси дрожала и блѣднѣла при появленіи Альберта, я видѣлъ, что она становилась грустнѣе и задумчивѣе, когда онъ удалялся вечеромъ; возлѣ нея Альбертъ былъ боязливъ и самъ не своей, возлѣ меня разсѣянъ и мечтателенъ; его дружба не была такъ искренна, а сестрина не была такъ нѣжна: я видѣлъ все, ничего не понимая. Я страдалъ, видя ихъ печаль, и не могъ объяснить ее; я не угадывалъ, что сердца ихъ обмѣнялись своимъ богатствомъ, которое до-тѣхъ-поръ изливалось на одного меня.

Г. С. Естество умеръ, и я съ радостію принялъ опекунство надъ его названнымъ сыномъ.

Разъ Альбертъ увлекъ меня на тропинку въ саду, и сказалъ:

— Кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ въ свѣтѣ; я свободенъ и люблю вашу сестру. Я не могу дать ей никакого имени; состояніе мое менѣе вашего, но я люблю ее; мы любимъ другъ друга. Мы теперь друзья, хотите-ли вы, чтобы мы были братьями?

Это неожиданное признаніе поразило меня.

— Вы любите другъ друга? сказалъ я строго: и я не зналъ этого!... Альбертъ, вы дурно поступили.

— О! другъ мой, вскрикнулъ молодой человѣкъ: мы сами этого не знали, и въ тотъ день, когда мы открыли, что любимъ другъ друга, мы еще не сказали этого самимъ себѣ. Сердце наше чувствовало и неосознавало; только вчера узнали мы объ этомъ вмѣстѣ. Я не знаю какъ это сдѣлалось: за четверть часа предъ тѣмъ я сидѣлъ возлѣ вашей сестры; я взялъ ее за руку, которую осмѣлился пожалъ, и любовь наша открылась, такъ что мы и не думали предостеречь себя отъ нея, ни предать ей. Максимъ, простите меня.

Слова эти успокоили меня: еще было время вылечить болѣзнь, которую я не умѣлъ предупредить.

— Вы любите другъ друга! повторилъ я: чего-же вы надѣетесь теперь?

— Мы хотимъ составить себѣ счастье, раздѣлять вмѣстѣ радость и горе.

— Однимъ-словомъ, вы хотите жениться? замѣтилъ я съ улыбкою.

— Да, мы хотимъ этого, отвѣчалъ мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ семнадцатилѣтній юноша.

Мы примѣтили мелькающее около забора платье. Приходъ Нанси прервалъ нашъ разговоръ.

Я пригласилъ Альберта возвратиться въ Анземъ, и общалъ дать ему отвѣтъ завтра утромъ.

Проводивъ его, я удалилъ сестру; мнѣ нужно было уединеніе, и я отправился на берегъ Крезы, подумать о словахъ Альберта.

Обвиняйте меня въ эгоизмѣ: первыя разсужденія мои были полны скорби и горести.

Старый опытною, давно излеченный отъ этого нервическаго и болѣзненнаго состоянія, которое вы называете любовью, я нашелъ счастье въ привязанности болѣе мирной и вѣрной, и никогда не думалъ, чтобы счастье это могло когда-нибудь оставить меня. Открытіе Альберта представило мнѣ жизнь въ новомъ видѣ; оно мнѣ показало дѣйствительность, и послѣдняя мечта моя исчезла. Тогда я понялъ, что былъ для моей сестры только временною опорою, что жизнь хранила для нея новыя привязанности, большее счастье, чѣмъ любовь брата; я понялъ это, и сталъ ревновать; я обвинялъ и жизнь и сестру. Я также предвидѣлъ мученія въ будущемъ, которое открывалось предъ нами, и предчувствуя грозу, которая должна была разразиться надъ нею, съ ужасомъ видѣлъ тотъ день, въ которой судьба ея отдѣлится отъ моей... О! зачѣмъ, прекрасный цвѣтокъ, мол ревнивая нѣжность не скрыла тебя подъ тѣнью нашихъ лѣсовъ! зачѣмъ не оставилъ я тебя благоухать въ уединеніи! зачѣмъ предала тебя моя слѣпая довѣренность свѣтскимъ бурямъ! Увы! ты была слишкомъ слаба: блескъ твой скоро поблѣднѣлъ, и лишь только несчастіе успѣло покрыть грустью чело твое, какъ ты уже склонилась къ смерти...

Скрывъ горестное впечатлѣніе, которое произвели на меня слова Альберта, я обдумывалъ, что мнѣ предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ, и провелъ ночь, предначертывая планъ дѣйствій.

Во-первыхъ я рѣшился сохранить тайну Нанси и не добиваться ея довѣренности.

Въ сердцѣ молодой дѣвушки, когда оно открывается для любви, есть столько тонкихъ оттѣнковъ, непримѣтныхъ грубой натурѣ мужчины. Съ утреннею зарею я поѣхалъ въ Анземъ къ Альберту, и провелъ съ нимъ все утро, разбирая различные вопросы, относящіеся къ наслѣдству покойника.

— Есть вопросы, которые для меня еще дороже денежныхъ, сказалъ наконецъ пылкій молодой человѣкъ, перебирая съ нетерпѣніемъ титулы и пергаменты.

Потомъ онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ.

— Я понимаю васъ, сказалъ я ему. Выслушайте меня. Вы любите мою сестру, но точно ли вы убѣждены въ этомъ? Подумали ли вы о своихъ чувствахъ и о своей молодости; не увлечены ли вы только пылкостью вашихъ желаній? Моя сестра васъ любитъ, но ея любовь не есть ли это простое, неопредѣленное чувство, жажда любить, которую мы чувствуемъ въ первой молодости ко всему, что насъ окружаетъ? Не есть ли это скорѣе инстинктъ сердца, которое пробуждается, нежели привязанность души разсудительной? Дѣти оба, вы еще не знаете жизни. Въ ваши лѣта сердце часто принимаетъ за любовь то пылкое безпокойство, которое ее ищетъ и призываетъ; оно безумно предается ему; но заблужденіе кратко, разочарованіе скоро слѣдуетъ за нимъ, а горестъ вѣчна. Впрочемъ, я вѣрю, да, вѣрю, Альбертъ, что счастье моей сестры состоитъ въ васъ, а ваше въ ней; я нахожу, что ваши души достойны соединиться, и я не поколеблюсь вручить вамъ современемъ сокровище, которое получилъ отъ моего умирающаго отца, если вы будете достойны его; но вамъ должно будетъ завоевать это сокровище. Вы прекрасны и великодушны, вы чисты и пламенны къ добру, но вы еще не боролись, не страдали. Эти основанія счастья, которые Богъ далъ вамъ, могутъ ли противустоять искушеніямъ свѣта? Цвѣты вашей юности принесутъ ли плоды? Въ борьбѣ съ жизнью выйдете ли вы всегда благороднымъ и незапятнаннымъ? Послушайте, Альбертъ, посоветуйтесь съ вашими силами; борьба предложена вамъ: сестра будетъ наградою побѣдителю.

— Говорите, вскричалъ онъ: я готовъ на всѣ испытанія.

— Хорошо, молодой человѣкъ, испытаніе будетъ долго и тяжело, но побѣда прекрасна и блистательна.

— Говорите же, вскричалъ опять Альбертъ: только разсчитывавшая храбрость торгуется со счастьемъ.

— Сынъ мой, сказалъ я ему: я видѣлъ много храбрецовъ, вступающихъ на подобное поприще съ поднятымъ челомъ и надменнымъ видомъ, и потомъ чрезъ нѣсколько часовъ возвращающихся смиренными и съ поникшею главою. Я видѣлъ несбывшимися блестящія надежды, увядшими много молодыхъ кустарниковъ, бывшихъ, подобно вамъ, въ полномъ цвѣтѣ. Вы ошибались, если думали, что добродѣтель легко достается; трюники къ ней круты и скользки; самая твердая нога спотыкается.

— Любовь вашей сестры поддержитъ меня, сказалъ Альбертъ.

— Такъ подчинитесь же испытаніямъ жизни. Что бы вы стали дѣлать въ этой деревнѣ? Вы не могли думать, чтобы я вручилъ судьбу моей дорогой Нанси неопытности вашихъ лѣтъ. Уѣзжайте отсюда въ Парижъ, изучать людей и вещи. Выберите какое-нибудь званіе; обезпечьте вашу будущность, судьба моей сестры зависитъ отъ васъ. Случай можетъ отнять у васъ богатство, которое онъ вамъ далъ; ищите въ трудѣ и занятіяхъ болѣе вѣрные способы къ существованію. Каждую осень вы будете пріѣзжать къ намъ; потомъ, когда вы сдѣлаетесь человекомъ, если разлука, время, размышленіе не потушатъ вашей страстной любви и любви моей сестры; если ваши сердца, созрѣвшія съ лѣтами, будутъ еще чувствовать привязанность другъ къ другу, тогда я безъ опасенія допущу ихъ соединить въ вѣчныхъ узахъ.

Альбертъ не отвѣчалъ мнѣ.

— Неужели ваша храбрость уже ослабѣваетъ, сказалъ я ему: или можетъ быть награда за борьбу, кажется вамъ незаслуживающею усилій!

— Я уѣду! вскричалъ онъ наконецъ, задыхающимся голосомъ.

— Осень кончается, прибавилъ я тотчасъ: мы уже въ началѣ ноября; лекціи въ Парижѣ скоро откроются. Докторомъ или законовѣдцемъ, вамъ надобно ѣхать черезъ педѣлю.

— Я уѣду черезъ педѣлю, сказалъ онъ наконецъ, отирая слезы, которыя текли изъ глазъ его.

— Обними же меня, вскричалъ я, привлекая его къ себѣ. Да покровительствуетъ тебѣ любовь Нанси, да будетъ она тебѣ ангеломъ хранителемъ и да осѣнитъ она тебя! Если ты исполнишь свои обѣщанія, я исполню мои клятвы. Осуди же слезы свои, братъ мой!

— Въ эти долгіе годы, сказалъ Альбертъ, будете ли вы мнѣ попрежнему другомъ. Тогда, какъ я буду бороться со свѣтомъ, послушаетесь ли вы вашей дружбы, и вспомнивъ, что я сирота, не будете ли вы искать для вашей сестры болѣе блестящей партіи?

— Замолчите, сказалъ я ему: вѣрите мнѣ! При исполненіи моихъ намѣреній, свѣтъ не будетъ ничего значить; все будетъ состоять въ вашемъ счастьи и въ счастьи моей сестры. Если я когда-нибудь спрошу отчета о вашихъ предкахъ, отвѣчайте мнѣ вашими добродѣтелями.

Было положено, что Альбертъ отправится 1-го ноября въ Парижъ, изучать курсъ законовѣдѣнія. Я воспользовался послѣднимъ временемъ пребыванія его въ Анжемъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи находятся его дѣла, которыми я долженъ былъ управлять, и далъ ему нѣсколько совѣтовъ на счетъ поведенія, которые внушила мнѣ опытность. Мы условились не говорить Нанси о нашихъ предположеніяхъ до самаго дня отъѣзда. Этотъ день скоро пришелъ. Дилижансъ долженъ былъ взять Альберта въ 7 часовъ вечера по дорогѣ въ Парижъ: въ 6 часовъ мы всѣ трое собрались въ нашей залѣ; углубленные въ мысли, мы смотрѣли на уголья, горящія въ каминѣ.

Одна лампа насъ освѣщала; слышался только трескъ пламени и свистъ сѣвернаго вѣтра, который стучалъ въ ставни и въ черепицы крыши. Нанси еще ничего не знала, но печальное предчувствіе тяготило ея душу, и взглядъ ея съ волненіемъ спрашивалъ о причинѣ нашей мрачной грусти. Часы пробили 7, и бой ихъ вывелъ меня и Альберта изъ мечтательности, въ которую мы были погружены; мы встали оба молча.

Нанси встала вмѣстѣ съ нами, блѣдная, трепещущая, и спросила: что съ вами? Я удалился въ углубленіе окна и слышалъ какъ Альбертъ сказалъ ей: Я уѣзжаю въ Парижъ, трудиться для моей будущности и для вашей; если вы сохраните ко мнѣ любовь, вашъ братецъ соединитъ насъ, когда я буду достоинъ васъ.

Съ этими словами Альбертъ закрылъ свое лицо и горько заплакалъ. Нанси, заплаканная, выбѣжала изъ залы и скрылась въ своей комнатѣ. Я поручилъ ей кормилицѣ смотрѣть за ней, и увлекъ моего несчастнаго друга.

— Помните твердость, говорилъ я ему: примите горестъ съ благодарностію; человекъ, который не страдалъ, не совершененъ; счастье разслабляетъ его; закаленный въ горѣ, онъ выходитъ изъ него блестящимъ, какъ сталь. Вы еще очень мо-

лоды, чтобъ страдать, но это благородное страданіе; оно возвышаетъ нашу душу и очищаетъ ее.

Наконецъ, вышедъ на тропинку, я посадилъ его подлѣ себя, на кучу камней, которая лежала на краю дороги, и такъ, завернувшись въ наши плащи, мы ждали кареты. Альбертъ былъ истомленъ ощущеніями и едва держался на ногахъ.

— Я оставляю въ этихъ мѣстахъ мое сердце, сказалъ онъ, глядя на голыя скалы, по которымъ мы такъ часто гуляли вмѣстѣ.

— А наше будетъ вездѣ слѣдовать за вами, сказалъ я, сжимая его въ объятіяхъ.

Карета остановилась передъ нами. Кондукторъ, опираясь на отворенныя дверцы, ждалъ молодаго путешественника. Альбертъ обнялъ меня, бросился въ карету, спустилъ стору и протянулъ мнѣ руку. Я схватилъ ее, и не смотря на глину, которая приставала къ моимъ ногамъ и затрудняла мой путь, шелъ такимъ образомъ возлѣ кареты до вершины холма; потомъ лошади поскакали галопомъ, и вѣтеръ донесъ до меня послѣднія прощанія моего друга.

Я возвратился домой грустный, но довольный самимъ собою. Я приготовилъ будущность моей сестры и отдалилъ всѣ опасности, угрожавшія ей молодости и неопытности. Когда я возвратился домой, Нанси не приняла меня.

На другой день она была серьезна и молчалива, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы ни слова не говорили объ Альбертѣ.

III.

Наша жизнь, на долго потрясенная этимъ непредвидѣннымъ ударомъ, сдѣлалась наконецъ повидимому нѣсколько спокойнѣе. Я достигъ до того, что сестра начала говорить со мной о своей любви; я заставилъ ее покориться моимъ распоряженіямъ на счетъ ея настоящаго спокойствія и будущаго счастья: она согласилась со всѣмъ, и съ чувствомъ благодарила меня. Она сдѣлалась опять весела, и находила въ письмахъ, которые мнѣ писалъ Альбертъ, развлеченіе въ горестяхъ разлуки. Мы часто разго-

варивали о нашемъ молодомъ другѣ; не обнадѣживая никогда страсть Нанси, я слушалъ ее снисходительно; я ободрялъ ее душу и усмирлялъ ея стремленіе, смотря потому какъ ее печальное воображеніе представляло жизнь въ мрачныхъ картинахъ, или, ослѣвленное надеждою, изображало ее слишкомъ блистательною. Такимъ образомъ я старался предохранить ее отъ слишкомъ сильныхъ ощущеній, которыя безпрестанно выводятъ насъ изъ дѣйствительности. По этой-то причинѣ я не позволялъ молодымъ людямъ переноситься въ первые годы ихъ разлуки.

Въ ихъ лѣта любовь въ выраженіяхъ всегда выше истины; при этихъ пламенныхъ обѣщаніяхъ умъ дѣлается восторженнымъ, голова воспламеняется, и когда настаетъ дѣйствительность, воображеніе остается холоднымъ и оплакиваетъ очаровательное сповиданіе. Что касается до меня, я любилъ письма Альберта, я слѣдовалъ на каждой страницѣ за развитіемъ его разума; въ каждой строкѣ я находилъ чистоту его сердца, живость ума и то наивное тщеславіе, которое такъ идетъ къ молодости.

Такимъ образомъ прошла зима; весною однообразіе нашей страны было прервано происшествіемъ, которое исторгло у жителей болѣе удивленія, восклицаній и эпитетовъ, нежели свадьба внуки Генриха IV съ бѣднымъ гасконскимъ дворяниномъ у г-жи де *Севинье*. Это была вспышка удивленія; новость эта занимала земледѣльцевъ въ часы ихъ отдохновенія: Сен-Леонардскіе салоны съ завистію набросились на добычу, предоставленную ихъ злости, и быстрота ихъ глупостей оставила на нѣсколько мѣсяцевъ въ покоѣ всѣхъ честныхъ и великодушныхъ людей въ городѣ.

Это происшествіе было—возвращеніе Аврелия Соммервиля въ Анземъ. Она покинула его шестнадцати лѣтъ, и въ продолженіе восемнадцати лѣтъ объ ней никто не слыхалъ. Проведя осьмнадцать лѣтъ жизнь скитальческую и безпокойную, она возвратилась одна, усталая, истомленная, чтобы успокоиться и умереть во владѣніяхъ своихъ предковъ. Ничего не знали о ея судьбѣ и просто называли ее: маркизою Соммервиль. Сердце ея должно было сжаться, когда послѣ столькихъ тяжелыхъ дней, она увидѣла мѣста, въ которыхъ провела свое рѣзвое дѣтство, мечтательную молодость. Истерзанная бурями, она нашла дерева, которыя оставила такими же слабыми и нѣжными, какъ она сама, высокими и крѣпкими. Чуждая въ этой странѣ,

гдѣ смерть и забвеніе изгнали изъ ея души любовь молодыхъ лѣтъ, Сомервиль, всѣми силами старалась избѣгнуть всякихъ сношеній съ Сен-Леонаромъ. Рѣшившись жить одна, она совершенно посвятила себя благосостоянію своихъ крестьянъ. Въ городѣ ее обвиняли въ гордости, но имя ея было благословляемо во поляхъ. Едва прошелъ мѣсяцъ со времени ея возвращенія, какъ дѣла Альберта привели меня къ ней. Управляющей имѣніемъ маркизы Сомервиль, упрямый и ограниченного ума старикъ, съ давнихъ поръ присвоивалъ себѣ участокъ земли, на которое имѣлъ полное право мой воспитанникъ. Сперва я представилъ мои права старику, но онъ продолжалъ упорствовать; тогда, чтобы избѣжать процесса, я рѣшился обратиться къ самой маркизѣ, увѣренный, что ея просвѣщенный умъ оправдаетъ меня. Признаюсь, я долго не рѣшался на это; я боялся, чтобы она не приписала моего прихода нескромному любопытству, которое ее преслѣдовало въ этой странѣ. Однако же я отправился въ одно прекрасное майское утро, и скоро пріѣхалъ въ Анземъ. Я нашелъ маркизу одну, прогуливающуюся по террасѣ замка. Я видѣлъ ее прежде только издали на лошади, сквозь зелень. Я удивился, найди ея столь прекрасною и молодою. Я приблизился къ ней, и сказавъ мое имя и званіе, объяснилъ ей дѣло, приведшее меня въ Анземъ. Сомервиль не дала мнѣ кончить.

— Милостивый государь, съ добротою сказала она мнѣ:— я рада васъ видѣть; ваше имя мнѣ знакомо; я не забыла о вашемъ семействѣ. Я помню, что вы еще ребенкомъ ѣздили въ замокъ; вашъ отецъ былъ высокаго роста, и съ строгимъ взглядомъ; это былъ человекъ самый честный. Вы же, сударь, вы были смуглы также какъ и теперь, и любили играть со мной на травѣ. Вы позабыли это; съ тѣхъ поръ прошло столько времени! Вы тогда еще были ребенкомъ! При вашемъ имени сердце мое затрепетало, и предо мной открылась картина моей молодости....

— А вы, прибавила она, вы счастливые меня? Сохранили ли вы какое-нибудь воспоминаніе? Поощало ли время вашихъ родныхъ, вашихъ друзей? Конечно да, вы еще такъ молоды; время пролетѣло только для меня!

— Маркиза, сказалъ я, оно летитъ одинаково, и никто не избѣгнетъ его; у меня осталась только одна сестра.

— У васъ есть сестра, сказала она живо, молода она?

— Да, сударыня.

— И хороша собою?

— Да, маркиза.

— И вы любите другъ друга; вы живете среди полей, одни, счастливые?

— Да!

Она подумала нѣсколько минутъ.

— Я не думала, сказала она, взявъ меня подъ руку и поводя къ крыльцу, чтобы въ этой бѣдной странѣ я могла найти два существа, которыя бы такъ любили другъ друга и были бы такъ взаимно счастливы. Я хочу познакомиться съ Нанси; я буду любить ее, я заступаю ей мѣсто матери. Франкъ, сказала она одному изъ своихъ служителей: ты поставишь приборъ этому господину.... Вы будете завтракать въ замкѣ, прибавила она, обращаясь ко мнѣ.... Какое же у васъ есть до меня дѣло? Я васъ заранѣе оправдываю.

Я рассказалъ ей права, которыя я объявилъ въ пользу Альберта.

— Альбертъ! воскликнула она, не разслушавъ отвѣта, который я растолковывалъ ей какъ можно яснѣе. Кто это такой Альбертъ?

Я рассказалъ жизнь этого молодого человека, не говоря ей о любви его къ Нанси. Сомервиль слушала меня со вниманіемъ, и сдѣлала нѣсколько вопросовъ, относящихся къ моему воспитаннику.

— Вѣрно мой управляющей окончательно помѣшался, сказала она съ сердцемъ. Франкъ, попроси г. Губерта придти въ залу.

Мы сидѣли за столомъ, когда Губертъ вошелъ.

— Наконецъ-то вы пришли, сказала г-жа Сомервиль, бросивъ сердитый взглядъ на бѣднаго управляющаго, дрожавшаго передъ ней. Вы рѣшились уничтожить меня, вы хотите отнять у меня все имѣніе, разорить меня, привести въ нищету? По правдѣ, сударь, у васъ странное средство управлять моимъ имѣніемъ и увеличивать мои доходы! Вы знаете, какъ дорого обходится эта пустошь; вы знаете, что она ничего не приноситъ. И вы оспариваете у опекуна г. Альберта десять десятинъ этой неблагодарной земли! Даже, еслибъ вы и имѣли на это право, то вы бы напрасно старались присвоить ее себѣ; это тягостное право, и съ этого дня я отказываюсь отъ него. Пусть г-нъ Альбертъ владѣетъ этой пустошью, а вы, сударь, старайтесь впередъ болѣе думать о доходахъ, которыя я вамъ ввѣрила.

Несчастный Губертъ стоялъ посреди залы блѣдный, съ опущенными руками, съ открытымъ ртомъ; я думаю, онъ бы осталъ

ся такъ долго, еслибъ г-жа де Сомервиль не протянула ему руку съ очаровательной граціей.

— Ну, сказала она съ улыбкою: я вамъ прощаю; съядте подлѣ меня и раздѣлите нашъ завтракъ. Онъ очень простъ; но, мой бѣдный другъ, еслибъ я вамъ дала волю на нѣсколько лѣтъ, я не знаю, до какой бы степени вы довели простоту моихъ обѣдовъ.

И обращаясь ко мнѣ она сказала:

— Я уступаю вамъ, сударь, эти десять десятинъ земли.

— Но, сударыня, вскричалъ старикъ, который еще не пришелъ въ себя отъ удивленія: тамъ вѣдь пятнадцать десятинъ.

— Я считала васъ способнымъ удержать только десять десятинъ, сказала г-жа де Сомервиль: но я вамъ прощаю и эти пять за вашу откровенность.

Во весь остатокъ дня, я наблюдалъ за г-жею Сомервилемъ. Красота ее пережила горести: станъ ея былъ высокъ и гибокъ; нарядъ, хотя не изысканный, но почти кокетливый; кротость ея улыбки заставляла забывать строгость лица, блескъ глазъ оживлялъ его блѣдность. Ея волосы, приподнятые около лба, падали на шею черными, густыми локонами. Гордая безъ тщеславія она покорала однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ; одинъ ея голосъ, кроткій и звучный, уже очаровывалъ; аристократическія манеры удовлетворяли всѣмъ свѣтскимъ требованіямъ, побуждали самыя враждебныя предубѣденія. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не старѣются, которыя остаются всегда женщинами даже въ томъ возрастѣ, гдѣ различіе пола сглаживается, и когда человѣкъ дѣлается старикомъ, какъ въ колыбели, когда онъ бываетъ только ребенкомъ; впрочемъ у нея было скептическое сердце, душа утомленная, которая все испытала и которой все наскучило, жадная развлеченій, и шущая забвенія самой себя: такую полагалось мнѣ съ перваго раза Сомервиль.

Мы нѣсколько разъ заговаривали о моей сестрѣ и объ Альбертѣ. Г-жа Сомервиль останавливалась на всѣхъ подробностяхъ дружбы, которая соединяла насъ троицъ.

— Любите другъ друга, говорила она: долго и всегда; только въ этомъ заключается истинное счастье на землѣ, все прочее не стѣнѣтъ сожалѣнія. Я также, какъ и вы, любила; я также внушала въ мои молодые годы не одну пламенную страсть, но неблагодарность меня всего лишила.... Дай Богъ, чтобъ вамъ никогда не привелось испытать этого. Но можетъ-

быть вамъ случится узнать, какъ приятно тому, кто уже старѣется, потерять существа, которыя ему были дороги, еще въ цвѣтѣ молодости: но — крайней — мѣрѣ мертвые никогда не обманываютъ; ихъ образъ сохраняется чистымъ и прелестнымъ, мы всегда можемъ ихъ любить. Жизнь тяжела! Мы оплакиваемъ живыхъ, и намъ остаются одни мертвые. Счастлива дружба, еще втрое счастливей любовь, которая угасла рано, не испытавши неблагодарности и непостоянства, этихъ законовъ жестокой судьбы, и которыя смерть сразила еще въ цвѣтѣ ихъ прекрасныхъ дней! Это называется умереть въ-время.

Въ этихъ разговорахъ наступило время разставанья.

— Прощайте, сказала она, подавая мнѣ свою руку, которую я поцаловалъ. Приходите почаще къ бѣдной, покинутой женщи-нѣ. Вамъ надобно будетъ пожертвовать собою, я это чувствую; моя жизнь скучна, и сердце мое также; но въ нихъ вы все еще можете найти занимательныя стороны.

Я удался задумчивый, съ душою, исполненною скучными предчувствіями. Ктѣ бы могъ сказать отчего? Я нашелъ г-жу Сомервиль благородною, великодушною, но не довольно откровенною; ея благосклонность меня очаровала, ея умъ меня прельстилъ, но я оставилъ ее подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія; мнѣ казалось, что судьба должна была преслѣдовать все, чтѣ любила эта женщина, и изъ всѣхъ чувствъ, которыя она во мнѣ возбудила, самое сильное, самое непреодолимое, то которое господствовало надъ всѣми,—это былъ страхъ.

Два дня спустя, она приѣхала къ намъ въ деревню верхомъ. Франкъ сопутствовалъ ей. Цѣлый день пробыла она у насъ. Почтительная ко мнѣ, она была удивительно добра съ моею сестрой, и Нанси скоро была совершенно очарована ею. Владѣтельница замка хотѣла осмотрѣть все наше маленькое имѣніе; она заставила сестру разказать всѣ подробности нашей дружбы. Подъ вечеръ она предложила маленькую прогулку къ жилищу моего воспитанника; мы съ радостію приняли это предложеніе. Франкъ уѣхалъ съ лошадьми, и мы всѣ трое направили нашъ путь къ тропинкѣ дома.—Въ немъ жила одна кормилица Альберта. Когда мы пришли, добрая женщина пріяла на порогѣ своей хижины. Двѣ собаки Альберта лежали у ея ногъ. Когда мы приблизились, онѣ начали лизать руки Нанси, и кормилица ввела насъ въ домъ своего молодого господина.

Г-жа де Сомервиль рассмотрѣла все со вниманіемъ. Видъ комнаты Альберта поразилъ ее. Ружье и пороховница висѣли

на стѣнѣ надъ его кроватью. Все говорило о безпорядкѣ его отъѣзда: возлѣ лампы, которая освѣщала его ночи, проводимыя за работой, лежалъ открытый томъ Эмиля; садовые инструменты лежали въ одномъ углу, въ другомъ засохшія растенія и насѣкомья; бумаги были разбросаны по столу, собраніе минераловъ на пыльных полкахъ. Г-жа Коммервилль съ грустью разсматривала все это.

— Бѣдное дитя! сказала она... Вы его приведете ко мнѣ, Максимъ; я хочу узнать и полюбить этого молодого человѣка, котораго вы любите и который любитъ васъ. Скажите ему, что во-время его отсутствія я приходила въ его уединеніе.... Я ему оставляю мой визитный билетъ, прибавила она, отвязывая отъ пояса букетъ фіалокъ, который она положила на одинъ изъ листовъ Эмиля. Когда онъ возвратится, онъ долженъ привезти мнѣ эти цвѣты. — И такъ, говорила она, переходя отъ одного предмета къ другому: здѣсь онъ выросъ. Сколько свѣжихъ мыслей разлилось между этими старыми развалинами! Сколько прелестныхъ сновъ съ золотыми крыльями летали подъ этими зелеными занавѣсками! Лѣта мечтаній, любви и поэзій, счастливыя лѣта! говорила она.

И когда мы возвращались въ Анземъ, она снова хотѣла слышать разсказъ о жизни Альберта.

Съ-тѣхъ-поръ, не проходило дня, чтобы мы все трое не собирались въ замкѣ или въ нашей деревнѣ. Привязанность Нанси къ г-жѣ Коммервилль скоро превратилась въ самую сильную страсть, и самъ я предался этому влеченію. Мы копчили тѣмъ, что пересказали Авреліи все наши предположенія будущаго счастья. Она ихъ одобрила съ восторгомъ, и раздѣляла наши надежды. Она представлялась устарѣвшей и утомленной, но тогда я находилъ ее еще моложе и болѣе способною воспламениться, чѣмъ мы. Мнѣ казалось она готова была на все. Съ сердцемъ ея было тоже самое, что и съ красотой: какъ одна, такъ и другое спаслись отъ неумолимаго времени.

Вы не можете себѣ представить дружбы болѣе нѣжной, болѣе безкорыстной и болѣе дѣятельной, какъ ея дружба. Какую прелесть, очарованіе, эта женщина разливала вокругъ себя! Никто не могъ знать ея и въ тоже время не любить, и никто не любилъ ее безъ восторга; все, которые любили ее, любили и другъ друга. Нѣкоторыхъ она поражала какъ громомъ, они не знали, для-чего Богъ послалъ ее, — въ наказанье или какъ благословеніе; но тѣ, которыхъ она только встрѣчала, уносили съ собою сладкое воспоминаніе. Она соединяла въ

себѣ все совершенство, но забывала объ нихъ съ такимъ искусствомъ, что можно было подумать, что она ихъ не имѣла; можетъ-быть, и въ самомъ-дѣлѣ, она не знала бы объ нихъ, если-бы зависть не поторопилась открыть ей эти совершенства. Она затмила собою весь Сен-Леонаръ, и все умники этого города не могли простить ей своихъ глупостей и ея превосходства. Въ особенноти женщины завидовали ей отъ всего сердца. Ни одна изъ нихъ не могла даже сравниться съ Аврелією, но все онѣ притворялись, что не могутъ даже произнести имени этой женщины при своихъ дочеряхъ. Не было такой смѣшной сказки, которую ихъ воображеніе не сочинило бы, чтобы очернить самое невинное существо. Такова судьба возвышенныхъ душъ: глупая толпа мститъ ихъ гению, насмѣхаясь надъ ихъ нравственностью.

Независть этихъ мелкихъ людей унала и на насъ, и заставила насъ отдалиться отъ жителей Сен-Леонара. Это было первое благодѣяніе, которымъ мы обязаны были Авреліи.

— Я васъ увлекаю въ мое изгнаніе, говорила она намъ однажды вечеромъ, сидя между мной и моею сестрой близъ дороги, у пѣтня.

— Что вы говорите? воскликнула Нанси: изгнанники остались въ городѣ.

— И къ нашему счастью, прибавилъ я.

— Да, сказала Авреліа, взявъ насъ обоихъ за руки: наше счастье состоитъ въ томъ, чтобы быть всемъ троимъ вмѣстѣ, любить другъ друга, и не обращать вниманія на Сен-Леонаръ. Но не находите ли вы, моя милая, спросила она, смѣясь, у Нанси: что мы теперь гораздо спокойнѣе и что еще одинъ изгнанникъ могъ бы жить очень спокойно подъ этими деревьями?

Нанси бросилась къ Авреліи на шею, и скрыла на ея груди краску стыда. Однакоже письма Альберта становились все рѣже, и были писаны уже не въ прежнемъ тонѣ: отрывистыя и печальныя, они мнѣ обнаруживали въ моемъ воспитаникѣ глубокое уныніе; онъ не говорилъ иначе о Нанси, какъ съ замигательствомъ, о жизни, какъ съ горестью. Я напрасно старался возбудить въ немъ бодрость: его восторгъ не существовалъ болѣе, и молодость, казалось, въ немъ погасла. Въ его словѣ, отличавшемся неясностью мыслей и выраженій, изображалась его усталая душа: иногда это были напыщенныя восклицанія, которыя я едва могъ понять, еще чаще мечты, которыхъ я совсѣмъ не понималъ, и всегда сильное изнеможеніе, которое раздирало мнѣ сердце. И такъ не болѣе года достаточно было,

чтобы истребить эту гордую твердость. Я скрывал мою печаль от Нанси и от ее подруги: я не хотѣлъ разрушить это счастье, на которое мы надѣялись цѣлые десять мѣсяцовъ, и ждали возвращенія Альберта, чтобы узнать его болѣзнь и стараться вылечить его. Я никакъ не могъ заставить себя отказаться отъ надежды; я еще былъ увѣренъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Въ первые дни осени Альбертъ возвратился; но, увы! это уже былъ не онъ.

IV.

Молодость въ наше время испорчена льстецами и поэтами. Льстецы обѣщали ей обладаніе цѣлымъ свѣтомъ. Истощенная, надменная и жадная, она вѣрила ихъ увлекательнымъ обѣщаніямъ. Потомъ, когда настало время разочарованія и когда цѣль, которую они видѣли какъ сквозь восхитительный сонъ надежды, представлялась въ отдаленной будущности, которой опасно и трудно было достигнуть, поэты внушили молодости уныніе и скорбь; и она, находя эту скорбь легче труда, сложивъ руки, вздумала обвинять жизнь, которой она не понимала, и оплакивать несчастія, которыхъ она не испытывала. Эти несчастія, сначала вымышленныя, искорѣ осуществились; за праздностью послѣдовала скука, тщеславіе довершило остальное. Стоны раздавались со всѣхъ сторонъ, всѣ старались освободиться отъ дѣйствительной жизни, чтобы предаться бесполезнымъ мечтаніямъ. Эти склонности, усиленные общественнымъ недугомъ, были увеличены еще болѣе болѣзнями умами, краснорѣчиво воспѣвавшими людскія страданія. Зло распространилось скоро; слабыя души, хотя и великодушныя, погнбли, пораженныя бездѣйствіемъ; ихъ энергія выразилась въ безцѣльныхъ вздохахъ; а другіе, люди менѣе благородные, скрыли эгоизмъ, лѣнь и забвеніе своихъ обязанностей подъ выраженіемъ поэтическихъ страданій.

Альбертъ возвратился сильно зараженный этой болѣзью. Я его спрашивалъ и понималъ изъ его отвѣтовъ, что увлеченный пустымъ честолюбіемъ и несчастными вліяніями, онъ

пренебрегъ своими занятіями, чтобы искать въ высшей сферѣ торжественныхъ волненій и упоеній славы. Но равнодушіе встрѣтило его первые опыты. Въмѣстѣ съ этимъ общественнымъ недугомъ, онъ получилъ отвращеніе къ ученью жизни. Такова была исторія его обманчивой надежды. И эта старая исторія обновляется. Всегда изнеможеніе прежде достиженія цѣли, уныніе и жалобы прежде битвы и пораженія; великій человѣкъ притѣсненъ и гонимъ не понять; и всегда этотъ нескончаемый Рене, которому мы всѣ подражаемъ въ двадцать лѣтъ!

Новая литература присоединила къ заблужденіямъ этого молодого человѣка еще одинъ недостатокъ. Въ представленіи одной драмы, онъ видѣлъ на сценѣ человѣка, страстнаго какъ Отелло, мрачнаго какъ Лара и резонера какъ Гамлетъ. Судьба, несчастная еще до рожденія, мрачная жизнь еще въ колыбели. Этотъ человѣкъ боролся тщетно съ судьбою; пламенная, настойчивая, непоколебимая, она привязалась къ нему, и ни любовь, ни науки, ни богатство не могли ее умиловать. Этотъ человѣкъ былъ, подобно Альберту, безъ имени и семейства. Альбертъ глубоко погрузился въ свою горестъ, которой онъ не могъ измѣрить ни объемомъ, ни силой, предался ей и сроднился съ нею; въ свою очередь онъ вообразилъ себя всѣмъ оставленнымъ, и возненавидѣлъ одиночество, на которое его осудило рожденіе. Неблагодарный! онъ забылъ мою сестру, которая только имъ и жила; онъ забылъ даже меня, котораго называлъ своимъ братомъ! но я всегда замѣчалъ, что эти истомленные молодые люди, отягощенные свѣтъ своимъ отчаяніемъ, только вздыхаютъ объ одиночествѣ ихъ сердца и оплакиваютъ уединеніе, которому судьба ихъ подвергла. У многихъ изъ этихъ людей есть родители, пожертвовавшіе всѣмъ для нихъ, въ надеждѣ, что они когда-нибудь могутъ быть предметомъ ихъ гордости и подорою ихъ старости. Также много есть и такихъ, отъ будущности которыхъ зависѣла судьба ихъ молодой сестры, которая сдѣлается бѣдной и останется безъ всякой помощи, если они не будутъ ей покровительствовать. Наконецъ мало такихъ, которые бы не имѣли священныхъ обязанностей.

Ничтожное, тщеславное поколѣніе! воображающее, что его назначеніе совсѣмъ не то, на которое его обрекла судьба, и которое всю жизнь жалуется на свою судьбу, пренебрегаетъ счастіемъ, ему назначеннымъ, стремится къ другому только потому, что оно блистательнѣе ожидающей его участи. Не мало употреблено краснорѣчія, чтобы уменьшить наши бѣдствія:

довольно страдали мы: настало время дѣйствовать, и каждый изъ насъ, исполняя долгъ, къ которому онъ призванъ, отдастъ дань славы, къ которой стремится.

Я не былъ снисходителенъ къ Альберту: строго упрекалъ его за нерадѣніе къ наукамъ, которыя онъ забывалъ, покоряясь безумнымъ мечтаньямъ; бранилъ за его уныніе и лѣньность, за его ребяческія грезы, напоминалъ ему объ обѣщаніяхъ, данныхъ мнѣ при отъѣздѣ.

— Сдержали ли вы ихъ? спросилъ я его. Я вѣрно и твердою рукою начерталъ вамъ планъ, которому вы должны были слѣдовать: а вы слѣдовали ли ему? Что сдѣлали вы съ мужествомъ, которое ни въ чемъ не находило сомнѣнія? Что стало съ любовью, которая не находила преградъ? Едва успѣли вы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ почувствовали изнеможеніе. Вы обвиняете теперь судьбу за то, что она прикрыла васъ своимъ крыломъ. Чего надѣялись вы, начиная вашу жизнь? Что цути ся будутъ выровнены, и что плоды и древесная тѣнь склонятся надъ вашей головой? Тѣнь встрѣчается рѣдко, плоды же постоянно ускользаютъ отъ насъ. Какое средство употребили вы, чтобы достигнуть ихъ? Вы считаете себя несчастнымъ, а же признаю васъ виновнымъ. Несчастный! повторяете вы. Васъ спросятъ: отчего? Безъ сомнѣнія оттого, что вы не успѣли еще въ продолженіе десяти мѣсяцовъ осуществить ваши желанія, подчинить себѣ весь свѣтъ. Но вы еще такъ молоды! Или можетъ быть свѣтъ не цонялъ васъ? Но вамъ не болѣе восемнадцати лѣтъ!...

— Не сомнѣвайтесь въ томъ, что свѣтъ когда-нибудь заглядитъ свое заблужденіе: дайте только ему время узнать и оцѣнить васъ, людей, которые считаютъ себя великими, такъ много, что они должны быть ему въ тягость. Вы жалуетесь на отверженіе, которое начинается съ самаго вашего рожденія: это предосудительное мнѣніе, которое здравый разумъ не называетъ справедливостью, и герой, котораго вы берете своимъ образцомъ, не что иное въ нашемъ обществѣ, какъ анахронизмъ. Что же касается до того, что всѣ избѣгаютъ васъ, это важнѣе: вѣдь вы сами были благодарны къ тѣмъ, которые предлагали вамъ свою любовь и свои старанія составить ваше счастье. Вы видите, что вы несчастны потому, что сами въ томъ виноваты.

Вотъ наставленія, которыя я давалъ Альберту на всѣ его декламации. Что касается до Нанси, не имѣя другаго ума, кромѣ здраваго смысла и простой души, она не понимала горести своего друга.

— Что съ вами, говорила она ему: я не узнаю васъ послѣ вашего возвращенія? Я хотѣла бы знать ваше горе, чтобы помочь вамъ. Мы не перестали васъ также любить и никогда не отдѣляли нашей судьбы отъ вашей: къ чему же эта горестъ и уныніе? Развѣ вы болѣе не довольны нашими ласками, нашими предположеніями о сельскомъ блаженствѣ; они вамъ болѣе не нравятся? Наконецъ вы, вѣрно, насъ болѣе не любите? Скажите: вы насъ обманываете, вы скрываете ваши надежды отъ вашихъ друзей? Если они не въ состояніи раздѣлить вашихъ горестей, значитъ вы имѣете радости, которыхъ они чужды? Вы жалуетесь на всѣхъ и на все; свѣтъ не такъ черенъ, какъ вы воображаете; да и что вамъ до людей и до свѣта, если мы нисколько не перемѣнились? Посмотрите на наши лѣса, развѣ они не такъ же прекрасны; развѣ наше небо менѣе ясно, наши рѣки не такъ прозрачны и чисты; сердца наши расположены къ вамъ не такъ, какъ прежде? Было время, и я также была печальна, мнительна и задумчива; но съ тѣхъ поръ, какъ Максимъ благословилъ нашу любовь, я сдѣлалась попрежнему спокойною, а вы, благодарный, вы потеряли довѣрчивость; я стала вѣрить въ счастье, а вы, жестокий, еще не нашли его! Чего вамъ не достаетъ? Развѣ Максимъ не считаетъ васъ своимъ братомъ? Вы не считаете себя развѣ моимъ братомъ? Развѣ я для васъ не болѣе, какъ сестра?

Столько благосклонности возбуждало, повидимому, мужество къ Альбертѣ, но любовь его не находила той прелести и молодости, какъ прежде. Все кончилось для нашего счастья! равнодушіе Альберта и горестъ Нанси, скрытыя до-сихъ-поръ, у одного отъ угрызенія, у другой отъ надежды, ждали только перваго случая, чтобъ всныхнуть. Случай этотъ не замедлилъ представиться.

Во-время поѣздки Альберта въ Парижъ я ему часто разсказывала въ моихъ письмахъ о г-жѣ Сомервилъ и о живѣйшемъ ея желаніи познакомиться съ нимъ; я ему разсказала также о нашемъ посѣщеніи его домика, о привязанности этой женщины къ намъ, о дружбѣ, которая соединила насъ троемъ.

Когда онъ пріѣхалъ, г-жа Сомервилъ была не такъ здорова, и долго не являлась къ намъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Альберта, я предложилъ ему идти съ нами, то есть со мной и моею сестрой, въ Анжескій замокъ; но такъ какъ я довольно строго побранила его за употребленіе его времени въ Парижѣ и за послѣдствія его ученія въ продолженіе пер-

ваго года, сердитый и капризный, недовольный самимъ собою, всегда недовольный и другими, онъ сухо отказалъ мнѣ.

— Да и что такое эта г-жа Sommerville? спросилъ онъ меня. За чѣмъ позволять постороннимъ вмѣшиваться въ нашу искреннюю дружбу? Развѣ мы не были счастливы втроемъ? И зачѣмъ эта новая дружба? Не сами ли вы говорили мнѣ, на террасѣ въ Анземѣ, что эта женщина оставила мать свою? Я нахожу, что ваша благосклонность очень скоро раждается, ваше уваженіе слишкомъ неразборчиво, и воспоминанія ваши очень снисходительны!

— Неговорите ничего дурнаго про эту женщину! возразила почти разгнѣванная Нанси.... Зачѣмъ злословите вы ее? прибавила она съ кротостью, когда знаете, что я люблю ее?

— Вы обижаете, сказалъ я ему холодно: все, что есть великаго и прекраснаго на землѣ.

— Хорошо, пусть такъ, отвѣчалъ Альбертъ, котораго сознание своей ошибки дѣлало еще упрямѣе. Меня только удивляетъ, что вы хотите непременно передать мнѣ вашу симпатію и вашъ восторгъ!...

— Вы несправедливы и злы! сказала Нанси, и если бы вы знали г-жу Sommerville....

— Я не хочу ее знать, прервалъ Альбертъ....

— Пойдемте, прибавила сестра моя умоляющимъ голосомъ: пойдемте, Альбертъ, я прошу васъ! Еслибы вы знали, сколько разъ г-жа Sommerville говорила о васъ съ участіемъ, еслибы вы могли понять это участіе, которое вы ей внушаете, вы не захотѣли бы быть неблагодарнымъ передъ нею.

— Эта-то притворная нѣжность и отдаляетъ меня отъ этой женщины, возразилъ онъ: въ ея заботахъ я вижу только неумѣтное любопытство, которое меня обижаетъ и отъ котораго я стѣснью отдѣлаться. Въ ея участіи я вижу только сильную скуку, которая ищетъ развлечения и которую я не берусь разогнать.

— Вы всегда готовы воображать все дурное! печально сказала сестра. Не болѣе года, какъ вы вѣрили только въ доброе... И такъ вы не пойдете? прибавила она со слезами. Что подумаетъ г-жа Sommerville о вашемъ отказѣ и упрямствѣ: она употребила все, чтобы привлечь васъ въ Анземъ; она васъ любитъ, потому что, мы васъ любимъ, даже посѣщала вашъ домъ во время вашего отсутствія.

— Вы забываете, что въ отсутствіе г-жи Sommerville, я также чаще посѣщала ея жилище. И вы теперь видите, что по-

явленіе маркизы въ домѣ моемъ не что иное, какъ учтивость, которую она должна была отдать.

При этихъ словахъ Альбертъ позвалъ своихъ собакъ и пошелъ чрезъ Сен-Леонардъ къ своему холму. Нанси и я, мы пошли въ Анземъ.

— Простите меня, что я передаю вамъ эти ничтожныя подробности обыкновенной жизни; но тутъ-то мы и можемъ судить о людяхъ: на театрѣ свѣта они бываютъ только актерами, играющими свою роль съ болѣющимъ или мѣньшимъ искусствомъ и одѣтыми съ болѣею или мѣньшею роскошью. Чтобы изучить и подмѣтить таинственныя нити, приводящія ихъ въ движеніе, надо заглянуть въ жизнь простыхъ людей. Сколько убѣжденных, занимающихъ въ настоящее время политическихъ людей, и которымъ послужила основаніемъ какая нибудь прихоть! Сколько ревностныхъ подвиговъ, главнымъ источникомъ которыхъ было гордое сознание своихъ заблужденій!

Мы шли молча, въ продолженіе всей дороги, занятые оба печальной мыслию, которую болѣе въѣрить другъ другу. Не далеко отъ Анзема мы встрѣтили Франка, служителя замка, который ѣхалъ въ Сен-Леонардъ на лошади г-жи Sommerville. Увидя насъ, онъ осадилъ сердитое животное, и остановился у холма, гдѣ мы его ждали.

— Я ѣду въ городъ, сказалъ Франкъ: за письмами къ г-жѣ Sommerville; ей теперь лучше, она ждетъ васъ.

Лошадь горячилась, съ нетерпѣніемъ становилась на дыбы, и принудила Франка ускакать галопомъ. Это была лошадь испанской породы, ласковая и покорная, когда чувствовала приближеніе своей доброй госпожи, но на ней не ѣздили во время болѣзни Аврелии, и полная ревни и огня, она скакала подлѣ Франкомъ какъ дикое животное.

Когда мы пришли въ замокъ, г-жа Sommerville сидѣла на крыльцѣ и читала.

— Это вы, мой милые! воскликнула она, вставъ, какъ только насъ увидѣла. Я читала только глазами, а думала о васъ. Прелестная моя, сказала она цалуя Нанси въ лобъ: какъ ты блѣдна, глаза твои красны! Милая, не болитъ ли у тебя что-нибудь? Ты кажется, плакала? Что съ ней, Максимъ? Друзья мои, я очень рада видѣть васъ: въ себѣ я уже не вижу ни веселья, ни молодости—какъ въ васъ. Да благословить васъ Богъ за вашу привязанность къ моему скучному существованію. Когда я съ вами, когда Максимъ согрѣваетъ мои руки своими, а ты, мое милое дитя, обнимаешь меня твоими молодецкими ручками, вы

напоминаете мнѣ цвѣты, посѣянные вѣтромъ въ скалахъ и распустившіеся на солнцѣ... Но гдѣ Альбертъ? Мнѣ сказали въ деревнѣ, что онъ возвратился, и я его ждала сегодня. Отчего онъ не съ вами?

Вопросъ г-жи Sommerville затруднялъ насъ обоихъ; Нанси покраснѣла, опустила глаза и не отвѣчала ни слова; я началъ было бормотать что-то, но остановился на первой же фразѣ. Удивленная г-жа Sommerville, смотрѣла на насъ въ недоумѣніи. Я уже собирался разсказать ей всю правду, какъ вдругъ послышался конскій топотъ у загородки.

— Что это такое? сказала г-жа Sommerville: неужели Франкъ уже возвратился изъ Сен-Леонара?

— Это невозможно, сказала Нанси: вѣтъ и двадцати минутъ, какъ мы встрѣтили его по дорогѣ, ведущей въ городъ.

— Я однакожь слышу, что это Кортесъ, прибавила г-жа Sommerville.

Едва она сказала это, какъ Кортесъ, перелетѣвъ подобно вѣтру террасу, сердито остановился у рѣшетки замка. Молодой человѣкъ слезъ съ лошади: онъ былъ блѣденъ, разстроенъ, покрытъ пылью; весь дрожа, онъ прислонился къ разгорѣвшейся лошади.

— Это не Франкъ! сказала г-жа Sommerville, съ удивленіемъ.

— Это Альбертъ! вскрикнула Нанси съ радостью.

И всѣ трое мы пошли къ нему на встрѣчу.

V.

Никто не избѣжитъ своей судьбы. Мы напрасно стараемся обмануть ее: ея приговоръ напечатлѣнъ на насъ; она ослѣпляетъ и привлекаетъ насъ; только мы думаемъ скрыться отъ нее, какъ рокъ снова увлекаетъ насъ къ ней.

Я уже говорилъ, что домикъ Альберта выходилъ на дорогу, ведущую изъ Анзема въ Сен-Леонаръ. Альбертъ стоялъ у дверей, когда проѣзжалъ Франкъ; онъ остановился, чтобы поговорить съ молодымъ человѣкомъ, котораго еще не видалъ послѣ его пріѣзда. Франкъ вѣхалъ на Кортесѣ; Альбертъ, сто-

ялъ облокотился на дуствольное ружье, которое онъ привезъ изъ Парижа. Альбертъ имѣлъ страсть къ лошадямъ, Франкъ къ хорошимъ ружьямъ.

— Ты ѣдешь на славной лошади! сказалъ Альбертъ.

— Это Кортесъ, отвѣчалъ Франкъ, хлопая рукой по широкой шеѣ животнаго.

При одномъ имени Кортеса, лошадь захлопала ушами, заржала и начала бить передними ногами объ землю.

— Горда и прекрасна какъ Кастилецъ! сказалъ Альбертъ. Однимъ изъ моихъ задушевныхъ мечтаній было всегда—скакать на хорошемъ конѣ.

— А у васъ славное ружье! отвѣчалъ Франкъ, не обращая вниманія на поэтическую фантазію Альберта и оглядывая ружье, котораго двойной стволъ отсвѣчивалъ полосами на солнцѣ.

— Безполезное оружіе, Франкъ! Я не знаю, куда дѣвались зайцы: поутру я цѣлые три часа бился попустому, и никакъ не могъ застрѣлить даже одного зайца.

— Оттого, что они васъ теперь не знаютъ и боятся, сказалъ Франкъ съ насмѣшливымъ тономъ и взявъ ружье изъ рукъ Альберта.

Потомъ завелъ курокъ, попробовавъ ружье и прицѣливаясь:

— Г. Альбертъ, сказалъ онъ, отдавая ему ружье, я бы съ удовольствіемъ прошелся съ вашимъ ружьемъ и съ вашими собаками по полю въ Сен-Леонаръ, и за это повѣсилъ бы послѣ того на вашу дверь двухъ зайцевъ.

— Если хочешь! отвѣчалъ молодой человѣкъ: возьми мое ружье и моихъ собакъ, и ступай охотиться; я отведу Кортеса въ Анземъ, и ты найдешь его потомъ привязаннаго къ загородкѣ. Согласенъ ли ты?

Онъ еще не успѣлъ договорить свое предложеніе, какъ Франкъ былъ уже на землѣ, и примѣривъ охотничій костюмъ молодого человѣка. Альбертъ взялъ уздечку, поставилъ лѣвую ногу въ стремя, и вскочивъ въ сѣдло поскакалъ въ галопъ, между тѣмъ, какъ Франкъ и двѣ собаки исчезли въ кустахъ.

Кортесъ, не чувствуя подъ собою обыкновенной пощи и управляемый неискусной рукой, несся какъ вихрь. Стройный и гибкій станъ Альберта наклонился отъ быстроты бѣга, но онъ держался твердо, непоколебимо, полный огня и отваги. дыша съ радостію, и погоняя кова жестами и голосомъ; ему казалось, что онъ летѣлъ какъ стрѣла. Однако замѣтивъ деревенскую колокольню Анзема и маленькую башню замка, которая рисовалась на пожелтѣвшей зелени, близкій къ цѣли, онъ

хотѣлъ умѣрить бѣгъ Кортеса; но напрасно: вмѣсто того, чтобы ослабить повода, онъ тянулъ ихъ къ себѣ всѣми силами своихъ мускуловъ, которые и въ случаѣ опасности не напрягались такъ, какъ тутъ, когда онъ противъ воли стремился къ г-жѣ Сомервилль; пылкое быстрое животное, чувствуя боль отъ удочки, сжимавшей ему ротъ, и отъ ногъ всадника, который неловко сидѣлъ на лошади, съ каждой минутой ускорило свой бѣгъ. Въ нѣсколько секундъ онъ проскакалъ разстояніе Анзема, въ два прыжка проѣхалъ деревню, устремился къ оградѣ, перила которой были отворены, и остановился на террасѣ, у рѣшетки замка.

Альбертъ, очутивъ какъ-будто волшебствомъ передъ г-жей Сомервилль, понялъ свое положеніе, какъ человѣкъ умный, но воспользовался имъ какъ глупецъ: какъ человѣкъ съ умомъ, онъ приписалъ себѣ всю честь невольной поѣздки. Сомервилль, удивленная неожиданнымъ появленіемъ нашего друга, благодарила его за то, что онъ успѣшилъ доставить ей удовольствіе своимъ посѣщеніемъ; онъ, не смутясь, отвѣчалъ, что хотѣлъ этимъ собственно доставить удовольствіе себѣ, и какъ глупецъ началъ разсыпаться въ длинныхъ и глухихъ комплиментахъ, удивившихъ всѣхъ насъ. Слова его такъ странно противорѣчили его суровому выраженію, въ манерахъ его было что-то дерзкое и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливое; такое странное сліяніе смѣлости и застѣнчивости, что г-жа Сомервилль сама не могла не улыбнуться.

— Если это доставляетъ вамъ удовольствіе, спросила протодушно Нанси: отчего же вы не хотѣли идти вмѣстѣ съ нами? Можетъ быть оттого, что я просила васъ объ этомъ.

При этихъ необдуманныхъ словахъ Альбертъ смѣшался и не отвѣчалъ ни слова.

— Я очень хорошо вижу, прибавила она съ разсерженнымъ видомъ, что здѣсь, кромѣ вашихъ друзей, никто не внушаетъ вамъ отвращенія; вы избѣгаете насъ, а не г-жу Сомервилль; дорога показалаась бы вамъ очень длинна между мною и братомъ; и моя рука, опираясь на вашу, тяготила бы васъ. Ну чтожь! тѣмъ лучше! пусть вы будете виноваты передъ нами; по-крайней-мѣрѣ мы всегда готовы простить васъ. Но зачѣмъ вы бѣжите насъ, что мы вамъ сдѣлали?

Альбертъ былъ тронутъ; онъ подошелъ къ Нанси, чтобы утѣшить ее; но она, сердясь, оттолкнула его и сѣла возлѣ г-жи Сомервилль.

— Что съ вами, мои друзья? спросила г-жа Сомервилль, ни-

чего не понимая изъ всего этого: кто изъ васъ объяснитъ мнѣ это?

— Маркиза, сказала Альбертъ, подходя къ ней, повидимому тронутый: я, можетъ быть, потеряю ваше участіе и лишусь навсегда вашей благосклонности, но я вамъ признаюсь во всемъ.

И съ благородствомъ человѣка, который обвиняетъ себя, онъ рассказалъ все, что происходило въ нашемъ домѣ, и то, что онъ приведенъ былъ въ Анземъ отчасти судьбою.

— И такъ, сказала задумчиво г-жа Сомервилль: это вы меня избѣгали! Это очень естественно, и не могло быть иначе: какая симпатія можетъ существовать между вашимъ молодымъ сердцемъ и моимъ? Я нисколько на васъ не сержусь за это.

— Правда, маркиза, сказалъ Альбертъ, опустивъ глаза: я избѣгалъ васъ. Я безумный! Вы меня полюбили, не зная меня, а я не любилъ васъ. Я очень хорошо чувствую, что въ эту минуту мы виноваты оба.

— Не надѣйтесь, сказала смѣясь Сомервилль, что признаніе вашихъ ошибокъ заставитъ также и меня признаться въ моихъ. Въ мои лѣта придерживаются своихъ заблужденій болѣе, чѣмъ въ ваши, и расстаются съ ними съ трудомъ.

При этихъ словахъ, она взяла Альберта за руку и подвела къ сестрѣ. Альбертъ равнодушно поцаловалъ Нанси въ лобъ, и боязливо поднесъ къ своимъ трепещущимъ губамъ руку, которую онъ держалъ въ своей рукѣ.

— Ахъ, Максимъ! воскликнулъ онъ съ восторгомъ, между тѣмъ, какъ Сомервилль утѣшала бѣдную сестру: какъ женщина эта хороша! какъ печаленъ и протокъ взгляда ея, какое благородное, страдальческое лицо! И какъ она граціозна, Максимъ! Вы мнѣ не говорили обо всемъ этомъ. Она также молода и прекрасна, она прекрасна еще болѣе потеряю своей красоты. Сколько покорности на этомъ величественномъ, блѣдномъ лицѣ! И эта женщина васъ любитъ, Максимъ, и вы также смѣете ее любить! Какъ вы счастливы! Когда я почувствовалъ ее руку у моихъ губъ, я думалъ, что не переживу этого.

Слова эти огорчили меня: онъ замѣчалъ только одну Сомервилль, я думалъ о Нанси. Сильно пораженная равнодушіемъ Альберта, она плакала въ объятіяхъ Аврелии, которая осыпала поцалуями ея бѣлокурую головку. И мнѣ тогда маркиза казалась щитомъ, прикрывшимъ мою сестру.

Нанси была печальна въ продолженіе всего дня, но ея другъ не замѣчалъ этого. Сомервилль, желая убѣдить Альберта въ

его несправедливости и вывести из затруднительного положения, въ которомъ онъ находился передъ нею, употребивъ все, что только можетъ очаровать и прельстить. Альбертъ былъ побѣжденъ, и солнце не такъ скоро гаснетъ за нашими горами, какъ образъ Нанси изгладился изъ его сердца. Это потому, что образъ этотъ былъ уже и безъ того очень блѣденъ и слабъ въ его памяти; этому сердцу, потерявшему свою дѣвственность отъ литературныхъ заблужденій, которыя стѣрѣютъ челоуѣка и дѣлаютъ разочарованнымъ въ двадцать лѣтъ, тихія волненія чистой любви не были болѣе достаточны; этому воображенію, настроенному въ продолженіе десяти мѣсяцевъ лихорадочными ощущеніями, развитыми романами и пѣсами, скромная дѣвушка, воспитанная въ горахъ, была бы самая скучная героиня. Еще прекрасная, таинственная, романтическая энтузіастка, Sommerville была напротивъ для него восхитительнымъ осуществленіемъ пеленныхъ, пылкихъ идей, толпившихся въ его головѣ, и появленіе этой женщины открыло ему тайну и цѣль его новыхъ стремленій.

И потомъ, надо признаться, этотъ день показалъ всю огромную разницу, отдѣляющую Нанси отъ Sommerville, и сколько врожденная грація безъ развитія ничтожна передъ гордою увѣренностью, которую даетъ свѣтская опытность. Въ Нанси я находилъ всю мою радость, всю мою гордость; любимое существо было для меня самымъ любезнымъ, и до-сихъ-поръ я не думалъ, чтобъ какая-нибудь женщина обладала болѣею красотой и болѣшими совершенствами, какъ моя сестра. Нанси, съ своей стороны, счастливая и гордая любовью Альберта, протодушно вѣрила въ достоинства, которыя онъ въ ней находилъ; никогда не воображала она, чтобы женщина любимая Альбертомъ, была мила и любезна меньше другихъ. Наша девковѣрная довѣрчивость исчезла въ одинъ день. Видя, что другъ ея, которымъ Sommerville совсѣмъ завладѣла, не обращаетъ на нее вниманія, Нанси поняла, что она ничто иное, какъ простое, скромное дитя, безъ особеннаго ума и опытности, и въ то время, какъ Аврелія носилась съ Альбертомъ въ мірѣ мечтаній, за которыми не могла слѣдить сестра, мы тихо шли за ними грустные и глотая наши слезы.

Возвратясь въ замокъ, маркиза сѣла за рояль. Она пѣла съ душой. Альбертъ, съ восхищеніемъ слушалъ ее. Нѣжно, страстно одицетворяла она передъ нимъ фантазіи: Анну, Жюльетту, Дездемону, Эльвиру. Какъ хороша, какъ трогательна! сколько мелодической грусти было въ ея голосѣ, вдохнове-

вія и поэзіи въ ея взглядѣ, даже въ ея волосахъ, такъ гармонически облежавшихъ ея блѣдное личико! Кто бы не полюбилъ ее? И кто не забылъ бы при ней сестру мою? Альбертъ забылъ все на свѣтѣ; онъ былъ въ упоеніи, а Нанси, желая облегчить свое гореслезамъ, плакала отъ тоски, какъ-будто тропутая музыкой.

Аврелія пропѣла романсъ. Руки ея еще лежали на клавишахъ, глаза были подняты къ небу, послѣдніе лучи солнца падали сквозь открытыя окна на ея задумчивую головку. Она напоминала мнѣ Коринну на Мизенскомъ мысѣ извѣстнаго живописца. Она медленно встала, подошла къ Нанси, и положивъ руки на голову бѣлокурой дѣвушки, сказала:

— Поэты ничего не могли придумать моложе и прекраснѣе васъ, милое дитя мое!

И обращаясь къ Альберту, она прибавила:

— Альбертъ, мы, кажется, были въ Парижѣ въ одно время: это было прошедшей зимой; я только что пріѣхала изъ долгаго путешествія, и приготовлялась къ вѣчному изгнанію. Намъ случалось, я думаю, не одинъ разъ быть подъ одной крышей, при блескѣ тѣхъ же огней, дрожать отъ однихъ и тѣхъ же ощущеній, плакать одними и тѣми же слезами. Можетъ-быть, также въ галереяхъ Лувра мы вмѣстѣ останавливались передъ одними и тѣми же созданіями искусства; можетъ-быть въ одинъ изъ вечеровъ, на одномъ изъ сенскихъ мостовъ, мы любовались старымъ городомъ, покрытымъ вечернимъ сумракомъ. Я любила Парижъ; еще и теперь иногда, подъ широкимъ небомъ, наполненнымъ благоуханіемъ нивъ, я сожалею о непостоянномъ, переменчивомъ небѣ Парижа. Расскажите мнѣ что нибудь о Парижѣ. Жизнь тамъ такъ полна, такъ скоротечна, любовь народа такъ непостоянна, слава такъ ничтожна; каждый часъ, каждую минуту новыя приключенія смѣняютъ старья, и шесть мѣсяцевъ отсутствія, вѣроятно, слѣдали изъ него другой міръ, новую страну. И такъ, молодой путешественникъ, возвратясь изъ далекихъ странъ, въ хижину вашихъ родныхъ, расскажите что нибудь о обширномъ городѣ дикарямъ, живущимъ на берегахъ Крезы.

Альбертъ говорилъ остроумно и обдуманно.

Искусный въ этомъ случаѣ, одаренный вѣрнымъ инстинктомъ, стремящійся къ прекрасному въ искусствѣ, онъ былъ въ одно и тоже время живописецъ, артистъ, поэтъ; исключительно восторженный, молодой челоуѣкъ, съ пылкими склонностями, излагалъ каждую мысль какъ доктрину, каждый

предметъ, возбудившій его вниманіе, былъ кумиромъ. Маркиза, съ участіемъ смотрѣвшая на эту способность молодыхъ людей увлекаться всѣмъ, вздумала опровергать симпатію Альберта. Альбертъ съ жаромъ защищалъ ее. Споръ былъ живой. Аврелія была остроумна, покойна и насмѣшлива, Альбертъ краснорѣчивъ и увлекателенъ.

— Вы счастливы, сказала Коммервиль, проворно перебивая восклицанія Альберта, который тотчасъ же остановился: вы счастливы! Если бы вы знали, сколько мой холодный умъ завидуетъ вашимъ восторженнымъ заблужденіямъ, если бы вы могли сохранить ихъ навсегда! Сердце, не умѣющее себя обманывать, несчастно.

Легко можно представить себѣ положеніе Нанси въ продолженіе этихъ ученыхъ и моральныхъ споровъ. Не слѣдя за умственными развитіемъ той эпохи, она казалась смущенной, какъ путешественникъ, находящійся въ странѣ, языкъ которой ему не извѣстенъ. Она замѣчала съ безпокойствомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, свободное сочувствіе Альберта къ новымъ новіямъ, къ которымъ такъ не шла наша неловкость. Въ зимніе вечера, мы проходили литературу и искусства.

Одинъ Богъ можетъ знать, что я вытерпѣлъ въ этотъ день! Несносныя страданія болѣе оскорбили мое сердце, нежели разтерзали его.

Я упрекалъ себя за умъ Альберта; я обвинялъ себя въ томъ, что послалъ его въ Парижъ, усовершенствовать его талантъ и знанія. Меня мучили прелести Авреліи; я былъ обязанъ въ любви Нанси; я страдалъ за нее; я бы хотѣлъ привести Альберта къ его первобытному невѣдѣнію, или отнять у Авреліи всѣ ея совершенства, чтобы украсить ими мою сестру.

Впрочемъ нужна была вся моя неопытность, чтобы не предвидѣть заранѣе, что любовь Альберта, поставленная между двумя женщинами, перейдетъ отъ Нанси къ маркизѣ. А любовь въ лѣта Альберта торопится жить и нетерпѣливо жаждетъ познаній; она любитъ изслѣдовать еще неразгаданное, на каждомъ шагѣ она ищетъ новыхъ открытій. Какъ рѣдко встрѣчаемъ мы молодя души, которыя помѣнялись бы своими добродѣтелями; онѣ не могутъ ничего узнать другъ отъ друга. Молодое сердце ищетъ всегда такое, которое уже старо опытною; оно торопится пройти скорѣе эту жизнь, которую не понимаетъ, и которую другіе уже прошли. Съ своей стороны сердце, извѣдавшее уже всѣ подводные камни жизненной рѣки,

призываетъ неопытную любовь, въ надеждѣ возвратиться къ своему прежнему истоку. Что таинственнаго, непрелвидѣннаго открывало Альберту въ будущемъ любовь моеи сестры? Какое чувство въ сердцѣ Нанси могло быть тайною для Альберта, и сколько сокровищъ, напротивъ, должно было скрываться въ сердцѣ Авреліи!

Любовь Нанси походила на ровный путь, который можно было измѣрить однимъ взглядомъ, заключеніемъ котораго была свадьба; страсть Авреліи напротивъ представляла ландшафтъ полный разнообразія, въ которомъ глазъ не могъ исчислить всѣхъ измѣненій, ни проникнуть до глубины его.

Разговоръ Альберта и Авреліи шелъ между-тѣмъ постепенно обо всемъ, развивая идеи и разбирая всѣ вопросы. Маркиза, разговаривая, продолжала перебирать пальцами по клавишамъ; онъ сидѣлъ возлѣ нея и перелистывалъ альбомъ, небрежно брошенный на столѣ.

— Не ищите на этихъ листахъ, сказала маркиза, знаменитостей, рисунковъ, вынужденныхъ докучливостію у искуснаго карандаша и знаменитой кисти: эти страницы содержатъ въ себѣ простыя воспоминанія, которыя дороги мнѣ одной.

— Эти собранія самыя пріятныя, отвѣчалъ Альбертъ. Я боялся, открывъ этотъ альбомъ, что вы послѣдуете модѣ. Разбирая какой-нибудь альбомъ, вы, вѣрно, не разъ жалѣли объ артистахъ, которыхъ заставляли докучливостію писать на этихъ страницахъ.

— Разумѣется, а этотъ альбомъ напоминаетъ мнѣ только любимые предметы и мѣста. Нѣтъ ни одного листочка между ними, покрытаго несовершенными рисунками и подписаннаго незнакомыми именами, который не имѣлъ бы для меня болѣе цѣны, нежели совершенные рисунки и знаменитыя имена.

— Вы путешествовали, маркиза? сказалъ Альбертъ, разсматривая съ любопытствомъ нѣкоторые виды, списанные съ незнакомыхъ странъ.

— Да, печально отвѣчала маркиза. Если можно назвать родиною мѣста, гдѣ мы страдали, то родина моя очень велика!

— Вы были въ Италіи и въ Испаніи! продолжалъ съ восторгомъ Альбертъ, перелистывая эстампы, которыя Аврелія привезла изъ своихъ путешествій. Вы видѣли Альямбру, вы ѣздили мечтать на родину Мавровъ! Св. Маркъ! Вы видѣли Венецію! Ея гондольеры поютъ ли еще октавы Аріоста и Тасса?... Неаполь! Вотъ Неаполь! Вы видѣли Неаполь, маркиза! вы жили подлѣ его небомъ, вы проѣзжали этотъ заливъ, вы

взбирались на лаву Везувія! Вы очень счастливы!... А эта завядшая, засохшая роза, не роза ли Пестума?

— Нѣтъ! Въ этой книгѣ, какъ и въ моей жизни, воспоминація разбросаны безъ порядка и безъ системы. Эта роза напоминаетъ мнѣ дальнѣйшіе берега.

— Это роза заключаетъ въ себѣ, можетъ-быть, цѣлую поэму? Странно, что часто видъ какой-нибудь незнающей вещи доставляетъ намъ цѣлую жизнь радости и горя!

— Эта роза переѣзжала моря. Послѣ продолжительнаго путешествія, нашъ бригъ, Фанни, при противномъ вѣтрѣ, остановился у МысаДоброй Надежды. Я была также между пассажирами.

Шлюпку спустили на воду, и всякій изъ насъ, утомленный морскою пищею, велѣлъ себѣ принести съ мыса любимое блюдо. Двѣ молоденькія женщины спросили себѣ, одна камелію, другая розу. Мы такъ долго не видѣли цвѣтовъ!

— Вы ходили также по берегамъ Арно?

— Да, я пролила на этихъ берегахъ много слезъ.

— А Римъ, маркиза! вы видѣли Римъ?

— Онъ у васъ подъ руками.... будьте осторожны, а то онъ превратится въ пыль.

— Этотъ листокъ плюща?...

— Я сорвала его на развалинахъ Колизея.

— Путешествовать, маркиза, это мечты моей молодости! Сколько разъ я умоляла перелетныхъ птичекъ унести меня на своихъ крыльяхъ и облака, проходящія въ воздухѣ, взять меня съ собою! Если бы я могъ когда-нибудь ѣхать въ эти прелестныя мѣста искать вашихъ слѣдовъ!

— Эта жизнь, непостоянная, безъ глубокихъ впечатлѣній, скоро утомляетъ насъ; скоро захочется раскинуть палатку на любимомъ берегу, который вы не должны болѣе оставлять.

— Какія мѣста вы бы избрали вашимъ раемъ?

— Нашъ рай тамъ, гдѣ мы начали нашу жизнь; это уголокъ земли, гдѣ мы въ первый разъ плакали, гдѣ мы въ первый разъ улыбнулись. Нѣтъ прекраснѣе неба, цвѣтущіе берега, душистѣе полей, которые заставили бы насъ забыть мѣста, гдѣ мы родились. Родина не пустое слово. Она тамъ, гдѣ мы любимъ и любили.

— Правда ли, по-крайней-мѣрѣ, что путешествие разсѣваетъ грусть, что мы можемъ найти подъ другимъ небомъ тишину и спокойствіе, которыя потеряли на своей землѣ?

— Тишина и спокойствіе имѣютъ только одну родину, это наша душа. Когда онъ оставляетъ ее, намъ будетъ очень трудно опять найти ихъ; разорвемъ, пожалуй, наши цѣпи и оставимъ

тѣ мѣста, гдѣ мы жили, но мы все-таки не убожимъ отъ самихъ себя и вездѣ влечемъ за нашимъ растерзаннымъ сердцемъ копецъ цѣпи, которую разорвали.

Они долго говорили такъ. Альбертъ слушалъ Аврелію съ простодушнымъ удивленіемъ. Онъ самъ себя спрашивалъ, что это за женщина, которая, будучи такъ молода и такъ прекрасна казалось, все знаетъ, все видѣла и все перестрадала. Съ своей стороны Соммервиль увлеклась прелестью, что можетъ передать свои впечатлѣнія и воспоминанія высокой душѣ, которая оказалась сестрой ея души. Нанси и я слушали молча, повременамъ вмѣшивая въ разговоръ пустые вопросы.

Я не знаю ничего непостояннѣе, разнообразнѣе, увлекательнѣе разговора молодыхъ людей, которые видятъ другъ друга въ первый разъ и уже сочувствуютъ одинъ другому. Они не съходятъ за собой, они любятъ другъ друга, и хотѣли бы еще болѣе любить. Какъ стараются они найти между ними новую симпатію, какъ торопятся они подѣлиться богатствомъ сердца!

— Напримѣръ, говорила маркиза наши фамильные портреты не казались намъ смѣшными, за что можетъ-быть, вы меня и осуждаете, я люблю старые портреты, въ особенности тѣ, которые напоминаютъ неизвѣстныя добродѣтели. Я бы хотѣла, чтобы каждое семейство имѣло свою галерею старыхъ знаменитостей. Пріятно не отдавать забвенью то, что мы любимъ; пріятно также думать, что мы не сойдемъ въ могилу совершенно, что между нашими отцами, которые уже болѣе не существуютъ, мы будемъ занимать также мѣсто возлѣ нашихъ дѣтей. А потому, если эти портреты напоминаютъ намъ добродѣтели, не находите ли вы, что это совѣсть наша смотритъ на насъ? Древніе сохраняли въ урнахъ пепелъ, который имъ былъ дорогъ, а мы передаемъ полотно черты тѣхъ, кого мы любимъ: это религія мертвыхъ.

Эти необдуманныя слова жестоко напомнили Альберту, что онъ не могъ даже повѣсить къ своему изголовью портрета своей матери. Онъ ничего не отвѣчалъ, но лобъ его покрылся краской, его глаза наполнились слезами. Нанси, имѣвшая сердце живое и понятливое, подошла къ своему другу и хотѣла взять его за руку; онъ ее хладнокровно оттолкнулъ. Маркиза поняла, въ свою очередь, что она поступила неосторожно, напомнивъ о семействѣ тому, кто не имѣлъ его; она не прибавила ни одно-

го слова; но когда мы вышли изъ залы, она взяла Альберта за руку и съ чувствомъ пожалала ее.

— Вы не боитесь уронить себя? сказалъ молодой человѣкъ съ горечью.

— Ахъ! Альбертъ! сказала она, скрестивъ руки.

Мы подошли къ нимъ: они замолчали. Проходя по терасѣ, мы встрѣтили Франка, который велъ лошадей съ водою. Маркиза подошла къ Кортесу, и погладила его по черной груди, блестящей какъ вороново крыло.

— Не сердитесь ли вы на бѣдное животное? спросила она, обратясь къ Альберту. Альбертъ улыбнулся, и прежде чѣмъ ушелъ, подаловалъ бѣлую звѣзду, свѣтившуюся на лбу Кортеса. Маркиза проводила насъ до Анзема. Дойдя до деревни, я и сестра пошли по дорогѣ въ нашъ домъ. Альбертъ шелъ по другой тропинкѣ. Маркиза одна возвратилась домой.

Мы шли долго, не говоря ни слова, но наши сердца принимали другъ друга и тихо говорили между-собою. Была минута, что наши души сошлись, и добровольнымъ движеніемъ мы бросились въ объятія другъ друга. Наши повисла у меня на шеѣ, я цаловалъ ее лобъ и волоса.

— Ты меня любишь! сказала она, рыдая. Ты меня будешь любить всегда и безъ граціи, безъ ума, безъ красоты!.. Максимъ, братъ мой, зачѣмъ не сберегъ ты моего сердца для одного тебя? Твоя любовь была такъ покойна, а другая приноситъ столько горя. Я все слышу голосъ, который говоритъ мнѣ: я уже болѣе не люблю васъ!

Потомъ она мнѣ говорила:

— Ему это можно простить. Кто я, чтобы онъ могъ любить меня? Не-что иное, какъ сельская дѣвушка. Я ничего не имѣю, кромѣ любви, а онъ такъ уменъ, гениалентъ, краснорѣчивъ!.. Ахъ! Максимъ! зачѣмъ посылали вы его въ Парижъ, зачѣмъ не оставили вы его въ нашей деревнѣ? Зачѣмъ ему всё его познанія, науки? Онъ меня любилъ, и я была счастлива, и онъ былъ также счастливъ, мой Альбертъ! Отдайте мнѣ мою радость, отдайте мое счастье!

И обращаясь ко мнѣ, она прибавила:

— Пожалѣй меня, прости твою бѣдную сестру; сжалясь надъ ее горемъ! Я несчастна, горе отнимаетъ у меня рассудокъ. Этотъ день казался мнѣ такимъ длиннымъ! Я не знала, какъ дожидаться ночи. Она приближалась такъ скоро, когда Альбертъ былъ съ нами! Какъ коротко и быстро проходилъ тотъ день, который мы проводили вмѣстѣ! Ты помнишь, Максимъ, что мы

иногда по цѣлымъ часамъ сидѣли, не говоря ни слова, и эти часы были самые пріятные. Онъ говорилъ со мной о нашихъ занятіяхъ, о нашихъ удовольствіяхъ, о нашей счастливой любви. Когда птицы стаями летали надъ нашими головами, онъ говорилъ мнѣ: я бы хотѣлъ летѣть вмѣстѣ съ ними въ далекія страны; я бы принесъ тебѣ оттуда цвѣтотъ и плодовъ. Или когда онъ задумывался, онъ говорилъ мнѣ: я бы хотѣлъ знать, куда идутъ облака, мелькающія въ небесахъ, куда разносится шерсть, которую стада оставляютъ на колючемъ пластѣ, и которую уносятъ вѣтеръ; я хотѣлъ бы также знать, что говоритъ вѣтеръ древеснымъ листьямъ, Креза камнямъ своихъ воль.... Я такъ любила все, что онъ говорилъ.

Такимъ образомъ сестра моя искала, въ мірѣ своихъ воспоминаній, Альберта, за которымъ не могла слѣдовать въ новый міръ, куда я его поставилъ. Когда мы возвратились, у нея открылась сильная лихорадка. Я провелъ ночь возлѣ нея. Эта ночь была также дурно проведена Альбертомъ.

VI.

Возвратясь въ свою комнату, Альбертъ облокотился на окно. Ночь была свѣтла. Красная, матовая луна показалась на горизонтѣ, и тихо плыла по небу; листья, покрытые росой, шевелились безъ шума; ничто не нарушало сельского спокойствія. Одинъ Альбертъ бодрствовалъ посреди общей тишины. Онъ пошелъ на берега Крезы, подышать свѣжимъ воздухомъ, утомленный жаждою спокойствія и не находя его, онъ боялся волненій своей души. Онъ мнѣ часто рассказывалъ объ этой ночи, которая была такъ тиха въ поляхъ и бурна въ его сердцѣ.

— Боже мой, говорилъ онъ самъ себѣ, ступая по мертвымъ листьямъ долины: что значать эти тревожныя ощущенія, которые родились въ моемъ сердцѣ? Развѣ въ этомъ заключается любовь, этотъ пожирающій огонь, эта болѣзнь, немимбющая названія? Въ этомъ ли чувствѣ заключается земное счастье? Нѣтъ, эта женщина мой злой гений; я чувствую, какъ

пальцы ея жгутъ мои губы, ея рука какъ желѣзная сжимаетъ мою руку. Я люблю Нанси, я хочу ее любить; она получила мое слово, и когда нибудь мы вмѣстѣ преклонимъ наши колѣна предъ алтаремъ. Боже мой, ты знаешь это: зачѣмъ же въ жалобахъ вѣтра, въ шумѣ листьевъ, въ переливахъ воды я слышу и вижу имя другой женщины, другой образъ, другое желаніе въ моей душѣ?... Но я буду бороться; если Ты поможешь мнѣ, я буду силенъ, и сохранию клятву, которую далъ.... Но помоги мнѣ: въ настоящую минуту я слабъ; пошли мнѣ ангела спокойствія, вели бурю затихнуть, проходящему облаку принять другой видъ, и пусть въ твоихъ звѣздахъ я прочту другое имя на небесномъ сводѣ.

Такимъ образомъ молодой человѣкъ боролся съ угрызениемъ совѣсти и любовью. Какъ обыкновенно случается съ благородными душами, угрызение совѣсти побѣдило. Альбертъ поставилъ себѣ долгомъ счастье Нанси, и торжественно далъ клятву не видать болѣе никогда Сомервилъ. Но онъ не зналъ, что счастья нельзя дать, что имя можно только обмѣняться.

Сомервилъ, зная что пора любви ея уже прошла, надѣялась все еще разъ увидѣть Альберта. Этотъ молодой человѣкъ живо возбуждалъ ея любопытство; любопытство въ женщинѣ это уже любовь, но и самая любовь женщины не что иное, какъ любопытство. И потому, самолюбіе Сомервилъ было живо тронута тѣмъ, что онъ убѣгалъ ее. Упѣ-которыхъ женщинъ любовь проявляется тогда, когда трудно ее внушить: любовь такихъ женщинъ похожа на смерть: она поражаетъ только тѣхъ, которые убѣгаютъ ея, и убѣгаетъ тѣхъ, которые ищутъ ея. Участвіе Сомервилъ къ Альберту, при нашемъ расположеніи къ нему, приняло съ перваго дня ихъ знакомства характеръ болѣе романтической и вѣжливый. Впрочемъ Альбертъ обладалъ достоинствами, которыхъ Аврелія и не подозрѣвала. Она представляла себѣ его молодымъ человѣкомъ, отъ котораго за двадцать шаговъ пахнетъ наукою и табакомъ, который только и мечтаетъ о тяжбахъ, наша прекраснаго свѣтскаго молодого человѣка, откровеннаго до грубости, скромнаго до неловкости, такого же энтузіаста, какъ и она сама, какъ и она, страстнаго любителя некуства, съ душою, понимающею его, и говорящаго о немъ со вкусомъ, впрочемъ молодого человѣка безъ таланта, и который въ продолженіи десяти мѣсяцевъ слегка коснулся частныхъ, не обладая ни одною изъ нихъ, одареннаго всеми качествами его возраста и ни одной добродѣтелью, дитя, котораго Аврелія не замѣтила

бы въ большомъ кругу, и который ей показался въ деревнѣ предметомъ ея мечты, самой поэтической въ ея молодости. Въ деревнѣ, во-время дождя, если скука завладѣетъ нами, мы радушно готовы принять всякаго, кого случай намъ пошлетъ; все хорошо, все прекрасно, пѣть ни одной нелѣпой книги, ни одного скучнаго посетителя. Наконецъ, что скажу я вамъ? Сомервилъ раскрыла раны Альберта своими словами; чувствуя себя виновною передъ нимъ, она считала обязанностию любить его. Сердце такъ искусно умѣетъ примирить страсть съ долгомъ!

Нѣсколько дней прошло, но Альбертъ не появлялся въ замкѣ. Сомервилъ ѣздилъ часто въ Сен-Леонаръ, за письмами, и каждый разъ заѣзжала въ деревню, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Альберта. Она насъ любила попрежнему, но наша привязанность не могла ей представить ничего необыкновеннаго; такому истерзанному сердцу необходимы сильныя возбуждательныя средства, которыхъ она не находила въ нашей простой и слишкомъ обыкновенной жизни. Какъ ни велика была ея надежда, но она не встрѣчала Альберта. Онъ только по утрамъ заходилъ въ деревню, узнать о здоровьи Нанси, и тотчасъ же возвращался назадъ, всегда подъ предлогомъ какихъ нибудь занятій и работъ. Сомервилъ напрасно ждала его остальное время дня, и вечеромъ, возвращаясь въ Анземъ, всегда проѣзжала черезъ городъ.

Изъ всего этого вышло то, что Альбертъ сдѣлался для Аврелія предметомъ постоянныхъ мыслей, и что страсть этого молодого человѣка возрастала съ силою по мѣрѣ того, какъ онъ старался побѣдить ее. Вскорѣ онъ уже сталъ слабо сопротивляться; не отказываясь отъ предположенія избѣгать Сомервилъ, онъ не старался болѣе изгнать ее изъ своего сердца, и совершенно предался ей.

Если ему случалось видѣть, какъ она верхомъ ѣхала по дороге въ городъ, онъ не зналъ, какъ сократить смертельную медленность дня; часы тянулись за часами, а вечеръ все не наступалъ. Наконецъ, когда тѣнь тополею ложилась на луга, онъ выходилъ къ пастню, устремлялъ все свое вниманіе на дорогу, и когда сквозь смѣшанные голоса стада, возвращающихся съ пастбища, сквозь лай собакъ и пѣсни пастуха, ему слышался конскій топотъ, тогда онъ говорилъ самъ себѣ, что день проходилъ быстро и что ночь скоро наступала, и по мѣрѣ того, какъ этотъ топотъ приближался, его сердце билось сильнѣе; оно такъ сильно трепетало въ его груди, какъ будто желало

освободиться от своих оков; онъ стоялъ за кустарникомъ, боязливый и дрожа при безпокойномъ бѣгѣ лошади, какъ птичка подъ магнетической силой взгляда собаки, которая дѣлаетъ стойку.

Наконецъ Кортесъ проѣзжалъ, и снова исчезалъ. Тогда Альбертъ поднималъ голову, чтобы посмотрѣть на нее черезъ заборъ; она удалялась живая и прекрасная, при чистомъ вечернемъ воздухѣ. Онъ возвращался, унося съ собою ея образъ, и въ свидѣніяхъ ночи онъ все еще видѣлъ бѣлый корсажъ Аврелии, мелькавшій между зеленью, какъ прекрасная ллія, сорванная вѣтромъ.

Другой образъ представлялся его воображенію. Эта была Нанси, блѣдная и умирающая, которая приходила и садилась къ его изголовью; одѣтая въ саванъ, она говорила ему: Вы слишкомъ поторопились одѣть меня въ подвѣчное платье!... На головъ у нея былъ вѣнокъ изъ иммортелей и кипарису; она ему говорила: вотъ мой обручальный вѣнецъ, который вы мнѣ сами надѣли.... Щеки ея были блѣдны, цвѣтъ лица свинцовый, на глазахъ блестя слеза, и она ему говорила: Вотъ мой вѣнчальный уборъ, который вы мнѣ привезли изъ Парижа.... Альбертъ хотѣлъ обнять ее, и встрѣчалъ только грозную тѣнь, которая требовала у него отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ съ моею сестрою. Неумолимый голосъ тревожилъ его сонъ, и когда онъ просыпался, подушка его была омочена слезами.

Тогда только угрызеніе совѣсти оживляло его любовь къ Нанси, и приводило его къ намъ въ деревню. Тогда только изрѣдка эта потухающая любовь бросала яркія искры. Альбертъ выходилъ изъ своего дома полный огня и силы; его умъ былъ занятъ только одною пріятною, сладостною, восхитительною мыслью, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленной, сомнительной, таинственной; онъ видѣлъ Нанси, онъ слышалъ ея голосъ, онъ вдыхалъ въ себя утренній воздухъ; онъ какъ ребенокъ, перескакивалъ заборы и рвы, чтобы придти скорѣе; ему казалось, что совершенно новая душа переселилась въ него, и что возлѣ сестры онъ найдетъ свои прежнія чистыя волненія.... Но когда онъ приходилъ, онъ чувствовалъ, какъ ледъ гасилъ его пламя; слова любви, приготовленные заранѣе, холодили на его губахъ; онъ уходилъ смущенный, оскорбленный и съ смертельною грустью въ душѣ.

Тѣ, которые увѣряютъ насъ, что переѣчивость чувствъ составляетъ пріятныя и легкія минуты, обманываютъ насъ; непостоянство влечетъ за собою свои несчастія.

Что касается до Нанси, она была спокойна и покорна судьбѣ. Даже тогда, когда Альберта не было у насъ, она не произносила ни одной жалобы; только блѣдная худоба ея лица открывала горестъ, которая ее убивала. Она еще не вѣрила страсти Альберта къ Сомервиллю, но тайное предчувствіе ей предсказывало это. Она съ ужасомъ припоминала всю прелесть красоты сердца и ума, которыя Аврелия выказала при Альбертѣ, и хотя у насъ въ деревнѣ Альбертъ говорилъ, что эта женщина ему не нравится и что онъ рѣшился никогда ее болѣе не видѣть, Нанси смутно поняла, что ея другъ хотѣлъ обмануть ее и, можетъ-быть, обманулъ самого себя. Что касается до меня, я все видѣлъ и ничего не могъ сдѣлать. Одна Сомервилль не знала печальной драмы, происходившей въ нашихъ сердцахъ; она съ заботой спрашивала о болѣзни Нанси, моею грусти и объ отсутствіи Альберта.

— Что случилось между вами? спросила она меня одинъ разъ вечеромъ, когда сестры не было съ нами. Что стало съ вашимъ счастьемъ, о которомъ вы столько говорили, съ этою свѣтлою дружбою, соединяющею васъ троицъ, съ этимъ прелестнымъ союзомъ, который обѣщалъ вамъ такъ много въ будущемъ? Нанси день ото-дня все болѣе худѣетъ; цвѣтъ молодости пропадаетъ на ея щекахъ, на лбу видны морщины, блескъ глазъ ея тухнетъ; Альбертъ удаляется, а вы, Максимъ, вы угрюмы, какъ башня Анзескаго замка. Будьте счастливы попрежнему, друзья мои, чтобы я могла видѣть въ васъ счастье, котораго мнѣ не достаетъ! Что же такое съ вами? Я принимала участіе въ вашихъ радостяхъ, я имѣю право раздѣлять ваше горе. И три томъ я ваша мать, милые дѣти мои; вы это хорошо знаете, Максимъ.

Эти слова меня тронули: я ей разсказалъ, какъ Альбертъ пріѣхалъ изъ Парижа, грустный, разстроенный, разочарованный. Сомервилль съ собственнымъ участіемъ слушала разсказъ объ этихъ несчастіяхъ, хотя я ей представлялъ ихъ безо-всякихъ поэтическихъ выраженій. Я жалъ отъ нея строгости, и встрѣтилъ только сожалѣніе къ Альберту, и болѣе чѣмъ материнскую снисходительность къ его заблужденіямъ.

— Вы можете ясно понять остальное, прибавилъ я: Альбертъ печаленъ и убѣгаетъ насъ; его печаль огорчаетъ сестру мою, его равнодушіе ее убиваетъ, и, свидѣтель всѣхъ этихъ несчастій, я разстроенъ, потому-что не могу помочь имъ.

Аврелия меня не слушала: она пробѣгала въ своемъ умѣ все, что знала про Альберта, все, что я разсказалъ ей о немъ, и все, что она поняла.

— Да, сказала она сама себѣ: это одна изъ тѣхъ душъ, которыя слишкомъ рано или слишкомъ поздно появились на нашей жалкой землѣ. Зачѣмъ судьба, дала имъ эту сильную жажду къ прекрасному, если въ степи, куда она ихъ послала, нѣтъ источника, чтобы утолить эту жажду? Зачѣмъ такія нужды, если поля ихъ бесплодны? Къ чему эти безконечные сны въ этомъ мѣрѣ эгоизма, неизмѣющаго границъ?... Вы спрашиваете, Максимъ, отчего эти души такъ сильно предаются горести: это отъ того, что и въ безднѣ горести, мы каждый день дѣлаемъ новыя открытія. Счастье такъ скоро узнается!... и такъ же скоро проходить; дороги къ нему такъ протоптаны, такъ избиты, такъ извѣстны! Пути же горести безпредѣльно разстилаются передъ нашими стопами, и никто еще не нашелъ конца ихъ. Вы знаете, сколько прелести есть въ страданіяхъ, какъ пріятно ласкать ихъ, чувствовать, какъ онѣ увеличиваются при нашихъ засахъ, и беречь ихъ, какъ сокровище! Ихъ однихъ у насъ всегда довольно; онѣ нашъ вѣрный другъ, нашъ непремѣнный спутникъ; онѣ всегда готовы сообщить намъ новыя тайны, новыя секреты.

— Маркиза, сказала я ей: Альбертъ можетъ понять васъ лучше меня: я только бѣдный молодой человекъ; я обрабатываю свою землю, засѣваю хлѣбомъ поля, молю Бога помочь мнѣ въ дѣлахъ моихъ и содержать сестру моими трудами. Я счастливъ, если счастлива моя сестра, и это счастье не угомило бы меня, если бы даже было вѣчно. Что же касается до страданій, маркиза, я не могу знать ихъ: я страдаю только за Нанси.

— Максимъ, сказала мнѣ Коммервилъ: вы лучше меня.

— Да, можетъ-быть, оттого, что я менѣе васъ понимаю вещи, маркиза.

— Счастливы тѣ, которые многого не знаютъ!...

VII.

Одинъ разъ вечеромъ Альбертъ долго ждалъ у загородки на дорогѣ: Коммервилъ не возвращалась. Небо было покрыто тучами, быстрыя молніи извивались на горизонтѣ. Альбертъ слы-

шалъ, какъ крупныя капли дождя падали вокругъ него на листья. Онъ возвратился въ свою комнату, и сѣлъ у камина. Его лампа горѣла на столѣ, обѣ собаки его спали. Альбертъ былъ одинъ: кормилица его наканунѣ ушла въ Сен-Леонаръ, къ своей дочери, умиравшей въ чахоткѣ.

Безпокойство, скука его одолевали; онъ взялъ со стола книгу и открылъ ее. Это была Эмиль; въ немъ еще лежали засохшіе цвѣты Аврелии. Альбертъ поднесъ ихъ къ губамъ; но вспомнивъ о Нанси, съ гнѣвомъ смялъ ихъ. Онъ хотѣлъ писать, и сломалъ перо; онъ бросился на постель и рыдалъ. Его собаки начали лизать ему руки, но онъ съ сердцемъ оттолкнулъ ихъ, и бѣдныя животныя съ поникшими головами отошли и растянулись на прежнемъ мѣстѣ.

Гроза разгоралась; громъ раздавался въ облакахъ, дождь билъ въ окна Альберта, и раздраженный вѣтеръ, казалось, каждую минуту готовъ былъ снести домикъ, стоявшій на дорогѣ, выбѣтъ съ кустами, вырванными съ корнями; черепицы крыши съ трескомъ летѣли; ураганъ вырывалъ огромныя деревья; источники, увеличенные дождемъ, лились по косогору.

Альбертъ съ наслажденіемъ слушалъ шумъ этой бури, которая какъ будто сочувствовала волненіямъ его души. Онъ засыпалъ, убаюкаемый всею сѣвернаго вѣтра, какъ вдругъ вскопчилъ на постели, и обѣ собаки его поднялись ворча.

— Это вѣтеръ, подумалъ Альбертъ, ложась снова...

Но почти въ тоже время раздался стукъ въ двери, собаки принялись сильно лаять. Альбертъ всталъ съ постели и побѣждалъ отворить.

— Я пришла просить у васъ гостепріимства! послышался голосъ, заставившій его вздрогнуть всею тѣлою.

— Кто бы вы ни были, отвѣчалъ Альбертъ, прислонясь къ рамкѣ дверей: добро пожаловать!

И когда онъ зажгетъ лампу, погашенную вѣтромъ, ворвавшимся въ комнаты, онъ узналъ Коммервилъ, стоящую возлѣ него.

— Вы, маркиза, здѣсь! воскликнулъ онъ, отступая съ ужасомъ.

— Да, сказала она, падая въ кресло Альберта: гроза застигла меня, когда я выѣзжала изъ Сен-Леонара. Я думала, что успею доѣхать до Ансема; но Кортесъ спотыкался на каждомъ шагѣ и отказывался идти далѣе. Слышите, бѣдное животное рвется у вашихъ дверей: нельзя ли его поставить въ сарай?

Альбертъ вышелъ, чтобы исполнить ея желаніе. Когда онъ возвратился, Коммервилъ сняла уже свой amazonскій костюмъ, и

грѣла у огня свои оледенѣвшія руки. Онъ поправилъ почти потухшій огонь, бросилъ въ каминъ полѣна два сухихъ дровъ, и пламя весело вспыхнуло; потомъ онъ предложилъ Коммервилъ нѣсколько капель ликера, приготовленнаго его кормилицей.

— Мое гостепріимство очень бѣдно! сказалъ онъ, смотря на нее съ любовью.

— Гостепріимство никогда не бываетъ бѣдно, отвѣчала Аврелія.

Альбертъ стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, и обратилъ весь свой взглядъ на нее.

— Сядьте возлѣ меня, прибавила она. Дождь еще сильно идетъ; Франкъ пошелъ предупредить моихъ людей, чтобы они не беспокоились обо мнѣ; пусть вѣтеръ воевъ, мы можемъ поговорить.

— Отчего я васъ болѣе не видала? продолжала Аврелія, усаживая его подлѣ себя. Развѣ вы меня не простили, и все еще сердитесь? Будьте снисходительнѣе, Альбертъ! Зачѣмъ забывать вашихъ друзей? И отчего вы такъ печальны и серьезны? Вы скучаете, начиная жизнь и еще ничего не понимая изъ нея! Въ ваши лѣта скучать! Что будетъ съ вами въ старости?

Альбертъ ободрился и сталъ говорить о своемъ одинокомъ существованіи, о своихъ мечтахъ, о счастья и скоромъ разочарованіи; онъ рассказывалъ увлекательно. Онъ говорилъ объ одиночествѣ сердца своего, передавалъ увлеченіе своей души къ таинственному существу, которое должно было призвать его къ жизни; онъ говорилъ съ жаромъ. Потомъ онъ рассказалъ свою жизнь въ Парижѣ, свою борьбу, свою бѣдность и холодную дѣйствительность, отъ которой онъ тщетно старался бѣжать. Аврелія была тронута. Однако это были безконечныя слезы, которыя мы всѣ проливаемъ въ двадцать лѣтъ, но для женщинъ эти обыкновенныя страданія такъ привлекательны, что, можетъ быть, ни одна изъ нихъ не отказалась бы отъ удовольствія утѣшить неузнаннаго генія, вознаградивъ новаго неузнаннаго Бонапарте за несправедливость судьбы.

Я не знаю ничего вреднѣе и несчастнѣе для домашней жизни этихъ мелкихъ людей, которые торгуютъ своими страданіями, идутъ вездѣ, напѣвая вторую пѣснь Енеиды какой-нибудь новой Дидонѣ, или рассказывая о своихъ походахъ, какъ Отелло у ногъ Дездемоны. Эта система очарованія рѣдко не достигаетъ своей цѣли; есть столько пустаго сожалѣнія, легковѣрнаго великодушія въ сердцѣ женщины! Несчастіе такъ при-

увлекательно для этихъ слабыхъ душъ! Имъ такъ пріятно лечить и утѣшать, омывать слезою рану, высушить слезы улыбочкой! Они такъ гордятся соперничествомъ съ судьбою.

Коммервилъ безумно предалась удовольствію слушать Альберта. Она видѣла его такимъ молодымъ, торопящимся жить, и чувствовала, какъ она стара и утомлена жизнью; ея душа и красота казались ей такими безцвѣтными, безсильными, одна чтобы почувствовать любовь, другая, чтобы внушить ее, что она могла только удивляться очарованію, которое приковывало ее къ рассказамъ молодого человѣка. Она плакала при его горестяхъ, улыбалась его наивной самонадѣянности, восхищалась его малѣйшими словами, искусно возвращала его къ разсказу тѣхъ же самыхъ происшествій, или съ заботой останавливала на подробностяхъ, которыхъ онъ коснулся мелькомъ.

Альбертъ, съ своей стороны, увлекался живымъ участіемъ, которое онъ возбуждалъ въ сердцѣ этой женщины. Я разогналъ его мечты моею суровостью; Нанси оскорбляла его горестъ, не понимая ее; онъ нашелъ наконецъ существо, полное симпатіи къ нему, понимавшее его жалобы и ласкавшее его заблужденія, какъ шалости избалованнаго ребенка.

Съ этой минуты любовь его къ Авреліи не знала ни страха, ни нерѣшительности, и образъ Нанси совершенно изгладился изъ памяти ея друга, не оставя угрызений совѣсти, ни даже сожалѣнія.

— И такъ, говорила Коммервилъ: вы воспитывались безъ семейства, и выросли безъ любви? Ваша мать не сидѣла у вашей колыбели и никогда ея поцалуи не осушали вашихъ слезъ? Да, это скудно, бѣдное дитя!

— Вы мнѣ напоминаете, отвѣчалъ Альбертъ, единственное воспоминаніе счастья, которое какъ солнечный лучъ, пало въ мое дѣтство:

Въ одинъ вечеръ (это было также, какъ и теперь осенью) я игралъ въ саду съ дочерью моею кормилицы; я былъ тогда очень молодъ. Мой названный отецъ былъ въ городѣ, моя кормилица вертѣла колесо своей прalkи у дверей.

Около ночи какой-то незнакомецъ подошелъ ко мнѣ съ любопытствомъ, спросилъ мое имя и лѣта, и, не зная подлѣ какимъ предлогомъ, повелъ меня по дорожкѣ. Когда мы прошли небольшое разстояніе, я увидѣлъ одноколку, въ которую меня посадили, не смотря на мой крикъ. Одноколка эта ѣхала въ продолженіе трехъ часовъ въ ночной темнотѣ. Когда она остано-

лась, меня приподняли твердыя руки, и пройдя нѣсколько длинныхъ, темныхъ корридоровъ, я очутился вдругъ въ залъ, гдѣ былъ ослѣпленъ блескомъ огня. Я было хотѣлъ ускользнуть чрезъ затворенную дверь, но она затворилась за мною, и женщина, которой я не замѣтилъ войдя, обняла меня, цаловала меня, называя своимъ милымъ Альбертомъ. Она была хороша, какъ вы, маркиза, голосъ ея былъ также пріятенъ, какъ вашъ. Много дней прошло съ тѣхъ поръ, но я не забылъ его; этотъ нѣжный голосъ говорилъ только часъ со мною, и остался, какъ мелодія, въ моемъ сердцѣ.

— Это женщина была ваша мать? спросила Коммервилъ.

— Она называла меня своимъ сыномъ. Когда пришли отнять меня изъ ея объятій, она судорожно прижала меня къ своему сердцу. Мое единственное счастье, говорила она заливаясь слезами, увижу ли я тебя еще разъ въ этой жизни? И если Богъ не проститъ меня, встрѣтимся ли мы въ другой жизни?... Я чувствовалъ, какъ слезы ея лились по моимъ щекамъ; я самъ плакалъ.

Меня вырвали изъ ея объятій, и таже самая карета въ ту же ночь отвезла меня на то мѣсто, гдѣ меня взяли. Мой названный отецъ, который, я думаю, гдѣ проишествія этого романческаго вечера, никогда не старался объяснить ихъ, и эту женщину я видѣлъ послѣ того только во снѣ.

— И вы никогда не искали дороги, которая привела васъ къ ней?

— Тысячу разъ, но всегда напрасно; я даже не узналъ бы дома, въ который былъ таинственно привезенъ. Но если бы случай привелъ меня въ эту залу, гдѣ я провелъ не болѣе часу, я бы, безъ сомнѣнія, узналъ ее по расположенію, котораго малѣйшія подробности такъ живы въ моей памяти, какъ будто прошло только два дня послѣ этой торжественной ночи.

— И вы не жаловались на эту женщину, которая васъ бросила?

— Никогда! я молился за нее, чтобы разлученные здѣсь, мы могли бы встрѣтиться тамъ.

— А если вы ее найдете, вы не отвергнете ее?

— Я на колѣняхъ буду просить у нее прощенья за слезы, которыя она пролила за меня. Но Богъ не отдастъ мнѣ ее, маркиза: онъ меня призоветъ къ ней.

— Она умерла? спросила Аврелия.

— Мнѣ сказали это; но все-таки надежда увидѣть ее на этомъ

свѣтѣ не погасла въ моемъ сердцѣ. Ахъ, маркиза, какъ сладко, должно быть, имѣть добрую мать!

— Да, и какъ ужасно имѣть дурную! отвѣчала Аврелия съ грустнымъ видомъ.

Они сидѣли долго, погруженные въ задумчивость ихъ воспоминаніями. Коммервилъ облокотился головою на руки и влажные капли скользили по ея пальцамъ. Былъ ли это дождь, оставшійся на ея волосахъ, или, можетъ-быть, слезы, лившіяся изъ глазъ? Альбертъ въ молчаніи смотрѣлъ на нее.

— Въ вашихъ поступкахъ, Альбертъ, видно все-таки немного неблагодарности, сказала она наконецъ, и Максимъ правъ: ваше дѣтство было печально, за-то ваша молодость нашла друзей, а вы ихъ, кажется, забываете. Вы вступаете въ жизнь подъ покровительствомъ двухъ вѣрныхъ сердецъ, и предаетесь отчаянію. Вы нашли любовь, дружбу, и ваша душа еще не довольна! Я боюсь, дитя мое, чтобы вы не сдѣлались неблагодарнымъ.

— Дружба Максима довольно сурова, а любовь Нанси...

Альбертъ покраснѣлъ и не окончилъ своей фразы; онъ боялся взгляда Аврелии.

— Да это правда, вскричалъ онъ наконецъ, вставая: да, я неблагодаренъ и виноватъ, Максимъ правъ. И вы, маркиза, осуждайте меня: я не стою вашей благосклонности. Отвергайте меня всѣ, кто любилъ меня! Развѣ я не былъ отвергнутъ съ самаго рожденія?... Да, я страдаю, я несчастливъ!... Отчего, и кто можетъ это сказать? Я самъ этого не знаю; я не понимаю горя, которое меня убиваетъ: я несчастливъ, потому-что не умѣю быть счастливымъ. Я любилъ Нанси, крайней-мѣрѣ я это воображалъ: зачѣмъ Максимъ высылалъ меня изъ деревни? Я былъ такъ добръ и невиненъ тогда! Максимъ погубилъ меня.

Альбертъ прислонилъ голову къ камину. Коммервилъ подошла къ нему и начала утѣшать его.

— Вы обвиняете меня, прибавилъ онъ съ горечью: вы не знаете, какъ ужасны послѣднія вспышки угасающей любви! Вы не знаете, что она издираетъ насъ своими послѣдними потрясеніями; мы не вырвемъ ее изъ нашей груди безъ того, чтобы она не унесла съ собою часть нашего сердца... Вы безжалостны, маркиза, а я такъ несчастливъ.

— По-крайней-мѣрѣ, сказала Коммервилъ тронутая и взявъ Альберта за руку: съ-этихъ-поръ вы найдете во мнѣ заботливую душу, безпрестанно некущую о васъ, душу, понимающую

ваши горести, сестру, готовую раздѣлять съ вами ваши прекрасные и дурные дни. Альбертъ не отвергайте меня, пожалѣйте сами себя!

При этихъ словахъ Альбертъ, изумленный, обратился къ Соммервилъ, готовый упасть къ ея ногамъ и высказать свою любовь; но взгляды Авреліи были такъ благородны, такъ чисты; было столько довѣрія, столько цѣломудрія въ нѣжности, выржававшейся на ея лицѣ, видъ ея былъ такъ спокоенъ и нѣженъ, что Альбертъ стоялъ дрожа передъ ней; такова была эта женщина: такъ чиста и такъ цѣломудренна, что ей не доставало только стыдливости; но непринужденность ея обращенія не позволяла никакой вольности, и скромность, хорошо изученная не столько внушала къ ней почтенія, сколько свободное ея обращеніе.

— Вы увидите съ вашими друзьями, сказала она ласковымъ голосомъ. Будьте добры съ тѣми, которые васъ любятъ: берегите сердце Нанси, отдайте справедливость Максиму; и когда у васъ будутъ горести, въ которомъ одинъ приметъ участіе не понимая ихъ, а другая пойметъ не раздѣляя ихъ, тогда обратитесь ко мнѣ; мое сердце всегда будетъ открыто для васъ. Другіе, болѣе счастливые, объяснятъ вамъ счастье: я растолкую вамъ жизнь, и научу васъ страдать.

Между тѣмъ вѣтеръ затихъ, дождь пересталъ, и синеватая луна показывалась сквозь облака, окаймленные блѣднымъ серебристымъ лучемъ.

— Намъ надо разстаться! сказала Соммервилъ, смотря на небо.

— Буря затихла слишкомъ скоро! отвѣчалъ молодой человекъ.

— Да, сказала разсѣянно Аврелія, надѣвая свой амазонскій нарядъ. Я никогда не забуду вашего добраго гостепріимства.

— Это гостепріимство, о которомъ говорится въ преданіи, отвѣчалъ Альбертъ:

«Два бѣдные дровосѣка отворили въ одинъ вечеръ дверь путешестввеннику, застигнутому бурей: до-тѣхъ-поръ они жили просто и очень бѣдно. Преданіе говоритъ, что остальные дни своей жизни они были очень несчастны.»

— Не скучайте же болѣе, проговорила Соммервилъ умоляющимъ голосомъ, уходя изъ комнаты Альберта. Вы не будете болѣе скучать, прибавила она съ видомъ материнскаго права, опираясь своей маленькой пожкой на руку молодого человека, и садясь на Кортеса, она поцаловала въ лобъ Альберта. Аль-

бертъ хотѣлъ поцаловать ея руку, но она ускользнула какъ тѣнь; онъ даже не слышалъ топота лошади, безъ шума выѣзжавшей на сырой песокъ дороги.

— Бѣдное дитя! говорила сама себѣ Соммервилъ, подѣзжая къ Анзему: бѣдное дитя, что испытало ты такъ рано? Я буду твоимъ другомъ, я подкрѣплю тебя въ этомъ трудномъ путешествіи, которое ты только начинаешь и которое я уже кончаю. Я укажу твоей неопытности бездны, въ которыя ты можешь упасть, и рѣдкія тѣнистыя мѣста, гдѣ голова твоя могла бы отдохнуть. Я стану удалять отъ твоихъ ногъ тернія, растущія по дорогѣ, и, можетъ-быть, ты достигнешь конца пути менѣе усталый и не такъ изтерзанный, какъ я....

И въ то время какъ Соммервилъ облекала въ поэзію, въ довѣрчивость и въ безкорыстную дружбу болѣе живѣйшее и глубокое чувство, Альбертъ не спалъ, и его ненасытная дума съ тоскою слѣдила за будущимъ. Онъ со страхомъ напоминалъ тихую нѣжность г-жи Соммервилъ: это участіе, которому онъ позавидовалъ бы наканунѣ, только раздражало его нетерпѣливость, и утомленный своимъ первымъ блаженствомъ, онъ съ жадностью предавался мечтаніямъ.

VIII.

На другой день и послѣ того каждый день мы всѣ четверо проводили время въ нашемъ домѣ. Поутру Альбертъ заѣзжалъ въ Анземъ за г-жею Соммервилъ, и оба проводили день близъ Нанси. Изнуренная продолжительной лихорадкой, она не могла гулять далѣе сада. Альбертъ былъ добръ и внимателенъ къ ней, но въ нашей привязанности замѣтна была принужденность, тяготѣвшая надъ нами.

Одна Соммервилъ сохранила спокойствіе души, которое мы потеряли. Ея сердце отстрадало, не вынесъ съ собою никакого урока изъ жизни: ея умъ сохранилъ всю непредусмотрительность ранняго возраста; наивная и простодушная, какъ дитя или какъ старикъ, она столько же не подозрѣвала любовь Альберта, сколько не думала предостеречь себя отъ страсти, которую чув-

ствовала къ нему. Будущее, завтра,—она не понимала, что они значать. Существо живое и пылкое, она безумно предавалась своимъ непостояннымъ впечатлѣніямъ, и никогда не подумала защититься отъ нихъ или избѣжать ихъ. Она томилась жаждою къ неизвѣстному, и любопытство неоставляло ее всю жизнь.

Сколько привязанности должно было родиться и угаснуть въ этомъ сердцѣ, не оставивъ въ немъ болѣе слѣдовъ, чѣмъ облако въ небесной лазури. Сколько старой дружбы пожертвовано было новымъ впечатлѣніямъ! Странное созданіе это впрочемъ нашло средство оставить свѣтъ, если не съ огромной опытностью, по-крайней-мѣрѣ съ большимъ запасомъ горечи, благодаря удивительной способности воображать себя обманутой друзьями, которыхъ она сама оставляла.

Но это было все-таки прекрасное, роскошное созданіе, у котораго зло происходило отъ экзальтаціи; полная организациа ея была бы совершенна, если бы голова ея не развилася болѣе сердца; но воображеніе этой женщины рано увлекло ее такъ далеко отъ истины, что сокровища дѣйствительности вскорѣ сдѣлались ей недостаточны.

Нанси, болѣе проникательная, хорошо видѣла страсть Альберта къ Соммервилъ; но она не жаловалась: она умѣла молчать и страдать; никогда не дѣлала она ширековъ своему другу, и когда тотъ боязливо спрашивалъ ее о причинѣ ея страданій, она отвѣчала задумчивой улыбкой.

Присутствіе Альберта усиливало ея печаль, но отказаться отъ него ей стоило бы смерти: несчастная еще надѣялась. Напрасно каждый день она увеличивала свои страданія; каждый вечеръ говорила она сама себѣ: завтра онъ, можетъ-быть, снова полюбитъ меня.. Она такъ легко обманывалась! Улыбка, взглядъ, благосклонное слово Альберта, облегчали ея страданія, возбуждали въ ней столько надежды! строгіе умы, обвиняютъ покинутыхъ любовниковъ, что они не могли понять и предугадать минуты, въ которую ихъ покинули! Они не знаютъ, какъ упорна, сильна и упрямая презрѣнная любовь; эта напрасная страсть обезсильваетъ насъ, отнимаетъ у насъ достоинство, и оставляетъ намъ стыдъ и презрѣніе къ самому себѣ! Упорная и пылкая, она хватается, какъ утопающій, за прибрежную зелень; какъ осужденный, она не хочетъ вѣрить своему смертному приговору—она не хочетъ умереть. Ея жизнь — буря; дуновеніе вѣтра убиваетъ ее, одинъ солнечный лучъ оживляетъ ее; одна волна отбрасываетъ ее къ небесамъ, другая низвергаетъ въ бездну. Эта то жизнь, угаса-

ющая и опять оживающая, убивала сестру мою и сводила ее въ могилу; но смерть не ужасала ее. Каждое утро, сидя у зеркала, которое прежде отражало ее такою прекрасною и свѣжею, она сдѣлала съ удивленіемъ за отпечатками горести на своемъ блѣдномъ, худомъ лицѣ, и чувствовала тайную радость, видя въ себѣ одну тѣнь, смотря на багровый цвѣтъ своего лица, на мутные глаза, на засохшія губы; послѣдняя надежда несчастныхъ любовниковъ: возратить состраданіемъ сердце, которое ускользаетъ отъ нихъ, или умереть, и тѣмъ отмстить невѣрному...

Альбертъ не могъ скрыть отъ себя причину изнеможенія Нанси. Безъ сомнѣнія, онъ страдалъ, но его новая страсть не давала ему времени заниматься чужими несчастіями: въ любви такъ много эгоизма и суровости ко всему, кромѣ любимаго предмета.

Что касается до меня, я чувствовалъ, что въ присутствіи этого молодаго человѣка нельзя было ожидать выздоровленія Нанси, и съ нетерпѣніемъ ждалъ открытія лекцій въ Парижѣ. Поводомъ къ первому его отъѣзду я представилъ вѣжливость его къ Нанси; въ этотъ разъ я говорилъ о его любви къ самому себѣ: отдавая ему отчетъ объ управленіи дѣлами его по имѣнію во время его отсутствія, я объяснилъ ему, что долги С. Естева поглотили часть его имѣнія, и что сумма его доходовъ была гораздо ниже нашихъ прежнихъ расчетовъ.

Нужда его угнетала, трудъ былъ для него условіемъ возможности существованія въ будущемъ.

Во всей нашей маленькой колоніи было одно только существо, которое дѣйствительно не было разстроено: это было то, которое всѣхъ разстроивало. Какъ камень, падающій въ озеро и волнующій его кристалъ, г-жа Соммервилъ, можетъ-быть, навсегда нарушила спокойствіе нашего счастья; между тѣмъ она была единственная связь, существовавшая между нами: она каждый день собирала насъ подъ одинъ кровъ, приводила Альберта къ Нанси; она придавала нѣсколько сіяющихъ отблѣсковъ жизни нашимъ молчаливымъ собраніямъ; безъ нее положеніе между сестрой, Альбертомъ и мною было бы невыносимо.

Мы какъ будто сдѣлали безмолвное условіе, никогда не сознаться громко въ намѣреніяхъ, которыхъ намъ льстили, но это условіе придавало нашимъ отношеніямъ принужденность, которая сдѣлала бы ихъ ненавистными, если бы г-жа Соммервилъ не заставляла насъ забывать иногда это условіе. Ея присутствіе поддерживало нашу колеблющуюся привязанность, и

благодаря ей уму, ровности характера, уклончиваго и умбющаго примирить, мы проводили цѣлые часы вмѣстѣ, не касаясь непріятныхъ вопросовъ, которые оскорбили бы насъ тронхъ.

Этотъ послѣдній союзъ рушился.

Мы были въ половинѣ октября. Нанси уже не вставала болѣе: лихорадка приняла оборотъ сильнѣе; мы не оставляли постели большой.

Каждое утро Альбертъ и Аврелія пріѣзжали къ намъ; каждый вечеръ они уѣзжали вмѣстѣ. Грустно признаться, въ чемъ впрочемъ они и сами не сознавались, что болѣзнь Нанси удивительно помогала развитію ихъ любви, и къ участию, которое приводило ихъ къ моей сестрѣ, не примѣтно присоединялась радость видѣться каждый часъ и встрѣчать друга друга каждый день! Грустно подумать, что любовь эта возростала возлѣ ея жертвы, и что жертва сама слѣдила за успѣхами и развитіемъ этой любви.

Правда, что при мнѣ симпатія Альберта и Авреліи открывалась только въ половину; но когда они удалились вечеромъ, и одни посреди деревни, ѣхали подъ небомъ, усеяннымъ звѣздами, между зеленымъ платнемъ дороги, освобожденные отъ моего холоднаго надзора, они не боялись, что онъ разстроитъ поэзію ихъ разговора — тогда сколько заблужденія, сколько жалобъ, сколько таинственныхъ страданій повѣряли они другъ другу, въ тишинѣ нашихъ осеннихъ ночей! Сколько неясныхъ сожалѣній, сколько обманчивыхъ надеждъ, нашоптанныхъ мечтою! Какъ будто двѣ эти души должны были слиться вмѣстѣ и имѣть одинъ радости и одно горе, летѣть однимъ полетомъ въ благоухающія поля ихъ мечтаній! Не разъ первые дневные лучи находили ихъ обонхъ на нашихъ холмахъ, посреди густаго тумана Крезы.

Мы были при началѣ осени. Въ продолженіе ночныхъ путешествій, которые непременно возбудили бы толки и пересуды въ нашемъ околдѣ, Альбертъ не смѣлъ высказать свою любовь г-жѣ Sommerville; любовь Авреліи еще не открылась даже для ней самой. Это не была боязливая неловкость молодого человѣка, удерживавшая признаніе на устахъ Альберта. Это было чувство осторожности и жалости, которое сохранилось у него къ несчастному состоянію Нанси. И потомъ, въ цѣлности г-жи Sommerville было что то мужественное, пугавшее нѣжностью Альберта.

Стыдясь наконецъ своей роли, роли ребенка (онъ мнѣ потомъ

признался въ томъ), усталый противиться и страдать, теряя терпѣніе въ любви, и страшась показаться глупцемъ, онъ для удовлетворенія самолюбія, далъ клятву при умирающей сестрѣ, объясниться съ г-жею Sommerville, возвращаясь въ Анземъ. Но къ тотъ вечеръ Альбертъ уѣхалъ одинъ; а между прочимъ на другой день г-жѣ Sommerville нечего было болѣе узнавать.

Этотъ день былъ дурень для Нанси: голова ея горѣла, голова была отрывиста, взглядъ быстръ; воздухъ съ трудомъ проходилъ въ воспаленныя легкія; пульсъ ея бился съ страшною скоростью. Г-жа Sommerville захотѣла провести ночь возлѣ Нанси. Альбертъ уѣхалъ одинъ.

Вечеръ былъ сыръ и холоденъ; зима, начинающаяся въ нашихъ странахъ до ноября, уже покрыла деревню снѣгомъ.

Я и г-жа Sommerville, сидѣли у камина, гдѣ горѣло цѣлое полѣно молодого вяза. Мы были одни у Нанси: ея кормилица, сидѣвшая надъ ней нѣсколько ночей сряду, отдыхала. Мои силы были истощены тоскою и усталостью.

Соммервилъ была молчалива. Я слышалъ монотонный шумъ пламени, голосъ свертка въ щеляхъ очага; вода кипѣла въ чайникѣ, сѣверный вѣтеръ вылъ у дверей. Мои мысли помрачались; свинцовый сонъ тяготѣлъ на глазахъ; голова машинально оперлась на каминъ, руки опустились, неясные образы скользили мимо меня: это были мои лучшіе дни въ праздничныхъ нарядахъ, мои печальные дни въ траурѣ... я видѣлъ себя молодымъ, съ сестрою еще моложе меня, играющими какъ два ребенка на лугу сада... всѣ мои сладкія воспоминанія останавливались, чтобы оснать меня цвѣтами... Потомъ тянулся цѣлый рядъ горькихъ воспоминаній; мой умершій отецъ, умирающая сестра, угасшая любовь, уничтоженная дружба!.. я видѣлъ также тѣни моихъ друзей въ шестнадцать лѣтъ... Арманъ, Альфредъ, друзья мои, вы ли это? говорилъ я имъ. Жители неба, что пришли вы дѣлать здѣсь? Мы пришли утереть твои слезы, говорили они, оттого что ты оплакивала насъ съ нашей матерью... И они брали меня за руку, чтобы увести меня съ ними.

Посреди этихъ явленій, казалось, я слышалъ голосъ Нанси; призраки, вызванные моимъ большимъ воображеніемъ, исчезли. Но голова, которую я съ трудомъ приподнялъ, упала на спинку кресла, въ которомъ я сидѣлъ; утомленные глаза болѣзненно закрылись отъ сильнаго свѣта, и я пришелъ опять въ то положеніе, въ одно и тоже время бдѣнія и сна: мои способности дремали въ заспущемъ тѣлѣ...

При жалобномъ стои́ сестры, г-жа Сомервилль съѣла у ея изголовья.

— Гдѣ Максимъ? спросила Нанси слабымъ голосомъ, не открывавшая тяжелыхъ рѣсницъ, не приподнимая отягченную голову.

— Онъ отдыхаетъ.

— А Альбертъ?

— Убѣхалъ.

— Гдѣ Аврелія? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Она возлѣ васъ, дитя мое.

Нанси быстро повернулась, посмотрѣла на г-жу Сомервилль блуждающими глазами и прошептала слова, которыхъ я не помню. Наступило молчаніе, въ продолженіе котораго въ ней замѣтно было сильное волненіе. Когда успокоилась, она пригнула къ себѣ Аврелію, и обвиняя ея шею своими бѣлыми, худыми руками, сказала съ глазами полными слезъ: — Прежде чѣмъ я умру, простите меня.

— Васъ простить! за что, душа моя? Вы можете смѣло предстать передъ Богомъ.

— Не говорите этого! скажите, что вы меня прощаете.

— Милая дочь моя, ты знаешь, что сердце мое полно любви и состраданія къ тебѣ.

— Не говорите мнѣ, что вы меня любите!... Мнѣ страшно самой себя.

— Нанси, дочь моя, моя дорогая!...

— Сжальтесь, Аврелія, сжальтесь надо мной!... Я столько страдала за васъ!... черезъ васъ я умираю... Простите меня!... если я проклинала васъ.

— Проклинала?

— Да проклинала, я ненавидѣла васъ! прибавила она, спрятавъ голову подъ одѣяло, заглушая свои стоны и рыданія.

Аврелія открыла ее и привлекла къ себѣ: — Ты меня проклинала, а я благословляла тебя, ты меня ненавидишь, а я люблю тебя, ты умираешь чрезъ меня, которая отдала бы жизнь свою, чтобы возвратить тебѣ сокровища молодости!... Лихорадка приводитъ тебя въ заблужденіе, слова твои огорчаютъ меня.

— Я въ совершенномъ умѣ, сказала Нанси съ печальнымъ видомъ. Развѣ вы не чувствуете этого по моимъ слезамъ? прибавила она, поднося дрожащую руку Авреліи къ своимъ глазамъ.

— Боже мой, что же я сдѣлала? спросила съ безпокойствомъ Аврелія.

— Вы вложили въ мою грудь змѣю, которая грызетъ мнѣ сердце.

— Лихорадка лишаетъ тебя ума!

— Нѣтъ: это ревность убиваетъ меня.

Эти слова были для Авреліи молніей, которая убиваетъ и освѣщаетъ.

— Ревность! вскрикнула она сложа руки... вы ревнуете!...

— Васъ!

— Меня, старую и отцвѣтшую!

— Развѣ я такъ молода и хороша! спросила равнодушно Нанси, наклоняя свое лицо къ лампѣ, горѣвшей возлѣ нее, и отдвигая худощавыми пальцами волоса, падающіе ей на лобъ... Смотрите, маркиза: вотъ ваша соперница; вы сдѣлали меня такою.

Г-жа Сомервилль испустила громкій раздрающій крикъ, ноги ея задрожали, сердце замерло въ груди, она упала лицомъ къ кровати, колѣнами на полъ, и долго оставалась въ такомъ положеніи, подъ вліяніемъ потухающаго взора Нанси, которая въ лихорадочномъ жару вылила изъ своей груди всю горечь, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ терпѣнія скопившуюся у нее.

— Я надѣла трауръ по моему счастью въ тотъ день, когда Альбертъ увидѣлъ васъ въ первый разъ, сказала она голосомъ печальнымъ и важнымъ: съ этого дня Альбертъ полюбилъ васъ.

— Альбертъ никогда не любилъ меня!

— Онъ васъ любилъ, продолжала медленно Нанси: я видѣла, какъ эта любовь родилась; при моихъ глазахъ она выросла, и я слѣдила за ея успѣхами съ тоскою, которая сводитъ меня въ могилу.

— Альбертъ никогда не любилъ меня!... повторила Аврелія въ отчаяніи.

— Я сильно страдала! продолжала сестра съ безжалостною настойчивостью. Чувствовать, что онъ меня болѣе не любитъ, это бы не убило меня, но не любить болѣе васъ, ощущать ревность, этотъ постыдный порокъ, унижающій наши чувства—это погубило меня. О! еслибъ вы знали, какъ я ненавидѣла себя за то, что ненавижу васъ. Сколько разъ огненнымъ дождемъ падали на мое сердце проклятія, которыя я призывала на вашу голову!

— Твоя ненависть жестоко—заблужденіе... Дочь моя, приходи ко мнѣ, я тебѣ другъ и мать.

— Вы были безжалостны: каждый день я видѣла васъ подлѣ

себя, плѣняющую Альберта своими прелестями. Забывъ мои страданія, неблагодарный жилъ только для васъ, которая убивала меня!... Ахъ, маркиза, вы заставили меня быть свидѣтельницею вашего торжества.

— Дочь моя, приди въ себя!.... повторяла умоляющая Аврелія.

— Каждое утро встрѣчало насъ обѣихъ, васъ болѣе прекрасную, меня умирающую; можно подумать, что вы отнимали у меня мою молодость, чтобы придать ее вашей граціи, вашему уму... мою молодость, мое единственное сокровище!... Пусть Альбертъ сохранитъ вашу любовь вѣчно!

— Вѣдая потеряла разсудокъ! сказала г-жа Соммервилъ, взявъ своими руками горящія руки Нанси. Альбертъ никогда не любилъ меня.

— Онъ васъ любитъ, говорю я вамъ! сказала сестра моя съ нетерпѣніемъ... и вы, можете-быть, также его любите.

— Несчастная, кто сказалъ тебѣ это? воскликнула Аврелія, вставая испуганная.

— Значитъ вы его любите! прошептала Нанси задыхающимся голосомъ и падая на свою постель.

При открытіи, произведенномъ этими быстрыми словами, обѣ несчастныя поняли ихъ роковую участь.

Г-жа Соммервилъ впрочемъ не имѣла живой и глубокой страсти къ этому ребенку, котораго мы называемъ Альбертомъ; она любила его, безъ сомнѣнія, съ дружескою нѣжностью, иногда восторженною и походящею на любовь, потому-что во всѣхъ привязанностяхъ этой женщины было столько любви.

Отчего же слово, случайное произнесенное Нанси, вынудило у Авреліи крикъ страсти и ужаса? Отчего чувство, до-сихъ-поръ свойственное материнскому, превратилось вдругъ въ сильную, дѣйствительную любовь.

Это отъ того, что воображеніе, сильно взволнованное, дѣйствительно производитъ зло, котораго страшатся. Если бы Соммервилъ не видѣла препятствій своей новой страсти, еслибы эта любовь представилась въ улыбающемся видѣ, съ свободнымъ полемъ и протоптанной дорогой, Соммервилъ не любила бы Альберта; но любя его она отвлекала его отъ той, которую онъ любилъ; она губила Нанси, которую называла своею дочерью; она поселила въ наше существованіе безпокойство и отчаяніе; она боялась его любить, и потому любила его.

Мы такъ гордимся, заслуживая проклятія; наше тщесловіе такъ довольно горестями, возбуждаемыми нами, что Сом-

мервилъ почувствовала, можетъ быть, радость, видя, что судьба еще не устала ее преслѣдовать.

Между тѣмъ лихорадка Нанси усиливалась; безпамятство овладѣло ею; я слышалъ, какъ она плѣла, спрятавъ голову подъ подушку, медленную, печальную нѣснь. Аврелія стояла у ея постели, какъ предвѣстница смерти. Ея руки были сложены на груди, ея высокая тѣнь, ложившаяся на бѣлую стѣну, дрожала при трепетномъ свѣтѣ пламени. Эти нѣсны умирающей, и дрожащая тѣнь этой неподвижной фигуры наводили на меня ужасъ; я даже думалъ, что безпамятство моей сестры перешло ко мнѣ. Я хотѣлъ обжать къ ней и не могъ: желѣзная рука приковывала меня къ мѣсту; мнѣ казалось, что эта тѣнь, бродящая по стѣнѣ, насмѣхалась надъ моими тщетными усиліями.

Я слышалъ или думалъ, что слышу, — потому-что не увѣренъ въ томъ, что въ эту ночь мое воображеніе не приняло сна за дѣйствительность, — чье-то нѣміе, повторяемое посреди завываній вѣтра.

Одинъ голосъ говорилъ:

«Господи, мнѣ только шестнадцать лѣтъ: я не хочу умереть.»

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Господи, я стара; призови меня къ Себѣ.

Скоро я ничего болѣе не слышалъ; Соммервилъ оставила постель больной, и медленно подошла ко мнѣ. Боясь, чтобы мое присутствіе не привело ее съ этого времени въ затрудненіе и замѣшательство, я притворился, что сплю. Она наклонила ко мнѣ свою голову, и я почувствовалъ на моемъ лбу ея жаркое дыханіе. Она отошла, и приподнявъ вѣки, я могъ слѣдить за ея малѣйшимъ движеніемъ.

Она сѣла возлѣ сестры, и долго на нее смотрѣла; потомъ встала на колѣни и молилась въ полголоса. Когда она встала, глаза ея были заплаканы, она была спокойнѣе. Она прислонилась къ постели, и послѣ долгаго, безмолвнаго размышленія, сказала:

— Если какое-нибудь преступное заблужденіе заняло чистоту молодыхъ лѣтъ нашихъ, жизнь уже не воротитъ прежняго спокойствія и чистоты. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Богъ оставилъ меня, я тщетно искала добра: я только встрѣчала и дѣлала зло. Въ чашѣ, въ которую я лила медъ, находили полынь; тамъ, гдѣ я сѣяла доброе сѣмя, выростало терніе... Боже мой! я, вѣроятно, испытала еще не весь Твой гнѣвъ! На двѣ чаши осталось нѣсколько капель желчи, которой я еще

не выпала! Ты видѣлъ мои ошибки, Ты видѣлъ также мое горе; Ты знаешь, что мое чело страдало также подъ колючимъ вѣнцомъ, что я очень утомилась, неся мой крестъ, я утомлена, мои ноги разтерзаны: моя судьба еще не кончилась! Надо было, чтобы я внесла разстройство и беспорядокъ въ этотъ бѣдный домъ!..

Долго она была погружена въ думы. Болѣе разу уста произносили имя Альберта. Была минута, когда она поднялась съ гнѣвомъ, суровымъ движеніемъ головы отбросила свои волосы назадъ, и сжала сердце судорожной рукой.

«Ты обмануло меня, пропентала она: я думала, что ты уснуло, а ты только дремало.»

IX.

Съ разсвѣтомъ дня Коммервилъ объявила желаніе свое возвратиться въ Анземъ. Нанси спала тихимъ сномъ; я поручилъ ее кормилицѣ, и хотѣлъ проводить Аврелію. Я велѣлъ запречь одноколку; она отказалась ѣхать.

— Мы пойдемъ вѣшкомъ, сказала она мнѣ: хольба и открытый воздухъ мнѣ помогутъ. Поспѣшимте.

Мы отправились. Аврелія шла такъ скоро, что я едва успѣвалъ за ней слѣдовать. Одинъ только разъ во-время пути, она ко мнѣ обратилась:

— Когда ѣдетъ Альбертъ? спросила она меня отрывистымъ голосомъ, остановясь посерединѣ дороги.

— Маркиза, сказалъ я, Альбертъ долженъ быть въ Парижѣ 15 ноября.

— Хорошо.

И мы продолжали нашъ скорый путь.

Мы пришли въ замокъ.

— Максимъ, сказала она: вы будете завтракать со мною. Черезъ часъ вы будете свободны... Франкъ, чтобы двѣ лошади стояли у рѣшетки: я ѣду черезъ часъ, ты проводишь меня... Не находите ли вы, Максимъ, что сегодня душливо жарко... Франкъ, распорядись, чтобы намъ подали чай на террасѣ.

Холодъ былъ чрезвычайно ощутительный, но въ словахъ

Авреліи было что то до того повелительное и строгое, что я не смѣлъ сказать ни одного слова.

Однако я осмѣлился спросить о ея скоромъ отъѣздѣ.

— Вы вѣроятно ѣдете въ Кленись, и возвратитесь вечеромъ?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Ваше отсутствие будетъ продолжительно?

— Можетъ быть. Я всегда имѣла особенное желаніе объѣхать берега Крезы: эта страна очень занимательна. Вы знаете Крозанъ?... Были ли вы когда нибудь въ старомъ аббатствѣ Фонломбо, которое такъ любятъ поэты? Право, стыдно жить въ какой-нибудь странѣ, не зная ея богатства.

— Но, маркиза, сказала я ей: это опасное путешествіе: теперь зима, дороги непроходимы; Креза, вѣрно, выступила изъ береговъ. Подождите весны.

— Нѣтъ, сказала она: Богъ, который знаетъ куда я ѣду, спасетъ меня.

Чай былъ поданъ на террасѣ. Послѣ чаю, который продолжался не болѣе пяти минутъ, она вышла и возвратилась черезъ полчаса въ зимнемъ амазонскомъ костюмѣ. Она держала въ рукѣ, въ замѣнъ хлыстика, гладкую, гибкую виноградную вѣтвь, которую сорвала въ долинѣ Сорренты, во-время своихъ путешествій. На ней всегда былъ беретъ шотландскаго бархата или соломённая шляпка, подбитая голубой тафтой, безъ вуаля; она безъ боязни открывала нашему снисходительному солнцу свое лицо, загорѣлое на солнцѣ Италіи и Испаніи; но на этотъ разъ на головѣ ея была сѣрая пуховая шляпа, какъ тогда ихъ носили. Когда она пришла такъ одѣтая, и остановясь, на крыльцѣ, бросила странный взглядъ на уединенные холмы, вершины которыхъ бѣлѣлись на горизонтѣ, она мнѣ показала такой великой, гордой, я находилъ въ ней столько благородства и величія, что-то мужественное и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительное, что я едва не сказалъ ей нашихъ словъ Венеціанскаго Мавра: «Привѣтствую тебя! моя прекрасная воинственная героиня.» Кортесъ, увидя ея черезъ рѣшетку, испустилъ ржаніе, полное гордости и радости; но Аврелія отвѣчала взглядомъ полнымъ грусти на взглядъ благороднаго животного.

Франку поручено было отвести двухъ лошадей и ждать Коммервилъ у калитки сада. Простясь съ своими людьми, которые плакали, какъ будто ихъ госпожа уѣзжала въ самое долгое путешествіе, улыбнувшись старому Губеру, который пришелъ

ей сказать о неудобствѣ путешествія, которое она предпринимаетъ, Аврелия оперлась на мою руку и мы пошли къ Франку.

— Вы поклонитесь отъ меня вашему другу, сказала она мнѣ: передайте вашей сестрѣ мое сожалѣніе, что я ее оставляю больную. Но мнѣ необходимо ѣхать, я ѣду... Судьба моя должна рѣшиться!

Когда мы пришли къ саду, Сомервиль сказала мнѣ:

— Если когда нибудь вы узнаете, что я вамъ сдѣлала много зла, что будете вы обо мнѣ думать?

— Что вы болѣе меня должны страдать за то, и омывать грѣхи ваши слезами.

— Хорошо, Максимъ... Дайте мнѣ вашу руку.

Она съ чувствомъ пожала мнѣ руку, потомъ прибавила:

— Думаете ли вы теперь, что у меня добрая душа?

— Душа благородная, маркиза!

— Лучше скажите измученная... Не случилось ли вамъ когда нибудь думать, что враждебная мысль вашему счастью могла иногда родиться во мнѣ?

— О! маркиза никогда!

— Поцалуйте меня, Максимъ.

Я ее долго прижималъ къ груди моей. Наконецъ она вырвалась изъ моихъ объятий и вскочила на Кортеса. Черезъ минуту Франкъ также былъ въ сѣдлѣ.

— Не на долго, не правда ли? кричалъ я Аврелии.

— Не ждите меня прежде 15 ноября, закричала она мнѣ, быстро удаляясь.

Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛАФАТЕРЬ И ЕГО УЧЕНІЕ.

Лафатеръ былъ одинъ изъ знаменитыхъ людей восемнадцатаго столѣтія и извѣстенъ какъ физиогномистъ, богословъ и поэтъ. Онъ родился въ Цюрихѣ, 15 ноября 1741 года. Отецъ его, докторъ, не опредѣляя сыну своему никакого назначенія, отдалъ его предварительно въ школу. Находясь въ училищѣ, Лафатеръ не показывалъ блестящихъ способностей и привязанности къ наукѣ, но любилъ удивленіе и отличался набожностью. По выходѣ изъ школы, онъ обладалъ только поверхностными познаніями въ богословіи, латинскомъ и греческомъ языкахъ; другихъ же предметовъ онъ вовсе не зналъ.

Вскорѣ по окончаніи своего ученія, Лафатеръ путешествовалъ вмѣстѣ съ художникомъ Фусли. * Это было въ 1763 году. Они отправились чрезъ Лейпцигъ и Берлинъ въ Шведскую Померанію, въ городъ Бардъ. Здѣсь Лафатеръ окончивалъ свое образованіе, занимаясь богословіемъ и эстетикою. Поэмы и оды германскаго поэта Клопштока, въ то время писавшаго, сильно подвѣствовали на Лафатера. Онъ сталъ изучать нѣмецкую литературу, и почуствовалъ свое призваніе и способ-

* Fuessli или Fouseli, Heinrich родился въ Цюрихѣ въ 1742 году. Онъ путешествовалъ по всей Европѣ. Прибывъ въ Лондонъ въ 1778 г., гдѣ получилъ мѣсто профессора живописи въ Академіи, оставался тамъ до самой своей смерти, т. е. до начала 19-го столѣтія. Изъ картинъ его замѣательны слѣдующія: Леди-Макбетъ и Геркулесъ, усмиряющій лошадей Диомеда.

ность быть поэтомъ, началъ писать стихи въ религіозномъ и патриотическомъ направленіяхъ. Его *Швейцарскія пѣсни* (1767-го) и *взглядъ на заробитную жизнь и вѣчность имѣли* въ свое время большой успѣхъ. Съ этихъ поръ, до конца своей жизни, онъ не переставалъ предаваться поэзіи, и написалъ нѣсколько одъ и эпосовъ въ этомъ же родѣ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія: *Мессія*, *Понтий Пилатъ* (объ эпосе), *Ода: Цюрихъ въ концѣ 18-го столѣтія*, ея продолженіе: *Цюрихъ въ 19-мъ столѣтіи* (1800-го) и наконецъ *Пѣсни для страждущихъ*. Всѣ его творенія въ этомъ родѣ суть, болѣе или менѣе, христіанскія размышленія, проникнутыя чувствомъ вѣры и любви, человѣка, вдохновеннаго религіей, нежели поэтическія произведенія. Въ нихъ Лафатеръ размышляетъ о небесахъ, о любви христіанской, утѣшаетъ несчастныхъ, обманутыхъ судьбою, покаявшихся людьми, и призываетъ ихъ въ духовную жизнь, т. е. въ сферу дѣятельнѣйшаго ума и сердца. Его поэтическія произведенія хотя и имѣли большой успѣхъ, но только въ кругу людей религіозныхъ и набожныхъ. Такихъ людей было тогда уже немного, потому что ученіе французскихъ энциклопедистовъ того времени, противное началамъ религіи, прогрессивно распространялось не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ Европы. Вездѣ оно находило много послѣдователей и приверженцевъ. Люди, все болѣе и болѣе оставляли прежнія свои вѣрованія, и принимали новыя, которыя тогда распространялись. А потому, весьма естественно, что поэтическія произведенія Лафатера, и притомъ еще религіозныя, не могли обратить на себя большаго вниманія и имѣть всеобщій успѣхъ.

Такимъ образомъ, хотя Лафатера и считаютъ нѣкоторые поэтомъ своего времени, но за всѣмъ тѣмъ, его поэтическія произведенія не обнаруживаютъ высокаго таланта настоящей поэзіи. Лафатеръ былъ просто проповѣдникъ евангельскаго ученія и истинъ священнаго писанія, которыя онъ излагалъ въ простыхъ и прекрасныхъ формахъ поэзіи.

Въ 1769 году Лафатеръ, будучи уже женатымъ, получилъ должность діакона (diakonus) сиротской церкви въ Цюрихѣ. Скоро послѣ того онъ сталъ старшимъ пасторомъ той же самой церкви (въ 1775 г.), и исполнялъ эту должность до конца своей жизни. Сдѣлавшись служителемъ Церкви, онъ ревностно выполнялъ обязанности своей трудной и многосторонней должности, отличался своими проповѣдями, высокой нравственной жизнью и добрыми дѣлами. Какъ богословъ, онъ гораздо болѣе знаменитъ, нежели какъ поэтъ.

онъ былъ сильно привязанъ къ нѣкоторымъ католическимъ догматамъ и обрядамъ. Но во всѣхъ богословскихъ сочиненіяхъ Лафатера видно гораздо болѣе чувства и любви къ человѣчеству, нежели философскаго ума. Вообще о его сочиненіяхъ по части богословія и поэзіи, можно сказать, что въ первомъ онъ является болѣе поэтомъ, нежели философомъ, а въ второмъ, напротивъ, онъ болѣе богословъ, нежели поэтъ. Лафатеръ, былъ человѣкъ простой, добрый отъ природы, всегда и во всемъ дѣйствовавшій безкорыстно, внимательный и свиходительный къ слабостямъ всѣхъ. Кромѣ того, въ наружности и манерахъ самаго Лафатера выражалось такъ много добра и искренности, что достаточно было одной встрѣчи съ нимъ, чтобы расположить человѣка въ его пользу. Всѣ эти качества привлекали къ нему много людей, и дали ему средства имѣть огромное вліяніе на нихъ.

Онъ такъ былъ преданъ своему дѣлу и своимъ вѣрованіямъ, что желалъ видѣть во всѣхъ людяхъ, его окружавшихъ, своихъ послѣдователей. Всѣми силами онъ старался не только быть образцомъ настоящаго христіанина, но и сдѣлать такими же людей близкихъ себѣ. Будучи знакомъ съ еврейскимъ философомъ Менделесономъ, Лафатеръ старался обратить его къ христіанству. Въ этомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ никакого успѣха, и сдѣлалъ только предметомъ насмѣшекъ, какъ со стороны самаго философа, такъ и другихъ ученыхъ людей. Прибавимъ еще ко всему этому, что, Лафатеръ одаренный поэтической душою, съ пламеннымъ воображеніемъ и мечтательностью, былъ склоненъ къ мистицизму. Такъ онъ вѣрилъ въ таинственное призваніе духовъ Гаснера; вѣрилъ въ ученіе о животномъ магнетизмѣ, доктора Месмера, которое впервые тогда появилось. Лафатеръ сильно привязался къ этому новому ученію. Кромѣ всего этого онъ вѣрилъ во все то, что дѣлалъ и рассказывалъ графъ Калиостро. Вѣра Лафатера въ этого человѣка была такъ сильна, что когда Калиостро былъ пойманъ и обнаруженъ во всѣхъ своихъ хитростяхъ, то и тогда Лафатеръ непереставалъ по-прежнему вѣровать въ него, и въ оправданіе свое говорилъ, что пойманный графъ Калиостро не есть настоящій, прежній Калиостро, который теперь скрылся. Объ

* Менделесонъ, Моисей, философъ еврейскій, родился 1729 года въ Делав. Онъ первый, старался философію низвести до популярности. Сочиненія свои онъ писалъ на вѣнскомъ языкѣ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: *Phedon ou Entretiens sur la spiritualité et l'immortalité de l'ame, traduit par Sinker. 1772. Dialogues sur l'immortalité de l'ame et Recherches sur les sentimens usuraires etc.*

этомъ говорить Гете, лично знавшій Лафатера, въ своей перепискѣ съ друзьями, вышедшей послѣ смерти автора.

Слава Лафатера, какъ прекраснаго проповѣдника и пастора, была такъ велика, что во-время своего втораго путешествія на минеральныя воды въ Эмсъ (въ 1774 г.), онъ вездѣ былъ торжественно принимаемъ, и вездѣ получалъ приглашенія читать рѣчи, не только въ приходскихъ церквахъ, но даже и при дворахъ германскихъ владѣтелей. Вольный городъ Бременъ предложилъ ему мѣсто пастора въ одной изъ своихъ церквей, но Лафатеръ, изъ чувства патриотизма, отказался отъ этого мѣстнаго для него приглашенія, оставаясь по-прежнему въ Цюрихѣ. Наконецъ онъ сдѣлался духовникомъ многихъ семействъ, съ одними вслѣдствіе личнаго знакомства, а съ другими по одной только перепискѣ. Простой народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого человѣка. Въ 1775 году, по возвращеніи изъ путешествія, онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе по части физиогномики, которое было весьма неблагоклонно встрѣчено учеными.

Съ этихъ поръ, до конца своей жизни, онъ подвергался различнымъ огорченіямъ и нападкамъ со стороны своихъ враговъ, которыхъ у него было много. За приверженность Лафатера къ католицизму, нѣкоторые считали его опаснымъ человѣкомъ, вѣсти въ немъ хитраго іезуита. Это мнѣніе сильно распространилось во время французской революціи, когда онъ съ жаромъ проповѣдовалъ на кафедрахъ о вредности ея началахъ и слѣдствіяхъ. Швейцарское правительство подозрѣвало въ немъ шпиона двухъ главныхъ европейскихъ державъ. Вслѣдствіе этого (въ маѣ 1796 г.) Лафатеръ, какъ человѣкъ опасный, былъ взятъ подъ стражу и отправленъ въ Базель, гдѣ содержался нѣкоторое время подъ призоромъ полиціи. Вскорѣ онъ оправдался и по освобожденіи своемъ, сталъ по прежнему открыто говорить противъ французской революціи и вездѣ проповѣдывать правосудіе и порядокъ. Наконецъ его дневникъ, который началъ издаваться въ 1795 г. послужилъ еще болѣе къ упадку его славы. Этому способствовалъ баронъ Книге (авторъ сочиненія: *Объ обращеніи съ людьми*), который жестоко поносилъ надъ этимъ сочиненіемъ Лафатера.

29 сентября 1799 года, французскія войска, подъ предводительствомъ Массены, осаждали Цюрихъ, гдѣ жилъ Лафатеръ. Во время этой осады, когда Лафатеръ, находясь между солдатами, поощрялъ ихъ къ храбрости и ухаживалъ за ранеными, одинъ гренадеръ, изъ числа осаждаемыхъ, выстрѣлилъ по нему

и ранилъ его пулею въ животъ. Рана, которую получилъ такимъ образомъ Лафатеръ, не была смертельна, но произвела жестокую болѣзнь, продолжавшуюся полтора года. Во-время этой болѣзни онъ написалъ оду «Цюрихъ въ 18 и 19 столѣтіи» лучшую изъ его поэтическихъ произведеній, и расказъ о своей есылкѣ. Къ концу 1800 года болѣзнь значительно усилилась, но Лафатеръ былъ терпѣливъ и переносилъ все страданія съ удивительною твердостью. Онъ даже зналъ своего убійцу, какъ нѣкоторые думаютъ, но не хотѣлъ предать его въ руки правосудія, единственно по добротѣ своей души. Наконецъ, 2 января 1801 года Лафатеръ скончался, среди жестокихъ мученій, на 60-мъ году своей жизни. Такъ умеръ онъ, оставивъ по себѣ въ потомствѣ память прекраснаго человѣка.

До-сихъ-поръ мы говорили о заслугахъ Лафатера какъ поэта и богослова; но все это неважно въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ Лафатеръ для физиогномики. Его физиогномика или ученіе о человѣческой наружности, состояло въ способѣ, какимъ образомъ, разсматривая лицо и вообще всю наружность человѣка, можно судить о его характерѣ. Приступая къ изложенію этого ученія, мы покажемъ сперва, какимъ образомъ Лафатеръ дошелъ до этой идеи и что было до него сдѣлано другими по этой части.

Лафатеру, какъ пастору, нужно было хорошо знать характеръ человѣка, чтобы вѣрно судить о его дѣйствіяхъ. Для этого онъ долженъ былъ проникать въ малѣйшіе изгибы человѣческаго сердца, угадывать его страсти, движенія, наклонности, однимъ-словомъ, знать все то, что относится до человѣческой души. Но внутренній міръ человѣка или его душа, хотя не можетъ быть узнава нами непосредственно, однакожъ обнаруживается во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ или, говоря вообще, во внѣшности человѣка; а потому нужно сперва узнать всевозможныя разнообразныя дѣйствія человѣка, чтобы составить себѣ какое-нибудь понятіе о его душѣ. Такимъ образомъ, разсматривая людскіе характеры, Лафатеръ скоро это замѣтилъ, и вслѣдъ за тѣмъ сталъ еще болѣе наблюдать людей. Все, что соприкасалось близко съ человѣкомъ и подвергалось его взгляду, не только не ускользало отъ пронизательнаго взора Лафатера, но напротивъ было предметомъ его внимательныхъ изслѣдованій и разскапіи. Лицо, какъ благороднѣйшая часть тѣла, болѣе всего обращало на себя его вниманіе. Убѣждаясь, мало-помалу, въ томъ, что наружность человѣка выражаетъ его характеръ, онъ продолжалъ преслѣдовать эту идею только посред-

ством собственных своих наблюдений и опытов. Недовольствуясь изучением людей, его окружавших, Лафатеръ, при помощи своих корреспондентовъ, которыхъ у него было много, доставлялъ портреты знаменитыхъ людей того времени, хорошо ему известныхъ, вглядывался въ эти лица, сравнивалъ ихъ между собою, и старался опредѣлить характерическія черты имъ свойственныя. Кромѣ того, онъ занимался изслѣдованіемъ картинъ знаменитыхъ художниковъ, частью въ оригиналахъ и частью въ копіяхъ, которыя также ему доставлялись его друзьями. Расширяя, такимъ образомъ, кругъ своихъ наблюдений, онъ пріобрѣталъ все болѣе навыка, угадывать по чертамъ лица и наружности характеръ людей и ихъ умственные способности. Многимъ людямъ онъ, въ ихъ же присутствіи, говорилъ свои замѣчанія о характерѣ и наклонностяхъ, имъ свойственныхъ, и тѣ невольно приходили въ изумленіе, услышавъ отъ него такое вѣрное опредѣленіе своего характера. Искусство Лафатера, знать и опредѣлять человѣка по его наружности, скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ. Многие любовитные люди, видя въ этомъ что то таинственное и невозможное, нарочно являлись къ Лафатеру, чтобы услышать отъ него мнѣніе о своемъ характерѣ. Онъ удовлетворялъ всегда подобнымъ просьбамъ съ тою необыкновенною простотою и непринужденностью, которая всегда была ему свойственна. Большая часть этихъ людей предполагали увидѣть въ немъ какое-нибудь таинственное лицо, но каково-же было ихъ удивленіе, когда, вмѣсто такого человѣка, они встрѣчали простаго вѣмскаго пастора, скромно и одиноко живущаго, и не вмѣющаго подлѣ себя никакихъ атрибутовъ таинственности, какъ то мертвыхъ головъ, человѣческихъ скелетовъ и тому подобныхъ вещей, которыя такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе многихъ. Журналы того времени и французскіе эмигранты, нарочно заѣзжавшіе въ Цюрихъ, чтобы видѣть Лафатера распространили еще болѣе его славу, какъ фізіогномиста. Простой народъ, убиваясь въ мнѣніи, что Лафатеръ предсказываетъ каждому человѣку его будущую судьбу. Въ то время о Лафатерѣ вездѣ ходили различныя толки и слухи. Одни видѣли въ немъ необыкновеннаго и загадочнаго человѣка, другіе ничего ровню, кромѣ простаго фокусника. Самъ же Лафатеръ говорилъ о своемъ ученіи въ некоторымъ ученымъ людямъ, въ особенности доктору Пиммерману, Гете, и видя, что они раздѣляютъ его мнѣніе, приступилъ къ ученой разработкѣ своей идеи. Первымъ его дѣломъ было узнать, что написано по этой части другими. Перерывъ

ши и перечитавши различныя сочиненія ему современныя и древнія, онъ не нашелъ въ нихъ ничего удовлетворительнаго, кромѣ однихъ только неясныхъ намековъ на справедливость своего ученія. Тогда онъ увидѣлъ, что ему самому нужно развивать свое ученіе. Объ этомъ говоритъ самъ Лафатеръ въ своемъ сочиненіи, и приводитъ въкаторыя мѣста изъ писателей, которыя оправдываютъ его показанія.

Впрочемъ, за долго до Лафатера, нѣсколько разъ была попытка опредѣлять по наружности человѣка его характеръ. Доминиканскій монахъ и философъ Ома Кампанелла, жившій отъ 1568 до 1639 г., былъ уже фізіогномистъ. Но онъ обладалъ этою таинственностью и не оставилъ послѣ себя никакого сочиненія по этой части. Bapriste-della-Porta, умершій въ 1615 году, сравнивалъ головы животныхъ съ человѣкомъ, и такимъ образомъ дѣлалъ свои заключенія о послѣднемъ. Тишбейнъ продолжалъ тоже самое. Объ нихъ Лафатеръ ничего не говоритъ въ своемъ сочиненіи; вѣроятно, онъ ихъ не зналъ, да еслибы и зналъ, то они не принесли бы ему никакой пользы. Во всякомъ случаѣ Лафатеръ правъ, говоря: «Я нигдѣ не нашелъ нужныхъ для себя матеріаловъ, долженъ былъ руководствоваться собственнымъ наблюденіемъ и доходить до всего своими опытами.» Изъ этого видно, что, какъ открытіе этой идеи, такъ и ея разработка, принадлежатъ ему самому. Наконецъ, въ 1775 году, появилось его сочиненіе на вѣмскомъ языкѣ подъ названіемъ *Physiognomische Fragmente**. Это сочиненіе обратило на себя большое вниманіе публики. Люди, привязанные къ Лафатеру и слѣпо вѣровавшіе въ него (а ихъ было довольно), предполагали найти здѣсь ясныя правила, какимъ образомъ можно угадывать характерическія черты человѣка. Но такъ какъ это сочиненіе состояло изъ портретовъ разныхъ лицъ, съ описаніемъ, при каждомъ изъ нихъ, его характера, и все это было составлено безъ всякой системы, то очевидно, что они не могли имъ руководствоваться такъ легко, какъ предполагали, и потому въкаторыя говорили, что Лафатеръ въ своемъ сочиненіи не все высказалъ, но многое скрылъ. Такъ какъ Лафатеръ былъ давно уже извѣстенъ за фізіогномиста, то конечно это сочиненіе имѣло большой успѣхъ въ публикѣ; этому способствовали, весьма много, какъ самая занимательность предмета, такъ и новизна ученія. Скоро послѣ того оно появилось на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Essai sur la Physiognomonie destiné à faire connaître l'homme et à le faire aimer; par Jean Gaspard*

* Новое изданіе Ambreister въ Вьенѣ, 1829 года, со 140 картинками.

Lavater, Ministre du St. Evangil. Науѣ 1781 — 1803. (а) Это изданіе гораздо полнѣе и лучше нѣмецкаго; оно переведено съ новой рукописи Лафатера, тремя лицами: M-me de la Fite, Cail-lard et Heng. Renfer. (b) Переводомъ этимъ ученіе Лафатера еще болѣе распространилось, и нашло себѣ еще болѣе приверженцевъ. Многіе стали заниматься физиогномикой, выдумывали свои правила, и такимъ образомъ, болѣе или менѣе, развивали его ученіе.

Совѣтъ другимъ образомъ смотрѣли на сочиненіе Лафатера ученые того времени. Большая часть изъ нихъ отвергала его ученіе, и это было еще тѣмъ легче, что въ немъ не было никакихъ доказательствъ относительно ученія. Одинъ только гаповерскій медикъ Цимерманъ защищалъ Лафатера, но математикъ Лихтенбергъ опровергъ его совершенно, а потому это сочиненіе не имѣло никакой цѣны въ глазахъ ученыхъ современниковъ Лафатера. Вотъ какъ говорить объ физиогномикѣ знаменитый натуралистъ Бюффонъ, въ своей Естественной Исторіи человѣка: 1) «Душа, по существу своему, не будучи материальною, не можетъ имѣть такой связи съ тѣломъ (матеріею), чтобы по лицу и тѣлу можно было судить о первой. Въ художественномъ тѣлѣ можетъ находиться хорошо устроенная душа, и потому никакъ не должно судить о характерѣ человѣка по его наружности, потому что черты лица не имѣютъ никакого отношенія съ существомъ души. Они не имѣютъ между собою никакой связи, на которой можно было бы основать какія-нибудь справедливыя предположенія. 2) Движеніе души еще можно иногда понять посредствомъ глазъ, по носъ и губы не участвуютъ въ ея движеніи. Человѣкъ будетъ ли менѣе уменъ, если у него глаза маленькіе а ротъ великъ? 3) Нужно сознаться, что все положенія физиогномистовъ не имѣютъ никакого основанія, и нѣтъ ничего неслѣпѣе, какъ ихъ ученіе, которое они хотятъ основать на своихъ ложныхъ метафизическихъ наблюденіяхъ.» Приговоръ такого человѣка какъ Бюффонъ, имѣ-

(а) Все ссылки на сочиненія, Лафатера находящіяся въ нашей статьѣ, сдѣланы по этому изданію.

(b) Лафатера сочиненіе переведено было тогда уже и на англійскій языкъ съ нѣмецкаго подлинника. На рускомъ языкѣ ничего непереведено изъ сочиненія Лафатера.

* Методоскопіею называютъ искусство опредѣлять характеръ человека и его будущую судьбу, разсматривая линіи, находящіяся на лбу и сообразуясь съ планетами. Каждая линія, находящаяся на лбу, соответствуетъ какой-нибудь изъ семи планетъ.

наго въ то время большой авторитетъ, былъ весьма важенъ въ глазахъ всехъ современниковъ. Доказательствомъ этому служить то, что Даламберъ и Дидро, въ своей энциклопедіи, основываясь на этихъ самыхъ положеніяхъ Бюффона и не подвергая ихъ никакому дѣлу критическому разбору, называютъ ученіе Лафатера воображаемымъ и химерическимъ.

Гете жестоко посмѣялся надъ Лафатеромъ и его ученіемъ. Въ своемъ Фаустѣ, именно въ интермедіи Блоксбергъ, онъ вывелъ его въ видѣ журавля, который говоритъ: «Я ишу моей добычи въ свѣтлыхъ водахъ, ишу ее въ мутныхъ рѣкахъ: это зрѣлище составляетъ мое наслажденіе. Но это слишкомъ таинственно, какъ и весь Фаустъ, и отсюда нельзя заключить о Лафатерѣ ничего опредѣленнаго, по-крайней-мѣрѣ въ его пользу. Мѣсто это, бывшее долго загадкою для комментаторовъ Гете, относится именно къ этому человѣку, какъ показала переписка Гете съ друзьями. Вотъ что говорить объ немъ Гете, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Цельтеру: «Лафатеръ былъ честная душа, но мечтатель, который обманывалъ себя и другихъ. Мы однажды очень сильно поссорились съ нимъ. Въ послѣдній разъ, когда мы съ нимъ видѣлись, это было въ Цюрихѣ, я былъ перодѣтъ, и Лафатеръ не узналъ меня. Съ виду онъ походилъ на журавля, и вотъ почему, въ своей интермедіи Блоксбергъ, я вывелъ его въ видѣ этой птицы.» Но между тѣмъ тотъ же самый Гете говорилъ: *Наружность человека есть лучшая книга его души.**

Постараемся сколько можно, разобрать критически опроверженія Бюффона и оправдать главныя основанія Лафатерова ученія.

Изъ естественныхъ наукъ намъ извѣстно, что всякая сила, будучи, по существу своему, хотя совершенно отличною отъ матеріи, не только можетъ имѣть связь съ этой послѣднею, но находясь въ ней, дѣйствуетъ и тѣмъ самымъ являетъ намъ свое существованіе. Всякая матерія есть масса, сама по себѣ не дѣятельная, но дѣйствующая только при соединеніи съ силою. Эта истина останется справедливою, будемъ ли мы разсматривать силу, какъ самостоятельную и могущую существовать иногда отдѣльно отъ матеріи, или всегда присущую и никогда не отдѣлимую отъ этой послѣдней, другими словами—какъ свойство и принадлежность матеріи. Тоже самое мы можемъ отнести къ нашему міру духовному. Душа человѣка есть такая же сила, только духовная, которая тѣсно соединена съ его тѣ-

* Lavater. Tome 2 page 215.

ломъ (матерію). Взаимная ихъ связь между собою доказывается влияніемъ души на тѣло, его подчиненностью первой, и обрат-но,—зависимостью души отъ нашего тѣла. Эта зависимость и взаимное ихъ влияніе другъ на друга, такъ велики, что большая часть философовъ, при разсматриваніи человѣка, впадали въ крайности: одни, разсматривали его какъ существо матеріальное, другіе видѣли въ немъ одно только начало духовное, и не давали тѣлу человѣка никакого значенія. Отсюда то и происходить два разнородныя, по существу своему, ученія: матеріалистовъ и спиритуалистовъ. Вліяніе души на тѣло доказывается тѣмъ, что главныя наши движенія происходятъ подъ вліяніемъ души. Точно также и всѣ отправления нервовъ, которые (нервы), будучи проводниками воли нашей души, подчиняются ей. Вотъ почему, воображеніе имѣетъ такое сильное вліяніе на наше тѣло. Оно одно, само по себѣ, приводитъ его изъ здороваго состоянія въ болное, и, на оборотъ, иногда очень сильно способствуетъ къ возстановленію разстроеннаго здоровья. Вліяніе души на тѣло бываетъ иногда такъ сильно, что внѣшнія чувства, подчиняясь ей, воспринимаютъ и ощущаютъ впечатлѣнія такихъ предметовъ, которые на самомъ дѣлѣ не существуютъ въ это время. Эти явленія называются *галлюцинаціею*. Онѣ бываютъ при какомъ-нибудь сильномъ возбужденіи мозга, и суть причины различнаго рода, такъ называемыхъ, видѣній и привидѣній. Одинъ изъ такихъ замѣчательныхъ примѣровъ былъ наблюдаемъ въ 1791 году. Шкетъ Nikolai былъ поражаемъ подобными видѣніями: къ нему являлись различные люди, живые и мертвые, и даже, какъ ему казалось, разговаривали съ нимъ. Кадратъ подвергался также галлюцинаціи, но всегда произвольной, точно также и Гете, который, закрывая глаза, могъ по произволу видѣть различные цвѣта*. Вотъ главный доказательство дѣйствія души на тѣло. Что же касается до обратнаго вопроса,—зависимости души отъ тѣла, то это доказывается вліяніемъ мозга на наши умственные способности. Извѣстно, что при всякомъ физическомъ пораженіи мозга, умственные способности наши приходятъ въ разстройство. Но не мозгъ, кромѣ того, имѣетъ вліяніе также кровь, такъ что приливъ или недостатокъ крови всегда ощутителенъ для него; кромѣ того состояніе мозга, а слѣдовательно и нашей души, подвергается еще вліянію пищи, находящейся въ желудкѣ, и т. д. Всѣ эти

* Дальнѣйшія подробности объ этихъ лицахъ и галлюцинаціи, находятся въ Manuel de Physiologie par J. Muller. Traduit par Jourdan. Tome 2, page 535. Paris 1845.

положенія суть предметъ физиологій. Мы изложили ихъ здѣсь кратко, чтобы не удалиться отъ нашего предмета. Теперь рождается вопросъ: при такой взаимной связи души съ тѣломъ, наружность человѣка носитъ ли на себѣ отпечатокъ его ушлѣ?

Показавши подчиненность тѣла нашей душѣ, намъ будетъ понятно, что душа должна непременно обнаруживать свои дѣйствія въ тѣлѣ какимъ-нибудь образомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если въ душѣ человѣка происходитъ какое-нибудь волненіе, то оно всегда обнаруживается, или во всей его наружности разомъ, или въ какой-нибудь только части его тѣла, т. е., въ лицѣ, глазахъ, голосѣ, въ движеніяхъ рукъ и проч. По этимъ внѣшнимъ явленіямъ мы судимъ о томъ, какого рода волненіе происходитъ тогда въ душѣ. Это, я думаю, всѣмъ извѣстно, потому что всякому почти доводилось видѣть другаго человѣка въ какомъ-нибудь волненіи, напр. въ радости, въ печали, гнѣвѣ и т. под. Въ этихъ случаяхъ волненія души всегда обнаруживаются въ наружности человѣка, болѣе или менѣе явнымъ для насъ образомъ. Нѣкоторые могутъ на это намъ сказать, что часто подобныя волненія не примѣтны для другаго человѣка, но это бываетъ весьма-рѣдко; если же и бываетъ, то мы его не замѣчаемъ, или отъ того, что самъ человѣкъ старается скрыть это отъ насъ (что довольно трудно при сильномъ волненіи), или оно бываетъ слабо, или, наконецъ, ускользаетъ отъ нашего вниманія, по недостатку въ насъ самихъ наблюдательности и проицательности. Все искусство талантливаго актера основывается на этомъ. Актеръ не только долженъ понимать волненія человѣческой души и знать, какъ онѣ проявляются въ наружности, но еще и воспроизвести тоже самое надъ самимъ собою. Этого онъ достигаетъ или тѣмъ что, на самомъ дѣлѣ, производитъ въ душѣ своей различныя волненія, которыя тогда уже обнаруживаются сами собою, или, зная хорошо тѣ внѣшнія явленія, которыми обнаруживается какое-нибудь дѣйствіе души, онъ подражаетъ имъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ бываетъ замѣтно, что душа человѣка не участвуетъ въ этихъ внѣшнихъ его дѣйствіяхъ, хотя онѣ принадлежатъ извѣстному волненію души. Вотъ доказательство того, что мы можемъ хорошо судить о движеніяхъ души, по явленіямъ, происходящимъ въ нашемъ тѣлѣ; такъ что трудно обмануть нашимъ голосомъ и глазами другаго человѣка, когда мы желаемъ показать какое-нибудь движеніе души, котораго, на самомъ дѣлѣ, въ это время не происходитъ, между-тѣмъ, какъ другими частями тѣ-

ла это сдѣлать гораздо легче. Тотъ, кто внимательно слѣдилъ за игрою актера, согласится въ справедливости сказаннаго нами. Часть Лафатерова ученія, въ которой разсматривается наружность человѣка, во-время дѣйствія какой-нибудь страсти, называется патофизиономікою. Лихтенбергъ, сильный противникъ Лафатера, допускалъ ея существованіе, потому-что отвергая ее, нужно уничтожить все драматическое искусство. Но душа человѣка не находится постоянно въ волненіяхъ; это бываетъ только пзрѣдка, обыкновенно же она бываетъ въ состояніи покоя. Подъ этимъ спокойнымъ состояніемъ нельзя представлять себѣ совершеннаго покоя, то-есть какъ будто въ это время уже ничего не происходитъ. Въ этомъ случаѣ, въ душѣ происходятъ различныя дѣйствія, какъ это бываетъ обыкновенно всегда, но только безъ волненій, безъ порывовъ, и эти дѣйствія также проявляются въ наружности. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только намъ обратиться къ живописи и къ другимъ искусствамъ. Въ скульптурѣ, напримѣръ, каждому мнѳологическому лицу принадлежитъ извѣстная наружность, въ которой выражается характеръ, свойственный этому лицу. Въ этихъ фигурахъ нѣтъ волненій, потому-что страсти, производящія волненія, принадлежатъ только людямъ, а мнѳологическія лица суть боги или полубоги, и отъ того-то въ нихъ все спокойно, и не смотря на это, все же есть выраженіе, понятное и опредѣленное. Тоже самое можно сказать также относительно живописи. Художникъ, точно также какъ и скульпторъ, создавая какой-нибудь идеалъ, всегда старается найти приличную ему форму, въ которой бы ясно выражалась душа этого идеала. Каждое такое лицо, произведенное художникомъ, имѣетъ извѣстную наружность, свойственную его характеру, будетъ ли это лицо представлено въ страсти или въ совершенно спокойномъ состояніи. Въ этомъ состоитъ достоинство всякаго художественнаго произведенія. Всѣ таковыя знанія артисты заимствуютъ изъ своихъ наблюденій надъ живыми людьми, ихъ окружающими, и только посредствомъ долгихъ наблюденій и навыка достигаютъ вѣрнаго знанія различныхъ оттѣнковъ человѣческаго характера, и умѣнья узнавать по наружности, чтѣ происходитъ въ это время въ душѣ человѣка. Такие художники только по одному описанію характера, сдѣланному какимъ-нибудь романистомъ, производятъ этихъ людей въ живописи, то-есть—присужаютъ ихъ наружность такъ вѣрно, что каждый имѣющій ясное понятіе о характерѣ такого лица, узнаетъ теперь это лицо по его наружности. Въ произведеніяхъ искусства главное состоитъ

въ наружности, потому-что по ней мы всегда судимъ о душѣ; слѣдовательно, чѣмъ разнообразнѣе наружность въ какомъ-нибудь искусствѣ, тѣмъ оно стоитъ выше, потому-что его произведенія будутъ тогда для насъ болѣе понятны и опредѣленны. Смотра на изящныя искусства съ этой точки зрѣнія, всякой согласится, что живопись стоитъ выше ваанія, потому-что въ ней передаются глаза, (кромѣ другихъ еще преимуществъ) часть тѣла, въ которой болѣе, нежели въ другихъ, исключая голоса, выражается состояніе души. Драматическое искусство, имѣя въ своей сферѣ всю разнообразную наружность человѣка, изображаетъ намъ такимъ образомъ характеръ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ всѣ другія искусства, а потому самому стоитъ выше всѣхъ прочихъ. * Послѣ всего этого можно смѣло и утвердительно сказать, что наружность человѣка всегда выражаетъ его характеръ, а потому основаніе Лафатерова ученія совершенно справедливо и не подлежитъ никому сомнѣнію.

Главныя возраженія противъ Лафатерова ученія сдѣланы были Бюффеномъ; Лихтенбергъ, которому приписываютъ совершенное опроверженіе физиономіки, дѣлаетъ почти такія же, какъ Бюффонъ. Прочія его опроверженія, равно какъ и другихъ современниковъ, мы покажемъ при разборѣ самаго сочиненія Лафатера; потому-что онѣ слишкомъ просты и не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Сочиненіе Лафатера, не есть систематическое изложеніе его ученія, но состоитъ изъ отдѣловъ (fragments), содержаніе которыхъ не имѣетъ между собою никакой связи. Нѣсколько такихъ отдѣловъ посвящено на выписку различныхъ мыслей и мнѣній тѣхъ писателей, которые оправдываютъ его ученіе. Эти писа-

* Балетное искусство нельзя считать отдѣльнымъ и цѣлымъ. Это есть часть драматическаго искусства: потому-что актеръ долженъ всегда наблюдать мимику. При томъ же, самый балетъ тоже нельзя считать чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ и цѣлымъ. Онъ можетъ-быть введенъ въ драму, комедію и проч., въ приличномъ для этого мѣстѣ, какъ танцы, и это будетъ естественно и хорошо. Въ противномъ же случаѣ, когда онъ составляетъ чтѣ-нибудь цѣлое, когда сами начинаютъ плясать, все это дѣлается недѣльнымъ и утомляетъ зрителя своею неестественностію.

Что же касается до музыки, то многіе говорятъ, что она выражаетъ только радость и печаль: это совершенно несправедливо.—Музыка, подражая человѣческому голосу, выражаетъ намъ всѣ чувства, которыя обнаруживаются въ немъ. А въ голосѣ же, кромѣ радости и печали, выражаются также еще другія чувства и ощущенія, созвонныя душевному волненію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прислушаться къ драматическому актеру; голосъ, которымъ онъ произноситъ различныя слова и монологи, выражаетъ весьма разнообразныя ощущенія души.

тели суть слѣдующіе: Монтанъ, Баконтъ, Лейбницъ, Ернестъ, Зулцеръ Вольфъ, Геллертъ, Ла-Шамбръ и Гердеръ. Каждый изъ этихъ людей говоритъ нѣсколько словъ, въ какомъ-нибудь мѣстѣ своихъ сочиненій, объ истинности того, что наружность человѣка есть выраженіе его души, но ничѣмъ не доказываетъ своего мнѣнія. Не довольствуясь этими повѣйшими писателями, Лафатеръ еще приводилъ нѣсколько отрывочныхъ мыслей, въ томъ же родѣ, изъ Пинцерона, и другихъ писателей древнихъ. Все это составляетъ нѣсколько отдѣловъ, разбросанныхъ въ 2-хъ томахъ его сочиненія. Въ самомъ опредѣленіи своего ученія Лафатеръ противорѣчитъ самъ себя: въ одномъ мѣстѣ, онъ физиогномикѣ даетъ значеніе науки, и опредѣляетъ ее такъ: «Подъ физиогноміею, въ обширномъ смыслѣ, я разумю всю наружность человѣка, разсматриваемую въ покоѣ или въ движеніи, и тогда «физиогномика есть наука, которая показываетъ отношеніе всей «наружности къ внутренней природѣ человѣка. Въ смыслѣ тѣсномъ, физиогномія есть лицо, и физиогномика есть пониманіе «чертъ лица и его выраженія.» * Въ другомъ же мѣстѣ, онъ не называетъ ее наукою, и опредѣляетъ такъ: «Физиогномика «есть искусство (talent) знать внутренней міръ человѣка, посредствомъ его наружности» ** Последнее опредѣленіе гораздо вѣрнѣе перваго, хотя истинность этого ученія несомнительна, но за всѣмъ тѣмъ оно не можетъ быть наукою. Объ этомъ очень хорошо сказалъ Кантъ, который одинъ, изъ всѣхъ современниковъ Лафатера, такъ прекрасно и вѣрно понялъ его. Вотъ его отзывъ: Физиогномика, говоритъ онъ, не можетъ быть наукою, потому-что наружность человѣка можно знать только по изображенію, а не по описанію. Если еще принять во вниманіе безчисленное разнообразіе человѣческихъ лицъ, — разнообразіе, едва уловимое для искуснаго глаза даже въ рисункѣ, то великіе соглашались, что здѣсь мало будетъ общихъ законовъ, изъ которыхъ можно бы составить науку, принедя ихъ въ систему. Вотъ почему Лафатеръ не могъ написать систематически своего сочиненія, хотя онъ старался это сдѣлать. Вся сущность его сочиненія состоитъ изъ портретовъ, съ описаніемъ характеровъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ. Если при описаніи характеровъ ограничиться показаніемъ способностей, какъ принимаетъ ихъ психологія, то такіа описанія часто не могутъ дать намъ пол-

* Lavater. Tome 1 page 27. Подъ наружностью, въ обширномъ смыслѣ, Лафатеръ подразумѣваетъ не только тѣло человѣка, но и все, что его окружаетъ и соприкасается съ нимъ.

** Lavater. Tome 1 page 22.

наго понятія о человѣкѣ; Лафатеръ очень хорошо поступилъ, что, при описаніи характеровъ, слѣдовалъ обыкновенному языку. Черезъ это его описанія сдѣлались полюбѣе и опредѣленнѣе.

Намъ кажется, что ученіе Лафатера опредѣлится гораздо вѣрнѣе, если мы скажемъ, что физиогномика состоитъ въ знаніи, какимъ образомъ способности и страсти нашей души проявляются въ наружности. Опредѣленіе Лафатера не такъ вѣрно, потому-что только особенныя и сильныя способности нашей души, преимущественно предъ другими, хорошо проявляются въ наружности, проявленіе же нѣкоторыхъ бываетъ весьма слабо и почти незамѣтно. Отсюда слѣдуетъ, что не о всякой наружности мы можемъ сдѣлать какое-нибудь заключеніе. Самъ Лафатеръ откровенно сознается въ этомъ послѣднемъ, когда говоритъ...» И теперь, когда я пишу это сочиненіе, мои успѣхи въ физиогномикѣ таковы, что обо многихъ физиогноміяхъ я не могу ничего сказать опредѣленного.» По этому, нельзя требовать, чтобы физиогномистъ могъ опредѣлить способности каждаго человѣка, безъ исключенія, по его наружности. Прибавимъ еще къ этому словами того же Лафатера: «что часто какая-нибудь черта лица спрятана, замаскирована и ощутительна только при извѣстномъ положеніи лица, весьма рѣдкою, а потому легко можетъ ускользнуть отъ нашего вниманія; кромѣ того, платье, положеніе тѣла, освѣщеніе и другія случайности, могутъ ввести насъ въ заблужденіе, при разсматриваніи какого-нибудь человѣка.» ** Изъ этого всего видно, какъ трудно опредѣлять характеръ человѣка по его наружности, и что такое искусство достигается только долгими трудами и многочисленными наблюденіями надъ людьми. По этому несправедливо дѣлають тѣ, которые отвергаютъ истинность физиогномики, потому только, что о лицахъ нѣкоторыхъ людей они не могутъ сдѣлать никакого своего заключенія. Никогда нельзя думать, чтобы можно было по наружности всякаго человѣка безъ исключенія, опредѣлить его способности и характеръ, или, какъ обыкновенно говорятъ, видѣть всякаго человѣка пасквиль. Это происходитъ отъ того, что иногда эти способности, по своей слабости и неразвитости, слишкомъ неясно и неопредѣленно обнаруживаются и потому не могутъ быть нами замѣчены. Правда, что въ этомъ случаѣ, такого человѣка можно опредѣлить отрицательнымъ образомъ,

* Lavater. Tome 1 page 14.

** Lavater. Tome 1 page 99.

т. е., показать каких способностей у него нетъ, но такое опредѣленіе все-таки не дастъ намъ яснаго понятія о его характерѣ.

Самое главное условіе, случающееся при этомъ, о которомъ досихъ-поръ мы еще не упоминали, состоитъ въ томъ, что на наше тѣло, независимо отъ души, имѣютъ еще вліяніе нѣкоторыя обстоятельства или причины, извнѣ на насъ дѣйствующія, которымъ подчиняется наше тѣло. Онѣ оставляютъ въ нашей наружности невзглядимыя впечатлѣнія и, такимъ образомъ, измѣняютъ насъ. Слѣдовательно, наружность человѣка есть не только выраженіе его души но и внѣшнихъ обстоятельствъ. Это условіе такъ важно, что Лихтенбергъ, въ своей диссертациі, поставилъ его въ числѣ главныхъ доказательствъ противъ истинности Лафатерова ученія. Онъ говоритъ: «Наше тѣло, будучи посредникомъ между душою и остальнымъ міромъ, носитъ на себѣ отпечатокъ климата, мѣстности, въ которой мы живемъ, болѣзней, лишений и пр.» Но вліянію мѣстности подвергается не одинъ какой-нибудь человѣкъ а многіе вмѣстѣ, слѣдовательно, это впечатлѣніе находится на тѣлѣ извѣстныхъ людей и потому, оно не можетъ быть смѣшано съ индивидуальною характеристическою чертою. Болѣзни, хотя сильно измѣняютъ наружность, но дѣйствуютъ, болѣе или менѣе, индивидуальнымъ образомъ; болѣзнь есть состояніе патологическое, ненормальное; слѣдовательно, хотя принимается во вниманіе, по будучи исключеніемъ не можетъ опровергать физиогномики. Кроме того, дѣйствіе болѣзни на тѣло бываетъ только временное и, по прекращеніи этой причины, истощенное тѣло вновь восстанавливается и приходитъ въ прежнее свое состояніе. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ болѣзнь совершенно измѣняетъ наше тѣло; сюда относятся: оспа, различныя увѣчья и т. п., по такіе случаи бываютъ очень рѣдки. Впрочемъ, болѣзнь, находящаяся въ насъ, измѣняетъ часто нашъ характеръ и проявляется въ нашемъ тѣлѣ извѣстнымъ образомъ, знаніе и пониманіе котораго относится къ искусству доктора. Въ этомъ случаѣ физиогномика занимаетъ цѣлый рядъ знаній прямо изъ медицины. Кроме того, Лихтенбергъ сдѣлалъ еще слѣдующее возраженіе: «Если внѣшность выражаетъ наше внутреннее состояніе, то слѣдуетъ ли изъ того, что мы понимаемъ его, смотря на наружность?» Всякій согласится, что это возраженіе есть ничто иное, какъ искусный софизмъ. Потому-что, если бы мы не понимали и не знали, какимъ образомъ внутренній духъ нашъ выражается во внѣшнемъ, то никогда не могли бы дойти до и-

деп, что внутреннее состояніе выражается въ нашемъ тѣлѣ. Далѣе, между прочими опроверженіями, онъ говоритъ: «Человѣкъ, «при своемъ сильномъ безобразіи, посредствомъ достоинствъ «своей души, можетъ приобрести такіа качества, противъ ко- «торыхъ никто не можетъ устоять.» Подобные случаи болѣе- «шаго различія между душою и тѣломъ бываютъ слыхкомъ рѣд- «ки, и потому не могутъ быть разсматриваемы какъ опроверга- «ющіе физиогномику. Такая разнородность между душою и тѣ- «ломъ можетъ происходить иногда отъ того, что во время раз- «витія тѣла, кака-нибудь внѣшняя причина, какъ на пр. бо- «лѣзнь, сильно на него дѣйствуетъ, по объ этомъ мы уже гово- «рили. Въ другомъ мѣстѣ Лихтенбергъ говоритъ: «Лобъ выда- «ющійся или плоскій, нельзя приписать никакой особенной при- «чины, это чисто дѣло случая; а потому люди, при различныхъ «лбахъ, могутъ имѣть одинаковыя способности.» Такъ какъ «нетъ ничего безъ причины, то это бываетъ дѣломъ не слу- «чая, но только случайной причины. Впрочемъ такіе примѣры «суть тоже частные случаи. Никакъ нельзя предположить, что «форма лица, лба и головы происходитъ у всѣхъ людей только «отъ однихъ случайныхъ причинъ, безъ всякой опредѣленной за- «висимости отъ души. Вотъ главные опроверженія, сдѣланныя «Лихтенбергомъ, другіе же не заслуживаютъ особеннаго внима- «нія, и потому мы объ нихъ не говоримъ.»

Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ МЕХАНИКОВЪ И СТРОИТЕЛЕЙ.

III.

ТОМАСЪ БЛАНШАРЪ,

Изобрѣтатель ваятельной машины.

Томасъ Бланшаръ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которыхъ вдохновеніе творятъ новыя искусства и распространяютъ кругъ дѣятельности человѣческихъ обществъ. Оригинальность его изобрѣтеній, по истинѣ удивительная, даетъ имъ право стоять на ряду съ изобрѣтеніями Бриндлея и Ивелса.

Бланшаръ, гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, нашъ современникъ, живетъ теперь въ Бостонѣ, въ провинціи Массачузетсъ, своей родинѣ. Онъ родился 24-го іюня 1788, г. въ селеніи Соттонъ (Sutton). Отецъ его, давній переселенецъ въ Америку, не богатый, но почтенный сельскій хозяинъ, не могъ дать своимъ дѣтямъ никакого образованія.

* Всѣ предлагаемыя здѣсь подробности сообщены самимъ Бланшаромъ и напечатаны въ Америкѣ въ 1841-мъ году, въ известномъ сочиненіи Гоуа (Howe) *Eminent Mechanics*.

Природное влеченіе Томаса къ механическимъ искусствамъ обнаружилось съ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣтства. Обыкновенные мастерскіе инструменты и ихъ употребленіе приводили его въ восторгъ, и какъ скоро онъ могъ улучшить удобное время, то украдкою отъ строгаго отца бѣжалъ на другой, довольно далекій конецъ селенія, гдѣ была кузница, и съ жадностію смотрѣлъ на работу, стараясь перенять у мастеровыхъ ихъ уловки и приемы.

Первое свое механическое изобрѣтеніе Бланшаръ сдѣлалъ, когда ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Вместе со многими другими дѣтьми, его часто заставляли срѣзывать кожу съ яблоковъ для напитка, известнаго подъ названіемъ *сидра*. Чтобы сократить свою работу, и скорѣе другихъ отъ нея освободиться, онъ выдумалъ, и своими руками сдѣлалъ инструментъ, помощью котораго онъ одинъ могъ начистить яблоковъ болѣе, нежели шесть другихъ мальчиковъ, какъ бы они прилежны ни были.

Когда Томасу минуло восемнадцать лѣтъ, братья его, промышленавшіе выдѣлкою мелкихъ гвоздей, приняли его къ себѣ въ товарищи. Тутъ стали показываться проблески его механическаго гения. Чтобы избавиться отъ скучной обязанности считать выдѣлываемые гвозди, онъ сдѣлалъ механизмъ, которымъ на циферблатѣ указка подвигалась сама-собою при всякомъ готовомъ гвоздѣ, а когда набиралось известное число, тогда звонилъ колокольчикъ.

Находя выработку гвоздей до крайности медленною и несовершенною, онъ тогда же задумалъ устроить машину, съ помощію которой эта работа производилась бы механически, вовсе безъ людей. Не смотря ни на совершенный недостатокъ средствъ, ни на практическія затрудненія, съ такимъ новымъ дѣломъ неразлучныя, ни даже на негодованіе и упреки братьевъ, по мнѣнію которыхъ онъ бесполезно терялъ свое время на пустыя затѣи, геніальный юноша ни на минуту не выпускалъ изъ виду своихъ

замысловъ, и если исполненіе ихъ замедлялось, то это было единственно отъ недостатка въ средствахъ. Наконецъ полный успѣхъ наградила его постоянство и терпѣніе, и явилась гвоздильная машина (Task-machine) для штукатурныхъ и самыхъ мелкихъ гвоздей, которой въ остроуміи и превосходствѣ дѣйствія и по-сіе-время нѣтъ подобной. Она выдѣлываетъ въ каждую минуту по пяти сотѣ гвоздей, конхъ на футъ идетъ тридцать тысячъ, и конхъ прамизна, остріе и правильность головки такъ совершенны, какъ никакое искусство рукъ слѣлать того не въ состояніи. Гвоздильную машину купила у Бланшара за двадцать пять тысячъ рублей компанія промышленниковъ, и эта плата, ничтожная въ сравненіи съ достоинствомъ изобрѣтенія, доставила ему полную свободу предаться любимымъ его занятіямъ.

Вскорѣ за тѣмъ, одинъ изъ знакомыхъ Бланшара, оцѣнившій необычайныя его способности, предложилъ ему обратить вниманіе на отбочку ружейныхъ стволовъ, бывшую въ то время предметомъ особенной важности для оружейныхъ заводовъ. Кроме того, что совершенно равную толщину стѣнъ ствола получить есть дѣло не легкое, грани на казенной части приходилось додѣлывать въ тискахъ, ручною обрубкою и опилкою. Бланшаръ принялся и за это, и дѣло увѣнчалось самымъ полнымъ успѣхомъ.

Придуманнй имъ механизмъ удивительно замысловатъ. Стволъ ставится въ токарный станокъ особливаго устройства, и обтачиваніе круглой части его, происходитъ обыкновеннымъ образомъ самодвижнымъ рѣзцомъ; но когда послѣдній доидетъ до казенной части съ гралями, тогда стволъ самъ собою принимаетъ качательное движеніе, такъ что рѣзецъ образуетъ на немъ плоскія, овальныя и съ осью ствола параллельныя грани. Это прекрасное устройство, сначала введенное въ Спрингфилдѣ, главномъ оружейномъ заводѣ Северо-Американскихъ Штатовъ, теперь извѣстно и употребительно почти во всей Европѣ.

За этимъ послѣдовало самое оригинальное и самое удивительное изобрѣтеніе Бланшара, поставившее его въ ряду первосте-

пенныхъ механическихъ гениевъ; то была машина, въ которой кругомъ вертящаяся рѣзецъ самъ собою выдѣлываетъ произвольныя и самыя неправильныя формы.

Самъ онъ рассказываетъ, что первая мысль такой машины пришла ему слѣдующимъ образомъ: на заводѣ спрингфилдскомъ показывалъ онъ свой самодѣйствующій станокъ для стволовъ, и толпа работниковъ обступила его.

— Ну, Джонъ сказалъ слесарю одинъ изъ его товарищей: вотъ въ нашей работѣ и надобности теперь нѣтъ; этотъ искусникъ того и гляди, что у всѣхъ насъ хлѣбъ отниметь.

— Только не у меня, подхватилъ другой мастеровой, ложещикъ: ужъ вѣрно не у меня; пусть-ка господинъ механикъ со всею своею хитростію попробуетъ выточить не стволъ, а для него ложу, такъ увидитъ, что это другое дѣло.

Воображеніе Бланшара вспыхнуло.

— Не горячись, молодецъ, сказалъ онъ ложещику: ты можешь ошибиться. Дай-ка я подумаю, да погадаю.

Съ тѣхъ-поръ мысль заставить вертящуюся рѣзецъ вытачивать не круглое тѣло, а какой бы оно ни было неправильной формы, и именно ружейное ложе съ прикладомъ, не выходила изъ головы Бланшара.

Однажды, лѣтомъ, проѣзжалъ онъ черезъ селеніе, шагомъ, опустивъ поводъ лошади и погруженный въ глубокое размысленіе. Вдругъ сердце его забилось сильно и голова запылала: мысли его созрѣли, полное, совершенное устройство его машины представилось ему ясно... Онъ вскрикнулъ отъ радости; работавшіе въ огородѣ поселяне сочли его за сумасшедшаго...

Такимъ образомъ образовался станокъ Бланшара, одно изъ изящнѣйшихъ созданій механики, дѣлающее честь человѣческому уму. На любителей механическихъ искусствъ, знакомыхъ съ ихъ сложными и трудными соображеніями, оно производитъ такое

же впечатлѣніе, какое прелестнѣйшіе стихи Пушкина на чувствительнаго и одареннаго тонкимъ вкусомъ читателя.

Безъ чертежей, описаніе его было бы непонятно, и слѣдовательно бесполезно. Теперь, подъ разными именами, напримѣръ, Жирара, Гремпе и другихъ, оны употребляются во всей Европѣ. Имъ вытачиваются сапожныя колодки, колесныя спицы, всѣхъ видовъ ручки, формы для париковъ, для шляпъ, и ружейныя ложи. Для послѣдняго употребленія находится оны и у насъ на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ.

Безъ сомнѣнія, есть много машинъ, коихъ важность далеко превосходитъ станокъ Бланшара; но все оны, безъ исключенія, суть произведенія многихъ лѣтъ и соединенныхъ усилій многихъ искусныхъ людей, и достигли высшаго ихъ совершенства медленно и съ пожертвованіемъ огромныхъ капиталовъ; тогда какъ изобрѣтеніе Бланшара вышло изъ его головы разомъ, полное.

Кромѣ механической обточки ружейныхъ стволовъ и ложей, Бланшаромъ сдѣланы на оружейныхъ заводахъ еще многія другія нововведенія, все въ высокой степени остроумныя и полезныя, и теперь принятыя повсюду.

Въ парходствѣ заслуги его не менѣе важны. Будучи вызванъ найти средство, сдѣлать плаваніе парходовъ возможнымъ по рѣкамъ не глубокимъ и быстрымъ, и при томъ наполненнымъ порогами, оны успѣлъ очень много, помощію особеннаго расположенія гребнаго колеса, устроеннаго за кормою. Это устройство теперь въ Америкѣ во всеобщемъ употребленіи.

Послѣднее, извѣстное намъ изобрѣтеніе Бланшара, о которомъ громко провозглашали повѣйшіе англійскіе и американскіе журналы, есть истинное чудо, которому не было ничего подобнаго и которое могло быть произведеніемъ только такого гения, какимъ одарила его природа. Это машина, безъ участія рукъ выдѣлывающая сама собою, изъ какого бы то ни было матеріала, бюсты, такіе совершенные, какіе сдѣлать можетъ искуснѣйшая рука первостепеннаго вальтера. Механически извѣщенные

этою машиною бюсты президентовъ Вебстера и Клея, привезенные въ Лондонъ, возбудили всеобщее удивленіе.

Тотъ очень ошибается, кто думаетъ, что напрасно перевозить похвалами такое изобрѣтеніе, котораго, при всемъ его остроуміи и необычайности, вся польза состоитъ въ производеніи вещей, хотя и изящныхъ, но имѣющихъ очень малое вліяніе на истинныя выгоды и благосостояніе людей.

Изобрѣтенія Бланшара будутъ на всегда славны, не потому, что превосходные бюсты сдѣлались отъ нихъ дешевле и доступнѣе для каждаго, или что ружейныя ложи, вмѣсто хлопотливой ручной выдѣлки, дѣлаются неодоушеленною силою и съ величайшею быстротою, а потому что оны увеличиваютъ могущество искусства, и открываютъ имъ новые пути, указывая возможность и удобоисполнимость того, что прежде почиталось вовсе невозможнымъ. Оны дали человѣку какъ будто новый органъ, новое чувство, которыхъ въ немъ прежде не было; и если первымъ произведеніемъ вдохновенія Бланшара были бюсты и выдѣлка неправильныхъ формъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени за ними послѣдуютъ труды другихъ людей, съ результатами, которыхъ теперь и предвидѣть невозможно.

Такъ, напримѣръ, въ половинѣ и къ концу прошлаго столѣтія, были въ большомъ ходу въ высочайшей степени любопытныя и остроумныя, но практически бесполезныя автоматы.

Куклы, дѣйствіемъ скрытыхъ въ нихъ пружинъ, играли на флейтѣ и на клавикордахъ, писали, рисовали и танцовали; Вокансонова утка издавала голосъ, двигалась, брала кормъ и извергала его *перевареннымъ*, точно какъ живая; стальныхъ пауковъ, ящерицъ, змѣй, мышей, нельзя было по взгляду отличить отъ натуральныхъ, — и все это теперь разошлось и исчезло въ кабинетахъ любопытныхъ богачей, и въ наше время покажется всякому пустою игрушкою.

Но механическія средства, открытыя строителями такихъ рѣд-

ностей, остались их последователямъ, и въ наше время произвели результаты положительной и огромной пользы.

Тонкости и ухищренія механизма, родившія въ восемнадцатомъ вѣкѣ изъ проволоки сдѣланныхъ танцоровъ, музыкантовъ и ящерицъ, въ нашемъ девятнадцатомъ произвели машины, которыя сами-собою вышиваютъ на кисеѣ узоры, плетутъ кружева, прядаютъ тончайшія нити, ткуютъ матеріи и даже безошибочно вычисляютъ и въ тоже время печатаютъ сложныя математическія формулы.

Таковыхъ же послѣдствій мы должны ожидать и отъ гениальныхъ вдохновеній Бланшара. И хотя механическое валье уже занимало славнаго Уатта, и при томъ съ успѣхомъ, но великое совершенство бюетовъ, извальныхъ Бланшаровою машиною, не позволяетъ сомнѣваться, что имъ открыты для этого новыя, доселѣ неизвѣстныя средства.

В. КАРЕЛИНЪ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитать книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

47. *Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка.* Сочиненіе А. Боровникова, Бакалавра Казанской Духовной Академіи. Казань, въ университетской типографіи. 1849.

Обитатели обширнаго русскаго царства дѣлятся по языку на шесть отдѣловъ. Къ первому, многочислѣннѣйшему, принадлежатъ говорящіе языкомъ славянскаго происхожденія. Ко второму народы языка финскаго, къ третьему народы турецкаго языка, къ четвертому монгольскаго, къ пятому манжурскаго, и наконецъ къ шестому принадлежатъ говорящіе языками неизвѣстнаго происхожденія. Изъ шестидесяти милліоновъ жителей Имперіи, 300,000 душъ обоого пола говорятъ языкомъ монгольскимъ. На югѣ Иркутской губерніи обитаетъ кочующій народъ Бура-ты, а въ Астраханской губерніи Калмыки или Ойроты. Они принадлежатъ къ племени и языку монгольскому. Отечество этого языка есть Средняя Азія, или пространство отъ вершинъ рѣки Лены до Великой-стѣны. Отъ востока на западъ владычествуетъ монгольскій языкъ на всемъ протяженіи отъ Манжуріи до казачьихъ степей, потомъ выказывается отдѣльнымъ оазисомъ въ Астраханской Губерніи, и тутъ оканчивается.

Ни одинъ изъ народовъ, говорящихъ теперь монгольскимъ языкомъ, не составляетъ отдѣльнаго, независимаго государства,

а между-тѣмъ вся Азія, Россія и часть Европа записали на скрижаляхъ исторіи кровавыми литерами происшествія XIII-го столѣтія, произведенныя монголами. Ханъ монгольскій повелѣвалъ тогда всею Азіею, выключая Сѣверной Сибири, и Восточной Европою. Народы кочующіе всегда страшны были набѣгами, неожиданными ударами, по устроити государство на прочныхъ основаніяхъ, оградити его извнѣ силами, а внутри мудрыми законами, было не въ духѣ кочевой жизни. Огромное государство, составленное Чингисъ-Ханомъ и кровожадными потомками его, развалилось. Китаемъ владѣли они восемьдесятъ лѣтъ, только Россія стенала подъ игомъ ихъ владычества два столѣтія, потому-что преемники Батѹ основали единодержавное царство, а Россію раздирали тогда мелкія междоусобія удѣльныхъ князей. Но лишь удѣлы пали, лишь показалась тѣнь единства власти, владычество Монголовъ начало колебаться, и при Іоаннѣ III уничтожилось. Только изрѣдка остатки монгольскихъ ордъ раззоряли, открытую съ юга, Россію, печальными набѣгами.

При такой растяженности монгольскаго народа, кто не въ правѣ подумать, что языкъ монгольскій дѣлится на множество нарѣчій; однакожъ на дѣлѣ выходитъ иначе. Собственно въ Монголіи только два нарѣчія: сѣверное и южное; разница между ими не въ словахъ, не въ грамматическихъ формахъ, но въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, такъ-что Монгольъ ученый, постигнувъ разность произношенія буквъ, и понявъ нѣкоторыя мѣстныя слова, очень скоро привыкнетъ къ нарѣчію, недавно казавшемуся страннымъ и даже худо понятнымъ. Дальше всѣхъ отошли отъ своего корня нарѣчія Бурятъ, живущихъ около вершинъ рѣки Лены, и Калмыковъ, но и тутъ для знатока монгольскаго языка не много трудностей.

Единству монгольскаго языка много способствовало разсѣяніе отдѣльныхъ родовъ во времена войнъ или раздѣловъ, и вторичное соединеніе по тѣмъ же причинамъ. При вторичномъ соединеніи, слова, замѣтовавшія у сосѣднихъ народовъ, уничтожались, или получали право гражданства, сглаживались отступленія; и языкъ получалъ общность. Неподвижность въ мѣстнѣхъ и привычкахъ предохраняло отъ нововведеній, а мѣстныя о происхожденіи отъ знаменитыхъ предковъ поддерживало народность. Каждый Монгольъ твердо помнитъ и передаетъ дѣтямъ свою фамилію или родовое названіе, и забудетъ его развѣ послѣдній въ родѣ, а потому весьма часто найдете между Волжскими Калмыками родъ или колѣно, которое повторяется въ Сибири, по его

сторону Байкала и у Великой-стѣны. Народъ монгольскій скорѣе перемѣнитъ свое общее названіе, нежели родъ или фамилію. Уничтоженіе фамильнаго названія бываетъ иногда и отъ того, на-пр., у Бурятъ, если какой-нибудь родъ слишкомъ расплодится такъ, что управляющей имъ Даргу или Зайсанъ объявитъ, что овъ не въ состояніи управлять такимъ многочисленнымъ. Тогда выбирается новый даргу, и всѣ подчиненные получаютъ его имя. Но и тутъ бываютъ исключенія. Нерѣдко новый родъ или поколѣніе получаетъ только прибавленіе къ прежнему: второй или третій такой-то родъ.

Общее названіе народъ монгольскій перемѣнялъ нѣсколько разъ. До Р. Х. господствовали въ нынѣшней Монголіи домъ Сунъ-ну или по сѣверному произношенію Хунъ-ну. Послѣ того усилился родъ Татаръ или Та-Та, и всѣ нынѣшніе Монголы назывались Татарами, и подъ этимъ названіемъ перешли въ лѣтописи западныхъ азіатскихъ писателей, подъ этимъ названіемъ сдѣлались извѣстны и намъ, при Чингисъ-Ханѣ и Бату. Въ началѣ XIII столѣтія усилился умомъ Чингисъ-Хана родъ Монголь, кочевавшій вдоль вершинъ рѣки Окока, близъ нынѣшнихъ границъ нашихъ съ Китаемъ, въ Иркутской губерніи. Векорѣ онъ покорилъ сосѣднихъ народовъ турецкаго и монгольскаго языка, поглотилъ все въ имя Монголь, и пошелъ войною на западныхъ народовъ. Послѣдствія побѣдъ его извѣстны. Чингисъ-Ханъ далъ своему народу общее имя Монголь, и подъ этимъ названіемъ существуютъ они до нынѣ, подъ этимъ названіемъ извѣстны они цѣлому свѣту. Родовичи поколѣнія Монголь будутъ сохранять его и передавать потомкамъ своимъ. Домъ Татаръ, Уйгоръ, Найманъ исчезли, а между-тѣмъ вы найдете эти поколѣнія у Монголовъ, Енисейскихъ Татаръ, Киргизъ-казаковъ и у Калмыковъ. Для Европейца можетъ быть непонятна генеалогія Азіатцевъ, объяснимъ ее примѣромъ: Богъ повелѣлъ Аврааму называться Израилемъ, и весь народъ носилъ имя Израилѣитяи, но они дѣлались на колѣна, по имени дѣтей Іакова. Такъ и Монголы сохраняютъ имя своего родоначальника, отъ котораго происходятъ, или того, который составилъ изъ нихъ цѣлое. Безъ всякаго сомнѣнія, въ древности каждый родъ составлялъ независимое владѣніе, но современемъ мелкіе владѣльцы отдалсь подъ покровительство сильныхъ, и увавшее владѣніе сохранило только имя свое.

Какъ давно существуютъ монгольскій народъ и языкъ, о томъ положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Китайскія лѣтописи говорятъ о какихъ-то народахъ, бродившихъ къ сѣверу отъ нынѣшней

Великой-стѣны. Повелитель Китая Хуань-ди въ XXVII столѣтіи до Р. Х., расширяя предѣлы своего государства, прогналъ на сѣверъ народъ Хунь-юй. За нѣсколько столѣтій до Р. Х. основалось уже въ Монголіи владѣніе Хунь-юу, покорившее народовъ, обитавшихъ въ нынѣшней Сибири. Китайцы должны были построить стѣну, для удержанія набѣговъ этого народа.

До времени Чингисъ-Хана, въ Монголіи обитали, мѣстами, то племена турецкія, то монгольскія. Было время, когда и народъ Чурча, или по нынѣшнему Манжуры, усиливался и повелѣвалъ почти всюю Восточною-Азією. Такъ напр., народъ Уйгуръ или по китайскому произношенію Хой-хе, говорилъ языкомъ турецкимъ. Г. Клапротъ доказалъ это неоспоримыми доводами. Есть основанія думать, что народъ Джеланръ, обитавшій въ низовьяхъ рѣки Онона, принадлежалъ къ племени турецкому. Не подлежитъ сомнѣнію, что народъ Динь-линь, обитавшій около озера Байкала, о которомъ такъ много и часто упоминаютъ китайскіе историки, говорилъ языкомъ турецкимъ. Чингисъ-Ханъ уравнивалъ эту шероховатость, и теперь нѣтъ и тѣни разнообразія племенъ собственно въ Монголіи, однакожъ, найдете много словъ одинаковыхъ въ языкахъ монгольскомъ и турецкомъ. Это сходство подало нѣкоторымъ мысль о происхожденіи Монголовъ отъ Татаръ. До знакомства, очень недавняго, съ азіатскими историками, никто не подозрѣвалъ, что племена турецкія обитали около озера Байкала, и когда приводилось объяснять происхожденіе Якутовъ, говорящихъ языкомъ турецкимъ и столь далеко углубившихся на сѣверъ, обыкновенно говорили, что Якуты переселенцы съ рѣки Енисея. Теперь обнаруживается, что народъ этотъ обиталъ гдѣ-то около Байкала, и усилившимися Монголами прижатъ былъ къ рѣкѣ Ленѣ, по которой спустился на платолахъ къ тѣмъ равнинамъ, которыя теперь занимаетъ. Это переселеніе помнить Якуты, только не знаютъ, откуда они вышли.

Можно полагать, что до времени Чингисъ-Хана, языкъ монгольскій не имѣлъ грамоты. Завоеватель всей Азіи посылалъ свои повелѣнія во все концы огромной монархіи, и для изложенія ихъ на бумагѣ долженъ былъ принять буквы уйгорскія. Народъ этотъ былъ образованнѣе прочихъ, и чингисъ-хановы секретари были все Уйгоры. Само собою разумѣется, что буквы языка чуждаго не могли выражать всехъ звуковъ языка монгольскаго, но дѣлать было нечего. Коверкали языкъ, натягивали на уйгорскую форму, и сдѣлали наконецъ то, что теперь въ монгольскомъ языкѣ пишутъ, на-пр., такъ, а произносятъ иначе. Если не грамотному Монголу будутъ читать книгу мон-

гольскую такъ, какъ она написана, Монголь ничего, или очень худо пойметъ ее. И вотъ, при самомъ началѣ грамотности, монгольскій языкъ раздѣлился на книжный и разговорный. Это неудобство чувствовали все, и наконецъ Хубилай, пятый ханъ послѣ Чингисъ-Хана, поручилъ тибетскому духовному Цакесѣ Ламѣ, составить новыя буквы, свойственныя монгольскому языку. Ученый взялъ за образецъ буквы тибетскія, и составилъ азбуку, извѣстную подъ именемъ квадратныхъ буквъ. Она была введена во всеобщее употребленіе, только не устояла. Народъ привыкъ уже къ уйгорскимъ буквамъ, и старая азбука вытѣснила новую. Монголы коверкали свой языкъ на письмѣ, и не думали объ исправленіи. Главный недостатокъ уйгорской азбуки состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ буквъ для выраженія долгихъ гласныхъ звуковъ, для чего сливаютъ двѣ буквы. Такимъ образомъ Монголь не можетъ передать на письмѣ живаго языка, которымъ говорить, но долженъ стѣснять его искусственными книжными формами.

Въ XVII столѣтіи Калмыки вышли изъ Зюнгариіи, и поселились на стенахъ Астраханской-губерніи. Въ 1648 году, лама Зая-Пандита оемѣлился передѣлать нѣсколько уйгорскую азбуку, онъ вставилъ въ нее новыя знаки для выраженія долгихъ гласныхъ, но писалъ все еще по старымъ формамъ. Преемники его улучшали эту азбуку постепенно, и довели наконецъ до того, что Калмыки пишутъ и говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Такимъ-образомъ Калмыки отдѣлились плѣбменностью отъ Монголовъ. Языкъ, составленный Зая-Пандитомъ, сохранился до нынѣ въ старинныхъ духовныхъ книгахъ.

За Байкаломъ русскіе любители и знатоки монгольскаго языка пробовали измѣнить старинную, неудобную азбуку, но попытки не нашли подражателей.

Монгольскій языкъ господствуетъ у насъ въ Иркутской губерніи, вдоль китайской границы. Тамъ нѣтъ ни одного Русскаго, который бы не говорилъ по-монгольски; многіе умѣютъ читать и писать. Зато весьма трудно сыскать Монгола, знающаго по-русски; о грамотности и поминать нечего. За Байкаломъ есть и были страстные любители монголизма, на-пр., г. Игумновъ. — Жаль, что страсть эта доставалась въ удѣлъ всегда людямъ полужуенымъ. Цѣль ихъ не исполнялась уже потому, что онѣ шли къ ней околицею. Здѣсь представляется довольно странная феноменъ. По китайской границѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни одного Русскаго, который бы не говорилъ по-монгольски, зато въ Кяхтѣ нѣтъ ни одного Русскаго, который бы зналъ по-ки-

тайски, между-тѣмъ, какъ нѣтъ ни одного торгующаго Китайца, который бы не говорилъ по-русски.

Со времени появленія книгъ Нового Завѣта на монгольскомъ языкѣ началось въ Россіи правильное изученіе этого языка. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Казанскій Университетъ прислалъ въ Иркутскъ двухъ студентовъ, кончившихъ курсъ наукъ, учиться монгольскому языку. Они жили между Бурятами за Байкаломъ, посѣщали Монголію, и приобрѣли богатія познанія въ монгольской литературѣ, и въ тоже время занимались собираніемъ монгольскихъ словъ по алфавиту, для будущаго словаря. Такимъ образомъ открыта въ Казанскомъ Университетѣ первая кафедра монгольскаго языка въ Европѣ. Иркутская духовная семинарія имѣла преподавателей монгольскаго языка еще при святителѣ Иннокентіи, но по временамъ ученіе это прерывалось, и только въ послѣднее время попеченіемъ нынѣшняго Архіепископа Николая языкъ монгольскій введенъ въ иркутской семинаріи. Въ Кяхтѣ открыто монгольское училище для бурятскихъ казачьихъ дѣтей, у Калмыковъ въ Ставрополѣ есть также училище монгольскаго языка.

Въ теченіе этого времени академикъ Шмидтъ сочинилъ монгольскую грамматику, а потомъ и словарь. Въ Казани г.г. профессора монгольскаго языка Ковалевскій и Поповъ издали хрестоматію, первый монгольскаго, а второй калмыцкаго языка, и написали по грамматикѣ каждого языка. Послѣ того г. Ковалевскій составилъ огромный словарь монгольскаго языка. Наконецъ въ прошедшемъ году бакалавръ казанской духовной академіи Бобровниковъ издалъ грамматику сводную монголо-калмыцкаго языка. Кто послѣ этого не скажетъ, что изученіе этого языка обезпечено у насъ какъ нельзя лучше, между тѣмъ какъ въ ученой Европѣ одинъ Кланротъ кое что толковалъ о томъ?

Иные скажутъ: изученіе монгольскаго языка обезпечено: есть и грамматики и словари, да имѣютъ ли Монголы литературу, стоить ли учиться ихъ языку?... Вопросъ шекотливый.—Есть грамотность, должна быть и литература, бѣдная или богатая. Литература монгольская образовалась подъ религіознымъ вліяніемъ. Большая часть монгольскихъ книгъ состоитъ изъ переводовъ преимущественно съ тибетскаго языка, который въ началѣ бытія своего довольствовался переводами съ санскритскаго. Монгольскіе ламы или духовные, отправляютъ богослуженіе на языкѣ тибетскомъ, не смотря на то, что всѣ духовныя книги, по приказанію китайскаго Багда-Хана, еще

въ половинѣ прошедшаго столѣтія, переведены на монгольскій языкъ.

За книгами духовными и нравоучительными слѣдуютъ сочиненія медицинскія, потомъ историческія, а потомъ уже повѣсти или сказки. Но все это пребываетъ подлѣ спудомъ въ европейскіихъ ученыхъ. До-сихъ-поръ не было еще любителя, собирателя рукописей, которыми изобилуютъ юрты достаточныхъ Бурятъ; никто не записалъ тѣхъ сказокъ о Чингисъ-Ханѣ и другихъ геролахъ, которыя рассказываютъ Буряты, никто не собралъ тѣхъ пѣсень, которыя поются какъ историческія легенды; никто еще не объяснилъ удовлетворительно тѣхъ надписей, которыя донынѣ сохранились на утесахъ и въ пещерахъ Сибири.

Изъ монгольскихъ историковъ извѣстенъ только одинъ Санапъ-Сепенъ, переведенный г. Шмидтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Санапъ-Сепена, найдутся и другіе историки, но мы ихъ не знаемъ.

Въ Казанскомъ университетѣ образовался одинъ Бурятъ и вполне оправдалъ надежды правительства. Природа наградила его счастливыми дарованіями и любознательностію, а наука обогатила умъ познаніями. Онъ посвятилъ себя преимущественно языкамъ и сдѣлался единственнымъ филологомъ Восточной Азіи. Имя ему *Доржи сынъ Банзаравъ*. Онъ возвратился уже къ единовѣрцамъ своимъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ имъ много полезнаго, а ученому свѣту откроетъ такіа сокровища, которыхъ никто не подозрѣвалъ.

Въ то время какъ изученіе монгольскаго языка было обезпечено грамматиками и словарями, г. Бобровниковъ рѣшился обратить вниманіе на различіе какое существуетъ, въ настоящее время, между языками собственно Монгольскимъ и, такъ называемымъ, Калмыцкимъ, и послѣ тщательныхъ изученій оказалось, что языкъ калмыцкій почти не имѣетъ никакого отличія отъ языка сѣверныхъ Монголовъ. Разность состоитъ — въ нѣсколькихъ особенномъ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, перешедшихъ изъ Татарскаго языка, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ словахъ монгольскаго происхожденія, употребляемыхъ въ другомъ смыслѣ; но эти различія ничтожны и не могутъ служить основаніемъ рѣшительному отдѣленію нарѣчія калмыцкаго отъ монгольскаго. Принимая оба языка за одинъ, г. Бобровниковъ составилъ грамматику монголо-калмыцкую, въ которой излагаются правила не двухъ языкахъ, или нарѣчій, но одного языка въ двухъ письменностяхъ, или

грамматику разговорно-книжного Монгольского языка. Такое соединеніе намель авторъ необходимымъ по слѣдующимъ уваженіямъ:

Для учащихся калмыцкому языку нѣтъ важнѣйшаго пособія словаря, между тѣмъ какъ для монгольского цѣлыхъ два; почему, сближая письменность обоихъ языковъ, авторъ даетъ возможность, обучающимся калмыцкому языку, пользоваться словарями Шмидта и Ковалевского и, въ тоже время, узнать монгольскій языкъ. Такія же выгоды предоставляются изучающему языкъ монгольскій.

Для насъ и Европейцевъ монгольскій языкъ тоже, что какой нибудь патагонскій, но вѣроятно найдутся люди, желающіе имѣть какое либо понятіе о языкѣ Чингисъ-Хана, Батю, столь грозномъ для нашихъ предковъ: мы обрисуемъ этотъ языкъ по мѣрѣ возможности.

Музыка монгольского языка довольно благозвучна, но Европейцу не понравится въ ней звуки гортанные Х и Г. Монголы произносятъ ихъ, какъ-то полнымъ горломъ и чрезвычайно выразительно; нѣтъ словъ длинныхъ, сложныхъ, нѣтъ слишкомъ обильнаго стеченія согласныхъ, какъ въ языкахъ польскомъ и богемскомъ, и едва ли есть слово, въ которомъ бы три согласныя помѣщались одна послѣ другой; вездѣ перевесъ на полногласіе. Монгольская азбука имѣетъ свои особенности, а именно—гласныя долгія, за тѣмъ, всѣ остальные слова легко можно выразить русскими буквами, даже были покушенія у Бураты, кочующихъ около Иркутска, писать по монгольски русскими литерами. У Монголовъ есть наши мягкія гласныя *л, е, ю*, есть *ы*, есть твердое *л*, только вовсе нѣтъ буквы *ф*, и когда нужно произнести еѣ въ словахъ иностранныхъ, то употребляютъ букву *п*. Есть сложныя *дж, дз*; есть буквы двугласныя *ай, эй, ой*, и пр.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ Русскому весьма легко выучиться монгольскому произношенію. Затрудненіе встрѣтится только въ словосочиненіи.

Что значить гласная долгая, объяснить не возможно словами — понять можно только, прислушиваясь къ разговору Монголовъ, особенно женщинъ. Языкъ Монгольскій не очень богатъ, весьма часто одно слово выражаетъ нѣсколько понятій, или отбѣнговъ понятій. Такъ слово *Модо* значить дерево, но выражаетъ и верстовой столбъ, и бревно и доску и почти все, сдѣланное изъ дерева и Монголамъ не сподручное.

Грамматика монгольская имѣетъ свои особенности. Членовъ

нѣтъ, имена существительныя измѣняются окончаніями, какъ у насъ, падежей семь, но послѣ именительнаго, родительнаго, и винительнаго слѣдуютъ: исходный, мѣстный, творительный, соединительный.

Предлоги ставятся послѣ именъ; глаголы по залогамъ дѣлятся на причиняющіе, страдательные, взаимные, учаственные и учащательные.

Между временами глаголовъ есть настоящее однократное и многократное, прошедшее оконченное, прошедшее неоконченное, давно прошедшее. Будущее бываетъ настоящее, сомнительное.

Есть наклоненія совершенно чуждыя грамматикамъ языковъ Европейскихъ и другія особенности.

Исполнилъ ли г. Бобровниковъ намѣреніе свое удовлетворительно, могутъ сказать одни глубокіе знатоки монгольского и калмыцкаго языковъ; только Сибирь и Лондонъ могутъ оцѣнить ее по достоинству. Г. Бобровниковъ совершилъ великое дѣло уже потому, что не имѣлъ себѣ предшественниковъ, и слѣдовательно примѣровъ. Авторъ зналъ, что книга его будетъ покинута въ книгохранилищахъ учебныхъ заведеній, зналъ, что она не принесетъ ему вещественной пользы и предпринялъ тяжкую работу изъ одной любви къ наукѣ. Честь труженику для пользы общей! Благодарность ученому, нескрывающему для себя одного познаній своихъ; онъ помнитъ, что обязанъ принести на олтарь отечества послѣднюю жертву. Люди благонамѣренныя одобряютъ предпріятіе автора и надѣются, что онъ посвятитъ себя переводамъ съ русскаго языка на монгольскій тѣхъ наукъ, которыя обязанъ знать каждый, сколько нибудь, любознательный человѣкъ; что онъ познакомитъ кроткихъ Монголовъ съ ихъ новымъ отечествомъ, подъ сѣнію котораго они благоденствуютъ и возбуждаютъ зависть въ единоплеменникахъ своихъ, обитающихъ за нашею границею.

По всему видно, что труды г. Бобровникова поддерживаются начальствомъ, гдѣ онъ служить, а при такихъ условіяхъ, равнодушіе большинства не отнимаетъ охоты трудиться. Доброжелательный человѣкъ доволенъ уже тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать полезное.

48. *Исторія черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ*, изданная Василіемъ Шестакомъ. Часть I. Одесса. Въ типографіи Л. Ниче.

Одесса, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе начинаеть разви-

вать свою литературную дѣятельность. Чего не издавалось въ ней въ послѣднее время? Есть и учебники, и путешествія, и беллетристическія произведенія. Г. Шестака издалъ нынѣ очень дѣльную книгу, «Исторія черноморской торговли». Она ознакомитъ насъ съ тою важною ролью, которую играла въ самыя отдаленныя времена наша нынѣшняя Южная Россія и преимущественно страны, прилегающія къ Черному-морю, въ исторіи древняго мореплаванія и особливо древней морской торговли. Книга эта не есть собственно оригинальное произведеніе, а только переводъ *нѣсколько-вольный*, какъ это объявляетъ самъ издатель, съ сочиненія г. де-ла-Примоды, изданнаго на французскомъ языкѣ въ 1848 году. Но тѣмъ не менѣе трудъ г. Шестака заслуживаетъ вниманія, какъ по своему интересу, такъ и по чисто-патриотической и благотворительной цѣли, съ которою онъ изданъ. Дѣтopsis былой дѣятельности южнаго поморья посвящена Одессѣ, юной представительницѣ черноморской торговли и назначена въ пользу одесскихъ дѣтскихъ приютовъ. Первая часть ея заключаетъ въ себѣ XI главъ. О древней торговлѣ эвксинскаго понта, Восточные Императоры, торговля русскихъ съ Константинополемъ, Венеціане, Турки и Генуэзцы въ Константинополѣ; генуэзскія поселенія Таврическаго полуострова; внутреннее управленіе Кафы; исторія колоній Таны, Азова, торговля Крыма и сѣверныхъ береговъ Чернаго-Моря; торговля съ Индіей черезъ Черное-Море, большіе торговые пути въ Китай; Таврисская дорога, Латинскія колоніи, Транезунтъ, Силомъ, Амасра, Турки въ Константинополѣ, Осада и взятіе Кафы. Оглавленіе это довольно уже показываетъ, что въ книгѣ, изданной г. Шестакомъ есть что почитать и запомнить; жаль только то, что, переводя сочиненія г. де-ла-Примоды, изъ котораго приведены даже многія ссылки, переводчикъ не заимствовался другими сочиненіями подобнаго рода; и преимущественно книгами, содержащими въ себѣ описаніе первыхъ зачатковъ мореплаванія и слѣдовательно и зачатковъ коммерческихъ отношеній, которыхъ первою торною дорогою были многочисленныя озера, заливы и малыя прибрежныя моря Индіи. Изъ этихъ-то морей пустились утлыя лодки, потомъ суда гораздо большіе, сперва къ побережью Китая, потомъ въ персидскій заливъ и, наконецъ, къ берегамъ Африки, что засвидѣтельствовано Плиніемъ и нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія, именно—библейскими преданіями о потребностяхъ роскоши Вавилоніи, сохраненными въ книгахъ Эздры, Эсфиря и Эзекіи. Скажемъ съ своей стороны, что во-

обще всю морскую комерцію, съ самаго ея пачала, можно раздѣлить на два главные періода. Первый обнимаетъ все пространство времени, которое предшествовало двумъ вольнымъ открытіямъ — пути въ Остъ-Индію, чрезъ мысъ Доброй Надежды, и открытіе Америки; второй—отъ этихъ открытій до нашихъ временъ. Первый періодъ можно раздѣлить на четыре эпохи. Первая—отъ перваго появленія судовъ на моряхъ, до-тѣхъ-поръ, пока римское оружіе не подчинило своей зависимости все народы, занимавшіеся мореплаваніемъ и морскою торговлею и не сосредоточило въ вѣчномъ городѣ все нити коммерческихъ морскихъ сдѣлокъ и оборотовъ. Эпоха эта продолжается до распаденія римской имперіи и сливается съ водвореніемъ христіанства въ землѣ римской. Вторая, заключаетъ въ себѣ время, когда совершилось паденіе восточной римской имперіи, значительный катастрофъ, который, разрушивъ все политическія связи, соединившія между собою различныя народы, грозилъ разрушить также и всю начинавшуюся тогда цивилизацію. Третья эпоха простирается до крестовыхъ походовъ, во время которыхъ начинается уже морская торговля въ странахъ сѣверныхъ, и наконецъ, четвертая эпоха оканчивается открытіемъ Америки, измѣнившимъ все морскія коммерческія отношенія и давшимъ имъ новый видъ. Этого предварительнаго взгляда на древнюю комерцію вообще древняго міра, нѣтъ въ книгѣ г. Шестака. Она начинается прямо съ торговли собственно азіатской, центромъ которой былъ Понтъ Эвксинскій. Азія, страна обширная, разнообразная по своему климату и своимъ произведеніямъ, была колыбелью первыхъ гражданскихъ государствъ, а слѣдовательно и торговли. Два кряжа горъ, раздѣлявшихъ ее отъ востока до запада, разсѣкали ее на три части, въ которыхъ и травы, и почва земли, и климатъ были различны. Изъ этихъ-то странъ и стекались купцы къ волнамъ морей и расплывались въ разныя стороны. Къ-сожалѣнію, тотъ видъ, въ которомъ дошли къ намъ сказанія древней исторіи, на которыхъ мы должны основывать свои свѣдѣнія о подвигахъ и соотношеніяхъ первыхъ людей и ихъ полезныхъ открытіяхъ, наполнены сказками и несообразностями. Очень краткіе намеки, изолпированные факты или кое-какія замѣчанія, случайно вброшенныя въ сочиненія кое-какихъ древнихъ писателей — вотъ все, что намъ осталось для повѣрокъ о древнемъ мірѣ и его гражданскихъ и коммерческихъ отношеніяхъ. По общепринятому убѣжденію экспедиція Аргонавтовъ была первымъ опытомъ плаванія по Черному-морю; до-тѣхъ-поръ его почитали покрытымъ вѣчнымъ мракомъ,

предельнымъ съ Эребомъ и думали, что берега его были населены дикими скифами, убивавшими безъ жалости тѣхъ песчаныхъ, которыхъ буря выкидывала на негостеприимный берегъ. Это повѣрье на долго удаляло Грековъ отъ негостеприимнаго моря, но наконецъ, нѣсколько смѣльчаговъ, подъ предводительствомъ Язона рѣшились пуститься какъ за сокровищами странъ, его окружающихъ, такъ и для освобожденія Чернаго-моря отъ морскихъ разбойниковъ. Попытка ихъ удалась. Они хорошо были приняты жителями Колхиды и Фаагагоніи, завели съ ними мѣновой торговъ и основали многочисленныя колоніи. Первая изъ нихъ была Ольвія (счастливая) гдѣ теперь недалеко стоитъ Херсонъ, вторая Феодосія, съ гаванью, вмѣщавшую сто судовъ, потомъ Пантикапея, столица городовъ европейскаго Босфора, и Тапанезъ, при устьѣ рѣки того имени (Дана). Народы, прилегающихъ къ нему странъ, доставляли въ эти колоніи рабовъ, зерновой хлѣбъ, кожи, воскъ, медъ, фрукты, строевой лѣсъ и получали въ замѣнъ вина, разныя ткани и парчи. Кавказъ и тогда, какъ и нынѣ, служилъ преимущественно для Азіатовъ мѣстами, откуда они получали товаръ невольниками и невольницами.

Вотъ начало первой морской торговли Чернаго-Моря и первыхъ ея коммерческихъ колоній. Основываясь на сочиненіи г. де-ла-Примоды, издатель исторіи черноморской торговли, г. Шестакъ, полагаетъ, что первыя плаванія Грековъ, по Черному-мюрю, были чисто предпринимаемы изъ видовъ коммерческихъ. Основываясь на фактахъ древнихъ сказаній, мы съ своей стороны, скажемъ, что г. де-ла-Примода, вѣроятно смѣшиваетъ жителей Средней-Азій съ Греками, потому-что, какъ извѣстно изъ Геродота (переводъ Ларше, Larcher, книга IV и изъ Банье Banier-Mém. de l'Acad. des inscriptions, t. IX, pag. 62) Греки позже всѣхъ азіатскихъ народовъ начали мореплаваніе и ограничивались только морскими прибрежными разбойями. О морской же ихъ торговлѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ до войны ихъ съ Персами (Фукидидъ, кн. I. глава XIV). Правда, Греки основали многія колоніи, но только отнюдь не изъ коммерческихъ видовъ, а для того, чтобы избавиться отъ слишкомъ многочисленнаго народонаселенія на твердой землѣ. (Plat. de legibus, книга V). Колоніи греческія на повтѣ звенискомъ были очень слабы, потому-что, въ тоже самое время, Греки заселили берега Египта (Страбонъ, книга XVII, глава I. § 8.). Хотя это поселеніе и не имѣло никакой цѣли, кромѣ роскоши и наслажденія жизнью, потомъ основали Марсель въ Галіи и Эфесъ, знамени-

тѣй своимъ храмомъ, роскошью и обширнымъ торговь, привлекавшимъ всѣхъ азіатскихъ купцовъ. Впрочемъ эти поселенія Грековъ нисколько не относятся къ торговлѣ черноморской; она развивалась отдѣльно. Вторая глава въ переводѣ г. Шестака:— Восточные императоры и торговля русскихъ съ Константинополемъ, намъ кажется, очень кратко изложена. Недовольствуясь фактами, собранными де-ла-Примодой, г. Шестакъ могъ бы, отступить немного отъ своего намѣренія, высказаннаго имъ въ предисловіи и вмѣсто того, что бы сглаживать только слогъ французскаго автора, неизмѣняя фактовъ, хотя добавить эти факты изъ нашихъ отечественныхъ источниковъ и исторіи, въ которыхъ есть много данныхъ о торговыхъ сношеніяхъ древнихъ Руссовъ съ Греками. Руссы, говоритъ г. Шестакъ въ своей книгѣ, въ X и XI столѣтіяхъ имѣли съ Восточною Имперіею частыя и важныя коммерческія сношенія, а при комъ именно — неизвѣстно. Французскій авторъ вѣроятно не пуждался въ этомъ объясненіи. Пройдя молчаніемъ очень любопытныя главы о Венеціанцахъ, жившихъ въ Константинополѣ, генуэзскихъ поселеніяхъ Таврическаго-Полуострова, исторіи колоніи Азава, торговли Крыма, мы остановимъ вниманіе читателей на любопытномъ преданіи о заселеніи Генуэзцами Транезунта.

Когда испанскій посолъ Клавиво, на перепуты въ Саморкандъ, проѣзжалъ чрезъ Транезунтъ (въ 1404 году), онъ замѣтилъ при входѣ въ гавань, два укрѣпленія, на которыхъ развѣвались флаги Генуи и Венеціи. Пригорокъ въ концѣ пристани, до-сихъ-поръ носитъ названіе «горы Франковъ (Френчъ-Гисаръ).»

Это поселеніе Генуэзцевъ въ Транезунтѣ, было весьма важно для значенія черноморской торговли и облегчало ихъ сношенія съ верхнею Арменіею, гдѣ они вели значительный торгъ безъ всякихъ за то налоговъ.

Осадою и взятіемъ Кафы оканчивается первая часть этой занимательной книги, которой, къ сожалѣнію, мы знаемъ только почти вступленіе. Намъ всегда кажется страннымъ выпускъ тѣхъ книгъ, которыхъ продолженія или окончанія нужно ждать. Это ожиданіе и періодическіе выпуски весьма много вредятъ интересу цѣлаго сочиненія, заставляютъ позабыть многое, а главное, не позволяютъ сдѣлать вѣрной критической оцѣнки. Мы не знаемъ причины, побудившей автора, такъ снѣшить изданіемъ своей первой части; но смѣемъ его увѣрить, что если онъ, въ послѣдующихъ частяхъ своей исторіи черноморской торговли, воспользуется, для большей полноты своего сочиненія, не однимъ сочиненіемъ Примоды и не сглаживая только

однажды словъ, станеть добавлять переводъ свой фактами, почерпнутыми изъ другихъ авторовъ,—книга его очень много выигрываетъ.

Мы не говоримъ, чтобы было какое-нибудь исключительное сочиненіе, посвященное единственно морской торговлѣ Чернаго и Средиземнаго моря, но есть много сочиненій по части морскихъ правъ, какъ древнихъ, такъ и среднихъ и новыхъ временъ, изъ которыхъ можно почерпнуть многое г. Шестаку и для его исторіи былой дѣятельности южнаго полуострова. Насчетъ наружнаго достоинства книги г-на Шестака, должно сказать, что она не заставляетъ желать ничего лучшаго и издача также чисто и оиратно, какъ и всѣ вообще одесскія изданія.

49. *Греческія Стихотворенія* Н. Щербини. Одесса. 1850.

Пусть читатели не думаютъ, что это переводныя стихотворенія. Онѣ волюгъ самобытны. Авторъ самъ поясняетъ это:

Страннымъ можетъ быть показется, говорить онъ, названіе этой книжки *Греческія Стихотворенія*, и кромѣ того, оно подасть поводъ принять ихъ за переводы изъ греческихъ поэтовъ, или спросить: отчего она не названа — Антологическія стихотворенія? Для этого авторъ счелъ не неуважительнымъ нависать эту статейку, чтобы сдѣлать оговорку.

Переводныхъ пѣсень у г. Щербини только двѣ: изъ Анакреона и изъ Бакхиліада. Мы не будемъ говорить о ихъ относительномъ переводномъ достоинствѣ, потому-что самъ авторъ убѣждаетъ, что никакой переводъ не въ состояніи передать красоту греческаго подлинника. Эта трудность зависитъ сколько отъ архитектуры стиха, столько же и отъ самаго языка, выключая пѣсень, по характеру своему способныхъ къ переводу. Новые языки совершенно иначе организованы, чѣмъ языкъ греческій, и стопосложеніе ихъ нисколько не похоже на стопосложеніе древнихъ.

Въ греческихъ стихотвореніяхъ г. Щербини мѣньшая ихъ половина, какъ онъ самъ объясняетъ, чисто антологическія пѣсень. Къ нимъ принадлежатъ: *Купанье*, *Стыдливость*, *Мизъ*, *Въ деревнѣ*, *Туча*, *Миръ и человекъ*, *Стихъ* и нѣкоторые другія; остальная же и большая половина ихъ не антологическія, но собственно греческія стихотворенія, навѣянные автору нѣкоторымъ образомъ знакомствомъ его съ эллинскою жизнью, наукой и искусствомъ, и вышешныя ему симпатіею ко всему греческому. То, что не являлось, или, можетъ-быть, не дошло до насъ въ гре-

ческой лирикѣ и чуждо антологіи, но что мѣстами, мелькаетъ въ драмѣ, философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, въ образѣ жизни, характерѣ и убѣжденіяхъ Грековъ, то авторъ бралъ за тему своего стихотворенія.

Авторъ представляетъ оцѣнку своего труда на судъ публики. Спѣшимъ увѣрить его, что добросовѣстный трудъ всегда оцѣнится публикою. Вѣрная, безпристрастная оцѣнка его, показывая, какъ его недостатки, такъ и достоинства, дастъ на будущее время, возможность не правитесь отъ худаго и воспользоваться замѣчаніями дѣльными. Въ греческихъ стихотвореніяхъ промаховъ очень мало.

Поэзія Греціи, какъ и вся поэзія древняго востока, болѣе чувственная, осязательная. Видимый міръ, судьба, тяготѣющая надъ человекомъ, наслажденія и печали жизни—вотъ цвѣтки, которыми украшаетъ себя болѣею частью муза Греціи, впрочемъ, стыдливая и граціозная. Въ греческой музѣ поэтому, пусть читатель не ищетъ ни слишкомъ сильной глубины мысли, ни ея современности. Напѣвы этой музы и хотѣлъ намъ передать г-нъ Щербина, на русскомъ языкѣ и успѣлъ не безъ похвалы. Для примѣра выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Книга начинается очень миленькимъ антологическимъ стихотвореніемъ *Купанье*, послѣ котораго идетъ «Послѣ чтенія Уморящихъ,» Еврипида: Стихотвореніе это намъ очень понравилось. Вотъ оно:

Что ты рѣжешь для этой могилы
Благовоныя пряди кудрей,
Перси поэвыя женственной силы
Надрывашь рыданьемъ надъ ней.

Къ чему эти печальныя платья
Къ чему ликъ свой прекрасный терзать,
И горячія жизни объять
На безжизненный трупъ расточать?

И что въ ней тебѣ, въ этой гробницѣ,
Взлетѣвшей на звучный твой зовъ,
Тебѣ, пламенной страсти царниѣ
И земному подобью боговъ?

Поспѣши ей отдать возданье,
Ее плачемъ обычнымъ почти,
Схоропивши свое въ ней страданье,
Ты отъ смерти вновь къ жизни иди.

Гдѣ отвѣтъ есть на радость и горе
Въ дуновеньи вѣтромъ вѣтерна
И въ немолчно-враждующемъ морѣ
И въ роскошномъ дыханьи цвѣтка.

Поспѣшай же творить возданья; —
Слышишь, въ городѣ хоры поютъ.
И поютъ, что мгновенно страданье,
Что отъ слезъ тебя пѣсни зовутъ.

Греческая ночь г- Щербини также полна южнаго страстнаго колорита.

На равдолии небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня,
И заботой полна,
Буду я холодна,
Ты тогда не узнаешь меня!

Какая чудная картина восточной ночи.

Какъ хорошо выражено у него также то полное довольство, которое искали Греки въ созерцаньи природы и стремленіи къ высшему существу, въ стихотвореніи Герои:

I.

Какъ сладко на перси природы
Приникнуть усталой главой.

Сюда приютился покой!

Вотъ пчелы роятся надъ тминомъ,
Корзины плетутъ пастухи,
Бѣлѣютъ стада по долинамъ,
И пахарь поетъ у сохи.

Мнѣ слышится пѣснь Тѳеокрита
Сквозь грѣзы спокойнаго сна...
Здѣсь прошлая жизнь позабыта,
Здѣсь жизнь настоящимъ полна!..

II.

Заснулъ я въ тѣни сикоморы:
Но видѣлъ ущелія скалъ;
На нихъ опиралися горы,
Орель надъ горами леталъ.

И грозныя тучи носились,
И бура ревѣла въ горахъ,
И гибкою тростью клонились
Столѣтніе дубы во прахъ.

Такихъ стихотвореній, въ книгѣ г. Щербины довольно. Не желая лишать читателей удовольствія самимъ повѣрить слова наши, мы приводимъ, за выдержку, здѣсь еще одно только стихотвореніе; это Софокловой Антигонѣ:

Судиъ тебѣ рокъ непреклонный,
Подъ бурями жизни разцвѣсть,
И розы любви благовоной
Подъ своды Аида увести.

И эти роскошныя розы
У насъ не распустятся вновь:
Росили ихъ жгучія слезы
И грѣха не наша любовь.

Зачѣмъ ты взяла ихъ съ собою.—
Но мы недостойны любви;
Мы бросили грязью земною
На чистыя розы твои.

И стали мы жадной толпою
Лобзать на груди красоты,
Облитыя пѣной морскойю
Пафоской богини цѣты.

Признавая звучность и достоинство греческихъ стихотвореній г. Щербины, мы, къ сожалѣнію, не могли доискаться никакихъ красотъ и ничего греческаго, только въ одномъ. Это въ одесской мелодіи:

• Виноватъ признаюсь, Зоя!
Оботри платочкомъ слезы.
У вершины Ахелоя
На горѣ пасутся козы.

— Правда ль это? но далеко
Надо мнѣ идти на гору...
Мать осталась одинока,
И боюсь я въ эту пору:

Ночью тамъ блуждаютъ духи,
Ходитъ волкъ, чакалка рыщетъ,—
Да и жаль моей старухи
Что (которая?) меня напрасно ищетъ...

Виноватъ, прости мнѣ, Зоя!
Стадо выгналъ я на гору,
Чтобъ къ вершинѣ Ахелоя
Намъ идти въ ночную пору.

• Тихе, воды Ахелоя,
На щекахъ зардѣлись розы;
Ты въ любви призналась, Зоя!
Обмануль я, дома козы.

Къ счастью для нашей непонятливости, такихъ стихотвореній только одно.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь стихотвореній советуемъ обратить вниманіе на *Сказки*, на *Тушу*, на *Стихъ*, на *Тимона Афинскаго*, по восторженному окончанію стихотворенія, на *Мудреца и Человѣка*, по чисто греческому чувственному взгляду на прелесть существованія, непроникнутому воплѣ глубокой тайной идеи о вѣчности. Но болѣе всего намъ понравилось стихотвореніе: *Дѣтская игра*.

Всѣхъ стихотвореній въ книгѣ г. Щербины 36. Намъ кажется, что имя его намъ уже встрѣчалось въ нѣкоторыхъ альманахахъ, но тогда ничего нельзя было сказать о его стихотвореніяхъ. Это его первая попытка. Изданіе, какъ и всѣ одесскія изданія, прекрасно.

50. *Историческій очеркъ* общихъ гражданскихъ учреждений Повороссійскаго-Края, рѣчь адъюнкта Комарницкаго. Одесса. 1849.

Восхищенный климатомъ, теченіемъ рѣкъ Волги, Дона, Днѣпра, и любя море, Императоръ Петръ Великій, по свидѣтельству историковъ, имѣлъ мысль основать столицу на берегахъ Азовскаго Моря. Взятіе Азова подкрѣпило эту мысль, но Провидѣнію угодно было сдѣлать поприщемъ славы Петра другое море. Между-тѣмъ зная важность для Россіи того края, Императоръ снѣшилъ положить начало, какъ заселенію, такъ и гражданскимъ учрежденіямъ вышней повороссійской области. Императрица Елисавета Петровна, Императрица Екатерина Великая, Императоры Павелъ, Александръ и Николай не переставали обращать вниманіе на великое завоеваніе ихъ прѣдка, и издавали разныя постановленія къ благоустройству повороссійскаго края. Г. Комарницкій, въ рѣчи своей, развиваеъ исторически всѣ эти учрежденія, отъ начала времени Великаго Преобразователя до благополучнаго царствованія Государя Императора Николая I. Матеріалы для своей рѣчи авторъ заимствовалъ изъ полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.

51. *Русская Фауна* или описаніе и изображеніе животныхъ водящихся въ Имперіи Россійской. Составлено и посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Юліаномъ Симашко. Тетрадь 22. С. Петербургъ 1850.

Новый выпускъ этого прекраснаго и полезнаго изданія, знакомящій насъ со всѣмъ животнымъ царствомъ, млекопитающихъ, птицъ, гадовъ, рыбъ, насѣкомыхъ и проч., водящихся въ Россіи, заключаетъ въ себѣ продолженіе сравненія формъ череповъ различныхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ и вообще всю остеологию человѣческую. Не упуска ничего изъ виду, авторъ, въ подробныхъ рисункахъ, объяснилъ и ту систему Галля, по которой онъ, по возвышенностямъ, находящимся на черепѣ опредѣляетъ, какъ душевныя, такъ и умственные способности человѣка, изъ которыхъ къ первымъ принадлежатъ склонности и чувства, а ко вторымъ способности воспріятія ощущенія и способности мышленія. Изложивъ съ отчетливою подробностію всѣ составныя части человѣческаго тѣла, авторъ кончаетъ этотъ новый выпускъ началомъ сравненія костей туловища человѣка съ туловищемъ животныхъ. Къ этому новому выпуску Русской Фауны приложены пять прекрасно раскрашенныхъ рисунковъ, изображающихъ хищныхъ днев-

ныхъ птицъ: копчика, краснаго сокола, пустельгу, семь видовъ мелкихъ птицъ, изображеніе устройства когтей и ногъ хищныхъ дневныхъ птицъ, остеологию ихъ череповъ, и три породы рыбъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: костистыхъ-глоперыхъ. Нельзя не пожелать, и на будущее время, этому полезному и изящному изданію той полноты, отчетливости и той акуратности выхода въ свѣтъ, какими оно всегда отличалось. Мы, съ своей стороны, находимъ въ этомъ изданіи только одинъ недостатокъ, именно тотъ, что выпуски Фауны выходятъ слишкомъ малы (заключая въ себѣ 1 — 2 листа текста). Это значитъ подстрекаетъ любопытство читателей, и ставитъ ихъ въ не-пріятную необходимость не имѣть предъ собою ничего отдѣльнаго, цѣлаго. Но это только наше собственное мнѣніе и вѣроятно, избѣжаніе этого недостатка не зависить отъ издателя, при той дороговизнѣ, съ которою у насъ сопряжены подобныя изданія. Помочь ему въ этомъ, зависить отъ образованной русской публики, скорѣйшимъ приобрѣтеніемъ Фауны. Желательно бы было видѣть скорѣйшее окончаніе всего изданія Русской Фауны, чтобы сдѣлать ей полную и вѣрную критическую оцѣнку, которая не возможна при отдѣльныхъ выпускахъ, какъ потому, что многое, пропущенное, вѣроятно будетъ добавлено въ-послѣдствіи, такъ и потому, что строгая и добросовѣстная оцѣнка труда требуетъ его полнаго изученія и сравненія съ другими, уже вышедшими подобными книгами на языкахъ иностранныхъ. Къ лучшимъ книгамъ подобнаго содержанія, какъ Русская Фауна г. Симашко, принадлежитъ фауна французскаго знаменитаго Кювье.

52. *Дѣя жизни или казаться и быть.* Сочиненіе Миссъ Макинтошъ, переводъ съ англійскаго. А. Шишовой. С. Петербургъ 1850.

Нельзя не подивиться литературной дѣятельности г. Шишовой. Издавая очень хорошіи дѣтскіи журналъ Звѣздочку и съ нею вмѣстѣ, дая дѣтямъ разнообразными дѣтскими книгами, она при всемъ томъ имѣетъ еще время заниматься и переводами романовъ. Новый этотъ трудъ госпожи Шишовой заслуживаетъ вниманія, какъ по своему хорошему переводу, такъ и по внутреннему содержанію самаго оригинала.

53. *Творенія Тертуліана*. Части 3 и 4. Переводъ Е. В. Карнѣева. С. Петербургъ 1850.

Переводъ этотъ служитъ продолженіемъ двумъ первымъ частямъ сочиненія того же автора, издавшимъ въ 1847 году. Читателямъ, имѣющимъ у себя уже первыя двѣ части творенія Тертуліана, необходимо имѣть и двѣ послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются самыя лучшія произведенія этого христіанскаго писателя. Имя переводчика, заслужившаго уже извѣстность многими трудами этого же рода, должно вполнѣ служить порукою за заинтересованность и ясность изложенія этого новаго его перевода.

Краткая исторія Церкви. Изложеніе Протоіерея Василя Норова. С. Петербургъ 1850.

Мы должны сказать безъ преувеличенія, что отъ души радуемся, видя, какъ все чаще и чаще начинаютъ появляться сочиненія подобнаго рода. Онѣ показываютъ готовность нашей публики къ нравственному, духовному чтенію. Не говоря уже про благое намѣреніе выдать въ свѣтъ такую полезную книгу для всякаго, мы должны сказать, что и система, принятая авторомъ, для изложенія исторіи Церкви, заслуживаетъ похвалу, какъ по своей ясности, такъ и по тому труду, при которомъ авторъ не только не ограничился одними общими мѣстами о своемъ предметѣ, но на всякомъ шагѣ сопровождаетъ эти изложенія размышленіями и вѣрнымъ, положительнымъ взглядомъ на предметы.

54. *Поездка на Синай*, съ приобщеніемъ отрывковъ о Египтѣ и Святой землѣ. А. Уманца. 2 части съ 3 картами и 10 рисунками. Спб. 1850.

Съ нѣкотораго времени, Малая Азія и вообще Востокъ все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе, какъ путешественниковъ, такъ и ученыхъ. Наскучивъ дѣлиться съ публикою тѣми впечатлѣніями, которыя западаютъ въ душу на истоптанныхъ и перетоптанныхъ путяхъ Европы, какъ иностранные, такъ и наши туристы, захотѣли наконецъ дать понятіе о жизни, нравахъ, обычаяхъ и мѣстностяхъ той страны, о которой мы знали очень немногое. Англичане первые начали писать кое-что о Востокѣ; потомъ вышло довольно хорошее путешествіе по Востоку Ламартина, — вотъ и все, что представлялось любопытнымъ для чтенія объ этой странѣ, колыбели всего человѣче-

ства. На русскомъ языкѣ свѣдѣній о Востокѣ до начала сороковыхъ годовъ этого столѣтія было очень немного. Правда, хотя мы и имѣли еще во-время царя Іоанна Васильевича, въ 1582 году, извѣстія о Синаѣ и Святой-землѣ, изъ путешествія московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, и позднѣе ихъ, путешествіе Василя Гогаря, родомъ изъ Казани, въ 1634 г. и немногихъ другихъ, по всѣ эти путешествія были или неполны, или уже слишкомъ наполнены вымыслами. Въ путешествіяхъ по Востоку былъ видимый недостатокъ въ русской литературѣ, который впрочемъ скоро пополнился. Гг. Норовъ, Муравьевъ, Рафаиловичъ, молодые ориенталисты Диттель и Березинъ, трудами своими проливали все болѣе и болѣе яркій свѣтъ на подувѣдому намъ полюсу Азіи и тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершалась высокая тайна человѣческаго искупленія и соединенія жизни земной съ жизнью небесною. Пользуясь, какъ хорошими путеводителями, путевыми замѣтками европейскихъ ученыхъ и въ особенности Е. Робинзона и Смита, а также и изданными уже послѣ его путешествія трудами А. С. Норова, г. Уманецъ рѣшился наконецъ напечатать своего путешествія на Синаѣ, въ Египетѣ и Святой-землѣ сдѣлать русской читающей публикѣ очень пріятный подарокъ. Не отличаясь многими изысканіями и статистическими свѣдѣніями, книга эта заслуживаетъ вниманіе въ этнографическомъ отношеніи. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по ходатайству Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора и Намѣстника Кавказскаго, Князя М. С. Воронцова, въ маѣ 1842 г., была отправлена на Востокъ особая карантинная коммиссія, для произведенія опытовъ очищенія зачумленныхъ вещей посредствомъ усиленной теплоты. Въ числѣ членовъ этой коммиссіи былъ и авторъ «Поездки на Синай» г. Уманецъ. Пользуясь отсутствіемъ чумы въ Египтѣ, онъ съѣздилъ въ Верхній Египетъ, до перваго водопада Нила и острова Филе, потомъ на Синай, и наконецъ, въ концѣ іюня 1843 года, на обратномъ пути въ Россію, г. Уманецъ побѣтилъ Даміетъ и Сирію, Іерусалимъ, Мертвое море, Іорданъ, Іерихонъ, развалины Самаріи, Сидонъ (нынѣшнюю Сайду), Тиръ (Суръ), Дамаскъ, главный хребетъ Ливанскихъ горъ, Байрутъ и многія другія мѣста. Изъ приведеннаго здѣсь перечня мѣстъ, осмотрѣнныхъ авторомъ, ясно, что ему есть что разсказывать и чѣмъ подѣлиться съ желающими прочитать его книгу. Въ путевыхъ запискахъ своихъ, добросовѣстный авторъ не пренебрегъ никакими замѣчаніями, никакими совѣтами и посылками, которыми снабжали его А. С. Норовъ и нашъ учевый

ориенталистъ, бывшій профессоръ одесскаго Лицея В. В. Григорьевъ, переведшій г. Уманцу съ арабскаго языка любопытный фирманъ, данный синайскому монастырю самимъ Муххамедомъ. Фирманъ этотъ дышетъ необыкновенною въротеримостию, и предоставляетъ христіанамъ многія права личности и собственности: христіане могли свободно отправлять и сохранять свою религію; строить новыя церкви, молельни и монастыри, причемъ Муххамедъ обизываетъ музульманъ даже оказывать христіанамъ пособіе, запрещаетъ послѣдователямъ своимъ входить съ христіанами въ споры о превосходствѣ религіи, а если христіанкѣ случится быть между музульманами, то дозволяетъ ей молиться по своей вѣрѣ, заключая эти права личности словами:

— Кто поступитъ противъ этого, тотъ есть бунтовщикъ противъ Аллаха и его пророка.

Сверхъ того, по этому фирману христіане освобождались отъ обязанности ходить на войну, освобождались отъ всякихъ повинностей, могли имѣть невольниковъ, и вести торговлю, внося за нее маловажную плату, и другія права. Фирманъ писанъ въ собственной мечети Муххамеда, и скрѣпленъ въ вѣрномъ его исполненіи вѣрнѣйшими друзьями и послѣдователями его, въ числѣ 22 человекъ. Фирманъ этотъ былъ подтвержденъ каждымъ Султаномъ, и между прочимъ и нынѣшнимъ падишахомъ Абдуль-Меджидомъ. — Онъ переведенъ вполне въ книгѣ г. Уманца. Нельзя его не поблагодарить за такой любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на мнувшія отношенія магометанъ къ христіанамъ. Прибывъ въ Египетъ и съѣздивъ на развалины Оивъ, которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ не описываетъ, онъ поѣхалъ изъ Каира въ Суэсъ, на наемныхъ верблюдахъ, въ сопровожденіи Бедуиновъ, которыхъ нравы и характеры описаны г. Уманцемъ довольно подробно, видѣлъ дорогою опустѣлую гробницу Халифа Малекъ-Аделя, рисунокъ которой хранится въ портфель нашихъ художниковъ, путешествовавшихъ по Востоку, братьевъ Чернецовыхъ, и наконецъ вступилъ въ пустыню. Новое, особенное чувство, объемлющее путника, когда онъ въ первый разъ увидитъ себя посреди мертвой, повидимому безконечной пустыни, гдѣ, куда ни обратишь взоръ, не видишь ни одного живаго существа, ни малѣйшихъ признаковъ растительности, разсказано г. Уманцемъ очень краснорѣчиво. Послѣ многихъ непріятностей непривычнаго пути, путешественникъ нашъ прибылъ въ Суэсъ, который не произвелъ на него никакого пріятнаго впечатлѣнія. Какъ въ природѣ, такъ и въ жителяхъ этого города, онъ замѣтилъ бѣдность и

запустѣніе. Не смотря на транзитъ товаровъ изъ Индіи въ Европу чрезъ Красное-море, дѣлающій этотъ городъ важнымъ въ торговомъ отношеніи, особенно послѣ учрежденія пароходнаго сообщенія съ Индіею чрезъ Красное-море, Суэсъ все остался маленькимъ городомъ. Въ немъ до 3 тысячъ жителей, изъ числа которыхъ до 70 человекъ христіанъ. Посѣтивъ гостиницу, гдѣ оставался Наполеонъ, и его комнату, оставшуюся неприкосновенной, какъ она была, а также и то мѣсто въ проливѣ, гдѣ онъ чуть-чуть было не утонулъ, г. Уманецъ торопился увидѣть колодцы Моисея, горькій источникъ Мара (по славянски Мерра), обзрѣть Чермное-море, и побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, древніе Израильяне совершили свой исходъ изъ Египта и было поглощено воинство Фараона. О истинномъ мѣстѣ перехода существуютъ разныя мнѣнія. Г. Уманецъ все ихъ приводитъ.

До сихъ-поръ еще о Черномъ-морѣ плутъ разнородные толки, и долго не знали, откуда произошло названіе Чермнаго, Краснаго, и разныя предположенія и догадки, болѣе или менѣе не вѣрныя, сыпались со всѣхъ сторонъ. Разрѣшеніе вопроса принадлежитъ недавнему времени. Это сдѣлалъ профессоръ Эренбергъ въ 1823 году, и наблюденія другихъ ученыхъ, въ 1843 году, совершенно подтвердили основательность выводовъ Эренберга. Докторъ Монтанъ читалъ объ этомъ замѣтельную записку въ парижской Академіи Наукъ, которая и послужила поводомъ къ многимъ статьямъ, какъ въ иностранныхъ, такъ и въ нашихъ журналахъ.

Вотъ что говоритъ Эренбергъ, проведшій нѣсколько мѣсяцевъ въ Торѣ, на Суэзскомъ полуостровѣ, о Черномъ-морѣ (иначе, Красномъ).

«10 декабря, говоритъ онъ, я видѣлъ поразительный феноменъ окрасенія всего залива, образующаго гавань этого города, въ красивый, красный цвѣтъ. Открытое море, за кораловыми скалами, сохранило обыкновенный цвѣтъ. Въ продолженіе знойнаго дня, мелкія волны спокойнаго моря приносили и слагали на песчаный берегъ слизистое кроваво-красное вещество, и въ полчаса времени, при отливѣ, вся губа окружилась красною каймою въ нѣсколько футовъ ширины. Я почерпнулъ воды въ стаканъ, и принесъ въ палатку, которая находилась у меня близъ моря. Легко было видѣть, что окраска эта происходила отъ множества мелкихъ, едва видимыхъ хлопьевъ, часто зеленоватыхъ, иногда темно-зеленоватыхъ, но по большей части красныхъ. Самая же вода, въ которой они плавали, была со-

вершено безцвѣтна. Окрашивающее вещество я разсматривалъ въ микроскопъ. Хлопья состояли изъ маленькихъ растительныхъ пучковъ волоконъ. Они были веретено-образны, имѣли рѣдко болѣе двухъ миллиметровъ толщиною и заключались въ оболочкѣ изъ слизи, какъ бы въ футлярѣ. Покуда солнце находилось на горизонтѣ, хлопья держались на поверхности воды, въ стаканѣ; но ночью, когда я покачивалъ стаканъ, опускались на дно, и чрезъ нѣсколько времени снова подымались на поверхность. Явленій окрашенія воды на морѣ не было постоянныхъ.

Эренбергъ дѣлалъ эти наблюденія три раза на небольшомъ пространствѣ, и притомъ на берегу. Въ недавнее время они подтвердились новыми случайными наблюденіями, и притомъ въ гораздо большемъ объемѣ. Наблюденія эти были сообщены Жофруа Сентъ-Илеру однимъ адвокатомъ съ острова Св. Маврикія, Эвеноромъ Дюпономъ, плывшимъ чрезъ Чермное-море, на пароходѣ «Атланта», принадлежащемъ Остъ-Индской Компаніи. Напрасно спрашивалъ онъ у капитана, долго плававшего по этимъ водамъ, почему море именуется Краснымъ, когда ничто не оправдываетъ этаго названія, — ни капитанъ, ни лоцманъ, ни матросы, ни офицеры, ничего не могли про это сказать Дюпону. Море было синее, а вокругъ него тянулись по обоимъ берегамъ обнаженные горы черновато-кирпичнаго цвѣта, за исключеніемъ въ некоторыхъ бѣлыхъ полосъ, отъ потухшихъ вулкановъ; пески кругомъ бѣдые и бѣлыя коралловыя скалы. Въ полдень Чермное-море было самаго прекраснаго голубаго цвѣта. Дюпонъ уже отчаявался видѣть Чермное-море иначе, но къ его удовольствію случай скоро представился. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ, въ письмѣ своемъ къ Жофруа де Сентъ-Илеру:

«15 іюля, знойное аравійское солнце разбудило меня вдругъ, просіявъ на горизонтѣ безъ разсвѣта, во всемъ своемъ великолѣпнн. Машинально облокотился я на окно кормы парохода, чтобы подышать остаткомъ свѣжаго ночнаго воздуха, пока дневной жаръ не поглотилъ его. Каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вся поверхность моря, такъ далеко, какъ только видѣлъ глазъ, была окрашена въ красный цвѣтъ! Я выбѣжалъ на палубу, и по всѣмъ сторонамъ увидѣлъ тоже самое явленіе. Снова я обратился съ своими разспросами къ офицерамъ; лекаръ объявилъ мнѣ, что онъ еще прежде видѣлъ это явленіе, и приписываетъ его плавающей на водѣ рыбьей икрѣ, другіе же ничего подобнаго не могли припомнить».

Не ставемъ приводить вполнѣ собственныя слова Дюпона,

скажемъ только что, глядя на Чермное-море, опять видѣлъ, что вся поверхность его была покрыта сплошнымъ, но не слоистымъ слоемъ чего-то мелкаго, коричнево-краснаго и нѣсколько оранжеваго цвѣта, какой имѣютъ видъ опилки краснаго дерева. Дюпонъ приказалъ достать себѣ ведромъ нѣсколько воды съ этимъ веществомъ, и налилъ его ложкою въ бѣлую стклянку, и потомъ, онасясь, чтобы осажденіе не ускорило разложенія, вылилъ эту воду на подотно. По стеченіи воды окрашивающее вещество осталось на подотнѣ, и будучи высушено, приняло зеленый цвѣтъ. Дюпонъ приложилъ къ своему письму, на кускѣ бѣлой бумажной ткани, собранное имъ вещество, которое Жофруа де Сентъ-Илеръ и докторъ Монтанъ разсматривали въ микроскопъ. Наблюденія ихъ показали, что вещество это есть не что иное, какъ морской поросль, состоящая изъ членистыхъ и сложенныхъ связками волоконъ, толщиною въ поперечникѣ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ миллиметра. Они дали этому поросту названіе—*Trichodesmium Ehrenbergi*, въ память Эренберга, впервые наблюдаващаго этотъ морской поросль.

Докторъ Монтанъ, въ своей запискѣ, читанной имъ въ парижской Академіи Наукъ, полагаетъ, что 1) названіе Чермнаго или Краснаго-моря, данное Аравійскому-заливу, сперва Геродотомъ, а потомъ Семьюдесятью Толковниками, выведено, вѣроятно, изъ описаннаго выше періодическаго явленія, бывающаго на водахъ Чермнаго-моря что, 2) это явленіе происходитъ отъ присутствія особаго рода микроскопическаго поросля, плавающаго на морской поверхности, и не столь замѣчательнаго своимъ краснымъ цвѣтомъ, сколько своимъ плодородіемъ. 3) Краснота водъ озера Морать, описанная де-Кандолемъ и производимая дрожалкою, имѣетъ самое большое сходство въ красноту водъ Аравійскаго-залива, хотя оба растенія, по своему роду, очень различны между собою; 4) что это любопытное явленіе хотя замѣчено только недавно, но, вѣроятно, существовало всегда; 5) этотъ необыкновенный цвѣтъ моря не имѣетъ исключительную причину присутствія молокавъ и микроскопическихъ животныхъ, но часто происходитъ также, можетъ-быть отъ періодическаго, всегда плодovitаго появленія нѣкоторыхъ поростовъ (algues) и особеннаго рода *Trichodesmium*, и наконецъ, что это чудное явленіе хотя всего обыкновеннѣе бываетъ въ моряхъ между тропиками, однакоже встрѣчается и въ другихъ, наиримѣръ въ океанахъ Атлантическомъ и Тихомъ.

Смотрѣвъ Красное-море, нашъ путешественникъ приступаетъ къ подробному описанію Синая. Монастырь расположенъ вдоль

ушелья, на крутой покатоности, идущей от подошвы Хорива. Путешественникъ, разбитый усталостию, хотѣлъ поскорѣй войти внутрь, но воротъ въ стѣнахъ не было видно, и только вверху, почти у верхней оконечности стѣны, находилось, въ видѣ двери, окно изъ котораго выглядывали монахи. Окно это было прикрыто высеченъ деревянною будкою безъ дна, съ блокомъ чрезъ который висѣлъ конецъ веревки. По этой-то веревкѣ прѣхавшіе совершили воздушный путь въ монастырь. Г. Уманецъ былъ счастливѣе нашего извѣстнаго пѣшехода Григорія Барскаго—тотъ провелъ два дня предъ монастырскими стѣнами. Но и г. Уманца впустили не безъ хлопотъ, и спрашивали, имѣеть ли онъ рекомендательныя письма. Во внутренности этого монастыря онъ нашелъ всѣ удобства, фонтанъ, бібліотеку, а что еще всего важнѣе, одного изъ нашихъ соотечественниковъ, молодого монаха, урожденна Одессы, который могъ ему сообщить всѣ замѣчательности Синая на родномъ языкѣ. Во всѣхъ стѣнахъ монастырскихъ нѣтъ ни одной двери, а только три отверстія, надъ которыми вѣшаны двѣ мраморныя доски, одна на арабскомъ языкѣ, а другая на ново-греческомъ, поясняющія какъ имя строителя, такъ и время постройки.

Синайскій монастырь, возвышутый на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Моисеемъ, построенъ въ 527 году, римскимъ императоромъ Юстиніаномъ. Монастырь этотъ заключаетъ въ себѣ много достопримѣчательныхъ вещей, мозаиковыхъ образовъ, серебряныхъ лампадъ и прочее. Но самую драгоценную принадлежность монастыря составляютъ мощи Святой Велико-мученицы Екатерины. Сестра Императора Петра I-го, Царевна Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческой ростъ, которую монахи хранятъ особо, въ числѣ драгоценностей. Синайская гора съ давнихъ временъ служила убижищемъ христіанамъ, и первый о ней упоминаетъ Діонисій Александрійскій, около 250 по Р. X., и наконецъ болѣе полныя свѣдѣнія о Синаѣ, сообщаетъ около того же времени Аммонъ, монахъ изъ Канона, въ Египтѣ. Нынѣ въ свѣдѣніи Синайскаго монастыря имѣется всего около пятидесяти монаховъ. Изъ нихъ на Синаѣ живетъ менше чѣмъ половина—всего двадцать два монаха; два или три въ Торѣ, городкѣ на восточной сторонѣ Суесскаго залива, для завѣдыванія тамошнюю церквою, монастырскими садами и домами, столько же при архіепископѣ въ Константинополѣ, и двадцать-два человѣка на Джоволскомъ подворьи. Жизнь на Синаѣ считается самую трудною, и всѣ какъ только возможно избѣгаютъ ее. Для уве-

личенія числа братіи, иноки готовы принять въ монастырь всякаго желающаго, даже безъ всякаго денежнаго пожертвованія. Тягость жизни и скудость средствъ дѣлаютъ то, что монахи живутъ на Синаѣ не долго. Рѣдкіи изъ нихъ проживаетъ на Синаѣ лѣтъ пять. Между тѣмъ доходы монастыря не маловажны, и по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Уманцемъ отъ самаго синайскаго архіепископа Констандіуса, при хорошемъ управленіи можно получать сотни тысячъ рублей дохода въ годъ. Нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь значительнаго города на Востоку, въ которомъ бы не было садовъ, постоялыхъ дворовъ и домовъ, принадлежащихъ монастырю. Греція, Россія, Валлахія, въ особенности Молдавія, Константинополь, даже Бенгалъ и Голконда въ Остъ-Индіи, даютъ Синайскому монастырю значительные доходы съ земель и домовъ, завѣщанныхъ монастырю или подаренныхъ въ разное время. Въ Бенгалѣ у Синайцевъ одинъ священникъ, въ Голкондѣ два. Осмотрѣвъ Синай, авторъ поѣхалъ въ Константинополь, къ архіепископу синайскому Констандіусу, и имѣлъ случай узнать отъ него много замѣчательныхъ подробностей. Г. Уманецъ, собирая свѣдѣнія о Синаѣ, кончаетъ этотъ отдѣлъ своего путешествія выпискою изъ сочиненія Василія Гогары родомъ изъ Казани, путешествовавшаго по Св. Землѣ въ 1634 году. Уже и тогда на Синайской-горѣ, по словамъ Гогары, было сорокъ монастырей, но всѣ они были почти пусты, кромѣ монастыря Св. Екатерины, въ которомъ было до трехъ сотъ человѣкъ братіи.

Второй отдѣлъ книги г. Уманца заключаетъ въ себѣ его путешествіе по Египту. Отдѣлъ этотъ не представляетъ въ себѣ ни подробныхъ описаній мѣстностей, ни историческихъ изысканій, но въ немъ нашъ путешественникъ знакомитъ читателей съ обычаями, правами и администраціею этой страны, которая обратила на себя общее вниманіе съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ управлять ею Мегметъ-Али. Авторъ имѣлъ случай два раза поѣздить этого правителя Египта, и даетъ въ своей книгѣ очень подробное извѣстіе о частной жизни Пашы, который желалъ заслужить названіе египетскаго преобразователя. Вотъ какъ описывается г. Уманецъ первую свою встрѣчу съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, съ жельзною волею надъ своими страстями, съ человѣкомъ, отказавшимся отъ перваго наслажденія музудмапъ,—гаремной жизни, чтобы только поставить себя выше своихъ соотечественниковъ, и имѣть возможность подолше править Египтомъ. Паша отправился въ Булокъ, глав-

ное предметъе Каира, осматривать свои бумагопрядильныя фабрики:

«Минуть черезъ пять, говоритъ г. Уманецъ, показалась толпа красивыхъ одѣтыхъ всадниковъ, примѣрно человекъ двадцать, въ платьѣ египетскаго низыма и широкихъ бурнуссахъ, на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ, одна другой дучше, выступавшихъ самымъ тихимъ шагомъ. Впереди кавалькады, на посаженн, ѣхалъ старецъ съ бѣлою какъ дунь большою бородою и длинными, густыми усами. Это былъ Мегметъ-Али. Мы поджидали, покуда онъ поравняется съ нами, чтобы его привѣтствовать, но онъ предупредилъ насъ, и привѣтствовалъ первый, по восточному обычаю, приложеніемъ правой руки въ губамъ и легкимъ обращеніемъ ея ко лбу и груди. Мы поспѣшили снять свои шляпы и поклониться. Я вперилъ свои глаза въ старика и вокругъ его ничего не видалъ. Подъ нимъ былъ дивный гнѣдой жеребецъ; сверхъ платья надѣтъ былъ въ рукава бурнусъ, коричневаго цвѣта, на головѣ тарбушъ. Саженьхъ въ двадцати сзади ѣхала прекрасная высокая, послѣдняго фасона карета, принадлежавшая пашѣ».

На первой аудіенціи, нашъ путешественникъ имѣлъ время, еще отчетливѣе рассмотреть физиономію Пашы. Г. Уманецъ говоритъ, что ни одинъ изъ портретовъ Мегметъ-Али, видѣнныхъ имъ, на него не похожъ. Брови у него нависшія нѣсколько, черныя и съ просѣдою; глаза небольшіе, темно-каріе, глубоко впалые, подернутые влагою, быстрые, безпрестанно въ движеніи, и горятъ, какъ бы слегка налитые кровью; въ нихъ рѣзко было видно много энергіи и отваги. Носъ пашы небольшой. Лицо Мегмета-Али довольно обыкновенное, какъ бы простонародное, небольшое, смуглое, весьма загорѣлое, съ немногими морщинами. Ростъ пашы нѣсколько менѣе средняго; корпусомъ онъ довольно плотенъ; сложенъ хорошо, кость широкая, но какъ говорятъ въ простонародіи не *тлнстѣ*. Не смотря на то, что когда авторъ видѣлъ Мегмета-Али, ему уже было 74 года, онъ былъ быстръ и ловокъ, какъ юноша. Г. Уманецъ очень подробно повѣствуетъ о всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и мѣстныхъ чертахъ Египта, и между прочимъ объ истребленіи мамлюковъ. Не менѣе интересно описаны у г. Уманца образчики уголовнаго судопроизводства въ Египтѣ, которое до Мегмета-Али вносило зависѣло отъ произвола пашей. До изданія Мегметомъ-Али, въ 1842 году, манифеста, которымъ приказано великій смертный приговоръ водносите ему на конфирмацію, всякій паша могъ казнить въ своей провинціи всякаго, кого

находилъ сколько-нибудь виновнымъ. Пашы иногда долго даже задумывались о томъ, какую бы казнь придумать ужаснѣе. Въ особенности отличались изобрѣтательностію правитель мамурской провинціи, Ибрагимъ-Бей, христіанскій ренегатъ, и Ахмедъ-Бей, сановникъ по части сбора госуарственныхъ доходовъ.

Приведемъ для образчика нѣсколько примѣровъ изъ подлинника. Вотъ что говоритъ г. Уманецъ:

Солдаты и многочисленная дворня принесли однажды Ахмедъ-Бею жалобу въ томъ, что кашеваръ крадетъ часть мяса изъ коллечества, отнускаемаго для варева. Призванный кашеваръ не признавался, не смотря на улики жалобщиковъ. Бей отпустилъ его къ своему дѣлу, но приказалъ дать себѣ знать немедленно по положеніи мяса въ котель, если кашеваръ вновь будетъ подозрѣваемъ. Случай къ этому скоро представился. При наварѣ мяса не достало нѣсколькихъ фунтовъ, и Бей приказалъ бросить кашевара въ тотъ же самой котель, прикрыть его крышкою и сварить вмѣстѣ съ мясомъ, говоря:

Пусть собственнымъ жиромъ онъ дополнитъ недоесть мяса!

Приказаніе это тутъ же было буквально исполнено слугачьями. Вотъ еще другой образчикъ расправы Ахмедъ-Бей.

Одинъ изъ его молодыхъ слугъ при внутреннихъ покояхъ, въ родѣ пажей, выпилъ на улицѣ, у простой торговки молока, на пять паръ, и не заплативъ денегъ, ушелъ въ дворецъ. Арабка громко жаловалась. Ахмедъ-Бей услыхалъ ея жалобы изъ окна и приказалъ позвать ее. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ выставилъ ей на лицо всѣхъ своихъ придворныхъ. Молодой человекъ былъ узнать, но на вопросы Бея отвѣчалъ, что обвиненіе несправедливо, и въ этомъ стоялъ твердо, а между-тѣмъ арабка упорно его уличала. Паша, заблагоразсудивъ взойти въ разбирательство этого дѣла, приказалъ тутъ же, при себѣ, обвиняемаго нажа опрокинуть на землю и живому вскрыть желудокъ, предваривъ притомъ женщину, что если жалоба ея окажется несправедливою, то ее ожидаетъ тоже самое. Въ желудкѣ оказалось молоко, и женщицѣ было заплачено 5 паръ, въ то время равнявшіеся 4—5 коп. ассиг.

Кузнецъ дурно подковалъ его лошадь, которая стала хромать отъ этого. Бей приказалъ въ своемъ же присутствіи, самаго кузнеца подковать по голымъ ногамъ подковами, да еще раскаленными до красна. Тоже самое сдѣлалъ онъ своему саюсу (конюху), когда тотъ, бѣгая цѣлый день, по обычаю страны, впереди его лошади, однажды началъ отставать сзади, и на

вопросъ Бея отвѣчалъ, что отстаетъ потому-что у него болятъ ноги.

Послѣ манифеста Мегмета-Али такихъ судопроизводствъ уже не случается.

Путешественникъ нашъ не преминулъ посѣтить также и Мертвое-море, о которомъ ходитъ между Европейцами столько странныхъ слуховъ. Морю этому были даваемы разныя имена. Въ книгѣ Бытія оно названо *Солонскимъ-моремъ*, въ книгѣ Числъ *моремъ наполеннымъ*, по качествамъ его воды; въ исторіяхъ греческихъ и латинскихъ, оно именуется восточнымъ озеромъ, озеромъ асфальтическимъ, по находенію въ немъ горной смолы, моремъ содомскимъ и моремъ пустыни. Турки называютъ его Ула-Денизъ, а Арабы-Багръ-Этъ-Луть—озеромъ Лота.

Г. Уманецъ, приводитъ слова Жерамба, который говоритъ объ Мертвомъ-морѣ, какъ о картинѣ истинной смерти.

• Шумъ вознѣ (говоритъ онъ) никогда не прерываетъ безмолвія смерти. Пѣдра этого моря не заключаютъ въ себѣ ни одного живаго существа; ни одно судно, ни одна ладья не разсѣкаетъ воле его; нигдѣ въ окрестностяхъ птица не вьетъ гнѣзда и не поетъ о любви своей; здѣсь нѣтъ ни растущаго дерева, ни растенія, которое бы цвѣло. Едва виднѣтъ кое-гдѣ какой-нибудь кустарникъ, истощенный и засохшій.

Такими же черными красками описываетъ Мертвое-море и Пужула бывшій въ этой странѣ за годъ предъ Жерамбомъ.

Если, говоритъ онъ, подъ порывами бури море иногда всколышется, его глухой ревъ долженъ походить на продолжительные задумчивые крики, и вы скажете, что это умоляющій голосъ, вопли и стоны городовъ, поглощенныхъ въ безднѣ.

Князь Пюклеръ Мускау, путешествовавшій по Сиріи и Малой-Азій, говоритъ о Мертвомъ-морѣ совсѣмъ другое. Князь въ восхищеніи отъ этого моря, и въ своемъ сочиненіи «Die Rüksicht», доказываетъ, что все, что только говорили путешественники неблагоприятнаго о Мертвомъ-морѣ, совершенно несправедливо. По словамъ Пюклера-Мускау, въ водѣ этого моря иноки монастыря Святаго Саввы ловятъ рыбу, а берега усыяны множествомъ цвѣтовъ, кустарниковъ и камышу, въ которомъ живутъ дикія свиньи, кошки, гиены и журавли.

Не съ такимъ увлеченіемъ, но почти тоже говоритъ о Мертвомъ-морѣ и г. Уманецъ. По берегамъ Мертваго моря водятся и птицы и насѣкомыя; утокъ, путешественникъ нашъ ви-

дѣлъ даже на самыхъ водахъ моря, а въ соленыхъ потокахъ впадающихъ въ морскія волны, живутъ нѣкоторыя маленькія рыбки.

Пужула, французскій ученый и путешественникъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: «Весьма важнымъ считаю, что могу увѣрить, что въ Мертвомъ-морѣ есть рыбы, раковины, *des ulves*. Г. Уманецъ почти цѣлый часъ искалъ этихъ раковинъ, и что же? нашелъ всего пять, маленькіихъ, полуразрушившихся, проточенныхъ водою отъ давняшаго отсутствія въ нихъ животныхъ, и совершенно одной породы съ раковинами рѣки Иордана. Что же касается до существованія рыбъ, собственно въ Мертвомъ-морѣ, то г. Уманецъ рѣшительно отвергаетъ слова Пужулы, и говоритъ, что по опытамъ, сдѣланнымъ какъ Шатобрианомъ и маршаломъ Мармономъ, такъ и имъ самимъ въ Одессѣ, рыбы, опущенныя въ воду Мертваго-моря, умирали въ ней черезъ двѣ минуты.

О происхожденіи Мертваго-моря не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кромѣ повѣствованія Библии и относящихся къ нему преданій, все тамъ ознаменовано характеромъ вулканическимъ, и вся страна наполнена возгорающимися и смолистыми веществами. Прежде переворота, измѣнившаго видъ Иордана, устье его было въ Черномъ-морѣ. Огонь, охватившій всю эту страну произвелъ пропасть, куда хлынули воды, погасили вулканъ, и образовали Мертвое-море.

Самая большая глубина Мертваго-моря, изслѣдованная Линчемъ, простирается до 1,308 футовъ (т. е. почти 187 квадр. сажень). Дно Мертваго-моря представляетъ гладкую плоскость, которая близъ берега состоитъ вообще изъ соленыхъ кристалловъ, а по серединѣ изъ мягкаго ила съ призматическими или кубическими кристаллами чистой соли. На гористыхъ берегахъ моря находятъ куски пемзы, сѣры, селитры, горной смолы, которая иногда поднимается со дна моря огромными глыбами въ видѣ острововъ. Эдуардъ Робинзонъ говоритъ, что очень недавно этой смолы было продано Арабамъ на 2 или на 3000 тысячи талеровъ. О всплытіи на верхъ этой смолы говорится у Иосифа Флавія и Диодора Сицилійскаго. Въ древнія времена эта смола составляла важную отрасль торговли съ Египтомъ, гдѣ употреблялась въ большомъ количествѣ для бальзамированія тѣлъ. У сѣверныхъ береговъ находятъ чернѣйшій смолистый камень, изъ котораго дѣлаютъ чашки и чотки, продаваемые въ Иерусалимѣ поклонникамъ.

Каждый годъ на берега Мертваго-моря прѣзжаютъ много путешественниковъ, но только одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Гайдъ, лѣтъ за тридцать, объѣхалъ вокругъ этого моря. Онъ употребилъ на этотъ объездъ три недѣли, съ большими трудностями.

Нашему путешественнику захотѣлось испробовать воду Мертваго-моря, и онъ нашелъ ее чрезвычайно соленою, оставляющею во рту отвратительную горечь, какъ отъ глауберовой соли. Слыша, что нѣкоторые говорили, что обыкновенная поваренная соль не расходится въ этой водѣ, г. Уманецъ сдѣлалъ опытъ въ Одессѣ, въ привезенной имъ съ Мертваго-моря бутылкѣ съ водою, и нашелъ, что чайная ложка соли разошлась очень скоро въ двухъ столовыхъ ложкахъ этой воды. Г. Гасгаренъ, профессоръ химіи Ришельевского Лицея, разлагалъ воду Мертваго-моря химически, и нашелъ въ ней частицы іода.

Добываемая по берегамъ моря соль составляетъ предметъ торговли, и чрезвычайному избытку соли должно приписать необыкновенную плотность и тяжесть воды. Императоръ Веспасіанъ желалъ удостовѣриться, по словамъ Юсіепа Флавія, справедливо ли, что Мертвое-море выбрасываетъ изъ себя все, что въ него ни кинуть. Веспасіанъ приказалъ бросить въ море нѣсколько пльвинковъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, и ни одинъ изъ нихъ не утонулъ.

Желая повѣрить, какъ сказаніе Юсіепа Флавія, такъ и рассказы англійскихъ и французскихъ путешественниковъ, которые также говорили, будто человекъ, желая погрузиться въ Мертвое-море, и оставаясь безъ всякаго движенія, плаваетъ на поверхности воды, какъ кусокъ дерева, г. Уманецъ самъ испытывалъ это, и вотъ что говоритъ объ этомъ странномъ свойствѣ воды:

«Я входилъ въ море по колѣна, и при поднятіи ноги чувствовалъ, что ее какъ-будто что-то выталкивало или выжимало изъ воды.»

«Къ этому добавлю, по словамъ здѣсь бывшихъ и мнѣ рассказывавшихъ, что неумѣющій плавать, при одномъ только простомъ движеніи членами тѣла, при одномъ, такъ сказать барахтаніи въ водѣ, будетъ долго держаться на ее поверхности, и по близости береговъ, навѣрное, выплыветъ и въ морѣ не утонетъ. Но А. С. Норровъ утверждаетъ прогннное, говоря, что онъ самъ видѣлъ, какъ дрегомень его, переставъ плавать, пошелъ ко дну.»

Разсуждая о наказаніи преступныхъ городовъ, нѣкоторые писатели принимаютъ за несомнѣнную истину, что въ пѣдрахъ

Мертваго-моря хранятся еще остатки этихъ городовъ. Иные даже узнавали въ немъ остатки стѣнъ, колоннъ, чего-то въ родѣ шоссе, и въ особенности развалины Сегора, сперва пощаженаго, но потомъ, подобно прочимъ, поглощеннаго огнемъ, когда Лотъ вышелъ оттуда. Г. Уманецъ, приводитъ въ книгѣ своей довольно любопытныя строки объ англійскомъ путешественникѣ Костиганѣ, который плавалъ по Мертвому-морю, и ошущивая лотомъ дно его, будто бы находилъ во многихъ мѣстахъ развалины, и могъ ясно различать большіе тесаные камни, показывавшіе, что они были употреблены на постройки; и наконецъ видѣлъ большія развалины, которыя, по словамъ Костигана, были развалинами Гоморры. Почти то же самое говоритъ другой англійскій путешественникъ Липчъ.

Посѣтивъ однажды Мертвое-море, авторъ желалъ видѣть всѣ его достопримѣчательности, и по этому спрашивалъ своихъ бедуиновъ и о содомскомъ яблокѣ, которые отзывались, что оно точно есть, но растетъ на западномъ берегу моря. Содо́мская яблоня, по словамъ Ричардсона, есть чрезвычайно странное дерево, съ длинными овальными листьями, съ сѣроватою корою, подобно пробкѣ, и желтыми плодами, которые растутъ кистями и очень похожи на померанецъ. Если ихъ подавить, они лопаются, какъ пузырь, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ тонкой кожицы и нѣсколькихъ волоконъ. Дерево это носитъ у ботаниковъ названіе *Asclepias gigantea* или *prosega*, и растетъ также въ Верхнемъ Египтѣ и въ счастливой Аравіи.

Верстахъ въ 15 отъ Мертваго-моря находятся на пирамидальной горѣ развалины крѣпости Масада, построенной первоначально Ионаваномъ Маккавеемъ, и укрѣпленной Иродомъ Великимъ. Иродъ построилъ здѣсь дворецъ съ колоннами, портиками, башнями и великолѣпнымъ помѣщеніемъ, цитернами. Она извѣстна очень немногимъ, и авторъ приводитъ о ней любопытныя подробности.

Недалеко отъ Мертваго-моря находится также монастырь Святаго Саввы, умершаго около 532 года по Р. Х. Нашъ путешественникъ не преминулъ посѣтить и его. Никогда еще никакая обитель не находилась въ такомъ пустынномъ и уныломъ мѣстѣ. Здѣсь всякая зелень останавливается, всякая улыбка земли изглаживается. Тамъ царствуетъ не жизнь, а болѣе смерть, ужасный переходъ изъ этого міра въ другой. Вода и черныя хлѣбъ и кака-нибудь похлебка безъ масла, составляютъ пищу иноковъ. Въ церкви монастырской авторъ видѣлъ кучу череповъ, сложенныхъ рядами одинъ на другой. Эти черепы при-

надлежать инокамъ, жертвамъ мусульманскаго фанатизма, которые въ 1104 году были безъ всякой надобности изрублены во время Халифата. По преданіямъ, въ стѣнахъ монастыря Святаго Саввы задыланы до 300 мощей святыхъ отцевъ, избѣженныхъ отъ Арабовъ. Въ монастырѣ этомъ авторъ встрѣтилъ двухъ русскихъ монаховъ; одинъ изъ нихъ былъ унтеръ-офицеръ Л. Гвардіи Егерскаго полка. Окрестности монастыря пустышны и дикі до неимовѣрности. Вотъ какъ авторъ нашъ описываетъ растительность страны, въ которой расположенъ монастырь Святаго Саввы:

«Красивая пальма, которую замѣтилъ здѣсь Шатобрианъ, и которая сдѣлалась съ-тѣхъ-поръ деревомъ историческимъ, упоминаемымъ у всѣхъ путешественниковъ, грустно зеленѣтъ до-сихъ-поръ на одной изъ террасъ, у сѣверной оградной стѣны; но только она не есть еще единственное дерево въ этой пустынѣ; на нѣкоторыхъ террасахъ кое-гдѣ видны молодыя деревца и нѣсколько грядъ съ зеленью. Это единственная угѣха строгихъ отшельниковъ, стоящая нмъ большому заботѣ, трудовъ и терпѣнія. Будучи прислоненъ къ обрывистому, правому боку потока Кедронскаго, монастырь обращенъ на юговостокъ, и весь до послѣдняго уголка выставленъ раскаленнымъ лучамъ солнца, съ утра почти до самой ночи. Въ изгибахъ потока нѣтъ никакого теченія воздуха, а надъ монастыремъ возвышаются горы, препятствующія прохладнымъ вѣтрамъ сюда достигать. Отъ этого зданія монастыря, въ лѣтнее время, раскалятся до неимовѣрной степени, такъ что каждая келья дѣлается удушливой, сухой баней.»

Въ монастырѣ есть ключъ, открытый Св. Саввою во-время всеобщей засухи. Вода въ немъ такъ холодна, что разомъ ее нельзя много выпить. Ключъ этотъ выходитъ изъ тѣсной пещеры подъ скалою, въ которую не иначе можно взойти, какъ согнувшись. Инокі прибѣгаютъ къ этому ключу только въ случаѣ крайней надобности, потому-что доставать изъ него воду затруднительно и не всегда безопасно, и пользуются водою изъ цистернъ, устроенныхъ въ монастырѣ.

Самый входъ въ монастырь, по словамъ автора, также оберегаемъ, какъ входъ въ какую-нибудь крѣпость, и монахъ, живущій на башнѣ, называемой Діоклетіановою, извѣщаетъ братію звонкомъ, можно ли открыть дверь гостю, или ее еще покрѣпче запереть.

Отъ Мертваго-моря и монастыря Св. Саввы, г. Уманецъ поѣхалъ къ Іордану.

«Не безъ душевнаго волненія, говоритъ авторъ, увидѣвъ я эту святую рѣку, но признаюсь, волненіе мое было не такъ сильно, какъ при видѣ потока на ней того мѣста, гдѣ, по преданіямъ, совершилась тайна нашего искупленія. Къ сожалѣнію, воды рѣки не свѣтлы, не прозрачны; онѣ возмущались какъ бы отъ негодованія на грѣхи міра сего. Полотно воды здѣсь шириною до 14 сажень, но не вездѣ одинаково, въ одномъ мѣстѣ шире и мельче, въ другомъ уже и глубже. Тонкіе берега Іордана окаймлены зеленымъ камышемъ, который перестаетъ расти сажень на сто отъ моря.»

Проѣзжая по Іерихонской долигѣ, нашему путешественнику пожелалось имѣть у себя упоминаемая въ Св. Писаніи іерихонскія розы, но ему, вмѣсто ихъ, монахи продали въ Іерусалимѣ нѣсколько травяныхъ кусточковъ, которые нисколько не отличались особенною прелестію. Монахи вырываютъ эти розы изъ земли съ корнемъ, и когда растѣніе засохнетъ, то суживается въ шаръ, величиною въ кулакъ, но какъ только корень поставится въ воду, сухія вѣтви оживаютъ и развертываются.

Прибытіемъ въ Іерусалимъ г. Уманецъ оканчиваетъ свое интересное путешествіе. Читатели, имѣющіе у себя путешествіе по Нубіи и къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, г. Норова, а также и сочиненія о Востокѣ г. Муравьева, не останутся въ накладѣ, если пополнятъ свою бібліотеку и путешествіемъ на Синай, г. Уманца. Изящное изданіе, прекрасныя рисунки и карты, все заставляетъ желать, чтобы подобныя книги выходили почаще. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Уманецъ говоритъ:

Въ заключеніе, имѣю честь добавить, что если теперешній трудъ мой заслужитъ благосклонность публики, то, ободренный ея вниманіемъ, я постараюсь привести въ порядокъ и въ приличный видъ, остальные мои записки о Востокѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ болѣе любопытны и еще не устарѣлы.

Мы, съ своей стороны, можемъ смѣло увѣрить, что публика съ удовольствіемъ приметъ и дальнѣйшія его путевыя замѣтки, если онѣ будутъ также хороши, какъ тѣ, которыя находятся въ этихъ двухъ частяхъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

На-дняхъ вышла въ свѣтъ весьма любопытная книга:

Краткое географическо-статистическое описание Калифорніи, заключающее въ себѣ разсужденія о почвѣ, климатѣ и географическомъ положеніи этой страны; ея жителяхъ, ихъ нравахъ, религіи и обычаяхъ; естественныхъ произведеніяхъ, торговлѣ и образѣ правленія включительно, съ геологическимъ обзоромъ обѣихъ Калифорній, въ особенности вновь-открытой золотоносной области, и присовокупленіемъ новѣйшихъ извѣстій о вѣдѣннѣмъ добываніи золота европейскими и сѣверо-американскими переселенцами. Составлено, по лучшимъ и достовѣрнымъ источникамъ, Г. Блокомъ, съ подробною генеральною картою Калифорніи и девятью частными картами главнѣйшихъ бухтъ и золотоносной области этой страны. Спб. Въ Морской типографіи. 1850.

Авторъ этой книги, уже извѣстный многими сочиненіями, говорить въ предисловіи:

Недавно, за-океанскіе обитатели Америки открыли совершенно нечаянно сокровище, въ странѣ, до того, такъ-сказать, «*Terra incognita*» большинству Европейцевъ. Кладъ этотъ—сокровище изъ сокровищъ: это жизненный нервъ хлопотливаго человѣчества, цѣль многихъ его умствованій и дѣлій: благородный и сокровенный металл—золото!...

И гдѣ же нашли этотъ неисчерпаемый кладъ, въ которомъ, какъ говорятъ, золото хоть лопатами огребай?... въ Калифорніи, еще недавно мексиканской провинціи, пріобрѣтенной Соединенными Штатами въ 1847 году, въ-слѣдствіе мирнаго договора съ Мексикою.

Поэтому мы рѣшаемся думать, что обстоятельное, хотя и краткое описаніе этой возрождающей страны, если можно такъ выразиться, будетъ пріятно прочесть нашей читающей публикѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ какихъ географическихъ руководствахъ они не найдутъ достаточнаго удовлетворенія любопытству, невольному подстрекаемому газетами различными извѣстіями о вновь-открытыхъ золотыхъ приискахъ въ Калифорніи. Кромя того, эта страна такъ интересна своими естественными богатствами, такъ щедро налѣна природою во всѣхъ отношеніяхъ, что мы вполнѣ убѣждены, что благосклонные читатели не безъ интереса и удовольствія прочтутъ предлагаемое нами описаніе.

При составленіи этого географическо-статистическаго описанія Калифорніи, мы пользовались преимущественно трудомъ г. Др. К. Гартманна (Bergcommissär), какъ сочиненіемъ, основаннымъ на вѣрныхъ

источникахъ, заслуживающихъ авторитетъ. Такимъ образомъ составъ данныхъ, на которыхъ основанъ трудъ г. Гартманна, былъ извлеченъ изъ:

Exploration du Territoire de l'Oregon, des Californies et de la Mer Vermeille, executé pendant les Années 1840, 1841 et 1842, par Duflot de Mofras etc.—2 части, въ 4 томахъ, 8, съ атласомъ. Парижъ, 18'4.

Life in California during a Residence of Several Years in that Territory; comprising a Discription of the Country and the Missionary Establishments, Incidents, Observations etc. By an American. To which is annexed an historical Account of the Origin, Customs, and Traditions of the Indians of Alta-California. New-York, 1846.

Этотъ трудъ былъ переведенъ однимъ Англо-Американцемъ съ манускрипта, писаннаго на испанскомъ языкѣ; авторъ его обладалъ большими свѣдѣніями о Калифорніи и ея жителяхъ.

Изъ множества путевыхъ записокъ г. Гартманнъ употребилъ въ особенности:

Trawl to the Rocky-Mountains in the Year 1842 and to Oregon and North-California in the Years 1843 and 1844. by Captain I. C. Fremont, Citizen of the United States. London. 1846.

Кромѣ труда г. Гартманна, мы употребили для составленія нашего описанія новѣйшія извѣстія изъ газетъ, въ которыхъ заключались преимущественно описанія, относившіяся къ золотоносной области этой страны.

Итакъ, предлагая на судъ благосклонной публики составленную книжку, намъ остается просить снисхожденія, если она не окажется удовлетворительною изъ требованій.

Вотъ содержаніе этого сочиненія:

Предисловіе.

Введеніе.

ГЛАВА I. Общій взглядъ на Калифорнію, въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ.

ГЛАВА II. Нижняя Калифорнія. — Калифорнскій заливъ; его пространство, приливъ и отливъ моря; рыбы и жемчужный ловъ при гавани Ла-Пазъ, на ос. дель-Карменъ. — Берега, горы и граница между обѣими Калифорніями. — Острова, якорныя мѣста и мисіи. — Состояніе горнаго искусства. — Обитатели Калифорніи. — Западный берегъ полуострова и якорныя мѣста. — Мисіи дель-Розаріо, Санъ-Доминго, Санъ-Томасъ и Санъ-Мигуэль. — Трудности береговаго путешествія въ Нижней Калифорніи; ея гавани и минеральныя богатства. — Климатологическія и геологическія замѣтки. — Произведенія провабаемаго царства. — Царство животныхъ въ Нижней Калифорніи: ловъ выдартъ и тюленей.

ГЛАВА III. Верхняя Калифорнія.—Основаніе миссій, пуэбло и прессидаю; ихъ состояніе и торговля, какъ и подробности о нихъ.— Политическіе виды Соединенныхъ Штатовъ на Калифорнію. Война Соединенныхъ Штатовъ противъ Мексики; вторженіе въ Калифорнію и отдѣленіе этой страны отъ Испаніи.

ГЛАВА IV. Политическая, административная и военная организація обихъ Калифорній.—Бѣлое народонаселеніе.—Чужестранцы.—Топографія миссій, пуэбло и прессидаю въ южной части провинціи.—Округъ и гавань Санъ-Діего.

ГЛАВА V. Топографическое описаніе миссій, пуэбло и прессидаю въ сѣверной части Новой Калифорніи.—Округи и гавани Монтерей и Санъ-Франциска.

ГЛАВА VI. Состояніе сельскаго хозяйства въ Калифорніи.—Скотоводство.—Строевой дѣлъ.—Торговля и мореплаваніе.

ГЛАВА VII. Колоніи въ Калифорніи.

ГЛАВА VIII. Нравы и обычаи Калифорнцевъ.—Незаселенная часть Калифорніи.—Землепріисвѣніе.

ГЛАВА IX. Открытіе золотыхъ росыпей въ Верхней Калифорніи.—Донесеніе полковника Массона, командира монтерейскаго гарнизона.—Грубый способъ золотопромыванія, употребляемый калифорнскими золотопромышленниками.—Богатство калифорнскихъ росыпей.—Мудрая предосторожность Швейцарца Суттера.—Пространство золотоносной области.—Компаніи добывателей золота; ихъ способы и средства къ тому.—Железная дорога въ Калифорнію; послѣдствія этого событія, если оно осуществится.—Краткое разсужденіе о статистикѣ золота, какъ и о физическихъ особенностяхъ этого металла.—Донесеніе полковника Фремонта объ особенностяхъ климата золотоносной области.—Геологія золотоносной области Калифорніи.—Достоинство калифорнскаго золота и результаты химическихъ анализовъ надъ нимъ.—Вліяніе новооткрытыхъ приисковъ на цѣнность этого металла вообще и въ коммерческомъ смыслѣ въ особенности.—Будущность Калифорніи, какъ золотой земли.—Интересные слухи изъ Калифорніи.—Хронологическій очеркъ различныхъ извѣстій изъ Калифорніи, съ половины прошедшаго года по настоящее время.—Новѣйшія извѣстія изъ Калифорніи.—Анекдотъ.—Заключеніе.

Мы читали отрывки изъ этого сочиненія, и рекомендуемъ его читателямъ, какъ трудъ добросовѣстный и очень хорошо знакомій съ драгоценною страной, которая снхлась и снхлется многимъ.

СМЪСЬ.

АДАМСОВО ОТКРЫТІЕ ПЛАНЕТЫ НЕПТУНА. (Извлечено изъ недавно вышедшаго англійскаго сочиненія *Джемса Джервуда*). 3-го іюля 1841, Дж. Адамсъ (Mr J. C. Adams), тогда еще кандидатъ кембриджскаго университета, замѣтилъ въ своей записной книжкѣ слѣдующее: «Въ началѣ этой недѣли я предположилъ изслѣдовать, тотчасъ послѣ полученія ученой степени, неправильности движеній Урана, до-сихъ-поръ еще необъясненныя, дабы узнать, нельзя ли ихъ приписать дѣйствию еще неоткрытой планеты, находящейся за Ураномъ; и если возможно, приблизительно опредѣлить элементы ея орбиты, которые, вѣроятно, поведутъ къ ея открытію».

Первое рѣшеніе этой задачи, сдѣланное Адамсомъ въ 1844 году, хотя еще неполное, достаточно было для убѣжденія въ томъ, что догадки его о причинѣ неправильностей движеній Урана были основательны. Въ 1844 году, получивъ отъ королевскаго астронома Эйра наблюденія, сдѣланныя на гринвичской обсерваторіи, Адамсъ снова принялся за работу, и тогда рѣшеніе было полнѣе прежняго. Разнообразя свои изслѣдованія и получая результаты болѣе и болѣе удовлетворительные, онъ наконецъ, въ сентябрѣ 1845 года, добился строгаго рѣшенія этой никогда еще до того времени неразрѣшенной задачи, и сообщилъ его кембриджскому профессору Челлису, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ королевскому астроному. Вычисленные имъ элементы орбиты предполагаемой за Ураномъ планеты удовлетворительно объ-

ясняя главные неправильности Урана съ замѣчательною точностью.

Таково было начало пути, пройденнаго Адамсомъ. Нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, чтобы въ октябрѣ, 1845 года, когда Адамсъ сдалъ свои бумаги въ королевскую обсерваторію, кому-нибудь другому не приходила на умъ таже задача—обратнаго рѣшенія планетныхъ возмущеній: Адамсъ тогда же имѣлъ возможность безошибочно сказать астрономамъ:—«смотрите въ данную точку безпредѣльнаго небеснаго пространства, въ данное время, и вы откроете никогда невиданную планету, — причину всѣхъ неправильностей Урана!» Безъ всякаго сомнѣнія королевскій астрономъ справедливо сказалъ: «Во всей исторіи наукъ мы ничего не находимъ подобнаго».

Очевидно, что въ октябрѣ 1845 Адамсъ сдѣлалъ уже все, что только математикъ могъ сдѣлать: онъ опредѣлялъ элементъ орбиты вишней планеты (находящейся за Ураномъ) и сообщилъ ихъ профессору Чаллису и королевскому астроному, изъ которыхъ послѣдній принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ современныхъ астрономовъ. Если бы Эйри и Челлисъ потрудились въ 1845 г. повѣрить на практикѣ выводы г. Адамса, то, можетъ-быть, великое, удивительное открытіе Нептуна принадлежало бы Англичанину, ибо въ это время не было еще и тѣни содружества. Но королевскій астрономъ не обратилъ большаго вниманія на вычисленія Адамса, и не повѣрилъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ.

Между-тѣмъ прошло *восемь мѣсяцевъ* и Леверрье, знаменитый французскій геометръ, напечаталъ записку о томъ же предметѣ въ *Comptes Rendus* Парижской Академіи Наукъ, указавъ *одинъ* элементъ новой, далекой планеты, хорошо согласующійся съ тѣмъ же элементомъ, сообщеннымъ Адамсомъ королевскому астроному. Спустя еще три мѣсяца, Леверрье обнаружилъ другіе элементы, также близко подходящіе къ Адамсовымъ. Исслѣдованія англійскаго астронома остались какъ бы забытыми, тогда какъ по приглашенію г. Леверрье докторъ Галле, въ Берлинѣ, въ одинъ вечеръ нашелъ планету въ мѣсцѣ, опредѣленномъ какъ Адамсомъ, такъ и Леверрье.

Касательно правъ Адамса и Леверрье на первенство открытія, должно замѣтить, что вскорѣ послѣ того, какъ Леверрье явился на сценѣ, возникли большія пренія. Не смотря на всѣ эти споры и множество написанныхъ по этому поводу статей, предметъ далеко еще не истощенъ. Я думаю, говорить г. Джервудъ, что открытіе принадлежитъ Англичанамъ, и хочу рассмотреть под-

тверждающіе это факты съ большею подробностію, нежели какъ то было доселѣ сдѣлано. Справедливость требуетъ, чтобы притязанія нашего даровитаго соотечественника были поставлены на тотъ высокій пьедесталъ, на которомъ онѣ заслуживаютъ находиться. Я прочиталъ все написанное объ этомъ предметѣ, по-крайней-мѣрѣ все, заслуживающее вниманія. Я внимательно просмотрѣлъ записки Леверрье и охотно преклоняюсь предъ его великимъ гениемъ. Его рѣшеніе задачи занимаетъ болѣе двухъ сотъ страницъ въ осмушку, и надобно умную голову, чтобы только прочитати эту книгу. Но исслѣдованія Адамса равно глубоки, и каждая ихъ строчка требуетъ искусства въ анализѣ. Весь трудъ его былъ оконченъ и находился уже въ рукахъ королевскаго астронома, за восемь мѣсяцевъ прежде, чѣмъ кто-нибудь вздумалъ заговорить о томъ же. Что Галле дѣйствительно увидѣлъ планету, не составляетъ еще открытія. Отысканіе планеты, лежащей за Ураномъ, зависло единственно отъ рѣшенія обратной задачи планетныхъ возмущеній, опредѣлительнаго положеніе неизвѣстнаго свѣтила, а есть доказательство, что Адамсъ, одинъ, безъ всякой помощи рѣшилъ эту задачу, и вручилъ англійскимъ астрономамъ результаты своихъ исслѣдованій, ясно указывающіе положеніе невиданной еще планеты, и сдѣлалъ это, по-крайней-мѣрѣ, восемь мѣсяцевъ прежде другихъ. Послѣ этого не можетъ быть сомнѣнія на счетъ Адамсовыхъ притязаній на первенство въ этомъ удивительномъ открытіи. Пусть завидуютъ и отрицаютъ достоинство: оно не постраждетъ отъ того.

Въ то время, когда распространяли слухи, что Нептунъ не планета, или что эта планета не та, которую искали все прошедшее лѣто, Нептунъ былъ въ положеніи благоприятномъ для наблюденій и былъ наблюдаемъ всякую ясную ночь на весьма многихъ обсерваторіяхъ, двигаясь въ орбитѣ, которую Адамсъ опредѣлилъ столь многіе мѣсяцы прежде другихъ. На это завистникамъ, планета оправдываетъ предсказанія Адамса, подтверждаетъ истину его удивительныхъ исслѣдованій, и даетъ ему блестящую честь открытія, однимъ усиліемъ ума, мѣста новой планеты, отстоящей отъ насъ на многія тысячи милліоновъ верстъ. Повторимъ еще разъ слова Эйри: «во всей исторіи наукъ нѣтъ ничего подобнаго».

Когда мы размыслимъ, что не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ, размѣры Юпитера не были еще хорошо опредѣлены, то едва ли можно ожидать, чтобы размѣры Нептуна были уже точно извѣстны и, слѣдовательно, чтобы время его обращенія те-

перь же опредѣлилось окончательно. Теперь полагаютъ его диаметръ въ 528 разъ болѣе земнаго поперечника,—время обращенія около солнца въ 167 звѣздныхъ лѣтъ, среднее разстояніе отъ центрального свѣтила въ 30 разъ больше удаленія земли отъ солнца и гораздо меньше, нежели должно было ожидать того по закону Бодэ. Путешное ядро, движущееся со среднею скоростью 480 англійскихъ миль въ часъ, пролетитъ это разстояніе въ 686 лѣтъ, а свѣтъ, пробѣгающій около 290 тысячъ верстъ въ секунду, достигаетъ отъ солнца до Нептуна слишкомъ въ 4 часа. Пробовали ли вы когда-нибудь составить себѣ идею о скорости, съ которою пробѣгаетъ свѣтъ? Кое-что приблизительно вы можете себѣ составить слѣдующимъ образомъ: Земля имѣетъ около 36,000 верстъ въ окружности; свѣтъ облетитъ землю *восемь разъ* въ одну секунду. Выраженіе «быстро какъ мысль» вошло въ пословицу; но попробуйте мыслію слѣдить за свѣтомъ около земли, и вы скоро удостовѣритесь, что мысль, говоря сравнительно, ползетъ, какъ черепаха; однакожъ, это покушеніе можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе объ изумительномъ отдаленіи Нептуна *. Но возвратимся къ нашему предмету.

Открытіе Нептуна, силою ума, есть одинъ изъ величайшихъ и блистательнѣйшихъ подвиговъ нынѣшняго столѣтія, и доказательство успѣховъ математическихъ наукъ въ наше время. Вездѣ, гдѣ только занимаютъ астрономію, это необыкновенное открытіе будетъ предметомъ удивленія. Вездѣ, гдѣ дѣлать науки, будутъ отдавать должное уваженіе уму, который совершилъ столь великое дѣло.

Но кто таковъ этотъ Адамсъ, въ своей уединенной комнатѣ вызвавшій къ существованію тѣла, которыя воображеніе едва осмѣливалось подозревать?

Если вы когда-нибудь пробѣжали между Лонсестонемъ и Кемельфордомъ, въ Корнваллисѣ, въ самой срединѣ Девоншира—то замѣтили, что дорога вела чрезъ болотистую безплодную страну. Если вы ѣхали въ открытомъ экипажѣ, въ то время,

* Это сравненіе англійскаго астронома не совсемъ-то справедливо. Самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ удалена отъ насъ въ 7000 разъ далѣе Нептуна: это *Альфа Центавра*. Полярная звѣзда еще въ 10 разъ далѣе; а большая часть звѣздъ удалены въ сотни, тысячи и, можетъ-быть, миліоны разъ далѣе; а все-таки мысль переносится туда въ *одно мгновеніе*. Замѣтимъ еще, что свѣтъ не движется по круговымъ, а по прямымъ линіямъ и что почтенный Англичанинъ могъ бы съ тою же самою основательностію заставить нашу мысль обгаты за свѣтомъ вокругъ булавочной головки.

Примѣч. Редакція.

когда рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ наносилъ мелкій дождь и снѣгъ, то вамъ конечно было не до воспоминаній; но я вамъ замѣчу, что на этихъ болотахъ обиталъ дѣятельный фермеръ, отецъ Адамса, который родился на этой болотной землѣ, въ этомъ дикомъ и холодномъ краю. Адамсъ здѣсь учился и положилъ основаніе своей теперешней извѣстности. Сперва онъ учился у г. Мартина, деревенскаго учителя, и потомъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, поступилъ въ Кембриджъ.

Тамъ всякій годъ на экзаменѣ бываетъ болѣе ста студентовъ. Большая часть молодыхъ людей поступаетъ со многими преимуществами. У нихъ хорошее предварительное образованіе; они владѣютъ всѣмъ, что могутъ имъ дать наставники въ три или четыре года пребыванія въ университетѣ. Ихъ подстрекаетъ награда или надежда отличія. Для многихъ университетская степень—карьера; для всѣхъ она много значитъ, ибо на всю жизнь остается при нихъ, какъ признакъ ума и способностей. Въ 1843 году, когда около ста двадцати кандидатовъ одинъ передъ другимъ старались отличиться, сынъ фермера изъ болотнаго уголка земли, скромный, незыскательный, пущій уединенія, молодой человѣкъ—21 или 22-хъ лѣтъ превзошелъ всѣхъ.

Блестательнымъ образомъ выдержавъ экзаменъ, Адамсъ, какъ я уже упомянулъ, принялся за давно задуманное вычисленіе возмущенія Урана, совершивъ которое стяжалъ себѣ высокое удивленіе знаменитѣйшихъ европейскихъ математиковъ.

Уже сказано, что сперва Адамса встрѣтили съ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ; но ему также были дѣланы и многіе лестные знаки отличія. Кромѣ того, что его сдѣлали и членомъ и адъюнктомъ (assistant tutor) Коллегии, ректоръ (Master) и члены сен-джонской коллегии собрали значительную сумму денегъ * и основали премію, которую, въ честь открытія Адамса, назвали «Адамсовою».—Она сохранитъ это имя потомству, по крайней мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока будетъ существовать университетъ. Ея Величество, королева, въ бытность свою въ Кембриджѣ, нарочно приказала представить себѣ Адамса, и хотѣла пожаловать его баронетомъ. Хотя англійское правительство располагаетъ очень не большою суммою на пенсіоны за литературные и ученые труды, однакожъ оно дало Адамсу пенсіонъ въ награду за его необыкновенный подвигъ на поприщѣ наукъ.

Съ англійскаго, НИКОЛАЙ КАРЕЛИНЪ.

* Болѣе 4,300 фунговъ стерлинговъ или 8,000 рублей серебромъ.

Примѣчаніе Редаціи.

Напечатавъ эту статейку, мы считаемъ долгомъ объяснить нашимъ читателямъ, что отнюдь не раздѣляемъ безусловно мнѣнія ея автора. Г. Джервудъ принадлежитъ къ почитателямъ Адамсова таланта, и готовъ унижить всѣхъ и каждаго, чтобы только выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ заслугу своего соотечественника. Національному самолюбію Англичанъ протистительно затмѣвать истину, чтобы присвоить себѣ славу блестящаго открытія Нептуна; но для насъ, постороннихъ людей въ этомъ спорѣ, истина дороже всего, и мы должны признать, что честь открытія новой планеты одною силою ума, исполнѣ принадлежитъ французскому геометру Леверье. Мы даже были вынуждены смягчать слишкомъ рѣзкіе порывы фанатическаго восторга г. Джервуда, изъ опасенія ввести нашихъ читателей въ заблужденіе.

Тѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею открытія Нептуна, и знать истину въ этомъ ученомъ дѣлѣ, советуемъ прочесть не одностороннія мнѣнія британскаго писателя, а выводы безпристрастныхъ русскихъ и нѣмецкихъ астрономовъ. На русскомъ языкѣ мы можемъ рекомендовать двѣ статьи, заключающія въ себѣ подробный очеркъ открытія Нептуна. Это:

1) Опытъ общепонятнаго разсказа о томъ, какъ открыта планета Нептунъ, соч. Профессора Савича, помѣщенное въ мартовской книжкѣ Современника за 1847 годъ.

2) Исторія открытія Нептуна, во второмъ томѣ «Астрономіи для всѣхъ образованныхъ читателей», написанной г. Хотинскимъ для изданія: «Природа съ ея таинствами и богатствами». Здѣсь исторія Нептуна занимаетъ не менѣе 60 страницъ (отъ 295 до 354).

ИРЛАНДСКІЯ ФЕРМЫ.— Въ теченіе двадцати лѣтъ правительство Ирландіи, заботясь о благосостояніи этой страны, назначало нѣсколько комиссій для изслѣдованія народонаселенія, количества земли, народныхъ занятій, почвы и т. п. и, каждый разъ публиковало результаты своихъ наблюденій. Мы предлагаемъ здѣсь краткій очеркъ двухъ такихъ изслѣдованій, обнародованныхъ въ 1848 году.

Слѣдуетъ вѣрныя статистическія показанія о хозяйствѣ стра-

ны не легко: права, можно изслѣдовать свойство почвы, ея производительность, обозначить количество произведеній за одинъ годъ, для меньшаго участка земли, на которомъ набросано нѣсколько фермъ; но собрать такія свѣдѣнія для цѣлой страны, вывести изъ всѣхъ наблюденій одинъ общій итогъ—это трудъ обширный и смѣлый. Въ Англіи нѣсколько разъ пытались составить такія статистическія таблицы, но ни одна изъ попытокъ не оканчивалась съ такимъ блестящимъ успѣхомъ какъ въ Ирландіи, гдѣ главный надзоръ за комиссіею порученъ былъ графу Кларелону.

Монгомери-Мартенъ въ третьемъ изданіи своего сочиненія объ Ирландіи представляетъ слѣдующую синтетическую таблицу относительно нѣкоторыхъ произведеній Ирландіи:

Пространства (считая на англ. квадрат. мили).	32,433
Пахатной земли.	21,031
Жителей на квадрат. милю.	338
Домовъ въ 1841 г.	1.384,360
Произведенія земли оцѣнены въ	45.626,563ф.ст.
Итогъ годовичнаго дохода землевладельцевъ.	5.607,369—
Цѣна домашнихъ животныхъ (домашній скотъ, птицы и т. п.)	434,740—

Эти свѣдѣнія взяты изъ донесеній парламенту. Кромѣ того Мартенъ представляетъ намъ слѣдующую сравнительную таблицу произведеній трехъ соединенныхъ королевствъ:

	Пахатной зем- ли и болотъ. акровъ.	Пастбищъ и садовъ. акровъ.	Удобренной земли. акровъ.	Неудобрен- ной земли. акровъ.	Всего про- странства. акровъ.
Англ. в.)	11.143,370	17.605,630	3.984,000	4.361,400	37.094,400.
Валлис.)	2.493,950	2.771,050	5.950,000	8.523,930	19.738,930.
Шотлан.)	5.389,040	6.736,240	4.900,000	2.416,664	19.441,944.
Ирланд.)	19.026,360	27.112,920	14.834,000	15.301,994	76.275,274.

Для сравненія составимъ извлеченія изъ оффиціальныхъ донесеній. Комиссары, которымъ въ 1841 г. поручено было изслѣдовать состояніе Ирландіи, представили нѣкоторыя свѣдѣнія касательно отношенія количества народонаселенія къ количеству земли; вотъ результатъ ихъ трудовъ:

* Ирландія до и послѣ присоединенія.

	Квадратныхъ миль. Народн. на квадрат. миль.			
	Пахатной землн.	Всего пространства.	Пахатной землн.	Всего пространства.
Лейчестеръ	6.190	7.595	247	202.
Мюнстеръ	6.054	9.453	332	212.
Ульстеръ	5.324	8.547	406	253.
Коннаугтъ	3.407	6.857	386	195.
	20.975	32.452	335	217.
Всего.		Всего.	Сред.числ.	Сред.числ.

Эти показанія, какъ видно, немногимъ различаются отъ показаній Мартена.

Количество лѣсовъ въ Ирландіи въ 1841 г. было слѣдующее:

Дубъ на пространствахъ	29.536 акровъ.
Ясень	6.042 —
Вязъ	1.417 —
Букъ	3.274 —
Ель и сосна	25.239 —
Прочій лѣсъ	280.096 —

Итого лѣсъ занималъ — 345.604 акра.

Перечень домашнихъ животнымъ производился слѣдующимъ образомъ: во всей странѣ на 3 фермы полагали по двѣ лошади; на каждую ферму отъ 5-ти до 15-ти акровъ считали по 2 головы крупнаго рогатаго скота, и увеличивали число это въ пропорціи до крайняго числа 13-ти штукъ на каждую ферму, занимавшую болѣе 30-ти акровъ; на малую ферму клали по 2 овцы; по это число представляло самыя разнообразныя измѣненія относительно большихъ фермъ. При перечнѣ свиней okazaлось, что на малую ферму должно полагать по штукѣ, а на самую большую по 5-ти штукъ; птицъ считалось отъ 5-ти на малой фермѣ, до 20-ти на большой; на 10 малыхъ фермъ считалось по одному ослу и по штукѣ на каждую большую ферму.

Въ рапортѣ, представленномъ въ 1846 году комиссіей для вспоможенія жителямъ Ирландіи, все пространство земли въ Ирландіи раздѣлено было на 883,097 участковъ, занимаемыхъ наемщиками (tenanciers), такъ, что на каждую ферму приходилось среднимъ числомъ по 22 акра. Самыя участки (tenures)

раздѣлены были на классы, соответственные ихъ пространству:

Занимающихъ	1 акръ и менше	124.487 фермеровъ.
— отъ 1 акра до 2-хъ	50.233	—
— — 2 акровъ — 3	35.868	—
— — 3 — — 4	45.135	—
— — 4 — — 5	52.071	—
— — 5 — — 6	36.468	—
— — 6 — — 7	40.374	—
— — 7 — — 8	35.549	—
— — 8 — — 9	40.822	—
— — 9 — — 10	34.792	—
— — 10 — — 20	186.155	—
— — 20 — — 50	130.681	—
— — 50 — — 100	42.772	—
— — 100 — — 200	15.458	—
— — 200 — — 500	5.947	—
— — 500 — — 1000	1.127	—
— — 1000 — — 2000	284	—
— — 2000 — — 3000	46	—
— — 3000 — — 4000	11	—
— — 4000 — — 5000	3	—
— выше 5000	6	—

Изъ этихъ 883.075 фермеровъ, 714.235 производили работы сами; прочіе, занимая пространство въ 1.902.547 акровъ, работали съ помощію другихъ.

Гриффитъ представлялъ парламенту проектъ придуманной имъ новой системы, порученной ему оцѣнки произведеній Ирландіи. Въ актѣ за основаніе цѣны земледѣльческихъ произведеній принято было среднее число цѣнъ на эти произведенія въ теченіе нѣкотораго времени, когда онѣ продавались на главныхъ рынкахъ приморскихъ городовъ Ирландіи нѣсколько дороже обыкновеннаго. Гриффитъ зналъ напередъ, что въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ (до 1830 г.) цѣны на произведенія были вѣсьмаю частью выше цѣнъ, означенныхъ въ актѣ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ опредѣлить съ достовѣрностію, какъ производительность самой земли, такъ и цѣну ея плодовъ. Онъ

поручилъ оцѣнщикамъ осмотрѣть земледѣльскія произведенія, обозначить ихъ качество, опредѣлить глубину почвы и подпочвы. На основаніи этихъ данныхъ, онъ составилъ предварительно общую оцѣнку, измѣняя ее потомъ по различію мѣстныхъ обстоятельствъ, и именно принимая въ соображеніе состояніе земледѣлія, наводненія, засухи, близость или отдаленность земли отъ городовъ и рынковъ и т. п. Такимъ образомъ, онъ раздѣлилъ земли Ирландіи, по ихъ качеству, на пять слѣдующихъ классовъ:

К Л А С С Ы.	Доходъ съ акра.		Доходъ сравнительно съ расходомъ.
	шиллинговъ.		
Пахатная земля 1-го класса	отъ 20	до 30	четверть.
— — 2 —	— 10	— 20	шестая часть.
— — 3 —	менѣе 10		восьмая часть
Пастбища	— 20	— 30.	половина.
Низменные мѣста и пастбища на горахъ	«		треть.

Это было только приговорительной оцѣнкой, соображенной съ мѣстными обстоятельствами.

Чтобъ оцѣнить производительность каждаго графства въ отдѣльности, оцѣнщики раздѣлили между собой бароніи такъ, что каждому пришлось по одной; эти бароніи подраздѣлили они на таунленды, а эти послѣдніе на участки въ 50 акровъ и болѣе. Они изслѣдовали каждый изъ участковъ въ отдѣльности, и составили оцѣнку его произведеній сравнительно съ количествомъ земли. Результаты своихъ наблюденій представили они въ Дублинъ. Отсюда посланъ былъ опытный оцѣнщикъ, для провѣрки представленныхъ показаній: онъ долженъ былъ изслѣдовать на удачу одинъ изъ пяти или шести участковъ, и если изслѣдованія его согласовались съ представленными показаніями, то оцѣнка почталась за достоверную. За тѣмъ слѣдовали разсмотрѣнія мѣстностей и особенностей изслѣдуемыхъ участковъ. Это занятіе поручено было ученымъ. Когда такимъ образомъ произведена была оцѣнка всѣхъ таунлендовъ, въ графства отправлены были опытные агенты, для соображенія этихъ изслѣдованій вмѣстѣ съ главными землевладѣльцами графства, способными дать объ этомъ предметѣ сужденія болѣе или менѣе

основательныя. За тѣмъ оцѣнки разосланы были по графствамъ, съ тѣмъ, чтобы богатѣйшіе изъ ихъ обитателей, составивъ собраніе (vestry), утвердили или отвергли эту оцѣнку, всю, или только часть ея; еслибы при этомъ возникли споры, то главный jury обязанъ былъ составить нарочную комиссію, для изслѣдованія спорнаго дѣла. Замѣтимъ, что оцѣнка эта производится была съ такимъ безпристрастіемъ и такой акуратностью, что подобныя споры возникали весьма рѣдко.

Эта оцѣнка производима была первоначально съ тою цѣлю, чтобъ опредѣлить таксу произведеній въ различныхъ бароніяхъ; но она можетъ служить матеріаломъ для многихъ другихъ изысканій; во всякомъ случаѣ она еще не вполне окончена. Въ 1846 году положено было начать оцѣнку Дублина, Темперери, Ветфорда, Лемерика, Корка и Керри. Изъ рапорта комиссара (1848, июнь) видно, что она будетъ совершенно окончена въ вышнемъ 1850 году. Въ 1848 году произведена оцѣнка графства Дублинскаго; произведенія этого графства, не включая сюда Ротдауна, оцѣнены въ 510.256 фун. стерл.

Графъ Кларендонъ, лордъ-лейтенантъ Ирландіи въ 1847 году, хотѣлъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить, какъ пространство обрабатываемой земли, такъ и качество и роль произведеній ея въ теченіе этого года. Производство этой работы поручилъ онъ капитану Ларкому, усердно занимавшемуся въ теченіе двадцати лѣтъ изслѣдованіемъ Ирландіи въ статистическомъ и топографическомъ отношеніяхъ. Ларкомъ принялъ за масштабъ своихъ вычисленій таунлендъ, т. е. пространство менѣе бароніи и болѣе обыкновенной усадьбы: ирландскій таунлендъ равняется, если возьмемъ среднюю величину, тремъ четвертямъ квадратной мили. Перепись поручена была мѣстной полиціи—констеблямъ, превосходно знающимъ поверхность земли. Ихъ распредѣлили по дистриктамъ, изъ которыхъ каждый находился подъ начальствомъ офицера, снабженнаго картами, планами и т. п. Эти дистрикты могли быть, по распоряженію офицера, въ случаѣ нужды подраздѣляемы на болѣе мелкія части.

Каждый констебль получилъ по печатному листу, на которомъ онъ долженъ былъ записывать пространство таунленда, количество и качество его произведеній; эти листы потомъ отсылались въ Дублинъ, гдѣ ихъ уже приводили въ порядокъ и систему. Намъ вполнѣ будетъ понятна вся огромность этого труда, если вспомнимъ, что для произведенія его должно было методически изслѣдовать 60.760 таунлендовъ, изъ которыхъ для

Изъ этихъ таблицъ видно, что овса рождается въ Ирландіи болѣе, нежели вдвое, противъ всѣхъ другихъ земледѣльческихъ произведеній, взятыхъ вмѣстѣ; что рѣпы, благодаря впрочемъ особеннымъ обстоятельствамъ, уродилось втрое противъ картофеля, и что, наконецъ, овесъ, рѣпа и ленъ были въ особенномъ изобиліи въ Ульстерѣ. Если сравнимъ эти показанія съ народонаселеніемъ 1841 года (8,175,124 души), то найдемъ, что въ этотъ годъ хлѣбныхъ зеренъ на каждую душу приходилось среднимъ числомъ по 698 ливровъ (316 квл.); именно въ самыхъ плодосныхъ мѣстахъ по 1,540 ливровъ и 135 ливровъ въ мѣстахъ скудныхъ. Производя такой же расчетъ по провинціямъ, мы найдемъ, что въ Лейчестерѣ на душу приходилось по 895 ливр., въ Ульстерѣ по 775, въ Мюнстерѣ—595 и въ Коннаутѣ по 469 ливровъ. На каждого человека приходится круглымъ числомъ по 561 ливру картофеля, т. е. по $1\frac{3}{4}$ ливра въ сутки, кромѣ двухъ ливровъ прочихъ растительныхъ произведеній.

Вторая часть этого рапорта, касающаяся домашняго скота, обнаружена была въ 1848 году.

Въ 1847 году на 803.025 аренлахъ находилось слѣдующее количество его:

Провинци.	Лошад. и муловъ.	Крупна-го рогат. скота.	Овецъ.	Свиней.	Козъ.	Домашнихъ птицъ.
Лейчестеръ	173.698	34.398	669.329	743.823	205.010	42.492
Мюнстеръ	160.805	32.289	729.869	608.124	261.243	60.999
Ульстеръ	135.797	22.239	834.874	238.493	111.733	40.891
Коннаутъ	66.317	37.229	337.402	393.737	44.473	19.661
	537.917	126.355	2.391.413	2.186.177	622.439	164.043

Изъ прилагаемой таблицы видно, что количество крупнаго рогатаго скота вдвое болѣе количества народонаселенія; далѣе, что въ Ирландіи крупный рогатый скотъ превосходитъ въ количествѣ овецъ; что Ульстеръ, страна самая богатая крупнымъ рогатымъ скотомъ, есть въ тоже время самая бѣдная овцами, и что, наконецъ, количество лошадей и муловъ почти равно количеству свиней.

Сравнивая эти показанія съ показаніями комиссаровъ за 1841 годъ, мы замѣчаемъ, что съ этого времени количество крупнаго рогатаго скота, овецъ и ословъ увеличилось, а количество лошадей, свиней и домашнихъ птицъ напротивъ того

уменьшилось. Это явленіе должно, кажется, приписать бѣдствіямъ 1846 года.

Эти рапорты могутъ служить превосходнымъ основаніемъ для полезныхъ изслѣдованій.

Домашній скотъ и птицы.	Число.	Число.	Число.	Число.	Во всей Ирландіи.
Лош. и муловъ	179.002	167.209	160.172	69.732	576.115.
Ослось	24.648	24.780	13.451	29.486	92.365.
Крупн. рог. скота	496.927	535.526	525.586	298.877	1.863.116.
Овецъ	659.304	698.970	213.212	534.503	2.106.189.
Свиней	386.754	546.077	303.126	176.856	1.412.813.
Птицъ	2.249.835	2.884.392	1.915.382	5.408.719	8.458.517.
	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.	Цѣна.
Лош. и мул. въ 8 ф. ст.	1.432.016ф.с.	1.337.672ф.с.	1.281.376ф.с.	537.856ф.с.	4.608.902ф.с.
Ослось въ 1 ф. ст.	24.648	24.780	13.451	29.486	92.365.
Крупн. рог. скота въ 6 ф.	3.230.026	3.480.919	3.461.809	1.937.496	12.110.250.
Овецъ въ 1 ф. 2шлл.	725.445	768.867	234.331	587.958	2.316.806.
Свиней въ 1 ф. 2шлл.	483.439	682.596	378.906	221.071	1.766.012.
Птицъ въ 6 д.	56.243	72.113	47.883	35.216	211.455.

Общ. цѣна 5.951.827ф.с. 6.366.947ф.с. 5.417.956ф.с. 3.369.078ф.с. 20.105.808ф.с.

Къ одному Нью-Йорскому порту прибыло въ теченіе 1-го семестра 1849 года:

Англичанъ	13.593	} 82.388.
Жителей Галліса	968	
Шотландцевъ	4.426	
Ирландцевъ	63.401	} 26.451.
Нѣмцевъ	26.451	
Голландцевъ	1.012.	
Французовъ	841.	
Швейцарцевъ	739.	
Прочихъ народовъ	1.581.	

Всего . . . 113.015.

ЛОНДОНСКИЙ ПОЧТАМТЪ. Въ Англии почта существовала еще до царствованія Карла I. Но она походила болѣе на поятную ѣзду и не имѣла никакого основательнаго положенія. Важнымъ давались по пути казенные конверты, письма и посылки для отправленія, безъ опредѣленной платы, что однакоже исполнялось съ большою точностію. Поверстная плата парламентомъ установлена была въ 1548 году, и первый государственный почтмейстеръ назначенъ былъ въ 1584 году, а для наблюденія за иностранной корреспонденціею парламентъ за нужное почелъ, въ 1631 году, опредѣлять директора.

Въ 1638 году Парламентомъ водворена была правильная персылка писемъ, собственно только для Англии и Шотландіи съ платою, по численію разстояній. По окончаніи внутренней войны, изложены были Эдмундомъ Придоксомъ первыя почтовые правила, приблизительныя къ настоящимъ почтовымъ узаконеніямъ. Придоксъ утвердилъ ежедневное отиравленіе почтъ и представилъ залогъ за получаемыя 7000 ф. ст. отъ правительства на почтовые издержки. Выгоды отъ этого учрежденія показались жителямъ Лондона столь значительными, что они захотѣли сами управлять имъ, но нижняя судебная расправа, возставъ противъ этого, объявила, что почты принадлежатъ парламенту.

Въ 1607 году, Кромвель улучшилъ положеніе, дарованное Парламентомъ почтовому вѣдомству и оставшееся безъ всякой перемѣны до царствованія Королевы Анны. По восстановленіи, въ 1660 году, королевской власти данъ былъ почтовому вѣдомству, подробный статутъ, которымъ дозволено было, лицамъ, служащимъ въ нижней судебной дистанціи, безденежное отправление корреспонденціи, что однакожъ отмѣнено было Георгіемъ III.

Въ 1664 году отдано было почтовое вѣдомство на откупъ Джону Майлу за 10,000 ф. ст., а въ 1665 году герцогу іоркскому уже за 21,500 ф. ст. Въ послѣдствіи такимъ же порядкомъ, не взирая на войну, исчисляемы были доходы въ восьми-лѣтней сложности до 67,200 ф. ст., а потомъ по водвореніи мира, четырех-лѣтнюю сложность разсчитывали на 82,319 ф. ст. Въ 1710 году, по соединеніи Шотландіи съ Великобританіею, учрежденъ былъ главный почтамтъ, которому и предоставлено было сообщеніе съ Ирландіею, Восточною-Индіею и Американскими Штатами. Распространеніе почтоваго вѣдомства имѣло ту пользу, что доходы ежегодно увеличились до 111,464 ф. ст. Хотя отправленіе почтъ происходило только три раза въ не-

дѣлю, и внутренняя корреспонденція была столь незначительна, что однажды въ Эдмбургъ послано было только одно письмо къ банкиру Рамзиею. Переписка съ Индіею и Америкою одна значительно поддерживала приходъ.

Въ 1784 году послѣдовала въ отправленіи почтъ важная перемѣна; до того времени они отправлялись на лодкахъ и съ верховыми почталіонами, но Джонъ Пильмеръ представилъ правительству проектъ учрежденія почтовыхъ каретъ, которыя существуютъ и донныѣ. Отправленіе ихъ ежедневно назначено было изъ Лондона въ 8 часовъ вечера, и онѣ съ такою точностію проѣзжали опредѣленное пространство, 8 английскихъ миль въ часъ, что прибытіе ихъ на каждой станціи можно было разсчитывать изъ минуты въ минуту. Правительство приняло проектъ; урядитель награжденъ былъ значительною денежною суммою и сдѣланъ главнымъ контролеромъ почтоваго вѣдомства. Кареты устроены были такимъ образомъ, что внутри помѣщались 4, позади 2, и спереди 2 пассажира. — Заведеніе это имѣло свое начало въ 1785 году въ Бристолѣ. Отъ этого новаго способа отправления почтовой гоньбы прибыло доходу въ первомъ году 10,000 ф. ст., во второмъ году 146,000 ф. ст., потомъ 170,000 ф. ст. Нынѣ этотъ доходъ простирается до 2,400,000 ф. ст. Изъ этой суммы за всеми расходами остается въ прибыли 1,500,000 фунт. стерл.

Строеніе, въ которомъ помѣщается лондонскій почтамтъ, великолѣпнѣйшее зданіе въ Европѣ; оно начато было въ 1824 году и приведено къ совершенному окончанію въ 1828 году. Хотя оно построено изъ простаго кирпича, но прекрасной архитектуры, съ великолѣпнѣйшими украшеніями, и на высокомъ гранитномъ фундаментѣ. Въ этомъ зданіи помѣщаются всѣ экспедиціи, сортировка газетъ, гостинница для прибѣгающихъ и наконецъ, всѣ служащіе по почтовому вѣдомству, начиная отъ главнаго начальника до послѣдняго ѣздоваго. Внутри находится всегда въ готовности необходимое количество лошадей и экипажей. Весь почтамтъ освѣщается ежедневно 1000 газовыми лампами. Особеннаго удивленія достойны машины: первая доставляетъ во всѣ этажи дома и во всѣ комнаты, для топки, каменный уголь; вторая доставляетъ изъ Темзы воду, и въ случаѣ пожара обливаетъ все строеніе водою каждыя двѣ секунды.

Въ 1829 году, одному путешественнику удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: въ сутки приходитъ въ лондонскій почтамтъ 24 чемодана обыкновенно съ 28,466 письмами, въ недѣлю иногда получаютъ 28,466, а въ мѣсяцъ 8,888,708 писемъ.

На посылаяхъ и тюкахъ податели обыкновенно надписываютъ, кромѣ адреса, фамилію свою, съ означеніемъ жительства и цѣну посылаки, а мавуфактуристы обязаны въ особое при почтамтѣ отдѣленіе представить пробы отсылаемыхъ издѣлій.

Въ 1784 году одно частное лицо учредило въ Лондонѣ проселочную почту на собственное иждивеніе. Послѣ десятилѣтней привилегіи, правительство присоединило заведеніе это къ главному почтамту. Изъ этого видно, съ какой ничтожной точки лондонскій почтамтъ началъ свое существованіе и до какого дѣвствующаго положенія онъ постепенно дошелъ въ настоящее время.

ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АФРИКѢ.

(Записки французскаго офицера.)

I.

Франція легко завоевала Алжирію, но до-сихъ-поръ еще не покорила ее. Религіозный фанатизмъ Арабовъ, любовь къ кочующей независимости, совершенная противоположность нравовъ между побѣдителями и побѣжденными,—все сдѣлало борьбу упорною, сопротивленіе отчаяннымъ, вражду непримиримою. Между-тѣмъ, въ нравахъ и образѣ жизни этихъ арабскихъ племенъ столько оригинальнаго и любопытнаго, что мы рѣшились представить нашимъ читателямъ нѣкоторые отрывки изъ записокъ французскаго офицера, участвовавшаго во всѣхъ тамошнихъ экспедиціяхъ, бывшихъ съ 1845 года.

Десять лѣтъ покоряли мы Алжирію тяжелыми колоннами и пушками большого калибра,—наконецъ догадались, что система наша дурна и не ведетъ къ цѣли. Маршалъ Бюжо первый принялся за смѣлую систему легкихъ, подвижныхъ колоннъ, за одѣленіе всей Алжиріи кордономъ войскъ, — и съ-тѣхъ-поръ Арабы почувствовали, что рано-ли, поздно-ли—имъ надобно будетъ покориться.

Наступала осень 1845 года. Замѣтно было нѣкоторое волненіе

между Флиттасами. Но нѣкоторымъ донесеніямъ, шерифъ Бу-Маза начиналъ возмущать жителей; но всѣ увѣрены были, что присутствіе войскъ тотчасъ же приведетъ все въ порядокъ. Генералъ Буржоа отправленъ былъ съ отрядомъ въ 1,200 человекъ пѣхоты и 140 конныхъ, съ двумя горными орудіями—въ область Флиттасовъ. 19 сентября были мы уже у подошвы горъ—и приготовились къ битвамъ. Пѣхота двинулась впередъ, рассыпавъ стрѣлковъ, а мы на рысяхъ понеслись на высоты Дар-Бен-Абдалаха. Тутъ открылось намъ великолѣпное зрѣлище.

Колонна нашей пѣхоты шла твердо и спокойно посреди о-кружающихъ ее конныхъ арабовъ, которые старались изъ-за кустовъ стрѣлять по отдѣльнымъ людямъ. Мы присоединялись къ ней, сдѣлали блистательную атаку, и расхлоснули натискъ неприятеля,—такъ что могли расположиться на бивакахъ на берегахъ Менасфы. Прежде всего озаботились о раненыхъ; прочіе предались безвѣчному отдыху и веселымъ разговорамъ.

Наше положеніе было однакоже довольно сомнительно. Мы были снабжены съѣстными припасами только на нѣсколько дней, вовсе не воображая, что встрѣтимъ возстаніе всего народонаселенія. По безчисленнымъ огнямъ неприятелей видѣли мы, что насъ обманули и что только мужество и твердость могутъ спасти насъ. Рѣшено было, что мы отступимъ, и пойдемъ въ Бель-Ассельбійи лагерь за припасами. Но какъ небольшой колоннѣ въ баталіонъ пѣхоты и 50 лошадей дано было приказаніе присоединиться къ намъ по дорогѣ черезъ Гербуссу, то половина всего отряда и осталась въ лагерѣ, а другая отправилась навстрѣчу къ ожидаемой колоннѣ.

Мы стояли въ 500 шагахъ отъ Менасфы, на продолговатомъ возвышеніи. Вокругъ насъ не было ни куста, ни дерева. Даже трава сгорѣла отъ лѣтняго солнца. Только у самаго берега росли лаврово-розовые деревья и составляли издали какъ бы цвѣтной мостъ. Оставшись одни съ небольшимъ отрядомъ, мы прислушивались къ шуму, который слышенъ былъ въ неприятельскомъ станѣ. Онъ безпрестанно усиливался, и похожъ былъ на ревъ морскихъ волнъ въ часъ бури.—Уже слышны были звуки там-тама,—и мы готовились къ битвѣ, какъ вдругъ на высотахъ показались наши войска. Они встрѣтили отдѣльную колонну—и всѣ вмѣстѣ воротились къ намъ.

* Флиттасы составляютъ сильное племя на югъ отъ Мостагенама. Они подраздѣляются на разныя вѣтви. Шерифы, по фанатизму своему, наиболѣе имѣютъ вліянія надъ прочими.

Какъ обрадовались мы этому приращенію силъ въ такую критическую минуту. Весело провели мы въ виду непріятеля цѣлый день. Но рѣшено было съ разсвѣтомъ отступать. Два молодые араба взяли съ собою вѣстника и Мостагемъ донесли генералу, съ доносеніемъ обо всемъ. Это была едва замѣтная записка въ складкахъ толстаго кафка. Старый ага Джедудъ далъ имъ надлежащія наставленія. Они склонились передъ нами на колѣни и съ благородною скромностію сказали: «Отецъ! Это наше первое предпріятіе, мы жертвуемъ жизнью. Благослови насъ. Это поможетъ намъ и подкрѣпитъ насъ.»

По утру на разсвѣтѣ мы уже выступили, — и при первомъ нашемъ движеніи непріятельскія пули привѣтствовали насъ. Но мѣръ того, какъ разсвѣтало, число арабовъ увеличилось, — такъ что едва вступили мы въ дѣвь, какъ 6000 кабиловъ и 1,500 вадниковъ окружили насъ. Двѣ сильныя атаки обезоховили ихъ сначала, — но вкорѣ нападѣнія ихъ сдѣлались живѣе. Передъ нами была возвышенность, поросшая дѣвомъ съ трехъ сторонъ; потомъ дорога спускалась въ дѣвственный оврагъ, а за нами находилось опять возвышеніе. Уже большая часть войска прошла оврагъ и взбиралась на высоту, вдругъ на аррьергардъ нашъ сдѣлано было отчаянное нападеніе. Мы первые бросились на встрѣчу; пѣхота послѣдовала за нами.

Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! Рота Орлеанскихъ егерей отбивалась въ оврагѣ отъ тысячей изступленныхъ непріятелей. Силою стѣною, оставались они хладнокровны при дикихъ крикахъ враговъ. Наша атака освободила ихъ на время до прибытія пѣхоты. Полковникъ нашъ былъ раненъ — и скончался на нашихъ рукахъ. Трупъ его понесли на носилкахъ, чтобъ не предать на оскорбленіе врагамъ.

Много потеряли и арабы. Наши солдаты производили чудеса. Одинъ стрѣлокъ при мнѣ убилъ четверыхъ. Спрятавшись за кустъ, онъ караулил подкрадывающихся кабиловъ. Одинъ проскользнулъ черезъ кустарники и уже цѣмился въ кого-то изъ аррьергарда, вдругъ раздались выстрѣлы, — и онъ палъ. Подкрался другой, чтобъ унести тѣло по обычаю арабовъ: новый выстрѣлъ повергъ и этого, — и такимъ же образомъ еще двоихъ. Совершивъ свой подвигъ, стрѣлокъ присоединился къ коновѣ.

Къ вечеру дошли мы до Тулзы, откуда три дни тому назадъ выступили въ такомъ веселомъ духѣ. Всякой нашелъ прежнее мѣсто своего бивака; но многихъ уже не было. Палатку полковника поставили на прежнемъ мѣстѣ — и внесли туда тѣло, ко-

торое набальзамировали душистыми травами, собранными по берегу ручья.

На другой день были растахъ, — и арабы только издали нестрѣльивались съ нами. Нѣсколько рикшетныхъ выстрѣловъ брадскугелями заставили ихъ отступить далѣе; одинъ вадникъ преслѣдовалъ насъ. Мародеры наши зажгли съ вечера оставшуюся на бивакахъ солому — и изсохшая отъ четырехъ-мѣсячныхъ жаровъ трава вся вспыхнула въ окрестности.

На другой день узнали мы, что возстаніе Флиттасовъ было не отдѣльное, а что всѣ племена отъ западной границы до Кераша поднялись поголовно. Почти всѣ союзники наши передались непріятелю.

Сильныя подкрѣпенія присоединились къ намъ. У насъ уже были полные два эскадрона кавалеріи, — и полковникъ Тартаст отправленъ былъ съ нами, чтобъ наблюдать за Бу-Маза. Мы смѣло двинулись впередъ, — какъ вдругъ въ полу-мили отъ сліянія Шелифа и Мины встрѣтили отступающаго Сиди-Эль-Ариби, оставшагося намъ вѣрнымъ. Увидя насъ, онъ тотчасъ же примкнулъ къ намъ и пошелъ опять впередъ, желая сражаться съ непріятелемъ. Онъ не долго ждалъ этого.

Едва вѣхали мы на высоту, какъ передъ нами открылись безчисленныя толпы враговъ, покрывающія всю равнину и ожидающія насъ съ неустрашимостію. Они стояли въ видѣ тумана, котораго рога какъ бы готовились насъ обхватить. Отступать намъ нельзя было: мы бы всѣ погибли; одно отчаяніе могло спасти насъ. Наши два эскадрона и нѣсколько вѣрныхъ Арабовъ смѣло двинулись впередъ, шагомъ и не обнажая сабель. Потомъ полковникъ командовалъ рысью, — и непріятель съ изумленіемъ смотрѣлъ на приближающуюся горсть Французовъ. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, полковникъ командовалъ: сабли наголо, — и двѣсти пятьдесятъ сабель блеснули какъ молнія. Еще сто шаговъ, — и вдругъ командовано было: *марш-марш!* Какъ дружная стѣна понеслись мы вихремъ впередъ. Непріятеля, видя этотъ несущійся ураганъ, зашумѣли какъ волны въ морѣ, столпились тѣснѣе, колебались нѣсколько мгновеній — и вдругъ разсыпались во всѣ стороны.

Черезъ четверть часа мы остановились. Сто непріятелей лежало на пескѣ, а вѣрные Арабы забирали что могли, во время преслѣдованія. У насъ не было ни одного раненаго, — и отчаянный этотъ ударъ спасъ насъ, — тогда какъ малѣйшая непріятельская погубила бы насъ. Это была первая наша побѣда.

Съ наступленіемъ ночи пустились мы въ обратный путь къ

Бель-Асселю,—и въ десять часовъ ночи уже были тамъ. Этотъ блистательный успѣхъ охладилъ на минуту жаръ возмущенія. Наша военная позиція была хороша,—и мы рѣшились ожидать колонны изъ Ордеавилла, чтобъ снова двинуться къ Флиттасамъ.

Тутъ иногда являлись къ намъ арабскіе наѣздки,—и съ ними происходили гомерическіе поединки. Это было тоже, что ученье стрѣльбы въ цѣль. Болѣе же всего занимались мы тутъ отысканіемъ зерновыхъ припасовъ, которые Арабы всегда закапываютъ въ землѣ. Наши солдаты пріобрѣли въ этомъ дѣлѣ такой навыкъ, что почти ни одинъ такой кладъ не укрывался отъ ихъ поисковъ.

Наконецъ прибыла къ намъ и ожидаемая колонна. Въмѣстѣ съ прекрасною пѣхотою, привела она еще два эскадрона конныхъ егерей и эскадронъ спаговъ. Теперь силы наши были достаточны, и мы могли расплатиться съ Флиттасами. Мы опять двинулись впередъ, и расположились на бивакахъ у Тулзы. Запасшись здѣсь соломою, пошли мы впередъ, и заняли превосходную военную позицію при Дар-бен-Абдаллахѣ. Но неприятелей нигдѣ не было видно. Они скрылись въ лѣса—и надобно было начинать противу нихъ наѣздническую войну, отбирая стада и хлѣбъ. Только этимъ средствомъ можно дѣйствительно принудить Араба къ покорству.

Однажды, когда мы отыскивали и то и другое, проникли мы въ ужасный оврагъ, не болѣе двухъ футовъ шириною. Посрединѣ этого оврага была какая-то подземная пещера, прорытая весенними потоками, но теперь совершенно сухая. Лазутчики донесли намъ, что тутъ скрываются Арабы, съ женами, дѣтьми и стадами. Надобно было доискаться. Посланы были полкомъ нѣсколько солдатъ по разнымъ углубленіямъ, вдругъ два выстрѣла обнаружили намъ убѣжище неприятелей. Послали имъ переговорщика, и требовали сдачи. Они отказались. Надобно было принудить силою, но не оружіемъ, потому-что они въ пещеры могли цѣлить вѣрно и удобно. Мы вздумали выжить ихъ дымомъ. Связали два фашиника, зажгли и бросивъ туда ихъ, вступили вновь въ переговоры. Последовалъ опять отказъ. Тогда бросили туда такое множество пылающихъ фашиновъ, что несчастные принуждены были слѣзаться. Люди, дѣти, жены, бараны и козы полезли изъ пещеры, и требовали *аманъ*.

Эти набѣги занимали насъ до наступленія зимы. Возстаніе вспыхнуло въ сторонѣ Ордеавилла, — но маршалъ Бюжо былъ тамъ. Часть нашей кавалеріи перешла въ область Кераншей.

Осень дѣлалась болѣе и болѣе холодною на высотахъ, лежащихъ въ 600 футахъ отъ морскаго уровня. Начинаясь зима,—и тяжелое время для насъ, — воспоминаніе о которомъ всегда такъ пріятно для солдата.

Маршалъ двинулся къ востоку Ріу,—и мы сдѣлали чрезвычайно трудный ночной переходъ, осыпаемые самою мелкою взморозью. Къ утру смѣнилась она проливнымъ африканскимъ дождемъ,—и мы принуждены были разбить палатки. Шестъ дней лилъ онъ не устаная; шесть сутокъ стучалъ въ наши палатки, — и если кто осмѣливался сдѣлать шагъ изъ нихъ, тонулъ въ грязи по колѣно.—Всѣхъ болѣе страдали лошади, орошаемые этимъ ливнемъ и подставляя холодному вѣтру свой задъ. Впрочемъ у насъ уже оказывался недостатокъ въ припасахъ. Водки уже не было; оставался одинъ кофе.

Вдругъ мы узнали, что неутомимый нашъ непріятель Абд-эль-Кадеръ находится въ землѣ Флиттасовъ. А какъ въ это же время барометръ сталъ подниматься,—то за полчаса до разсвѣта мы и выступили. Дѣйствительно, черезъ два часа дождь пересталъ наконецъ, и западный вѣтеръ очистилъ горизонтъ. Но утомленные наши лошади съ трудомъ подвигались впередъ, увязая въ грязи и теряя подковы, — и когда мы прибыли къ Темдѣ, то вмѣли удовольствіе только видѣть, какъ Абд-эль-Кадеръ спокойно спускался уже съ горъ, на которыя намъ надобно было взбираться.

Мы не въ состояніи были преслѣдовать его; отдохнули съ часъ, и отправились къ Уед-Тегигесу.

24 декабря послалъ маршалъ небольшую легкую колонну въ 600 человекъ пѣхоты и полу-эскадронъ конницы нашей къ Тіарету для отысканія фуража. Но когда мы прибыли туда, то найдя все нужное для лошадей, ничего не нашли для себя.

Черезъ два дни, выступя изъ Тіарета, пошли мы по слѣдамъ Абд-эль-Кадера. Но тутъ начались опять самые холодные дожди,—такъ что въ день новаго (1846) года, у насъ рѣшительно не было ничего, — а 2-го января поднялась такая небывалая и ужасная буря, — что въ Сетифѣ погибло въ этотъ день полъ свѣгомъ четьреста человекъ. По неволѣ воротились мы въ Тіаретъ—и только шесть человекъ отморозили себѣ ноги.

Къ февралю присоединились мы къ корпусу маршала,—и тутъ отдохнули и поправились. Съ нимъ вмѣстѣ двинулись мы къ Медлеа; но едва успѣли вступить туда и протанцовать послѣднюю ночь карнавала, какъ на развѣтѣ должны были вдругъ выступить къ Журжурѣ. Абд-эль-Кадеръ не давалъ намъ покоя, но

и мы ему платили тѣмъ же, такъ что эта удивительная дѣятельность маршала заставила снова всѣ племена Арабовъ просить его о помощи. Только этого онъ и желалъ. Цѣлый годъ трудовъ и бивачной жизни доставили намъ наконецъ желаемый миръ, — и когда мы пришли обратно въ Алжиръ, то только тутъ узнали о всѣхъ прекрасныхъ движеніяхъ и неутомимыхъ подвигахъ маршала. Вся слава принадлежала ему.

II.

Если вы къ Алжиру подъѣзжаете съ моря, то вамъ представится спокойный и беззаботный городъ, уснувшій у подножія холма, но когда вы войдете въ него, то увидите, что это вполне европейскій городъ со всею его дѣятельностію. Мусульманскій Алжиръ ежедневно болѣе и болѣе печезаетъ, превращаясь во французскій портъ, гдѣ съ Европейцами смѣшаны Бискрибы, Арабы, Турки, Негры. — Все это народонаселеніе живетъ здѣсь теперь дружно не заботясь о разности цвѣта, одежды, языковъ и вѣроисповѣданій. Но при первыхъ шагахъ вашихъ въ провинцію, вы увидите, что въ въ чужой землѣ, между враждебными племенами, которымъ никогда не будетъ правиться владычество Европейцевъ, которые покорствуютъ только смѣ — и кромѣ ее другаго закона не знаютъ.

Военное народонаселеніе Французовъ весьма немногочисленно въ Алжирѣ. Оно все разбѣяно по пространству завоеванной области, которая только тамъ и повивается, гдѣ есть достаточное число войскъ. По счастью для Французовъ, всѣ эти полу-кочующія племена Арабовъ въ безирестанныхъ между собою ссорахъ, начавшихся съ древнихъ временъ и передаваемыхъ изъ поколѣній въ поколѣніе. — Всего сильнѣе для Араба *преданіе*. Это его всегдашній законъ и руководитель. Когда мы, напримѣръ, были въ Миліанѣ, то тамошнія племена все твердили съ величайшимъ уваженіемъ объ Уледѣ-Бен-Юсуфѣ и Эмбарекѣ. Разказы о нихъ прекрасно характеризуютъ странное вліяніе преданія на этихъ людей. Чтѣ же касается до исторіи Омара, то это очень любопытный эпизодъ турецкой политики и переворотовъ, которымъ подвергались тѣ, которые до 1830 года владѣли здѣшнюю страную.

Четыреста лѣтъ тому назадъ, Си-Могамед-Бен-Юсефъ поселился въ Миліанѣ, и прославился своею мудростію. Всѣ прихо-

дили просить его совѣтовъ и молитвъ. Онъ давалъ наставленія въ стихахъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Прими подарокъ отъ богача, который бывалъ голоденъ, но никогда отъ выскочки».

«Кто твой отецъ? спрашивали у осла. Копь — мой дядя! отвѣчалъ онъ».

«Молчаніе — золото; многорѣчивость — серебро».

«Въ ѣдѣ слѣдуй своему вкусу, но въ одеждѣ слѣдуй общему вкусу».

По смерти воздвигли поэту памятникъ, и потомки его пользуются въ Миліанѣ всеобщимъ уваженіемъ. Онъ въ немъ властитель, и кланяются только Си-Эмбарекамъ, Комахскимъ Марбутамъ, происходящимъ отъ Гашемскаго племени.

Надъ Си-Эмбарекамъ носится также религиозное преданіе. Въ 1580 году нѣкто Си-Эмбарекъ отдѣлился отъ своего племени (Гашемовъ) и поселился въ Миліанѣ. А какъ онъ былъ бѣденъ, то и отпустилъ двоихъ своихъ служителей и отправился въ Колеагъ, гдѣ нанялся *рамесомъ* (земледѣльческимъ арендаторомъ). Но вмѣсто того, чтобъ работать, Си-Эмбарекъ все спалъ, — а въ это время пара воловъ, ввѣренныхъ ему работала сама, такъ что каждый день работа его шла успѣшнѣе. Донесли объ этомъ Исманлу, который, чтобъ удостовѣриться, спрятался однажды, и увидѣлъ самъ своими глазами истину разказовъ. Онъ бросился къ ногамъ Эмбарека, и сказалъ ему: «Ты избранныкъ Божій, отпуйтъ я твой рабъ, а ты мой властелинъ».

Слухъ о святости его распространился повсюду; онъ разбогатѣлъ и приобрѣлъ величайшее вліяніе. — Всѣ потомки его почитаются людьми, состоящими подъ особымъ покровительствомъ неба.

Когда вспыхнула война противъ Французовъ, Абд-эль-Кадеръ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Миліанѣ Бен-Алеелла, главу Эмбарековъ, марбута всѣми уважаемаго и воинственнаго, — первымъ дѣломъ этого Бен-Алеелла было низверженіе Омара, который приобрѣлъ также большое вліяніе между племенами.

О семействѣ Омаровъ преданія еще любопытнѣе, нежели Бен-Юсефа и Эмбарека. Оно составило себѣ имя силою оружія, — и въ послѣднее время героизмъ женщинъ два раза возвышалъ надше это семейство.

Знаменитѣйшій изъ Омаровъ былъ другомъ Египетскаго Паши Мехмета Али. Оба они пустились въ Египетъ искать тамъ сча-

стія, — но едва прибыли туда, какъ письмо брата отозвало обратно Омара. Друзья растались, поклявшись другъ другу дѣлиться счастьемъ, какое каждому достанется. Братъ Омара Магометъ назначенъ былъ помощникомъ оранскаго бей; Омаръ поселился у брата и женился на Жеммѣ, красивѣйшей дѣвушкѣ въ Миланѣ. Но вскорѣ оранскій бей, завидуя благосклонности, которою Магометъ пользовался у алжирскаго дея, рѣшился погубить его, и заключилъ въ тюрьму.

Омаръ тоже былъ посаженъ съ нимъ, — и когда палачъ явился за головою Магомета, — Омаръ бросился защищать его.

— Нѣтъ, дитя мое! — сказалъ братъ, остановивъ его. — Часть мой пробилъ. Не должно человѣку противиться судьбѣ. Помни, что ты долженъ быть мужемъ моей жены и отцемъ моихъ дѣтей.

Съ-тѣхъ-поръ, постоянною идеею Омара было мщеніе за брата. Алжирскій дей велѣлъ освободить его и прислать его къ себѣ. Тамъ Омаръ употребилъ всѣ средства, чтобъ возвыситься, для того только, чтобъ вѣрнѣе отмстить. Онъ вскорѣ былъ назначенъ кандомъ арабскаго племени, и жена его Жемма умѣла, не смотря на величайшія опасности, присоединиться къ нему съ отцомъ своимъ и служителямъ.

Во время войны съ Тунисомъ давно было одно сраженіе, въ которомъ мужество Омара рѣшило побѣду. По возвращеніи, все войско просило, чтобъ его назначили агою, — и управление его принадлежитъ къ самымъ полезнымъ и блистательнымъ. Но оранскій бей не дремалъ. И онъ хотѣлъ мстить брату Магомета. Испуганный всеобщою любовью къ Омару, онъ увѣрилъ дея, что Омаръ хочетъ захватить всю власть въ свои руки. По счастью, Омаръ перехватилъ письмо, — и вида опасность, бросился въ казармы и требовалъ отъ солдатъ защиты. Вы меня возвели, — сказалъ онъ, — вы только можете и низвергнуть. Умертвите меня или отмщайте врагамъ моимъ. Войско бросилось на дея, умертвило его, и хотѣло возвести Омара на это званіе; но онъ отказался, и былъ избранъ въ *храснаджи* (казначей).

Омаръ сдѣлался всемогущимъ. Оранскій бей взбунтовался. Онъ двинулся противъ него, разбилъ его, схватилъ и съ живаго содралъ кожу.

Въ 1816 году, дей, боясь силы Кулуглисовъ, хотѣлъ истребить ихъ, и вѣрилъ свой планъ Омару; но тотъ не рѣшился на это, а велѣлъ задушить дея въ банѣ. На этотъ разъ, онъ долженъ былъ принять пашалыкъ. Посылая Портъ подарка съ

сыномъ своимъ Магометомъ и тестемъ Си-Гассаномъ, онъ отправилъ богатые дары Мегмету-Али, который тоже въ это самое время былъ назначенъ Пашею.

Два года управляя онъ Алжиромъ — и выдержавъ бомбардировку Лорда Эксмута. Но бѣдная Жемма предчувствовала опасность, и твердила ему, что всѣ дей погубили насильственной смертію. Въ 1818 году мучилась она родами — и послала за Омаромъ. Она слышала пушечную пальбу — и беспокоилась объ участи мужа. Вдругъ посланный возвратился, — печаленъ и одинъ. Жемма поняла все и упала безъ чувствъ. Вошли *чаусы* и требовали для *новаго дея* сокровищъ предметника его.

Когда Жемма пришла въ себя, то переодѣлась въ бѣдное платье, завернула двухъ дѣтей своихъ въ *кайки*, простилась со ста невольницами, бывшими въ ея услуженіи, и заперевъ комнаты, послала ключъ къ новому дею.

— Жена Омара, — велѣла она сказать ему, вышла изъ дворца бѣднѣе, нежели вошла въ него. Она не взяла ничего изъ богатствъ, которыми прельстился убійца его. Теперь эти богатства служатъ наградою его злодѣянію. Но пусть онъ спѣшитъ насладиться ими. Богъ не допуститъ ему торжествовать долго.

Хотя нельзя изчислить богатствъ, накопленныхъ Омаромъ въ эти десять лѣтъ, но у него было въ услуженіи триста негрятенокъ, сто негровъ, десять грузинокъ, двадцать абиссинокъ, сорокъ лошадей чистой крови, десять *кобылицъ пустыни*. Во дворцѣ его была одна зала, наполненная золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; другая, заваленная парчею и богатыми тканями. У Жеммы къ каждому платью (а она ихъ мѣняла каждую недѣлю) былъ особенный уборъ брилліантовъ.

Черезъ два дни послѣ удаленія Жеммы, явился къ ней первый министръ новаго дея съ порученіемъ отъ него. Сквозь рѣшетку, сказалъ онъ ей слѣдующее:

— Али-Паша (да даруетъ ему Богъ побѣду!) шлетъ свой поклонъ и благословленіе вдовѣ Омара. Успокой свою печаль, — говоритъ тебѣ знаменитый властитель. Мужъ твой умеръ смертію пашей. Часть его пришелъ. Да будетъ къ нему милосердіе Господь. Но у тебя остались дѣти. Ты молода, ты провела жизнь въ счастьи и величій. Можетъ-быть, Богъ судилъ тебѣ дожить до старости. Бойся нищеты и униженія. Судьба твоя и дѣтей твоихъ въ собственной твоей волѣ. Ты была женою пашей: скажи слово, — и опять будешь женою пашей. Вотъ ключъ отъ твоего дворца. Начья нога не ступала еще за порогъ его. Воз-

врати ему лучшее его украшеніе, и влaститель удвоитъ богатства дворца, и число твоихъ невольниковъ.

— О милосердый Боже, — отвѣчала она, за что не повелѣть ты ангелу Израилу привести къ себѣ Жемму вмѣстѣ съ Омаромъ! За какое преступленіе должна я быть очистительною жертвою, если ты допускаешь, чтобъ я слышала такіа унизительныя предложенія отъ убійцы моего мужа? Но, да будетъ воля Твоя. Ты же, безчестный рабъ, оставь скорѣе домъ, который далъ мнѣ убѣжище, потому-что ты заражаешь воздухъ, которымъ я дышу. Поди, убійца, скажи своему властелину, что вдова Омара наши будетъ жить и будетъ умѣть умереть вдовою Омара наши. Скажи, что обольщенія его напрасны, потому-что земныя вещи уже ничто для той, которое все счастье въ небесахъ. Угрозы его будутъ еще болѣе бесполезны, потому-что кто желаетъ смерти, тотъ не боится ничего.

Болѣе недѣли употреблялъ Али-Паша всѣ средства къ обольщенію Жеммы: она осталась непоколебимою. Наконецъ онъ отперъ ключомъ оставленныя комнаты и изумился найденнымъ богатствомъ. Сперва думалъ онъ, что Жемма унесла много съ собою, но тутъ увидѣлъ, что все на мѣстѣ, и что сокровища безчисленны. Онъ отпустилъ ее жить въ Миліану къ отцу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ Али-Паша былъ умерщвленъ, и Гаджи Могамедъ наследовалъ ему. Последний дей умеръ отъ чумы, и Гассан-Паша, служившій прежде *иманомъ* у Омара, вступилъ на его мѣсто. Едва онъ былъ избранъ, какъ доказалъ свое благородство, осыпавъ благодареніями вдову Омара. Старшаго сына ея взялъ къ себѣ на службу, — а младшаго послалъ къ Мегмету-Али въ Египетъ, откуда онъ возвратился осыпанный дарами. Гассан-Паша женилъ его на дочери одного изъ самыхъ уважаемыхъ марабутовъ Миліана. Съ-тѣхъ-поръ семейство Омаровъ было счастливо и спокойно. Жемма жила въ кругу дѣтей своихъ.

Насталъ 1830-й годъ; Алжиръ сдѣлался французскимъ городомъ, а племена Арабовъ, угнетаемыя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Турками, вздумали теперь о совершенной своей независимости и о прежнихъ расприхъ между ними. Магометъ, глава семейства Омаровъ, принужденъ былъ бѣжать, оставя въ Миліанѣ мать (Жемму), двухъ женъ и младшаго брата Омара.

Алжиря была тогда въ совершенномъ безначаліи. Послѣ турецкаго деспотизма явилась легкомысленность Французовъ, — и племена начали междоусобную войну. Около 1836 года разразилась гроза надъ семействомъ Омара. Магометъ удался отъ

участія въ возстаніяхъ и жилъ подъ покровительствомъ маршала Клозеля. Явился Абд-эль-Кадеръ, овладѣвъ Медеахомъ, оковалъ цѣпями шестдесятъ значительнѣйшихъ жителей, и наложилъ большую пеню на Омара за переписку его съ братомъ, служащимъ будто бы у Французовъ. Омаръ не въ состояніи былъ заплатить ее. Его сковали и привели къ Абд-эль-Кадеру.

— Благодарю Бога, — сказалъ онъ Омару, спрашивавшему его о причинѣ такого наслѣдства, — что сердце мое милосердо. Безъ этого голова бы твоя пала уже подъ мечемъ правосудія, за твои и брата твоего преступленія. Вы угнетали правовѣрныхъ, вы грабили Арабовъ, вы забыли вашу вѣру, и жили въ развратѣ. Одинъ изъ васъ пошелъ къ христіанамъ, чтобъ притѣснять своихъ соотечественниковъ; другой приготовлялъ ему средства къ владычеству. Но настало время правосудія. Ты долженъ былъ сложить голову, а имѣнье твое отдано въ *фенликъ* (въ казну). Но я уже сказалъ. Я дарю тебѣ жизнь. Только все, что есть у тебя и твоего семейства — долженъ ты отдать. Если что утаишь, то погибнешь. Напishi объ этомъ къ своей матери. Если она сдѣлаетъ попытку, чтобъ освободить тебя, то ускоришь твою смерть.

Омаръ написалъ требуемое письмо, и всадники Эмира отправились къ ней. Презирая законъ исламизма, они проникли въ комнаты женщины и съ наглостію обыскали ихъ, отняли все, составили списокъ отнятаго, — и оцѣнили все въ 400,000 франковъ.

Эмиръ былъ обрадованъ такою находкою, но Си-Эмбарекъ, руководствовавшій этимъ дѣломъ, еще не былъ вполне удовлетворенъ. Онъ донесъ Абд-эль-Кадеру, что Жемма скрываетъ еще одинъ бриллиантъ. Эмиръ повѣрилъ — и хитростію хотѣлъ завладѣть сокровищемъ. Онъ послалъ Жеммѣ охранную грамоту, которою дозволялъ ей видѣться съ сыномъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Вѣдая мать повѣрила состраданію Абд-эль-Кадера и отправилась изъ Миліаны въ Медеагъ. — Ее привели къ Эмиру.

Величественная оспанка ея внушала уваженіе. Долго они молчали оба; наконецъ Эмиръ сказалъ:

— Оба твои сына заслужили смерть, потому-что одинъ сдѣлался христіаниномъ, живя между ними, а другой потому-что переписывается съ невѣрными. Жизнь ихъ, жены, дѣти, имущество сдѣлалось собственностію правителя государства. Но ты можешь спасти того, который у меня въ плѣну. Отдай намъ

перестань отца его Омаръ-паша, который мы знаемъ, что у тебя еще остался, и укажи намъ, гдѣ ты скрыла это сокровище.

— О сынъ мой Омаръ! За чѣмъ не умеръ ты въ ту минуту, какъ я произвела тебя на свѣтъ?—вскричала Жемма. — И не должна ли я была ожидать печальной участи, постигшей тебя, когда твое рожденіе было запечатлѣно смертію отца твоего?— Но ты, сынъ Мегиддина, развѣ забылъ ты, что мать твою еще жива? Развѣ ты не помнишь, что и у тебя есть дѣти? Неужели ты не страшишься, чтобъ Богъ не отнялъ у тебя власти, которая теперь временно въ твоихъ рукахъ, и не наказалъ тебя за употребленіе ее во зло надъ тѣми лицами, которыя тебѣ всего дороже? Посмотри на меня, сынъ Мегиддина. Вчера я была женою паша, передъ которымъ трепеталъ отецъ твой и весь Алжиръ; сегодня умоляю о состраданіи того, кто былъ моимъ подданнымъ. Подумай о непостоянствѣ земнаго счастья. Подумай о Зарѣ, женѣ твоей, объ Аишѣ твоей дочери,—и скажешь ли надъ бѣдною женщиною, которая умоляетъ тебя за дитя свое. Страхись навлечь на себя проклятія матери, потому что онѣ всегда приносятъ несчастіе. Ты отъ меня требуешь перстня Омара паша. Это одно, что у меня осталось послѣ него на память,—но возьми и это. Отдай мнѣ только моего сына. Съ этимъ перстнемъ отдала я бы тебѣ за это все сокровище земли, еслибъ они у меня были,—но у меня уже нѣтъ больше ничего.

Жемма вынула скрытый на груди перстень и бросила къ ногамъ его. (Перстень оцѣненъ въ 40,000 франковъ). Абд-эль-Кадеръ подавъ знакъ: Жемму увели. Черезъ минуту потомъ раздались женскіе крики. Онъ было приказалъ пыткой допросить Жемму, но управитель Омара и башъ-чаусовъ были люди добрые и сострадательные. Въмѣсто того, чтобъ подвергнуть пытку вдову Омара-паша, они велѣли дать триста ударовъ палками Арабкѣ ея, которая, по доносу Си-Эмбарекъ, знала, гдѣ хранится остальное сокровище. Жестокость эта была бесполезна: она ничего не знала. Донесли объ этомъ Эмиру; множество значительныхъ лицъ вступились за нее, и выпросили наконецъ свободу Омару и его матери, съ тѣмъ, чтобъ все имѣніе ихъ было продано.

Но что до этого было Жеммѣ? Она видѣла опять своего сына—и все несчастія были забыты.—Но увы! срокъ испытаній ея еще не кончился. Негры, Арабки, лошади, мулы, мебель, одежда—все было продано,—а жены старшаго Омара сына, Могамеда, были насильно выданы за мужъ за служителей

Эмбарекъ. Оставшись въ совершенной нищетѣ, вдова Омара пошла просить убѣжища у вѣрнаго своего слуги Баба-Джелулла. Но и тотъ вскорѣ умеръ.

Омаръ, заболѣвъ жестоко въ тюрьмѣ, долго лечился въ домѣ своей матери, какъ вдругъ постигло ихъ послѣднее несчастіе. Въ іюнѣ 1838, по приказанію Омара все Кулулисисъ были отправлены въ Тагдемитъ. Напрасно предводители Гашемовъ и Дженделей умоляли за Омара и мать его, предлагая 10,000 буджу въ поручительство (18,000 франковъ). Это ходатайство только больше повредило несчастнымъ. Надобно было отправиться—за конвоемъ всадниковъ Абд-эль-Кадера. Все лица выражали глубокую печаль, спокойствіе и преданность судьбѣ. Люди первѣйшихъ фамилій шли, покрытые рубищемъ и не проносили ни одной жалобы: одни дѣти плакали, измученныя солнечнымъ зноемъ.

Чѣмъ тяжелѣе было несчастіе Жеммы, тѣмъ сильнѣе было ея мужество. Она одна ободряла всехъ спутниковъ, утѣшала сына, не предавалась унынію, переносила все,—и съ презрѣніемъ всегда отвергала предложенія брака, дѣлаемыя предводителями Омара.

По истребленіи Тагдемита, Омаръ получилъ съ матерью позволеніе удалиться въ Бену-Манасемъ.—Наконецъ, когда Абд-Эль-Кадеръ принужденъ былъ уступить силъ оружія Французамъ, Омаръ могъ возвратиться въ Миліану. Французы приняли его хорошо. Ему возвратили домъ его и нѣкоторое имущество,—и вскорѣ потомъ главнокомандующій назначилъ его *Гакемомъ* (меромъ).

Во-время проѣзда своего черезъ Миліану, маршалъ Бюжо захотѣлъ видѣть мать Омара и выразить ей чувства своего уваженія. Нѣсколько офицеровъ сопровождали его. Онъ былъ принятъ въ скромномъ жилищѣ, гдѣ не было ни малѣйшаго слѣда прежнихъ богатствъ. Когда онъ вошелъ, то величественная женщина, подъ покрываломъ явилась въ комнату, поддерживаемая Омаромъ.

— Мать! — сказалъ ей Омаръ: ты можешь снять свое покрывало. Вокругъ тебя все друзья, которые видятъ въ тебѣ только вдову паша и мать преданнаго слуги Франціи.

Жемма отбросила покрывало. Все были изумлены благородствомъ лица ея, которому время и печаль, казалось, придали еще красоты. Она смутилась и долго не могла говорить, но ласковый пріемъ маршала ободрилъ ее.

— Я была очень несчастна, — сказала она ему, поднявъ на него

глаза, наполненные слезами. Но теперь начинаю надѣяться, что судьба моя смягчилась, какъ скоро дозволила мнѣ видѣть тебя, французскій султанъ. Я знаю, что сердце твое такъ же чело-вѣколюбиво, какъ рука могущественна. Я имѣю полную къ тебѣ довѣренность. Для себя, я уже ничего не прошу: я стара, — и скоро соединюсь съ моимъ мужемъ, который былъ такой же султанъ, какъ ты, но сына моего отдаю подъ твою покровитель-ство. Будь ему отцомъ. Онъ благородной крови и заслужи-ть добро, которое ты ему дѣлаешь. Всякой день буду молить Бога о твоёмъ и всѣхъ твоихъ счастьи. Да приведетъ Богъ Абд-эль-Кадера къ ногамъ твоимъ съ мольбою о пощаду.

Маршалъ успокоилъ ее ласковыми словами, — и мы удалились, исполненныи уваженія къ этой женщинѣ.

III.

Къ намъ прибылъ новой главнокомандующій, генералъ Шангарнье — и первую его дѣлю было покореніе Кабилонъ. Но на-добно знать мѣстность, гдѣ эти племена жили.

Между Шелюфскою долиною на сѣверѣ и Малою-степью на югѣ есть область около пятнадцати лье длины. Это не что иное, какъ группа горъ съ безчисленною сѣтью овраговъ, пропастей, неприступныхъ скалъ. Здѣшнія тропинки едва доступны однимъ горнымъ сернамъ. Въ срединѣ этого горнаго хребта находится главная гора въ 600 футовъ вышины, тогда какъ вся пло-ская возвышенность этой дѣли находится въ тысячѣ футовъ, надъ уровнемъ моря. — Въ этихъ то горахъ живутъ Кабилы, подраздѣляясь на нѣсколько племенъ, возбужденныхъ Абд-эль-Кадеромъ къ возмущенію.

10 мая былъ свѣтлый день, когда мы выступили въ по-ходъ изъ Миланы. Съ нами было сто пятьдесятъ человекъ конницы, потому-что мы хотѣли сдѣлать нечаянное нападеніе. Мы шли по дружественной области, — и хотя ружья наши были заряжены, но мы не принимали особыхъ мѣръ осторожности, нѣли и смѣлились до самаго почлега у Шелюфскаго моста, по-строеннаго Омаромъ-нашею.

Ночью произошла тревога. Хотя мы шли и по дружественной землѣ, но друзья наши все-таки были отличные воры. У насъ увели двухъ лошадей. Арабы обыкновенно ходятъ ночью на этого промыселъ голые, натерѣвшися масломъ, чтобы при по-пмкѣ ихъ легче имъ было ускользнуть. Они ползутъ по землѣ до того мѣста, гдѣ стоятъ лошади, обрѣзываютъ коновязи, вска-киваютъ на лошадь и летятъ во весь опоръ въ свой станъ, пригнувшись какъ можно къ гривѣ, чтобы избѣжать выстрѣ-ловъ.

Дѣлать было нечего. Приказали только часовымъ удвоить бдительность, — и дѣйствительно черезъ два часа другому вору не посчастливилось. Одинъ часовой, прогуливаясь, внимательно посматривалъ на кусты молодыхъ пальмъ. Вдругъ ему показало-сь, что кустъ шевелится и переходитъ на другое мѣсто; онъ приготовился — и продолжалъ ходить съ притворною безпечно-стію. Вдругъ кустъ подвинулся къ самому часовому, выскочилъ Кабилъ и съ книжаломъ бросился на солдата, — но тотъ вса-диль ему штыкъ — и кустъ уже не вставалъ.

Въ два часа ночи выступили мы, чтобы застать Кабилонъ въ располхъ, — по у нихъ лазутчики были лучше нашихъ, и тамъ, гдѣ мы наѣхались напасть нечаянно, насъ встрѣтили ружейны-ми выстрѣлами. — и мы обратились къ Уар-Сенису. На вер-шинѣ одной горы открыли мы отъ пяти до шести сотъ Ара-бовъ, и разсѣявъ ихъ, овладѣли ихъ стадами.

Тутъ случилось очень странное происшествіе. Офицеръ ор-леанскаго полка Лоранъ, которому только что отрѣзали раненую ногу, положенъ былъ на носилки на мула; а чтобы уравни-вѣсить эту тяжесть, положили еще на другую сторону боль-наго солдата, почти уже умирающаго отъ лихорадки. Ко-гда мулъ спускался съ горы по узкой тропинкѣ, окруженной пропастями, — то вдругъ оступился и полетѣлъ въ бездну съ обоими больными. Всѣ вскрикнули отъ ужаса. Достали веревокъ, спустились на дно... Что-же? Мулъ всталъ уже на ноги и шп-наль очень спокойно траву. Лоранъ скользнулъ все по кустамъ, и не ушибся даже, а солдатъ, бывшій въ лихорадкѣ, выздоровѣлъ вдругъ, отъ сильнаго потрясенія.

18 мая перешли мы черезъ Уед-Фодха, и увидѣли на горѣ Арабовъ. Генералъ приказалъ попытаться взойти на вершину; — но она оказалась неприступною, а Кабилы скатывали оттуда на насъ цѣлые отломки скалъ. Наши егеря успѣли однакоже за-сѣсть на одной высотѣ, пониже гребня, и могли оттуда мѣтко стрѣлять въ Арабовъ, какъ скоро они показывались изъ-за

скалъ. Невѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, но вдругъ ударили отбой, — и мы спустились въ долину. Генераль узналъ отъ одного плѣннаго Кабила, что тропинки, по которымъ соотечественники его взобрали на гору, совершенно завалены; но что имъ самимъ нѣтъ выхода и у нихъ нѣтъ воды. А потому, не жертвуя бесполезно жизнью солдатъ, генераль велѣлъ ограничиться блокадою горы.

Два дни терпѣли Кабиля жажду, наконецъ прислали просить пощады, славаясь безусловно. Стада, жены и дѣти, какъ изступленные, бросились къ ручью, когда ихъ выпустили. Одни мужичины спокойно явились и сложили оружіе, все еще преодолевая страданія жажды. — Забравъ плѣнныхъ и десять тысячъ головъ скота, мы уже двинулись въ обратный путь, какъ вдругъ узнали, что цѣлое племя въ 1,500 всадниковъ, бѣжитъ мимо насъ къ югу. Генераль пустилъ противъ нихъ всю свою кавалерію, — т. е. двѣсти двадцать конныхъ егерей. Мужество замѣнило число. Они отрѣзали смѣлымъ нападеніемъ часть неприятельской колонны, и воротились съ 2,000 верблюдами и 80,000-нымъ стадомъ, кромѣ плѣнныхъ. Послѣ этого блистательнаго дѣла воротились мы въ Милану, отдохнули нѣсколько дней, возобновили припасы, и пустились опять по той же дорогѣ.

Случай привелъ насъ на мѣсто сраженія при Уед-Фодха, прославившаго два года тому назадъ наши войска. Генераль Шангарнье, командуя тогда отрядомъ въ 1,200 человекъ пѣхоты, 300 регулярной конницы и 400 Арабовъ, окруженъ былъ въ ужасной тѣснѣ Уед-Фодха нѣсколькими тысячами Кабиловъ. Они кричали Французамъ: «Вы вошли въ свой гробъ, и не выйдете уже изъ него.» Началась жестокая битва на прострѣнствѣ ста футовъ ширины. Французы шли по взохшему руслу рѣки, которой берега круто примыкали къ отвѣснымъ горамъ. Эти горы покрыты были неприятелями, низвергавшими на Французовъ камни, бревна и осыпавшими ихъ мѣтками пулями. Французы медленно двигались впередъ, не разстроивая своихъ рядовъ. До-ночи продолжалась рѣзня. Наконецъ Французы вышли изъ тѣснины и отбросили неприятелей.

Теперь наши дѣла были уже не въ такомъ положеніи. Теперь Абд-эль-Кадеръ не могъ уже писать намъ: «вы владѣете только тою землею, гдѣ стоятъ ваши солдаты.» Мы уже успѣли усмирить всѣ взволновавшіяся племена, и имя *Шангарни*, перешедшаго Арабами и значившее на ихъ языкѣ *поборитель враговъ*, внушало всѣмъ почтеніе и страхъ. Алжирія уже вся была

завоевана и покорена... Но увы! Въ это самое время генераль Шангарнье былъ отозванъ во Францію.

IV.

Въ мартѣ 1847 года стояли мы близъ Дуара, племени Ромзи. Всеобщій миръ царствовалъ повсюду, и праздность тяготѣла насъ. Вдругъ узналъ я, что пріятель нашего Араба Раледа, Могамедъ, отправляется на охоту въ пустыню, съ борзыми собаками и соколами. Я тотчасъ же отпросился, и съ Раледомъ отправился къ Могамеду.

Арабскіе талесбы (ученые) называютъ *Сееръ* ту неуловимую минуту утра, когда ночь уже не ночь, а день еще не день. Во время Рамадана, когда можно еще отличить черную нитку отъ бѣлой, правовѣрный долженъ еще хранить постъ. *Сееръ* предшествуетъ этой минутѣ. Арабскіе ученые выводятъ изъ этого слова названіе *Сагары*.

Первыя высоты Сагары, называемыя *Серреусъ*, составляютъ холмы одинаковой высоты. Издали кажется, что это морскія волны, внезапно остановившіяся. Почти изъ каждаго холма вытекаютъ источники, напоющіе окрестныя пажити, которыя, въ свою очередь, кормятъ безчисленныя стада овецъ, славящихся своимъ мясомъ и шерстью. Въ двадцати лье за этими холмами начинается настоящая Сагара. Это пустынная, безжизненная долина съ безплодными горами, пересѣкаемая оазисами, покрытыми пальмами, гдѣ весною и осенью стада находятъ пищу. Далѣе, — и весьма далеко, простирается таинственная степь псковъ.

Племена, обитающія на этихъ холмахъ, ведутъ кочующую жизнь. Ежегодно, запасшись съѣстными припасами, уходятъ они къ югу. Къ одному изъ этихъ-то племенъ, къ Гарарсамъ, отправлялись мы.

Когда мы пріѣхали, все было готово. Всадники сидѣли уже на коняхъ, которыхъ удивительная быстрота такъ славится во всемъ свѣтѣ.

Предводители носили на правой рукѣ *смегъ* (рукавицу), на которой сидѣлъ соколъ. У иныхъ было по два и по три сокола,

сидѣвшіе на плечѣ и на головѣ. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ уже видѣли опыты быстроты и искусства соколовъ. Нѣсколько зайцевъ и карфагенскихъ курочекъ были тотчасъ же затравлены.

Могамедъ, хозяинъ нашъ, ѣхалъ на одномъ изъ красивѣйшихъ коней, который, по словамъ арабскаго поэта, «могъ бы скакать на женской груди.» Этотъ конь имѣлъ историческую знаменитость. У Могамеда былъ точно такой же другой. Однажды попался онъ въ плѣнъ къ Абд-эль-Кадеру, но успѣлъ бѣжать; за нимъ пустились въ погоню. Онъ успѣлъ добѣжать до своей палатки, вскочилъ на одну изъ двухъ лошадей—и улетѣлъ. Онъ увѣренъ былъ, что теперь его уже никто не догонитъ. Но неприятели его были хитры. Одинъ изъ всадниковъ, видя, что другая лошадь его осталась, соскочилъ со своей, вспрыгнулъ на нее—и велѣлъ маленькому сыну Могамеда развязать конювью. Тотъ видѣлъ опасность отца. Только эта лошадь могла догнать его. Умный ребенокъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ голову и повалилъ ее мертвою. Это спасло Могамеда.

Едва хозяинъ нашъ окончилъ свой разсказъ, какъ гонецъ Ромзи прискакалъ и вручилъ намъ приказаніе возвратиться. Въ службѣ не разсуждаютъ, и мы тотчасъ же пустились обратно къ своимъ бивакамъ. Тутъ узнали мы, что мы назначены съ колонною генерала Гюю въ продолжительную экспедицію въ южные оазисы. Какъ мы обрадовались этой вѣсти! Давно хотѣли мы познакомиться съ этою таинственною для насъ странюю.

Двѣ тысячи верблюдовъ навьючены были нашими припасами, а всѣ мулы боченками съ водою, потому-что въ этой экспедиціи могло пройти нѣсколько дней, что мы не встрѣтили бы воды. Мы двинулись огромнымъ караваномъ,—и всякій старался добыть себѣ, въ теченіе дня, что-нибудь охотою, чтобы имѣть на вечернемъ бивакѣ свѣжее жаркое.

Черезъ два дни расположились мы биваками на берегу *Чот-совъ*. Это огромныя соляныя озера, пересыхающія лѣтомъ, но въ апрѣлѣ, когда мы шли, переходъ черезъ нихъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Надобно было идти по узкимъ тропинкамъ, гуськомъ, и раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ. Это было прелюбопытное зрѣлище. Издали, по необозримой стени соленыхъ озеръ тлнулись и пѣвивались, какъ черныя змѣи, наши караваны, то вдругъ расширяясь, то сжимаясь, то под-

вигаясь впередъ вверхъ ногами. Последнее было самое забавное дѣйствіе миража.

Проводникъ нашъ привелъ насъ къ колодезю, заваленному древесными вѣтвями. Вода была обильна и чиста. Когда вся колонна напилась, то колодець опять закрыли. Это неизбѣжная обязанность каждаго странника, потому-что вѣтви защищаютъ воду отъ засоренія пескомъ,—и вообще колодець въ Сагарѣ сдѣлался священнымъ предметомъ.

Пройдя эти озера мы продолжали нашъ путь къ югу по печальной пустынѣ. Эта пустота имѣетъ въ себѣ что-то печальное. Романисты говорятъ, что это высокое зрѣлище: нѣтъ, оно только стѣсняетъ сердце, а не возвышаетъ его. Кажется, что вся земля вокругъ заклеимена какимъ-то проклятіемъ. Самыя кочующія племена, ѣхавшія съ нами, были печальны. Жаръ былъ несносенъ. Въ часъ пополудни мы сдѣлали привалъ,—и ни одна капля воды не освѣжила засохшія наши горла. Вдругъ кавалерія, вѣхавъ на одно возвышеніе, испустила крикъ радости. Она увидѣла передъ собою большое озеро. Всѣ мы удвоили шаги, чтобы освѣжиться. Увы! по мѣрѣ, какъ мы подвигались, вода удалялась. Мы опять были обмануты миражемъ. Но проводникъ привелъ насъ къ колодезю—и мы утолили жажду.

На другой день поднялся ужасный ураганъ. Въ нѣсколько минутъ небо покрылось тучами, и термометръ вдругъ упалъ. Послѣ жестокаго зноя закрутилась снѣжная мятель. Въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Мы остановились—и кое-какъ развели огни. Всю ночь продолжалась эта мятель; насъ засыпало снѣгомъ—и мы цѣлые два дни простояли въ немъ, только на третій выяснилось, и при первыхъ лучахъ солнца пески поглотили снѣгъ. Но воздухъ все еще былъ холоденъ. Мы все поднимались въ гору, и наконецъ достигли до предѣловъ плоской возвышенности. Тутъ начали мы спускаться по направленію къ Шемлаѣ, но пустыня была также печальна и уныла. Не было никакой зелени. Подъ ногами нашими хрустѣла одна *альфа* съ солеными своими листьями, которые верблюды такъ любятъ, за то жаръ сдѣлался опять несносенъ—такъ что прибывъ въ оазисъ Шемаллы, мы обрадовались сухимъ фиговымъ деревьямъ и нѣсколькимъ пальмамъ.

Жители оазиса явились къ генералу съ подарками,—но мы не долго тутъ пробыли, а двинулись далѣе къ югу, къ Бу-Семруну, отказывавшемуся отъ платежа подати.

Пройдя песчаную долину, мы достигли до Бу-Семруна, который отличается отъ прочихъ селеній только своимъ мваре-

томъ и мечетью, красной архитектуры. Кто построилъ ее въ этихъ отдаленныхъ пескахъ? Вѣрно какой-нибудь плѣнный христіанинъ. Нѣсколько греческихъ крестовъ, изсѣченныхъ въ стѣнахъ, подтверждаютъ догадку.—Жители селенія бѣжали при нашемъ приближеніи, и мы заняли его безъ боя, потому-что и не считая подлужны сумасшедшихъ, засѣвшихъ на минаретѣхъ и рѣшившихся умереть.

Отдохнувъ здѣсь недѣлю, пустились мы къ послѣднему селенію Марабутовъ — Абіат-Сиди-Ширкъ. Теперь мы все шли подъ-гору, — и наконецъ достигли послѣдняго склона. Тутъ стоятъ четыре селенія племени Улед-Сиди-Ширковъ, соединенныя между собою тѣнистыми садами. Предводители явились къ генералу съ почтеніемъ и податью. Въ числѣ подарковъ были два маленькіе негра, струсы и галки. Эти селенія замѣчательны по странному метеорологическому явленію. Всякой день лѣтомъ, въ часъ молитвы мусульманъ (въ 3 по-полудни) гремитъ здѣсь громъ, поднимается вѣтеръ, гроза — и продолжается два часа.

У подножія этихъ горъ начинается настоящая песчаная пустыня. Волны песковъ остановились здѣсь, какъ бы повинуясь голосу Творца. Европейцы не идутъ уже далѣе, но Арабы продолжаютъ пускаться по тѣмъ же самымъ дорогамъ, которыя описаны въ Геродотѣ.

Однажды проводникъ каравана разсказалъ намъ цѣлое путешествіе, въ которомъ онъ участвовалъ по степямъ. Разскажемъ его читателямъ.

V.

Всякой годъ караванъ Арабовъ идетъ изъ Абіата-Сиди-Ширка, и идетъ черезъ Метелли до Судана.

Вспомнимъ прежде всего географическое распредѣленіе Африки. Отъ сѣвера до средины ея раздѣляется она на три половины, совершенно разнствующія между собою. Первая называется *Темля* или *страна зеренъ*, и идетъ постоянно возвышаясь до горъ. Горная полоса, называемая *Саара*, простирается отъ Темля до пустыни. Наконецъ — самая пустыня, которой уровень равенъ

морскому. Эта пустыня вовсе не такова, какъ ее изображаютъ поэты: *все песокъ и песокъ!* Нѣтъ! это неизмѣримыя равнины безъ воды, безъ деревьевъ, съ немногими только колодцами. Есть конечно и песокъ, часто вздымаемый бурями и принимающій тогда самыя фантастическія формы. Но есть и обширные оазисы.

За пустынею начинаются опять горы, съ вершинъ которыхъ открывается Суданъ, земля Негровъ, о которой такъ много разсказываютъ. Королевство Гаусса завоевано было тридцать лѣтъ тому назадъ бѣлымъ мусульманскимъ племенемъ называемымъ Феллахами. Такимъ образомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, въ то время, какъ христіанская держава основываетъ власть свою на сѣверѣ Африки, исламомъ заставляетъ силою оружія принимать законъ свой въ центрѣ.

И такъ, караванъ, вѣдомый Арабомъ Шеггудунъ, отправился изъ Метелли въ октябрѣ, прошелъ великій оазисъ Туата, землю Туареговъ — и въ мартѣ достигъ до королевства Гаусса. Разсказчикъ говоритъ слѣдующее:

«Въ Уагарѣ называемъ мы проводника каравановъ *хребриромъ*. Никто безъ него не пускается въ путь; такъ христіане думаютъ. Песчаная пустыня такое же море, на которомъ есть свои волны, бури и подводные камни. Хребриру повинуются все; у него есть *чауши*, для исполненія его приказаній, есть *шуафы* (видаціе), для развѣдыванія; писецъ для составленія актовъ и условій; глашатыи для объявленія распоряженій; *мудденъ* для созыванія на молитву — и наконецъ *иманъ* для совершенія ея. Хребриръ долженъ быть уменъ, храбръ и опытенъ. Онъ по звѣздамъ опредѣляетъ путь; знаетъ все колодцы, предусматриваетъ опасности, умѣетъ лечить болѣзни, укушеніе змѣй, переломы членовъ. Если вѣтъ звѣздъ, то онъ указываетъ путь по горсти травы.

Таковъ Шеггудунъ. У него три жены, онъ молодъ, высокъ и силенъ. Въ палаткѣ онъ веселъ и разговорчивъ, — но на пути скупъ на слова и не улыбается. Караванъ всегда идетъ съ торговою цѣлію и запасается товарами. Для продовольствія же, каждый беретъ съ собою: *саа* (мѣшокъ въ 80 килограммовъ) кускусу, полтора *саа* смоквъ; кожаный мѣшокъ масла, высушеннаго мяса, два мѣшка воды, кожаный мѣшокъ, чтобы поить верблюдовъ, двѣ пары обуви, иголки съ нитками, огниво и трупъ. Сѣверъ-того у каждого ружье съ двадцатью четырьмя боевыми патронами.

Караванъ всегда отправляется въ четвергъ, потому-что Про-

рокъ сказалъ: «Не отправляйся никогда иначе въ путь, какъ въ четвергъ, и всегда въ сотовариществѣ. Если ты одинъ, то злой духъ идетъ за тобою. Если двое,—то два злые духа за вами слѣдуютъ. Если же трое, то вы охранены отъ злыхъ помысловъ.—И когда васъ трое, то изберите себѣ начальника. Смотрите на первую встрѣчу, потому-что она всегда предвѣщаетъ удачу, или неуспѣхъ. Будьте всегда осторожны, потому-что кто сунетъ голову въ отруби, того будутъ клевать птицы»).

На первомъ почлегѣ, едва путешественники предалися сну, голосъ Шеггудуна разбудилъ ихъ: Онъ изъ двери палатки своей кричалъ: «Караульные! спите ли вы?»—«Не спимъ!»—отвѣчали всѣ голоса часовыхъ,—и молчаніе воцарилось. Черезъ часъ раздался тотъ же голосъ,—и такимъ образомъ каждый часъ проводникъ наблюдалъ за постами.

По мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ югу, Шеггудунъ становился бдительнѣе и осторожнѣе. Онъ не разъ осматривалъ ночью всѣ посты, и кричалъ лазутчикамъ, которые могли быть подосланы:

«Услышите тѣ, которые кружитесь около насъ: вы кружитесь около смерти.

Вы ничего здѣсь не найдете — и не увидите больше своей родины.

Если вы голодны;—придите—мы накормимъ васъ.

Если жаждете—мы напоимъ васъ.

Если голы—мы васъ одѣнемъ.

Если устали,—то отдохните между нами.

Мы путешествуемъ по своимъ дѣламъ,—и никому не хотимъ зла.»

Благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, прибыли благополучно до Уэл-эль-Гашера, гдѣ обыкновенно разбойники стерегутъ караваны. Здѣсь бдительность Шеггудуна еще удвоилась. Онъ объявилъ путешественникамъ слѣдующее:

«Говорите тихо, или лучше вовсе не говорите. Здѣсь молчаніе—золото.

«Завяжите рты у вашихъ верблюдовъ, чтобъ ржаніе ихъ не открыло вашего пребыванія.

«Не разводите на эту ночь огня, и довольствуйтесь однимъ смокнами. Не ходите за водою; слѣды ваши будутъ усмотрѣны врагами. Не курите и не высѣкайте огня. Табачный дымъ слышенъ издалека. Приготовьте оружіе, и не спите въ эту ночь.»

Наконецъ караванъ достигъ до Гелена, находящагося въ се-

ми переходахъ отъ Тимп-Муна, одного изъ главныхъ городовъ большаго оазиса Туата. Тамъ нѣсколько недѣль отдыхалъ караванъ. Гостепріимство тамъ свято для всѣхъ. Наканунѣ выступленія каравана, одинъ изъ жителей, Бу-Бекръ, пригласилъ путешественниковъ на прощальный обѣдъ. Всѣ знали, что у него прекрасный и веселый сынъ; просили привести его.

—Онъ спитъ теперь,—отвѣчалъ хозяинъ,—и никто не настаивалъ больше. За обѣдомъ долго сидѣли и много говорили, особливо о Франкахъ. Рассказывали, что они плутъ впередъ стѣсняя стѣною, и стрѣляютъ изъ всѣхъ ружей въ одинъ разъ; что они правдивы, что паши ихъ не грабятъ и что передъ ихъ законами бѣдный и богатый равны. Осуждали ихъ только, что не хранятъ своего достоинства, часто смѣются, не снимаютъ обуви при входѣ въ мечети и не молятся тамъ, что даютъ женамъ слишкомъ много свободы, что пьютъ вино, вѣдаютъ свиному и цѣлуютъ своихъ собакъ.

Пиръ продолжался до утра. Когда гости стали прощаться, хозяинъ сказалъ имъ:

«Я вчера сказалъ вамъ, что сынъ мой спитъ. Онъ передъ самымъ вашимъ приходомъ уналь съ крыши, гдѣ игралъ съ матерью,—и убили до смерти. Такъ было угодно Богу. Чтобъ не нарушить вашего удовольствія, я скрылъ свою печаль,—и велѣлъ даже молчать матери.—Теперь пойдемте хоронить его.»

Всѣ удивлялись твердости Араба,—но таковъ законъ гостепріимства. Хозяинъ долженъ удалить отъ гостя всякое неудовольствіе и огорченіе, потому-что Пророкъ сказалъ: «Будьте великодушны къ вашему гостю. Онъ приходомъ своимъ приноситъ вамъ свое благословіе,—и уходя уноситъ съ собою вашъ грѣхъ.»

Изъ Гелена караванъ сдѣлалъ переходъ къ Марабуту Сиди Магомету—у-Аллаалъ. Этого марабутъ извѣстенъ своею мудростію, и притчами. Вотъ одна изъ нихъ, которую каждый проводникъ рассказываетъ своимъ путешественникамъ:

«Однажды Сидни-Ансса встрѣтилъ *Шайтана*, который гналъ передъ собою четыре тяжело-нагруженные осла, — и спросилъ у него:

«Шайтанъ! Ты никакъ сдѣлался купцемъ?

—Такъ-точно, господинъ,—и произвожу самую выгодную торговлю.

«Какую же!

—Посмотри самъ, господинъ, я выбралъ четырехъ сильнѣй-

шихъ ословъ Сиріи. Одинъ навьюченъ всѣми возможными несправедливостями.

Другой навьюченъ завистями.

На третьемъ—все воровства и обманы.

На четвертомъ всѣ хитрости и обольщенія.

«Злой духъ! Аллахъ да проклянетъ тебя, — сказалъ Сидни-Аисса.

На другой день молвившійся на томъ же мѣстѣ Сидни-Аисса увидѣлъ опять возвращающаго шайтана. Тюки его были полны.

«Слава Богу! — ты ничего не продалъ, — сказалъ Сидни-Аисса.

— О вѣтъ, господинъ! — отвѣчалъ шайтанъ: черезъ часъ послѣ встрѣчи съ тобою всѣ мои тюки были уже проданы. Только на счетъ платы произошли нѣкоторыя затрудненія.

Судья велѣлъ заплатить мнѣ своему казначею, а тотъ обманулъ меня.

Ученые увѣряли меня, что они бѣдны.

Купцы брали меня воромъ, — а сами обкрадывали меня.

Одни женщины не торговались со мною — и все раскупили.

«Но тюки твои еще набиты, — возразилъ Сидни-Аисса.

«Да! деньгами, — отвѣчалъ шайтанъ. — Но ихъ надобно отвезти къ правосудію.

О дѣти мои! — прибавлялъ марабутъ. Довольствуйтесь немногимъ. Богачъ бѣднѣ невольника — если онъ жаденъ, — а бѣдный — веселъ — если доволенъ своею участію. Питайтесь одними произведеніями земли, пейте одну воду, — и вы умрете съ миромъ и въ счастіи.»

Далѣе, караванъ пришелъ въ Сиди-Могамет-Муль-Эль-Гандузь, — и положилъ тутъ нѣкоторое количество припасовъ у колодца, для голодныхъ странниковъ. Этого благочестивый обычай наблюдается всѣми. Другіе приходятъ, пьютъ и ѣдятъ. Всякой бѣднякъ знаетъ, что найдетъ тутъ пищу, — и вѣкто изъ нихъ не съѣстъ и не выпьетъ больше, нежели крайне необходимо для поддержанія силъ его. И это дѣлается въ пустынѣ... Но Богъ вездѣсущъ.

Туатъ — есть скопленіе нѣсколькихъ оазисовъ. Арабы говорятъ, что въ Туатѣ столько же селеній, сколько дней въ году. Два племени обитаютъ въ нихъ. Одно кочующее, другое осѣдлое. Въ Туми-Муафъ, присоединился къ каравану Шеггудуна другой изъ Тили-Кельга. Оба Хребира собрали всѣхъ путешественни-

ковъ и заставили ихъ присягнуть на коранѣ, что «всѣ они будутъ составлять одного человѣка и одно ружье.»

На другой день выступилъ соединенный караванъ — и скоро пришли въ Инсалахъ. Тамъ жила одна изъ женъ Шеггудуна, нѣсколько смѣшанной крови, жившая у отца. Здѣсь присоединился еще третій караванъ во сто пятьдесятъ человѣкъ и шесть сотъ верблюдовъ. Всѣ три избрали проводникомъ Шеггудуна. Онъ согласился и сказалъ имъ:

«Я готовъ васъ вести, — и вы не будете терпѣть ни голода, ни жажды. — Но мы вступили въ область Туареговъ, а они горды, сильны и неправосудны. Надобно имъ льстить. Помните пословицу: Если тотъ, до кого тебѣ нужда, сидитъ на одрѣ, то говори ему: какал у тебя господинъ, прекрасная лошадь. — Они злы и жадны, надобно ихъ дарить. Если я вамъ подамъ знакъ, — то поднесите подарокъ; если скажу: берегитесь, — то откройте глаза и уши.»

Туареги съ незапамятныхъ временъ обитаютъ между Сагарою и Нигеромъ. Они брѣются и носятъ длинные волосы. Оружіе ихъ длинное копье, сабля и кинжалъ. Только у предводителей ружья. Благодаря усердію Шеггудуна (у котораго и тутъ была жена), караванъ безвредно прошелъ тѣснины этой области.

Главное богатство Туареговъ, составляетъ особенная порода верблюдовъ, называемая *магара*. Они легче, быстрѣ обыкновенныхъ и больше переносятъ. Ихъ воспитываютъ въ палаткѣ, какъ дѣтей семейства.

Послѣ трудныхъ и утомительныхъ переходовъ, караваны достигли до горъ Судана. Тамъ растетъ *гашинъ*, котораго оуянненіе продается въ Тунисѣ и Триполи. Тамъ деревья, изъ которыхъ течетъ бѣлое гумми *ум-эль-наме*, — и тотъ кустарникъ съ широкимъ плодомъ, который служитъ вмѣсто масла для Арабовъ, — и наконецъ растение *бади*, котораго капустныя листья придаютъ кушанью кислый вкусъ лимона.

Наконецъ прибыли къ дѣлу путешествія въ Кашну, столицу королевства Гаусса. Король принявъ путешественниковъ ласково, и дозволилъ продать свои товары, кромѣ сукна, которое все закупилъ себѣ, платя за каждый аршинъ по невольнику. А какъ по расчету оказалось, что у него нѣтъ столько негровъ, то онъ тотчасъ же отправился съ войскомъ на охоту, и черезъ мѣсяць пригналъ ихъ множество. Три дни дается покупщику, чтобъ возвратить негра, если у него окажутся законные недостатки, а именно:

Дурная походка (то-есть: если нога за-ногу задѣвается.)

Дурные глаза и гнилые зубы;

Храпѣніе во-время сна;

Болезнь въ волосахъ (кунтунъ.)

Такимъ образомъ, караванъ, вышедшій въ августѣ, пришелъ въ Кашну въ апрѣлѣ,—и распродавъ свои товары, пустился въ обратный путь. Теперь, къ прежнимъ заботамъ, прибавился надзоръ за невольниками. Нѣкоторые успѣвали бѣжать, но *ки-обаты* всегда ихъ отыскивали. Эти люди знаютъ по слѣдамъ на пескѣ: кто и давно ли проходилъ.

Отыскивая однажды двухъ вмѣстѣ скованныхъ и бѣжавшихъ негровъ, кіофаты наткнулись на льва, спавшаго подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ одинъ бѣжавшій негръ. Другого левъ уже съѣлъ,—и цѣвь отъ него висѣла. Проворившій успѣлъ выжить, но лѣнвившій достался льву, который теперь отдыхалъ послѣ сытнаго обѣда.—Онъ однако же проснулся, видя толпу людей, идущихъ къ нему стѣною. Тихо всталъ онъ и ушелъ, оставивъ друга негра.

Безъ особенныхъ приключеній, Шеггудунъ привелъ обратно караванъ—и получилъ условную награду.

СТАРЫЯ ВАБУШИ АБУ-КАССЕМА. *Арабскія сказка.* — Жилъ былъ въ Багдадѣ старый купецъ, по имени Абу-Кассемъ, замѣчательный своею скупостію. Сундуки его были полны золота, но онъ никогда не бралъ оттуда ни одного сепкина, велъ жизнь нищаго, и старожилы не видали его иначе, какъ вѣчно въ одномъ и томъ же платьѣ; и каково было это платье! Балахонъ, давно потерявшій настоящій цвѣтъ свой, измятая чалма, испещренная безчисленнымъ множествомъ маленькихъ пятнушекъ, будто усѣянная звѣздами, и сквозившая какъ рѣшето, отъ порядочнаго количества дыръ, и наконецъ бабуши, столь часто чипенныя, подбиваемыя гвоздями всѣми башмачниками города, что безъ смѣха невозможно было смотрѣть на нихъ. Онъ былъ такъ смѣшны, что дали поводъ къ пословицѣ, и когда кто-нибудь говорилъ о чемъ-нибудь ветхомъ, тяжеломъ, невольномъ, то всегда прибавлялъ: *«какъ Абу-Кассемовы бабуши».*

Однажды нашему скупцу удалось воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ одного несчастнаго купца и купить у него за безцѣнокъ нѣсколько прекрасныхъ хрустальныхъ кувшиновъ съ розовой водою. Онъ былъ такъ восхищенъ выгодной сдѣлкой, что рѣшился издержать нѣсколько секиновъ. Это было для

него неслыханное дѣло. Но какъ отпраздновать свою покупку? Позвать обѣдать къ себѣ какого-нибудь родственника? Вотъ ужъ удовольствіе! Вся родня его есть за шестерыхъ, какъ проголодавшійся дервишъ. Не купить ли хорошаго кофе? Къ чему?... Онъ привыкъ пить дурной. Поразмысливъ хорошенько, нашъ скряга нашелъ, что гораздо благоразумнѣе, во что бы то ни стало, отправиться въ баню, гдѣ онъ давно не бывалъ.

Пока онъ раздѣвался въ передбанникѣ, одинъ изъ его родственниковъ, также пришелшій въ баню, осторожно сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній на счетъ его излишней скупости, и рѣшился даже сказать, что ему пора бросить свои старыя бабуши, сдѣлавшія его посмѣшищемъ всего Багдада. «Ладно! подумаю», проворчалъ себѣ подъ носъ недовольный Абу-Кассемъ, и быстро отвернувшись отъ докучливаго совѣтчика, вошелъ въ баню. По выходѣ оттуда, онъ увидѣлъ около своихъ ломотьевъ пару новыхъ бабужей. Мысль, что это подарокъ отъ родственника, съ которымъ онъ недавно здѣсь говорилъ, промелькнула въ умѣ его; онъ тотчасъ надѣлъ новыя бабуши и вышелъ. Зачѣмъ несчастный Абу-Кассемъ дотронулся до этихъ замѣтныхъ бабужей! Онѣ принадлежали кади, который вслѣдъ за куцомъ пришелъ въ баню, и послѣ него вышелъ оттуда. Почтенный судья весьма удивился на свой обуви; хватился искать, и наконецъ, въ самомъ темномъ углу представилъсь взорамъ разсерженнаго кади бѣднякъ, скромно стоявшій Абу-Кассемовы бабуши!—Какъ! этотъ бездѣльникъ укралъ мои бабуши. Сейчас привези его ко мнѣ. Стража высыпала на улицу, и подоспѣла къ Абу-Кассему въ ту минуту, какъ онъ готовился отворить дверь своего дома. Не смотря на его клятвы въ чистотѣ намѣреній, въ своей невинности, его посадили въ тюрьму, и вынули не раньше того, какъ онъ заплатилъ значительную сумму кади, въ вознагражденіе за свое неумышленное воровство.

Абу-Кассемъ возвратился домой въ отчаяніи. Скрестивъ руки на груди, онъ остановился передъ бабушами, виновниками его несчастія; долго изливалъ онъ на нихъ всю жолчь своихъ упрековъ; наконецъ не выдержалъ, схватилъ и съ сердцемъ швырнулъ ихъ въ Тигръ, огибавшій домъ его. Но случилось такъ, что какіе-то рыбаки, закинувъ неводъ въ рѣку, нѣсколько времени спустя послѣ казни бабужей, почувствовали въ немъ тяжесть и полагая, что это какой-нибудь кладъ, продали всевозможнымъ мечтамъ. Вотъ появились или ящикъ, полный драгоценными камнями, или мѣшокъ съ цехинами, — и съ но-

вымъ усилятся они тянуть къ себѣ неводъ. Каково же было ихъ отчаяніе, когда они вытащили изъ воды..... что бы вы думали? Абу-Кассемовы бабуши, которыя, своими страшными гвоздями даже прорвали имъ неводъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Въбѣшенныя этой неудачей, рыбаки взяли бабуши и бросили ихъ въ окно къ Абу-Кассему: надо же было случится, чтобъ онѣ упали на хрустальныя вазы съ розовой водой и разбили ихъ въ дребезги. Привлеченный необычайнымъ шумомъ, Абу-Кассемъ поспѣшилъ въ ту комнату, и съ ужасомъ, похолодѣвшимъ на безуміе, устремилъ взоръ на проклятыя бабуши, которыя уже заставили его однажды заплатить большія деньги за выкупъ себя, а теперь вышли изъ рѣки, чтобъ уничтожить самаго дорогаго ему вещи, и преспокойно купаются въ розовой водѣ. Вырвавъ клокъ бороды своей, Абу-Кассемъ вскричалъ въ изступленіи: «Проклятыя! Я стѣмью лишитъ васъ возможности болѣе вредитъ мнѣ». Потомъ унесъ ихъ въ свой садъ, вырылъ глубокую яму и закопалъ ихъ въ нее. Онъ уже зараннѣе яму, какъ одинъ изъ его сосѣдей, предававшійся кейфу на террасѣ дома, замѣтилъ его. Завистникъ и болтунъ, сосѣль этотъ не замедлил протрезвонить по всему кварталу, что онъ видѣлъ, какъ Абу-Кассемъ вырывалъ кладъ въ своемъ саду. Слухъ этотъ наконецъ достигъ ушей правителя города, который не замедлил потребовать къ себѣ несчастнаго Абу-Кассема, съ тѣмъ, чтобъ заставить его объяснить о справедливости клада. Въ случаѣ отказа бѣдному купцу угрожали палочными ударами. Абу-Кассемъ едва не лишился чувствъ; онъ билъ себя въ грудь, призывая въ свидѣтели имя пророка, и клялся, что онъ только зарылъ свои бабуши. Правителя это раздражило еще болѣе; ему казалось, что скупецъ смѣется надъ нимъ. Абу-Кассемъ уже чувствовалъ надъ собою поднятую палку, и ясно видѣлъ, что ничто не поможетъ ему противиться долге власти; и такъ, онъ рѣшился еще разъ выплатить опредѣленный штрафъ за тайное сокрытіе имущества, хотя готовъ былъ отдать лучше душу свою вмѣсто денегъ. Но теперь ужъ онъ рѣшился покончить со своими бабушами во что бы то ни стало, разъ на всегда.

Вечеромъ, когда затихъ на минаретѣ дребезжащій голосъ муэдзина, прогнавшаго обычное воззваніе къ народу, что Аллаха великъ и Магометъ пророкъ его, что настала часть молитвы и затѣмъ время предаться сну, и когда небо едва освѣщалось еще послѣдними лучами догорающаго дня, Абу-Кассемъ осторожно выползъ изъ дому, тихо прокрался по опустѣлымъ

улицамъ Багдада, и вышелъ за городъ. Осмотрѣвшись на всѣ стороны, и убѣдившись, что никто за нимъ не подсматриваетъ, онъ вытащилъ изъ-подъ полы свои заветныя бабуши и бросилъ ихъ въ водопроводъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ и слушалъ со вниманіемъ какъ летѣли его два заветные врага въ воду. Наконецъ, звукъ, ясно доказавшій ему, что бабуши достигли конца своего путешествія, привелъ его въ восторгъ, и съ неописанной радостью поспѣшилъ онъ домой, предаться давно-желанному спокойствію. безпрестанно возмущаемому его заклятой обувью. Увы! лукавыя бабуши готовили еще не одну штуку!

На слѣдующее утро, багдадскія кумушки, отправившись за водой, были весьма удивлены, когда увидѣли, что въ бассейнахъ ни одной капли. Начались толки, жалобы, народъ собрался толпою около пустыхъ бассейновъ; надсмотрщики надъ водопроводомъ, испуганные, боясь подвергнуться строгой ответственности, бѣгали въ разныя стороны, и наконецъ, опустили въ самыя водопроводы, чтобъ изслѣдовать не попали ли въ трубы какія-нибудь постороннія тѣла. Дѣйствительно, нашли что-то твердое, недопускавшее воду течь въ трубу и принудившее ее разлиться по окрестнымъ полямъ. Съ большимъ трудомъ достали эту вещь, и увидѣли, что это было ни что иное, какъ слишкомъ извѣстныя Абу-Кассемовы бабуши. Опять обвиненія, опять заключенія въ тюрьму, опять выкупъ. Просто раззоренье для бѣднаго купца; опасались даже за жизнь его. Наконецъ, онъ снова очутился, бѣдный, истомленный, постарѣлый десяти годами, одинъ въ своемъ домѣ, передъ адскими бабушами:

— Что же мнѣ дѣлать съ вами? вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: какимъ мукамъ предать васъ? Разрубить на тысячу кусковъ? Тогда, вмѣсто двухъ враговъ у меня ихъ будетъ тысяча! Остается одно средство, это—сжечь васъ.

И стиснувъ ихъ въ своихъ тощихъ, трясшихся отъ злости рукахъ, онъ пошелъ къ жаровнѣ; но замѣтивъ, что бабуши еще сыры отъ ночнаго путешествія, рѣшился высушить ихъ сперва, чтобъ опять не испытать неудачи и въ послѣднемъ своемъ намѣреніи. Для этой цѣли положилъ онъ ихъ на край террасы, чтобъ солнце могло просушить ихъ.

— Не успѣлъ онъ отойти на два шага, какъ молодая собака его сосѣда прыгнула къ нему на террасу, и желая обнюхать одну изъ бабушъ, печально уронила ее на улицу. Эта бабуша упала на голову проходившей тутъ въ это время женщины.

— Помогите! рѣжутъ! закричали тотчасъ всѣ кумушки квартала.

— Кого зарѣзали? гдѣ убійца? спрашиваютъ мужчины, покидая свои занятія.

Толпа растетъ съ минуты на минуту, и осаждаетъ дверь Абу-Кассемова дома. Хотятъ тотчасъ же изжарить скрагу или изрубить на мелкіе куски.

Тогда старикъ рѣшился обратиться къ кади.

По его просьбѣ отвели его къ почтенному судѣ. Здѣсь, повергнувшись во прахъ предъ мудрымъ блюстителемъ законовъ, вмѣстѣ съ роковыми бабушми, Абу-Кассемъ вскричалъ:

— Неизскаемый источникъ мудрости, ослабляющее свѣтло, о, всесильный кади! Ты видишь передъ собою двухъ фурій, поклявшихся погубить меня. Я былъ счастливъ, велъ тихую, спокойную жизнь — онѣ уничтожили мое спокойствіе, сократили жизнь. Издай, издай повелѣніе, по которому могъ бы извѣститься весь Багдадъ, что, по-крайней-мѣрѣ, будущія ихъ злодѣянія не будутъ мнѣ болѣе приписываемы. Если жъ не хочешь исполнить этой просьбы, отдаю жизнь свою въ твои руки — вели меня казнить.

Кади невольно улыбнулся, услышавъ столь странную просьбу; впрочемъ, онъ издалъ желанное повелѣніе, приказавъ прочесть его на всѣхъ перекресткахъ улицъ, и на этотъ разъ удовольствовался только тѣмъ, что замѣтилъ Абу-Кассему о необходимости во-время мѣнять свои бабуши.

ДВОЙНИКЪ. — *Истинное происшествіе.* На сѣверѣ Солерно, посреди цѣпи Аппениновъ, столь богатой разнообразными и живописными видами, возвышается красивый замокъ; свѣжіе, густые сады совершенно скрываютъ отъ обитателей стѣны, которыя его окружаютъ. Этотъ замокъ съ одной стороны господствуетъ надъ обширною равниною Калабріи, гдѣ разстилается Постумъ, съ другой — надъ величественнымъ Средиземнымъ моремъ, такъ хорошо названнымъ поэтами:

«La mer aux flots d'or et d'azur.»

Противуположность улыбающейся природы съ лѣснымъ мѣстоположеніемъ, которое разстилается у подошвы горы, составляетъ картину поэтическую и полную прелести для всякаго путешественника, котораго случай, а можетъ-быть и прихоть завлекли въ этотъ уголокъ Италіи, почти совсѣмъ забытый. Замокъ принадлежалъ въ 1811 году маркизу де-Спина, который,

какъ многіе другіе Итальянцы, присоединился къ Французамъ, и занималъ одну изъ первыхъ должностей при дворѣ новаго неаполитанскаго короля, Іоахима Мюрата.

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней сентября этого года, въ полдень, молодой человѣкъ, въ мундирѣ гвардіи короля неаполитанскаго, ѣхалъ верхомъ по каменистой дорожкѣ, которая вела къ замку; онъ, казалось, былъ занятъ пріятными мечтами, потому-что улыбка, полная надежды, воодушевляла его благородную и прелестную физиономію; а глаза, машинально блуждавшіе съ одного предмета на другой, доказывали, что не красоты природы занимали его въ настоящую минуту.

Подѣхавши къ рѣшоткѣ онъ позвонилъ, и отдавъ лошадь старику сторожу, чрезъ померанцовыя и платановыя аллеи, чрезъ роши миртъ и акацій, достигъ наконецъ до самаго замка. Лакеи, въ богатыхъ ливреяхъ, сидѣли въ мраморной передней галереѣ. Увидѣвъ молодого офицера, они поспѣшно встали, и одинъ изъ нихъ, проведя его чрезъ длинный рядъ великолепно убранныхъ комнатъ, открылъ обѣ половинки двери, и доложилъ:

— Графъ Эболл.

Комната, въ которую входилъ молодой человѣкъ, была огромная зала, украшенная рѣзною работою изъ чернаго дерева, съ широкими окнами, сторы которыхъ не дозволяли свѣту совершенно проникнуть туда. Внезапный переходъ отъ яркаго свѣта въ полумракъ не позволялъ ему сначала различить предметы, но при его имени легкій крикъ послышался въ глубинѣ залы; въ тоже самое время кто-то сказалъ:

— Добро пожаловать, мой другъ, — и человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ благороднымъ и открытымъ лицомъ, маркизъ де-Спина, пожалъ ему руку, между-тѣмъ какъ слегка покраснѣвшая дочь маркиза привстала, и грустнымъ поклономъ отвѣчала на привѣтствіе молодого графа.

— Мы васъ сегодня совсѣмъ не ожидали, другъ мой, сказалъ маркизъ де-Спина, показывая ему стулъ: ужъ не ѣдете ли вы?

— Точно-такъ, сивьоръ. Маршрутъ войска перемѣненъ, потому я еще свободенъ на одинъ день, которымъ и воспользовался, чтобы еще разъ проститься съ вами и съ моей прелестною невѣстою.

— Очень, очень благодаримъ васъ, Фердинандо. Лодовика не сказала ни слова; она только подняла на молодого человѣка взглядъ, полный признательности.

— Будете ли вы когда-нибудь вспоминать о томъ, который любить васъ болѣе, нежели самую жизнь, сеньора? пѣжно спросилъ Эболи у молодой дѣвушки, послѣ довольно продолжительнаго разговора.

— Неужели вы сомнѣваетесь? отвѣчала она съ живостію: о это не хорошо!

— Увы! мнѣ необходимо быть увѣреннымъ въ этомъ, для того, чтобы я могъ спокойное перенести тяжесть разлуки. Мы, можетъ-быть, долго не увидимся, милая Лодовика; позвольте мнѣ вручить вамъ это кольцо, которое будетъ вамъ напоминать, что моя судьба навсегда связана съ вашею.

Лодовика посмотрѣла на отца; и по знаку маркиза протянула молодому офицеру свою прелестную руку, на палецъ которой онъ надѣлъ простое золотое кольцо, на которомъ блистала изумрудъ.

— Это кольцо мнѣ досталось отъ моей матери, съ волненіемъ сказала онъ: пусть съ высоты небесъ благословитъ она насъ обоихъ. Теперь прощайте, милая Лодовика; прощайте, батюшка.

— Вы уже оставляете насъ? спросилъ маркизъ.

— Чтѣ дѣлать, необходимо; мнѣ вѣлно возвратиться до наступленія ночи; а посмотрите, прибавилъ онъ, идя къ окошку, солнце скоро скроется....

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте, мой другъ, и возвращайтесь съ славнымъ именемъ.... Вы знаете, какая награда васъ ожидаетъ.

— Я постараюсь сдѣлаться достойнымъ ея! вскричалъ молодой человекъ съ жаромъ.

— Хорошо, другъ мой; не позабудьте, что во мнѣ вы имѣете отца.

— Какимъ образомъ могу я позабыть это, сеньоръ? Не вы ли тотъ, которому я обязанъ славою и счастіемъ.

— Вашъ отецъ былъ лучшимъ моимъ другомъ, Фердинандо; я долженъ замѣнить его вамъ. Это письмо, которое онъ написалъ ко мнѣ предъ самою своею смертію, священо для меня. Онъ просилъ меня представить васъ новому королю, я исполнилъ его волю. Государь васъ любитъ, и вы имѣете предъ собою блистательную будущность. Но замѣйте, другъ мой, отдавая за васъ мою дочь, я не уступаю ничему, какъ только влеченію, которое чувствую къ вамъ, и только оно одно могло заставить меня вѣрить вамъ то, что всего дороже для меня на свѣтѣ: вы ее сдѣлаете счастливою, не правда ли?

— О, клянусь предъ Богомъ! вскричалъ Эболи. Прощайте, милая Лодовика, прибавилъ онъ, преклонивъ колѣно и взявъ руку молодой дѣвушки, на которой напечатлѣвъ почтительный поцалуй.

— Прощайте, Фердинандо.... Я буду молиться за васъ Богу, сказала она едва слышнымъ голосомъ и отвернувшись, чтобы отереть слезу.

— Довольно, довольно, вскричалъ маркизъ, чтобы скрыть волненіе, которое произвела на него эта сцена. Поѣзжайте, сынъ мой, не хорошо, если его величество упрекнетъ васъ въ томъ, что вы не исполнили его повелѣнія.

Эболи, не будучи въ состояніи произнести слова, съ усніемъ оторвался отъ своей невѣсты, крѣпко сжалъ руку маркиза, и поспѣшно вышелъ изъ залы; его лошадь, которую одинъ изъ слугъ держалъ за узду, ожидала его за рѣшеткой. Молодой человекъ вскочилъ на нее и медленно удалился отъ замка, на каждомъ шагѣ оборачиваясь, чтобы еще разъ взглянуть на Лодовику, которая, стоя на балконѣ, смотрѣла ему вслѣдъ, опершись на руку своего отца. Онъ обернулся въ послѣдній разъ — и медленно скрылся за горою....

Вечеромъ того же самаго дня, Лодовика, рано возвратившись въ свою комнату, и отославъ своихъ прислужницъ, отворила стеклянную дверь маленькаго кабинета, который находился подле ея комнаты, и сѣла на балконѣ. Этотъ балконъ, построенный на краю уединеннаго павильона, выходилъ съ одной стороны на дорожку, чрезвычайно крутую, а съ другой на глубокой ровъ, на днѣ котораго шумѣлъ ибистый потокъ, скрытый подъ чащею лиственницы, верхія вѣтви которой доходили до самаго балкона.

Ночь была тихая и свѣтлая, мірады звѣздъ блистали на небѣ, на этомъ сводѣ храма, куполь котораго — неизмѣримость.

Опершись на руку, молодая дѣвушка предавалась совершенно своимъ мечтамъ. Волнуемая то страхомъ, то надеждою, она воображеніемъ слѣдила за любимымъ женихомъ. Она слѣдовала за нимъ во всѣхъ опасностяхъ и случаяхъ войны; потомъ ей представился тотъ счастливый день — день, въ который они должны на вѣкъ соединиться.... Вдругъ послышался какой-то шорохъ. Можетъ-быть это шелестъ листвень?... но въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтра; покрывало, которое она накинута на голову, не колебалось. Молодая дѣвушка начала прислушиваться. Опять послышался тотъ же шорохъ, но на этотъ разъ почти подлѣ нея. Въ это самое мгновеніе высокія вѣтви лиственницы ти-

хонько раздѣлились, и при слабости свѣтъ звѣздъ, она могла различить фигуру человека. Лодовика затрепетала, кровь бросилась къ ея сердцу, она уже готова была бѣжать, когда слова: Не бойтесь ничего! — произнесенныя знакомымъ ей голосомъ, заставили ее остаться на мѣстѣ.

Предъ нею былъ Эболи.

— Именемъ Бога, Фердинандо, вскричала она, видя, что онъ готовился вспрыгнуть на балконъ: тамъ внизу пропасть!..

Но молодой человекъ былъ уже подлѣ нея, и преклоня колѣна, умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Простите мнѣ, милая Лодовика, я не могъ возвратиться въ Неаполь, не повидавшись еще разъ съ вами. Съ тѣхъ-поръ, какъ я васъ оставилъ, я, какъ тѣнь, бродилъ около вашего замка; можетъ быть мое отсутствіе будетъ продолжительное...

Вместо всякаго отвѣта, Лодовика протянула ему руку. Они сѣли и долго оставались безмолвны. Оба, безъ сомнѣнія, думали объ разлулкѣ; потомъ возобновили клятвы въ вѣрности предъ прекраснымъ небомъ, которое, казалось, внимало имъ.

— Дайте мнѣ локоть вашихъ волосъ, Лодовика! сказа молодой человекъ умоляющимъ голосомъ.

И обнявъ кнѣжалъ, онъ отсѣкъ одинъ изъ шелковистыхъ локоновъ, которые ниспадали на прелестныя плечи молодой дѣвушки; въ то же самое мгновеніе нѣсколько капель крови упали на обнаженную руку испуганной Лодовики.

— Это будетъ воспоминаніемъ этого вечера, сказалъ Эболи, и смѣясь показалъ ей на легкую царяницу, которую конецъ кнѣжала провелъ на его лѣвой рукѣ. Молодая дѣвушка, краснѣя, отстегнула голубую ленту, обхватывавшую ся талию, и перевязала рану своего жениха.

— О! благодарю, вскричалъ онъ, пряча локоть у сердца: это будетъ щить, который отвратить отъ меня удары неприятелей. Милая Лодовика, не забывайте бѣднаго Фердинандо!..

Въ послѣдній разъ пожалъ онъ ей руку, однимъ прыжкомъ перескочилъ ровъ, и спустился по крутой дорожкѣ. Лодовика, наклонившись съ балкона, трепещущая отъ ужаса, внимательно прислушивалась къ шуму шаговъ, постепенно ослабѣвавшихъ, — и скоро найдъвъ горной пѣсни далъ ей знать, что молодой человекъ былъ на большой неаполитанской дорогѣ и въ совершенной безопасности.

Лодовика ни слова не сказала объ этомъ своему отцу. — Когда Эболи возвратился въ лагерь, король возложилъ на него исполненіе одного дѣла, въ которомъ онъ долженъ былъ пока-

зать и храбрость и благоразуміе. Надобно было проѣхать чрезъ страну, занятую неприятельскими войсками, достигъ до города, принадлежавшаго Французамъ, отдать депеши, и на слѣдующее утро возвратиться въ лагерь. Самъ король ввѣрилъ Фердинанду депеши и сказалъ ему пароль.

Уже темнѣло, когда Фердинандо, сѣвъ на свою любимую лошадь, поѣхалъ чрезъ поля и виноградники, тщательно избѣгая большой дороги. Делѣмъ мечтами славы и счастья, онъ опустилъ поводья, и ввѣрился инстинкту своей лошади. Вдругъ послышались голоса. Эболи соскочилъ съ лошади, привязавъ ее къ дереву и осторожно сталъ пробираться вдоль плетня. Прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ онъ достигъ берега маленькой рѣчки, которая составляла границу позиціи Австрійцевъ. Съ депешами въ одной рукѣ, онъ готовился скинуть платье, чтобы переплыть рѣчку, какъ вдругъ два человека бросились на него изъ за кустарника, который скрывалъ ихъ, и прежде нежели успѣлъ онъ сдѣлать хоть одно движеніе, чтобы защищаться, онъ былъ связанъ и положенъ на дно маленькой лодочки, которая быстро понеслась по теченію.

Послѣ первой минуты изумленія отъ этого неприятнаго происшествія, онъ началъ размышлять: былъ ли онъ во власти бандитовъ или пѣвнижъ Австрійцевъ? Эта послѣдняя догадка была правдоподобнѣе. Но прежде, нежели успѣлъ онъ убѣдиться въ этомъ, лодка остановилась. Онъ былъ перенесенъ въ домъ, что онъ заключилъ по перемѣнѣ температуры, потомъ чрезъ нѣсколько минутъ, все-таки въ совершенномъ безмолвіи, взялъ у него депеши, съ него скинули платье, перстни, которые онъ носилъ на рукѣ; на него надѣли другую одежду, и шумъ веселья возвѣстилъ ему, что похитители удалились.

Нѣсколько часовъ онъ былъ въ отчаяніи, думая о своемъ неисполненномъ препорученіи, видя, что то время, въ которое онъ бы могъ исполнить его, проходило въ мучительномъ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи провелъ онъ ночь. Первые лучи солнца согрѣли его, но въ то же время къ его душевнымъ страданіямъ присоединилось мученіе еще болѣе жестокое — голодъ, страданіе, въ которомъ онъ не хотѣлъ сначала сознаться. День прошолъ, ночь опять возвратилась, и съ нею увеличилось страданіе молодого офицера. Члены его совершенно онѣмѣли; онъ чувствовалъ, что на лбу у него выступала холодный потъ. Неужели ему суждено умереть съ голода?... Звукъ голоса долетаетъ до его напряженнаго слуха; онъ слышитъ, что кто-то входитъ въ комнату, развѣзываетъ ему руки и ноги, снимаетъ

повязку... нѣсколько капель воды возвращаютъ ему употребленіе всѣхъ чувствъ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя — онъ въ бѣдной хижинѣ, подлѣ него молодая крестьянка и пастухъ лѣтъ 10-ти. Эболи пытался узнать отъ нихъ о тѣхъ, которые его бросили сюда, но они ничего не видали, и только случайно пришли сюда. Освободители его предложили ему молока и хлѣба, и онъ принималъ это съ величайшею признательностью. Куда ему надлежало теперь идти? Преслѣдовать ли похитителей или возвратиться въ лагерь? Фердинандо посмотрѣлъ на свою одежду и рѣшился на послѣднее. Не смотря на то, что онъ былъ еще очень слабъ, Эболи шелъ безъ отдыха цѣлую ночь, и около трехъ часовъ утра достигъ наконецъ лагерь. Часовой окликнулъ его. Онъ сказалъ пароль — его взяли какъ шпіона, и отвели къ дежурному офицеру. Фердинандо объявилъ свое имя и требовалъ, чтобы его привели къ королю, но офицеръ отвѣчалъ, что графъ давно уже возвратился отсюда, куда его послали, и привезъ королю вѣрный во всемъ отчетъ. Эболи настаивалъ, говоря, что какой-нибудь обманщикъ принялъ его имя. Въ это самое время пришли нѣкоторые изъ его друзей. Онъ рассказалъ имъ свое приключеніе, и этотъ рассказъ достигъ до самаго короля.

Морать нашелъ это приключеніе до того страннымъ, что приказалъ привести молодого человѣка къ себѣ, позвалъ также и Эболи.

Фердинандо вошелъ въ палатку короля и совершенно нечаянно увидалъ свой образъ въ зеркалѣ... Онъ испугался. Загорѣлое лицо, растрепанные волосы, разодранное платье, до того измѣнили его, что онъ усомнился, узнаютъ ли его. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что вошелъ офицеръ однихъ съ нимъ лѣтъ, одинаковаго съ нимъ роста, одѣтый въ его платье?... Та же походка, тотъ же видъ, тѣже черты лица; онъ заговорилъ, и голосъ его казался эхомъ голоса Эболи. Когда мнимому графу объявили о томъ, зачѣмъ его призвали, онъ хладнокровно сказалъ, обратясь къ Фердинандо:

— Вы мнѣ дѣлаете честь, сивьоръ, избравъ меня своимъ двойникомъ. Къ несчастью у меня есть два или три предмета, которые я люблю такъ сильно, что, навѣрно, вы мнѣ простите, если я откажусь переимѣниться съ вами нашими положеніями.

Раздраженный такимъ безстыдствомъ, Фердинандо возмѣнилъ намѣреніе рѣшить оружіемъ, кто истинный графъ Эболи?

— Мнѣ очень досадно, что я долженъ, другъ мой, отказать вамъ въ этомъ, съ ироніею отвѣчалъ мнимый графъ: но я спра-

шиваю васъ, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ офицерамъ, могу ли я, не унижая себя, сражаться съ этимъ негодяемъ?

Король, не сомнѣваясь болѣе, строго сказалъ Фердинанду:

— Почитайте себя счастливымъ, что я не велю васъ разстрѣлять, какъ шпіона. Васъ выведутъ изъ лагеря подъ прикрытіемъ; но не забывайте, что васъ ожидаетъ строгое наказаніе, если вы осмѣлитесь когда-нибудь вновь показаться и будете продолжать вашъ обманъ.

Ярость, стыдъ, горестъ стѣснили сердце Фердинанда. Онъ увидѣлъ себя въ нѣсколько минутъ лишеннымъ имени и званія; обидный слова обманщика и угрозы короля безпрестанно раздавались у него въ ухахъ. Но скоро бодрость и надежда возвратились къ нему. Онъ рѣшился возвратиться въ виллу Спины, чтобы маркизъ могъ удостовѣрить всѣхъ, что онъ истинный графъ Эболи. Фердинандо былъ совершенно безъ денегъ, и не имѣлъ по близости ни родныхъ, ни друзей, которые могли бы протянуть ему руку помощи. Онъ долженъ былъ идти, тщательно избѣгая жилищъ, и останавливался только для того, чтобы попросить у крестьянъ винограда или свѣжихъ плодовъ; наконецъ онъ пришелъ на виллу.

Съ трудомъ могъ онъ говорить слугъ, чтобы они допустили его къ ихъ господину. Маркизъ принялъ его съ удивленіемъ, потому-что въ этихъ лохмотьяхъ довольно трудно было узнать свѣтскаго графа Эболи. Не менѣе пораженный выраженіемъ его голоса, онъ привелъ его въ свой кабинетъ, съ нетерпѣніемъ ожидая объясненія. Едва только Фердинандо успѣлъ кончить рассказъ своего страннаго приключенія, какъ вдругъ послышался топотъ лошади, и черезъ нѣсколько времени, лакей отворилъ обѣ половинки двери, и доложилъ:

— Графъ Эболи.

Мнимый графъ граціозно поклонился маркизу, потомъ съ изумленіемъ вскричалъ, обращаясь къ Фердинанду, и бросивъ на него взоръ, полный ненависти и презрѣнія:

— Вы здѣсь!

Фердинандо холодно приветалъ. Не смотря на свою усталость, не смотря на лохмотья, въ его холодномъ поклонѣ было столько достоинства, что маркизъ въ-самомъ-дѣлѣ узналъ въ немъ сына своего друга. Онъ посмотрѣлъ на мнимаго графа — то же самое достоинство было и на его лицѣ.

— Я не ожидалъ, сказалъ мнимый графъ: чтобы послѣ угрозы короля, этотъ несчастный осмѣлился продолжать эту комедію....

Но видя, что недоумѣніе маркиза все болѣе и болѣе увеличивается, онъ прибавилъ:

— Я воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы повѣстить моего будущаго отца и мою прелестную невесту.

— Какъ! вскричалъ Фердинандо, не будучи болѣе въ состояніи удержатъ себя: не довольный тѣмъ, что присвоилъ мое имя, ты еще осмѣливаешься занять мое мѣсто въ домѣ отца моего?...

Слезы ручьями полились изъ глазъ молодаго человека, и онъ закрылъ лицо руками.

— Этотъ дворець — есть дворець моего отца! дерзко вскричалъ мнимый графъ.

— И земля не разверзается, чтобы поглотить обманщика! вскричалъ Фердинандо, изумленный такою дерзостью.

Маркизь посмотрѣлъ на нихъ, и недоумѣніе его еще болѣе увеличилось. Теперь, несмотря на нищенскую одежду Фердинандо, что-то говорило ему въ его пользу.

— Это сомнѣніе неспоспо, сказалъ онъ наконецъ. Я пошлю за своею дочерью, ея рѣшеніе будетъ мѣримъ. Можно положиться на прощательность женщины, и въ особенности влюбленной. Онъ велѣлъ ее позвать. Улыбка торжества проскользнула на губахъ у каждаго изъ нихъ. Недоумѣніе маркиза все болѣе и болѣе увеличивалось.

Лодовика, узнавъ о пріѣздѣ жениха, полная счастья и радости, вошла въ кабинетъ. Она уже хотѣла подойти къ тому, который былъ въ офицерскомъ мундирѣ, какъ вдругъ голосъ, хорошо ей извѣстный — голосъ Фердинандо, произнесъ ея имя. Она не вѣрила глазамъ своимъ. Маркизь разсказалъ ей обо всемъ въ немногихъ словахъ, и просилъ рѣшить, кто изъ нихъ настоящій графъ Эболи.

— Синьора, не гнушайтесь мною, сказалъ Фердинандо, потому-что я являюсь предъ вами въ такомъ видѣ. Ваша любовь можетъ мнѣ возвратитъ честь и счастье.

— Я не знаю, что съ вами сдѣлалось, отвѣчала молодая дѣвушка, но во всякомъ случаѣ я узнаю въ васъ графа Эболи.

— Лодовика, сказалъ мнимый графъ: вы обманулись, однимъ словомъ могу я доказать, что я настоящій графъ Эболи!

— Лодовика, возразилъ Фердинандо громкимъ и торжественнымъ голосомъ: это я надѣлъ на вашу руку обручальное кольцо, предъ Богомъ и вашимъ отцемъ; ваша судьба была вѣрена мнѣ — развѣ вы не помните этого!

Мнимый графъ молча приблизился къ молодой дѣвушкѣ,

преклонилъ колѣна, и вынулъ съ груди голубую ленту и локонъ черныхъ волосъ.

— Узнаете ли вы это? тихо спросилъ онъ, страстно взглянувъ на нее. Щеки Лодовики покрылись рѣзкимъ румянцемъ. Она обратилась къ отцу, и сказала, указывая на мнимаго графа:

— Вотъ Фердинандо.

Тщетно спорилъ Эболи, маркизь хотѣлъ его посадить въ темницу, и только по просьбѣ мнимаго графа онъ былъ съ безчестіемъ выгнанъ изъ замка. Ярость вторично раненаго льва ничтожна въ сравненіи съ яростью, которая сжала сердце Фердинандо.

Первою заботою Эболи было идти въ кабинетъ, ключъ отъ котораго имѣлъ только онъ одинъ. Онъ преклонилъ колѣна предъ миниатюрнымъ портретомъ своего отца, который весь былъ осыпанъ бриліантами, и попросилъ предъ этимъ изображеніемъ отцовскаго благословенія. Потомъ, наскоро подкрѣпивъ свои истощенныя силы, онъ легъ спать, утѣшая себя, по крайней-мѣрѣ, тѣмъ, что онъ спокойно проведетъ ночь подъ отеческой кровлей.... Около полуночи дверь въ его комнату отворилась, и вошелъ маркизь Синна. Фердинандо лишился свободы. Богатый портретъ, найденный на груди его, показался для всѣхъ явнымъ доказательствомъ, для чего онъ пришелъ сюда. Онъ былъ отданъ въ руки правосудія, посаженъ въ темницу, и осужденъ на всю жизнь на галеры.

Около вечера того дня, когда онъ долженъ былъ покинуть Неаполь, чтобы, съ своими несчастными товарищами, идти работать на дорогахъ Калабріи, дверь его темницы отворилась и онъ увидѣлъ мнимаго графа. Молча смотрѣлъ на него обманщикъ, вмѣстѣ и съ торжествующею радостію и съ жалкимъ состраданіемъ. Фердинандо остался холоденъ и безмолвенъ. Онъ страдалъ, но не хотѣлъ показывать страданія своего торжествующему мучителю. По лицу мнимаго графа можно было видѣть, какая борьба происходила въ его сердцѣ. Онъ отвернулся, чтобы возвратитъ присутствіе духа, которое въ этомъ преступномъ замыслѣ не оставляло его еще до-сихъ-поръ. Фердинандо первый прервалъ молчаніе:

— Чего хочешь отъ своей жертвы торжествующій преступникъ? холодно спросилъ онъ.

— Чувство состраданія привело меня сюда. Я страдаю, видя того, кого принимали за меня, въ такомъ ужасномъ положеніи.

Возьмите это золото—оно отворитъ вамъ дверь темницы. Исполните только одно условіе—и вы свободны.

— Какое же это условіе?

— Подпишите эту бумагу.

Рука мнимого графа дрожала, когда онъ подавалъ ему бумагу, всю исписанную, по которой графъ долженъ былъ сознаться въ своемъ обманѣ. Негодованіе Фердинанда ясно можно было прочесть въ глазахъ его. Не сказавъ ни слова, онъ разорвалъ бумагу и бросилъ клочки.

— Если вы противитесь это сдѣлать потому, что надѣетесь получить руку Лодовики, вскричалъ мнимый графъ: то знайте, она уже принадлежитъ мнѣ, я ея мужъ....

Фердинандо поблѣднѣлъ и положилъ руку на сердце. Потомъ переломивъ себя, преодолѣвъ горечь, онъ сложилъ руки на груди и пристально посмотрѣлъ на обманщика.

Мнимый графъ не могъ снести пронзительнаго взгляда своей жертвы, онъ затреничалъ, и потупивъ глаза, отошелъ къ самой двери.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, закричалъ онъ, уходя: но вспомните, что я приходилъ сюда за тѣмъ, чтобы предложить вамъ свободу.

Дверь темницы затворилась. Фердинандо не имѣлъ болѣе никакого утѣшенія на этомъ свѣтѣ; онъ преклонилъ колѣна на влажной соломѣ, и закрывъ лицо руками, плакалъ и молился.

На слѣдующій день толпа колодниковъ оставила Неаполь.

Между ними находился графъ Эболи.

Лодовика не была замужемъ за мнимымъ графомъ, но день свадьбы былъ уже назначенъ; какъ вдругъ внезапная смерть маркиза замедлила ее. Сирота, чтобы провести время траура, уѣхала къ одной старой теткѣ, въ замокъ, принадлежавшій ихъ фамиліи. Тщетно мнимый графъ употреблялъ все способы, чтобы переимѣнить это рѣшеніе, Лодовика осталась непоколебима. Она позволила ему часто навѣщать ее.

До сихъ-поръ мнимый графъ такъ искусно велъ свой обманъ, что не подалъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію. Теперь мало-по-малу и подъ различными предлогами онъ старался окружить Лодовику людьми ему преданными, которые получали отъ него приказъ слѣдить за каждымъ шагомъ сироты, такъ что въ скоромъ времени она сдѣлалась совершенною дѣвнницей въ собственномъ своемъ замкѣ. Такъ какъ она привыкла, какъ и все Италиянки, къ полной свободѣ, то этотъ присмотръ

казался ей неспособнымъ. Первые сомнѣнія вкрались въ ея сердце и для нея довольно было нѣсколькихъ вопросовъ, чтобы убедиться, что ея подозрѣнія справедливы.

Не имѣя надежды на совѣтъ или на помощь старой тетки, она рѣшилась на послѣднее средство. Лодовика намѣрена была ѣхать въ Неаполь, упасть къ ногамъ короля, рассказать ему всю эту странную исторію, и просить возвращеніе настоящаго Эболи. Уже она хотѣла дать свои приказанія къ отъѣзду, какъ ей объявили, что она даже не можетъ выйти изъ своей комнаты. Присутствіе духа не оставило ее. Нѣсколько минутъ тому назадъ это было робкое дитя, теперь негодованіе дало ей необыкновенную смѣлость. Она велѣла позвать своего тюремщика.

Мнимый графъ не заставилъ себя дожидаться. Этотъ зовъ казался ему хорошимъ предзнаменованіемъ.—Онъ пришелъ полный надежды.

— Вы меня звали, Синьора? сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, отвѣчала она холодно: мнѣ хочется знать, не по вашимъ ли приказаніямъ я здѣсь, у себя—плѣнница?

— Синьора, сказалъ онъ, запинаясь.... ревность не извинительна ли.... когда любить?...

— Довольно вамъ обманывать, я вамъ болѣе уже не вѣрю, сказала она съ гнѣвомъ, вы обманщикъ, а настоящій Эболи—ваша жертва....

Она не могла кончить и зарыдала.

— Да, вскричалъ мнимый графъ: я васъ обманывалъ! Мнѣ также надоѣла эта роль. Да, настоящій Эболи тотъ самый, котораго вы отвергнули, но имя, которое я присвоилъ себѣ—есть также имя моего отца. Я старшій братъ Фердинандо.

— Вы! вскричала молодая дѣвушка съ удивленіемъ.

— Да, синьора. Только у него имя, почести, богатство; у меня бѣдность и презрѣніе!... Матеею, мать мою, любилъ покойный графъ Эболи; онъ долженъ былъ на ней жениться, но честолюбіе заставило его вступить въ бракъ съ другою, отъ которой онъ имѣлъ другаго сына. Онъ позабылъ Матеею и ея дитя. Моя мать была Корсиканка. Выступъ съ ея молокомъ сохалъ я мечь, и въ особенности ненавижу къ тому, кто похитилъ въ свѣтѣ мое мѣсто. Я былъ старшій; имя, титулы моего отца должны бы принадлежать мнѣ; каково же было мнѣ видѣть, что ихъ носитъ другой? Онъ наслаждался всѣми почестями въ то время, какъ я былъ невѣстень! Чудное сходство между братомъ

и мною пригодилося мнѣ удивительно какъ хорошо; мое постоянство слѣдало остальное. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ преслѣдовалъ я Фердинандо, подражая его походкѣ, голосу, посвящая себя во все его секреты. Что я претерпѣлъ въ эти четыре года, не возможно выразить. Принужденный безпрестанно перемѣнять одежду, чтобы скрыть мое сходство съ братомъ, моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было бродить около этого замка, входъ въ который былъ мнѣ запрещенъ; но я надѣялся, что двери его скоро для меня отворятся. Когда Фердинандо пріѣхалъ съ вами проститься, снѣвора, я слѣдовалъ за нимъ подъ одеждою стараго пилигрима; потомъ я его догналъ въ Неаполѣ, отсюда съ помощію двухъ австрійскихъ бѣглецовъ слѣдовалъ за нимъ въ эту ночь, когда я исполнилъ свои намѣренія.... Я много страдалъ! но за то какова была моя радость, когда предъ королемъ я увидѣлъ себя въ почестяхъ, а его — униженнымъ! Теперь вы все знаете, снѣвора. Я васъ обманывалъ, — это правда, но я васъ люблю съ того самаго времени, какъ Фердинандо въ первый разъ былъ къ вамъ представлень. Въ этотъ день, подъ ливреею одного изъ его слугъ, я ушвался вашими взорами и словами, но только они относились къ другому! Вы даже и не подозрѣвали объ моемъ существованіи!...

Потомъ онъ громко вскричалъ:

— Я старшій сынъ графа Эболи, слѣдовательно, и вашъ женихъ. Не вы ли признались мнѣ въ любви на виллѣ Спина?... Лодовика, оттолкнете ли вы теперь того, кого вы видѣли у вашихъ ногъ, кому вы дали локоны вашихъ волосъ?...

— Оставьте меня! вскричала она съ негодованіемъ: я люблю Фердинандо, а не васъ. Что нужды, что сходство обмануло меня? Я не буду имѣть другаго мужа, кромѣ того, котораго выбралъ мой отецъ.

— Лодовика, Лодовика! Не отвергайте меня!

— Оставьте меня! отвѣчала она: вашъ видъ наводитъ на меня ужасъ!...

— О, вы меня полюбите, я хочу этого! вскричалъ онъ отрывистымъ и глухимъ голосомъ. Лодовика! вы будете моею женою!

— Никогда! вскричала она съ отчаяніемъ.

Все ея мысли сосредоточились теперь на томъ, кого она не узнала, на своемъ благородномъ и несчастномъ женихѣ.

— Это я виновата, говорила она въ отчаяніи. О! Фердинандо! прости меня! Я виновата. Зачѣмъ разговаривала я съ нимъ на балконѣ! Нѣкоторые изъ заключенныхъ получили прощенье!...

можетъ-быть и Фердинандо въ числѣ ихъ; но какъ узнать объ этомъ, какимъ образомъ достигъ до короля?... Счастливая мысль блеснула въ умѣ ея, и она рѣшилась исполнить ее.

Когда все въ замкѣ уже спали, когда никакой шумъ не нарушалъ уже тишины корридоровъ, она тихо вышла изъ своей комнаты, спрятала лампу подъ-полу своей мантии, прошла чрезъ длинную галерею, и вошла въ высокую и пустую комнату, гдѣ находилось оружіе и платье древнихъ обитателей замка. Молодая дѣвушка посиѣшно одѣлась въ платье нажа, въ лѣвую руку взяла шляпу, въ правую шкатулку съ ея драгоценными вещами и нѣсколькими золотыми монетами. Потушивъ лампу, охотно спустилась она по потасенной лѣстницѣ, которая выходила въ часовню, въ которой въ продолженіе дня и ночи теплилась лампадка. Лодовика положила на полъ свою шляпу и шляпу и усердно просила у Святой Дѣвы заступничества; потомъ, полная надежды, встала, отворила потасенную дверь и очутилась въ полѣ.

Вокругъ нея возвышались хребты Аппениновъ, надъ нею мрачное, покрытое облаками небо; спяный и холодный декабрьскій вѣтеръ жалобно вылъ. Безъ всякаго страха Лодовика смѣло шла впередъ, и вскорѣ начала взбираться на одну изъ горъ. Такимъ образомъ блуждала она цѣлую ночь, цѣпляясь за кустарники, чтобы взойти на крутизны, такъ, что къ утру все ея платье было разорвано. Она собрала остатокъ силъ своихъ, выпила нѣсколько капель воды изъ прозрачнаго источника и продолжала свой путь. Но около полудня, не будучи въ состояніи идти далѣе, она развела руками кустарникъ, чтобы положить туда свою шкатулку и отдохнуть, какъ вдругъ въ скалѣ, которая находилась позади нея, увидѣла отверстіе, поскользнулась и очутилась въ какой-то щель, въ которую свѣтъ проникалъ сверху, чрезъ узкую расщелину. Виноградъ, хлѣбъ и бутылка вина стояли посредищѣ, на высокомъ камнѣ.

Молодая дѣвушка робко посмотрѣла вокругъ себя, и не вида никого, сѣла за этотъ грубый столъ. Облокотившись на него, она предалась воспомнаніямъ и нѣсколько слезъ упало изъ прелестныхъ глазъ ея. Она провела нѣсколько времени въ этомъ положеніи, мечтая о своемъ отцѣ, о своихъ несчастіяхъ, о бѣдномъ Фердинандо, какъ вдругъ едва слышный шорохъ прервалъ ея мечты. Она съ испугомъ обернула голову и испустила радостный крикъ.... Подъ одеждою странника она узнала Фердинандо!

Различныя ощущенія, которыя со вчерашняго дня волновали кровь ея, усталость, радость, лишили ее остальныхъ силъ. Когда она пришла въ себя, тогда увидѣла возлѣ себя человѣка лѣтъ сорока, съ суровымъ и смуглымъ лицомъ, съ холоднымъ и дикимъ взглядомъ.

— Не бойтесь ничего, сказалъ ей Фердинандо: это здѣшній хозяинъ....

Фердинандо сѣлъ возлѣ нея. Сколько вещей они должны были пересказать другъ другу! Сколько событій случилось съ тѣхъ-поръ, какъ они въ послѣдній разъ видѣлись!

Лодовика разсказала ему смерть своего отца, свою печаль, подозрѣнія, которыя родились у нея къ мнимому графу, и которыя такъ скоро превратились въ увѣренность, свое бѣгство.

Очередь была за Фердинандомъ. Его исторія была коротка. Послѣ кратковременнаго заточенія его, при разсмотрѣннн обвинительныхъ противъ него документовъ, не найдя ихъ достаточно основательными, освободили Фердинандо. Съ тѣхъ поръ онъ находилъ единственнымъ утѣшеніемъ блуждать около тѣхъ мѣстъ, гдѣ надѣялся наслаждаться счастьемъ семейной жизни съ прекрасною Лодовикою.

Молодая дѣвушка была еще слишкомъ слаба, чтобы отправиться въ путь, и потому осталась почевать въ пещерѣ, входъ которой защищала Фердинандо. На другой день, въ недалекомъ разстояніи отъ пещеры, отлучаясь заводой, нашелъ онъ лежащаго на травѣ брата своего, который преслѣдуя Лодовику, попался разбойникамъ, былъ ограбленъ ими и получилъ нѣсколько ранъ.

— Братъ! вскричала Фердинандо, протягивая ему руку.

Сынъ Матен успѣлъ опомниться, всталъ и бросился къ нему въ объятія. Имя брата, произнесенное нѣжнымъ голосомъ, тронуло его до глубины сердца.

— Но простишь ли ты маѣ! сказалъ онъ, перерывающимся отъ слезъ голосомъ, прижимая брата къ сердцу.

— Я забылъ все, отвѣчалъ Фердинандо, и все съ Лодовикою отправились въ Неаполь.

Спустя нѣсколько времени блистательная свадьба праздновалась на виллѣ Спина. Присутствіе Мюрата и Христины, прелестной королевы, сестры Наполеона, придавали царскій блескъ этому празднику. Во-время обѣда пирующие съ удивленіемъ замѣтили напротивъ молодыхъ супруговъ челоуѣка, котораго голось, манеры, который однимъ словомъ весь былъ чрезвычай-

но похожъ на молодаго графа Эболи. Фердинандо просилъ короля, чтобы онъ позволилъ утвердить за его старшимъ братомъ имя и все права, которыми онъ долженъ былъ пользоваться по старшинству.

Скоро наступилъ 1812 годъ, и два брата, находясь при особѣ короля, сопровождали его въ несчастномъ походѣ въ Россію. При переправѣ чрезъ Березину, Фердинандо, сброшенный съ лошади упалъ въ воду.... онъ скрылся.... сынъ Матен бросился вплавь, схватилъ своего брата за руку, достигнулъ съ нимъ берега, и такимъ образомъ спасъ ему жизнь. Но это успіе уничтожило послѣднія его силы, уже ослабѣвшія тяжелою раною....

— Прощай, братъ, сказалъ онъ Фердинанду: тебѣ обязанъ я именемъ отца моего, тѣнь моей матери удовлетворена, умираю спокойно, потому-что моя смерть хотя немного загладитъ проступки мои противъ тебя! Прощай!... посвяти свою жизнь той, которая такъ тебя любитъ.... будь счастливъ!...

Впоследствии Фердинандо и Лодовика часто съ любовью вспоминали объ своемъ братѣ. Это происшествіе истинно; оно происходило въ послѣднихъ годахъ владычества Мюрата, и было разсказано самому автору въ Неаполѣ, однимъ изъ родственниковъ графа Эболи.

ДВѢ СТРАШНЫЯ ТАЙНЫ. — *Разсказъ Поль-де-Кока.* — Адели Ренневаль минуло двадцать четыре года, а она не была еще за-мужемъ. Не отличаясь поразительною красотою, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя привлекаютъ общее вниманіе на балахъ, на концертахъ, на которыя обращаются лорнетки въ театрѣ (вниманіе, часто бывающее въ тягостъ тому, на кого обращено), Адель имѣла очень умное и пріятное лице, которое располагало въ ея пользу; ея черные глаза были не очень велики, не очень томны, но привѣтливы, и это выраженіе придавало еще болѣе прелести ея разговору; Адель изъяснялась съ пріятностію: когда она говорила, ее находили хорошенькою.... тогда какъ мы видимъ въ обществѣ много красавицъ, которыя не выигрываютъ, когда ихъ слушаешь.

Адель получила блистательное воспитаніе. Дочь искуснаго адвоката, который не оставлялъ ей паслѣдства, потому-что дѣйствовала всегда добросовѣстно и не брался за неправыя дѣла, доставляющія всегда больше выгодъ; Адель Ренневаль, имѣя съ своею матерью необходимое для безбѣднаго существованія, за-

нямалась съ успѣхомъ музыкой и живописью, и даже поэзіею, страстно любила чтеніе, знала наизусть много отрывковъ изъ лучшихъ авторовъ; наконецъ она писала стихи, но тайкомъ, и показывала ихъ только нѣкоторымъ пріятельницамъ, съ условіемъ, что они никому ничего не скажутъ; само-собою-разумѣется, что пріятельницы въ свою очередь разсказывали это своимъ пріятельницамъ, съ тѣмъ же самымъ условіемъ. Въ обществѣ всегда такъ хранятся секреты.

Адель Ренневаль прослыла въ свѣтѣ женщиной-артисткой: это обыкновенно означаетъ женщину, выходящую въ манерахъ, въ обращеніи, въ разговорѣ, болѣе откровенности, болѣе увлеченія; однимъ словомъ, женщина артистка должна всегда имѣть что-нибудь особенное. По-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе, которое обыкновенно составляется объ нихъ, а я знаю многихъ, совершенно не похожихъ на описанный мною портретъ.

На двадцатомъ году Адель Ренневаль лишилась матери и перешла жить къ старой теткѣ, единственной ея родственницѣ. Тетушка получала пять тысячъ ливровъ годового дохода и была туга на ухо. Адель была наслѣдницей своей старой родственницы и имѣла своего дохода двѣ тысячи франковъ, следовательно, была приличная партія для многихъ искателей невѣсты. Дѣвица пріятной наружности, стройная, умная, съ талантами, и которая современемъ должна была получать семь тысячъ франковъ доходу, кажется, не должна была засидѣться въ дѣвчачь.

Почему же до двадцати четьрехъ лѣтъ, Адель Ренневаль не нашла себѣ еще мужа?

Не нашла! Быть можетъ она и многихъ находила. Дурныя, глупыя, злыя и тѣ ихъ находить, а Адель не была изъ такихъ. Развѣ она всѣмъ отказывала?... Быть можетъ, будучи умная, имѣла таланты, она желала встрѣтить тѣ же самыя достоинства и въ своемъ мужѣ, и требуя многого, не нашла ничего? Нѣтъ: умныя и любезныя женщины не взыскательны: свисходительныя къ недостаткамъ и къ слабостямъ другихъ, онѣ знаютъ, что совершенства нѣтъ на землѣ.

Такъ почему же Адель Ренневаль не была еще замужемъ? Объ этомъ предметѣ было множество предположеній, и тотъ, кто болше всего толковалъ объ этомъ, былъ мужчиною лѣтъ пятидесяти пяти, отставной чиновникъ, жившій своею пенсіею, потерявшій уже трехъ женъ, и запятый теперь единственно за-

ботою о томъ, что дѣлалось у сосѣдей и даже въ цѣломъ его кварталѣ.

Мосей Молларъ не могъ нравиться: съ круглыми, выпученными глазами, съ приплюснутымъ носомъ, съ острымъ подбородкомъ, съ вдавненнымъ лбомъ и съ поднятыми, какъ у ужа, волосами, нельзя быть красивымъ даже въ двадцать лѣтъ, особенно если къ этому присоединить гордый и самонадѣянный видъ. Слѣдовательно, Молларъ былъ всегда дурень собою, и съ лѣтами неприятое выраженіе его физиономіи еще усилилось. Не смотря на то, онъ былъ вдовцомъ послѣ третьей жены.... И всѣ три жены его были очень милы!..

Первою женою его сдѣлалась молодая дѣвушка, только что вышедшая изъ пенсіона. Она мечтала о балахъ и удовольствіяхъ. Ея мужъ, ужасно ревнивый, держалъ ее въ заперти и никогда не вывозилъ въ свѣтъ. Она умерла отъ скуки и томленія, спустя два года послѣ свадьбы.

Мадамъ Молларъ *вторая* была гризетка живая, рѣзвая, вѣтрляная, которая согласилась выйти за него за-мужъ, чтобъ быть госпожей, а не для того, чтобъ жить съ нимъ въ уединеніи. Молларъ, по прежнему ревнивый, хотѣлъ держать въ заперти и вторую жену, и обходиться съ нею, какъ съ первою, но на этотъ разъ ошибся. Мадамъ Молларъ вторая дала ему щелчки и уѣзжала на балъ раза четыре въ недѣлю; она прожила съ нимъ три года въ полномъ удовольствіи, и кончила жизнь внезапно отъ восналенія въ легкихъ, которое было слѣдствіемъ одного галопя.

Мосей Молларъ не былъ огорченъ этой потерей.

Мадамъ Молларъ *третья* была страстная вдовушка. Молларъ, наученный опытомъ, хотѣлъ и ее держать въ заперти, какъ первую. Но мадамъ Молларъ не жаловала уединенія. Нѣсколько лѣтъ спустя, Молларъ овдовѣлъ въ третій разъ.

Три несчастныя попытки должны бы, кажется, вылечить его отъ влеченія къ женитбѣ, однако Молларъ, будучи въ такихъ лѣтахъ, когда уже не могъ подурить болѣе, обратилъ вниманіе на Адель Ренневаль.

Посѣщая старую тетушку, съ которою онъ иногда игралъ въ карты, Молларъ увидѣлъ тамъ Адель. Онъ узналъ, что она свободна, и что отказала многимъ женихамъ; онъ былъ восхищенъ ея миловидностію, ея умомъ, и рѣшился ухаживать за нею.

Адель не замѣчала ни взглядовъ, ни вздоховъ Моллара; она

не могла предполагать, чтобъ онъ рѣшился искать ея руки. Замѣтивъ, что вздохи его пропадають даромъ, Молларъ задумалъ приступить къ рѣшительному объясненію, что и исполнилъ въ присутствіи глухой тетушки.

Едва Адель поняла въ чемъ дѣло, какъ расхохоталась такъ громко, что звуки смѣха ея дошли даже до слуха тетушки, и она спросила, о чемъ у нихъ дѣло.

— Ничего, тетушка, сказала Адель: мосей Молларъ декламируетъ сцену любовнаго объясненія!... Онъ, не смотря на свои дѣта, очень веселаго характера; къ тому же онъ дѣлаетъ такія гримасы, когда играетъ роль влюбленнаго, что я теперь понимаю, почему у него жены умирали!... Онъ, вѣрно, слишкомъ много смѣялся, глядя на него.

Одураченный Молларъ увидѣлъ, что все надежды его тщетны, и самъ обратилъ свои слова въ шутку; но въ глубинѣ души сохранилъ чувство досады и желаніе отомстить: самолюбіе глупца очень раздражительно; онъ не прощаетъ того, что умный легко и скоро забываетъ.

Молларъ продолжалъ посѣщать мадамъ Бремонтъ, тетушку Адели; онъ слушалъ, наблюдалъ, разспрашивалъ. Разъ вечеромъ старушка выиграла въ карты, и была веселѣе обыкновеннаго; онъ началъ съ нею разговаривать о племянницѣ, и узналъ, что Адель три раза чуть-было не пошла къ вѣнцу.

— Три раза! говорилъ Молларъ, восхищенный, что слѣлалъ это открытіе: какія же причины растроивали свадьбу?

— Гм?... спросила старушка, наклоняясь ухомъ къ Моллару.

Онъ приставилъ ротъ къ самому уху, и повторилъ тотъ же вопросъ.

— Причина, сказала мадамъ Бремонтъ: а я и сама не знаю!... Молодыя дѣвушки такъ мечтательны!... то, что имъ нравится сегодня, противно завтра.

— Вѣроятно женихи ей не нравились?

— Гм!...

Молларъ опять нагибается къ уху и повторяетъ вопросъ.

— Нѣтъ! женихи нравились Адели!... Первый былъ молодой человѣкъ, очень красивый собою. Уже все было готово, чтобъ подписать контрактъ, какъ мосей племянницѣ слѣлалось дурно, и послѣ этого она отказала. Второй былъ военный, очень статный. За обѣдомъ, въ день обрученія, Адель также упала въ обморокъ, и не захотѣла за него идти за-мужъ. Наконецъ третій былъ литераторъ, очень умный и любезный; но въ одинъ вечеръ племянница во-время разговора съ нимъ, вдругъ лпши-

лаея чувствъ, и эта третья свадьба разошлась, какъ и двѣ первыя.

— Удивительно, непостижимо! Но отчего же вашей племянницѣ дѣлалось дурно?... Тутъ должна быть какая-нибудь причина!... Безъ причины не можетъ слѣлаться дурно!... особенно женщинѣ-артисткѣ, которая не жеманится!... Она, вѣроятно, сказала вамъ причину?

— Гм!...

Молларъ закричалъ въ самое ухо старушкѣ, которая ему отвѣтила наконецъ:

— Племянница мнѣ только и сказала: я не хочу идти за него замужъ!... онъ мнѣ больше не нравится!... я въ немъ разочаровалась. — Такъ какъ я ни въ чемъ ей не противорѣчу, то и не настаивала!... Если она хочетъ остаться дѣвушкой, такъ зачѣмъ же и принуждать ее идти замужъ?

Молларъ не могъ узнать ничего больше. Уставъ кричать на ухо глухой старушкѣ, онъ ушелъ; но то, что онъ узналъ, сильно занимаетъ его воображеніе. Молодая дѣвушка падаетъ въ обморокъ и отказывается послѣ этого своимъ женихамъ!... Тутъ что-то крестя!... и Молларъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

— Или Адель имѣетъ какіе-нибудь скрытые недостатки, въ которыхъ она не смѣетъ признаться тому, за кого выходитъ замужъ, или она имѣетъ какія-нибудь слабости, и боится, чтобъ ихъ не открылъ ея жениху, или чувствуетъ непреодолимое отвращеніе отъ замужства пли!... что-нибудь другое. Но во всякомъ случаѣ, что-нибудь да есть!

Слѣ-тѣхъ-поръ, какъ онъ знаетъ исторію обмороковъ и раз-молвокъ съ женихами, Молларъ выдумалъ новую тактику, чтобъ вывѣдать еще что-нибудь. Когда онъ съ дѣвницею Ренневаль, онъ всегда найдетъ для разсказа какое-нибудь приключеніе, и наблюдаетъ за физиономіей молодой артистки, чтобъ видѣть какое это производитъ на нее впечатлѣніе.

То молодая дѣвушка узнаетъ передъ самою свадьбою, что ея женихъ любилъ другую и взмѣнилъ ей; то женихъ открываетъ, что его невѣста уже любила другаго. Но Адель слушала все эти разсказы совершенно равнодушно; часто даже вовсе не слушала ихъ, и Молларъ приходилъ въ отчаяніе.

Одна молодая дама, сосѣдка Адели, подружилась съ нею. Эта дама была очень счастлива замужемъ, и безпрестанно хвалила своей новой подругѣ пріятности семейной жизни.

— Почему вы не выходите замуж? сказала однажды мадамъ Дюлессей, Адель.

— Я и сама не знаю! отвѣчала Адель, смѣясь.

— Она не замужемъ, потому-что не хотѣла, сказалъ Молларъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ: три раза мадамъ Адель чуть-чуть не вышла замужъ.

— Кто это вамъ сказалъ? спросила Адель, смотря съ досадою на Моллара.

— Ваша тетюшка сказала мнѣ, что вамъ всякой разъ дѣлалось дурно, когда вы...

— Хорошо, хорошо, довольно! сказала Адель съ нетерпѣливостію: тетюшка можетъ-быть шутила, а вы нескромны!

— Сударыня, я....

— Если я не вышла замужъ, такъ это, вѣроятно, потому, что не хотѣла.

— Я и самъ такъ думалъ, сударыня; но.... когда не знаешь причинъ...

— Кажется, я не должна вамъ отдавать отчета.

— Конечно нѣтъ, сударыня; и потому я....

— Довольно!

Молларъ замолчалъ; но онъ слѣдилъ такую жалкую мну, что Адель покатилась со смѣху, и вскричала:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, мосѣ Молларъ, мнѣ кажется, еслибъ я васъ знала прежде, то, вѣрно, никто не осмѣлился бы прива-заться ко мнѣ. Вы при мнѣ точно тоже, что пугало, которое ставится въ садахъ, чтобъ пугать и отгонять птицъ.

— По моему лучше быть пугаломъ, чѣмъ быть подвержену частымъ обморокамъ: отвѣчалъ Молларъ насмѣшливымъ тономъ.

Адель прикусила себѣ губы, а старій волокита уходитъ въ восхищеніи, что сказалъ колкость.

Сосѣдка не отставала отъ своего намѣренія; она любила устраивать сватьбы. Она опять навела разговоръ на свой любимый предметъ.

— Любозная Адель, сказала она однажды: я знаю одного человека, пріятеля моего мужа, который бы пришелъ вамъ по вкусу: ему тридцать четыре года, онъ хорошъ собою.... это никогда не лишнее въ мужѣ, потому-что обыкновенно, хорошее лицо неразлучно съ добрымъ характеромъ.

— Правда, сказала Адель, я замѣтила, что дурные собой всегда злые другихъ.

— Это очень натурально; имѣть досадно, что они дурны. На-

конецъ, этотъ человекъ имѣетъ и состояніе; онъ уменъ, имѣетъ таланты, любезенъ. Позвольте мнѣ его вамъ рекомендовать.

— Сдѣлайте одолженіе. Если даже онъ мнѣ не будетъ годиться въ мужья, то его общество мнѣ будетъ всегда пріятно.

Мадамъ Дюлессей не замедлила познакомиться г. Перроннема съ Аделью, которая нашла, что сосѣдка не польстила молодому человеку. Онъ былъ любезенъ, веселъ; его обращеніе свидѣтельствовало о хорошемъ воспитаніи; вообще онъ имѣлъ все тѣ достоинства, которыя заставляютъ забывать неловкость, обыкновенно бывающую при встрѣчѣ съ незнакомымъ человекомъ.

Адель находить, что г. Перроннѣ очень любезенъ, и не скрываетъ этого отъ мадамъ Дюлессей; сосѣдка, съ своей стороны, разспрашиваетъ молодого человека, котораго она хочетъ женить, и узнаетъ съ великой радостью, что Адель ему очень нравится.

Что касается до старой тетюшки, то она становилась такъ глуха, что не было никакой возможности съ нею разговаривать. Не будучи въ состояніи вести разговора, старушка сѣдлась играть въ карты тотчасъ послѣ завтрака; и только въ угоду ей Адель принимала Моллара, который соглашался проводить цѣлыя дни за никемъ, потому-что во время игры съ тетюшкою, онъ слушалъ и подсматривалъ за племянницей.

Прибытіе незнакомца сначала удивило Моллара; г. Перроннѣ ему не понравился съ перваго взгляда.

— Онъ хорошъ, и, кажется, любезенъ, думалъ онъ,—а эти качества считаются недостатками въ глазахъ людей безобразныхъ и глупыхъ. Такіе люди похожи на лисицу: они осуждаютъ то, чего сами не имѣютъ; они даже часто стараются обратить смѣхъ на то, что, въ глубинѣ души, составляютъ предметъ ихъ зависти.

Наконецъ, кажется Адель находить удовольствіе слушать и видѣть г. Перроннеа. Это удивляетъ досаду Моллара; кто влюбленъ и не имѣетъ надежды понравиться, тотъ не можетъ безъ тайной зависти смотрѣть на счастливаго соперника.

Г. Перроннѣ очень часто посѣщаетъ домъ госпожи Бремонъ. Адель съ каждымъ днемъ чувствуетъ къ нему больше расположенія. Вскорѣ уже ясно было видно, что г. Перроннѣ влюбленъ въ Адель, и что онъ старается свискать и ея любовь.

Молларъ наблюдаетъ, удивляется и иногда отпускаетъ какую нибудь колкость.

— Эта свадьба устроится, я увѣрена въ этомъ, сказала мадамъ Дюплесси, восхищенная оборотомъ дѣла, за которое взялась.

— Свадьба!... возражаетъ Молларъ, качая головой. О! это еще сомнительно... Уже это не въ первый разъ...

— Вѣроятно женихи не правились Адели; но мосье Перроненъ ей очень нравится...

— И другіе правились ей, не смотря на то, она имъ отказалась, въ то самое время, когда надо было подписывать брачный контрактъ.

— Вѣрно она открыла въ нихъ какіе-нибудь недостатки, какія иль-нибудь странности.

— Какъ бы не такъ! Оттого, что откроешь какой-нибудь недостатокъ, въ обморокъ нечего падать... Тутъ, просто, нужно объясниться, да и дѣло съ концомъ.

— Что же вы изъ этого заключаете?

— Я заключаю... что есть какая-то тайна, которую Адель скрываетъ отъ всѣхъ, даже отъ своей тетушки... что когда она рѣшается выйти замужъ, эта тайна ее душитъ, что и заставляетъ ее падать въ обморокъ; и не желая всего открывать своему мужу, она предпочитаетъ отказать жениху.

— Какой вздоръ!

— Увидите сами; какъ только дѣло будетъ приходиться къ окончанію, ей непременно сдѣлается дурно.

Дѣло приближалось къ концу. Перроненъ просилъ руки Адели Ренневаль у ея старой тетки, которая сначала ему отвѣчала, что она уже слишкомъ стара, но потомъ понявъ, что дѣло шло о племянницѣ, а не о ней самой, дала свое согласіе, съ условіемъ, что будущій ея племянникъ будетъ играть съ ней въ пикетъ, по-крайней-мѣрѣ, разъ въ недѣлю.

Всѣ переговоры кончены; назначенъ день для подписанія контракта. Молларъ не спускаетъ глазъ съ Адели. Онъ все ожидаетъ, что ей сдѣлается дурно; но Адель попрежнему весела и любезна со своимъ женихомъ.

Въ день, назначенный для подписанія контракта, Молларъ пріѣзжаетъ первый. У него въ кармавѣ стеклянка эфира и ароматный уксусъ. Онъ все вертится около невѣсты. При малѣйшемъ ея движеніи, онъ прибѣгаетъ съ своими стеклянками; если она вынимаетъ платокъ или садится, онъ ее спрашиваетъ:

— Вамъ дурно? Не хотите ли освѣжиться?

Но Адель не обращаетъ вниманія на Моллара, который къ

величайшему своему огорченію, принужденъ унести свои стеклянки.

Контрактъ подписанъ, и Адели не сдѣлалась дурно; она даже не переѣхалась въ лицѣ. Молларъ въ недоумѣніи, онъ начинаетъ думать, что мадамъ Бремонъ подшучивала надъ нимъ, или не слышала того, о чемъ онъ ее спрашивалъ.

Влюбленный старикъ возвращается домой въ бѣшенствѣ. Отрицувъ Аделью, онъ утѣшался, по-крайней-мѣрѣ, мыслию, что никто не женится на ней. Но они еще не обвѣнчались. Моллару пришла мысль разстроить свадьбу. Онъ садится къ своей конторкѣ и пишетъ слѣдующее письмо г. Перронену, стараясь поддѣлаться подъ чужой почеркъ.

«Откажитесь отъ союза вашего съ дѣвицею Ренневаль. Эта дѣвушка скрываетъ великую тайну, которая сдѣлаетъ несчастьемъ всей вашей жизни. Три раза она готова была выйти замужъ, и каждый разъ лишалась чувствъ отъ угрызенія совѣсти. Не дожидайте, чтобъ это и съ вами случилось, откажитесь лучше теперь же.

«Человѣкъ, принимающій участіе въ вашей судьбѣ.»

Отдавъ это письмо на почту, Молларъ сталъ придумывать, что бы написать Адели, чтобъ заставить ее разлюбить Перронена. Досадуя, что эта мысль не пришла ему прежде, онъ свѣшитъ отправиться на квартиру жениха. Надо выслушать болтовню сосѣдей и сосѣдокъ Перронена: Молларъ знатокъ въ дѣлахъ этого рода.

Г. Перроненъ живетъ въ улицѣ Сент-Онорѣ, въ красивомъ домѣ. Молларъ обращается къ дворнику самымъ ласковымъ тономъ, со шляпою въ рукѣ, какъ будто онъ говорилъ съ швейцаромъ:

— Здѣсь живетъ мсье Перроненъ?

— Здѣсь, во второмъ этажѣ, на дворѣ.

— Очень благодаренъ.

Молларъ кланяется, дѣлаетъ видъ, какъ будто уходитъ, потомъ снова возвращается:

— Мсье Перроненъ занимается... вѣроятно... дѣлами?

— Да...

— Извините, что я вамъ дѣлаю эти вопросы... Но дѣло идетъ о важномъ предпріятіи, которое хотятъ поручить мсье Перронену... меня просили сдѣлать нѣкоторыя справки...

Такъ какъ дворникъ не былъ ни портной, ни сапожникъ,

и потому не имѣлъ охоты болтать, то онъ опять сѣлъ къ своей печкѣ, и не намѣренъ былъ продолжать разговора.

Молларъ входитъ въ его квартиру и продолжаетъ:

— Давно мосье Перроненъ занимаетъ здѣсь квартиру?

— Квартиру! отвѣчалъ дворникъ отрывисто, не одну, а три.

— Какъ! Мосье Перроненъ занимаетъ одинъ три квартиры?... У него должно быть множество мебели?...

Дворникъ пожалъ плечами, высморкался, понюхалъ табачку съ важностію, и наконецъ отвѣчалъ:

— Вы меня не понимаете. Перроненъ уже на третьей квартирѣ: это не значить, что у него три квартиры вдругъ... Онъ сначала былъ въ четвертомъ этажѣ, потомъ перешелъ въ третій, а теперь во второмъ.

— О! Го! Сказалъ Молларъ: это что-то особенное... Загадочное... Все спускается...

— Да; но цѣна повышается по мѣрѣ того, какъ спускаешься...

— Потому что мнѣ это кажется довольно оригинальнымъ. И во сколько времени онъ совершилъ эти переѣзды?

Дворникъ погладилъ свою собаку, помаскалъ кошку, зѣвнулъ, протянулъ руки и отвѣчалъ наконецъ:

— Немного! Еще нѣтъ восьми мѣсяцовъ, какъ мосье Перроненъ живетъ въ этомъ домѣ...

— Частенько же онъ мѣняетъ квартиры... Это забавно... А объ его... поведеніи... его привычкахъ... что вы думаете... не замѣтилъ ли чего?...

— Я за жилищами не подсматриваю! Чего вы хотите? Нечто вы имѣете какое подозрѣніе на него?...

— Нѣтъ, я уже сказалъ, что пришелъ поговорить о дѣлѣ, которое хотѣлъ повѣрить мосье Перронену.

— Если такъ, то возьмите карточку, которую онъ поручилъ мнѣ вручать тѣмъ особамъ, которыя будутъ спрашивать его. Вы можете прочитать... Мнѣ недосугъ переливать съ вами изъ пустаго въ порожнее.

И вручивъ билетикъ Моллару, дворникъ захлопнулъ съ досадою дверь комнаты и занялся своимъ дѣломъ.

— Грубиянъ! проворчалъ Молларъ, уходя... Ему некогда говорить. Жаль, что я не попалъ на дворника портнаго или саножника... Они не такъ скупы на слова... Я знаю, что еслибы я далъ ему на водку, такъ онъ былъ бы полюбезнѣе. Но я держусь того правила, что деньги лучше побережь. Все-равно, я теперь знаю, что Перроненъ чудакъ; спускается этакъ изъ этажа въ этажъ!...

Этотъ человекъ самъ не знаетъ чего хочетъ... Посмотримъ адресъ... *Перроненъ, повременный въ дѣлахъ*, въ улицѣ Керъ... О! Прекрасно, вотъ все, что мнѣ надо знать; онъ жилъ въ улицѣ Керъ, пойдѣмъ туда... Онъ еще не такъ давно въ улицѣ Сент-Опорѣ, чтобы его забыли въ улицѣ Керъ.

Молларъ отправляется. Въ улицѣ Керъ его встрѣтила молодая дворничиха. Два мальчика играли въ комнатѣ, одинъ ребенокъ спалъ въ люлькѣ, а четвертаго она держала на рукахъ.

Молларъ кланяется дворничихѣ, привѣтствуетъ дѣтей, даже того, который спалъ въ люлькѣ, смотритъ во все стороны, чтобы увѣриться, все ли получили по поклону. Дворничиха, не привыкшая къ такимъ учтивостямъ, поспѣшила спрятать свои часы, и повернуть ключъ въ комодѣ.

— Здѣсь живетъ мосье Перроненъ? спросилъ наконецъ Молларъ.

— Здѣсь нѣтъ его... Онъ переѣхалъ... Подите въ улицу Сент-Опорѣ... Вотъ, возьмите его адресъ...

— Да, я знаю... Да, точно, вѣдь мнѣ сказали, что онъ переѣхалъ.

— Такъ зачѣмъ же вы пришли сюда?

И говоря это дворничиха, чуть было не наступила на ноги Моллару, чтобы заставить ее отступить; онъ принужденъ былъ такимъ образомъ выйти изъ комнаты; однакожь удержался за дверь, и вспомнивъ, что у него кусокъ сахара въ карманѣ, поспѣшилъ подать его ребенку, находившемуся на рукахъ у дворничихи, и вскричалъ:

— Очаровательное дитя! Вылитый портретъ матери... Вотъ тебѣ, мой дружокъ, бомбошка!

Кусокъ сахара тронулъ мать семейства, которая къ тому же успокоилась съ тѣхъ-поръ, какъ Молларъ стоитъ на дворѣ; она его поблагодарила, а онъ, пользуясь этимъ добрымъ расположеніемъ, спѣшилъ начать распросы.

— Сударыня, я пришелъ въ этотъ домъ съ намѣреніемъ разспросить васъ на счетъ мосье Перронена. Въ улицѣ Сент-Опорѣ онъ еще мало извѣстенъ... Я тамъ ничего не узналъ достовернаго.. Я думалъ быть у васъ счастливѣе. Мосье Перроненъ женился на особѣ, въ которой я принимаю самое живѣйшее участіе; слѣдственно, вы поймете, почему я спрашиваюсь.

— А! Это другое дѣло, сударь; извините, что я сначала вамъ такъ глупо отвѣчала... Но теперь такъ много воровъ, такъ много мошенниковъ, которые безъ всякой нужды пробираются въ жилища дворниковъ....

— Правда, сударыня, осторожность необходима...
 — Еще третьяго дня украли собаку у дворничихи № 15.
 — Это ужасно!
 — Собака превосходная!... Хозяйка ея неутѣшна... Такая искусная... Рыжая съ бѣлымъ хвостомъ...
 — Ахъ! Какъ жаль!... И такъ мосье Перроненъ?...
 — Да еще хозяйка его сколько переплатила денегъ ветеринару на его леченье!
 — Это очень непріятно! Мсье Перроненъ?...
 — Она носила поноску, прыгала черезъ веревку и курила сигарку...

— Какъ это трогательно въ собакахъ! Если мсье Перроненъ вамъ знакомъ...

— Вѣроятно кто-нибудь вошелъ въ домъ, какъ и вы, под какимъ нибудь предлогомъ, и украдъ ея... Бѣдное животное!... Объявили въ газетахъ, но увъ!... она ужъ не найдется.

Молларъ наконецъ рѣшается дожидаться окончанія разсказа о потерянной собакѣ, а потомъ уже начинаетъ свои разспросы.

— Боже мой! сударь, сказала дворничиха, качая на рукахъ ребенка: я ничего не могу вамъ сказать о мсье Перроненѣ; онъ слышомъ мало жилъ здѣсь: три мѣсяца въ четвертомъ этажѣ, три мѣсяца въ первомъ...

— А! онъ занималъ здѣсь двѣ квартиры?

— Да, точно такъ. Врочемъ... онъ выходилъ изъ дому... и возирацался, какъ и всѣ другіе... Но прежде, чѣмъ онъ сюда переѣхалъ, онъ жилъ въ улицѣ Монтолонъ... Быть-можетъ, вы тамъ больше узнаете... Вотъ его прежній адресъ...

— Очень вамъ благодаренъ, я пойду въ улицу Монтолонъ... Но вы навѣрно знаете, что мсье Перроненъ жилъ сначала въ четвертомъ этажѣ, потомъ во второмъ?

— О! да! Я въ этомъ увѣрена.

— Крайне обязанъ вамъ.

Молларъ отправляется въ путь, говоря:

— Вѣроятно есть какія-нибудь странности въ Перроненѣ... Переѣзжать каждые три мѣсяца... Все спускаться изъ этажа въ этажъ... Это не натурально... О! если бы я могъ открыть причину, которая мѣшаетъ ему спокойно оставаться на квартирѣ! Но подождемъ, быть-можетъ я достигну цѣли.

Въ улицѣ Монтолонъ, Молларъ находитъ дворника нѣмца, который чинилъ старое платье, и навѣвалъ, отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали:

— А, право, не знаю...

— Но мсье Перроненъ жилъ въ этомъ домѣ?

— Мсье Перроненъ?... Не знаю...

— Но я знаю навѣрное, что онъ здѣсь жилъ... Не такъ давно еще...

— Не знаю!

Молларъ въ отчаяніи, что не можетъ добиться никакого отвѣта отъ нѣмца, уходящій, повѣся голову, какъ вдругъ кухарка, слышавшая его разговоръ, останавливаетъ его:

— Вы спрашиваете г. Перронена, стряпчаго по дѣламъ? Онъ прекрасный мужчина, еще молодой?

— Точно такъ.

— О! я очень хорошо его помню... У него есть родимое пятнышко у лѣваго уха?

— Не могу вамъ сказать, есть ли пятнышко, но...

— О! такъ это онъ и есть... Любезный молодой человекъ. Онъ жилъ въ пятомъ этажѣ... занималъ свѣтленькую комнату...

Но онъ тамъ не прожилъ и пяти недѣль, и спустился въ третій, гдѣ оставался довольно долго. Если вы хотите имѣть объ немъ свѣдѣнія, то во второмъ этажѣ живетъ мадамъ Мато, которая въ этомъ домѣ уже пятнадцать лѣтъ; она была знакома съ г. Перроненомъ, онъ жилъ надъ нею.

— Благодарю васъ. А какъ вы думаете, могу ли я явиться теперь къ мадамъ Мато?

— О! безъ сомнѣнія. Она никогда не выходитъ со двора, кому-нибудь она сильно кашляетъ.

— Такъ я пойду къ ней.

Молларъ оставляетъ кухарку и идетъ къ лѣстницѣ, мимо нѣмца дворника, который не обращаетъ на него никакого вниманія, продолжая распѣвать.

— Дѣло принимаетъ чрезвычайно таинственный оборотъ, думалъ Молларъ, входя на лѣстницу. Здѣсь онъ жилъ въ пятомъ, въ прекрасной комнатѣ, и прожилъ пять недѣль... У него долженъ быть самый безпокойный характеръ... Адезь не выйдетъ за него замужъ.

Молларъ позвонилъ; дѣвушка отворила дверь и ввела посѣтителя въ комнату. Хозяйка была старушка высокая, сухощавая, на ней было платье по модѣ временъ консульства.

Мадамъ Мато кашляла въ это время. Молларъ подождалъ окончанія припадка, чтобъ объяснить причину своего посѣщенія. Онъ выдаетъ себя за родственника дѣвицы, на которой хочетъ жениться Перроненъ. Мадамъ Мато предлагаетъ стулъ Моллару, и прокашлявъ снова, говоритъ:

— Дѣйствительно, почти три года г. Перроненъ жилъ надо мною. Кажется онъ порядочный человѣкъ; встрѣчался со мною, онъ всегда кланялся и спрашивалъ о здоровьи... Вѣдь очень регулярную жизнь... Его всегда посѣщали порядочные люди... Должно быть прекрасный человѣкъ... Однако...

— Однако... вскричалъ Молларъ, которому это слово возвратило надежду.

Маламъ Мато въ нерѣшимости; Молларъ настаиваетъ.

— Вы что нибудь знаете, сударыня? О! конечно, вы знаете что нибудь... Ради Бога, не скрывайте ничего отъ меня.

— Но... это... такая вещь деликатная... Я только могла предполагать... Я ничего не знаю вѣрнаго.

— Все-равно, сударыня, все, что вы знаете драгоценно. Ктому же такъ легко угадывать истину, соображая обстоятельство... Умоляю васъ, сударыня, не скрывайте ничего отъ меня, цѣлое семейство будетъ вамъ одолжено своимъ счастьемъ!...

— Ваша настойчивость заставляетъ меня рѣшиться. Я вамъ передамъ то, что знаю.

— Я васъ слушаю.

— Господинъ Перроненъ имѣлъ квартиру надо мною...

— Переѣхавъ изъ пятого этажа?

— Да, онъ жилъ въ пятомъ этажѣ, но потомъ сдѣлался моимъ соседомъ. Надо вамъ сказать, что въ этомъ домѣ нѣтъ никогда шуму; я ложусь рано, но мой несносный кашель заставляетъ меня часто просыпаться ночью и не даетъ мнѣ спать. Господинъ Перроненъ возвращался... какъ вѣкъ; я всегда слышала, когда онъ заперъ двери; но въ глубокую ночь, когда онъ долженъ бы спокойно спать, потому-что онъ не кашляетъ, я слышала часто страшный шумъ надъ моею головою: ходили взадъ и впередъ, я думаю, даже бѣгали по всѣмъ комнатамъ... Знаете ли, что г. Перроненъ самъ производилъ всю это тревогу!

— Какъ!... Въ глубокую ночь?...

— Да, въ глубокую ночь.

— И никого у него не было?...

— Онъ былъ одинъ... Дворничиха мнѣ поклонялась,—тогда у насъ не было еще этого дворника, Нѣмца...

— И вы не узнали зачѣмъ?...

— Когда я ночью слышала шумъ и бѣготню надъ моею головою, тогда на другой день, встрѣчаясь съ г. Перроненомъ, спрашивала его обыкновенно, не былъ ли онъ нездоровъ? Но онъ

всегда отвѣчалъ отрицательно, и я замѣчала, что мои вопросы были ему неприятны, даже сердили его.

— Ого! это чрезвычайно любопытно... Продолжайте, прошу васъ.

— Наконецъ въ одну ночь... Я капляла больше обыкновеннаго... Была гроза... Сильная гроза!... Не будучи въ состояннн уснуть, я слушала; надо мною ходили, бѣгали, потомъ мнѣ показалось, что отворили дверь на лѣстницу; я думала, куда это онъ идетъ такъ поздно? Вѣроятно не въ погребъ, онъ не дома готовить, да у него и нѣтъ погреба. Любопытствуя знать, зачѣмъ онъ отперъ дверь, я встала, надѣла платье, взяла свѣчку и тихонько отворила свою дверь... Что же увидѣла я на лѣстницѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня? Г. Перронена!... Въ рубашкѣ... Волосы его были растрепаны... Безъ ночного колпака!... Перроненъ!... испуганный... встревоженный... Страшно дрожала въ рукахъ его свѣчка, такъ онъ былъ взволнованъ!

— Ахъ! Боже мой! Боже мой! Да это страшно!...

— Признаюсь вамъ, что на меня началъ ужасъ!

— Да и есть отъ чего!

— Въ первый разъ увидѣла мужчину въ рубашкѣ...

— Чтѣжь вы? Убѣжали?

— Нѣтъ... Я подошла ближе: любопытство возбудило во мнѣ смѣлость. Увидѣвъ меня, г. Перроненъ измѣнился въ лицѣ... Онъ казался смущеннымъ, озадаченнымъ. Я сказала ему: Ахъ! Боже мой! сосѣдушка, куда вы идете такъ поздно, ночью и не надѣвши... сапоговъ? Онъ смутился, пробормоталъ что то, чего я не могла разслушать; потомъ, взойдя на лѣстницу, исчезъ, даже не поклонившись мнѣ! На другой день, я узнала, что онъ объявилъ хозяйину, что съѣзжаетъ съ квартиры, и нѣсколько дней спустя его уже не было въ нашемъ домѣ.

— Ахъ! сударыня, какая необычайная исторія! И какъ я васъ благодарю, что вы мнѣ ее рассказали!...

— Я не люблю дѣлать сплетней; но ваши просьбы заставили меня рѣшиться. Вотъ все, что я знаю о г. Перроненѣ.

— Этого очень достаточно!... Сударыня, этотъ человѣкъ долженъ быть большой преступникъ!...

— Вы думаете?

— Я увѣренъ въ этомъ, сударыня!... Видите ли, онъ выѣхалъ изъ этого дома, когда былъ застигнутъ въ... въ...

— Безъ сапоговъ.

— Именно! О, это не даромъ!

— Правда.

— И я знаю уже о немъ вещи, которыя подтверждаютъ мой подозрѣнiя. Этотъ Перроненъ нигдѣ не можетъ ужитьса. Онъ безпрестанно мѣняетъ квартиры, переѣзжаетъ изъ этажа въ этажъ, вѣроятно, чтобъ скрыться отъ надзора сосѣдей...

— Неужели?

— Да, сударыня, этотъ человѣкъ совершилъ какое-нибудь преступленiе, которое не даетъ ему покоя ночью:

— Ахъ! Боже мой! Преступникъ жилъ мною!

— Почитайте за счастье, что онъ оставилъ этотъ домъ!... Богъ знаетъ, что бы онъ могъ надѣлать!

— Вы приводите меня въ ужасъ! Вотъ, подумаешь!... Я обязана моему кашлю тѣмъ, что застала его...

— О! сударыня, какъ часто самыя простыя причины произволятъ ужасныя слѣдствiя!... Примите, сударыня, еще разъ мою искреннюю благодарность; то, что вы мнѣ сейчасъ сообщили, спасетъ молодую дѣвушку отъ стыда... отъ несчастiя, которое ее ожидало!...

— Я душевно рада этому.

— Не знаю, какъ вамъ выразить мою благодарность... Какъ я радъ, что познакомился съ вами.

— Не осудите, готова и впредь служить.

Молларъ прощается съ мадамъ Мато. Онъ восхищенъ успѣхомъ своихъ поисковъ; и потому неидеть, а бѣжитъ, летитъ, чтобъ скорѣе прибыть къ мадамъ Бремонтъ. Запыхавшись, входитъ онъ въ залу, и бросается въ кресло, вскричавъ:

— Ахъ! сударыня, я пришелъ васъ спасти отъ ужаснаго несчастiя!...

— Меня спасти? сказала Адель, которая, повидимому, несколько не смутилась такимъ вступленiемъ.

— Кто утонувъ? спросила старая тетушка, смотря на Моллара съ ужасомъ.

— Какое же несчастiе угрожаетъ мнѣ? спрашиваетъ Адель.

— Величайшее изъ несчастiй, сударыня!... Человѣкъ, за котораго вы идете замужъ... мосеѣ Перроненъ... который, конечно не похожъ на мошенника съ перваго взгляда... Ахъ, сударыня... если бы вы знали!

— Что же?... Говорите...

— Говорить?... Извольте!... Онъ страшный преступникъ... великiй преступникъ!... колоссальнiй преступникъ!

— Что вы говорите о ступѣ? спросила мадамъ Бремонтъ, стараясь вслушаться въ разговоръ.

— Послушайте, сказала Адель строгимъ голосомъ: прежде,

чѣмъ обвинять кого-нибудь, надо имѣть достаточныя доказательства для подтвержденiя того, что вы представляете. Говорите: что вы знаете о г. Перроненѣ?

— О! я знаю многое, сударыня!... Я знаю во-первыхъ, что этотъ человѣкъ безпрестанно мѣняетъ квартиры... переходитъ изъ одного этажа въ другой. Во-вторыхъ, я знаю, что онъ не спитъ по ночамъ... что онъ бѣгаетъ по своей комнатѣ, производя ужасный шумъ... какъ сумасшедшiй!... Наконецъ, что, преслѣдуемый угрызенiями совѣсти... онъ выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ... безъ сапоговъ... Вотъ что мнѣ сообщила дама, прежняя сосѣдка г. Перронена, въ улицѣ Монтолонъ, бывшая сама свидѣтельницей того, что я вамъ сказала!... Выходите послѣ этого замужъ за такого человѣка!

Адель покатила со смѣху, говоря:

— Такъ это все, что вы открыли?

— Все!... Но этого, кажется, довольно; и послѣ этого, сударыня, вы сами видите!...

— Я сама вижу, мосеѣ Молларъ, что вы большой проказникъ!...

— Какъ, сударыня, когда я вамъ представляю доказательства, что мосеѣ Перроненъ!...

— Если онъ переѣзжаетъ, такъ значить не доволенъ своими квартирами; если прохаживается по ночамъ, значить ему не спится; если онъ вышелъ на лѣстницу въ ночномъ платьѣ, такъ это потому, что не думалъ въ такое время встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь; и если вы для того столько бѣгали, хлопотали, чтобы рассказать мнѣ вздоръ, такъ вы бѣгали и хлопотали по пустому.

— Услуживай послѣ этого!... подумалъ Молларъ. Вотъ благодарность! Однакожъ, можетъ-быть, Адель имѣетъ свои причины, чтобъ не быть взыскательной!... Если, съ своей стороны, она также скрываетъ какую-нибудь тайну отъ своего мужа... Во всякомъ случаѣ это будетъ странная парочка!... Но они еще не обвиняны; женихъ уже получилъ мое письмо.

Г. Перроненъ дѣйствительно получилъ письмо, въ которомъ ему совѣтовали разойтись съ Аделью Ренневаль; но не придавая этому совѣту большой важности, какъ и всякому безименному письму, онъ бросилъ его въ огонь, и въ тотъ же вечеръ пошелъ къ своей невѣстѣ, которую любилъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

Молларъ игралъ въ пикетъ съ тетушкой. Видя, что Перроненъ также любезенъ съ Аделью, также предупредителенъ, какъ

и прежде, партнеръ госпожи Бремонтъ мнѣтъ карты съ досады, дѣлаетъ ошибки, и наконецъ, нарочно проигрываетъ, чтобы скорѣе кончить партію.

Г. Перроненъ беззаботно разговаривалъ съ Аделью. Молларъ оканчиваетъ игру, подходитъ къ жениху и невѣстѣ, и потирая руки, говоритъ:

— Какъ странно! Сколько мнѣ приходилось видѣть сватобъ, которыя передъ самымъ обрядомъ вѣчанія вдругъ разстроивались... Сегодня утромъ еще я былъ свидѣтелемъ подобнаго произшествія: молодой человѣкъ долженъ былъ жениться на дочери честнаго ремесленника; все уже было готово... даже мебель, которую давали невѣстѣ въ приданое, и вдругъ... въ то время, какъ надо было подписать контрактъ... молодой человѣкъ откасался.

— По какой причинѣ? спросила Адель.

— По какой причинѣ? Потому-что невѣстѣ обѣщали мебель краснаго дерева, а дали орѣховаго! Онъ сказалъ отцу: я хотѣлъ жениться на вашей дочери съ мебелью краснаго дерева, а какъ вы мнѣ даете орѣховую... то не хочу! И разошлись.

Женахъ и невѣста смѣялись отъ души надъ рассказомъ Молларя.

Молларъ все еще надѣялся, что свадьба не состоится; по назначенный день наступилъ, гости собрались.

— Ей сдѣлается дурно, твердилъ Молларъ: я увѣренъ, что невѣста не вынесетъ обряда вѣчанія... ей сдѣлается дурно... и потомъ, когда она придетъ въ себя, она откажетъ жениху.

Но во время обряда Адели не сдѣлалось дурно; свадьба кончилась безъ приключеній. Обѣдъ, балъ, ужинъ, все идетъ своимъ порядкомъ; молодая со всѣми любезна; молодой очень веселъ.

Молларъ взбѣшонъ, и ворчитъ про себя:

— Обвѣнчаны!... Рѣшительно обвѣнчаны!... Ладно, ладно... посмотримъ, что будетъ дальше!

Первые дни послѣ свадьбы всегда прекрасны. Это путешествіе, начинающееся въ ясную погоду и обѣщающее одинъ удовольствія. Адель любезна, одарена талантами; Перроненъ уменъ, веселъ; съ каждымъ днемъ, они все болѣе и болѣе привязываются другъ къ другу.

Единственнымъ недостаткомъ Адели было чрезмѣрное притязаніе не имѣть ни одной слабости своего пола, и желаніе быть женщиной съ характеромъ; Перроненъ же былъ до крайности самолюбивъ; онъ боялся болѣе всего быть смѣшнымъ.

Но какъ молодая не имѣла повода, чтобы смѣяться надъ своимъ мужемъ, а молодой отдавалъ полную справедливость уму своей супруги, то они жили очень согласно между собою.

Перроненъ любилъ свою жену почти до ревности; если она обращала вниманіе на молодаго человѣка, то онъ вспоминалъ о письмѣ, которое ему писали, и въ которомъ было сказано, что Адель скрывала какую-то тайну и имѣла угрызенія совѣсти...

Адель, съ своей стороны, безотчетно вспоминала иногда о томъ, что Молларъ говорилъ ей о мужѣ, о его страсти къ перѣздамъ и ночныхъ походахъ.

Клевета, какъ бы ни была преувеличена, все-таки оставляетъ за собою слѣды.

Первое дѣйствіе злословія показывается въ томъ, что начинаешь обращать вниманіе на самые простые поступки, которые въ другое время и не замѣтилъ бы.

Итакъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, Перроненъ замѣтилъ, что жена его мѣнялась въ лицѣ, когда садилась за столъ, и часто совѣмъ не обѣдала подъ предлогомъ болѣзни.

Адель также замѣчала, что мужъ ея вставалъ ночью, и когда она просыпалась и спрашивала здоровъ ли онъ, Перроненъ былъ смущенъ и отвѣчалъ уклончиво.

Наконецъ, разъ въ обществѣ, гдѣ было много гостей, Адель вдругъ лишилась чувствъ, взглянувъ на хорошенькаго мальчика, сидѣвшаго подлѣ нея. Придя въ себя, она настоятельно хотѣла ѣхать домой, не смотря на просьбы хозяевъ. Когда мужъ разспрашивалъ ее о причинѣ этого припадка, Адель приписывала его жару и шуму.

Перроненъ не былъ уже такъ веселъ; безыменное письмо безпрестанно приходило ему въ голову; онъ сталъ менѣе любезенъ съ своей женой, хотя любилъ ее попрежнему.

Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, во время которой Адель слышала, что мужъ ея вставалъ нѣсколько разъ, Перроненъ сказалъ Адели:

— Надо искать другой квартиры... Я не хочу долѣе оставаться здѣсь.

— А почему же? сказала Адель, невольно вспомнивъ рассказъ Молларя: кажется у насъ прекрасная квартира, просторная, удобная и не дорогая; почему ты переѣхать?

Перроненъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, казался смущеннымъ, потомъ вышелъ, повторивъ:

— Я хочу переѣхать!

Съ этого времени Адель стала задумчива, безпокойна; тысячи мыслей волновали ее; когда она была съ своимъ мужемъ, она часто смотрѣла на него пристально; она, казалось, хотѣла проникнуть въ глубину души его; Перроненъ также наблюдалъ за женой.

Молларъ часто навѣщалъ молодыхъ супруговъ, потому-что старая тетущка жила съ ними; человекъ, который проводилъ цѣлые вечера съ госпожей Бремонтъ за пикетомъ, былъ драгоценный другъ, котораго было трудно замѣнить, и потому надо было дорожить имъ.

Молларъ, объявляя игру, безпрестанно слѣдилъ за всѣми движеніями молодыхъ; онъ замѣчалъ съ тайною радостью, что супружеская вѣжность становилась день ото дня менѣе сообщительною, что какая-то холодность замѣнила безпечную веселость. Молларъ потиралъ руки и говорилъ про себя:

— Чтѣ-то есть уже; невозможно, чтобъ не было чего-нибудь... есть, есть!...

Такъ какъ мы любимъ всегда говорить о томъ, чтѣ насъ занимаетъ, то въ одинъ вечеръ, когда мужъ ея былъ въ отсутствіи, Адель сказала Моллару:

— Странно, г. Перроненъ непремѣнно хочетъ переѣхать.

— Прекрасно! вотъ и начало! вскричалъ Молларъ подпрыгнувъ на своемъ стулѣ. Я васъ предупреждалъ.... О! вы еще не это увидите.

— Но послушайте, мосье Молларъ, какое же мнѣніе вы имѣете о моемъ мужѣ?... конечно, онъ очень любезенъ.... онъ любитъ меня.... Я ни въ чемъ не могу упрекнуть его...

— Любезенъ! чтѣжь это доказываетъ?... Великіе злодѣи всегда любезны.

— Ахъ! мосье Молларъ, неужели вы думаете....

— Что вашъ мужъ мучится угрызеніями совѣсти.... что онъ не можетъ нигдѣ найти покоя.... и какъ вѣчный жилъ, онъ долженъ безпрестанно перемѣнять мѣсто....

— Какой вздоръ!

— Да почему же онъ хочетъ переѣзжать? Сказалъ ли онъ вамъ причину?

— Нѣтъ.

— Вы видите, что онъ не смѣетъ вамъ открыть ее.... А ночью.... развѣ онъ не встаетъ безъ причины?

— Но.... я....

— Вы не хотите признаться мнѣ.... но ваше смущеніе говорить за васъ! Бѣдная женщина!... я предупреждалъ васъ!...

Вы презрѣли мои совѣты!... А я страшусь того, чтѣ васъ ожидаетъ; на вашемъ мѣстѣ я бы сейчасъ разошелся съ нимъ!...

Нѣсколько дней послѣ этого разговора Перроненъ, оставшись наединѣ съ Молларомъ, говорить ему:

— Вы знали мою жену, когда она была дѣвницей?

— О! я ее давно знаю.

— Правда ли, мосье Молларъ, что Адель нѣсколько разъ отказывала своимъ женихамъ передъ самой свадьбой?

— Истинная правда.

— И что во время подписанія контракта она лишалась чувствъ?

— Совершенно такъ.

— Какая же могла быть причина? Какой предлогъ придумывала она для такого разрыва?

— Никакой причины не было!... Все это было всегда покрыто глубокимъ, непроницаемымъ мракомъ.

— Но вы были домашнимъ другомъ. Чтѣ же вы думаете объ этомъ?

— Чтѣ я думаю? Не смѣю сказать.... Только знаю, что я никогда бы не женился на дѣвушкѣ, подверженной такимъ страннымъ слабостямъ....

Коварныя рѣчи Моллара подтвердили еще болѣе сомнѣвіе, вкравшееся между молодыми супругами. Чтѣбъ угодить мужу, Адель согласилась перемѣнить квартиру, а Перроненъ уже опять говоритъ о новой переѣздкѣ. Молодая супруга начинаетъ серьезно безпокоиться. Перроненъ ревнуетъ, потому-что жена его поблѣднѣла, взглянувъ на хорошенькаго мальчика. Молларъ ожидаетъ какой-нибудь трагической развязки; одна старая тетущка спокойна и не заботится ни о чемъ.

Пришла весна. У мадамъ Бремонтъ есть хорошенькій загородный домикъ въ окрестностяхъ Монморанси. Молодые супруги намѣрены тамъ провести нѣсколько времени, и чтѣбъ слѣловать удовольствіе старой тетущкѣ, они приглашаютъ Моллара пріѣзжать къ нимъ гостить; Молларъ соглашается; онъ умѣлъ приобрѣсть довѣріе и мужа и жены.

Дача въ прекрасномъ мѣстоположеніи, большія деревья окружаютъ ее, и садъ прорѣзанъ прекрасными липовыми аллеями.

— Какое наслажденіе гулять подъ тѣнью этихъ деревъ! сказала Адель своему мужу. Не правда ли, другъ мой, какая прекрасная дача?

Въ это время поднялся вѣтеръ, и закачались большія деревья;

шелесть листьевъ, раздающійся въ долині, походилъ на журчанье водъ, когда подходишь къ морю.

Перронёнъ сжалъ крѣпко руку своей жены, и пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ, велеть ее домой. Адель не можетъ понять причину дурнаго расположенія своего мужа; въ первый разъ, съ-гѣхъ-поръ, какъ она замужемъ, она рѣшается высказать ему:

— Эта дача тебѣ не нравится, мой другъ?

— Нѣтъ.... напротивъ.... я нахожу ее прелестною.

— Но почему же ты меня заставляешь идти домой, когда я хвалила тебѣ пріятности прогулки? Отчего ты такъ встревоженъ?

— Я, я встревоженъ?...

— Да, другъ мой, съ нѣкотораго времени особенно, я вижу, что ты обходишься со мною не такъ, какъ прежде. Ты отъ меня что-то скрываешь....

— Нѣтъ, душа моя.... нѣтъ.... скорѣе ты имѣешь отъ меня тайны.... ты не откровенна со мною....

— Я? кто тебѣ сказалъ?

— Ахъ! другъ мой.... я самъ вижу, что ты мнѣ непольнѣ открыла свою душу....

— Что это значитъ?...

— Это значитъ, что намъ нужно объясниться ...

Супруги расстаются недовольные другъ другомъ, а Молларъ, слышавшій ихъ ссору, потираетъ руки сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Обѣдъ скученъ. Адель задумчива, Перронёнъ вздыхаетъ, глядя на жену. Вечеромъ, Молларъ предлагаетъ прогулку по саду, но сильный вѣтеръ нагибалъ деревья, и казалось предвѣщала грозу.

— Я боюсь, чтобъ не было грозы, сказала Адель: не лучше ли намъ остаться дома; какъ ты думаешь, мой другъ?

Перронёнъ вдругъ переѣмился въ лицѣ, сталъ говорить несвязно и ходить большими шагами по залѣ. Адель съ безпокойствомъ поглядывала на Моллара, который поднимаетъ глаза къ небу; старая тетушка раскладывала карты.

Докладываютъ о пріѣздѣ г. Люсевала. То былъ молодой артистъ, имѣвшій помѣстье въ окрестностяхъ; онъ узналъ, что мадамъ Бремонтъ и ея племянница перѣехали на свою дачу, и какъ добрый сосѣдъ, пріѣхалъ имъ сдѣлать визитъ.

Всѣ обрадованы посѣщеніемъ незнакомца; надѣются, что его присутствіе разсѣетъ тягостное впечатлѣніе предшествовавшая

го. Г. Люсевала очень хорошо приняли. Онъ молодой человѣкъ, образованный и любезный; но едва только онъ сѣлъ возлѣ Адели, какъ она вздрогнула и упала безъ чувствъ.

Старая тетушка спѣшитъ къ племянницѣ; Молларъ кричитъ, зываетъ на помощь, а Перронёнъ, помогая женѣ, смотритъ съ подозрѣніемъ на молодого человѣка.

Адель перенесли въ ея комнату. Придя въ чувство, она объявила, что не пойдетъ въ залу.

— Послушай, сказалъ Перронёнъ сердито: ты мнѣ объяснишь причину....

— Что ты хочешь сказать?...

— Эти обмороки мнѣ кажутся подозрительны. Ты знаешь этого молодого человѣка, который у насъ?

— Этого молодого человѣка! Клянуся, что я вижу его въ первый разъ....

— О! не обманывай меня! я все узнаю, и отомщу за честь мою!

Адель хотеть отвѣчать. Перронёнъ, не выслушавъ оправданій жены, возвращается въ залу; молодой сосѣдъ еще тамъ; онъ справляется о здоровьи Адели, и очень огорченъ, что первое его посѣщеніе такъ неудачно.

Перронёнъ небрежно отвѣчаетъ молодому человѣку, взоръ его мраченъ, огонь ревности блеститъ въ глазахъ. Нѣсколько минутъ спустя, г. Люсеваль прощается, говоря, что онъ въ скоромъ времени придетъ узнать о здоровьи госпожи Перронёнъ.

— Что вы думаете объ этомъ происшествіи? спросилъ Перронёнъ на ухо Моллара.

— Я думаю ... я ничего не думаю.... а на нашемъ мѣстѣ потребовалъ бы развода.

Перронёнъ молчитъ, и все общество расходится.

Уже поздняя ночь; вѣтеръ дуетъ съ необычайною силою. Адель просыпается; мужа ея нѣтъ возлѣ ея; она удивляется, беспокоится, зоветъ его, и не получаетъ никакого отвѣта.

Адель встаетъ, надѣваетъ платье, беретъ свѣчку и рѣшается идти искать своего мужа. Она выходитъ изъ комнаты, и на лѣстницѣ снова зоветъ его. Откуда ни возьмись, является Молларъ, и справляется о томъ, что случилось.

— Я не знаю, что сдѣлалось съ моимъ мужемъ, отвѣчала Адель. Гдѣ онъ можетъ-быть въ три часа ночи.... и въ такую ужасную грозу!...

— Вашъ мужъ страдаетъ, сказалъ Молларъ: онъ не можетъ найти покоя.... должно-быть онъ совершилъ великія преступ-

ленія!... Но подождите... вотъ онъ... посмотрите, въ саду... видите ли?... Человѣкъ, который бѣжитъ, какъ сумасшедшій по лугу... это вашъ мужъ!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ!... о Боже мой!... Что онъ дѣлаетъ въ саду... въ такое время? Я пойду къ нему!

— И не думайте... У него припадокъ!... Не ходите... будетъ бѣда!... Вѣрьте мнѣ... Совѣтую вамъ развѣхаться съ нимъ.

Адель возвращается въ свою комнату; сначала она хотѣла дожидаться возвращенія мужа, и заставить его высказать правду; но сонъ ее сильно клонилъ; она уснула.

На другой день утромъ, Перроненъ былъ уже внизу, когда Адель проснулась. Молодая женщина, углубленная въ мысль о странномъ поведеніи своего мужа, рѣшилась объяснитьсь съ нимъ, и поспѣшно одѣвшись, сходитъ въ залу; но находитъ тамъ одного Моллара, испуганное лицо котораго предвѣщаетъ что-то ужасное. Онъ подходитъ, прикладывая палецъ къ губамъ, и говоритъ шопотомъ:

— Я васъ ожидалъ.

— Что случилось? Какъ вы разстроены!

— Что случилось?... Я все знаю!...

— Вы знаете?...

— Что вашъ мужъ дѣлалъ въ саду... во-время грозы!... ночью!...

— Возможно ли! Ну, что же?

— Несчастная женщина! вы содрогнетесь! я самъ чувствовалъ, что мои волосы становились дыбомъ!

— Ахъ! Боже мой, что же случилось?... Говорите, пожалуйста!

— Смотрите!...

Молларъ показываетъ Адели мужскую шляпу и платокъ, обрызганный кровью.

— Что это значитъ?

— Шляпа и платокъ г. Люсевала.... Нѣтъ никакого сомнѣнія; вотъ мѣтка на платкѣ... вотъ имя его на шляпѣ!

— Ну, что же?

— А вотъ что!... Слушайте и содрогайтесь!... Я нашелъ шляпу и платокъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда... подъ тополями... Вчера, вашъ мужъ, вѣроятно, убилъ несчастнаго молодого человѣка... а ночью онъ хотѣлъ уничтожить всѣ слѣды своего преступленія.

— Ахъ! какой ужасъ!... мой мужъ убійца!... Но за что?...

— Изъ ревности!... Вамъ вчера сдѣлалось дурно, при видѣ этого человѣка... вашъ мужъ открылъ ваши сношенія!...

— Какъ! онъ могъ думать... О! это ужасно!...

— Конечно ужасно; я сейчасъ иду къ здѣшнему меру, несусь ему эти вещи и расскажу, что самъ видѣлъ ночью!...

— О! нѣтъ, умоляю васъ, не ходите!...

Въ то время, какъ Молларъ хотѣлъ выйти, въ залу вошелъ Перроненъ. Увидя мужа, Адель бросается къ нему въ объятія, со слезами на глазахъ, и говоритъ:

— Другъ мой, если ты дѣйствительно виновенъ, спасайся... спасайся скорѣе... не дождайся, чтобъ за тобой пришли!

— За мной? повторилъ Перроненъ съ удивленіемъ: по какому случаю? Что я сдѣлалъ?

— Молларъ увѣряетъ, что ты убилъ этого молодого человѣка... нашего сосѣда... и что по этому ты и бѣгалъ ночью, какъ сумасшедшій по саду... Я сама тебя видѣла... Ахъ! другъ мой! неужели правда, что угроженія совѣсти не даютъ тебѣ покоя, и заставляютъ тебя безпрестанно мѣнять квартиру?

Перроненъ осматривается; лицо его выражаетъ болѣе удивленія, нежели страха. Не будучи въ состояніи удержаться, онъ вдругъ до того расхохотался, что долженъ былъ сѣсть. Адель удивлена этимъ припадкомъ веселости, однако продолжаетъ:

— Что же касается до Люсевала... если правда, что ты меня ревнуешь къ нему, если ты могъ подозрѣвать меня... потому что мнѣ сдѣлалось дурно, когда я на него посмотрѣла, я должна тебѣ объяснить причину этого приключенія... я должна тебѣ открыть одну слабость... которую до-сихъ-поръ тщательно скрывала... потому что я чувствовала, что надо мной будутъ смѣяться, а ты знаешь, мой другъ, для женщины болѣе казаться смѣшной!

— Говори, милая Адель, сказала Перроненъ, взявъ руки женщины: говори... какая причина твоихъ обмороковъ?...

— Другъ мой, я должна признаться тебѣ... только, пожалуйста, не смѣйся... я должна признаться тебѣ, что не могу смотрѣть на вещи, сложенные угломъ... За столомъ, ножи, вилки, положенныя углами, мѣшаютъ мнѣ ѣдать; но ужаснѣе всего для меня то, если кто-нибудь складываетъ на груди руки или ставитъ ноги угломъ... О! этого я не могу вынести, я падаю безъ чувствъ, и мнѣ тотъ человѣкъ, который это сдѣлаетъ, становится противенъ. Я имѣла трехъ жениховъ, которые передъ самымъ контрактомъ складывали такъ ноги, и послѣ этого

я объ нихъ и слышать не хотѣла. Вотъ тебѣ, мой другъ вся правда; слабость моя можетъ тебѣ показаться глупою, странною, смѣшною, я понимаю это; но природа положила въ глубину души моей ощущенія, которыхъ я преодолѣть не въ силахъ, и противъ которыхъ напрасно возстаешь умъ.

Перронёнъ цалуетъ свою жену, вскричавъ:

— Тебѣ отъ этого дѣлалось дурно?... Ахъ, моя милая, если бы ты мнѣ это прежде сказала, мы бы избавились отъ многихъ неприятностей; потому-что, зная за тобою слабость, я не постыдился бы тебѣ сообщить и мою....

— Какую, другъ мой?

— Я ужасно боюсь вѣтра.... да боюсь, хотя я не трусь; въ различныхъ случаяхъ, я показывалъ свое мужество, но вѣтеръ производитъ на меня странное дѣйствіе; я трепещу, страдаю, не могу оставаться на мѣстѣ. Я такъ часто переѣзжалъ потому, что искалъ квартиры, гдѣ бы не слышно было вѣтра; я встаю ночью потому, что не могу лежать, когда слышу свистъ вѣтра; случалось иногда, что я выбѣгалъ изъ дома, бѣгалъ, какъ сумасшедшій, чтобъ не слышать этого шума, который меня преслѣдовалъ и приводилъ въ отчаяніе. Вотъ, моя милая, почему и въ эту ночь я бѣгалъ по саду.... Мужчина боится вѣтра!... О! ты, вѣрно, будешь смѣяться надо мной... но я тебѣ отвѣчу твоими же словами: Можемъ ли мы вполне владѣть нашими ощущеніями? Герцогъ д'Епернонъ лишался чувствъ при видѣ зайчика. Владиславъ, король, не могъ выносить вида лблоковъ. Еразмъ чувствовалъ лихорадочную дрожь при рыбномъ запахѣ. Скалигеръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ при видѣ крессъ-салата. Канцлеръ Баконъ падалъ въ обморокъ, всякой разъ, когда бывало лунное затмѣніе. Бель имѣлъ судороги, когда слышалъ, какъ вода лилась изъ крана. Ламонтъ-Левайе не могъ переносить звука никакого инструмента. Послѣ этого, милая моя, кажется нѣтъ ничего мудренаго, что и мы имѣемъ какія-нибудь слабости....

Адель въ восхищеніи; исповѣдь ея мужа возвратила ей счастье, и она вскрикнула:

— И такъ москѣ Молларъ, вы подозрѣвали, что мой мужъ убилъ Люсевала изъ ревности?...

Молларъ поѣсилъ носъ; однако онъ смотритъ на шляпу и на платокъ и все еще сомнѣвается. Но дверь въ залу открывается и входитъ молодая особа. Онъ пришелъ узнать о здоровьи госпожи Перронёнъ и взять свою шляпу, которую снесъ

сильный вѣтеръ наканунѣ, въ то время, какъ у него шла кровь изъ носа, что и задержало его въ саду.

Молларъ въ смущеніи. Тогда, съ досады и чтобъ удостовѣриться, что Адель сказала правду, онъ садится и складываетъ уголокъ ноги.

Молодая женщина чувствуетъ, что ей становится дурно.... Но Перронёнъ беретъ подъ руку Моллара, выводитъ его за дверь, и проситъ очень вѣжливо, не приходите больше къ нимъ.

— Пожалуй, кричитъ Молларъ: вы сами должны будете играть въ пикетъ съ тетушкой!

— Это для меня все-таки пріятнѣе, чѣмъ принимать сплетника и клеветника.

Потомъ возвращается къ своей женѣ, и говоритъ:

— Теперь, чтобъ не было между нами тайнъ, ты мнѣ извини мою слабость, а я тебѣ твою.

Съ-тѣхъ-поръ тишина, счастье не были ничѣмъ возмущаемы; потому-что счастье въ супружествѣ, требуетъ снисходительности къ слабостямъ другъ друга.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Опредѣленія скорости движенія свѣта неастрономическимъ путемъ. — Соединеніе Парижа съ Лондономъ помощью электрическаго телеграфа. — Нѣсколько словъ о чернилѣ. — Золотоносная россыпь на Борнео. — Сухое молоко. — Потребленіе свѣтлignaго газа въ Великобританіи. — Привилегированная машина для печенія хлѣба. — Золоченый и серебряный шолкъ. — Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ. — Лещелевъ нажимъ. — Добываніе поташа безъ сожиганія дерева. — Итвой мраморъ у древнихъ. — Искусственный горючій матеріалъ. — Новый способъ травленія стали и мѣди. — Грибъ-Spararia alba. — Некристаллизованный алмазъ. — Химическія измѣненія яйца во время развитія зародыша. — Платина въ Альпійскихъ горахъ.

Опредѣленія скорости движенія свѣта неастрономическимъ путемъ. — Огромная быстрота движенія свѣта была понинѣ опредѣляема только посредствомъ астрономическихъ явленій. Въ концѣ XVII столѣтія Ремеръ и Кассини опредѣлили ее изъ

сображенія моментовъ затмѣній Юпитеровыхъ спутниковъ, сравнивая результаты вычислений съ результатами прямыхъ наблюдений. Послѣ того, въ началѣ XVIII вѣка, знаменитый британскій астрономъ Брэдлей опредѣлялъ эту скорость основываясь на открытомъ имъ явленіи *аберацiи*. Оба способа дали почти совершенно одинаковый результатъ: именно, что свѣтъ движется съ быстротою слишкомъ 280000 верстъ въ каждую секунду.

Новѣйшія изслѣдованія знаменитаго В. Я. Струве, директора Пулковской Обсерваторіи, показали съ полною достоверностію, что скорость движенія свѣта въ пространствѣ составляетъ 288000 верстъ въ секунду.

Всѣ эти опредѣленія основывались на астрономическихъ наблюденияхъ, потому что при ограниченныхъ размѣрахъ земной поверхности, трудно было найти средство опредѣлить такую громадную скорость земными наблюдениями. Однакожъ г. Физо (Fizeau) въ Парижѣ достигъ въ прошломъ (1849) году этого неожиданнаго результата, не прибѣгая къ астрономическимъ наблюдениямъ и не выходя, такъ сказать, изъ своего дома. Ему достаточно было пространства 8 верстъ, отдѣляющаго его домъ въ Сюренѣ отъ Монмартрскаго телеграфа, чтобы уловить и опредѣлить страшную быстроту свѣтового луча. Вотъ на чемъ основываютъ опытъ г. Физо.

Если кругъ вертится въ своей плоскости, около оси, проходящей черезъ его центръ, и вращеніе это совершается съ весьма большою быстротою, то какая либо точка, взятая на окружности такого быстро вертящагося круга, потребуетъ весьма малаго времени для прохожденія весьма малой дуги. Если, напримеръ, эта дуга будетъ составлять $\frac{1}{1000}$ ч. окружности, а скорость вращенія будетъ равняться 100 оборотамъ въ секунду, то время, потребное для упомянутой точки на окружности для прохожденія сказаннаго пространства составляетъ $\frac{1}{100000}$ часть секунды.

Пускай будетъ край вертящагося круга вырѣзанъ на подобіе зубчатаго колеса, такъ, чтобы зубья и вырѣзки имѣли всѣ одинаковую ширину $\frac{1}{1000}$ части окружности. Ясно, что для прохожденія каждой изъ этихъ вырѣзокъ черезъ данную точку требуется время $= \frac{1}{100000}$ секунды, время, въ которое свѣтъ пробѣгаетъ 3 километра, или $2\frac{2}{10}$ версты.

Если лучъ свѣта, пройдя черезъ упомянутую вырѣзку, на окружности вертящагося круга, упадетъ на зеркало, поставленное на известномъ разстояніи, и отразится назадъ по прежнему своему

направленію, то онъ необходимо долженъ, на обратномъ пути, вновь коснуться окружности вертящагося круга, причѣмъ лучъ или вновь пройдетъ сквозь вырѣзку, или будетъ остановленъ выступомъ (зубцомъ). Если скорость вращенія круга и удаленіе свѣтящейся точки отъ зеркала известны, то очевидно, прохожденіе отраженнаго луча вновь черезъ вырѣзку или остановка его выступомъ должны зависѣть отъ скорости движенія луча. Слѣдовательно, если известна скорость вращенія круга и разстояніе между свѣтящимся предметомъ и зеркаломъ, то скорость движенія свѣта можетъ быть опредѣлена. Разумѣется, что скорость вращенія должна быть значительная, а разстояніе между свѣтящеюся точкою и зеркаломъ не очень мало.

Г. Физо укрѣпилъ на башнѣ Монмартрскаго телеграфа зеркало и передъ нимъ зрительную трубу, такъ что зеркало находилось въ фокусѣ ея объектива (предметнаго стекла). Напротивъ этой трубы г. Физо укрѣпилъ другую, на бельведерѣ дома своего въ Сюренѣ. Въ этой послѣдней трубѣ, между ея фокусомъ и окуляромъ, онъ поставилъ тонкую, прозрачную стеклянную пластинку, наклоненную подъ угломъ 45° къ оптической оси обѣихъ трубъ.

Оси трубъ должны находиться на одной прямой линіи, такъ чтобы образъ предметнаго стекла одной трубы представлялся въ фокусѣ другой. Вертящійся кругъ былъ помѣщенъ такъ, что его зубчатый край находился непосредственно предъ наклоненнымъ стекломъ, со стороны, обращенной къ Монмартру. На наклоненное стекло (между фокусомъ и окуляромъ) падалъ съ боку лучъ свѣта отъ лампы, * проходилъ черезъ обѣ трубы къ зеркалу, укрѣпленному на башнѣ, и отразившись тамъ, возвращался черезъ наклоненное стекло къ глазу наблюдателя. Пространство между наклоннымъ стекломъ и зеркаломъ было 8633 метра, и свѣтъ, пробѣгая его взадъ и впередъ, совершалъ путь въ 17266 метровъ или 16 верстъ и 85 сажень.

Если при такомъ расположеніи прибора заставить вертѣться кругъ, то наблюдатель будетъ видѣть или не видѣть блестящую точку, смотря потому, будетъ ли свѣтъ проходить сквозь вырѣзку, или останавливаться зубцомъ, во время пути своего отъ лампы въ Монмартрскому зеркалу и обратно, что очевидно зависитъ отъ быстроты вращенія круга.

При опытахъ Физо, кругъ имѣлъ 720 зубцовъ и вращался

* Г. Физо употреблялъ лампу, устроенную по способу Годена. Лучи проходились черезъ два двувъпуклыхъ стекла.

гилями, помощью механизма, устроеннаго г. Фроманомъ. При этомъ механизмъ находился особый счетчикъ для опредѣленія быстроты вращенія. Первое затмѣнiе воспослѣдовало при быстротѣ 12, 6 оборотовъ въ секунду; но при удвоенной быстротѣ свѣтъ появлялся снова, пропикая обратно чрезъ соединенную вырѣзку. При утроенной быстротѣ новое затмѣнiе, а при учетверенной блестящая точка является вновь. Подобная послѣдовательность имѣетъ мѣсто и при большихъ степеняхъ быстроты.

Средній результатъ, полученный изъ всѣхъ опытовъ Физо, даетъ быстроту свѣта чрезвычайно близко подходящую къ той, которая выведена изъ астрономическихъ наблюдений.

Соединенiе Парижа съ Лондономъ помощью электрическаго телеграфа.—Многие изъ нашихъ читателей уже, вѣроятно, слышали объ этомъ, повидимому, гигантскомъ, но въ самомъ дѣлѣ простомъ, хотя и чрезвычайно остроумномъ предпріятіи. Многие считали его сначала журнальнымъ шумомъ; но такъ какъ нынѣ положительно извѣстно, что не только работы по этому предпріятію начались, но что оно скоро будетъ совершенно приведено въ исполненіе, то мы считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей съ существомъ дѣла.

Во-первыхъ, должно сказать, что французскій физикъ г. Бистъ изобрѣлъ весьма замысловатый приборъ, названный *электро-типографомъ*. Помощію этого прибора, гальваническій токъ не только передаетъ на какое угодно разстояніе телеграфическія депеши, но еще самъ отпечатываетъ ихъ. Г. Бистъ, ободренный такимъ успѣшнымъ открытіемъ, задумалъ провести электрическій телеграфъ между Парижемъ и Лондономъ и обработалъ такой прекрасный планъ, что англійское и французское правительства поспѣшили выдать ему привилегію для приведенія въ исполненіе этого предпріятія.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ дѣло и каковы трудности, которыя предстояли г. Бисту при осуществленіи плана.

Задача устройства электрическаго телеграфа на сушѣ уже давно рѣшена удовлетворительнымъ образомъ, и вся трудность предпріятія состоитъ только въ томъ, чтобы провести мѣдныя проволоки, по которымъ движется гальваническій токъ, чрезъ ширину Ламанскаго пролива, отдѣляющаго берега Франціи отъ береговъ Англій.

Многие полагали это неудобноисполнимымъ, потому что имъ казалось необходимою провести по морскому дну, чрезъ всю ширину пролива, трубу, въ которой заключались бы проводя-

щія проволоки. Въ такомъ видѣ дѣло было бы чрезвычайно труднымъ; но г. Бистъ придумалъ провести по морскому дну не трубу, а нѣчто въ родѣ гибкаго каната, сдѣланнаго изъ упругихъ смолистыхъ веществъ, внутри котораго помѣстятся совершенно удлиненыя мѣдныя проволоки, числомъ семь. Одинъ изъ концовъ этого каната укрѣпится на утесномъ берегу мыса Грине (Grinez), близъ Кале, а другой на отвѣсной Шекспировой скалѣ, между Дувромъ и Фолькстономъ. Съ этихъ двухъ почти перпендикулярныхъ возвышеній канатъ прямо опустится въ воду, на глубину 15 сажень, гдѣ, встрѣтивъ морское дно, загнется колыномъ, почти подъ прямымъ угломъ и ляжетъ по неровностямъ дна поперегъ всего пролива. Разстояніе между Грине и Шекспировою скалою составляетъ 18 англійскихъ миль; но чтобы дать возможность гибкому канату колебаться на морскомъ днѣ безъ всякаго вреда, онъ получитъ длину въ 23 мили.

Оба конечные пункта представляютъ скалы, и потому спускающіеся по нимъ въ воду канатъ безопасенъ отъ всякаго столкновенія и отъ напора судовъ. Въ добавокъ, течение довольно сильно между этими двумя мысами, такъ что никакій корабль не сманетъ бросать тутъ якоря; также рыбаки не могутъ задрѣть каната, по той причинѣ, что на мѣстахъ, гдѣ онъ будетъ пролегать, нѣтъ ни рыбныхъ ловлей, ни устричныхъ отмелей.

Канатъ сооружается изъ соединенія каучука съ гутта-перчею, такъ что будетъ вполне безопасенъ отъ дѣйствія воды и ѣдкихъ солей и отъ натиска морскихъ животныхъ. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ короткое время и не позже какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, морскіе слизни и многообразныя виды мягкотѣлыхъ животныхъ, обитающихъ на днѣ моря, такъ облепятъ собою упомянутый канатъ, что на немъ составится изъ этихъ животныхъ толстая кора, непроницаемая для всѣхъ существующихъ въ морѣ разрушительныхъ дѣятелей, такъ что канатъ можетъ смѣло имѣть надежду пролежать въ морѣ неповрежденнымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Задача подводнаго электрическаго проводника между берегами Франціи и Англій будетъ такимъ образомъ разрѣшена; а продолженіе электротелеграфической линіи отъ Кале до Парижа, съ одной стороны, и отъ Шекспировой скалы до Лондона, съ другой, не представитъ никакихъ затрудненій.

Такъ какъ проводникъ будетъ состоять изъ семи отдѣльныхъ проволокъ, вполне удлиненныхъ, то можно будетъ одно-

временно сообщать семь депешъ. Снарядъ г. Биета устроенъ такъ, что каждая буква, передаваемая телеграфомъ, немедленно отпечатывается на особой бумажкѣ, на той станціи, куда посылается депеша. По этому г. Биеъ и называется свой снарядъ *электро-типографомъ*. Быстрота движенія электричества мгновенная, и снарядъ можетъ передать и отпечатать въ каждую минуту около 15 словъ, такъ что одною проволокою можно передать въ теченіе часа депешу въ 900 словъ, а всѣми семью слишкомъ въ 6 тысячъ словъ, что составитъ болѣе печатнаго листа.

Канатъ кладутъ въ море въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, и тотчасъ за тѣмъ начнутся опыты передачи депешъ, потому что къ 1 сент. (нов. стил.) 1850 года, по заключенному съ г. Биетомъ условію, все должно быть готово. Расходы на электрическій проводникъ составятъ не болѣе 450000 франковъ (112000 руб. сер.), а вся сумма, нужная для приведенія въ ходъ этого предпріятія, не превышаетъ 750000 франковъ (190000 руб. серб.).

Отъ всей души желаемъ успѣха этому прекрасному и остроумному предпріятію, приносящему честь наукѣ и человѣчеству, стремящемуся на пути совершенствованія.

Нѣсколько словъ о чернилѣ.—Въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ мы прочитали весьма интересную статью о чернилѣ, этомъ необходимомъ матеріалѣ для всякаго грамотнаго человѣка. Мы представляемъ здѣсь извлеченіе изъ упомянутой статьи, дополнивъ ее собственными замѣчаніями.

Ранѣе XIV столѣтія употребляли повсемѣстно чернило, основаніемъ котораго служилъ весьма измѣльченный уголь, вещество необыкновенно постоянное въ своемъ цвѣтѣ, нерастворимое и неразрушимое обыкновенными дѣятелями, которыхъ вліянію можетъ подвергаться рукопись. По этой причинѣ буквы рукописей, писанныхъ ранѣе XIV столѣтія, сохранились весьма удовлетворительно. Но съ упомянутого выше времени стали употреблять чернило съ металлическими веществами, очень похожее на нынѣшнее орѣшковое, и вслѣдствіе такого перелома въ писательномъ матеріалѣ, большая часть рукописей позднѣйшихъ XIV вѣка отличаются своимъ поблеклымъ, полинялымъ и нечеткимъ письмомъ, которое чрезвычайно трудно возстановляется въ нѣсколько сносомъ видѣ.

Наше обыкновенное чернило есть растворъ закиси желѣза, соединенной съ дубильною и орѣшковою кислотами; часто примѣшиваютъ къ этому раствору камель, индиго и другія веще-

ства, для приданія лучшаго цвѣта и густоты. Вообще цвѣтъ обыкновеннаго орѣшковаго чернила темно-фіолетовый, и написанное имъ бываетъ сначала блѣдно; но постолясь на воздухѣ, письмо чернѣетъ, потому-что желѣзо, содержащееся въ чернилѣ, переходитъ въ высшую степень окисленія; это одно изъ хорошихъ свойствъ чернила, но дѣло не останавливается на этомъ. Мало-по-малу кислородъ воздуха разъединяетъ первоначальный составъ: растительныя кислоты, содержащіяся въ чернилѣ переходятъ въ простѣйшія формы, а желѣзная окись обращается въ обыкновенную ржавчину, и принимаетъ свойственный ей красно-бурый цвѣтъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ, что наши рукописи линяютъ, и это измѣненіе совершается скорѣе или медленнѣе, смотря по качеству письменныхъ матеріаловъ; но писанное непременно полиняетъ или пожелтѣетъ со временемъ, доколь мы будемъ употреблять нынѣшнее орѣшковое чернило, потому-что какъ бы мы ни старались усовершенствовать его, мы никогда не будемъ въ состояніи предохранить составныхъ его частей отъ разрушительнаго вліянія атмосфернаго кислорода.

Нынѣшняя химическая обработка бумаги, особенно пишнихъ сортовъ, также способствуетъ къ ускоренію вышесказаннаго измѣнія письма, и даже къ совершенному его исчезанію. Но это еще не все: свойство хлора уничтожать мгновенно всякій слѣдъ чернила на бумагѣ придаетъ еще болѣшую важность этому предмету, ибо званіе, права, состоянія и имущество множества людей обезпечиваются документами, начертаніе коихъ столь легко изгладимо, что невольно удивляешься, какъ доселѣ стариннаго состава чернила не замѣнили новымъ, болѣе надежнымъ. Трудно повѣрить, до какой степени простираются за границу подлоги всякаго рода, въ торговыхъ дѣлахъ. Шотландскіе банки, напримѣръ, понесли значительныя потери отъ поддѣлокъ, которыя удалась единственно по свойству чернила, употребляемаго для написанія. Подлогъ открывался всякій разъ, но уже не выплатъ денегъ. Сверхъ того, обыкновенное чернило имѣетъ еще множество другихъ дурныхъ свойствъ. По прошествіи нѣкотораго времени оно покрывается плесенью, густѣетъ и дѣлается слизистымъ. Наконецъ окрашивающее вещество, не будучи здѣсь растворено химически, а только разболтано въ водѣ, осѣдаетъ, и чернило дѣлается постоянно хуже и хуже, и наконецъ вовсе негоднымъ къ употребленію.

Такія неудобства уже давно побуждали къ отысканію новаго, болѣе надежнаго состава чернила. Даже академіи сочли нужнымъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Парижская Академія На-

укъ признала предметъ этотъ столь важнымъ, что предложила награду за изобрѣтеніе новаго состава, который былъ бы общепотребителенъ и не имѣлъ бы недостатковъ нынѣшняго обыкновеннаго чернила. Сколько ни проста, повидному, задача, а еще до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, никто не успѣлъ удостоиться обѣщанной награды. Академія назначила потомъ особую комиссію, которая, вѣскольکو времени спустя, къ крайнему уничиженію европейскихъ технологовъ, должна была объявить чрезъ своего предсѣдателя, знаменитаго химика Дюлова, что она не нашла лучшаго средства, чтобъ сдѣлать писанное неизгладимымъ, какъ употребленіе *китайской туши*, разведенной въ водѣ, съ малою примѣсью какой-либо кислоты, всего лучше водохлорной.

Хорошее чернило должно непременно легко стекать съ пера, скоро сохнуть, проникать поверхность бумаги, и не измѣняться отъ времени и атмосферныхъ вліяній, а также противиться разрушительному дѣйствію химическихъ реагентовъ. Д-ръ Бостокъ, въ запискѣ, представленной имъ английскому Обществу искусствъ (Society of arts), сообщилъ, что растительная слезъ, дубильное вещество и содержащееся въ послѣднемъ экстрактивное начало, суть главнѣйшія причины дурныхъ качествъ нашего чернила. Онъ нашель, что крѣпкій отваръ кофе весьма пригоденъ къ разжиженію слишкомъ густыхъ чернилъ. Заплѣсненію можно воспрепятствовать прибавкою къ обыкновеннымъ черниламъ одного или двухъ грановъ сулемы или вѣсколькихъ капель какаго-либо летучаго масла; но всего вѣрнѣе, не трудясь надъ исправленіемъ существенно дурнаго состава, замѣнить его лучшимъ.

Основаніемъ всѣхъ предложенныхъ для сей цѣли составовъ есть уголь въ мельчайшемъ его раздѣленіи; его пробовали смѣшивать различнымъ образомъ съ летучими маслами и съ растворами клейкихъ веществъ, но ни одно изъ этихъ соединеній не найдено удовлетворительнымъ. Полученное такимъ образомъ чернило было слишкомъ жирно и густо. Хорошая китайская тушь болѣе всего соотвѣтствовала бы требованію, еслибъ написанное ею не такъ легко смывалось водою. Въ одномъ изъ засѣданій Линеева Общества докторъ Коксъ предлагалъ употреблять вмѣсто чернила жидкость, истекающую изъ особаго рода грибовъ; сокъ этотъ чернаго цвѣта, неизмѣняющійся ни отъ вліянія солнечныхъ лучей, ни отъ дѣйствія хлороваго газа; водохлорная кислота правда уничтожаетъ писанное этимъ сокомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ она развѣдываетъ и самую бумагу.

Еслибъ можно было собрать побольше этихъ грибовъ, то стоило бы испытать это вещество по обстоятельству.—Недавно начали готовить подъ названіемъ марганцоваго чернила жидкость, въ составъ коей входитъ черная марганцовая окись, по свойствамъ новаго чернила еще неизвѣстны; судя однако по густотѣ этого состава, онъ кажется намъ мало способнымъ для общаго употребленія; марганцовая чернь не могла бы удержаться въ жидкости менѣе клейкой и густой, и осѣла бы непременно на дно.

Докторъ Юръ говоритъ, что, разложивъ ванадоксилий аммиакъ, посредствомъ чернильно-орѣшковой настойки, можно получить прекрасное, весьма черное и совершенно прочное чернило; но это чернило можетъ сдѣлаться общепотребительнымъ только тогда, когда ванадій будетъ найденъ въ большомъ количествѣ; нынѣ же онъ принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ металловъ, и по этому чрезвычайно дорогъ.

Недавно начало входить въ употребленіе такъ называемое *хромовое чернило*, изобрѣтенное нѣмецкимъ химикомъ Рунге и усовершенствованное у насъ въ Петербургѣ. Оно весьма одобряется многими. Лучшій способъ его приготовленія слѣдующій:

Положить въ котель или горшокъ 4 фунта измельченнаго сиваго сандала, и налить на него ведро воды, поставить на огонь, и держать пока вода закипитъ; потомъ, процѣдивъ жидкость сквозь холстъ, влить въ нее тотчасъ же растворъ изъ 4 золотниковъ желтаго хромоксилаго кали въ полустаканѣ воды, и хорошенько размѣшать жидкость палочкою. Желтобурый отваръ сандала тотчасъ приметъ темнофіолетовый цвѣтъ, который, дѣлаясь постепенно гуще, переходитъ, послѣ охлажденія, окончательно въ темносиній. Если же это чернило вскипятить, тотчасъ по прилѣтѣ хромовой соли, то оно немеленно принимаетъ упомянутый темносиній цвѣтъ.

Чернило, такимъ образомъ приготовленное, пишеть очень черно, сохраняя, пока не засохло, синеватый отливъ; но засохши, дѣлается черно-бронзовымъ. Оно сохнетъ весьма быстро, не плѣснѣеть, потому-что не содержитъ въ себѣ камеди, и не портитъ стальныхъ перьевъ, по причинѣ отсутствія въ немъ куороса и кислоты; но со временемъ также густѣеть. Послѣднему горю легко пособить примѣсью ничтожнаго количества хлористаго ртути.

Чрезвычайная дешевизна этого чернила составляетъ также одно изъ отличительныхъ его свойствъ. Сверхъ того оно не

смывается водою и не разрушается отъ дѣйствія не весьма густыхъ кислотъ.

Недавно въ Лондонѣ извѣстные торговцы канцелярскими припасами Добсъ и компанія пустили въ продажу такъ называемое *королевское чернило* и *королевскую бумагу*. Это было нечто-иное, какъ бумага, пропитанная растворомъ сулемы, на которой писали безцвѣтнымъ растворомъ іодистаго потассія: написанное этою безцвѣтною жидкостію на приготовленной такимъ образомъ бумагѣ, принимало красивый малиновый цвѣтъ. Идея была не новая, и такого рода бумагу давно пытались пустить въ ходъ; но затруднительность ея приготовленія и слѣдовательно высокая цѣна препятствовали этому. Спекуляція Добса не удалась, а ихъ королевское чернило осталось грушкото, не имѣющею претензіи на общепотребительность.

Читая описаніе древняго чернила у Пинніа, эдинбургскій химикъ Трайль составилъ прекрасное чернило, подобное древнему и состоящее изъ углестаго вещества, разболтаннаго въ растворѣ растительной клейковины въ уксуѣ. Впрочемъ, должно признаться, что приготовленіе этого превосходнаго чернила довольно затруднительно. Вотъ какъ описываетъ его самъ г. Трайль, въ XIV томѣ *Transactions of the Royal Society of Edinburgh*.

Прежде всего надобно приготовить растительную клейковину. Размина небольшое количество этого вещества въ струѣ воды, увидимъ, что весь содержавшійся въ немъ крахмалъ уносится водою, а въ рукахъ остается масса клейкая и тягучая. Чѣмъ старательнѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ послѣдняя выйдетъ чище. На десять частей жидкости, извѣстной въ торговлѣ подъ названіемъ пригорѣлой уксусной кислоты, (нечистая уксусная кислота) берутъ одну съ половиною часть такой очищенной клейковины, и подвергаютъ все вмѣстѣ, въ закрытомъ сосудѣ, легкому жару. Черезъ сутки, клейковина растворяется, и смѣсь представляетъ мыльную жидкость. Для обращенія ея въ чернило, надобно примѣшивать къ ней самой лучшей сажы, въ пропорціи 8 или 12 грановъ на унцію жидкости, и смѣшивать какъ можно старательнѣе, чрезъ растираніе въ ступкѣ. Тогда чернило готово. Можно прибавить еще нѣсколько истолченной гвоздики, для приданія составу пріятнаго запаха. Чернило это было подвержено самому строгому испытанію. Бумага, исписанная имъ, была подвержена въ теченіе цѣлыхъ сутокъ дѣйствію воднаго раствора хлора, столь сильнаго, что самое лучшее обыкновенное чернило бѣлѣло отъ него въ нѣсколько

минуть. Написанное же черниломъ г. Трайля осталось послѣ 24-хъ часоваго дѣйствія хлора столь же явственно, какъ бы сейчасъ написанное. Тотъ же самый результатъ полученъ и послѣ дѣйствія хлора въ теченіе трехъ сутокъ. Письмо, выставленное на воздухъ и на солнцѣ, почернѣло еще болѣе и впилося крѣпче въ бумагу. Ни вода, ни щелочи, ни кислоты, не произвели ни малѣйшаго измѣненія въ писанномъ.

Шотландскій банкъ ввелъ у себя исключительное употребленіе чернила, изобрѣтеннаго г. Трайлемъ, и этому примѣру послѣдовали, какъ носится слухъ, многія купеческія конторы.

Мы сами пробовали дѣлать чернило по рецепту г. Трайля, потому-что не могли найти его въ лавкахъ. Оно дѣйствительно очень хорошо, если только хорошо приготовлено; но тщательное его приготовленіе обойдется очень дорого, такъ что едва ли оно можетъ войти во всеобщее употребленіе, и соперничать съ хромовымъ.

Золотоносная розсыпь на Борнео. — Извѣстно, что отставной поручикъ остиндской арміи, мистеръ Брукъ, послѣ многихъ самыхъ романтическихъ и занимательныхъ приключеній, сдѣлался нынѣ владѣтелемъ или раджою Саравакской области на островѣ Борнео, и подвизается тамъ на поприщѣ просвѣщенія Даяковъ, туземнаго малайскаго племени, и истребленія морскихъ разбоевъ, столь частыхъ и опасныхъ въ Индѣйскомъ Архипелагѣ. Одинъ изъ послѣднихъ номеровъ остиндской газеты *Journal of the Indian Archipelago* произвелъ въ Лондонѣ впечатлѣніе. Въ немъ сообщаютъ, что во владѣніяхъ Сараваккаго раджи, отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей обрушился одинъ изъ склоновъ горы Триакъ, состоявшій преимущественно изъ кварцоваго песка. Этотъ песокъ былъ снесенъ дождевыми потоками въ долину, и оказалъ чрезвычайное богатство золота, которое понадается самородками, превосходящими часто полфунта вѣсомъ. Немедленно началась промывка, которою занимаются болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Сухое молоко. — Фермеры лорда Тальбота въ Стафордширѣ открыли средство обращать молоко и сливки въ сухія плитки, на подобіе шоколадныхъ. Стоить только распушить такую плитку въ кипяткѣ, чтобы получить молоко или сливки. Въ такимъ образомъ приготовленныхъ плиткахъ, по свидѣтельству химика Брандеса не содержится никакого посторонняго вещества, кромѣ сахара.

Это, повидимому, ничтожное, но, въ-самомъ-дѣлѣ, важное

изобрѣненіе принесетъ большую пользу путешественникамъ, особенно во время долгихъ морскихъ кампаній.

Потребленіе свѣтллага газа въ Великобританіи. — По показанію Mining-Journal нынѣ существуетъ въ Англіи 560 общественныхъ газометровъ, а въ Шотландіи и Ирландіи 215, что составляетъ всего 775 заведеній для приготовленія и продажи свѣтллага газа, занимающихъ оборотный капиталъ въ 8 милліоновъ ф. ст. (слишкомъ 50 милліоновъ р. сер.). Въ этихъ заведеніяхъ готовятъ ежегодно до 9,000,000,000 куб. футовъ газа и употребляютъ на то 1,150,000 тоннъ каменнаго угля. Около 20,000 работниковъ заняты этимъ производствомъ въ самыхъ заведеніяхъ и почти столько же въ угольныхъ копяхъ и при перевозкѣ добытаго угля. Изчислено, что для произведенія количества свѣта, равняющагося доставляемому упомянутою массою газа, потребовалось бы примѣрно 13 милліоновъ ведеръ масла, и такое масляное освѣщеніе обошлось бы потребителямъ въ 8 или 9 разъ дороже газоваго.

А вотъ и новый хорошій снарядъ для приготовленія свѣтллага газа.

Гражданскій инженеръ Уильямсонъ, проживающій близъ Шеффилда, изобрѣлъ снарядъ, посредствомъ котораго можно добыть изъ одной тонны угля (62 пуд.) до 9,000 куб. футовъ газа. Снарядъ этотъ устроенъ такъ, что довольно одного работника для приведенія его въ дѣйствіе, и газъ добытый этимъ способомъ, обходится не дороже 2 шил. (60 коп. сер.) за каждые 1,000 куб. футовъ.

Привилегированная машина для печенія хлѣба. — Гг. Робинсонъ и Ли устроили въ Глазго (Glasgow) особый механическій снарядъ для улучшеннаго печенія хлѣба. Помощію этого снаряда, занимающаго собою помѣщеніе не болѣе какъ 9 квадр. футовъ, выдѣлываютъ по 93 пуда хлѣба или 62 пуда сухарей въ часъ, безъ всякаго пособія ручной работы.

Извѣстно, что на заквашиваніе и на входѣ тѣста, при обыкновенномъ хлѣбпеченіи, тратится наиболѣе времени, и что при этомъ мукѣ теряетъ много питательности. Изобрѣтатели новаго снаряда утверждаютъ, что они избѣгаютъ обѣихъ потерь, употребляя для замѣшиванія тѣста насыщенную угольною водослою воду, приготовленіе коей обходится весьма дешево; впрочемъ снарядъ ихъ равно годенъ и при употребленіи дрожжей.

Весьма простое, но вмѣстѣ и остроумное устройство проводить мукѣ и жидкость одновременно на устроенный въ этой

машинѣ конусъ; падая на него вмѣстѣ и въ нужной пропорціи, они смѣшиваются и проходятъ въ мѣстительное корыто, откуда тѣсто выдавливается чрезъ отверстіе, при выходѣ изъ коего разрѣзывается эксцентрическимъ пожемъ на куски одинаковой величины. Куски эти или хлѣбы попадаютъ на катокъ, а съ него проводится тѣмъ же механизмомъ, въ снарядъ, дающій имъ правильный видъ, а оттуда въ печь.

Въ печи паръ, двигающій весь механизмъ и сильно разгоряченный, проходя чрезъ змѣобразную раскаленную металлическую трубку, быстро испекаетъ хлѣбъ. Степень жара управляется само-дѣйствующимъ регуляторомъ, — такъ что пекаръ во всякое время увѣренъ въ томъ, что хлѣбы его ни пригорятъ, ни останутся недопечеными.

Эта машина чрезвычайно будетъ полезна тамъ, гдѣ нужно заготовлять въ короткое время огромное количество хлѣба или сухарей.

Золоченый и серебряный шолкъ. — Въ нѣмецкой петербургской Коммерческой Газетѣ читаешь извѣстіе, что одинъ французскій химикъ открылъ способъ серебрить и золотить шолкъ, и довелъ это производство до высшей степени совершенства.

Уже многіе трудились надъ серебреніемъ и золоченіемъ шолка гальваническимъ путемъ.

Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія по желѣзнымъ дорогамъ. — Заводчикъ Флечеръ получилъ привилегію на приборъ для опредѣленія, во всякій данный моментъ, мѣста, гдѣ находится поѣздъ на желѣзной дорогѣ. Ночью и въ пасмурную погоду, когда трудно различать окрестные предметы, этотъ приборъ можетъ принести большую пользу. Такъ какъ къ нему присоединенъ часовой механизмъ для измѣренія времени, то, зная время и пройденное пространство, самымъ простымъ вычисленіемъ можно опредѣлить скорость, съ которою движется поѣздъ.

Приборъ Флечера показываетъ пройденное пространство помощію стрѣлки, движущейся по циферблату, раздѣленному на столько частей, сколько дорога имѣетъ миль; сверхъ того означены на немъ станціи, по взаимному ихъ разстоянію. Малая стрѣлка, описывающая цѣлый кругъ, когда поѣздъ пробѣгаетъ двѣ мили, служитъ для опредѣленія скорости. Другая большая стрѣлка, движущаяся въ 5,000 разъ медленнѣе, опредѣляетъ пространство, пройденное поѣздомъ въ значительный промежу-

токъ времени (напр. въ нѣсколько педѣль). Механизмъ, записывающій на бумагѣ скорость и пройденное пространство, помѣщается внутри прибора. Бумага имѣетъ видъ длинной полосы, на которой начерчены продольныя и перпендикулярныя линіи. Во-время движенія поѣзда, полоска бумаги навивается на цилиндръ, котораго движеніе рассчитано такъ, что когда поѣздъ сдѣлаетъ одну милю, то на цилиндръ навивется ровно одинъ промежутокъ между послѣдовательными перпендикулярными линіями. Во-время движенія бумаги, карандашъ, управляемый часовымъ механизмомъ, дѣлаетъ чрезъ каждую минуту на продольныхъ линіяхъ бумаги поперечныя черточки. Такимъ образомъ число поперечныхъ черточекъ покажетъ число минутъ (то есть *время*), а число перпендикулярныхъ къ нимъ линій — число миль (то есть *скорость* и *пространство*). Для приведенія въ движеніе, приборъ сообщается съ колесомъ вагона или паровоза, катящимся по рельсу и устроеннымъ отъ дѣйствія нажима. Онъ устанавливается на видномъ кондуктору и машинисту мѣстѣ, и по ночамъ освѣщается.

Еще должно присовокупить, что Флечеровъ приборъ, на особомъ листѣ бумаги, дѣлаетъ самъ, въ продолженіе цѣлаго дня, отмѣтки, показывающія скорость поѣзда и время остановокъ на станціяхъ.

Леньельевъ нажимъ. — Литтхская желѣзная дорога имѣетъ довольно крутыя скаты, на которые поѣзды поднимаются помощію канатовъ; скатываются же съ нихъ собственною своею тяжестію. Чтобы предупредить несчастія, весьма возможныя въ послѣднемъ случаѣ, отъ слишкомъ большой скорости скатывающагося поѣзда, а въ первомъ — отъ разрыва каната, необходимо употребляютъ сильныя нажимы, простаго и удобнаго устройства. Съ этою цѣлію прибѣгнули къ нажимамъ, устроеннымъ по системѣ *Леньеля* (Laignel), которые прикрѣпляются къ большому шестиколесному вагону. Такой большой вагонъ неизрѣнно находится въ каждомъ поѣздѣ и къ нему прикрѣпляютъ приборъ, имѣющій видъ щипцовъ или клещей, которыми захватывается канатъ при поднятіи въ гору и рельсъ при спускѣ.

Нажимъ *Леньеля* дѣйствуетъ не на колесо, какъ другіе нажимы, но на рельсъ, такъ что треніе между имъ и рельсомъ составляетъ останавливающую силу. Онъ состоитъ изъ деревяннаго бруска 4 фута длины, $\frac{2}{3}$ фута ширины и $\frac{1}{10}$ фута высоты; къ бруску прикрѣплена снизу желѣзная полоса, вертикальный раз-

рѣзъ которой имѣетъ совершенно такую же форму, какъ и разрѣзъ колесъ вагона, такъ что полоса, опущенная на рельсъ, ложится на него совершенно также, какъ и ободъ колеса, только съ тою разницею, что полоса прикасается къ рельсу всею своею шириною. Вертикальная ось, приводимая въ движеніе рукояткою, служитъ для подниманія и опусканія полосы, для чего на концѣ ея сдѣланъ винтовой нарѣзъ, входящій въ подвижную гайку съ двумя рычагами. Когда ось, посредствомъ рукоятки, приводится въ движеніе, то гайка поднимается по винтовому нарѣзу, и заставляетъ прикрѣпленные къ рычагамъ полосы опускаться и давить на рельсы. Давая рукояткѣ самое медленное движеніе, можно увеличивать треніе полосы о рельсъ постепенно и соразмѣрно съ скоростію движенія поѣзда. Наибольшее треніе получится тогда, когда колеса вагона совершенно отдѣлятся отъ рельсовъ, и слѣдовательно вся тяжесть вагона будетъ лежать на полосѣ. Хотя вагонъ, имѣющій отъ 8 до 9 аршинъ длины, уже самъ по себѣ довольно тяжелъ, но вѣсъ его увеличиваютъ еще чугуннымъ балластомъ до 500 пудовъ; не смотря на это, нашли однакожъ, что бываютъ случаи, когда сопротивленіе вагона и съ такимъ нажимомъ недостаточно. Тогда посредствомъ цѣпи присоединяютъ къ вагону родъ саней, полозья которыхъ замѣнены шинами, подобными описаннымъ. Треніе такихъ полозьевъ имѣетъ съ полосами нажима задерживаетъ самый сильный разлетъ поѣзда.

Вагонъ съ нажимомъ имѣетъ цѣлію не одно только уменьшеніе скорости спускающагося поѣзда: его ставятъ еще въ случаѣ подъема впереди цѣпи экипажей и прикрѣпляютъ къ нему безконечный канатъ, поднимающій на гору. Вагонъ снабженъ, для этой цѣли, спереди и сзади, особымъ приборомъ, похожимъ на клещи, посредствомъ котораго канатъ мгновенно соединяется съ вагономъ и отдѣляется отъ него.

Механизмъ этого прибора такъ простъ, что имъ можетъ управлять каждый кондукторъ.

Мы заимствуемъ описаніе этого важнаго для всѣхъ интересующихся желѣзными дорогами изобрѣтенія изъ 105 нумера известнаго французскаго техническаго журнала *Le Technologiste*.

Добываніе поташа безъ сожиганія дерева. — Это открытіе, сдѣланное въ Америкѣ братьями *Роджерсъ* (Rodgers), общаесть обширныя примѣненія въ промышленности. До-сихъ-поръ думали, что для извлеченія изъ деревьевъ и другихъ растеній содержащихся

въ нихъ щелочей, необходимо нужно сжечь ихъ и превратить въ пепель; но Гг. Роджерсы придумали для этой цѣли совершенно противоположный, но не менѣе надежный путь.

Они приводятъ назначенное для извлеченія щелочей дерево въ состояніе мелкихъ опилокъ, и потомъ промываютъ послѣднія въ водѣ, насыщенной углекислотою, которая и извлекаетъ щелочь. Фактъ этотъ испытанъ нынѣ въ отношеніи клена, дуба и орѣховаго дерева, но, вѣроятно, будетъ одинаково успешенъ и при другихъ древесныхъ породахъ. Новый способъ представляеть въ числѣ прочихъ и ту выгоду, что онъ даетъ гораздо больше щелочей противъ прежняго: ибо углекислота кали и даже натръ, при сильномъ накаливаніи, улетучиваются

Литой мраморъ у древнихъ. — Мы заимствуемъ изъ *Указателя открытій*, печатаемаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдующую статейку о литомъ мраморѣ, употреблявшемся въ древности вмѣсто цемента, и нынѣ составляемъ г. Остермайеромъ.

Давно извѣстно, что углекислая известь, смѣшанная въ определенной пропорціи съ ѣдкою или негашеною (кипѣлою), твердеетъ отъ образованія основной углекислой соли, поглощающей кристаллизационную воду. Г. Оттонъ *Остермайеръ* въ точности изслѣдовалъ этотъ предметъ, и нашелъ, что упомянутая смѣсь можетъ съ пользою замѣнить не только обыкновенный, но даже гидравлическій цементъ и, во многихъ случаяхъ, гипсъ.

Для составленія своего цемента, Остермайеръ мѣшаетъ известковое молоко съ мелкопесточеннымъ мраморомъ или мѣломъ; смѣсь эта доводится до густоты тѣста, и немедленно употребляется въ дѣло. Она сохнетъ и крѣпнетъ почти такъ же скоро, какъ и гидравлическая известь; щелочныя ея свойства слабы; въ водѣ сохраняется хорошо; но преимущественно годна для формовки и снятія оттисковъ всѣхъ размѣровъ. Штукатурка изъ нея хотя и тяжела, но держится хорошо.

Такъ какъ цементъ Остермайера свойствами и видомъ весьма походитъ на *римскій* или на такъ-называемый *литой мраморъ*, то упомянутый химикъ сдѣлалъ разложеніе римскаго цемента-мрамора, найденнаго въ Помпей. Онъ оказался состоящимъ изъ некристаллической извести, съ примѣсью мелкихъ осколковъ известковаго шпата, и растворяется безъ остатка, съ сильнымъ пшибніемъ, въ слабой соляной кислотѣ. Осколки шпата примѣшаны въ помпейскомъ цементѣ почти въ той же пропорціи,

какъ у насъ присыпается песокъ въ известку для штукатурки. Изъ всего этого должно заключить, что римляне приготовляли свой цементъ изъ смѣси углекислой и негашеной извести, съ прибавкою осколковъ шпата.

Римскій цементъ бѣлъ, гладокъ, твердъ, и поверхность его испещрена мельчайшими параллельными трещинами, что составляетъ особую его принадлежность, и происходитъ, вѣроятно, отъ постепеннаго перехода основной углекислой извести въ среднюю: при этомъ переходѣ освобождающаяся кристаллизационная вода образуетъ трещины. Древній цементъ лежитъ всегда слоемъ, толщиною въ палець, на словъ другаго, сѣраго, въ которомъ шпатъ замѣненъ, какъ кажется, лавою.

Г. Остермайеръ полагаетъ, основываясь на изслѣдованіяхъ римскихъ цементовъ, что при употребленіи изобрѣтеннаго имъ цемента въ большихъ количествахъ, нужно прибавлять, для лучшей связи, крупно песточенный известнякъ, отъ чего масса сохнетъ гораздо лучше. Цементъ Остермайера обходится не дороже обыкновеннаго.

Статья эта переведена Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ *Polytechnisches Centralblatt*.

Искусственный горючій матеріалъ. — На составленіе этого матеріала получили патентъ приплегію Гг. *Голандсъ* и *Гринъ*. Они дѣлаютъ его изъ угольнаго мусора, гипса и извести, которые, хорошо перемѣшавъ между собою, смачиваютъ водою до густоты тѣста, а потомъ пресуютъ въ формы и сушатъ.

Этотъ искусственный горючій матеріалъ оказывается особенно годнымъ для нагреванія паровыхъ котловъ. По химическому разложенію онъ оказался состоящимъ, по вѣсу, изъ мелко-смолятаго обожженнаго гипса 140 ч., обожженной извести 17 ч., квасцовъ 17 ч., каменной соли 17 ч., глины 28 ч. и угольнаго мусора 2,240 частей.

Квасцы прибавляются, вѣроятно, для того, чтобы уголь горѣлъ какъ можно медленнѣе; а каменная соль придаетъ горѣнію большую яркость. Въ случаѣ надобности, чтобы горѣніе совершалось весьма быстро, квасцы слѣдуетъ замѣнить *чмлейскою селитрою* или азотнокислымъ натромъ.

Такъ какъ главная составная часть новаго горючаго матеріала есть угольный мусоръ, то, полежавъ нѣсколько времени на воздухѣ, онъ весьма легко распадается въ порошокъ, особливо при содѣйствіи сырости. Для избѣжанія этого неудобства,

прессованные куски окунываются въ льняное или конопляное масло.

Новый способъ травленія стали и мѣди.—До-сихъ-поръ употреблялись для травленія стали и мѣди крѣпкіе растворы азотной кислоты, что представляло многія неудобства, производимыя отдѣленіемъ недоокиси азота. Пузырьки газа, пристава къ металлу, защищали его отъ дальнѣйшаго дѣйствія кислоты, и вообще кислота, разъѣдая края и не проникая въ глубину, давала очень грубыя линіи.

Дѣйствіе кислоты, часто противъ желанія, слишкомъ усиливалось отъ поглощенія образующейся изъ недоокиси азота азотной кислоты, которая притомъ вредно дѣйствовала на организмъ работниковъ.

Всѣ эти причины побуждали къ отысканію жидкости для травленія, которая не отдѣляла бы газовъ. Полагали, что солероды, которые непосредственно соединяются съ металлами, будутъ всего приличнѣе въ настоящемъ случаѣ, и дѣйствительно, это предположеніе оправдалось на опытѣ.

Опишемъ вкратцѣ способы приготовленія жидкостей для травленія мѣди и стали.

Для травленія мѣди берутъ 40 ч. дымящейся соляной кислоты (содержащей въ себѣ 40 процентовъ сухой соляной кислоты) разводятъ 70 ч. воды и къ смѣси прибавляютъ кипящаго раствора, составленнаго изъ двухъ частей хлористаго кали и 2 частей воды. Приготовленный такимъ образомъ растворъ содержитъ значительное количество свободнаго хлора, и его можно развести еще 100 или 200 ч. воды для травленія въ слабѣйшихъ частяхъ. Чѣмъ крѣпче растворъ, тѣмъ тонѣе получается темпѣе.

Здѣсь слабый запахъ хлора далеко не такъ неприятенъ, какъ запахъ азотистой кислоты.

Жидкость для травленія стали готовится изъ раствора 2 ч. іода и 5 ч. іодистаго кали въ 40 ч. воды. Если прибавить, вмѣсто 40 ч. воды, 80 ч., то получаютъ самую слабую и тонкія линіи.

Линіи, полученныя помощію описанныхъ нами жидкостей, бываютъ весьма глубоки и съ совершенно острыми краями, даже самыя тонкія линіи, проведенныя машиною, никогда не сливаются. Температура при этой операциі не берется въ расчетъ, если только она заключается въ извѣстныхъ предѣлахъ. Жидкость, однажды бывшая въ дѣлѣ, смѣшивается съ

углекислымъ кали, процѣживается, и чрезъ прибавку хлорной воды опять идетъ въ дѣло.

Грибъ — sputaria alba.—Часто случается осенью на живыхъ или поблекшихъ листьяхъ, на вѣтвяхъ и заборахъ странное произведеніе, имѣющее видъ клейкой сѣточки, похожей на подсыхающую мыльную воду. Это—грибъ, названный ботаниками—*sputaria alba*, котораго развитіе, до-сихъ-поръ неизвѣстное, теперь весьма хорошо описано докторомъ Бонорденемъ, въ *Botanische Zeitung*.

Прежде образованія гриба, появляются на листьяхъ вѣтвистыя жилки блѣдножелтаго цвѣта, которыя подъ микроскопомъ, при 600-разовомъ увеличеніи, оказываются состоящими изъ клейкой, густой матеріи, содержащей въ себѣ множество мельчайшихъ крупинокъ. При образованіи гриба, крупинки скопляются на одномъ изъ концевъ развѣтвленія, и образуютъ какъ бы пузырекъ или желвачокъ; вѣтви же укорачиваются и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ. Докторъ Бонорденъ не могъ открыть причины, заставляющей крупинки скопляться преимущественно въ одну точку.

Внутреннее развитіе гриба не менѣе замѣчательно. Когда существо его достигнетъ совершеннаго развитія, оно раздѣляется на три слоя. Нижний, непосредственно прилегающій къ листку и вѣткѣ, состоитъ изъ безвидной, полосатой слизи; средній составляетъ изъ тонкихъ, прозрачныхъ пластинокъ, которыя (какъ въ *aethalium*), образуютъ родъ пелетъ или глазковъ (углублений) съ боками, усѣянными множествомъ мельчайшихъ усиковъ, анатоморфующихся въ видѣ сѣтки и производящихъ крупинки; третій слой, лежащій на самомъ верху, состоитъ изъ маленькихъ, черныхъ тѣлъ, окристаллизованныхъ въ видѣ звѣздочекъ.

Г. Бонорденъ основательно замѣчаетъ, что необходимо нужно исправить родовые признаки, которые донынѣ приписывали грибу *sputaria alba*.

Некристаллизованный алмазъ.—Въ числѣ минераловъ, привезенныхъ въ прошломъ году изъ Бразиліи въ Парижъ, найдены некристаллизованный, сплошной алмазъ, котораго описаніе и разложеніе представлено г. Риво (Rivot) Парижской Академіи Наукъ. Алмазъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ въ видѣ округленныхъ кусочковъ чернубураго цвѣта, безъ блеска; поверхность ихъ, разсматриваемая въ увеличительное

стекло, является усеяною множеством мелких углублений, раздѣляющих мельчайшія пластинки неправильной формы, слегка просвѣчивающія и радушно отражающія солнечные лучи. Твердость алмазная; удѣльный вѣсъ отъ 3,01 до 3,41.

Этотъ алмазъ не содержитъ въ себѣ летучихъ веществъ и отъ накаливанія въ тиглѣ не теряетъ своего вѣса. Оно было разложено чрезъ сожиганіе въ кислородъ и опредѣленіе количества образовавшейся углекислоты. Разложеніе показало, что это почти чистый углеродъ, содержащій отъ 0,24 до 2,03 процентовъ золы.

Образчикъ подобнаго алмаза былъ представленъ въ прошломъ году С. Петербургскому Минералогическому Обществу, членомъ В. И. Левенштиммомъ, извѣстнымъ любителемъ и отличнымъ знатокомъ драгоценныхъ камней.

Химическія измѣненія яйца во-время развитія зародыша. Мы заимствуемъ изъ Указателя открытій, помѣщаемого въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдующую, весьма важную въ физиологическомъ отношеніи статью:

Давно извѣстно, что вѣсъ яйца во-время насиживания уменьшается; по опытамъ Проута, эта потеря составляла въ первую недѣлю 5 процентовъ первоначальнаго вѣса, во вторую недѣлю—13, а въ третью 16 процентовъ. Новѣйшіе опыты Сакка * подтвердили эти числа, которыя теперь можно считать довольно вѣрными. Причина потери состоитъ въ томъ, что кислородъ воздуха соединяется съ углеродомъ и водородомъ веществъ, заключающихся въ яйцѣ, образуя углекислоту и воду: слѣдовательно, здѣсь яйцо дышитъ, какъ вполнѣ развитое животное. Гг. *Бодримонъ* и *Мартень Сент-Анжъ*, въ отвѣтъ ** на задачу, предложенную Парижею Академіею Наукъ, превосходно изслѣдовали этотъ процессъ. Необходимость воздуха для развитія зародыша доказывается тѣмъ, что развитіе прекращается и зародышъ умираетъ, если покрыть яйцо лакомъ, непроницаемымъ для воздуха. Чтобы доказать, что уменьшеніе вѣса зависитъ отъ образованія углекислоты и воды, Бодримонъ помѣщалъ куриныя яйца въ плотно-закрѣтый сосудъ, и нагревая его до температуры, необходимой для развитія зародыша (+32° Реомюра), опредѣлялъ, по истеченіи 36 часовъ, составъ воздуха

* Annales des Sciences Naturelles. Septembre, 1847.

** *Baudrimont et Martin Saint-Ange.* Annales de Chimie et de Physique, Octobre et Novembre 1848.

въ сосудѣ, гдѣ находилъ значительное уменьшеніе кислорода, увеличеніе количества паровъ воды и присутствіе большого количества углекислоты. Анализируя потомъ воздухъ, содержащійся въ воздушной камерѣ яйца или *пути*, Бодримонъ нашелъ, что онъ богаче кислородомъ, чѣмъ атмосферный. Въ началѣ дыханія яйца, окисленіе совершается помощію кислорода, содержащагося въ воздушной камерѣ; покрывая ее непроницаемымъ для воздуха лакомъ, и оставляя остальную поверхность яйца нелакированной, мы найдемъ, что чрезъ недѣлю насиживания, зародышъ хотя показывалъ признаки развитія, но былъ мертвъ. Покрывая лакомъ одну половину яйца, такъ, что половины раздѣлялись плоскостію, проходящею чрезъ большую ось яйца, Бодримонъ находилъ, что зародышъ развивался въ томъ случаѣ, когда непокрытая лакомъ половина была обращена къверху; если же къверху лежала нелакированная половина, то зародышъ болѣе не развивался. Причиною тому — легкость зародыша, который всегда поднимается къверху.

Воздухъ содѣйствуетъ развитію зародыша только своимъ кислородомъ; азотъ же въ этомъ случаѣ остается безразличнымъ: по этому можно было *à priori* полагать, что въ чистомъ кислородѣ, не разжиженномъ примѣсью азота, химическій процессъ во внутренности яйца долженъ совершаться быстро. Но опытъ показалъ, что развитіе зародыша въ чистомъ кислородѣ невозможно, точно такъ же, какъ и продолженіе жизни развитаго животнаго, котораго заставили бы постоянно дышать чистымъ кислородомъ.

Газы, неподдерживающіе дыханія и горѣнія, равно негодны для содѣйствованія развитію зародыша въ яйцѣ.

Если сравнить составъ яйца до насиживания и непосредственно до вылупленія цыпленка, то мы узнаемъ, какія произошли въ немъ химическія измѣненія во-время развитія.

Яйцо состоитъ изъ скорлупы съ ея оболочками, изъ бѣлка и изъ желтка, который есть тотъ же бѣлокъ, только смѣшанный съ желтымъ жиромъ. Мы уже упоминали, что послѣ трех-недѣльнаго насиживания, когда цыпленокъ готовъ вылупиться, яйцо потеряло отъ 16 до 17 процентовъ первоначальнаго вѣса, и эта потеря, по опытамъ Сакка, простирается преимущественно на жиръ, содержащійся въ яйцѣ. Такъ яйцо до насиживания представляетъ слѣдующій составъ:

скорлупы и ея оболочки	10,67
бѣлковыхъ веществъ	17,80

жировъ	18,83
воды	52,69
	100,00.
Предъ выхожденіемъ цыпленка состоитъ изъ	
скорлупы и ея оболочковъ	10,01
бѣлковыхъ веществъ	19,43
жировъ	6,48
воды	47,07
	82,99.
Слѣдовательно, потери	17,01
	100,00

Изъ этого видно:

1 Что неорганическая часть яйца—скорлупа, не участвуетъ въ химическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ съ яйцомъ во время насиживания.

2 Бѣлковина не уменьшилась, но претерпѣла химическія и физическія измѣненія, превратившись изъ безформенной массы въ органы цыпленка.

3 Что уменьшеніе вѣса яйца исключительно зависитъ отъ окисленія жировъ и отъ испаренія воды.

Надобно замѣтить, что вѣсъ отдѣлившихся продуктовъ—углекислоты и воды, нѣсколько значительнѣе потери вѣса яйца. Это зависитъ отъ присоединенія части кислорода воздуха къ веществамъ, содержащимся въ яйцѣ.

Исслѣдованія Бодримона показали, какъ много зависитъ развитіе зародыша отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ что небольшое измѣненіе температуры или влажности воздуха можетъ остановить процессъ развитія. При $+32^{\circ}$ Реомюра развитіе идетъ правильно, при $+30^{\circ}$ медленнѣе, а при низшей температурѣ вовсе прекращается. Если температура нѣсколько выше $+32^{\circ}$, то развитіе ускоряется, но при $+34^{\circ}$ зародышъ погибаетъ. Зародышъ также погибаетъ отъ чрезвычайно сильнаго испаренія воды, если окружающей воздухъ необыкновенно сухъ.

Опыты надъ развитіемъ яицъ лягушекъ привели къ тѣмъ же общимъ результатамъ: кислородъ и температура не ниже 10° Реомюра составляютъ необходимыя условія для ихъ развитія. Развитіе головастиковъ ускоряется отъ вліанія свѣта; электричество, кажется, имѣетъ на нихъ вредное вліаніе, по-

тому что если держать головастиковъ въ небольшомъ количествѣ воды, то они умираютъ во время грозы. Такъ какъ яйца лягушекъ не имѣютъ твердой оболочки и развиваются въ водѣ, то тутъ является особенность, что минеральныя вещества, растворенныя въ окружающей водѣ, входятъ въ составъ органовъ зародыша. Въ этомъ можно удостовѣриться сожиганіемъ лягушечьихъ яицъ и головастиковъ и химическимъ разложаніемъ полученнаго пепла: мы найдемъ, что въ пеплѣ головастиковъ находятся неорганическія вещества, которыхъ нѣтъ въ пеплѣ лягушечьихъ яицъ.

Еще замѣчательный фактъ, что курица во время насиживания яицъ находится совершенно въ ненормальномъ состояніи: она чрезвычайно худѣетъ и уменьшается въ вѣсѣ. Г. Саккъ нашелъ, опытами, что курица, вѣсившая до насиживания 168 золотниковъ, по вылушеніи цыплятъ вѣсила только 121 золотникъ. Такое уменьшеніе въ вѣсѣ продолжалось еще съ недѣлю послѣ окончанія насиживания, и курица дошла до 119 золотниковъ вѣса. Потомъ вѣсъ началъ вновь увеличиваться.

Платина въ Альпійскихъ горахъ. — Г. Эмиль Геймаръ (Gueymard), при изслѣдованіи многихъ альпійскихъ минераловъ, нашелъ въ нихъ присутствіе платины, хотя въ количествѣ, недопускающемъ выгодной разработки. Впрочемъ, весьма легко можетъ статься, что современемъ будутъ открыты въ Альпахъ мѣста, гдѣ присутствіе платины окажется достаточно богатымъ для практической разработки.

До сихъ поръ извѣстны были мѣстонахожденія платины въ наносахъ Колумбін, Урала, Бразиліи, Сан-Доминга и въ діоритовой породѣ горнаго хребта Колумбін, да въ Уральскихъ серпентинахъ или змѣвикахъ. Г. Эмиль Геймаръ впервые указалъ присутствіе этого металла въ Альпахъ. Онъ находитъ здѣсь въ сѣрой мѣдной рудѣ, залегающей слоями въ метаморфическомъ известнякѣ. Эта руда содержитъ въ себѣ, сверхъ мѣди, еще серебро, сурьму, свинецъ, цинкъ, желѣзо, мышьякъ и сѣру: количество серебра достигаетъ въ ней иногда до 12 процентовъ. Матка состоитъ изъ смѣси доломита, кварца и барита.

Впервые найдена альпійская платина на горѣ Шацо, въ Шамполонской общинѣ, въ Дракевой долинѣ. По опытамъ г. Вика, въ этой платинѣ оказываются несомнѣнные признаки родія. Мы полагаемъ, что современемъ откроется тамъ присутствіе и прочихъ металловъ, обыкновенно сопровождающихъ платину во всѣхъ извѣстныхъ мѣстонахожденіяхъ.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

I.

Пріѣзжіи. — Колокольчики. — Иванъ Ивановичъ. — Дядюшка и племянникъ. — В. В. и Н. В. Самойловы. — Бѣги. — Вызовъ. — Утренній Костюмъ. — Портные. — Увеселенія въ посту. — Палеръ. — Пассаждъ. — Вѣстанъ. — Человѣкъ бывалый. — Савісіо «Камаринская» М. П. Глицки. — Рубинштейнъ. — Францъ Францовичъ Космополитскій. — Вишневка и лачуга. — Кавосъ и Бавери. — Сеймуръ Шифъ. — Михайловъ и Артемовскій. — Кашевскій. — Концертъ въ пользу Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. — *Аллегро* Графа М. Ю. Вильгорскаго. — М. В. Шилова. — А. А. Тришатная. — А. Ф. Львовъ. — Глѣбовъ. — Концертъ въ пользу семейства Варламова. — З. П. Башинская. — Живыя картины. — Лотерея. — Базаръ въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія. — Русская изба. — Продавцы. — Концертъ съ живыми картинами въ домѣ Галлера. — Устрицы. — Карты. — Стихи еще новаго поэта. — Книгопродавцы. — Исаковы. — Поляковъ. — Какія бываютъ странныя книги.

У огромнаго дома одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, въ первыхъ дняхъ поста, остановилась дорожная кибитка. Почтовые лошади, разные короба и коробочки, привязанныя къ кузову повозки, черныи, подушки, и самый костюмъ пріѣхавшаго въ ней господина, — все показывало, что въ столицѣ прибавилось однимъ провинціаломъ болѣе.

Лакей пріѣхавшаго, живо соскочилъ съ передка и началъ бѣгать и суетиться передъ воротами, спрашивая всякаго, кто только выходилъ изъ нихъ:

— Позвольте спросить, здѣсь живетъ Иванъ Ивановичъ?...

— Какой Иванъ Ивановичъ?...

— Племянникъ нашъ....

Лакей какъ будто былъ увѣренъ, что всякій живущій въ

этомъ огромномъ домѣ долженъ былъ знать имя племянника, но къ большому своему удивленію получалъ въ отвѣтъ:

— А Богъ его знаетъ, всѣхъ Ивановъ не перечесть, на то дворникъ есть.

— А гдѣ же дворника-то отыскать?

— Да что-ты изъ Китая что ли пришелъ? позвони.

— Да во что?

— Вотъ ручка виситъ!

Лакей съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, исполнилъ благой совѣтъ, и началъ звонить; но, поповизавъ случая, такъ сильно и такъ часто, что дворникъ выскочилъ изъ своей конуры чуть не сломавъ себѣ шею.

Увидя человѣка въ нагольномъ тулупѣ, всего забрызганнаго и все еще потѣшавшагося, дворникъ привѣтствовалъ прибывшаго не очень ласково.

— Что ты тутъ развонился? Что тебѣ нужно?

— Что нужно? Ивана Ивановича.

— Какого Ивана Ивановича?

— Да ты не кричи; тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ Ивана Ивановича, племянника нашего, къ которому мы пріѣхали сюда изъ далека.

— Да какихъ онъ, по себѣ то?

— Какъ какихъ по себѣ?

— Ну да, — какъ фамилія?

Лакей почесалъ немного затылокъ.

— А вотъ объ этомъ нужно спросить у барина, отвѣчалъ онъ. Наша то фамилія Мошкины, а его ужъ Богъ знаетъ какъ. Мы его еще будемъ видѣть первый разъ.

Лакей побѣждалъ снова къ кибиткѣ, и наконецъ кое-какъ объяснился.

— Вотъ давнобы такъ, заключилъ дворникъ; а то звонить себѣ ни прошто.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ былъ найденъ, и пріѣзжіи, подбравъ концы своей волчьей шубы, прошелъ по прекрасной лѣстницѣ въ третій этажъ.

Поддерживая одною рукою своего барина, лакей не приминувъ другою пощупать лакированную рѣшетку лѣстницы, и прошепталъ:

— Ишь ты дерево то какое, кажись не наше, а заморское. Вотъ бы хоть одинъ такой кусочекъ къ намъ.

Оба подошли къ двери, показанной дворникомъ, и снова, лакей, остановился въ недоумѣнн.

— Ну что же ты, замѣтлвъ прїѣзжїи помѣщикъ.

— Звонить то почему бы не позвонить, отвѣчалъ Оилъка, да не зачтѣ, вѣрно не туда попали; звонка то у этой двери нѣтъ.

Мѣдное углубленіе у дверей, съ находящеюся въ срединѣ его такой же металлической пуговицею, привело въ недоумѣнн Оилъку.

Путешественники добрались наконецъ до самой квартиры Ивана Ивановича.

Было уже часовъ одиннадцать утра, но племянникъ Мошкина еще не вставалъ.

Пользуясь временемъ, покуда ему докладываютъ о прїѣздѣ дяди и пока онъ одѣвается въ утреннїи костюмъ, познакомимъ читателя съ личностю, какъ господина Мошкина, такъ и Ивана Ивановича.

Петръ Александровичъ Мошкинъ служилъ когда-то въ милиціи, но къ его большому сожалѣнню, не видалъ ни какихъ заграничныхъ владѣнн. Оставивъ военную службу, онъ снова поселился въ своей деревнѣ и остался тѣмъ же, чѣмъ былъ—добрымъ, неприхотливымъ человѣкомъ, въ жизни котораго первую роль игралъ халатъ. Годы шли, а Петръ Александровичъ не выѣзжалъ изъ деревни, и такъ залѣнился, что и путешествіе въ пелальнїи отъ него уѣздннй городъ, ему казалось такимъ же страшнымъ и труднымъ, какъ путешествіе въ Киргизскую степь. Село Лужицы—были единственною сферою, въ которой онъ вращался, хозяйничая и прїобщая бережливостю копейку къ копейкѣ и рубль къ рублю. Платье ему шилъ доморощенный портной; сапоги у него были всегда чуть ли не вѣковѣчные, и такъ громко стучали своими желѣзными гвоздями, что заставляли дребезжать въ окнахъ стекла поднимая цѣлые рои покоившихся на нихъ мухъ. Бороду брилъ онъ очень рѣдко, кушалъ что заблагоразсудится подать ему его повару и камердинеру вѣстѣ, Оилъкѣ; слухъ его нѣжили только хоровадннѣ пѣсни, да порою торбанъ, на которомъ онъ иногда заставлялъ, играть Оилъку.

Петръ Александровичъ не могъ истребить въ душѣ своей врожденную меломанію. Но объ этой страсти мы упомянули совершенно нечаянно. Не она, а совсѣмъ другое обстоятельство привело Мошкина въ Петербургъ. Петръ Александровичъ получилъ вѣсть о смерти родной сестры, жившей въ Петербургѣ, и рѣшился навѣстить племянника, единственнаго ея сына. Къ этому у него еще нашлось какое-то дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ, и по-

слѣ долгихъ, неоднократно откладываемыхъ сборовъ, Мошкинъ рѣшился оставить свои Лужицы. Зная по наслышкѣ о шумной, развлеченной жизни Петербурга, Петръ Александровичъ принаровилъ такъ, что бы ему прїѣхать въ него во-время самое мирное,—въ постъ. Мошкинъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, полный, дородннй, совершенннй контрастъ своего племянника, ловкаго, стройнаго и свѣтскаго молодаго человѣка.

Войдя въ переднюю, Петръ Александровичъ очень громко сирисилъ у человѣка, еще только что умывавшагося и чистившаго себя зубы:

— Здѣсь живетъ Ваня?

— Какой Ваня?...

— Извѣстно какой—мой племянникъ Ваня Ивановичъ Прыжковъ.

— Здѣсь.

— Ну, такъ веди меня къ нему, добавилъ Мошкинъ, не думая вовсе скинуть своей волчьей шубы.

— Они изволятъ еще почивать говорилъ лакей.

— Невелика важность, можетъ и встать, веди меня къ нему.

— Позвольте сперва доложить....

— Какой тутъ докладъ, говорятъ тебѣ, что я его дядя.

— Безъ доклада не могу....

Петръ Александровичъ разсердился не на шутку.

— Обойдусь и безъ тебя, любезннй, отвѣчалъ онъ, и вдругъ вскрикнулъ густымъ басомъ:

— Ваня, Ваничька, а Ваничька! здравствуй братъ, вставай да принимай гостей.

Голосъ Петра Александровича заставилъ взвизгнуть лягаваго щенка, покоившагося въ передней. Раздался звонокъ колокольчика, и всѣмъ за этимъ до ушей Мошкина долетѣлъ голосъ племянника: кто тамъ?

— Я Ваня, повторилъ Мошкинъ; дядя твой Петръ Александровичъ, и не дожидаясь болѣе никакого приглашенн, Мошкинъ вступилъ въ спальную и бросился душитъ Ивана Ивановича своими объятіями.

— Здравствуй Ваня! вскричалъ онъ,—какъ ты выросъ! Я тебя не видалъ лѣтъ двадцать и оставилъ чуть ли не пятилѣтннмъ ребенкомъ.

— Здравствуйте дядюшка! сказалъ онъ: извините, я совсѣмъ не ожидалъ васъ.

— Развѣ я не писалъ къ тебѣ, что приѣду въ Петербургъ. Вскричалъ Мошкинъ.

Иванъ Ивановичъ извинился передъ нимъ и вышелъ въ другую комнату одѣться.

Въ продолженіе того времени, какъ Иванъ Ивановичъ занялся своимъ туалетомъ, Петръ Александровичъ занялся обзоромъ его квартиры. Она ему очень понравилась. Племянникъ его занималъ четыре комнаты, хорошо убранныя, особливо понравился ему кабинетъ, на столѣ котораго многія вещицы были вовсе непостижимы для Мошкина по своему употребленію. Мошкинъ развернулъ нѣсколько книгъ и принялся рыться на фортепіано. Къ большому его удовольствію, онъ нашелъ на нихъ Сѣверную Пчелу и Академическія Вѣдомости. Онъ весь погрузился въ чтеніе и съ углубленнымъ вниманіемъ прочелъ о приемѣ, сдѣланномъ петербургской публикою двумъ талантливымъ сестрамъ В. В. и Н. В. Самойловымъ, и о драгоцѣнныхъ браслетахъ, подаренныхъ имъ въ даръ дилетантами драматическаго искусства.

— Что дѣло, то дѣло, замѣтилъ онъ самъ про-себя; если что истинно прекрасно, и тысячу рублей, и двѣ жалѣть не надобно!

Бѣги на Невѣ, и преимущественно троечные, ему также доставили большее удовольствіе. Узнавъ изъ бѣговаго перечня, что большую часть призовъ выиграла тройка С. Петербургской губерніи, принадлежащая г. Анненскому, Петръ Ивановичъ также не могъ не вскрикнуть:

— А! до-сихъ-поръ только и толковали, что англійскимъ лошадямъ лишь и скакать, а другимъ породамъ хоть воду возить.

Дальнѣйшія его разсужденія были прерваны *охотничьимъ вызовомъ С. Петербургскихъ охотниковъ московскимъ, отъ 500 руб. сер. до 5000 руб. серебромъ, съ тѣмъ, что если тройка г. московскаго охотника Лапскаго пройдетъ на петербургскомъ иподромѣ 30-ти верстную дистанцію со скоростью 54-хъ минутъ, какую она совершила въ Москвѣ.*

— Это, что-то въ родѣ небыллицы въ лицахъ, проговорилъ было про-себя Петръ Александровичъ, и тутъ же остановился, прочитавъ, чрезъ нѣсколько нумеровъ, *отвѣтъ московскихъ охотниковъ, въ которомъ они принимаютъ вызовъ, но только требуютъ петербургскихъ охотниковъ къ себѣ въ Москву.*

— Молодцы! сказалъ Мошкинъ, люблю хоть за то, что не отказались.

Но удивленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ нашелъ еще *третій вызовъ петербургскихъ охотниковъ, отъ 40,000 руб. сереб. и болѣе, которые, защищая превосходство кровныхъ за-*

водскихъ лошадей предъ прочими, битюгскими, вятскими, калмыцкими и другими, предлагаютъ скакать на тройкѣ или въ одиночку, въ какомъ бы то не было экипажѣ, отъ Петербурга до Орла, Казани и даже дальѣ. Призъ получаютъ лошади, прѣихавшія скорѣе, хотя бы и одна изъ нихъ дошла до призоваго столба. Желающіе принять вызовъ, объявляя о томъ, должны внести закладную сумму въ одно изъ Государственныхъ кредитныхъ учреждений.

Дальнѣйшее чтеніе было прервано появленіемъ Ивана Ивановича.

— Фу, фу, да куда это ты такъ разрядился? спросилъ Петръ Александровичъ племянника, вышедшаго въ *бархатномъ дымчатомъ цѣптя скортукѣ, въ греческой фескѣ, бархатной, купленной на Невскомъ у Богосова, безъ жилета, въ тонкой сорочкѣ голландскаго полотна, вышитой шелковыми цѣптными мушками, купленной на Невскомъ у Дюфура.*

— Никуда, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ: это домашній уборъ.

— А мы такъ и въ гости немножко получше этого ѣздимъ, проговорилъ онъ, смотря на свое платье.

Если вы пожелаете шить себѣ платье дядюшка, закажите его, у *Оливье у Сара, въ магазинѣ au rayon Diable на Невскомъ или у Асысалова, если хочете имѣть платье подошвею, но также хорошо сдѣланное; то же на Невскомъ или въ Пассажѣ у него же. Вы, вѣроятно, куда-нибудь будете ѣздить.*

— Буду, отвѣчалъ Мошкинъ, да вопросъ: куда ѣздить у васъ въ посту?

— Какъ куда?—въ концерты, въ живыя картины, въ циркъ, на лоттерей въ пользу благотворительныхъ заведеній, на минеральныя воды,—ну, да найдете куда, были-бы деньги.

На лицѣ Петра Александровича выразилось удивленіе.

— Какъ? вскрикнулъ онъ: а я то нарочно сѣвшилъ сюда къ посту, чтобы меньше тратить денегъ.

— Можно кататься на оленяхъ, противъ Адмиралтейства, ѣздить на англійскія горы или на горы Крестовскаго острова и минеральныхъ водъ у Излера. Ходить по Пассажу, смотреть разныя панорамы, діорамы, восковыя фигуры и звѣринецъ. Можно посмотреть Самоѣдовъ, которые привезены сюда изъ Архангельской губерніи....

— Настоящіе самоѣды, не поддѣльные! прервалъ Петръ Александровичъ.

— У насъ въ Петербургѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ: кромѣ волосъ, зубовъ, и талій.

— Ну и слава Богу, порѣшилъ Мошкинъ, что хоть только и есть поддѣльнаго, что лишь такія мелочи. Такъ стало быть ты масляницу провелъ уже Богъ знаетъ какъ весело!

— Да, смотрѣлъ въ циркѣ блокаду Ахты, водевиль съ волшебными превращеніями—«Носовъ», прекрасную комедію Тургенева, «Холостякъ», а болѣе всего ѣздилъ въ итальянскую оперу, заслушиваться Маріо, Гриси и Фреццоллини.

— Ну, и я ихъ поѣду слушать, замѣтилъ Мошкинъ; я тоже очень люблю музыку.

— Всѣ они уѣхали уже отсюда, кто въ Лондонъ, кто въ Парижъ, кто въ Италію, осталась только одна Фреццоллини, но и та уѣдетъ передъ Пасхою... Ее одну вы можете слышать въ концертахъ нашихъ актеровъ.

— Непремѣнно поѣду, порѣшилъ Петръ Александровичъ.

Тутъ у нихъ разговоръ принялъ другой оборотъ.

— Гдѣ-жъ мнѣ помѣститься, Ваня? спросилъ Петръ Александровичъ у племянника.

— Четыре комнаты мои почти всѣ заняты. Тутъ моя гостиная, тамъ кабинетъ, тамъ спальная, тамъ лакейская. Вамъ будетъ безпокойно у меня.

— Я самъ располагалъ остановиться въ гостиницѣ, и заѣхалъ къ тебѣ, чтобы узнать, которая изъ нихъ лучшая.

Hôtel des princes въ Морской, у Луи, тоже въ Морской, въ пассажѣ можно, имѣть очень хорошенькую комнату отъ 50 коп. сер. до 150 коп. сереб. въ сутки, наконецъ на Васильевскомъ острову у Излера.

— Да кто же этотъ Излеръ такой? спросилъ Петръ Александровичъ. Вотъ уже нѣсколько разъ я слышу отъ тебя его имя?

Иванъ Ивановичъ растолковалъ Мошкину значеніе Излера.

— А, помню, помню! вскрикнулъ Петръ Александровичъ: какъ то разъ я въ деревнѣ читалъ объ немъ стихи, перепечатанные въ нашихъ вѣдомостяхъ; очень имъ любовался.

— Только одно неудобство у Излера, продолжалъ Иванъ Ивановичъ:—если разойдется Нева, вамъ придется иногда гостить денекъ другой на Васильевскомъ островѣ. Поселитесь лучше въ пассажѣ, тамъ и гулять можете, и слушать изъ своего окошка какъ играютъ два хора музыки черезъ день.

Петръ Александровичъ посѣдился въ Пассажѣ.

Иванъ Ивановичъ не замѣдливъ посѣтилъ его.

— Ну, что вы дѣлаете, лядюшка? спросилъ онъ. Какъ веселитесь?

— Скучаю, отвѣчалъ Петръ Александровичъ, и такъ съ утра до вечера болитъ голова отъ шума, который у меня подъ ногами, что и выразить не могу.

— Привыкните, утѣшалъ его Иванъ Ивановичъ. Что бы вы послѣ этого сказали, еслибъ жили въ Пекинѣ? Тамъ четыре милліона жителей и шумъ такой, котораго въ Петербургѣ нельзя и представить.

— Не знаю, что бы я сказалъ, отвѣчалъ Мошкинъ: только здѣсь мнѣ гулянье наскучило. Ну что, Ванюшка, когда начнутся ваши концерты, я понимаю, хорошіе концерты?

— Нынче дадутъ концертъ Вьетанъ. Концертъ его очень хорошо составленъ. Самъ Вьетанъ сыграетъ на скрипкѣ три части своего концерта, Фреццоллини будетъ пѣть изъ Гораціевъ и Куріаціевъ, Гейнмайеръ флейтистъ, и Росси, оставшіеся еще не на долго отъ нашей итальянской оперы, будутъ пѣть съ обычною своею веселостію.

Петръ Александровичъ натянулъ на себя свой коричневый съ искорками фракъ, и отправился въ концертъ Вьетана. Возвратясь домой съ неостывшимъ еще музыкальными впечатлѣніями, онъ непременно сказалъ своему Оилкѣ:

— Ты, братъ Оилка, съ нынѣшняго дня уже отнюдь не смѣй у меня гудѣть на своемъ торбанѣ, а не то я разобью его въдребезги. То, что я нынче слышалъ, ужъ кажется другой разъ не услышу.... Фреццоллини особенно такъ и звучала: какъ колокольчикъ, такъ и разсыпалась!

Тутъ Петръ Александровичъ помолчалъ немножко....

— И какіе славные люди еще есть въ Петербургѣ! началъ онъ опять, предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ. Познакомился я тамъ съ такою душою, что такъ бы, кажется и взялъ съ собою, просто такъ, въ лѣвнѣ, въ свои Лужицы. Сижъ я одинъ, какъ перстъ; знакомыхъ ни души,—некого и спросить порядкомъ, что и какъ. Вдругъ садится около меня человекъ,—очень почтенный человекъ. Кто ни пройдетъ всѣхъ знаетъ—тому беззетку по воздуху пошлетъ, тому слово какое нибудь деликатное опуститъ, ну, просто, въ чужѣ за него душа радуется. А я то сижу, сижу, какъ перстъ, и думаю: что дѣлать?

— Не удержался, зѣвнулъ съ досады...

И вдругъ у меня подъ ухомъ прозвучалъ голосъ моего сосѣда:

— А вотъ скоро перестанете зѣвать.

Я немного вздрогнулъ и оробѣлъ.

— Ну, пика, думаю себѣ, сударь мой, петербургская пика, да и только. Нѣтъ, не тутъ то было. Говорилъ онъ отъ полноты души... прозрѣлъ, умою прозрѣлъ, что я пріѣзжій... и началъ у насъ разговоръ.

— Вы, вѣроятно, пріѣзжій? спросилъ онъ меня.

— Пріѣзжій, отвѣчалъ я.

— Это сейчасъ видно, продолжалъ онъ: по петербургско, съ какимъ свѣжія души ожидаютъ,—тамъ ужъ я забылъ, какого-то, онъ сказалъ мудреного удовольствія... А мы такъ ѣздимъ въ концерты только сердиться, продолжалъ онъ....

— Почему же сердиться? спросилъ я.

— Потому что артисты насъ иногда не хотятъ слушать, припятъ нашихъ совѣтовъ; оттого и выходятъ у нихъ нѣкотораго рода ералашъ.

— О, подумалъ я: вѣрно онъ въ музыкѣ—то, какъ говорить большой мастакъ.

Оказалось, что онъ мастакъ и не въ одной музыкѣ. Господи, какаа бездна свѣдѣній, учености, и того и другаго, и пятаго, и десятаго!

— Вы, спрашиваетъ, здѣшній окружный или откуда-нибудь подальше?

— Да, отвѣчаю, изъ далека, пріѣхалъ.

— Знаетъ нашу сторону какъ свои пять пальцевъ... и пошелъ и пошелъ... Комара послѣдняго и того, кажется, знает!

— Но гдѣ я не перебивалъ, одинъ только Богъ знаетъ продолжалъ я; вотъ на примѣръ въ Молдавіи.

— А, *шти Молдавенести*, спросилъ онъ вдругъ меня—Молдавія, говоритъ, мнѣ, какъ тетка родная.

— Въ Бессарабіи, говорю, также горе мыкалъ; съ цыганами чуть ли въ таборахъ не жилъ.

Чтобъ ты, сударь мой, думаешь, вдругъ онъ:

— Ай далъ ромашъ, чигарела, салка зра, орасъ уэсъ — ну вотъ цыганъ, да и только!.. Упоминалъ про Литву.

— Былъ!

Верблюдовъ я когда-то видалъ и поэтому коснулся какъ-то Киргизской степи.

— Былъ!..

Въ аду только однимъ развѣ этотъ человекъ не былъ!

Очаровалъ, умилилъ, довелъ почти до слезъ!

Разлучилъ насъ какой-то молокососъ, подхватилъ его подъ ручку, да пошелъ вмѣстѣ съ нимъ шущукать къ какой-то дамѣ.

Цѣлую ночь свились Петру Александровичу его вечерніи

впечатлѣнія. Ему грезилось даже, что онъ самъ такъ хорошо игралъ какъ Вьетанъ, и также отлично пѣлъ, какъ Фрецолини.

Съ неизъясненнымъ наслажденіемъ прочиталъ Мошкинъ афишу о первомъ концертѣ въ пользу заведеній основанныхъ Высочайше утвержденнымъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ. Все мамино туда Петра Александровича—и пѣніе Фрецолини, которая должна была пѣть русскую пѣсню, Соловей, и въ первый же разъ долго неслыханные звуки М. И. Глинки — воспоминанія объ Испаніи, среди которой онъ не забылъ также мотивовъ своего отечества, издавъ знаменитое свое *capricio* Камаринскую. Ему также много говорили о Рубенштейнѣ, котораго концертъ онъ также хотѣлъ слышать.

Петръ Александровичъ забрался въ залу чуть ли не вмѣстѣ съ музыкантами, составлявшими оркестръ.

Сидя и слушая, Мошкинъ не забывалъ и глядѣть. Ему необыкновенно хотѣлось увидѣть своего интереснаго незнакомца, и поговорить съ нимъ о музыкѣ. Долго онъ искалъ его въ толпѣ, и наконецъ нашель; долго послѣ этого онъ еще кланялся ему, покуда не уловилъ его взгляда и не получилъ самого искреннаго подалуя по воздуху, чрезъ нѣсколько головъ. Петру Александровичу было какъ-то тяжело во все продолженіе концерта. Онъ сознавалъ, что музыка хороша, но что въ ней всего прекраснѣе, того онъ не могъ постичь, а ему этого очень желалось.

Почти въ припрыжку догналъ онъ своего концертнаго знакома на лѣстницѣ, при развѣздѣ.

— А, *bon jour, mon cher*, сказалъ Мошкину новый его знакомецъ.

— *Bonjour—сз*, какъ ваше драгоцѣнное? сказалъ въ свою очередь Петръ Александровичъ.

— Утомленъ, изтерзанъ звуками!.. душа, просто, просилась на небо....

— Я самъ того же мнѣнія, подтвердилъ Петръ Александровичъ..

— Какову, сдѣлалъ Глинка оркестровку то? какое превосходное народное поурн!

— Въ чемъ сь?.. Вы изволите говорить про Камаринскаго?

— И нѣтъ, *mon cher*, про воспоминанія арагонскія и испанскія. Первое представляетъ верхъ совершенства оркестральной музыки.

Петръ Александровичъ вполне согласился. Чрезъ нѣсколько времени Мошкинъ снова увидѣлся съ Францомъ Францовичемъ Космополитскимъ (такъ звали незнакомца, какъ узналъ наконецъ Мошкинъ отъ него самого) въ Большомъ Театрѣ, въ

концертъ Рубенштейна, въ которомъ также пѣла Фреццоллина Соловья и двѣ сестры Корбара итальянскія аріи. По окончаніи концерта, въ кофейной театра, Петръ Александровичъ спросилъ Франца Францовича его мнѣніе о концертѣ.

— Все хорошо, какъ нельзя быть лучше, отвѣчалъ ему его знакомецъ. Рубенштейнъ игралъ очень хорошо концертъ, своего сочиненія; особенно Andante превосходно, жаль только, что невнимательное исполненіе мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ помѣшало достойному исполненію лучшей части сочиненія. Рондо Рубенштейна также отличается хорошими музыкальными стилями... Онъ подаетъ блестящія надежды — неправда ли, mon cher?

Петръ Александровичъ вполне согласился.

Знакомство ихъ еще болѣе сблизилось, и они во славу и процвѣтаніе нашихъ народныхъ артистовъ и за успѣхъ благотворительный пѣли, отправились пить шампанское. Угощалъ Петръ Александровичъ. Дружба ихъ за бутылкою скрѣпилась, и новый другъ началъ безъ церемоніи звать Мошкина *Петю*, не смотря, что у этого *Петю* не было на головѣ ни одного черноватого волоса. Они разстались, обѣщаясь посѣщать другъ друга, но Мошкину не удалось имѣть чести сдѣлать перваго посѣщенія. Невская вода таки взяла свое, и положила его дня на три, на четыре въ постелю. Онъ этимъ заплатилъ общую дань перемѣнѣ воды.

Съ невыразимымъ сожалѣніемъ прочиталъ онъ афишу о концертѣ Бавери и Кавоса, въ которомъ должны были исполняться партитуры изъ новой оперы Менербера «Пророкъ» и досадовалъ, что ему не удастся даже ни отъ кого услышать, какъ исполняли эту оперу, надѣлавшую столько шума въ Парижѣ. Но случай помогъ ему на другой же день этого концерта.

Петръ Александровичъ, любившій, по деревенскому обычаю, обѣдать очень рано, едва успѣлъ придвинуться къ столу, какъ въ передней его раздался вопросъ, перемѣшанный съ руладами итальянскихъ арій:

— Тутъ живетъ Петръ Александровичъ Мошкинъ?

Голосъ этотъ заставилъ вздрогнуть Петра Александровича отъ удовольствія. То былъ голосъ Франца Францовича Космополитскаго.

— Здѣсь, батюшка, вскричалъ Мошкинъ: здѣсь, милости просимъ.

Онъ успѣшилъ отворить дверь.

— Come state, дружище Петя? спросилъ Мошкина Космополитскій: а я гулялъ по Пассажу, встрѣтилъ тамъ прехорошенькую брюнетку и никакъ не могъ отъ нея оторваться.

Мошкину показалось, что Космополитскій его морочить, потому-что въ сложности имъ обнимъ могло быть около полутора-ста лѣтъ.

— Ну, Богъ съ нами, спѣшилъ перебить Петръ Александровичъ. Скажите-ка лучше, что у насъ по концертной то части?

— Ah! che bella preciosa... запѣлъ Космополитскій. Что это, mon cher, кто это завтракаетъ съ супомъ?

— Какой завтракъ, я обѣдаю... Ну, и такъ, что новаго на счетъ музыки... были у Бавери и Кавоса...?

— Я, mon cher, по дружбѣ къ тебѣ, просто велю выкинуть твой обѣдъ.... ну что это за супъ.... Я просто, на твоемъ мѣстѣ, велѣлъ бы его вылить за окно.

Францъ Францовичъ проглотилъ безъ церемоніи десятка два ложекъ, и продолжалъ:

— Что Бавери и Кавосъ...? какъ же, былъ... говорилъ имъ— нужно сдѣлать вотъ что и вотъ что.... Это что у тебя, Петя, стоитъ на окнѣ?

— Вишневка, домашняя.... Такъ что же вы, Францъ Францовичъ, имъ говорили?

— Ну, я тебѣ скажу, Петя, что, прослушавъ Пророка, я помирися съ Мейэрберомъ.... вишневка домашняя хороша.... но я предпочитаю лучше лафитъ; чловѣкъ, подай мнѣ лафиту....

— Все будетъ, все будетъ, прервалъ Петръ Александровичъ: только: — и такъ вы помирились....

— Совершенно; нечувствую теперь къ нему ни какой охлажденности. Всѣ части хороши, которыя только давали, и отличаются хорошою инструментовкою и свѣжестью идей. Особенно мнѣ понравились куплеты, пѣтые Леоновымъ, впрочемъ не такъ удачно. Air pastoral превосходна — пѣлъ ее Булоховъ, сынъ знаменитаго московскаго тенора. Онъ обладаетъ приятнымъ голосомъ, но болѣе комнатнымъ, чѣмъ сценическимъ. Но всего лучше поставленъ былъ маршъ, исполненный оркестромъ и полковой музыкой. Тріо буфъ особенно замѣчательно классическими достоинствами.... Были маленькіе промахи, но они случились отъ того, что оперу Пророкъ не успѣли еще хорошо разучить.... Говорилъ я Кавосу и Бавери.... Это, Петя, бивштексъ ни куда не годится.... откуда это ты берешь?

— Изъ тоннеля пассажа....

— Пойдемъ лучше обѣдать къ Сенъ-Жоржу, кстати я могу

нынче располагать собою до шести часовъ, а тамъ долженъ ѣхать къ Фрецолини, да дать кое какія наставленія Сеймуру-Шифу....

— Это кто же такой?

— А вотъ это ты, mon cher, увидишь, отвѣчалъ Космополитскій, вынимая изъ кармана нѣсколько билетовъ. Онъ лондонскій музыкальный импровизаторъ. Возьми братецъ билеты-ка три.

— Да на что же мнѣ три?

— Эхъ, братецъ, на то, чтобы быть мецеюатомъ. Бери примѣръ съ меня; я для одного себя взялъ десять билетовъ. Il faut être à la hauteur du siècle. Понимаешь, что я хотѣлъ тебѣ сказать?

— Понимаю, отвѣчалъ Петръ Александровичъ совершенно не знавшій по-французски, и взялъ всѣ три билета, почесавъ только немного себѣ затылокъ.

Скрѣпя сердце, Мошкинъ послалъ два билета къ своему племяннику Ванѣ, а съ третьимъ отправился въ концертъ Сеймура-Шифа.

У Сеймура-Шифа, перекривнувшись словами съ десяткомъ людей, подошелъ къ нему Космополитскій.

— Здравствуй, Мошечка! сказалъ онъ Петру Александровичу: ну, какъ ты думаешь, хорошо ли игралъ Шифъ?

— Хорошо, очень хорошо, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Хорошо, но хочу ему замѣтить, прервалъ Космополитскій, что его музыка и импровизаціи болѣе цимбалическаго характера, если такъ можно выразиться, то есть въ ней бѣглость, быстрота, безъ пѣвучести и выразительности. Болѣе всего отличается онъ въ интродукціяхъ къ своимъ импровизаціямъ....

Сеймуръ Шифъ давалъ два концерта, и на обоихъ ихъ былъ Петръ Александровичъ. Петромъ Александровичемъ не были также пропущены концерты Михайлова, превосходнаго учителя пѣнія и Артемовекаго, изъ которыхъ въ первомъ г. Кашевскій, артистъ-любитель, превосходно исполнилъ одну изъ своихъ фантазій на русскія пѣсни, первое еще произведеніе у насъ въ этомъ родѣ. Онъ также посѣтилъ концертъ Маурера, въ которомъ особенно замѣчательна была вторая часть концерта. Въ ней исполнили «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира — музыка Мендельсона. Scherzo и свадебный маршъ Тезея особенно были въ ней примѣчательны, по словамъ Франца Францовича Космополитскаго.

Но болѣе всего доволенъ былъ Петръ Александровичъ вторымъ концертомъ въ пользу заведенія Общества бѣдныхъ.

— Что, спросилъ онъ Космополитскаго: какъ вы находите? По моему очень хорошо.

— А по моему такъ лучше ничего и не можетъ быть, отвѣчалъ Космополитскій. АLEGRO изъ 2 симфоніи, графа М. Ю. Вьельгорскаго, отличается особенно громозучностію оркестровки. Любительницы, участвовавшія въ концертѣ, всѣ пѣли отлично, особливо М. В. Шиловская въ своей аріи изъ оперы Русланъ и Людмила, М. И. Глинки. Тарентела — фантазія для оркестра — его же — такъ увлекательна и граціозна, что по неволѣ заслушаешься и едва ли есть не первое сочиненіе въ этомъ родѣ для оркестра. Увертюра Рубенштейна изъ оперы Димитрій Донской, игранная въ этомъ концертѣ, также не безъ достоинствъ, и отличается знаніемъ оркестровки. Жаль только, что она не заключаетъ въ себѣ ни одного яснаго, задуманнаго мотива, который бы могъ намъ показать, что мы слушаемъ увертюру русскою, національною оперы. Фантазія для оркестра — русская плясовая пѣсня, М. И. Глинки, мнѣ особенно понравилась. Отрывокъ изъ оперы: Цыгане, графа М. Ю. Вьельгорскаго — антрактъ вечерній хоръ цыганъ, трио и солдатская хоровая пѣсня, съ большимъ оркестромъ, хорами и полковою музыкою, и соло исполненное М. В. Шиловскою, А. А. Тришатною, П. Н. Гладгеймомъ и графомъ В. А. Сологубомъ, не заставляютъ желать ничего лучшаго. Голосъ А. А. Тришатной, сильный, полный и обработанный, привелъ меня въ восхищеніе!

Петръ Александровичъ вполне согласился съ этимъ. Онъ добавилъ еще, что его привелъ въ большой восторгъ русскій народный гимнъ А. О. Львова, исполненный любителями и любительницами. На это Францъ Францовичъ добавилъ ему:

— Объ этомъ, братъ Петя, и толковать нечего, что хорошо, а потому вмѣстѣ съ исполнителями нельзя не поблагодарить и дирижеровъ какъ оркестра, такъ и хоровъ гг. Кавоса, Палагна и Альбрехта.

Петръ Александровичъ и съ этимъ вполне согласился. Тутъ онъ невольно вспомнилъ о концертѣ-дѣвницъ Погожевскихъ, на которомъ ему не удалось быть и спросилъ объ исполненіи его у Франца Францовича.

Францъ Францовичъ отвѣчалъ:

Петръ Александровичъ уже рѣшительно не думалъ попасть въ какой бы то ни было концертъ, когда дверь въ его номеръ отворилась, и вошелъ Францъ Францовичъ Космополитскій.

— А я къ тебѣ, сказалъ онъ изъ пассажира — шлялся все, братецъ, въ ожиданіи вечера. Одѣвсья, душенька, и пойдемъ гулять а вечеромъ, разумѣется, вмѣстѣ отправимся положить нашу лепту въ кассу благотворительности.

— Какую лепту и въ какую кассу? спросилъ Петръ Александровичъ.

Францъ Францовичъ отодвинулся отъ Мошкина.

— Ты, Петя, просто, меня приводишь въ отчаяніе, вскрикнулъ онъ. Какъ, неужели ты не знаешь, что нынче въ домѣ Галлера концертъ съ живыми картинами, въ которомъ участвуютъ все любители изъ высшаго общества.... Нѣтъ, ты меня такъ сразилъ, что я, съ твоего позволенія, вышью у тебя лафиту. Но не безпокойся, чтобы я остался тебѣ одолженъ этимъ; я тебѣ за это сдѣлаю тоже услугу—даю тебѣ свой собственный билетъ, а ты мнѣ въ замѣнъ его подаришь заповѣнные мною пять рублей серебромъ и главное лафиту.

— Но я самъ могу взять, возразилъ Петръ Александровичъ.

— Вотъ этого то ты уже никакъ не думай, прервалъ Францъ Францовичъ.

— Почему? были бы деньги.

— Имѣй ты у себя всю Голконду, и Индію, и Бразилію, и что хочешь, не получишь—все билеты разобраны. Это вмѣстѣ и билетъ и жертва дружбы. А концертъ-то, концертъ-то, Мочечка, какой! ты только повѣсь ухо на гвоздь терибніа и внимай старцу, которому внимали старицы, когда онъ былъ юношей.

Тутъ Францъ Францовичъ отставилъ правую ногу, приподнял голову и началъ ударять пальцемъ о палець, приговаривалъ:

—Во-первыхъ. Свадьба Фигаро. Участвующие: княгиня Урусова, г-жа Атрыганьева, гг. Голубцовъ и Галлеръ.

Во-вторыхъ. Вѣра, Надежда и Любовь. Г-жа Клементьева, г-жа Тришатная и г. Галлеръ.

Въ-третьихъ. Торговка цвѣтами. Графиня Орлова-Денисова, графиня Сиверсъ, г-жа Фрейгангъ и г. Набоковъ.

Въ-четвертыхъ. Ангелъ Хранитель. Г-жи Наумова и Татищева....

Но если тебѣ все пересчитывать подробно объяснять достоинство каждаго участвующаго, устанешь, право устанешь! Ска-

жу вкратцѣ, что еще будетъ: прежняя Венеція, Римскій Карнавалъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Испанская любовь, Добрый и дурной совѣтъ, Отдыхъ и Бедуны. Декораціи Роллера, оркестръ подъ управленіемъ Маурера. Кромѣ того концертъ; въ картинахъ и концертъ участвуютъ еще: г-жа Охотникова, Богоскаа, Шиловская, Притвицъ, князь Урусовъ, графъ Сологубъ, Глѣбовъ и другіе.

— Да, отвѣчалъ Мошкинъ, должно быть очень занимательно. Только вы то какъ же проберетесь, Францъ Францовичъ?

— Я, отвѣчалъ Космополитскій: Обо мнѣ уже ты не безпокойся.

— Бдемъ, порѣшилъ Мошкинъ.

— Ну дай же тебя за это подаковать, душа,

O supremo felice!...

а главное лафиту и гдѣ-нибудь хорошенько пообѣдаетъ.

До восьми часовъ, времени концерта, Петръ Александровичъ, привыкшій всегда немного послѣ обѣда соснуть, волею и неволею, а долженъ былъ бродить съ Космополитскимъ. Онъ зашелъ съ нимъ къ Смурову, и тамъ въ первый разъ принудилъ провинціала проглотить нѣсколько устрицъ.

Устрицы съ перваго разу не слишкомъ показались Петру Александровичу.

— Ну что? спросилъ его Космополитскій.

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Мошкинъ: Богъ знаетъ, за что деньги люди платятъ.

— Те! те! сказалъ онъ, не говори этого громко, знаешь ли, что я, я, какъ истинный джентльменъ, видя устрицу, готовъ позабыть о присутствіи самой Венеры медицинскій.

— Ну, объ этомъ я бы еще подумалъ, возразилъ Петръ Александровичъ, который, попробовавъ немного удовольствій петербургской жизни, сталъ довольно похожъ на Гоголевскаго капитана Копейкина.

— Ecco la cosa! вскрикнулъ Францъ Францовичъ. Такъ вотъ къ чему у тебя вкусъ. Впрочемъ, что же, братецъ, онъ недуренъ, я самъ похожъ на тебя въ этомъ случаѣ. Сердце мое, какъ алфавитный списокъ, въ немъ столько начертано женскихъ именъ, что и не сочтешь. Ну, а ты часто бываешь между этими цвѣтками творенія?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мошкинъ: никого здѣсь не знаю, а признаюсь, дамское общество люблю; оно, знаете ли, усмраляетъ нравы, утопчаетъ вкусъ, и пьютъ и десятое.

— Да, отвѣчалъ Космополитскій: это твоя правда; но какъ же это ты до-сихъ-поръ живешь такимъ анахоретомъ?... Ёздилъ бы ты, покрайней-мѣрѣ, на семейные вечера въ Благородное Общество; познакомился бы съ кѣмъ-нибудь.

— Не довокъ для знакомствъ, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Э, такъ ты бы давно мнѣ это сказалъ, прервалъ Францъ Францовичъ: я бы тебя давно познакомилъ. У меня есть одна знакомая дама—живетъ открытымъ домомъ, имѣетъ назначенные вечера. Тамъ ты можешь встрѣтить всѣхъ, и нашего брата артиста, и человѣка солиднаго, какъ ты, и юность, знаешь такую, которая только что расправила крылья и съ нихъ еще не слетѣла краска. Хочешь, я познакомлю тебя?

— Оно бы отчего же не такъ, отвѣчалъ Мошкинъ, да что я тамъ буду дѣлать?... вотъ вопросъ.

— Ну, любезничать.

— Ахъ, Францъ, прошло уже мое время любезничать.

— И дѣльно, милый, въ твои дѣта это занятіе уже слишкомъ устарѣло для тебя. Ну, ты будешь заниматься чѣмъ-нибудь солиднымъ: наприкладъ играть въ карты—въ вистъ, вистъ-преферансъ, вистъ-помпадуръ, преферансъ, преферансъ помпадуръ.

— Вотъ это-то ужъ и подавно не могу, отвѣчалъ Мошкинъ. Кромѣ своихъ козырей, да кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, мушкетеры, ни во что не умѣю.

— Ахъ Петруша, Петруша, вскрикнулъ Францъ Францовичъ; съ каждою минутою, ты меня все болѣе и болѣе приводишь въ удовольствіе.... Мальчикъ, подай еще десятокъ устрицъ Петру Александровичу, мой красавецъ.... Я за тебя ихъ съѣмъ, Петруша, когда уже ты не знаешь въ нихъ толку.... Но постой же, о чемъ мы говорили.... у меня, mon cher, голова полна все такими серьезными идеями, что иногда совершенно позабываю, что говорю. Да! кажется я говорилъ объ твоёмъ нравственномъ и умственномъ образованіи.... Воля твоя, Мошечка, а тебѣ непременно нужно выучиться играть въ карты—для препровожденія времени.

— Да вѣдь не учителя же нанимать, замѣтилъ Мошкинъ.

— Кто же говорить тебѣ про наемъ? Прибѣгни къ услугамъ дружбы. Я тебя выучу даромъ. Разумѣется, ты въ первое время будешь мнѣ проигрывать, но согласишься, вѣдь даромъ и волдырь не вскочитъ. И за то, какое же мнѣ будетъ потомъ удо-

вольствіе, когда мой Петръ Александровичъ, точно новый Пушкинъ, посвятитъ мнѣ новое твореніе. Вотъ, наприкладъ этакое. Слушай, Петруша, и разчувствуйся.... Мальчикъ, подай Петру Александровичу еще десятокъ устрицъ. Я имъ, mon cher, заѣмъ за твое здоровье новое твореніе. Слушай же, Петръ Александровичъ.

Тутъ Францъ Францовичъ привсталъ, и приподнявъ надъ головою очень картинно свѣжую устрицу, началъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы

Всѣ утонченности игры,

И я, за картами, готовый

Сидѣть съ зарю и до зари,

Не зная козней подтасовки

И перелѣрки не боясь,

Любилъ раздолье повтировки,

Игрою бурной веселился.

Въ тѣ дни всечасныхъ поражений,

На вѣрный отыгрышъ являя,

Какой-то, картъ учтивый демонъ

Сталъ часто посѣщать меня.

Ужасы были наши стычки!

Его тасовка, зоркій взглядъ,

И мѣла длинныя странички

Вливали въ душу страхъ и хладъ.

Неустойчивой острою

Онъ свѣлость въ сердца поселялъ,

Звалъ *семпель* бабьею игрою,

И только *транспортъ* прославлялъ.

Онъ злато высыпалъ горою,

Корыстью духъ мой искалъ,

И мало говоря со мною,

На кушъ лишь нѣжность обращалъ.

Онъ въ карты пристально смотрѣлъ

И ничего во всей колодѣ,

На лѣво бросить не хотѣлъ!

— Bravo, вскрикнулъ Петръ Александровичъ: это ваше сочиненіе, Францъ Францовичъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: это тоже какого-то по-

наго поэта, хотя имя автора этого стихотворенія и останется такою же загадкою, какъ имя автора Слова о полку Игоревѣ. Мальчикъ, подай бутылку портеру Петру Александровичу, мой красавецъ.... Я слишкомъ что-то взволновался... поэзія и музыка меня вообще слишкомъ много волнуютъ.

Францъ Францовичъ наконецъ прохладилъ свое волненіе, и они вышли совершенно довольные другъ другомъ.

— Вотъ не знаю, Францъ Францовичъ, сказалъ Мошкинъ: нужно бы позапаситься какими нибудь книжками. Нѣтъ ли у васъ какихъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: я, братъ, всегда читаю все новое, на-лету, въ кондитерскихъ, между глотками шоколада или пирожковъ, да въ этомъ затрудниться нечего. Библиотекъ для чтенія очень много—подпишись въ любую, и читай хоть цѣлыя ночи на пролетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ: я человекъ степенный, люблю, что прочитаю, чтобы у меня и оставалось. Не знаете ли вы какого книгопродавца, который бы мнѣ могъ даже высылать книги и въ деревню, вѣрно, и аккуратно?

— Знаю, отвѣчалъ Космополитскій: для французскихъ книгъ два брата Исаковы.

— Ну нѣтъ, прервалъ Мошкинъ, для русскихъ.

— Знаю, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: и могу рекомендовать очень замѣчательнаго, который, если нужно, можетъ тебѣ доставить, пожалуй, хоть грамматику гусиннаго языка. Если у него ее нѣтъ, онъ не затруднится, закажетъ кому-нибудь сочинить, только бы имъ остались довольны тѣ, которые поручаютъ ему комиссію.

— Неужели такой обязательный?

— Преобязательный.

— Да, мало ли ты чего у него не приобрѣтешь, продолжалъ Космополитскій: приходитъ весна, онъ даритъ своимъ покупателямъ вѣрныя средства не скучать на дачахъ; настаетъ осень, онъ доставляетъ помѣщикамъ случай узнать, какъ лучше сохранять хлѣбъ, какъ унавоживать на будущій годъ поля. Желаетъ ли кто понравиться дамамъ—онъ представляетъ покупателю такую объ этомъ книгу, что покупатель, будь онъ самъ хуже любого чукча, самъ первый въ себя влюбится и погибнетъ предъ своимъ зеркаломъ смертію Нарцисса. По самому виду покупателя, онъ уже знаетъ, что кому нужно. Грустнаго, онъ утѣшитъ *Веселымъ Скалозубомъ*, другаго *Искусствомъ наслаивать деньги*, а ученыхъ и антикваріевъ такими книжками, на которыхъ

одной древней, рѣдкой пыли болѣе, чѣмъ на десять процентовъ. Простая кухарка, дѣлается по милости его, чуть ли не знаменитымъ французскимъ поваромъ Каремомъ, бѣлоручка—хорошою опытною хозяйкою, капризное дитя, почитавши его дѣтскихъ книгъ, умнымъ мальчикомъ, для котораго розга существуетъ лишь какъ теоретическое исправленіе.

— Bravo, bravo! вскрикнулъ Мошкинъ.

— Его дѣятельность неумоима, отвѣчалъ Космополитскій: вѣроятно онъ и теперь предпринимаетъ какое-нибудь полезное изданіе, современное настоящимъ требованіямъ, и вѣрно приготовляетъ къ дѣлу, при усилившейся повсюду страсти къ воздухонравію: *«Пить болѣе новою Ледо! или вѣрно средстао вза-вышаться и не падать!»* Такихъ у него книгъ для легкаго чтенія необерешься. Но если захочешь искать чего-нибудь серьезнаго, ступай тоже къ нему. Педагогъ, ты получишь отличные учебники, географъ—вѣрныя ландкарты, ремесленникъ—цѣлую энциклопедію ремеселъ.

— А на счетъ исполненія комиссіи, спросилъ Мошкинъ: вотъ это главное. Иногда къ намъ, иногороднымъ, наши порученія, данныя нами въ молодости, приходять чуть-чуть ли не передъ старческою смертію, и то съ грѣхомъ пополамъ.

— О, на счетъ этого будь покоенъ, покончилъ Космополитскій: Поляковъ будетъ доставлять все немного медленнѣе мысли.

— Bravo, bravo! порѣшилъ Мошкинъ: непременно буду писать у него, а не у кого нибудь другаго.

Тутъ встрѣтилъ Франца Францовича какой-то его, тоже новый знакомый, съ которымъ онъ превосходно заговорилъ по чухонски, и разстался съ Мошкинымъ, не успѣвъ ему сказать ничего достойно похвальнаго о работѣ комиссіонерства Языкова и о разныхъ книгопродавцахъ, Поляковъ, Ратьковъ, Глазуновъ, Печаткинъ и братьяхъ Лоскутовыхъ.

Вечеромъ, концертъ въ домѣ Галлера привелъ Мошкина въ совершенный восторгъ. Изящество нарядовъ, прекрасное пѣніе, ослѣпительное освѣщеніе и громкіе аплодисманы, набросали на одинъ цѣтокъ въ воображеніе Петра Александровича.

РУССКАЯ ПОЧТА.

О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ.—Время дубленія.—Закалъ.—Сравнительная таблица.—Сбытъ за границей.—Полезъ для казны.—Обороты.—Золотыя росыши.—Куринская долина.—Льняная машина.—Высоты.—Цѣнность.—Воздѣлываніе чатыка (сарацинскаго пшена).—Лучшая почва.—Приготовление земли и посевъ.—Созрѣніе, уборка и урожай.—Обмолачиваніе и очищеніе.

О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ. — Кожевенное производство составляетъ, безспорно, одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленности. Съ развитіемъ общей цивилизаціи, эта отрасль слѣдалась почти первою нужною человѣка. Въ примѣненіи къ Россіи и къ ея мѣстнымъ произведеніямъ, кожевенная промышленность должна составлять государственное богатство. Все взятое вмѣстѣ заставляеть обратить особенное вниманіе на эту статью.

Главнѣйшимъ затрудненіемъ въ успѣхѣ и выгодахъ кожевеннаго производства было и до-сихъ—поръ есть *время*, употребляемое на выдѣлку (дубленіе) старыхъ кожъ.

Въ Англіи и Франціи употребляется на этотъ предметъ отъ 12 до 15 мѣсяцевъ, а въ Россіи отъ 6-ти до 12-ти мѣсяцевъ; но только первая кожа выходитъ изъ процесса доброкачественною въ 15-ть мѣсяцевъ, — а выдѣлываемая у насъ, *для скоро-сти*, въ 6, 7, 8 и 9-ть мѣсяцевъ, которая идетъ на общее употребленіе, готовится обыкновенно съ такъ-называемымъ *закаломъ*, выставляемымъ продавцами, изъ частныхъ мелочныхъ ихъ выгодъ, за особенное качество товара; хотя *закалъ*, или, въ прямомъ смыслѣ, *сыралъ, непродубленная середина кожи*, есть первый порокъ и причина порчи кожи: подошва *съ закаломъ*, попадая въ сырость, разбучиваетъ и скоро пропускаетъ оную на другую сторону, наподобіе губки, что доказано опытами. Отъ этого кожи русскаго производства не могутъ сравняться съ иностранными, и не имѣютъ сбыта за границую.

Франція и Англія, покушающія большую часть сырыхъ кожъ въ Россіи, снабжаютъ: Франція—цѣлый Востокъ, Италію, берега Африки, и вывозитъ милліоны паръ башмаковъ въ Китай;—Англія наводняетъ своими произведеніями всю Индію, и американскія колоніи, и доставляетъ въ Россію кожи высшей

выдѣлки, несравненно дороже русскихъ цѣнъ, изъ сырья, купленнаго въ Россіи же.

Многіе полагали прежде, что климатъ, вода и разныя другія причины могутъ имѣть вліяніе на качество кожи во-время дубленія; но наука опровергла эти предположенія.

Вообще успѣхи кожевеннаго производства относятся къ концу минувшаго столѣтія, и обязаны успѣхамъ химіи. До временъ *Débeux* и *Seguin* (сотрудника славнаго *Lavoisier*) не имѣла даже настоящаго понятія о дубильномъ веществѣ, которое смѣшивали съ вяжущими началами. *Seguin* нашель средства выдѣлывать гораздо скорѣе, но кожи, выдубленныя его способомъ, имѣли только наружный видъ удовлетворительный, внутренность же ихъ оставалась сырою, подобно нынѣшнимъ русскимъ *кожамъ*, приготовляемымъ въ 6, 7 и 8 мѣсяцевъ. Способъ дубленія *Seguin*, какъ ускоренный, былъ въ употребленіи во-время войны Французской Имперіи; но по минованіи особенныхъ нуждъ, за несовершенствомъ оставлеать.

Долговременныя изысканія, наука, многократные опыты и труды довели нынѣ наконецъ въ Россіи одно лицо до неомыданнаго результата по этому предмету, а именно: выдѣлка ножъ можетъ производиться, вмѣсто — отъ 12 до 15 мѣсяцевъ, со всѣмъ совершенствомъ, требуемымъ отъ лучшихъ англійскихъ и французскихъ произведеній,—отъ 15 до 60 дней, смотря по толщинѣ кожи, начиная отъ самаго тонкаго опойка до самой толстой подошвы. Образцы этихъ кожъ, представляемые учредителями, выдублены изъ сырья: подошва въ 60 дней, солдатскій товаръ, или такъ-называемый самый толстый выростокъ въ 30 дней, толстый опоекъ въ 15 дней, тонкій опоекъ въ 12 дней, ременная кожа для кавалерійскихъ снарядовъ въ 30 дней, экипажная кожа и такъ-называемый личной товаръ въ 30 дней.

Весь товаръ, изготовляемый этимъ новымъ ускореннымъ способомъ, отличается плотностью, прочностью, тягучестью, и гораздо болѣею степенью непромокаемости, противъ обыкновеннаго; причеиъ должно замѣтить, что подошва, хотя на взглядъ и кажется пемного тонѣе обыкновенной, но на самомъ дѣлѣ, по качеству своему, равняется толщиною съ доселѣ известною, потому-что подошва, приготовленная новымъ способомъ, при выколачиваніи, толщины своей нисколько не измѣняетъ, а обыкновенная, для прочности и соединенія разбученныхъ простою дубкою волоконъ кожи, требуя непременно вы-

колачиванія, что всегда и дѣлается, терять за тѣмъ почти половину своей толщины.

Взглядъ на средства Россіи, въ отношеніи кожевенной промышленности, на количество вывозимыхъ за границу сырыхъ кожъ и на дѣны въ Россіи и въ остальной Европѣ, легко убѣдитъ каждаго въ огромномъ успѣхѣ этого дѣла, и положитель-но докажетъ, что со введеніемъ упоминаемаго здѣсь, вновь изобрѣтеннаго, ускореннаго способа выдѣлки доброкачественныхъ кожъ, другимъ странамъ не будетъ никакихъ средствъ соперничать кожевенной торговлѣ Россіи.

Это можно видѣть изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

Въ С. Петербургѣ: пудъ черкаскаго сырья: не сушеннаго отъ 2 руб. 80 к. до 3 р., сушеннаго 6 р. до 6 р. 50 к., дубленой кожи 10 р. до 10 р. 50 к. сер.

Въ южной Россіи: пудъ сырья: не сушеннаго отъ 1 р. 80 к. до 2 р., сушеннаго 5 р. до 6 р. сер.

Въ Одессѣ: пудъ дубленой кожи отъ 17 р. до 20 р. сер

Во Франціи и Англій: 40 фунт. сырья отъ 35 до 40 фран., 40 фунт. дубленой кожи 83 до 90 фран.

Въ Константинополѣ: 40 фунт. дубленой кожи отъ 120 до 180 фр.

Сверхъ того, обративъ вниманіе на всѣ огромныя выгоды въ частности этого новаго способа выдѣлки кожъ, усматривается:

1. Что товаръ, по своему качеству и по мнѣнію знатоковъ дѣла, равняется, какъ и выше сказано, достоинству лучшихъ произведеній англійскихъ и французскихъ заводовъ. Слѣдовательно, съ этимъ вмѣстѣ уничтожается всякая причина, по которой бы кожи русской выдѣлки не могли имѣть сбыта за границею.

2. Что выдѣлка кожъ вновь изобрѣтеннымъ, ускореннымъ способомъ обходится, въ матеріальномъ отношеніи, не дороже обыкновенной выдѣлки.

3. Что прежній способъ кожевеннаго производства доставлялъ и донинѣ доставляетъ заводчикамъ возможность слѣзать въ 12 мѣсяцевъ только два оборота кожами низшаго достоинства и одинъ оборотъ лучшаго достоинства; а при вновь изобрѣтенномъ способѣ дубленія, гдѣ высшаго сорта подшва готовится въ періодъ отъ 30 до 60 дней, дается возможность слѣзать отъ 6 до 12 оборотовъ въ теченіи 12-ти мѣсяцевъ, и слѣдовательно, если при старомъ способѣ заводчики имѣли прибылей на одинъ оборотъ въ годъ до 15%, то новый способъ долженъeminuемо увеличить это по меньшей мѣрѣ до 100%, потому

особенно, что на сбытъ кожевеннаго товара, вполне доброкачественнаго, не можетъ быть никогда недостатка ни въ средствахъ, ни въ покущикахъ. Это положительно доказывается общею народною потребностью.

4. Что такимъ способомъ выдѣлываемыя кожи лучшаго достоинства могутъ быть, по вышеозначеннымъ расчетамъ, поставлены для арміи съ уступкою 10% противъ существующихъ нынѣ дѣнь, что составить для казны огромную пользу, потому что казна, въ сравненіи съ нынѣшними дѣнями, получить, при сохраненіи всѣхъ выгодъ заводской промышленности, бесплатно одну десятую часть солдатскаго товара.

5. Что прежній способъ кожевеннаго производства позволялъ заводчикамъ производить сушку выдубленныхъ кожъ только два раза въ теченіи года, а именно: весеннюю сушку—въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, а особенно—въ августѣ, сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцахъ, смотря по погодѣ. Это ведетъ къ тому, что если потребуется дубленая кожа въ другое время года для казны или частныхъ лицъ, и если оной нѣтъ въ заготовкѣ въ большемъ количествѣ, то ни одинъ заводчикъ не въ состояніи ее приготовить и поставить по требованію. Это доказывается опытомъ. Подобная, вредная остановка въ оборотахъ и подобное неудобство въ кожевенномъ производствѣ устраняются при вновь изобрѣтенномъ ускоренномъ способѣ, при которомъ дѣлается отъ 6 до 12 оборотовъ въ годъ, что весьма важно какъ для заводскаго производства, такъ и для потребителей.

С. Зотовъ.

— *Волотыя росыпи.* Въ газетѣ «Кавказъ» (№ 15) пишутъ: «недавно получено частное извѣстіе, что по близости Елисаветполя открыты золотыя росыпи довольно богатаго содержанія. Хотя это извѣстіе еще не подтверждено официальнымъ образомъ, но для доказательства, что оно можетъ подтвердиться,—мы съѣшнимъ представить нашимъ читателямъ статью объ этомъ предметѣ, напечатанную еще въ 1830 г. въ № 4 Тифлисскихъ Вѣдомостей. Официальное донесеніе можетъ только удостовѣрить: будетъ ли выгодна разработка этихъ росыпшей на мѣстѣ, теперь избранномъ для развѣдки.»—Въ этой статьѣ между прочимъ, сказано:

«Куринская долина, заключающая лога и русла рѣкъ, избилующія множествомъ жильныхъ и металлоносныхъ обломковъ, необходимо содержитъ въ себѣ гдѣ-нибудь богатыя росыпи.

Производя работы близъ Елисаветполя, я не находилъ ни одного лоза, который бы не содержалъ въ себѣ золота.

«Огромный хребетъ Урала долгое время скрывалъ отъ насъ неизчерпаемая богатства свои, но наконецъ, розсыпи, происшедшія отъ разрушенія горъ его, будучи подвергнуты испытанію, представили значительную отрасль горной промышленности. Развѣдочныя партіи, командируемая всякое лѣто, распространяютъ болѣе и болѣе открытіе драгоценнаго металла; иѣкоторыя изъ нихъ, тщетно прилагая все свое стараніе, возвращаются обратно безъ всякаго успѣха; между тѣмъ, какъ другія, иногда руководимыя счастіемъ, вполне увѣнчиваютъ цѣль своего путешествія.

«Изъ этого видѣть можно, что самый Уралъ не повсюду разсѣялъ богатства свои: пески, въ одномъ мѣстѣ изобилующіе золотомъ, въ другомъ представляютъ совершенное отсутствіе или только слѣды его.

«Куринская долина, несомнѣнно содержащая въ себѣ золото (какъ то изъ опытовъ уже найдено), служила грунтомъ наносовъ, происшедшихъ отъ разрушенія горъ; но не должно думать, чтобъ розсыпи расположены были въ ней по всей равнинѣ; напротивъ того, частныя вмѣстлща, называемыя лозами, подобно какъ и русла рѣкъ, въ особенности содержатъ періодически образовавшіеся пески.

«Не только утвердительно опровергнуть нельзя содержаніе золота въ Куринской долині, по-сію-пору не испытанной и простирающейся болѣе 600 верстъ въ длину; но пространство одной и той же самой версты, не будучи въ точности испытано, представитъ нѣкоторое сомнѣніе. Уральскій хребетъ можетъ служить этому примѣромъ: тамъ часто бываетъ, что розсыпь одного лоза, покажетъ отсутствіе или только признаки золота; между тѣмъ какъ другой, смежно или близъ него лежащій, представитъ содержаніе въ 2, 3 и болѣе золотниковъ во 100 пудахъ.»

Льняная машина. Выписка изъ Вѣдомостей, еженедѣльно издаваемыхъ Обществомъ сельскаго хозяйства Лифляндской губерніи 1849 г. стр. 855.

«Хотя почва земли этой губерніи мало способна производить ленъ, но за всѣмъ тѣмъ помѣстья, которыя ввели у себя машины г. Бломеріуса для мятія льна, умножаютъ теперь посѣвъ его; причина весьма явственна: тамъ, гдѣ машинъ не находится, работникъ не можетъ болѣе 30 фунтовъ сушеного льна

въ сутки вымать и очистить, тогда какъ машина съ 5 человекъ и 2 лошадыми въ сутки мнетъ 120 пуд., отъ чего ленъ дѣлается легче, болѣе чѣмъ на половину противъ первоначальнаго вѣса. Такого льна работникъ очищаетъ легко отъ 40 до 60 фунт. въ сутки, изъ чего видно, что чрезъ пособіе машины работникъ обрабатываетъ теперь въ сутки вмѣсто 30 фунт., по 80 или 120 фун. сухаго льна. Машины 1849 г., усовершенствованныя чугунными валами, также чугунными колесами и шестернями, можно видѣть на мызахъ Каяферъ и Монзекатцъ, у г. барона Левенштерна, и на мызѣ Левенгофъ. Польза этихъ машинъ не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію: выигрывается доброта льна и вѣсъ его, и, какъ выше объяснено, сберегается вторе и вчетверо число рукъ.

«Желающіе имѣть такіа машины, благоволятъ заказывать Лифляндской губерніи въ городѣ Верро, у токарнаго мастера г. Бломеріуса. Цѣна одной машины 150 руб. сер.; кто закажетъ пять машинъ, получитъ каждую десятью рублями дешевле; доставка заказныхъ машинъ на счетъ заказчика. Мастеръ ручается за вышесказанное достоинство и скорое исполненіе порученія, при чемъ будетъ доставлена опись, какъ должны быть поставлены валы, колеса и шестерня.»

Воздѣлываніе чалтыка, (сарачинскаго пшена) составляетъ весьма важную отрасль земледѣльческой промышленности въ Шемахинской губерніи. Въ каждомъ уѣздѣ болѣе или менѣе занимаются воздѣлываніемъ чалтыка; но преимущественно онъ занимаетъ поселянъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, гдѣ обрабатываютъ его съ большимъ тщаніемъ. Кромѣ песчаной, всякая почва земли удобна для посѣва чалтыка, но лучшая—глинисто-пловатая; главное же условіе—обиліе воды. Приготовленіе земли и посѣвъ чалтыка производится слѣдующимъ образомъ: сперва удобное для того мѣсто спланировываютъ, и дѣлаютъ гряды ящиками, одинъ другаго ниже, не болѣе какъ на одинъ дюймъ, для того, чтобы вода, наполнивъ первый ящикъ, переходила въ другой, третій и т. д. Ящики эти наливаетъ водою, и когда земля хорошо размокнетъ, вспахиваютъ и перебиваютъ сохою съ толстымъ деревяннымъ сошникомъ, до того, что дѣлается жидкая грязь; всѣ корни отъ растеній и стебли выбрасываютъ вонъ. Потомъ грязь эту выравниваютъ и ящики наливаютъ водою, и въ водѣ уже, женщины, по колѣно въ грязи, разсаживаютъ приготовленную прежде расаду, одинъ стебель отъ другаго на два вершка. Начинаютъ разсаживать чалтыкъ съ половины мая, а продолжаютъ до половины іюня. Вода до

самаго созрѣвша чалтыка должна наполнять плантаціи; въ противномъ случаѣ чалтыкъ пропадетъ, или переродится въ сулицѣ, родъ дурнаго проса. На приготовленной для чалтыка плантаціи производятъ посадку на одномъ и томъ же мѣстѣ 20 и болѣе лѣтъ сряду, только съ каждымъ годомъ нужно болѣе и болѣе воды, а когда земля истощится до того, что никакое количество воды не помогаетъ, плантацію оставляютъ лѣтъ на восемь для отдыха. Чалтыкъ созрѣваетъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Уборка его производится также, какъ и прочихъ хлѣбовъ. Урожай бываетъ отъ самъ 15 до 35-ти*.

Въ другихъ уѣздахъ чалтыкъ воздѣлывается съ меньшимъ тщаніемъ. Гряды готовятъ также, ящики наливаетъ водою и землю взрыхляютъ сохою или лопатами, потомъ сѣютъ на нихъ чалтычныя сѣмена, намоченныя прежде въ водѣ до того, пока начинаютъ пускать ростки. Посѣвъ начинается съ половины мая и продолжается до июня. Урожай бываетъ отъ самъ 13 до 25-ти.

Обыкновенно во всѣхъ уѣздахъ чалтыкъ сѣется на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣ 8, 6 и не ближе четырехъ лѣтъ потому, что онъ очень истощаетъ землю. Въ этомъ отношеніи Ленкоранцы, замѣнивъ посѣвъ чалтыка посадкою рассалы, много имѣютъ на своей сторонѣ выгоды, хотя конечно болѣе труда.

Обмолачиваютъ чалтыкъ также какъ и прочіе хлѣба, а для очищенія въ пшено, употребляютъ зубчатый желѣзный цилиндръ, укрѣпленный на концѣ рычага, который ногами приводится въ движеніе. Работа эта очень медленная и затруднительна**. Въ каждомъ уѣздѣ есть кровь того водяныя толчен, которыя устроятся на подобіе водяныхъ мельницъ.

* Жители Шемахинской губерніи, особенно Ленкоранскаго уѣзда, должны бы воспользоваться *суходольнымъ* рисомъ, который требуетъ $\frac{3}{4}$ воды менѣе противъ обыкновеннаго.—По распоряженію г. Намѣстника, сѣмена чалтыка, выписанныя изъ Китая, были разосланы во многія мѣста, и въ губерніяхъ Эриванской, Кутаисской и Тифлисской *суходольный* рисъ разводится успѣшно во многихъ мѣстахъ.

** Для очистки чалтыка употребляются теперь отличныя машины въ Египтѣ, которыя очень полезно бы было Кавказскимъ земледѣльческимъ промышленникамъ оттуда выписать.

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА.

Парижъ.—Лоншанское гульбище.—Весна.—Экипажи.—Изъ Калифорніи.— Кто быть, кто не быть.—Калифорнія вездѣ.—Лоттерея.—Нико или Бадюляръ?—Во снѣ!—Старая басня.—Послѣдняя недѣля поста.—Селамъ.—Віардо.—Лаблашъ.—Точность и усердіе.—Директоръ и актриса.—Пора ѣхать!—Штрафъ.—Неумолимый соучастникъ.—Брюссель.—Картина Рубенса.—Странная переторжка.—Испанія.—Меахаросъ.—Лунная ночь.—Цапски.—Португальки и Испанки.—Потѣшные огни.—Окорокъ.—Sola soletta.—На полу.

ПАРИЖЪ. — Въ прежнее время прогулка по *Лоншану* (Longchamps) была одинъ изъ самыхъ блистательныхъ парижскихъ праздниковъ; это было почти тоже, что наше петербургское гулянье перваго мая, только въ гораздо обширѣйшемъ развитіи. Теперь же Лоншанъ почти забытъ, и только нрѣдка какое-нибудь жалкое гулянье напоминаетъ прежнее великолѣпіе его. Sic transit gloria mundi! Не такова ли и судьба нашего парижскаго карнавала? Парижъ отвыкъ отъ великолѣпныхъ гуляній, маскарадныхъ торжествъ, выставокъ изящныхъ экипажей — болѣзнь, погубившая масляничнаго быка съ его остроумной свитой — убила и лоншанское гулянье! Еще таки разъ повторю: Sic transit gloria mundi! Весна (холодная, не тѣмъ будь помянута) подарила намъ до-сихъ-поръ два теплые, свѣтлые дня. Елисейскія поля оживились. Если бы публика захотѣла, то праздникъ могъ бы быть еще хотя споснымъ; но какъ на зло красивые экипажи, которые мы привыкли видѣть въ будни, появились только въ небольшомъ числѣ — а вмѣсто ихъ на каждомъ шагу можно было видѣть маленькія каретки, которыя народъ называетъ въ насмѣшку: *четыре су*; потому-что онѣ занимаютъ по часамъ, и плата за часъ не превышаетъ четырехъ су, а по нашему — *пятачка*.

Кавалерійскій пикетъ наблюдалъ за порядкомъ; два ряда экипажей, медленно двгавшихся отъ площади Согласія до Триумфальныхъ воротъ Звѣзды, напомнили намъ, что мы были на Лоншанскомъ гуляньи. Толпы любовитныхъ, по обыкновенію, осаждали боковыя аллеи, толкались и давя другъ друга.

Были, правда, и красивые экипажи; впрочемъ ихъ не могло и не быть: всегда есть люди, ловящіе всякій удобный случай

выказаться и блеснуть; это или приѣзжіе. или люди разбогатѣвшіе, или, наконецъ, желающіе выказаться разбогатѣвшими.

Такъ, напримѣръ, нынче мы видѣли множество путешественниковъ, возвратившихся изъ Калифорніи.

Въ Калифорнію ѣдутъ очень немногіе, возвращаются оттуда очень многіе.

Разгадка этого очень проста. Въ настоящее время въ Парижѣ появилось много новыхъ богачей, благопріобрѣтеніе состоянія которыхъ трудно объяснить. Калифорнія для этихъ господъ золотая страна, превосходный предлогъ и преграда для любопытства неугомовныхъ согражданъ.

Итакъ, всѣ новые богачи, всѣ двусмысленные пріобрѣтатели—возвратились изъ Калифорніи.

Всѣ люди живущіе сверхъ состоянія, всѣ богачи на счетъ кредита своихъ ближнихъ—возвратились, по ихъ собственнымъ словамъ изъ Калифорніи.

Между-тѣмъ нѣсколько лицъ (дѣло засвидѣтельствовано форменнымъ образомъ), точно приѣхали въ Парижъ изъ долины Сакраменто, гдѣ пажили около 700 или 800 тысячъ франковъ.

Итакъ, лонданское гулянье было нынче праздникомъ Калифорнійцевъ.

Нѣкто Никѡ, (не тотъ знаменитый Никѡ, который прославился открытіемъ нюхательнаго табаку) нашелъ свою Калифорнію, не выѣзжая изъ Парижа—въ лоскуткѣ китайской бумаги, въ билетѣ на лоттерію, главный выигрышъ которой выпалъ на его долю. Впрочемъ, кто говоритъ, что выигралъ Никѡ, кто Бадуляръ; но дѣло не въ имени... а въ томъ, что есть счастливцевъ, получившій безъ труда безчисленное множество франковъ, предметъ зависти большей части Парижа и французскихъ провинцій! лоттерія эта волновала около шести мѣсяцевъ сердца столькихъ людей (половина Франціи взяла билеты)—сколько мечтаній, сколько свѣтлыхъ свидѣній причинили нумера, изъ которыхъ каждый, казалось, обѣщала выигрышъ!..

Никогда, ни въ какую лоттерію не было столько счастливыхъ, выигрывавшихъ... во снѣ.

— Миѣ приснилось сегодня ночью, что я выиграла, говорила одна почтенная дама каждое утро своему супругу: повѣришь ли, мой другъ, что я вѣрю всѣмъ сердцемъ въ этотъ сонъ, предчувствіе рѣдко обманываетъ...

— Только часто, отвѣчалъ обыкновенно мужъ, грубый скептикъ: будятъ понапрасну человѣка, которому спать гораздо пріятнѣе, чѣмъ слушать старую басню о молочницѣ и кувшинѣ молока....

Перейдемъ къ послѣдней недѣлѣ поста — она прошла у насъ въ истинномъ благоговѣніи. Святые дни страданій и смерти Спасителя, Парижъ провелъ во храмахъ, въ молитвѣ. Христосъ воскресъ, и Парижъ снова оживился; балы, одни другихъ великолѣннѣе, одни другихъ многолюднѣе, быстро смѣнялись.

На будущей недѣлѣ насъ ожидаетъ поэтическая и музыкальный праздникъ: первое представленіе *Селамы*, большого лирическаго произведенія, произведенія такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго, и которое наконецъ пойметъ въ пятницу въ Итальянскомъ-театрѣ. Миръ дилетантовъ, аматеровъ и маэстро — томится ожиданіемъ. Музыка *Селамы*, какъ извѣстно, принадлежитъ Рожеру, молодому композитору, которому уже улыбается слава! Нужно ли что-нибудь прибавлять, чтобы сказать, что произведеніе это будетъ оригинально, полно прелести и блеску? Всѣ мѣста уже давно заняты,—и Итальянскій-театръ въ этотъ вечеръ будетъ полонъ стараго великолѣнія и роскоши.

Послѣдняя недѣля марта была для насъ недѣлей грусти и разлуки: Віардо, а вмѣстѣ съ ней и «Пророкъ», оставили сцену Итальянскаго-театра до октября мѣсяца,—какъ долго намъ покажется это время! Лаблашъ, или лучше сказать донъ Бартоло, донъ Жеронимо, донъ Паскуале, донъ Магнифико и все веселое сочетание донъ буфовъ, оставляетъ оперу — и какъ кажется, на всегда! Къ счастью, новость объ окончательномъ оставленіи сцены Лаблашемъ уже нѣсколько разъ оказывалось ложною — это поселяетъ послѣднюю надежду,—что и въ этотъ разъ будетъ тоже самое. Какъ бы не было, публика, болѣе обыкновеннаго многочисленная, собиралась почтить послѣдними рукоплесканіями своего *миллаго* Лаблаша. Лаблашъ, для котораго нѣтъ ни старости, ни ослабленія голоса, — и въ послѣдній разъ, какъ и всегда, игралъ съ неподражаемой веселостью и ловкостью. Голосъ его не потерялъ нисколько своей звучности, упругости, объема—тѣло гибкости и подвижности. Что же касается до Віардо, то она въ послѣднемъ представленіи хотѣла возвести публику до восторга, низвести до отчаянія — такъ дивно, такъ обворожительно сбѣла она, столько искусства, столько одушевленія и жара было въ игрѣ ея! Слушая ее, рукоплеская ей, публика забыла все, за-

была даже и то, что на завтра она уже не услышитъ Вiардо, такъ она была растрогана, увлечена—такъ сладко она наслаждалась... И срокъ разлуки будетъ не такъ тяжелъ. Вiардо оставила въ публикѣ столько восхитительныхъ воспоминанiй.

Это великая заслуга, потому что публика вообще страшная эгоистка. Она платитъ—и требуетъ, чтобы ее забавляли. Она не хочетъ и знать о трудахъ артистовъ, о томъ, какою дорогою цѣною достается имъ извѣстность и любовь этой публики!

Не правда ли, какъ приятно послѣ вкуснаго обѣда усесться въ покойномъ креслѣ и забавляться спокойно, безъ всякихъ усилiй? А знаетъ ли почтенный зритель, что водевилъ, заставляющiй его столько хохотать, доводилъ инаго артиста чуть не до слезъ?...

Знаете ли вы, что такое одиѣ репетиции?

Это пробирный камень усердiя артиста.

Точность и настойчивость суть почти всегда вѣрный признакъ призванiя.

Пренебреженiе своимъ искусствомъ есть признакъ посредственности. Впрочемъ это пренебреженiе заключаетъ въ самомъ себѣ и свое наказанiе.

Неаккуратный артистъ подвергается *штрафу*.... Расскажу вамъ по этому случаю забавный анекдотъ. Къ слову пришлось.

Жиль—былъ директоръ одного парижскаго театра, въ которомъ была хорошенькая, живая, веселая актриса, настоящая игрушка.

Въ одно майское утро, а именно нѣсколько дней тому, погода была чудесная. Въ театрѣ кончалась репетициѧ.

— Ахъ, какая прекрасная погода! вскричала молодая актриса, я поѣду за-городъ.

— Куда? спросилъ директоръ.

— Не знаю.... Да хоть въ Монморанси.

— Далеко; не успеете воротиться къ вечернему спектаклю.

— Ну, такъ въ Роменвилъ, тамъ много спрени.

— Позвольте мнѣ ѣхать съ вами.

— Пожалуй.

Отправились. Было очень весело. Обѣдали въ Бельвиллѣ. За десертомъ директоръ сталъ поглядывать на часы.

— Шесть часовъ, сказалъ онъ, пора ѣхать.

— Успѣемъ еще!

— Нѣтъ, пора, пора.

— Такъ дайте мнѣ хоть шляпку надѣть.

Хорошенькая кокетка посмотрѣлась въ зеркало, надѣла шляпку, сняла ее, опять надѣла и долго поправляла; то же происходило и съ шалью, и съ перчатками.

А время проходило, да проходило.

Наконецъ сѣли въ карету, отправились; извозчикъ гналъ изо всей мочи.

Между-тѣмъ въ театрѣ началась пiеса. Надобно было выдти на сцену хорошенькой актрисѣ, и режиссеръ только въ ту минуту узналъ, что она еще не прiѣхала.

Публика стала роптать. Режиссеръ извинился.

Но вотъ прiѣзжаетъ актриса.

— Пятнадцать франковъ штрафа! закричалъ ей режиссеръ.

— За пять минутъ?

— Пятнадцать франковъ. Выходите на сцену!

— Увидимъ, проговорила хорошенькая актриса улыбувшись, — не только пятнадцати франковъ, но ни одного сантима не заплачу.

На другой день она отправилась къ директору съ просьбой снять съ нее штрафъ.

— Невозможно! отвѣчалъ онъ.

Ни просьбы, ни увѣщанiя, ничто не подѣйствовало.

БРЮССЕЛЬ. — Здѣсь продавали на дняхъ картинную галерею. Одна картина, преимущественно, обращала на себя вниманiе знатоковъ и любителей. То было изображенiе Венеры, заказывающей Вулкану щитъ Ахиллеса. Эта превосходная картина имѣетъ еще то высокое достоинство, что принадлежитъ кисти знаменитаго Рубенса.

Одна картина за другою продавались. Дошла, наконецъ, очередь и до Рубенсовой.

Глубокое молчанiе воцарилось въ залѣ.

— Десять тысячъ франковъ! провозгласилъ оцѣняющъ.

Молчанiе.

— Девять тысячъ франковъ!

Никто ни слова.

— Восемь тысяч франков!

Никто не прерывал молчания. Оцѣщикъ спускалъ по ты-
сячѣ, и наконецъ произнесъ жалобно:

— Двѣ тысячи франков!

— Даю! вскричалъ кто-кто.

— Даю три тысячи! перебилъ другой.

— Четыре! закричалъ третій.

Началась отчаянная переторжка. Довло, наконецъ, до че-
тырнадцати тысячѣ.

— Че...тыр...над...цать ты...сячъ... Никто больше? спро-
сить оцѣщикъ въ третій разъ.

Никто больше не давалъ. Французъ, г. Патуро, одержалъ
верхъ, и увезъ съ собою драгоценную картину.

ИСПАНІЯ. — Знаете ли, гдѣ я теперь?... Въ Эстрамадурской де-
ревнѣ, въ которой, быть-можетъ, нѣтъ и пяти сотъ душъ; —
вы подумаете, что мнѣ нечего вамъ говорить и писать; оши-
баетесь! у меня есть въ запасъ такія приключенія, которыя
вполнѣ достойны вашего вниманія.

Отправившись изъ Мериды, по восхожденіи солнца, и про-
ѣхавъ два дѣе, мы остановились въ одномъ селеніицѣ, Сан-
Педро, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ домишекъ. Здѣсь
мы хотѣли закусить, потому-что намъ предстояло сдѣлать доб-
рыхъ пять дѣе до деревни Меахарасъ, и мы очень хорошо зна-
ли, что на пути къ ней не найдемъ никакого пристанища.

Въ то время, какъ мы освѣжались мериданскимъ арбузомъ,
пріѣхалъ одинъ старый полковникъ въ дряхлой, изъѣженной
качкѣ, которую съ трудомъ тащили двѣ изнуренныя клячен-
ки. За полковникомъ слѣдовалъ его полкъ.

Поглазѣвъ на солдатъ, на офицеровъ и женъ ихъ, изъ ко-
торыхъ многія присылали въ различныхъ экипажахъ въ кор-
чму, и послушавъ военной музыки, отправились мы къ на-
шимъ коляскамъ. Ъхали, ѡхали и пріѣхали наконецъ въ су-
мерки въ деревню *Меахарасъ*, гдѣ, какъ я сказалъ уже, едва ли
насчитается пять-сотъ душъ. Поужинавъ съ изряднымъ ап-
петитомъ, пошли прогуляться при свѣтѣ луны, которая была
блестательна, ярка и кругла. Дорогою увидѣли мы развалины
древняго замка, и пошли къ нему; тутъ нашли стараго священ-

ника здѣшней церкви, который прогуливался одинъ одинеше-
нecкѣ. Помѣнявшись поклонами, мы заговорили о замкѣ; по-
чтенный священникъ очень охотно вошелъ съ нами въ разго-
воръ, и рассказалъ все, случившееся въ развалившемся замкѣ.
При этомъ случаѣ онъ такъ распространился на счетъ ис-
панской исторіи, что, я думаю, Титъ Ливій не сказалъ столь-
ко о римской. Безъ шутокъ, я назвалъ историческую дис-
сертацию ученаго священника очень краснорѣчивою и занима-
тельною, и почелъ бы за счастье имѣть его товарищемъ путе-
шестія; мнѣ не случалось встрѣчать челоуѣка, который бы у-
мѣлъ говорить такъ ясно, краснорѣчиво и пріятно. Даръ сло-
ва—великая и рѣдкая вещь!

Луна свѣтила чудесно, какъ я сказалъ уже; что намъ было
дѣлать въ трактирѣ при такомъ очаровательномъ, романиче-
скомъ блескѣ луны и такой тихой, отрадно-прохладной пого-
дѣ? Насладимся ею еще нѣсколько времени, и пойдемъ въ эту
сторону: мнѣ слышатся говоръ и смѣхъ. Замѣчательная вещь,
что даже въ Испаніи, даже въ деревнѣ *Меахарасъ*, есть лю-
ди, которые болтаютъ и смѣются не менѣе, какъ въ Италиі, въ
Англии и во всякой части земнаго шара. Но *tutto il mondo è
paese*, говоритъ пословица. — Болтали и смѣялись мальчики и
дѣвочки, которые танцовали посреди улицы; отцы же и мате-
ри ихъ сидѣли и разговаривали очень серьезно.

Взрослые молодые люди танцовали въ трактирѣ. Насъ, безъ
церемоніи, пригласили туда.

Мы помѣстились въ обширной комнатѣ, къ которой съ объ-
ихъ сторонъ примыкали другіе покои, биткомъ набитые наро-
домъ. Въ разныхъ мѣстахъ видѣлись люди, которые лежали
растянувшись на своихъ плащахъ, и всѣ спали или казались
спящими. Молодой погонщикъ муловъ (*mulattieri*) бряцалъ на
гитарѣ, другой аккомпанировалъ ему, напѣвая какую-то ка-
стельскую пѣсню. Вдругъ изъ сосѣднихъ комнатъ вышло нѣ-
сколько молодыхъ дѣвушекъ и парней, которые, не теряя вре-
мени, начали вышлясывать разные танцы, называемые *циг-
диліе* (*zighedgilie*) и фанданго. Между танцующими было пять или
шесть Португалекъ и четыре Испанки. Португалки были не-
опрытны и нехороши собою. Изъ четырехъ Испанокъ одна
была старуха и мать молодой, черноволосой и довольно полно-
ватой дѣвушки; другія двѣ были сестры: младшая, лѣтъ пят-
надцати или шестнадцати, была прекрасна, какъ Венера меди-
цисская. Старшая сестра, въ отношеніи красоты; во многомъ

уступала младшей; но имѣла пару глазъ... о, какихъ глазъ! Жаль, что сравненіе глазъ съ звѣздами было найдено тысячею тысячъ поэтовъ всѣхъ націй, и особенно аркадскими пастухами! Еслибъ сравненіе это не было найдено уже, я сдѣлалъ бы себѣ большую честь уподобленіемъ пары глазъ этихъ двумъ самымъ блестящимъ, прекраснымъ звѣздамъ небосклона, изъ которыхъ одну назвалъ бы полярною арктическою, а другую полярною антарктическою, только рѣшмы ради. Наряды четырехъ Испанокъ были очень великолѣпны: какъ молодья, такъ и старуха, имѣли платья, украшенныя золотомъ и серебромъ. Суда потому, что мнѣ сказали, я узналъ, что онѣ изъ Бадахоса, и ѣдутъ съ нѣсколькими родственниками на ярмарку—и что прелестная дѣвица называется Катилина. Я видѣлъ, какъ танцуютъ танцоры всѣхъ націй, начиная отъ Далмаціи до сѣверной части Англіи; но ни одинъ танецъ не понравился мнѣ такъ какъ то, что танцовали эти Испанки. Тосканскій *ригдонъ*, венеціанская *фурлана*, *кураитъ* (la corrente) Мопферрицевъ, польки, вальсы, мазурки, редова и прочее, и прочее,—все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я здѣсь увидѣлъ!.. Испанскіе танцы производятъ самое живое впечатлѣніе. Они исполняются какъ Португальцами, такъ и Испанцами, подъ звуки одной или нѣсколькихъ гитаръ, или подъ смѣшанные звуки гитаръ и мужскихъ и женскихъ голосовъ. Какъ мужчныи, такъ и женщиныи, танцующая, очень мало дѣлаютъ движеній корпусомъ, особенно послѣднія;—онѣ находятся въ непрерывномъ движеніи, но оно едва замѣтно. Удивительно, съ какою вѣрностію, съ какими точнымъ соблюденіемъ такта щелкаютъ онѣ пальцами и приготавливаютъ ногами; все это исполняется такъ согласно и въ мѣру, что нельзя смотрѣть безъ восхищенія, особливо въ первый разъ. И я, цѣлыя четыре ночи немощій порядочно выпасаться, разбитый усталостію на смерть отъ путешествій этого дня, совершенныхъ болѣею частью пѣшкомъ—я, принявшій дорожную твердое намѣреніе залечь спать, даже не дожидаясь ужина, — въ нѣсколько секундъ былъ такъ восхищенъ, увлеченъ этимъ новымъ, прекраснымъ и неожиданнымъ спектаклемъ, что совсѣмъ забылъ о готовившейся мнѣ къ ужину курицѣ, о приготовленной для меня постелѣ, обо всемъ; я съ душею, трепещущею отъ удовольствія, нѣсколько времени стоялъ и смотрѣлъ на праздникъ этотъ, который сдѣлался еще интереснѣе: забавно было видѣть, какъ многіе большіе парни, только что заснувшіе, вдругъ вскочили на ноги, и безъ церемоній и стыда за прорывавшіяся чулки свои, начали танцовать, то съ неопрятно

одѣтыми и не хорошими собою Португальцами, то съ прелестными и щегольски-одѣтыми Испанками. Послѣднія танцовали со всѣмъ охотно, безъ малѣйшаго принужденія или изъясненія неудовольствія, какъ это бываетъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ земляхъ, гдѣ дурно-одѣтый ведетъ дружбу съ дурно-одѣтымъ, щеголь съ щеголемъ, не допуская между собою никакой общности. Въ одномъ углу нашей комнаты былъ столъ, и на немъ я, также безъ церемоній, велѣлъ постлать скатерть, и сѣлъ ужинать вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, обращая взоры свои чаще на танцующихъ, нежели на блюда. Одна изъ Португалекъ попросила у меня кусочка нашего окорока; и когда въ ту же минуту я сама принесъ и подалъ его ей, другія тоже пожелали отвѣдать окорока, такъ что въ нѣсколько минутъ весь онъ, исключая костей, исчезъ съ лица земли, или лучше сказать, блюда. Въ полночь балъ былъ прерванъ свѣтомъ потѣшныхъ огней, зажженныхъ по случаю королевскаго праздника; мы все отирались смотрѣть иллюминацію; но дождь, который вдругъ изъ мелкаго превратился въ крупный, такъ насъ смочилъ, что все посѣдѣли возвратиться въ трактиръ, и начали опять играть, пѣть и танцовать. Сестра прелестной Катилины, которая была самая неутомимая изъ всѣхъ нашихъ танцовщицъ, и, какъ мнѣ казалось, имѣла тайное намѣреніе отплатить мнѣ за учтивости, оказанныя мною ей и подругамъ ея окорокомъ, протанцовала одинъ танецъ *sola soletta* (одна одинохонька) и сдѣлала столько разныхъ маленькихъ *па*, жестовъ, въ высочайшей степени граціозныхъ движеній головою, плечами и боками, что я былъ въ восторгѣ, особенно когда она украдкою устремляла на меня свои чудесные глаза. Изъ пѣсень, пропѣтыхъ дѣвушками, одна была кастильская, и спѣла ее бадахосская поленьевка брюнетка; пѣсня эта разстрогала бы камень, такъ нѣжны и живы были страстные выраженія ея. Другая пѣсня, пропѣтая прелестною Катилиною, разсѣлила меня.

Послѣ трехъ часовъ утра кончился праздникъ, и всякій отправился спать на полу. Да, все легли на полъ, даже прекрасная Катилина и ея пылкая сестра, со всѣми золотыми и серебряными украшеніями, лентами, бантами, кружевами и галунами, которыми были украшены наряды ихъ. Я же, вмѣсто того, чтобы растянуться на своей соломѣ, велѣлъ подать себѣ перо, чернильницу, бумагу и принялся писать; быть шесть часовъ... Все спать. Дождь легъ ливнемъ. Такъ какъ завтра намъ

предстоитъ еще порядочная прогулка до Бадахоса, такъ я, не раздѣваясь, лягу на солому и постараюсь заснуть. До слѣдующаго письма.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Свѣтскія отношенія.—Беранже и пирожникъ.—Ненужныя письма.—Журналъ и газета.—Находчивый портной.—Анекдотъ.—Хвастунъ.—Что такое душа?—Семьдесятъ лѣтъ.—Невымышленное письмо.—Длиннѣйшее имя.—Совѣтъ отца.—Иностранное и Русское слово.—Французскія поясненія для Русскихъ.—Тетрадь Наполеона.—Майскія замѣтки: Далія, георгина, гортензія.

Свѣтскія отношенія. Самыя глупые люди именно тѣ, которые воображаютъ, что они очень умны. Бѣда тому, кто долженъ выдержать съ ними хоть нѣсколько продолжительный разговоръ.

Въ тягость можетъ быть только глупецъ; умный человѣкъ угадываетъ, нравится ли его общество или нѣтъ; онъ обыкновенно оставляетъ собесѣдника ранѣ истощенія предметовъ разговора.

Искусство бесѣды состоитъ менѣе въ искусствѣ говорить, нежели въ умѣнн слухать. Кто, послѣ бесѣды, доволенъ собою, тотъ непременно будетъ доволенъ и собесѣдникомъ. Люди вообще такъ устроены, что они хотятъ болѣе нравиться, нежели научиться.

Тотъ, кто умѣетъ говорить—остроуменъ.

Кто умѣетъ молчать, тотъ—уменъ.

Шутя только съ людьми умными и вѣжливыми: глупецъ за шутку разсердится; невѣжа отвѣтитъ шуткою же, но грубо, обидною.

Постоянная насмѣшливость есть признакъ скудости ума.

Люди, которые все хулятъ, ничѣмъ не довольны, суть именно тѣ, которыми никто не доволенъ.

Хотя вѣжливость и не есть непремѣнный признакъ доброты, любезности или признательности, однакожь она и тѣмъ похвальна, что принимаетъ видъ этихъ качествъ.

Къ Беранже пришелъ пирожникъ, намѣревавшійся жениться, съ просьбою написать ему стихи на его свадьбу.

Знаменитый поэтъ улыбнулся.

— Я не пишу *стиховъ на случаи*, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ вздоръ! возразилъ женихъ, я слышалъ, что вы мастерь сочинять стихи. Напишите только, а я васъ и на свадьбу пригласю.

— Право не могу, возразилъ Беранже: я давно уже не пишу стиховъ.

— Что же вы думаете, вскричалъ разгорячившійся пирожникъ: что я вамъ не заплачу? Если хотите, такъ я вамъ сейчасъ дамъ половину впередъ! Что стоитъ?

Беранже опять улыбнулся, но не взялся написать стиховъ.

Разобиженный пирожникъ, въ день свадьбы, рассказывалъ за десертомъ, что онъ заказывалъ стихи у Беранже.

— Бѣловый народъ! прибавилъ онъ: такіе лѣнтяи, что даже за деньги не хотятъ работать.

Лакей замѣтилъ, что баринъ его бросалъ прочтанныя имъ письма.

— Сударь, сказалъ онъ однажды, позвольте мнѣ взять изъ вашей корзинки письма, которыя вамъ не нужны.

— Зачѣмъ они тебѣ?

— Ничего, сударь; у меня есть маленькая зазнобушка...

— Ну?

— Маша, извольте видѣть, просить, чтобы я посылалъ ей почаще письма... а такъ какъ эти письма вамъ ненужны, то мнѣ бы они очень пригодились.

Журналъ и газета. Всѣ ежедневные листки, какъ то Сѣверную Пчелу, Санктпетербургскія Вѣдомости, Инвалидъ, и другіе, мы привыкли называть *газетами*.

Всѣ же толстыя ежемѣсячныя изданія мы называемъ *журналами*.

Оба слова заморскія. Это еще не бѣда! Первое еще довольно толково, но второе рѣшительно нелѣпо.

Что значить *журналъ*, *journal*? *Ежедневникъ*, отъ слова *jour*, *journalier*.

На какомъ же основаніи называемъ мы *ежемѣсячникъ* *ежедневникомъ*?

Привычка, скажутъ. Ничего не бывало. Мы изъ любопытства разсматривали многія старинныя періодическія изданія, и всѣ они называются *ежемѣсячными изданіями*, а не *журналами*.

Къ сожалѣнію мы не одно это заимствовали у иностранцевъ и въ такомъ же превратномъ видѣ.

Одинъ находчивый портной въ Лондонѣ изобрѣлъ сюртукъ, *безопасный отъ воровъ*.

Весь секретъ состоитъ въ томъ, что въ сюртукѣ нѣтъ кармановъ.

Мальчишка вскочилъ на запятки извозчицѣй кареты. Извозчикъ хлеснулъ кнутомъ, и мальчишка соскочилъ; но вслѣдъ за нимъ вскочилъ другой.

Извозчикъ опять сталъ хлестать.

— Полно тебѣ! вскричалъ мальчишка: напрасно трудишься; онъ давно уже соскочилъ!

Какой-то франтъ хвасталъ въ обществѣ, что онъ проскакалъ тридцать верстъ въ тридцать минутъ.

— Возможно ли это? спросили берейтора, находившагося въ томъ же обществѣ.

— Проскакать нельзя, спокойно отвѣчалъ берейторъ, а соврать можно.

Греческіе философы много разсуждали о душѣ:

Гиппократъ утверждалъ, что она заключается въ лѣвой части сердца.

Эразистратъ переселилъ ее въ пленку, окружающую мозгъ.

Эпикуръ и Аристотель говорили, что она находится во всемъ тѣлѣ.

Эмпедоклъ утверждалъ, что она находится въ крови.

Страбонъ назначилъ ей *спдалище* между бровями.

Парменидъ говорилъ, что душа огонь.

Анаксимандръ—вода.

Зенонъ называетъ ее эссенціею всѣхъ стихій.

Гераклитъ называетъ ее свѣтомъ.

Французскій іезуитъ Мальбраншъ говорилъ, что мы познаемъ нашу душу *совѣстію*....

Семьдесятъ лѣтъ.

Ужъ память слабѣтъ, имена забываю;
 Той жизненной гибкости и силы ужъ нѣтъ,
 Что прежде бывало!... Но я не вздыхаю.
 И духомъ я бодръ, хотя—ниѣ семьдесятъ лѣтъ!
 А семьдесятъ лѣтъ намъ мотаться на свѣтѣ,
 Не легкое дѣло, не пѣсеньку спѣтъ!...

Пусть память слабѣтъ, да духъ укрѣпится,
 Чтобъ съ теплою вѣрою встрѣтить конецъ;
 А тамъ ужъ на небѣ, гдѣ все обновится,
 Порадуетъ насъ нашъ Небесный Отецъ.

Баронъ Александръ Шедо.

Отрывокъ изъ невымышленнаго письма:

«Проститѣ мae неправильно писаніе, но пѣро такоѣ скверное, а обчинить нѣкому.»

Въ одной базельской газетѣ я нашелъ слѣдующую любопытную замѣтку:

«Въ 1815 году былъ въ Базелѣ русскій офицеръ, имя котораго можно назвать длиннѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ именъ. Его звали:

Димитрисимеоновичитниковъ»

— Надобно вставать рано, сынъ мой, говорилъ заботливый отецъ: вотъ я тебѣ расскажу про одного человѣка, который

имѣлъ обыкновеніе вставать очень рано. Однажды онъ вышелъ прогуляться, и нашелъ кошелекъ съ деньгами.

— А много было денегъ, папа?

— Очень много; но дѣло не въ томъ: еслибъ онъ всталъ позже, такъ другой бы нашелъ кошелекъ.

Еще иностранное слово: *интимный*.

Забавное слово: *упористый*.

Иные любятъ вставлять вездѣ французскія поясненія. Недавно еще нашли мы слѣдующую фразу:

«Водевиль не родился въ Россіи, *c'est une plante parasite*»...

Должно полагать, что эти поясненія дѣлаются для читателей, не знающихъ по-русски.

Долгое время послѣ смерти Наполеона, случайно нашли у одного священника, въ Лионѣ, нѣсколько тетрадокъ бывшаго Императора Французовъ; въ одной изъ этихъ тетрадей были географическія замѣтки; въ ней было тридцать три исписанныхъ страницъ и три бѣлыя.

Послѣднія слова въ этой тетради:

Сент-Еленъ, маленькій островъ.

МАЙСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Далия или *георгина*, прекрасный пышный цвѣтокъ, привезенъ въ Европу съ песчаныхъ равнинъ Мехики. Въ 1789 году Винцентъ Сервантесъ, профессоръ и директоръ мексиканскаго ботаническаго сада, послалъ три сорта этого цвѣтка директору ботаническаго сада въ Мадридъ.

Тамъ георгина цвѣла въ первый разъ въ 1790 году.

Въ 1798 году она привезена въ Англію, а въ 1804 г. Александръ Гумбольдтъ привезъ сѣмена этого цвѣтка и въ Германію.

Названіе *далии* происходитъ отъ шведскаго ботаника *Далл.*

Названіе *георгины* отъ англійскаго короля *Георга III*, страстно любившаго этотъ цвѣтокъ.

Ученое названіе *гортензіи*—*Hydrangea*.

Въ Европѣ цвѣтокъ этотъ появился впервые во Франціи, а именно въ Мальмезонѣ, въ саду императрицы Жозефины.

Она сама назвала его *гортензіей*, по имени дочери своей *Гортензіи*, тогдашней голландской королевы, и матери теперешняго Президента Французской Республики.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Нужно ли поясненіе костюмовъ, изображенныхъ на модной картинкѣ, приложенной къ нынѣшней книгѣ Сына Отечества? Довольно взглянуть на нее, чтобы составить понятіе о фасонѣ и отдѣлкѣ платьевъ, познакомиться съ новымъ фасономъ шляпокъ, и замѣтить прочія модныя мелочи. Изящество дѣтскаго наряда, вѣрно, также не будетъ упущено изъ виду. Но такъ какъ картинка не можетъ изобразить всего, что существуетъ въ модномъ свѣтѣ, то мы постараемся помочь этому недостатку и передать наши замѣчанія, сдѣланные во время прогулки по лучшимъ магазинамъ Петербурга. Напримѣръ, намъ показались оригинальными прозрачныя соломенные шляпки съ ярко-пурпурнымъ подбоемъ и отдѣлкою изъ лентъ того же цвѣта. Нѣкоторыя изъ нихъ были отдѣланы цвѣтами. Подъ полями шляпокъ носятъ цвѣты, или бульонѣ бѣлаго или другихъ цвѣтовъ. Зонтики послѣдней моды, безъ бахрамы. Мы видѣли нѣсколько зонтиковъ изъ кружевной ткани на шолковой, розовой или голубой, подкладкѣ. Это чрезвычайно нарядно.

Для дѣтскихъ платьевъ пестрые или одноцвѣтные барежи очень приличны. Легкія платья преимущественно отдѣляются узкими фалбалами. Широкія кружевныя фалбалы служатъ для украшенія платьевъ изъ дорогихъ шолковыхъ матерій. Кисейныя или жаконетовыя платья, обыкновенно дѣлаются съ мантиею изъ той же матеріи. Мы обратили вниманіе на бѣлую кисею, вышитую въ тамбуръ разноцвѣтными шелками. Можно предвидѣть, что платье изъ этой кисеи будетъ превосходно.

Что сказать о мантильяхъ? Право, онѣ, кажется, съ каждымъ днемъ дѣлаются роскошнѣе и превосходиѣе. Бѣлыя шолковыя мантили, вышитыя шолкомъ и сутажемъ, съ отдѣлкою изъ широкихъ кружевъ, такія же розовыя и голубыя, просто, прелесть. Черныя тюлевыя мантили, вышитыя въ тамбуръ бѣлымъ шолкомъ, также очень нарядны. Но пѣтъ возможности описать всю роскошь, все изящество нынѣшнихъ мантилій. Въ слѣдую-

шихъ книгахъ Сына Отечества, мы будемъ указывать на магазины, гдѣ именно мы видѣли какія-нибудь замѣчательныя новости. Можеть-быть, мы этимъ угодимъ нашимъ читателямъ-память.

Еще намъ попались на глаза шарфы изъ бѣлаго крепона съ цвѣтной гирляндой вокругъ. Для лѣта это очень милый нарядъ.—Серьги все еще предпочитаются, безъ подвѣсокъ. Скажемъ намъ замѣчаніе о дѣтскихъ шляпкахъ.

Очень много видно дѣтскихъ шляпокъ съ большими круглыми полями. Шляпки à la jardinière, т. е. съ полукрытыми круглыми полями, также въ большомъ употребленіи. Отдѣлка этихъ шляпокъ состоитъ изъ ленты, положенной во-кругъ тули и связанной на боку бантомъ съ висящими концами. Подъ полями шляпки, къ завязкамъ пришиваются довольно большія кокарды изъ тѣхъ же лентъ.

Сообщимъ еще нѣсколько вѣстей о модахъ въ Парижѣ. Соломенные шляпки всѣхъ сортовъ будутъ въ модѣ вышшимъ лѣтомъ. Шляпки изъ тончайшей флорентинской соломы paille de Florence такъ хороши, что не имѣютъ нужды въ изысканной отдѣлкѣ. Простая, перевитая черезъ шляпку лента, которая служитъ завязками и пучокъ изъ колосьевъ, пришпиленный съ боку, замѣняютъ всѣ прочія украшенія. Другія соломенные шляпы дѣлаются съ цвѣтнымъ подбоемъ изъ тафты или крепона. Ленты должны быть одного цвѣта съ подбоемъ. Много носятъ клетчатыхъ лентъ. На шляпки съ бѣлыми лентами прикалываютъ вѣтку цвѣтовъ. Креповыя шляпки, отдѣланныя рюшемъ изъ узкихъ газовыхъ лентъ, превосходны.

Для платьевъ затнаны тафты въ большой модѣ. Отдѣлка на платьяхъ очень нарядна. Широкія фалбалы окаймляются рюшемъ. Таки дѣлаются открытыми наперед; рукава полудлинные, расширяющіяся книзу. Превосходно вышитыя англійскимъ швомъ шемизетки и рукавички, отдѣланные кружевами, необходимы при этомъ фасонѣ платья. Много видно платьевъ изъ шотландскаго фулара съ большими клетками. Къ этимъ платьямъ дѣлаются мантили изъ той же матеріи, и онѣ служатъ болѣе утреннимъ нарядомъ. Платья изъ одноцвѣтныхъ шолоковыхъ матерій отдѣлываются шерстяными кружевами, одного цвѣта съ платьемъ.

Въ будущей книгѣ поговоримъ подробнѣе о нѣкоторыхъ новостяхъ, которыя только что появляются въ модномъ свѣтѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІА ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ».

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Сукопной-линіи, подъ № 17.

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ПОѢЗДКА ВЪ КИРИЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Вакціонныя дни профессора С. Шевырева, въ 1847 году. Въ двухъ частяхъ (съ 25-ю литографированными рисунками.) М., 1850 Ц. 3 руб. съ перес. 4 руб.

ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ БОГОРОДИЦЫ. Изъ книгъ Чет. мн. Изданная Авдотьею Глинкою. Изд. 4-е м. 1850 Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

ЦЕРКОВНЫЯ ПОУЧЕНІЯ Протоіерея Василья Нордова. С. П. 1850 г. Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 25 коп.

ОЧЕРКЪ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ 1848—1849 годовъ. Переводъ съ нѣмецкаго, Полковника Богдановича и Подполковника

Лебедева; съ тремя картинами С. П. 1850. Ц. 1 руб. 75 коп. съ перес. 2 руб

СЛУЧАЙНОСТИ ЖИЗНИ. Разказы составлен. для юношества Т. Дилитцемъ, перев. съ нѣмец. Лаврентьева 1850. г. Ц. съ раскрашенными картинами, 2 руб. 50 коп. съ черными 1 руб. 50 коп. за пересылку прилагается 50 коп.

БУХГАЛТЕРІЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКАЯ. Или самоучитель бухгалтеріи для всѣхъ сословій, а преимущественно для купечества. Соч. Ивана Буттера. 1850. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго. 1850 г. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРАВИЛА КЪ РУКОВОДСТВУ ПРИ ПОКУПКѢ ЛОШАДЕЙ. Соч. Якова Юнсова. С. П. 1850 Ц. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКІЙ, КОНСКІЙ, СКОТСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ. Для учащихся ветеринарной медицинѣ и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владѣльцевъ, занимающихся скотоводствомъ, сочиненный ординарнымъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ, докторомъ медицины, Статскимъ Советникомъ и Кавалеромъ Петромъ Лукинымъ. С. П. Ц. 3 руб.

Г. иногородные, выписывающіе вышеозначенныя два сочиненія изъ магазина В. П. Полякова, платятъ 5. руб. сер. съ перес.

ТРАКТАТЪ О ПОДСЪДАХЪ И МОКРЕЦАХЪ (рожистой болѣзни ногъ) лошадей, и о правильныхъ способахъ леченія ихъ; соч. О Пашкевича. 1850 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ОХОТНИКОВЪ ДО ЛОШАДЕЙ, или практической наставленія касательно ухода и предохраненія лошадей отъ всякихъ болѣзней, составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій стараго ветеринара 1849. Ц. 75 коп. съ перес. 1 руб.

ЖИЗНЬ КНЯЗЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКАГО въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные Временною Комиссіею, Высочайше-учрежденною при Киевскомъ Военномъ Подольскомъ и Волынскомъ Генераломъ-Губернаторомъ. Два тома въ 4 л. л. Киевъ 1849 Ц. 10 руб., съ перес. 12 руб.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЦАРСТВОВАНІЯ БЛАГОСЛОВЕННАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Составилъ Зосима Воробьевъ. 1850 Ц. 40 коп., съ перес. 60 коп.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПО ФИЗИЧЕСКИМЪ И ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ, состав. М. Хотинскимъ. С. П. 1850 г. Ц. 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ РОССІИ. Съ показаніемъ желѣзной дороги между Петербургомъ, Москвою и Царскимъ Селомъ, шоссе, всѣхъ водяныхъ путей сообщенія, купеческихъ трактовъ, большихъ и малыхъ почтовыхъ дорогъ, съ назначеніемъ станцій и числа верстъ между оными. Изданіе третіе тщательно исправленное по 1-е января 1850 года, съ планами. 1) С. Петербурга съ окрестностями, какъ то Кронштадтомъ, Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Ораниенбаумомъ. 2. Москвы, съ окрестностями. 3. Варшавы. 4. Одессы, и 5. Киева; на 4-хъ большихъ листахъ, превосходно гравированная и правильно раскрашенная по послѣднему раздѣленію. Ц. 3 руб. а наклеенная на коленкоръ и въ футлярѣ. Ц. 4 руб

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССІИ, Григорія Небольсина, удостоенное русскимъ географическимъ обществомъ полной Жуковской преміи; 2 части, 1850. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 75 коп.

ВѢДОМОСТЬ О НАРОДОНАСЕЛЕНІИ РОССІИ, ПО УѢЗДАМЪ ГУБЕРНІЙ И ОБЛАСТЕЙ, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Губернаторовъ, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, А. К., С. П. 1850 Ц. 50 коп. съ перес. 80 коп.

ВЕЛИКОЛѢПНОЕ ИЗДАНІЕ, ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО соч. Н. Ламбина. Украшенное 600 оригинальныхъ рисунковъ, портретами и другими украшеніями, Д. Янцена. Напечатанное въ большую 8-ю долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна вмѣсто 15 руб. сер., 7 руб. сер., а съ пересылкою 8 руб. сер.

Гг. иногородные благоволят адресоваться за всѣми вообще книгами, публикованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василя Петровича Полякова, со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета въ полученныхъ деньгахъ.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Новости ученаго мира.

Опредѣленіе скорости движенія свѣта неастрономическимъ путемъ. — Соединеніе Парижа съ Лондономъ помощью электрическаго телеграфа. — Несколько словъ о чернилѣ. — Золотоносная розсыпь на Борнео. — Сухое молоко. — Потребленіе свѣтлѣнаго газа въ Великобританіи. — Привилегированная машина для печенія хлѣба. — Золоченый и серебряный шолкъ. — Приборъ Флечера для опредѣленія скорости движенія

по желѣзнымъ дорогамъ. — Лесъ безъ сожиганія дерева. — Литой мраморъ у древнихъ. — Искусственный горючій матеріалъ. — Новый способъ травленія стали и мѣди. — Грибъ *Spartaria alba*. — Цекристаллизованый алмазь. — Химическія измѣненія лица во время развитія зародыша. — Платина въ Альпійскихъ горахъ.

Городская почта.

Похожденія провинціала въ столицѣ. — Пріѣзжій. — Колокольчики. — Иванъ Ивановичъ. — Дядюшка и племянникъ. — В. В. и Н. В. Самойловы. — Бѣги. — Вызовъ. — Утренній костюмъ. — Портные. — Увеселенія въ посту. — Излеть. — Пассажъ. — Вѣстанъ. — Человѣкъ бывалый. — *Sergio* «Камаринская» М. И. Гиняки. — Рубиштейнъ. — Францъ Францовичъ Космополитскій. — Вишневка и лафитъ. — Кавось и Бавери. — Сеймуръ Шинъ. — Михайловъ и Артемовскій. — Камешскій. — Концертъ въ пользу Общества Посыщенія Бѣд-

ныхъ. — *Аллего* Графа М. Ю. Вильгорскаго. — М. В. Шиловская. — А. А. Тришатная. — А. Ф. Львовъ. — Губовъ. — Концертъ въ пользу семейства Варламова. — З. П. Башиная. — Живыя картины. — Лотерея. — Базаръ въ пользу бѣдныхъ въ залѣ Благороднаго Собранія. — Русская изба. — Продавщицы. — Концертъ съ живыми картинами въ домѣ Галлера. — Устрицы. — Карты. — Стихи еще новаго поэта. — Книгопродавцы. — Исаковы. — Поляковъ. — Какія бываютъ странныя дѣли.

Русская почта.

О вновь изобрѣтенномъ въ Россіи ускоренномъ способѣ дубленія кожъ. — Время дубленія. — Закалъ. — Сравнительная таблица. — Сбытъ за границей. — Польза для казны. — Обороты. — Золотыя розсыпи. — Куринская долина. — Львиная маши-

на. — Выгоды. — Цѣнность. — Воадльваніе чалтыка (сарачинскаго шпена). — Лучшая почва. — Приготовленіе земли и посѣвъ. — Созрѣніе, уборка и урожай. — Обмолачиваніе и очищеніе.

Иностранная почта.

Парижъ. — Лоншанское гульбище. — Весна. — Экипажи. — Изъ Калифорніи. — Кто былъ, кто не былъ. — Калифорнія вездѣ. — Лотерея. — Николи Бадуляръ? — Во свѣ! — Старая басня. — Послѣдняя недѣля поста. — Селамъ. — Влардо. — Даблашь. — Точность и усердіе. — Директоръ и ак-

триса. — Пора ѣхать! — Штрафъ. — Неумолимый соучастникъ. — Брюсель. — Картина Рубенса. — Странная переторжка. — Испанія. — Меахарасть. — Лунная ночь. — Шлакъ. — Португальки и Испанки. — Потѣшные огни. — Осторокъ. — *Sola soletta*. — На полу.

Мысль и улыбка.

Свѣтскія отношенія. — Беранже и Лярошникъ. — Ненужныя письма. — Журналь и газета. — Находчивый портной. — Анекдотъ. — Хвастунъ. — Что такое думать? — Семьдесятъ лѣтъ. — Невымышленное письмо. — Длин-

нѣйшее имя. — Совѣтъ отца. — Пностранное и Русское слово. — Французскія полененія для Русскихъ. — Тетрадь Наполеона. — Майскія замѣтки: Далія, георгина, гортензія.

Моды.

Русскія книги.

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Журнал **СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА** выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.
2. Въ копторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиннаго-Двора, подъ № 17-мъ.

Цѣна за годовое изданіе со всѣми приложениями *пятнадцать руб. сереб.* За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. сереб.

Всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи Сына Отечества, просятъ адресоваться къ Петру Романовичу Фурману, жителствующему на Петербургской сторонѣ, въ Шамшевой улицѣ, въ домѣ г-жи Гревель.

Рукописи, присланныя въ Редакцію, не будутъ возвращаемы.

Гг. подписчиковъ и вообще всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи, просятъ выставлять въ письмахъ сколь возможно явственнѣе имя и адресъ (иногородныхъ: губернію, уѣздъ и городъ).

Въ Редакціи находятся нѣсколько писемъ, на которыя она не отвѣчаетъ только потому, что имя и адресъ выставлены неясвенно.

ОТЪ РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ.

1. Три неподанные книги, а именно за июль, августъ и декабрь прошлаго 1849 года, *будутъ непременно выданы* въ непродолжительномъ времени.
2. Подписчики нынѣшняго года получатъ отдѣльно напечатанный романъ К. П. Масальскаго:

ЛЕЙТЕНАНТЪ и ПОРУЧИКЪ,

въ двухъ частяхъ.

3. Въ октябрѣ нынѣшняго года выйдетъ *особеннымъ же приложеніемъ* второй томъ романа:

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКИЙ,

Великолѣпное изданіе большого формата со множествомъ превосходныхъ политипажныхъ рисунковъ, выписанныхъ изъ Парижа.

4. Вообще Издатель и Редакція ручаются, что всѣ обѣщанія ихъ будутъ, по мѣрѣ возможности, выполнены въ теченіи нынѣшняго года.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Іюнь.

I. РУССКАЯ ІСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испанію и во Франціи. (Продолженіе). К. Масальскаго.

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія.

Иностранныя извѣстія.

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО. Соч. М. Полоцова.

МОЛИТВА. Соч. Я. Крылова.

РЕБЕНКУ.

АРАВЕЛЛА.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНІЕ русскаго военнаго судна Малакскимъ проливомъ. (Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка). Соч. Капибакса.

СТРАХИ И УЖАСЫ. Соч. П. Сухонина.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА Соммервиль. Романъ Жюль-Сандо. Часть II.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛАФАТЕРЪ и его ученіе. (Окончаніе). А. Б—скаго.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. VI. Іосифъ Брама, изобрѣтатель гидравлическаго преса. В. Карелина.

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

56. Русскіе на Восточномъ Океанѣ. Соч. А. Маркова.

57. Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской.

58. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній. Соч. А. Воронова.

59. Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. А. Рафаловича.

60. Практическія правила къ руководству при покупкѣ лошадей. Соч. Р. Инсона.

61. Начертаніе русской исторіи. Соч. Н. Устрялова.

62. Указатель замѣчательнѣйшихъ открытій по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, сост. М. Холмскимъ.